Федеральное агентство по культуре и кинематографии
Департамент культуры и архивов Иркутской области
Государственное учреждение культуры
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

РУССКАЯ АМЕРИКА

Материалы III Международной научной конференции «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.)

Иркутск, 2007

УДК 061(571.53)
ББК 94(2)
Р 89

Редакционный совет: канд. филол. наук Г.В. Афанасьева-Медведева, канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин, А.К. Нефедьева, канд. культурологии В.В. Тихонов

Русская Америка: материалы III Международной научной конференции «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.). — Иркутск, 2007. — 564 с.

В сборник включены доклады и сообщения, предоставленные на III Международную научную конференцию «Русская Америка», состоявшуюся в г. Иркутске 8–12 августа 2007 г. Конференция была проведена спустя много лет после Первой и Второй Международных конференций, проводившихся соответственно в 1979 и 1987 гг. в г. Ситка (США, штат Аляска).

ISBN 978-5-91344-064-8 © ГУК АЭМ «Тальцы», 2007

Federal Agency of Culture and Cinematography
Department of Culture and Archives of Irkutsk Region
State Culture Institution
Architectural and Ethnographic Museum «Talci»

RUSSIAN AMERICA

Materials of III International Scientific Conference «Russian America» (Irkutsk, 8–12 August 2007)

Irkutsk, 2007

УДК 061(571.53)
ББК 94(2)
Р 89

Reduction Council: Candidate of Philological Sciences G.V. Afanasieva-Medvedeva; Candidate of Historical Sciences T.A. Kriuchkova; Candidate of Historical Sciences Yu.P. Lykhin; A.K. Nefedieva; Candidate of Cultural Sciences V.V. Tikhonov.

Russian America: Materials of III International Scientific Conference «Russian America» (Irkutsk, 8–12 August 2007). — Irkutsk, 2007. — 564 pages.

The collection contains the reports and information submitted to III International Scientific Conference «Russian America» held in Irkutsk 8–12 August 2007. The Conference was conducted many years after First and Second International Conferences being held in 1979 and 1987, respectively, in Sitka (USA, state of Alaska).

ISBN 978-5-91344-064-8 © AEM «Talci», 2007

Л.В. Белгородская (Красноярск)

Освещение истории открытия, освоения и продажи Аляски в англо-американских энциклопедических изданиях XX в.

Российская историческая наука переживает в последние годы становление новой эпистемологической модели познания прошлого. Среди проблем, привлекающих внимание ученых, можно отметить изучение исторического сознания людей, своеобразно воспринимающего и интерпретирующего как научные сочинения, так и исторические мифы. Историки осознали необходимость расширения проблематики исследований, с тем, чтобы знать, как общество воспринимает плоды развития науки, включают в область исследований коммуникативные связи между историей и современностью, профессиональным сообществом историков и читателями. Если в предыдущие годы историки оперировали преимущественно понятиями «концепция», «теория», то сейчас в центр поставлено «историописание». Такой подход предполагает расширение круга исторических и историографических источников, изменение методов работы с ними. Речь идет, в том числе, об изучении литературы научно-популярного характера, справочных изданий, учебников, ориентации историографов на обновление методов работы с текстом и расширением интерпретацией исторического нарратива [1]. Появились серьезные исследования в области имеджинологии, науки о взаимовосприятии народами друг друга, о механизмах смены тех или иных этнических характеристик, о национальных образах мира. Поучительным представляется обращение к практически не изученным российской исторической наукой зарубежным энциклопедическим изданиям XX в. как с точки зрения оценки динамики смены оценок российского прошлого, так и через призму познания технологий манипулирования общественным историческим сознанием. Справочные издания не случайно называют энциклопедиями стереотипов, они в полной мере воплощают присущие обыденному сознанию представления о других народах и их героях, не просто суммируя сведения, но и выражая отношение к объекту исследования. Издания подобного типа одновременно отражают состояние научного знания на определенный период времени. Известный со-

циолог З.В. Сикевич указывает: «...Любая энциклопедия, словарь, другое справочное издание отражает вольно или невольно не только научное, но и обыденное представление своего времени» [2]. В наше время формирования информационного общества главные особенности справочных изданий — научно-популярный характер материалов, ориентация на выборочное чтение, оперативное обновление информации — выглядит для читателя как несомненные достоинства, делая их одним из наиболее популярных видов издательской продукции.

Тема тем более актуальна, что даже для российской исторической мысли «русско-американская» страница прошлого страны связана с огромным количеством мифов, созданных и в царской России, и в последние годы в новой России. Чего стоит разделяемая почти всем населением мысль, что Аляску продала Екатерина II «за долги царского правительства», или информация о том, что Аляска была сдана в аренду на сто лет, и пора американцам возвратить наши земли. Процитируем слова В.В. Жириновского, прозвучавшие на всю страну: «...И Аляску пусть вернут» [3]. Интерес к теме англо-американской читательской аудитории обусловлен уже чисто географическими причинами. Русская Америка была российским владением на Американском континенте, в течение ста двадцати лет развивавшемся в векторе отечественной имперской модернизации.

Долгое время история Аляски не вызывала глубокого интереса научной общественности Запада и была вне поля зрения массового читателя. «The Encyclopaedia Britannica» в 1911 г. в небольшом очерке «Аляска» акцентировала внимание читательской массы преимущественно на американском этапе истории региона, вместе с тем отметила сохранение памяти о русском присутствии в названиях островов Chicagof (Chichagof?), Baranof, Kupreanof. Автор статьи писал, что до открытия золота в конце XIX в. Аляска не привлекала большого общественного внимания. Библиографический указатель содержал ссылки только на труды американских авторов [4]. Эта же энциклопедия в издании 1929 г. писала об исключительно большом вкладе испанских, английских, французских мореплавателей в изучение побережья Аляски. Исторический материал подавался так, что читатель утверждался в мысли, что лишь русским, привыкшим жить в очень суровых климатических условиях, могла прийти в голову мысль колонизовать этот край. Задача эта оказалась им по плечу. Определенное внимание было уделено деятельности Российско-американской компании. Главным мотивом приобретения новых земель американской стороной был назван растущий интерес американской стороны к развитию рыболовства на северо-западе континента [5].

До 1940–1950-х гг. в Америке не выходило крупных научных исследований по истории Русской Америки, едва ли не единствен-

ным исключением стала переведенная на английский язык книга С.Б. Окуня «Российско-американская компания» (М.; Л., 1939). Эта книга, согласно данным американских справочников, вышла в свет только в 1951 г. В период расцвета советологии в годы «холодной войны» был популярен тезис о том, что американцы ловко провели русских в 1867 г., и только они смогли экономически и культурно облагородить и привести к социальному благополучию жителей большого региона. В эти же годы осознавалось военно-стратегическое значение Аляски. Историк Е.В. Алексеева приводит примечательные слова современника: «Где встретятся противники в случае войны между США и Россией? Не на Западе, а на Севере, т. е. на Аляске... Стратегическое значение Аляски стало особенно ясно после Второй мировой войны и действий в Японии» [6].

В послевоенные годы универсальные энциклопедии традиционно ограничивались статьями-справками «Аляска», «Российско-американская компания», «Продажа Аляски». В 1970–1980-х гг. в Соединенных Штатах выпущено многотомное издание «The Modern Encyclopedia of Russia and the Soviet History». В нем помещены большая статья «Аляска», содержательный материал А. Чью «Русские в Калифорнии» и ряд биографических материалов, связанных с темой «Русские и Аляска» [7]. В 15-м издании «Британской энциклопедии» (периодически обновляясь, оно выходит с 1974 г. до наших дней) помещено несколько материалов, в том числе по персоналиям, имеющим отношение к теме. Новейшая библиография крупных зарубежных работ по теме весьма значительна. Исследователь Ричард Пирс опубликовал в 1990 г. очень содержательную и тщательно выверенную книгу «Русская Америка: биографический словарь». В ней автор указал на наиболее серьезные научные исследования по теме «История Аляски». В списке представлено 35 работ. В этом специальном исследовании использована информация из книг, хранящихся в библиотеке университета штата Аляска, материалы из Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), Библиотеки им. В.И. Ленина в Москве, архивов Советского Союза, документальных фондов Исторического музея Аляски. Автор внимательно изучил все крупнейшие энциклопедии России и Советского Союза: от Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и Русского биографического словаря до Большой Советской энциклопедии разных изданий.

Распад Советского Союза вызвал новую волну интереса к истории Российской империи, умевшей снимать межэтнические противоречия и строить отношения с окраинами чаще на основе принципов толерантности и этнической терпимости. Двухсотлетие установления дипломатических отношений России и США, 200-летие со дня смерти Н.П. Резанова, 140-летие продажи Русской Америки США, отмечаемые в 2007 г., позволяют привлечь дополнительное

внимание читателей к теме и развеять часть исторических мифов, живущих в сознании россиян и иностранцев.

Справочные издания информировали читателей, что более ста лет нынешняя Аляска называлась Русской Америкой, и только после ее покупки правительство США решило переименовать новые земли. Устойчивое сочетание «Русская Америка», хранящее память о прошлом, входит в словники всех современных справочных изданий. Правительство поддержало предложение сенатора Чарльза Самнера взять за основу алеутское слово «al-ay-ek-sha», что в переводе на английский язык значит «mainland» (материк, большая земля) или, по версии других изданий, «peninsula» (полуостров) [8]. Издания конца прошлого века сообщали о блестящих находках российских археологов, доказавших, что первыми жителями Американского континента были предки современных сибиряков. Именно они совершили переход по льду через Берингов пролив 20 тыс. лет назад и успешно колонизовали целый континент. Ряд изданий связывают начало миграции сибиряков с более ранними событиями (40 тыс. лет назад), другие полагают, что процесс миграции начался позднее — не ранее 15–17 тыс. лет назад [9].

До сведения читателей доводилась информация о выдающемся успехе Семена Дежнева, который еще в 1628 г. прошел через пролив, разделяющий два континента, и дал импульс к дальнейшей русской экспансии на Восток, начатой еще царем Иваном IV. Особенно подчеркивается роль плаваний датчанина (в последние десятилетия делается упор именно на этнические корни, а не на российское подданство Витуса Беринга), который проплыл через пролив, названный позднее его именем, а в 1741 г. осуществил новую, совместную с А.И. Чириковым, экспедицию к берегам Нового Света. В годы «холодной войны» отдельные издания (например, энциклопедия «Американа») иронически и даже в кавычках писали об «открытии» Аляски Берингом [10]. Ирония здесь неуместна, поскольку, следуя этой логике, и Колумб не был открывателем Американского континента, поскольку викинги знали эти земли уже в X в. н. э. Это же издание писало в 1963 г., что, строго говоря, ничего существенного не стало результатом этой экспедиции за исключением открытия Берингова моря и организации добычи меха голубых лисиц, нужного для активизации торговли с Китаем [11]. Подобная оценка явно выглядит заниженной. Не случайно, опасаясь расширения русской экспансии и видя успехи в колонизации континента, Испания и Великобритания, по информации западных справочных изданий 1960-х гг., начали активную экспансию, двигаясь по Американскому континенту от Атлантики к Тихому океану. Безусловно, эта группа стран имела самостоятельный политический и экономический интерес к этим землям, усилившийся под влиянием успехов российских мореплавателей и купцов-предпринимателей.

Начало активной русской колонизации континента научно-популярные издания относят к 1784 г., времени, когда русские основали «первое европейское поселение» в Северной Америке. Ряд изданий называют этот год началом существования единственной классической, т. е. заморской, колонии Российской империи [12].

Одной из главных задач, решаемых авторами материалов в популярных изданиях, является выяснение мотивов продвижения русских на другой континент. Разброс мнений очень велик — от научно-исследовательского интереса колонистов и мореплавателей к новым землям, квалификации русских путешествий как великих географических открытий до организации охоты на ценного своим мехом бобра (калана), распространения ценностей христианства среди языческих народов, поиска свободы в новых землях.

Если же в изданиях идет речь об участии российских подданных в колонизации Американского континента с востока на запад, то в конце прошлого века стали активно писать об участии белорусов в создании первой английской колонии Виржиния на Американском континенте. Сообщается даже об успешной поездке в Белоруссию будущего ее правителя капитана Смита в 1603 г. для поиска колонистов-добровольцев [13].

Отношения русских с аборигенами складывались по-разному: в публикациях в период осложнения взаимоотношений Советского Союза и США часто упор делался на противоречия и сложности в организации диалога. «За одно поколение все Алеутские острова и остров Кодьяк были заселены русскими, — писал автор «Американы» 1963 г. — Местные жители были истреблены или обращены в рабство или были вынуждены платить дань» («Within a generation, all of the Aleutian native inhabitants being destroyed, reduced to slavery, or forced to pay tribute») [14]. Крупнейшая американская энциклопедия писала в 1969 г. о полном хаосе, который царил на землях алеутов при русском правлении, читатели получали информацию о том, что разные группы сибирских охотников безжалостно уничтожали друг друга в борьбе за ценную пушнину [15].

Начиная с 1970-х гг., в связи с политикой разрядки, укреплением ревизионистского направления в американской и британской русистике, авторы стали больше отмечать цивилизаторскую роль русских на Американском континенте, указывать труды российских ученых в библиографических указателях, сообщать о единой роли подвижной границы в истории России и Америки. Современные историки Аляски приводят не только неоспоримые сведения о жестокости русских колонистов в отношении аборигенов, но и многочисленные примеры налаживания добрых отношений русских с алеутами и сведения об использовании их знаний для организации коммерческой деятельности, даже о природоохранных мероприятиях русских колонистов. Русское население никогда не

было многочисленным и в самые лучшие времена едва дотягивало до цифры 800, поэтому поиск диалога был просто жизненной необходимостью. Даже Г.И. Шелихов, прославившийся исключительной жесткостью в отношении индейцев, уехав из Аляски в Россию (1786), взял с собой 12 алеутских мальчиков для обучения наукам и русскому языку. Эту информацию приводит в биографическом словаре исследователь Ричард Пирс. Екатерина Великая проявляла большой интерес к жителям новых русских земель, и по ее распоряжению в Петербург был доставлен алеут Осип Арсеньевич Кузнецов (сын главы местной власти). Он сам имел большое желание изучить хорошо русский язык и «увидеть императрицу, управляющую столь обширными землями и разными народами» («...to see the Empress, sovereign of so many lands and peoples»). То же издание сообщает, что алеут съездил и в Москву по распоряжению императрицы, где имел беседу со знаменитым историком Г. Миллером, специально изучавшим историю освоения русскими тихоокеанского побережья Америки. Хотя автор словаря заключает, что история о встрече алеутского мальчика и императрицы больше похожа на исторический курьез, она производила сильное впечатление на читателя [16]. Екатерина Великая, обладая геополитическим мышлением, хорошо понимала значение новой колонии в формировании новой политической карты мира. Она приказала, согласно данным словаря Пирса, отдавать приоритет только русским топонимам в Русской Америке, категорически запретила использовать английские названия, данные капитаном Куком.

Главной страницей истории Русской Америки, без сомнения, была история Российско-американской компании, осуществлявшей деятельность с 1799 по 1867 г.

Энциклопедические издания часто проводили параллели между деятельностью российской компании и аналогичными западными структурами, например, компаниями Гудзонова залива, Ост-Индскими Великобритании, Нидерландов и Франции. «Оксфордская иллюстрированная энциклопедия» прямо пишет, что подобные компании способствовали становлению крупных европейских империй: «Ост-Индская компания — чартерная компания лондонских купцов, которая за два с половиной в. превратила торговые концессии в Азии в мощную империю с центром в Индии» [17]. «Британника» в начале XX в. писала, что самостоятельность русской компании была столь высока, а контроль властей столь незначителен, что ее можно считать полуофициальной корпорацией («semi-official corporation») [18]. Авторы «Американской энциклопедии» высказали читателям свое мнение о роли компании в истории самой далекой части Российской империи. Это было не столько коммерческое предприятие в чистом виде, сколько особый вид управления колонией. И далее: «Флот снабжал правителями

и управленцами Русскую Америку, коммерческая предпринимательская деятельность только со временем стала главным направлением их деятельности в колонии» [19]. Действительно, с 1861 по 1867 г. территория Аляски и Алеутских островов уже находилась под прямым управлением правительства Российской империи. Более поздние издания подчеркивали авторитарный характер политического режима в России и чисто номинативную самостоятельность компании на протяжении всей истории существования Русской Америки.

Достаточно детально энциклопедические издания описывали хозяйственную деятельность компании, связанную с заготовкой пушнины, рыбы, добычей слюды и нефти. С 1854 г. Калифорнийская компания стала импортировать лед с Аляски. Об этом необычном виде деятельности пишут все издания, даже рассчитанные на молодежную читательскую публику. Не менее важным для региона, сообщала «Британника», было изучение в 1864 г. американской компанией перспектив прокладывания телеграфного кабеля между Америкой и Европой: «...через Амур в Сибири к Берингову проливу и через Аляску в британскую Колумбию» («...from the Amur river in Siberia to Bering Strait, and through Alaska to British Columbia») [20]. К сожалению, поддержку получил иной план: проложить кабель через Атлантику, что сделало «русский проект» коммерчески неинтересным для американской стороны, исследовательские работы полностью прекратились.

В начале XIX в. русские утвердились и в более южных районах Америки, пишет автор статьи в энциклопедическом издании «Русские в Калифорнии». Форт Росс был быстро возведен в 1812 г. 95 русскими при поддержке 80 алеутов на площади в 2 мили в длину и в 0,5 мили в ширину. Протекающую рядом речку сразу из патриотических соображений назвали Славянкой. Предприимчивые колонисты быстро наладили добычу яиц чаек, научились добывать морских львов, котиков, отдельную страницу составляет российский опыт землепашества и огородничества в Калифорнии. Новейшие исследования по истории Русской Америки подтверждают правомерность выводов об успешности деятельности колонистов по хозяйственному освоению Русской Калифорнии. «Двадцатидевятилетнее русское пребывание в Калифорнии закончилось получением русской стороной 30 тыс. долл.», — несколько иронично заключает автор в конце статьи. Как будто год эксплуатации территории обошелся Америке всего в 1 тыс. долл. [21]. Современные российские историки приводят сведения о более крупной сумме сделки.

Значительное внимание зарубежные издания уделяют персоналиям руководителей и организаторов Российско-американской компании. Монопольное право на торговую деятельность на Аляске получил Шелихов еще в 1788 г. Его преемник Баранов основал столицу

Русской Америки Ситку в 1804 г. В 1812 г. севернее Сан-Франциско им был основан другой крупный русский город Форт Росс, остававшийся в российской юрисдикции до 1844 г. Р. Пирс дал в словаре сотни словесных портретов людей, связанных с историей Русской Америки. Среди них много россиян — это монархи, вынашивавшие планы расширения империи, мореплаватели, совершившие успешные экспедиции, управляющие Российско-американской компанией — Кондратий Рылеев, Иван Завалишин, Александр Баранов, Григорий Шелихов и др. Наиболее успешным руководителем Российско-американской компании за всю ее историю, по единодушному мнению всех изданий, был А.А. Баранов. По свидетельству авторитетного американского энциклопедического издания по истории Российской империи и Советского Союза, он достоин высокого места среди выдающихся организаторов великих Ост-Индских компаний европейских стран. Этот человек блестяще наладил производство, нашел общий язык с коренным населением Аляски и даже в жены взял дочь главы местного племени. Его традиционно относят к числу блестящих лиц в истории Аляски за всю ее историю [22].

Особое место отводится в зарубежных изданиях судьбе и политической карьере Николая Петровича Резанова — «излишне поэтизированного русскими честолюбивого карьериста», по утверждению «Британники». Ему удалось принять участие в кругосветном плаванье, улучшить функционирование компании. Описывая историю любви блестящего камергера к пятнадцатилетней дочери коменданта испанской крепости Концепции Аргуэлло, «Словарь политической биографии» («A Dictionary of Political Biography») и другие издания также пишут об излишнем приукрашивании и романтизации этой истории российскими авторами. Поездка Николая Резанова в Петербург была связана не столько с хлопотами по получению разрешения на женитьбу православного христианина на католичке. Главным для Резанова было отстаивание в Петербурге идеи российско-испанского договора о сотрудничестве или стремление подтолкнуть власти к военному конфликту с Японией для укрепления геополитического положения империи на Тихом океане [23]. В 1807 г. по дороге в столицу Николай Петрович сильно простудился и умер в Красноярске. Он был похоронен у Воскресенского собора, в 1935 г. собор разрушен, могила разорена. Справедливо звучит упрек американского автора: «Никто из русских ученых не создал достойную биографию Резанова. Все фрагментарно и неполно» [24]. Даже в качественном справочном издании — «Енисейском энциклопедическом словаре» (Красноярск, 1998) — незаурядной личности посвящено лишь шесть строчек. Ричард Пирс с гордостью пишет о том, что на Аляске помнят о Резанове — там расположено Резановское озеро, улица Резанова есть в Анкоридже, американские историки изучают судьбы потомков

знаменитого камергера. Чего стоит, например, биография его брата-кавалериста, верно служившего монархии и прожившего около 100 лет. Достижения россиян много скромнее, хотя бы потому, что даже место перезахоронения государственного деятеля в Красноярске не установлено точно до сих пор, нет научной биографии российского государственного деятеля.

Продажа Аляски Соединенным Штатам Америки часто подается зарубежными научно-популярными изданиями через призму решения вопросов «Кто кого обманул?», «Какими мотивами руководствовались обе стороны, заключая сделку?» Наиболее часто указывается на желание российских властей наладить отношения с Америкой, опасение усиления Великобритании в случае попадания Аляски в сферу геополитического влияния этой империи. Указывается и на желание российской стороны поправить финансовые дела в случае удачной продажи территории. Издания отмечают исключительную прозорливость госсекретаря США Сьюарда, почувствовавшего первым необходимость приобретения «ледяного ящика» (ice-box) и отвергавшего обвинения в приобретении «Джонсоновского сада полярного медведя» («Jonson`s polar bear garden»). Любимый сюжет зарубежных изданий — подсчет упущенной выгоды российской стороны. В начале века «Британская энциклопедия» писала с удивлением и иронией, что купленная за 7 млн 200 тыс. долл. Аляска только за период с 1867 по 1903 г. принесла американской казне чистого дохода в размере 9 555 909 долл. Новейшее издание — «Оксфордская иллюстрированная энциклопедия» сообщает в материале «Покупка Аляски», что русские получили лишь по 5 центов за 1 га проданной земли. Отдельные издания указывают, что цена гектара земли не превышала 2 центов, другие пишут о 2 центах за акр земли. Н. Дэвис приводит не вполне точные сведения о сумме сделки в труде «История Европы»: «Аляска была продана за сущий пустяк — 8 млн долларов» [25]. В не имеющем аналогов в отечественной библиографии американском справочном издании Дж. Хэтч «Американская книга памятных дней» («American Book of Days»), выдержавшем несколько переизданий, содержится информация о трех праздниках, связанных с вхождением Аляски в состав США [26]. 30 марта американцы отмечают День Сьюарда. Еще в 1903 г., сообщает издание, в Америке появился город Сьюард в честь прозорливого государственного деятеля. 18 октября и 3 января празднуется День Аляски. Ежегодно в Ситке — бывшей столице Русской Америки, проходит трехдневный фестиваль. Особенно пышными торжества были в год столетия покупки американцами Аляски. Торжества растянулись на два года, чему организаторы нашли логичное объяснение. Раз русские получили причитающуюся сумму только в 1868 г., то и праздничные торжества можно проводить столь долго. Участники юбилейных

торжеств в 1967–1968 гг. могли на короткое время превратиться в золотоискателей, причем намытое золото, в случае успеха, оставалось у участника праздника в качестве памятного сувенира. Была отлита бронзовая юбилейная медаль в честь 100-летия покупки Аляски. Многое в этой энциклопедии праздничных дней вызывает чувство горечи за решение царского правительства. И то, что на Аляске через пять лет после покупки американцы нашли значительные запасы золота, и то, что выплата очень скромной суммы произошла только через год, и то, что русские жители Аляски день передачи территории воспринимали как очень печальное событие. Последний правитель Русской Америки Дмитрий Максутов, сообщает справочник, категорически не разрешал 250 американцам, прибывшим на церемонию передачи, высадиться на русский берег. Десять дней ждали утомленные трехнедельной поездкой будущие хозяева Русской Америки разрешения сойти на сушу. Во время очень скромной церемонии передачи территории США при спуске царского флага порыв ветра бросил полотнище на штыки караула, разорванный символ России вручили плачущей жене последнего правителя Аляски Д.П. Максутова. Действительно, во время спуска русского флага веревка застопорилась на флагштоке и была срезана русским солдатом, забравшимся наверх. Русский флаг упал на американские штыки. По информации издания, все участники церемонии с русской стороны сочли событие очень печальным («..the Russians found the occasion a sad one») [27]. В ходе ежегодных торжеств по случаю покупки земли обязательно повторяется ритуал спуска русского императорского флага. Новая земля скоро получила название Аляска, чем была поставлена последняя точка в долгой истории Русской Америки.

Итак, история русской колонизации Североамериканского континента нашла отражение на страницах английских и американских научно-популярных изданий. Справочники и энциклопедии описывали историю открытия Аляски, особенности управления единственной заморской колонии России, находили общие черты и отличия по сравнению с Ост-Индскими компаниями, компанией Гудзонова залива. Широк круг персоналий, которые получили отражение в материалах научно-популярных изданий, связанных с историей Русской Америки. Периоды напряженных внешнеполитических отношений влияли на характер публикаций и тон материалов. Но даже в эти годы выводы и данные российских исследователей находили отражение в печатных трудах для массового зарубежного читателя, что свидетельствует об уважении зарубежных авторов и книгоиздателей к тем, кого занимала история Аляски.

Примечания

1. См.: Володина Т.А. Учебники по отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. // История и историки: историографический вестник. М., 2005. С. 104–110.

2. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. М., 1996. С. 17.

3. Известия. 1997. 10 дек.

4. Alaska // The Encyclopaedia Britannica. 1911. V. 1. P. 477–478.

5. Alaska // The Encyclopaedia Britannica. 1929. V. 1. P. 1929.

6. Цит. по: Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998. С. 121.

7. Alaska // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. V. 1. 1976. P. 95–97; California, Russians in // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. V. 6. 1978. P. 90–93.

8. Alaska // The World Book Encyclopedia. Chicago, 1946. V. 1. P. 166; Alaska // The Encyclopaedia Britannica. V. 1. 1929. P. 504.

9. Alaska // The Encyclopedia Americana. 1963. V. 1. P. 323 d; Oxford Guide to British and American Culture. Oxford University Press, 2001. P. 50.

10. Alaska // The Encyclopedia Americana. N. Y., 1963. V. 1. P. 323 d.

11. Alaska // The Encyclopedia Americana. 1969. V. 1. P. 470–472.

12. Alaska // The Encyclopedia Americana. N. Y., 1963. V. 1. P. 323 d.

13. Belarusian Americans // Gale Encyclopedia of Multicultural America. Detroit, 1995. V. 1. P. 177.

14. Alaska // The Encyclopedia Americana. N. Y., 1963. V. 1. P. 323 d.

15. Alaska // The Encyclopedia Americana. 1969. V. 1. P. 470–472.

16. Piers R. Russian America: a Biographical Dictionary. Fairbanks, 1990. P. 555.

17. Ост-Индская компания // Оксфордская иллюстрированная энциклопедия: пер. с англ. М., 1999. Т. 3. С. 241–242.

18. Alaska // Encyclopaedia Britannica. 1911. V. 1. P. 477.

19. Alaska // The Encyclopedia Americana. 1963. V. 1. P. 323 e.

20. Alaska // Encyclopaedia Britannica. 1911. V. 1. P. 477.

21. California, Russians in // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. V. 6. 1978. P. 90–93; см.: Гибсон Дж. Экономика Русской Калифорнии // Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: в 2 т. М., 2005. Т. 1. С. 47–53.

22. Baranov // The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History. 1977. V. 3. P. 88–92.

23. Rezanov, N.P. // Encyclopaedia Britannica. 2002. V. 10. P. 15–16; Rezanov, N. P. // A Dictionary of Political Biography. Oxford University Press, 1998 // http: //www/oxfordreference.com/9/12/2004.

24. Piers R. Op. cit. P. 420.

25. Покупка Аляски // Оксфордская иллюстрированная энциклопедия: пер. с англ. М., 2002. Т. 4. С. 10; Дэвис Н. История Европы. М., 2005. С.

26. Hatch J.M. The American Book of Days. N. Y., 1978. P. 309–310, 935.

27. Ibid. P. 309, 310, 936.

С.Б. Белоглазова (Владивосток)

Социальные аспекты деятельности Российско-американской компании: проблема сохранения общественного здоровья*

Социальные аспекты деятельности Российско-американской компании (РАК), в частности, создание системы здравоохранения европейского типа и организация медицинской помощи населению русских колоний на Аляске является пока еще малоисследованной проблемой. В статье будет рассмотрен начальный этап истории становления системы здравоохранения в Русской Америке.

Довольно долго жители колоний не получали квалифицированной медицинской помощи. С организацией кругосветных плаваний такая возможность у них появилась. Прибывавшие на Аляску в составе экипажей судовые врачи лечили во время стоянок или зимовок не только русских колонистов, но и местных жителей, состоявших на службе в компании. Известны случаи, когда пребывание судовых врачей в колониях оказывалось довольно продолжительным. Так, американский исследователь Р. Фортьин в качестве примера приводит факты зимовки доктора К. Мордгорста вместе с экипажем «Невы» на Кадьяке в 1807–1808 гг. и почти шестнадцатимесячное (с июля 1817 по ноябрь 1818 г.) пребывание доктора В.Ф. Берви в столице Русской Америки Ново-Архангельске [1]. Однако эти эпизоды не решали проблему сохранения общественного здоровья в принципе, т. к. судовые врачи были ограничены сроками пребывания и местами стоянок кораблей, а запасов лекарственных средств, которыми они располагали, не хватало для оказания помощи всем нуждающимся.

Первой попыткой директоров компании наладить в колониях постоянную медицинскую помощь была отправка туда еще во времена А.А. Баранова доктора Е.Н. Шеффера [2]. Доктор медицины Егор Николаевич Шеффер поступил на службу в РАК в 1813 г. В Русскую Америку прибыл на корабле «Суворов» в ноябре 1814 г. в должности судового врача. Работал в Ново-Архангельске, но уже в 1815 г. покинул колонии и остался в истории Русской Америки как авантюрист, попытавшийся в 1815–1817 гг. создать русские селе-

* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН 05-III-Е-11-023.

ния и фактории на Гавайских островах. Несмотря на первую неудачу, решение директоров компании обеспечивать колонии кадрами профессионалов, в первую очередь за счет отправки туда врачей, поступивших на службу в РАК, осталось в силе.

Начальный этап становления здравоохранения в Русской Америке непосредственно связан с деятельностью Матвея Ивановича Муравьева, который был Главным правителем Русской Америки с IX. 1820 по VII. 1825 г. Он принял колонии в сложный период. Во время инспекции Кадьякского отдела летом 1821 г. М.И. Муравьев удрученно констатировал, что «в Кадьяке так же, как и в Ситхи все валится, однако ж не в такой еще ветхости... но что хуже ситхинскова, то дряхлость людей, ибо во всей Павловской гавани я нашел 4 человек, способных работать, и почти одне креолы и каюры исполняют все службы. Русские все стары или хворы» [3].

После сентябрьского 1821 г. указа императора Александра I положение в русских колониях еще более осложнилось. Запрещение торговли с иностранцами, на котором так долго настаивало Главное правление РАК, привело к кризису снабжения жителей колоний продовольственными товарами. Нависла угроза голода, а кругосветные экспедиции в 1822–1823 гг. в Русскую Америку не отправлялись. «В ноябре месяце (1823 г. — *С. Б.*) не только промышленные, но и не один чиновник не будет иметь чашки чаю, — писал Муравьев. — Я уже по утру перестал пить чай, хотя эту привычку имел 25 лет. Хлеба в Ново-Архангельске осталось от 1 ноября на восемь месяцев с большим ограничением; других провизий мало; в Кадьяке, Уналашке и прочих местах — до июня 1824 г.» [4].

Тем не менее уже с первых месяцев пребывания в Русской Америке М.И. Муравьев занялся организацией медицинской помощи жителям колоний. В марте 1820 г. на службу в РАК поступил доктор Василий Волков, который, вероятно, прибыл в Ново-Архангельск уже в конце этого года. Он передал М.И. Муравьеву распоряжение директоров компании открыть в Ново-Архангельске постоянную больницу (госпиталь) [5].

4 декабря 1820 г. М.И. Муравьев утвердил штат вещей, выделяемых больнице. На каждого больного полагался комплект одежды, включавший холщовую рубашку, теплый халат, шерстяной колпак и шерстяные чулки, постельные принадлежности (парусинный тюфяк из шерсти, подушка, холщовая простынь и наволочка, байковое одеяло), предметы для личной гигиены (рукомойник, урильник, таз, полоскательная чашка) и посуда [6]. С небольшими изменениями такие штаты утверждались в дальнейшем и для других больниц в Русской Америке. Штат новоархангельского госпиталя был рассчитан на 8 койко-мест для стационарных больных. Амбулаторные больные приходили по утрам в больницу для получения лекарств.

Содержание медицинских учреждений, обеспечение лекарс-

твенными препаратами, а также питание больных в стационаре осуществлялись за счет средств компании [7]. Оплата производилась через контору Ново-Архангельского отдела РАК. Деньги на здравоохранение выделялись из «специального капитала в пользу бедных», который формировался на основании постановления РАК от 29.03.1802 г. В «специальный капитал» отчислялись 0,5 % от суммы прибылей компании, а также суммы из разных статей, не входивших в капитал колоний: 5 % от аукционов, «случающихся при отъезде чиновников из колоний» и средств, вырученных от продажи конфискованных у чиновников и промышленных излишков мехов, присвоенных ими «в противность высочайше дарованных привилегий» [8].

Вначале под больницу и открытую при ней аптеку М.И. Муравьев передал часть своего дома [9]. По данным Р. Фортьюина, строительство помещений под госпиталь началось в 1821 г. [10]. Построенное здание было двухэтажным, деревянным, длиной около 63 футов (19 м) и вмещало больничную палату, аптеку, квартиры для доктора и священника, канцелярию и две комнаты для служащих. Однако в сыром климате Ситхи деревянные строения долго не выдерживали и быстро приходили в негодность, подвергаясь гниению и другим напастям. Уже зимой 1822 г. возникла необходимость ремонтировать больницу и аптеку, стены которых во многих местах оказались изъедены крысами [11]. С 1825 г. под аптеку и для больничного персонала отвели три комнаты.

Номенклатура лекарств в новоархангельской больнице не уступала ни количеством, ни ассортиментом лучшим медицинским учреждениям уездного города, набор хирургических и анатомических инструментов отвечал современным требованиям [12].

Внятная кадровая политика прослеживается с 1821 г., когда на службу в колонии поступили два высококвалифицированных специалиста — хирург Василий Федорович Берви и фельдшер Наум Игнатьевич Ермолаев. В.Ф. Берви в 1816 г. окончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге и служил судовым врачом на кораблях РАК «Суворов» и «Кутузов». Во время своего первого посещения Русской Америки получил хорошую медицинскую практику и знание местных условий. Почти три года возглавлял больницу в Ново-Архангельске. В 1823 г. вернулся в Россию, где в 1827 г. защитил докторскую диссертацию и в дальнейшем преподавал в Казанском университете, в 1832 г. получил профессорскую кафедру [13]. Н.И. Ермолаев до поступления в мае 1821 г. на службу в РАК работал фельдшером в общественной женской больнице в Кронштадте. Первый этап службы в колониях с 1.V.1821 г. по 17.II.1826 г., видимо, провел в Павловской Гавани на Кадьяке, возглавляя построенную там М.И. Муравьевым больницу [14].

М.И. Муравьев высоко оценивал профессиональные качества

В.Ф. Берви и его деятельность на поприще сохранения общественного здоровья. Исключительно положительные отзывы о работе Н.И. Ермолаева оставили П.Е. Чистяков и Ф.П. Врангель. В 1825 г. Н.И. Ермолаев был произведен в офицеры [15]. Что же касается доктора В. Волкова, то, по всей вероятности, ему мало что удалось сделать, т. к. он заболел психическим расстройством, о чем в письме от 23 декабря 1821 г. М.И. Муравьев сообщал директорам компании: «лекарь г-н Волков, который со мной находится, впал в жестокую болезнь и именно мелонхолиею» [16], а в 1822 г. он уехал из Русской Америки.

Также есть сведения, что 24 февраля 1825 г. на шлюпе «Предприятие» в колонии прибыли еще два врача [17]. Кроме того, дирекция РАК рекомендовала докторам подбирать себе в помощь и для обучения способных мальчиков-креолов с тем, чтобы они в дальнейшем могли оказывать медицинские услуги населению в других отделах колоний.

Документальное упоминание о больнице на Кадьяке относится ко времени пребывания (июнь 1821 г. — *С. Б.*) М.И. Муравьева в Павловской Гавани. «Госпиталь на Кадьяке почти не существовал. Он походил на богадельню. Ето привело меня в замешательство», — писал он об увиденном там [18]. Историк Русской Америки К.Т. Хлебников отмечал, что больница в Павловской Гавани появилась благодаря именно М.И. Муравьеву, который приказал занять один из компанейских домов для призрения больных и составил штат на 10 человек [19]. Лекарства для больницы поступали из аптеки в Ново-Архангельске.

Существует версия, что десятикоечная больница на Кадьяке появилась между 1818 и 1820 гг. [20], но эта датировка вызывает сомнение. Возможно, она подсказана информацией, содержащейся в предписании Главного правления РАК С.И. Яновскому от 17 сентября 1819 г. о благотворительных заведениях в Русской Америке. В нем, в частности, говорится об открытии для престарелых и больных служителей компании благотворительного заведения на Кадьяке: «не оставьте учредить заведение и о всех сих составить штаты и на утверждение прислать в Правление Компании. На первое время капитал... должен быть употреблен на сие согласно с проэктом г-на Гагемейстера, предписания коего о призрении бедных подтверждаются» [21]. Можно предположить, что именно это благотворительное заведение и увидел тогда М.И. Муравьев.

Оценивая деятельность М.И. Муравьева на посту Главного правителя колоний, исследователи вполне справедливо называют его «строителем» [22]. Сменивший его Петр Егорович Чистяков (XII. 1825 – IX. 1830 г.) направил основные усилия на расширение сети здравоохранения за счет открытия дополнительных медицинских учреждений в других селениях Русской Америки, где имелись кон-

торы РАК. Директора компании опасались уменьшения прибылей, и ему пришлось убеждать их в том, что понесенные расходы окупятся впоследствии самым главным капиталом компании — «сбережением алеут» и русских. Тем более, что Главное правление в постановлении от 14 декабря 1820 г. взяло на себя обязательство предоставлять служащим РАК медицинские услуги за счет средств компании [23].

При П.Е. Чистякове в 1827 г. в сел. Иллюлюк на Уналашке открылась больница со стационаром на 8 койко-мест. Так как Уналашка остров безлесый, то лесо- и пиломатериалы для больничного здания пришлось завозить из других мест. В том же 1827 г. госпиталь в Ново-Архангельске расширили до 20 койко-мест [24]. В 1829 г. открылась больница на Атхе, предположительно с таким же штатом, как и на Уналашке (т. е. на 8 койко-мест).

С конца сентября 1825 г. по 1827 г. госпиталь в Ново-Архангельске возглавлял Симон Николаевич Беневский [25]. У него было четыре ученика из креолов, которых он обучал «медицине, анатомии и хирургии» [26]. С 1827 г. лекарский ученик Степан Рысьев руководил больницей на Уналашке, другой ученик С.Н. Беневского работал в Павловской Гавани на Кадьяке [27]. Возможно, именно он сменил Н.И. Ермолаева, уволившегося от службы в РАК 17 февраля 1826 г. Однако он не обладал достаточной квалификацией и не пользовался популярностью у русских и алеутов, которые предпочитали лечиться домашними средствами. Ему пришлось бороться с эпидемией на Кадьяке и Афогнаке в ноябре 1827 – феврале 1828 г., во время которой умерло 158 чел. [28]. Первые больные появились в Трехсвятительском селении, где отмечена самая большая смертность. В основном болели природные жители острова, креолы болели мало, русские не болели вовсе. Болезнь «начиналась кашлем с извержением крови, потом стеснение в груди, головная боль, нестерпимое колотье, сопровождаемое обмороком и бредом» [29].

П.Е. Чистяков сожалел, что с отъездом Н.И. Ермолаева ситуация с медицинским обслуживанием на Кадьяке ухудшилась. В своем письме в Главное правление РАК от 30.04.1828 г. он специально отметил, что «фершал Ермолаев лечил удачнее нынешняго доктора» [30]. Со временем у С.Н. Беневского начали проявляться признаки душевного расстройства. В мае 1828 г. П.Е. Чистяков отстранил его от должности и на компанейском бриге «Байкал» отправил в Россию. После увольнения доктора госпиталь в Ново-Архангельске возглавил его ученик креол Репин, который «был удачливее в лечении», чем учитель [31].

В сентябре 1828 г., к радости Чистякова, в колонии вернулся Н.И. Ермолаев вместе с женой, которая стала работать в новоархангельской больнице «повивальной бабкой» (акушеркой) [32]. Ольга

Ермолаева, по всей видимости, является первой профессиональной акушеркой в русских колониях. С ее приездом русские женщины и аборигенки начали получать медицинскую помощь при родах. Н.И. Ермолаев привез в колонии вакцину против оспы, которую привили 298 чел. на Ситхе и на Кадьяке [33]. При нем резко снизились показатели заболеваемости среди жителей Ново-Архангельска.

Н.И. Ермолаев и О. Ермолаева окончательно уволились от службы в РАК в 1834 г. Заслуги их по сохранению общественного здоровья несомненны. П.Е. Чистяков специально отметил, что «с посылкою г-на Ермолаева с женою... и особенно после Беневского Главное правление зделало совершенно для здешняго края неожиданное благодеяние» [34].

Пятилетие правления Фердинанда Петровича Врангеля (IX. 1830 – X. 1835 г.) охарактеризовалось, в частности, попытками проведения некоторых социально-экономических реформ, направленных на облегчение жизни населения колоний, включая развитие материальной базы здравоохранения и профилактику заболеваний.

Госпиталь в Ново-Архангельске получил статус центральной больницы колоний. К.Т. Хлебников отмечал образцовый порядок в центральной больнице и расположенной при ней аптеке. Главный врач новоархангельского госпиталя регулярно осматривал и ревизовал медицинские учреждения в отделах. Врачи, практиковавшие в больницах отделов, также периодически объезжали подведомственные им территории для оказания помощи нуждающимся. Таким способом координировалась деятельность всех лечебных учреждений колоний.

В 1832 г. главный врач колоний Г.В. Мейер посетил все туземные селения на Кадьяке с целью профилактического осмотра их жителей [35]. Нуждающиеся получили медицинскую помощь на местах. В тяжелых случаях больных отправляли в больницу в Павловской Гавани. Во время этого рейда было выявлено много венерических больных, поэтому в 1832–1834 гг. особое внимание уделялось борьбе с венерическими заболеваниями [36].

Ситуация с медицинским обслуживанием Кадьякского отдела в этот период значительно улучшилась. Больница в Павловской Гавани в 1832 г. получила новое отдельное здание на 25 мест, при ней открылись мужское и женское отделения. В 1833 г. учреждение возглавил Н.И. Ермолаев, который сумел наладить его работу. Посетителей поражали порядок, хорошее качество пищи и чистота, царившие здесь [37].

В 1833 г. появилось новое лечебное учреждение. При целебных горячих источниках недалеко от Озерского редута, расположенного в 20 км от Ново-Архангельска, компания оборудовала что-то вроде санатория для лечения больных ревматизмом, артритом и другими заболеваниями опорно-двигательной системы.

Жизнеспособность созданной в колониях системы здравоохранения была проверена великой эпидемией оспы в 1835–1840 гг. Эти драматические события достаточно полно освещены в литературе [38]. Эпидемия практически не затронула русских и креолов. Однако потери среди коренных жителей были очень велики. К примеру, во время оспенного поветрия на Ситхе заболел один русский, умерло 10 креолов, а среди индейцев тлинкитов — 400 чел. [39]. Большие потери были среди коренных жителей Кадьяка, эскимосов чугачей, индейцев танаина, индейцев долины Юкона и др. Алеуты пострадали в гораздо меньшей степени, т. к. большая их часть по примеру русских и креолов прошла своевременную вакцинацию против оспы.

Ликвидацией эпидемии оспы руководил главный врач новоархангельской больницы Эдуард Леонидович Блашке. Он прибыл в Ново-Архангельск в конце октября 1835 г., а в ноябре этого года оспа появилась у стен города в селении тлинкитов. Вместе с ним ликвидацией эпидемии на Ситхе занимались доктор Волянский и несколько фельдшеров из креолов [40]. Болезнь на острове не утихала до ноября 1836 г. Главный правитель колоний И.А. Купреянов высоко оценил деятельность Э.Л. Блашке в борьбе с эпидемией: «не могу умолчать о величайших трудах, можно сказать изнурительных, предпринятых г-ном Блашке в глазах всех и каждого, чем заслужил от меня справедливую признательность и имеет всякое право на подобное Главнаго правления» [41]. В мае 1838 г. он откомандировал доктора в Уналашкинский отдел для борьбы с начавшимся там оспенным поветрием. К концу августа Э.Л. Блашке успел привить оспу 1 086 алеутам, что резко сократило число заболевших, а умерло только 130 чел. [42]. Последние очаги эпидемии были погашены в 1840 г. В сентябре этого же года доктор медицины Э.Л. Блашке уехал в Россию, где по итогам работы в Русской Америке написал книгу «Topographia Medica Portus Novi-Archangelscensis», изданную в 1842 г.

Эпидемия 1835–1840 гг. отразилась на разных сторонах жизни колоний. Для нас важно то, что в сознании большинства аборигенов, первоначально сомневавшихся в целесообразности европейской медицины и отвергавших ее, произошел перелом и они стали принимать помощь русских врачей. Самые непримиримые из независимых аборигенов индейцы тлинкиты на практике усвоили пользу, приносимую русскими медиками, и в последующем охотно обращались к ним за советом и лечением [43].

Таким образом, в 1820-х – первой половине 1830-х гг. РАК создала в Русской Америке систему здравоохранения, построив сеть медицинских учреждений, обеспечив их кадрами специалистов, финансовыми и материальными ресурсами. Налаживание медицинской помощи в колониях является убедительным свидетельством

заботы, проявленной компанией о сохранении общественного здоровья. Возможно, что с современной точки зрения медицинская служба русских колоний на Аляске не была лишена изъянов, но уже на раннем этапе она была вполне удовлетворительно приспособлена к местным условиям и способна эффективно действовать в экстремальных обстоятельствах.

Примечания

1. Fortuine R. Health and Medical Care in Russian America // Russian America: The Forgotten Frontier. Washington, 1990. P. 122.

2. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1799–1815: сб. док. М.: Наука, 1994. С. 239.

3. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841: сб. док. М.: Наука, 2005. С. 119.

4. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. II: Деятельность Российско-американской компании. (1799–1825). М.: Международные отношения, 1999. С. 334.

5. Fortuine R. Health and Medical Care in Russian America. P. 123–124.

6. Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова. Ново-Архангельск. М.: Наука, 1985. С. 179.

7. Там же. С. 98, 179.

8. Там же. С. 179.

9. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. II: Деятельность Российско-американской компании. (1799–1825). С. 355.

10. Fortuine R. Health and Medical Care in Russian America. P. 124.

11. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 129.

12. Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова. С. 179.

13. Болгурцев Б.Н. Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. XVII – начало XX вв. Владивосток: Уссури, 1998. С. 30.

14. См.: Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979. С. 247; Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841: сб. док. М.: Наука, 2005. С. 219; Федорова Т.С. Роль женщин в развитии культуры в Русской Америке // Русская Америка. 1799–1867. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 260.

15. Федорова Т.С. Указ. соч. С. 260.

16. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 119.

17. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. II: Деятельность Российско-американской компании. (1799–1825). С. 391.

18. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 119.

19. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. С. 36.

20. Fortuine R. Health and Medical Care in Russian America. P. 126.

21. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 71.

22. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. II: Деятельность Российско-американской компании. (1799–1825). С. 350, 395.

23. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 219.

24. Fortuine R. Health and Medical Care in Russian America. P. 124.

25. Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова. С. 284; Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 405.

26. Русская Америка в «Записках» Кирила Хлебникова. С. 179.

27. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 211, 219.

28. Там же. С. 218.

29. Там же.

30. Там же. С. 219.

31. Там же. С. 228.

32. Федорова Т.С. Указ. соч. С. 260; Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 228–229.

33. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 228.

34. Там же. С. 229.

35. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. С. 247.

36. Там же.

37. Там же.

38. Вениаминов И. Состояние Православной церкви в Русской Америке // Журнал Министерства народного просвещения. 1840. Ч. XXXVI. Отд. V. С. 15–58; История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. III: Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867). М.: Международные отношения, 1999. С. 53–56; Дюмонд Д.Е. Яд в чаше: эпидемия оспы в южной части Аляски в 1835 г. // Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII — 1867 г. Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 2001. С. 77–90 и др.

39. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. Т. III: Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867). С. 53.

40. Fortuine R. Health and Medical Care in Russian America. P. 127.

41. Российско-американская компания и изучение тихоокеанского севера. 1815–1841. С. 338.

42. Болгурцев Б.Н. Указ. соч. С. 34.

43. Отчет Российско-американской компании за 1857 год. СПб., 1858. С. 17; Отчет Российско-американской компании за 1861 год. СПб., 1862. С. 14; Отчет Российско-американской компании за 1862 год. СПб., 1863. С. 22.

Dawn Lea Black (Kodiak, Alaska, USA)

Nataliia Shelikhova and the Effect of Her Personal Presence and Later Letters on the Native People of Alaska as Substantiated by the Archeology of Kodiak Island and a Shamanic Display at the Taltsi Museum in Irkutsk, Russia

Nataliia Shelikhova lived in Irkutsk, Russia for much of her life, but for about two years, August 3, 1784 to May 22, 1786 [1], she kept the company stores in the current state of Alaska where she became the godmother and probable mentor of a native businesswoman who represented the Shelikhov-dominated Russian companies. About ten years after Nataliia returned to Russia she became the de facto first woman governor of Russian America which eventually encompassed much of the current coastline of Alaska, during her lifetime, which came to a close in 1810 when she was 52. Nataliia and her husband, Grigorii Shelikhov, were the founders of the Russian settlement at Three Saints Bay on Kodiak Island in 1784, and Nataliia is possibly the first nonaboriginal woman to live in Alaska. Three Saints Bay is referred to now, after some initial uncertainty, by researchers such as Lydia Black and Derek Hayes, as Alaska's first permanent settlement with Unalaska being considered more as a first trading post.

Nataliia's personal presence in Alaska is mentioned or is alluded to in only a few sources because the presence of non-noble women was considered rather insignificant, however, there is one company store receipt [2] which mentions her as the head lady who had overseen the transaction with the understanding that her husband was the head man. Her husband mentions her in the first paragraph of his memoirs as one who did not shirk from sharing all the hardships in the New World. The Russian Billings Expedition priest Sivtsov mentions marrying Nataliia Shelikhova's native Alaskan god-daughter, Ekaterina, to Vasilii Petrovich Merkul'ev in 1790. Grigorii Shelikhov had appointed V. Merkul'ev and his then common-law wife, Ekaterina, to take over the company store [this had been Nataliia's job, and it was now being passed on to her god-daughter] when the Shelikhovs departed back to Russia in 1786. Nataliia, herself, dictates a few letters which allude to her presence in America. In one very significant letter of Nataliia to Archpastor in

1795, she requests, among other things, that a bilingual Russian [and possible acquaintance] [3], who was married to an Alaskan native lady, be trained in Russia to help with Russian American church services. This individual, Tobolsk merchant Osip Prianishnikov, Nataliia says, had already been conducting lay church services before the clergy arrived in 1794. Prianishnikov had a son in Alaska who was born in 1788 [4]. It is known that a Shelikhov-owned Russian ship arrived in Kodiak in 1787 which brought the new manager, Delarov and native people, but there were few, if any other Russian ships which arrived in Kodiak after the Shelikhovs left, which would have brought new people to work there or provisions, until 1790 [5]. S.K. Zaikov's ship, the St. Pavel, and crewmen spent the winter of 1786–1787 on Marmot Island near Kodiak because Shelikhov's manager, Samoilov, did not want them to interact with his men on Kodiak [6]. Thus it is likely that Nataliia knew Osip Prianishnikov from when she was in Kodiak because in order for his son to be born in 1788, and most likely in Kodiak, Osip would conceivably have arrived there in or before 1786. Nataliia's request is tremendously important because it shows that she promoted bilingualism which was to set the tone of significant future Russian-native involvement, especially in the church and schools. One notable example of a successful native-Russian bilingual cooperative project in scripture translation is detailed by the researcher, Lydia Black in regard to «Ivan Pan'kov: Architect of Aleut Literacy» [7]. It is known that the Alaskan head priest and later bishop, Ioasaf, also had wanted to encourage bilingualism and that he used and promoted Prianishnikov in this regard, but Ioasaf died in a tragic shipwreck in mid-1799.

Nataliia dictated a letter [exact date 1798–1799 is unknown] to His High Excellency [Petr/Peter Soimonov, head of all Russian commerce and the Commerce College/governmental department] which indicates that Nataliia's requests and future policies were to have a great effect on Alaska's native people:

In the midst of all such enterprises, he [Nataliia's husband] died in 1795. I began to run those companies in accordance with his will...

> Our partner Golikov was under a great burden of back-taxes to be paid to the State and was not able to provide the Company's office with money. That is why, in accordance with the persuasive requests of Golikov, I helped the office with 100,000 rubles. I sent to Kodiak and to Zubov [Pribylov] Island two ships with fresh people, goods, and for the settlements: cattle, grains and other needs, adding, according to the stated needs of the Spiritual mission: [that which was necessary for] a mobile [traveling] church.
>
> I, having taken care of the Company, sent a paper to Your High Excellency's attention, requesting [you] to present a petition to the Emperor that the Company be granted some advantages, among them are:

> Firstly: The right that other companies not be established where Shelikhov has blazed trails, so as to avoid competition and [the resulting] bad behavior of the Americans [natives] who [could be improperly influenced by one company to turn against the other companies and] could become a bad influence [over the whole area].
>
> Secondly: Such as to allow ship-navigation to Canton, Macao, Batavia and the Philippine Islands.
>
> Thirdly: So that the Company could be granted a protector.
>
> After this paper [was sent], the report reached the Emperor [Paul I] that I and Golikov, ... joined the Irkutsk company. That is why the following circumstances happened:
>
> Firstly, the Emperor, certifying the union, ordered, that without the permission of the [later Russian] American company, no other new companies could take their business and go there: where it already has its establishments.
>
> Thus, the Commerce College would be the protector of the Company.

Alexander Baranov who became the Chief Administrator of the Shelikhov-associated and later the Russian American Company sent a number of letters to Nataliia. One which was received by her on December 1, 1798 has this to say:

> ...in January we had a celebration [upon] opening the first civil [public] school. About 20 boys started going there; ... Two of the pupils are amanaty [hostages]: one is from Mednovskii, [an Ahtna/Copper River area Alaskan native] and another one from Koliuzhi, from the other side of [Alaska from] the Bering [Strait], [being] from the Yakutatskii [Yakutat people] not far from L'tua [Bay]. I took and brought them here. Would you [please] give [them] food and [give] the order to clothe [them] well and bring them as amanaty to Irkutsk? We are to demonstrate to them our might and prosperity so that they might assure their fellow-countrymen that our words are true.

Nataliia also had at least five native boys from Alaska at her estate in Irkutsk who were educated, primarily in music, and four were later sent back to Kodiak. The fifth died of a disease. The Shelikhovs took about 40 natives back to Russia on their ship, and many of these natives are documented as having returned to Alaska. Some natives went willingly to Russia and others went as possible hostages. Several children were sent to be educated, possibly with their parents' consent. If the natives had not been aboard Shelikhovs' ship, it probably would not have reached port as most of the Russians were too sick with scurvy to be of much help aboard ship or in going to get water in the Kurile Islands.

Nataliia also advocated godparenting the native people of Alaska

by the Russian Orthodox. The natives who became godchildren usually had special favor with the Russians, did not seem to be coerced to assist the Russians, and could be put in charge of important undertakings [8].

One archeological find at Karluk on Kodiak Island, originally populated partially by Yup'ik Eskimos, probably indicates that the religious beliefs of the native people there bear some similiarities to the beliefs of Russian Orthodoxy including heaven/s with a diety, earth, and a spiritual realm under the earth. For this reason, the advocacy by Nataliia that Russian Orthodoxy be taught to Alaskan native people, most likely, found a fertile field in which to grow. This Karluk find is the painted widespread symbol of concentric circles (believed to indicate the various levels of the spiritual universe [9]) with vertical axes radiating out from the center, which in this case includes a face [10]. There are similar symbols to be found among the Blackfoot Indians and their lands both in personal adornment [11] and in enormous raised rock designs on their lands, visible from the air [12]. A Pima Indian symbol which has been interpreted and which is woven into their round basketry also includes this type of symbolism. The Pima symbol, called the maze of life, includes a series of maze-like lines, originating from the central area, and also a vertical space radiating from the same center. This space contains an anthropomorphic figure described by the Pima as one of their deity, Elder Brother [13]. Scientific genetic tests indicate that some of the indigenous people of North America originated from an area near Lake Baikal, Russia. They probably migrated after 17,000 years before the present time [14]. The symbolism of Lake Baikal area Buriat/Buryat people can be seen at a shamanic display [15] at the Architectural-Ethnographic Taltsi Museum and is quite similar to the previously discussed aboriginal symbols. Because Nataliia came from this Lake Baikal area, she was probably familiar with the local native symbolism and could relate her religious message more meaningfully to the indigenous people of Alaska.

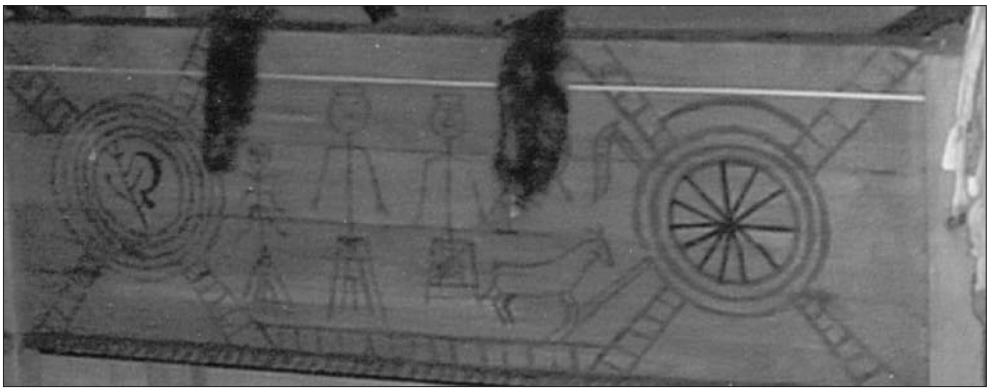
An influence which Nataliia had on the native people can be deduced from descriptions of her Alaskan native god-daughter. One of these is found in the memoirs of M. Sauer [16] who accompanied the Billings Expedition to Kodiak in 1790. Although Sauer does not identify her by name, he says that this native lady was «dressed in the Siberian fashion», kept her house «extremely clean», was a «perfect mistress of Russian economy» and had been married by the Billings group's priest Sivtsov. This lady conducted herself and her household and served him dinner in a manner of which Sauer approved. It is the priest's notes which say that she was Nataliia's god-daughter and that she was married to Vasilii P. Merkul'ev. The one other native woman married the same day as Ekaterina

could not have been married to Merkul'ev due to the description of her husband given by the priest. Another, slightly later Spanish visitor to Three Saints Bay settlement, S. Fidelgo [17], mentions that in 1790 the person who kept the Kodiak warehouse was living in a wood house. It is probable that this was Merkul'ev. Merkul'ev, himself, says that he had an original house, before the July 11, 1788 tsunami which was destroyed in that 1788 disaster [18]. Nine days before this tsunami a Spanish ship and visitor, G. Lopez de Haro sailed away from Three Saints Bay, but Lopez de Haro wrote about a wooden house and that of the manager, Delarov, as being quite similar large plank buildings with thatched roofs. It is Aron Crowell who identifies Merkul'ev and his wife as the only people whom Lopez de Haro could be describing, due to the husband, at least, being in charge of the Warehouse of Merchandise and being an officer. The Merkul'evs are not actually named in the Spaniard's narrative. This wife [possibly Creole] is described as being clothed in a dress of Chinese design [possibly silk which the Shelikhovs were known to receive in trade], and she had nice china dishes. Lopez de Haro also dined with them. Grigorii Shelikhov had given a written order that the Merkul'evs be built a good, obviously Russian style «smoothly finished… with double walls» [19] wooden house which should also contain store merchandise. Such a house is described as being in this settlement in 1790 by Sauer, but it was inhabited by the manager Delarov [20]. In any case, it is likely that the Merkul'evs lived in a somewhat hybrid native-Russian manner [21] as described by Crowell, though not in a semi-subterranean native-Russian mixed culture house such as was excavated by Crowell in 1990–1991. The presence of a Russian woman such as Nataliia, no doubt, provided an example for Kodiak native women to emulate. It is also likely that Nataliia, herself, taught her god-daughter and other native women some Russian customs. Nataliia was in charge of distributing her company's Chinese silk and probably brought some silk goods with her to Kodiak. Lydia Black says that Nataliia had more than one god-daughter [to influence], but surmises that it might be Izmailov whom Lopez de Haro is describing. This is unlikely [Izmailov was not in Kodiak] even though Izmailov did have a wife in Kodiak [22]. In any case, the native women would, no doubt, have prompted their men to obtain some of the attractive Russian goods for them.

Nataliia Shelikhova had a real influence on the indigenous people of Alaska by her advocacy of bilingualism, bonding through religion and godparenting, participation in education of the native people, and her modeling of business activity and governance by women such as herself. Her provision for and future vision for her company and her church shaped the unfolding of Russian American history. Her request that the future Russian American Company be granted a monopoly was

made with an eye toward promoting the peaceful attitudes of native Americans. The opportunity that Nataliia Shelikhova had to live among the native people of Alaska had resounding implications for the future of Russian America.

Please see the photo of the Pima display and the Taltsi Museum shamanic display below.



1. Grigorii I. Shelikhov [et al.], A Voyage to America, 1783–1786, Alaska History Series, Intro. Richard A. Pierce, ed., no. 19, trans. Marina Ramsay (Kingston, Ontario, Canada: The Limestone Press, 1981), 38, 48. [This is referred to as «memoirs» later in this presentation.]

2. References to most Shelikhov/a and related documents are taken from the draft of a book on Nataliia Shelikhova which has been submitted to a publisher by co-authors Dawn Lea Black and Alexander Iu. Petrov.

3. Brackets: ([ ]) indicate words added by the author.

4. Richard A. Pierce, Russian America: A Biographical Dictionary, Alaska History Series, Richard A. Pierce, ed., no. 33 (Kingston, Ontario and Fairbanks, Alaska: The Limestone Press, 1990), 412. Lydia T. Black, Russians in Alaska (Fairbanks, Alaska: University of Alaska Press, 2004), 235–236.

5. In regard to no Russian provision supply ships coming from Okhotsk area for almost three years see Aron Lincoln Crowell, World System Archaeology at Three Saints Harbor, An Eighteenth Century Russian Fur Trade Site on Kodiak Island, Alaska (Ann Arbor, Michigan: UMI Dissertation Services, 1996), 86. This dissertation, with likely additions, was later published as Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America (New York: Plenum Press, 1997). Katerina G. Solovjova and Aleksandra A. Vovnyanko, The Fur Rush: Essays and documents on the history of Alaska at the end of the eighteenth century (Anchorage, Alaska: Phenix Press, 2002), 76.

6. Solovjova, Fur, 234, 311.

7. Lydia T. Black, «Ivan Pan'kov: Architect of Aleut Literacy», in An Alaska Anthology: Interpreting the Past, Stephen W. Haycox and Mary Childers Mangusso, eds. (Seattle and London: University of Washington Press, 1996, 2d ed: 2002), 53–57.

8. Ivan Kuskov, «July 1, 1802, Report, I. Kuskov (in charge of the hunting party) to A.A. Baranov on Kad'iak regarding an armed encounter with the local tribes and the devastation of Novo-Arkhangel'sk», in Richard A. Pierce, ed., Documents on the History of the Russian-American Company, trans. Marina Ramsay, Materials for the Study of Alaska History [Series], ed. Richard A. Pierce, no. 7 (Kingston, Ontario, Canada: The Limestone Press, 133, 137–139), (some books in this series were also published in Alaska). The pages cited, mention some native people, especially Eremei Kochergin, who is described as the godson of Kochergin. Eremei is put in charge of an important and sensitive expedition of several kayaks to Novo-Arkhangel'sk. Page 139 discusses the loss (probably to a Tlingit war party) of the Chugach-native godson of Galaktionov which is described as «...unfortunate news». It is apparent that these particular native people are very close to and valued by the Russians and vice versa. They operate on their own, without coercion.

9. «...Circular motions, forming an invisible boundary around a person or object, were ubiquitous in Yup'ik ritual activity, simultaneously creating a boundary against evil influences and a symbolic passage between levels of reality... corresponding to the five steps [often represented by concentric circles] separating the world of the living from the world of the dead» (Ann Fienup-Riordan, «Social Status among the Yup'ik Eskimos of the Lower Kuskokwim as Told to Reverend Arthur Butzin by Alaskuk», Anthropological Papers of the University of Alaska 24, 1–2 (1992): 42.) «Native American cosmologies... [can be] subdivided into three zones of sky, the earth's surface, and the realms beneath earth and water. Earthly space is also conceived of as circular; it is divided into quadrants identified with the four cardinal directions bringing the changes of season... Everywhere in North America the zones of earth, water and sky are also linked by a central, vertical axis that provides a path of orientation along which human prayers can travel between realms of power. The axis is visualized in various ways: as a great tree, an offering pole, or a path... [an Indian artist] visually aligns the tree with the Christian cross... [paragraph indentation] shamanism has diffused... from a place of origin in central Asia [and has]... distinctive patterns of cosmological mapping... particularly the notion of

a world axis that opens a channel of communication between zones of power... arts... relate their experiences of out-of-body travel» (Janet C. Berlo and Ruth B. Phillips, Native North American Art, Oxford History of Art (Oxford and New York: Oxford U. Press, 1998), 22–23, 26. [Many aboriginal groups in Alaska, including Kodiak, and North America had shamans.] «Shamanism... is... characterized by belief in an unseen world of gods, demons, and ancestral spirits... [paragraph indentation] Shamans could change into animals, dive into the earth, or fly through the air... [paragraph indentation] Spiritual transformation was at the heart... [paragraph indentation] The spiral [symbol] is universally accepted across cultures to represent growth and evolution, the transformation of form and essence. Traveling along the spiral, you reach the same points with each round, but at a different level, and with a different perspective... [paragraph indentation] Related to the spiral are concentric circles, each representing completeness and wholeness... The spiral and concentric circle were thought to carry a shaman into the supernatural» (Woody Knebel, Cape Alitak [Kodiak Island] Petroglyphs: From the Old People (Virginia Beach, Virginia: Donning Company, 2003).

10. Aron L. Crowell, Amy F. Steffian, and Gordon L. Pullar, eds., Looking Both Ways: Heritage and Identity of the Alutiiq People (Fairbanks, Alaska: University of Alaska Press, 2001), cover and title page.

11. Smithsonian [Magazine], 33, 9 (December 2002): cover.

12. Alvin M. Josephy, Jr., 500 Nations: An Illustrated History of North American Indians (New York: Gramercy Books,1994), 23.

13. The Blackfoot Indians of the Canada-U.S. border area and the Pima Indians of the Southwest U.S. have symbols which were published by the Smithsonian Institution in Washington D.C. for their set of American Indian cut-out cards with commentary on the cards' back, especially about the Pima Indian symbol. The Smithsonian no longer has a publishing branch, and these cards are no longer available from the publisher. The Blackfoot symbol is half dark and half light—possibly representing the light and darkness or living and dead or sun and moon.

14. Michael D. Lemonick and Andrea Dorfman, «Who Were the First Americans?» Time, 167, 11 (13 March 2006): 52. [This article mentions that there might have been another migration from Siberia toward North America about 30,000 years ago.]

15. The two concentrically circular, vertically axised, shamanic symbols connected at the bottom by a ladder-like design have been interpreted by one Caucasian Irkutsk area ethnographer/anthropologist as the sun and the moon. [The sun is often depicted in aboriginal designs because it is «the most important spiritual power, and the source of growth and life.» (Janet C. Berlo and Ruth B. Phillips, Native North American Art, Oxford History of Art (Oxford and New York: Oxford U. Press, 1998), 24.)] A Doctor of H.S. and Academician of the Russian Academy of Sciences at Kemerovo, Siberia, Dr. Anatoly Ivanovich Martynov, says that the various gradations or concentric circles in some aboriginal spiritual designs, such as these, can number as high as 15 (personal communication to Dawn Lea Black in Irkutsk, Russia on August 8, 2007, who was showing Dr. Martynov the above-mentioned

Taltsi Museum shamanic symbols to obtain his comments on them). Yakut indigenous scholar, Eleonora Elleevna Sivtseva of Yakutsk told Dawn Lea Black in personal communication on August 8, 2007 that the Yakuts have a flaring sun disk symbol, but in addition, the Yakut shaman has a round silver or copper accoutrement with a circle in the center surrounded by a halo of small circles which represent gods in the sky. Another Russian anthropologist explains, «If there are several shamans in a [Evenk Siberian tribe's] clan, their paths in the [spiritual] universe meet at their common clan cosmic river [vertical axis] which flows from top to bottom through all three worlds of the [Evenk spiritual] universe» (A.F. Anisimov, «Cosmological Concepts of the Peoples of the North», in Studies in Siberian Shamanism, ed. Henry N. Michael, Arctic Institute of North America Anthropology of the North: Translations from Russian Sources, ed. Henry N. Michael, no. 4 ([Toronto ?], Canada: University of Toronto Press for the Arctic Institute of North America, 1963; reprinted from Kosmologicheskiye predstavleniya narodov-Severa (Moscow-Leningrad, Izd-vo Academiya nauk SSSR, 1959), 203.) [This same article contains a very old aboriginal tale which emphasizes one primeval attribute of the sun and moon: they were originally located on top of the head of the cosmic Mother, and as such were associated with her. The author also explains that the mother diety predates the more patriarchal shamanistic tradition, but still remains in the shamanistic belief system—often as the guardian of the underworld.]

16. Martin Sauer, An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia (London: A. Strahan, 1802), 173.

17. Salvador Fidalgo's report is cited and quoted in: Crowell, World, 81.

18. Merkul'ev's letter is cited, though not as to archive location, and quoted in Crowell, World, 74–75. The secondary source for this is: J. Davies et al, «Shumagin Seismic Gap, Alaska Peninsula: History of Great Earthquakes, Tectonic Setting, and Evidence for High Seismic Potential», Journal of Geophysical Research 86(B5):3821–3855. The actual archival source for this is: Archive of Russian Internal Affairs, F. 339, Op. 888, D. 774, L. 4.

19. P.A. Tikhmenev, A History of the Russian American Company, vol. II, ed. Richard A. Pierce and Alton S. Donnelly, trans. Dmitri Krenov, Materials for the Study of Alaska History, ed. Richard A. Pierce, no. 13 (Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1979, reprinted [with a few additions] from P.A. Tikhmenev, Istoricheskoe obozrenie obrazovaniia Rossiisko-Amerikanskoi kompanii I deistvii eiia do nastoiashchago vremeni, vol. 2 of 2 (St. Petersburg: Edvard Veimar, 1861: first vol. and 1863: second vol.), 11.

20. Crowell, World, 80.

21. Crowell, World, 163–182.

22. Lydia T. Black, Russians in Alaska 1732–1867, (Fairbanks, Alaska: University of Alaska Press, 2004), 111. Crowell, World, 80 cites Merck as saying that Izmailov had a wife in Kodiak. Crowell, World, 76. Pierce, Russian America, 206.

М.В. Василенко (Иркутск)

Охотская флотилия как фактор социально-экономического развития Тихоокеанского региона в XVIII в.

Возможность хозяйственного освоения побережий северной части Тихого океана напрямую зависела от технических возможностей в сфере строительства и эксплуатации судов, развития соответствующей инфраструктуры, а также от наличия кадров судостроителей, судоводителей, управленческого аппарата. Эти факторы в свою очередь определялись особенностями исторического развития Охотско-Камчатского края.

Экономическая, политическая, социальная ситуация в русской Северной Пацифике XVIII в. в значительной мере была предопределена географическим расположением на самой отдаленной окраине государства при отсутствии сколь-либо надежных круглогодичных путей сообщения.

Русское население территорий, получивших впоследствии название Дальнего Востока, в веке восемнадцатом сосредоточивалось на побережье Охотского моря и Тихого океана: Чукотке, Камчатке, в устье р. Охоты. Первоначальная попытка сделать административным центром Анадырский острог к середине века показала свою полную несостоятельность. Основанный в середине XVII в. для приведения в подданство местных народов и сбора с них податей, предназначения своего он не выполнил, более того, само содержание здесь укрепленного поселения оказалось невозможным ввиду крайне затруднительной доставки необходимого провианта.

По свидетельству Дмитрия Лаптева, к началу 1740-х гг. в остроге было около 50 русских дворов [1]. По сообщению же Анадырского командира Федора Пленисиера, в 1744 и 1759 гг. умерло от голода 95 человек служащих и несколько частных лиц. Занятие же анадырской команды заключалось «главнейшим образом только в том, чтобы круглый год искать себе пропитание охотою или рыбным промыслом» [2].

В этой ситуации декларированная правительством гарантия защиты народов, принявших русское подданство от «немирных инородцев», оказалась фикцией. Фактически недееспособной оказалась и крупномасштабная экспедиция Д. Павлуцкого. При следовании

ее от Якутска до Анадырского острога, не проехав и полпути, у Зашиверского острога, «от грязей и бескормицы» пало около тысячи лошадей [3]. Для пропитания огромного военного отряда (около 450 человек) ежегодно требовалось доставлять более 5 тыс. пудов провианта.

Наладить снабжение Анадырского острога так и не удалось, предпринимавшиеся попытки насадить в крае земледелие также потерпели крах. Местное население не прекращало вооруженное сопротивление на протяжении всего XVIII в., оно было разорено научными и карательными экспедициями, численность его неуклонно сокращалась (по данным Георга Стеллера, почти в 30 раз к началу 1740-х гг.). Кроме того, бесконтрольное истребление пушного зверя привело к уменьшению количества добываемой мягкой рухляди. Надежды на чукотский и камчатский ясак как стабильный источник пополнения государевой казны не оправдались. Более того, собираемый ясак не компенсировал расходов на содержание военной команды и администрации на Чукотском полуострове.

Таким образом, экономическое значение северо-восточных территорий, возможность дальнейшего хозяйственного их освоения к середине XVIII в. оказались под большим вопросом.

В начале 1760-х гг. по настоянию Анадырского командира Ф.Х. Плениснера канцелярия была перенесена в Охотский порт. По-видимому, совмещение функций морского и административного центра было не совсем случайным и означало смену внутриполитических приоритетов: к середине века активизируется русский пушной промысел на морских островах, который на многие десятилетия станет важнейшей статьей государственных доходов. По данным А.И. Алексеева, с 1743 по 1786 г. казна получила пушнины в виде пошлин (1/10 часть всей вывезенной частными лицами) на 193 797 руб. 90 коп.

Однако управление и материальное обеспечение восточных окраин государства по-прежнему составляло одну из самых серьезных проблем. К концу XVIII в. уже при более-менее обустроенной системе почтовых трактов фельдъегерю, двигавшемуся практически круглосуточно, требовалось более двух месяцев, чтобы добраться из Петербурга до Охотска [4]. Попасть же на Камчатку можно было только в период летней навигации: казенные суда отправлялись на полуостров в августе-сентябре и возвращались обратно в мае-июне следующего года.

Удаленность от центральной власти как нельзя более способствовала появлению и расцвету в крае административного произвола. Показателен случай убийства в 1711 г. камчатскими казаками приказчиков, занимавшихся сбором ясака. Объяснили они свои действия следующим образом: «А такое дерзновение учинили они для того, что жалоба их на прикащиков не дойдет за дальним раз-

стоянием, особливо же что прикащики челобитчиков до Якутска не допустили б...» [5].

Отсутствие последовательной кадровой политики приводило в Охотск и на Камчатку людей случайных, чье назначение рассматривалось как наказание за разного рода проступки. Едва ли не каждый новый командир над Охотско-Камчатским краем назначался «в видах искоренений разных злоупотреблений», «для содержания и охранения верноподданных народов и учреждения добрых порядков», «смотреть и за камчатскими прикащиками, и кои будут посылаться из Охотска офицеры з служилыми людми для исправления дел и содержания острошков, чтоб они с тамошним народом поступали порядочно...» Распоряжения и указы носили декларативный характер, за их исполнением, как правило, не наблюдали и вспоминали лишь в случае какого-либо чрезвычайного происшествия. Зачастую наставления, данные разным должностным лицам, противоречили и исключали друг друга, что вызывало конфликты, недоразумения, «ябеды, сплетни и кляузы», порождало волну доносов, следственных дел, судебных разбирательств.

Редкий начальник не заканчивал карьеру, а то и жизнь под следствием. Но репрессивные меры ощутимых результатов не приносили, поскольку особого выбора при назначении административных лиц, как правило, не существовало. Согласно рапорту полковника Зубрицкого, в 1772 г. во всем Охотске было «офицеров 15, да и то из них семь пьяниц и никуда не годных» [6].

В некоторой степени проблему нехватки административных кадров решила вторая Берингова экспедиция. Ее офицеры (Василий Ртищев, Василий Хметевский, Федор Плениснер, Андреян Юрлов) вплоть до конца столетия служили на управленческих должностях разного уровня.

До губернской реформы 1780-х гг. на административных лиц возлагались и судебно-следственные функции. Фактически они были вольны вершить следствие по своему произволу и зачастую через некоторое время сами оказывались на положении подследственных.

В 1753 г. капитан-лейтенант В.А. Ртищев должен был сменить в должности охотского командира премьер-майора А.Н. Зыбина. Фактически этот процесс растянулся на семь лет и сопровождался интенсивной перепиской с иркутскими и тобольскими властями, доносами и жалобами. Когда же Ртищев все-таки вступил в должность, в отношении Зыбина было начато следствие [7].

В 1763 г. Ртищев переведен заведовать морской частью в портовую контору. Охотск в это время стал административным центром русского тихоокеанского побережья после упразднения Анадырского острога. Охотским командиром был назначен полковник Федор Плениснер. Спустя год на Камчатку прибывает капитан-лейтенант Иван Извеков, первый камчатский командир, независимый от охот-

ского. Однако старый указ о подчинении всех камчатских острогов анадырскому (позже — охотскому) командиру отменен не был, что и послужило причиной затяжного конфликта между Пленисне́ром и Извековым, ставшего предметом разбирательства специальной следственной комиссии подполковника Зубрицкого [8]. Отголоски этой законодательной неразберихи наблюдаются в документах и много лет спустя. Извеков, прославившийся своим буйным нравом, был смещен с должности в результате заговора большерецких служилых в 1769 г. и до конца жизни состоял под следствием. Его преемником назначен капитан Якутского карабинерного полка Григорий Нилов, человек невежественный и далеко не всегда трезвый, прибывший на Камчатку в составе следственной комиссии Зубрицкого. Нилов был убит во время Большерецкого восстания 1771 г.

Пленисне́р, которому вменили в вину попустительство большерецким бунтовщикам, был также отстранен от должности. Занявшего его место Зубрицкого отстранили в 1774-м после крушения двух судов Охотской флотилии. Одновременно с ним был уволен от службы в портовой конторе Василий Ртищев — по старости и за ряд «прегрешений». На последнем оказались огромные казенные начеты за разбившиеся суда [9].

Зубрицкого сменил отставной флота капитан-лейтенант Савва Зубов (отстранен и отдан под следствие в 1780-м), на место Ртищева был определен шкипер 1-го ранга Андреян Юрлов («за многие непорядки» отстранен от должности в 1777-м) [10].

Реформы 1780-х гг., изменив структуру органов управления, не слишком затронули внутреннюю сущность сложившейся системы. В 1800 г. за злоупотребления по службе полковник Г.А. Козлов-Угренин, главный командир Охотска и Камчатки, был отстранен от должности и отдан под суд. В 1808 г. охотский комендант И. Бухарин арестован, приговорен к лишению прав состояния и дворянства.

Ничуть не лучше обстояли дела в морской сфере. Профессиональных мореходов — «морских служителей» — не хватало катастрофически. Кадровые морские офицеры могли возглавлять правительственные экспедиции, но обычно судами командовали штурмана. Отнюдь не редки были случаи, когда вопреки требованиям «Морского устава» командиром судна назначался подштурман, а то и штурманский ученик с формулировкой «за подштурмана штурманский ученик».

Штурмана-недоучки командовали экипажами, сформированными из сухопутных казаков («за матрозов казаки»), чей суеверный ужас перед морской стихией можно выразить поговорками: «Кто в море не ходил, тот богу не маливался», «Собрался на войну — молись, собрался в море — молись вдвое». Впечатление сугубо сухопутного человека сформулировал один из пассажиров бригантины,

потерявшей ориентировку в Охотском море, весьма кстати склонный к рифмоплетству:

Ничто так в свете как море не верно
Непостоянно и лживо безмерно.
Что пред морскими земные напасти,
Зело престрашны морские все страсти... [11].

Командиры кораблей, отчитываясь о плавании, как правило, не использовали слова «плавали» или «ходили» — бытовала стандартная фраза «Уповая на Господа, перебежали за способным ветром». Поэтому совершенно не удивляет то обстоятельство, что одной из важнейших судовых принадлежностей считался святой образ.

Отправленные в 1760-х гг. с Балтийского флота три штурмана (Лазарев, Чурин, Должантов) ситуации существенно не изменили. Имя Петра Лазарева в документах ни разу не встречается. Максим Чурин, по некоторым сведениям, участвовал в экспедициях Синдта и Креницына-Левашова. В 1771 г. оказался одним из главных действующих лиц восстания в камчатском Большерецком остроге. Умер в Макао, португальском порту в Китае, в том же 1771 г. Немного дольше прослужил в Охотской флотилии Иван Должантов, выпускник Морской академии, состоявший в морской службе с 1741 г., в его послужном списке 15 кампаний на Балтике и 10 — на Дальнем Востоке. Был «штрафован посажением в гоубвахте на хлеб и на воду на неделю» за стычку с камчатским командиром капитан-лейтенантом Извековым. Умер в Иркутске, находясь под следствием о разбитии шмака «Св. Екатерина», в 1784 г.

Грамотных мореходов не хватало катастрофически. Поэтому никакие пороки и прегрешения людей, разбиравшихся в морском деле, не считались достаточно веским основанием для отстранения от службы. Так, фактический командный состав галиота «Св. Павел» в 1774 г. состоял из четырех человек: штурмана, подштурмана, квартирмейстера, боцмана. Из них — командир судна штурман Очередин, предположительно выпускник Иркутской навигацкой школы, был в 1777 г. бит палками за пьянство на борту, подштурман Кирсантьев дважды наказывался при команде морскими кошками за воровство, квартирмейстер Габышев бит кошками за ложное показание государева дела [12].

Штурманские ученики Дмитрий Бочаров и Герасим Измайлов, бывшие, по-видимому, воспитанниками Иркутской навигацкой школы, начинали службу под командой штурмана Чурина, по некоторым сведениям, участвовали в экспедициях Синдта и Креницына-Левашова. В 1771 г. они приняли участие в Большерецком восстании и захвате казенного судна, что квалифицировалось как государственная измена — преступление, во все времена считавше-

еся одним из самых тяжких. Но тем не менее они получили высочайшее прощение. И поскольку о возвращении на государственную службу не могло быть и речи, оба до конца жизни служили на частных компанейских судах.

Тяжким преступлением, за которое «Морской устав» однозначно требовал смертной казни, считалась потеря казенного судна. Оно влекло за собой многолетнее следственное разбирательство. Однако провинившиеся штурмана всего лишь отстранялись от государственной службы, и их охотно принимали купеческие компании, поскольку интенсивный пушной промысел на островах Тихого океана повлек за собой острую необходимость в мореходах на частных судах. Власти не препятствовали, а зачастую даже поощряли участие подследственных в промысловых вояжах, поскольку причитающееся им суховые паи, размер которых оказывался значительно больше казенного жалованья, позволяли хотя бы частично компенсировать многотысячные убытки от потери судна. Других источников для взысканий не существовало, казенное жалованье штурманов было не так уж велико, и за многие годы государевой службы они не наживали практически никакого имущества.

Так, Иван Должантов, по чьей вине в 1774 г. разбился шмак «Св. Екатерина», самое новое и грузоподъемное судно флотилии, спустя три года, все еще находясь под следствием, ушел на промысел на судне «Изосим и Савватий» иркутских купцов Киселевых. Афанасий Очередин, в том же 1774 г. лишивший Охотскую флотилию второго крупного судна, спустя четыре года также отправился в морской вояж на судне «Климент» купцов Пановых [13].

Обычные транспортные рейсы из Охотска на Камчатку являлись предприятием непредсказуемым и опасным. История Охотской флотилии отмечена вереницей кораблекрушений, каждое из которых становилось поистине катастрофой для населения Камчатки, поскольку следующий транспорт с продовольствием мог быть отправлен только через год. Нередко суда терпели бедствие и бесследно исчезали вместе с грузом, экипажем и пассажирами в открытом море. Гораздо большее количество катастроф наблюдалось в виду берега: причиной, помимо недостаточной квалификации судоводителей и нарушения правил навигации, становились рифы, каменистые кошки, прибрежные скалы, а также низкое качество корпуса, такелажа, дельных вещей. В последнем случае люди имели шанс спастись, а при определенной расторопности команды удавалось спасти и часть груза. Однако подмокшая, смешанная с песком мука мало годилась в пищу.

Стремление властей как можно более точно подсчитать казенные убытки приводило к написанию огромного количества документов. Снимались показания со всех членов экипажа и пассажиров, протоколировались очные ставки, заполнялись вопросные пункты,

составлялись подробнейшие реестры, росписи имущества, копировались формулярные списки. Бюрократическая машина работала крайне медленно, но очень продуктивно: к следствию привлекались сотни людей, подшитые бумаги составляли огромные тома. Не все они дошли до наших дней. Но те, которые сохранились, представляют уникальную возможность увидеть реальную картину событий более чем двухвековой давности.

В 1752 г. в Охотском море разбился галиот под командой вышедшего в свою первую кампанию штурмана Ивана Бахметьева [14]. Следственное дело было закрыто ввиду того, что сам штурман утонул. В навигацию 1753 г. Охотская флотилия лишилась сразу трех судов и нескольких человек морских служителей [15]. 1766 г. — у берегов Камчатки разбился галиот «Св. Захария», утонули 16 человек, весь казенный провиант и купеческая кладь [16]. В экспедиции Креницина-Левашова разбилось два судна. В 1774 — еще два.

В связи с тем, что Охотская флотилия регулярно лишалась своих судов, так или иначе их недостаток приходилось восполнять. Все они строились на Охотских, а позже Нижнекамчатских верфях. Отсутствие же местной промышленности, особенно железоделательной, создавало значительные трудности. К примеру, якоря, чей вес мог превышать тонну, приходилось везти частями практически через весь континент — из Европейской России — и уже в Охотске их сваривать. Эта процедура отрицательно сказывалась на прочности, и зачастую не выдержавший нагрузки якорь становился причиной гибели судна и людей. На месте сращивали и привезенные по частям канаты. По сведениям А.И. Алексеева, в 1768 г. мастером Бубновым было построено три судна. Весь такелаж для них доставлялся из Тобольска, а 500 пудов железа два года везли из Архангельска.

Недоставало необходимых приборов. По данным 1747 г., в Охотском порту насчитывалось 10 компасов и 28 склянок. А в 1754 г. флота капитан Ртищев «репортом объявил, что находящиеся в Охоцке суда за неимением над ними охранения весма згнили» [17].

Не хватало и грамотных мастеров-судостроителей. При основании Охотского порта в апреле 1731 г. Правительствующий сенат велел Адмиралтейств-коллегии отправить в Охотск «для показании препорции к делу судов мастера или подмастерья, которой бы умел гальиоты и карабельныя боты делать и к нему в помощь плотничного командира одного и четырех человек плотников лутших, тако ж для ходу по морю штюрманов трех и матрозов шесть человек». А в инструкции Сибирского приказа первому охотскому командиру Григорию Писареву дополнительно предписывалось «мастеров судовых из ссылочных набирать» [18]. Адмиралтейств-коллегией время от времени, очевидно, отправлялись в Охотск соответствующие специалисты. Так, в начале 1760-х гг. прибыл корабельный мастер А.И. Мошницкий, а затем еще три мастера: блокового, шлюпочного

и ботового дела, и два подмастерья: канатного и парусного дела. Однако основная нагрузка и вся тяжесть работ на верфях ложилась на служилых, казаков и обывателей, которые не пользовались никакими льготами и преимуществами. Для служащих Охотского порта не делалось никаких исключений. Они жили на таком же обеспечении, как и служилые Балтийского флота [19].

Особенности строительства и эксплуатации судов Охотской флотилии должны были обусловить и некоторую специфику технического плана. В качестве пояснения обратимся к документам, характеризующим парусное вооружение разбившихся в 1774 г. галиота «Св. Павел» и шмака «Св. Екатерина». (К сожалению, конструкции корпусов судов в следственных делах не описаны.)

Для начала отметим, что вооружение двух названных типов судов представляется практически идентичным. Оба они имели по две мачты: грот и бизань.

На бушприте располагался флагшток, несший носовой флаг — гюйс, поднимавшийся во время стоянки.

Между топом грота-стеньги и ноком утлегаря на леере ставился треугольный парус — кливер.

Парус, именуемый в документах фоком, был в отличие от классической трактовки также треугольным, поскольку снасти бегучего такелажа — шкот, фал и галс — соответствуют косому и именно треугольному парусу. Очевидно, это фор-стаксель. Он ставится на фокаштаге — тросе, который проводится от топа первой мачты и крепился на бушприте между вуленгом утлегаря и ракс-бугелем блинда-рея.

Первая (в нашем случае это грот) мачта несла три паруса: грот, брифок и топсель.

Состав снастей грот-паруса (шкот и гитовы) свидетельствует о том, что он является гафельным: имеет форму неправильной трапеции, его боковая шкаторина крепится к мачте, верхняя — к гафелю, нижний задний угол оттягивается к корме шкотом.

Термин «брифок» современные словари трактуют как прямой дополнительный (вспомогательный) парус на фок-мачте либо как запасной аварийный или штормовой парус, при этом в ряде случаев делается оговорка, что значение слова в настоящее время неясно. Что касается интересующих нас судов, парус брифок располагался на специальном брифок-рее — нижнем рее грот-мачты.

Некоторое недоумение вызывает и атрибутирование топсель-паруса. Формально это — небольшой, обычно треугольный парус, который ставится над гафельным, нижней шкаториной крепится к гафелю, вертикальной — к стеньге. Однако в нашем случае он имеет такелаж, соответствующий прямому парусу, и размещается на рее. А подробная роспись бегучего и стоячего такелажа «топсель-рея» исключает возможность путаницы терминов «рей» и «гафель». Несоответствие названия паруса общепринятой мировой терминологии можно объяснить

принятием без перевода англоязычного термина «top sail» — марсель, дословно «верхний парус». Таким образом, приводя терминологию в общепринятую систему, скажем, что «топсель-парус» — это марсель — прямой парус, который крепится к марса-рею (второму от палубы).

Наконец, бизань-мачта несет косой гафельный парус (трисель), имеющий форму неправильной трапеции, верхняя шкаторина которого крепится к гафелю, передняя — к мачте, нижняя — к гику, а также — кормовой флагшток.

Известен рисунок, выполненный М.Д. Левашовым [20]. На нем изображены суда экспедиции Креницина — гукор «Св. Павел» и галиот «Св. Екатерина». С окончанием экспедиции они еще несколько лет будут служить в составе Охотской флотилии. После гибели в 1774 г. двух новых больших судов (Должантова и Очередина) они останутся единственной надеждой камчатских жителей на своевременное получение провианта. И хотя «за ветхостию их к морскому ходу немалой подвержены опасности» и были опасения, что «за худобостию придут в негодность», но навигацию 1774 г. они выдержали достойно. Кроме того, есть сведения, что в следующем 1775 г. гукор «Св. Павел» под командой подштурмана Михаила Петушкова отправится с грузом в Тигильскую крепость [21].

Оба нарисованных судна двухмачтовые. Первая — грот-мачта — несет гафельный парус и два прямых (четко атрибутируются гафель и два рея), вторая — бизань-мачта — несет только гафельный парус. По наличию леера, штага можем предположить наличие треугольных парусов кливера и фор-стакселя. Таким образом, все четыре судна (по состоянию на 1774 г.) Охотской флотилии: два галиота, гукор и шмак, как изображенные на рисунке, так и описанные в документах, имеют однотипное парусное вооружение. Оно свидетельствует о том, что охотские парусники предназначались скорее для каботажного плавания, поскольку косое вооружение позволяло идти круто к ветру, т. е. придавало судну большую маневренность; низкий рангоут и соответственно меньшая парусность не позволяли развивать высокую скорость, но взамен обеспечивали судну устойчивость, что в условиях северных морей и нестабильной метеорологической обстановки имело первостепенное значение, кроме того, не слишком умелым матросам было легче управляться с упрощенным такелажем.

В начале XIX в. в Тихом океане впервые появились русские корабли, построенные по всем канонам классического корабельного искусства, с вымуштрованными экипажами и под командой кадровых морских офицеров. Первая русская кругосветная экспедиция Крузенштерна — Лисянского доказала, что грузы и продовольствие на Охотское побережье и Аляску гораздо проще и дешевле доставлять морским путем с Балтики, а не по суше через весь континент. Это позволило обустроиться и относительно благополучно существовать русским колониям в Северной Америке, вместе с тем наглядно

показало нерентабельность строительства и невозможность содержания на Дальнем Востоке России самостоятельной дееспособной военной флотилии.

Но до того времени на протяжении почти целого века Охотская флотилия, парусники которой строились в условиях катастрофической нехватки квалифицированных мастеров-корабелов и полного отсутствия местной промышленности из привозных материалов низкого качества, оснащались далеко не самыми современными судовыми принадлежностями и навигационными приборами, эксплуатировались с нарушением элементарных правил навигации не слишком грамотными штурманами, являлась основным звеном в системе управления и хозяйственного освоения территорий северной части Тихого океана.

Примечания

1. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2480. Л. 11.

2. Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке 1759–1772 гг. // Морской сборник. 1869. № 6. С. 40.

3. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2480. Л. 6 об.

4. Пежемский П.И., Кротов В.А. Иркутская летопись. Иркутск, 1911. С. 143.

5. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 438.

6. Сгибнев А.С. Указ. соч. С. 60.

7. Болгурцев Б.Н. Участник Второй Камчатской экспедиции во главе Охотского порта // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток, 2003. Т. 4. С. 132–133; ГАИО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 об.

8. Сгибнев А.С. Указ. соч. С. 43–44.

9. ГАИО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

10. Там же. Д. 3. Л. 174.

11. Алексеев А.И. Братья Шмалевы. Магадан, 1958. С. 34.

12. ГАИО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 5. Л. 33 об.

13. Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М., 1968. С. 186.

14. ГАИО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об.

15. Там же. Л. 5 об.

16. Там же. Л. 6.

17. Там же. Л. 4 об.

18. Там же. Л. 4.

19. Алексеев А.И. Охотск — колыбель русского тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958. С. 76–77.

20. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. М.: Наука, 1989. С. 119.

21. Алексеев А.И. Охотск — колыбель русского тихоокеанского флота. С. 81.

Л.И. Галлямова (Владивосток)

Российско-американская компания и освоение Северной Пасифики*

История изучения Тихоокеанского севера, судьба Русской Америки и деятельность Российско-американской компании так тесно переплетены, что вполне уместно, на наш взгляд, обратить внимание на такой вопрос, как историческое значение деятельности РАК для освоения Северной Пасифики, имея в виду территорию севера Тихого океана, тихоокеанское побережье России и побережье северо-западной части Северной Америки. Уже сами обстоятельства создания Российско-американской компании обусловили многообразие ее функций, масштабность деятельности и неординарность ее роли в Тихоокеанском регионе.

Как известно, компания была учреждена по указу Павла I от 8 июля 1799 г., причем в указе говорилось: «...повелеваем ей именоваться: под высочайшим нашим покровительством Российская Американская компания и соизволяем, чтоб в подкрепление предприятий всей компании возможные со стороны военных начальников пособия нашими сухопутными и морскими силами по требованиям ее чинимы были на ее содержание» [1]. Согласно «Правилам для учреждения компании» и «Содержанию привилегий для учреждаемой компании», Российско-американская компания получила большие права и привилегии: правительство передало ей в монопольное пользование Аляску, Алеутские и Курильские острова, а также предоставилj право монопольно вести на этих территориях промыслы, торговлю, основывать поселения, заниматься мореплаванием, пользоваться всем, что находится в недрах и на земле [2]. Одновременно РАК предоставлялось «исключительное право на всякие приобретения, промыслы, торговлю, заведения и открытие новых стран» к югу от 55°, «естли оные никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость», а также «занимать открываемыя ею земли в российское владение на прежде подписанных правилах», «иметь торговлю со всеми около лежащими» странами; устанавливать торговые связи с другими государствами, нанимать людей и т. д. [3].

* Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН № 06-III-A-11-443.

Поскольку высочайший указ запрещал пользоваться такими же выгодами и преимуществами другим компаниям и промышленникам, кои «мореплавание туда предпринять похотели» или, уже занимаясь там промыслами, не пожелали бы вступить в образованную объединенную компанию [4], весьма скоро другие самостоятельные предприниматели были вынуждены прекратить промыслы или войти в состав объединенной Российско-американской компании.

Кроме того, одна из замечательных привилегий Российско-американской компании заключалась в том, что служба в РАК приравнивалась к государственной. В Уставе компании, утвержденном царским правительством, прямо говорилось, что люди, «кои принадлежат к сословиям, имеющим право вступать в службу, состоя на службе компании, считаются в действительной государственной службе и пользуются правом производства в чины и ношения мундира министерства финансов» [5].

Таким образом, поддержка государства и монопольное положение обусловили широкие масштабы деятельности РАК и ее огромную роль в северной части Тихого океана. И если исходить из того, что процесс освоения территории включает в себя три фазы: открытие, изучение и использование (включение в хозяйственный оборот), то можно сказать, что РАК не могла не оказать большого влияния на процесс освоения указанного региона, имея в виду все три перечисленные фазы или этапа.

Одной из самых успешных сторон деятельности Российско-американской компании стала организация кругосветных экспедиций и проведение многочисленных географических, геодезических, астрономических, этнографических и других исследований, осуществляемых как во время этих экспедиций, так и во время локальных обследований северной части Тихого океана.

В связи с тем, что снабжение Дальнего Востока и Русской Америки осуществлялось через Сибирь до Охотского порта, оттуда морем до Павловской гавани на о-ве Кадьяк, затем — до порта Ново-Архангельск на о-ве Ситха, путь этот был очень долгим и дорогим, порождая большие трудности в снабжении хлебом, солью, порохом, оружием и другими припасами, создавая большие экономические трудности для Российско-американской компании и контролируемых ею территорий. Сказывалась острая нехватка судов и плавсостава, тормозившая активизацию морских и пушных промыслов, а борьба с хищничеством иностранных промышленников на Аляске и Алеутских островах требовала наращивания военных сил для охраны русских владений. Все эти факторы актуализировали реализацию идеи кругосветных морских экспедиций из Кронштадта в воды Тихого океана, которая впервые возникла еще в 1780-е гг. [6].

Первое русское кругосветное плавание удалось подготовить и осуществить в 1803–1806 гг. на кораблях «Надежда» и «Нева» под

флагом Российско-американской компании. Начальником экспедиции был назначен И.Ф. Крузенштерн, командовавший «Надеждой», командиром «Невы» стал Ю.Ф. Лисянский. Экспедиция была тщательно подготовлена Петербургской академией наук, разработавшей для нее научную программу и необходимые инструкции; в экспедиции участвовали естествоиспытатели В. Тилезиус, Г. Лангсдорф, ученый Брыкин и будущий историограф флота В. Берх, живописец С. Курляндцев, назначенный посланником в Японию камергер Н.П. Резанов, известные впоследствии мореплаватели М. Ратманов, О. Коцебу, Ф. Беллинсгаузен и др. [7]. Экспедиция И.Ф. Крузенштерна — Ю.Ф. Лисянского сыграла большую роль в исследовании северной части Тихого океана, в частности были описаны юго-восточное и юго-западное побережья Камчатки, состояние ее экономики, быт и условия жизни камчадалов, обследованы северные берега Сахалина, среди Курильских островов открыты и астрономически определены четыре острова, названные Ловушками, описаны и положены на карту множество островов вблизи Северной Америки: Кадьяк, Афогнак, Ситхинские острова (Якоби, Круза, Баранова, Чичагова), залив Ситха, Хуцновские проливы, часть побережья Северной Америки и т. д.; собраны многообразные и ценные географические, геологические, этнографические и другие материалы.

Позднее были предприняты новые плавания вокруг света: в 1806 г. — на шлюпе «Нева» под командованием Л.А. Гагемейстера; в 1807–1811 гг. — на военном шлюпе «Диана» под командованием В.М. Головнина; в 1813–1816 гг. — на корабле РАК «Суворов» под командованием М.П. Лазарева; в 1816–1818 гг. — на том же «Суворове» под командованием З.И. Понафидина; в 1819–1821 гг. — на корабле РАК «Бородино» во главе с З.И. Понафидиным; в 1831–1833 гг. — на транспорте «Америка» и т. д. В целом кругосветные плавания осуществлялись регулярно вплоть до 1849 г. В частности, с 1803 по 1827 г. было осуществлено около 30 кругосветных экспедиций, из них 9 — за счет Российско-американской компании, 1 — на средства российского государственного деятеля и дипломата Н.П. Румянцева, остальные снаряжены за государственный счет [8].

Российско-американская компания организовывала и отправляла многочисленные и локальные экспедиции с целью исследования северной части Тихого океана, в первую очередь Аляски и Алеутских островов, а также Курильских островов, Камчатки, Чукотки, Сахалина, Берингова и Охотского морей и т. д. Так, первые морские офицеры, принятые РАК на службу в 1802 г., — Н.А. Хвостов и Г.И. Давыдов, не только осуществляли перевозку грузов и почты, но и вели активные исследования, собрав важные сведения по гидрографии Охотского рейда, Кенайской губы (залив Кука), частей Курильских островов, ценные данные о географическом положении, климате, полезных ископаемых, животном и растительном мире о-ва Кадьяк и

т. д. [9]; в 1806 г. они по поручению правления РАК совершили прославившую их экспедицию к Курильским островам и Южному Сахалину [10]. В исследованиях северо-западного побережья Америки принимали участие многие плававшие на судах РАК офицеры: И.И. Архимандритов, Н.Х. Бенземан, И.Ф. Васильев, А.М. Гаврилов, Л.А. Гагемейстер, Д.Ф. Зарембо, А.Ф. Кашеваров, А. Климовский, П.Т. Козьмин, Д.И. Орлов, В.С. Хромченко и др. [11].

Побережье Русской Америки исследовали не только офицеры, но и промысловые партии Российско-американской компании, которая постепенно укрепляла свои позиции на побережье и внутри Аляски. Первый главный правитель русских колоний А.А. Баранов не только организовал ряд таких экспедиций, но и сам неоднократно в них участвовал. Его помощник И.А. Кусков в 1802 г. возглавил экспедицию по исследованию р. Медной (Коппер), в 1809–1812 гг. он провел ряд походов до залива Бодега, к северу от которого и недалеко от залива Сан-Франциско по инициативе Кускова был основан форт Росс (форт просуществовал с 1812 по 1841 г., И.А. Кусков управлял им непрерывно до 1841 г.) [12]. А.А. Барановым в 1803–1804 гг. были посланы на юг промышленники А. Швецов и Т.О. Тараканов, которые достигли на байдарах бухты Сан-Диего (33° с.ш.), а в 1808 г. — залива Бодега (38° с.ш.), названного ими бухтой Румянцева [13]. В том же 1808 г. А.А. Баранов рекомендовал штурманам судов РАК, отправлявшимся к берегам Русской Америки, «осмотреть и описать весь берег тот от пролива Дефука до Калифорнии по всей точности и положить на карты с планами отличным местам: гаваням, бухтам и проливам с якорными местами» [14]. Главный правитель владений РАК с 1844 г. М.Д. Тебеньков организовал ряд экспедиций по исследованию побережья Русской Америки [15].

Исследования, осуществляемые под эгидой РАК, распространялись и в глубинные районы Аляски. В частности, возглавивший российские колонии в Америке капитан-лейтенант Л.А. Гагемейстер в 1818 г. направил П.Г. Корсаковского с партией служащих РАК на исследование глубинных районов материка в бассейне р. Нушагак; в 1829–1830 гг. состоялось несколько походов прапорщика И.Я. Васильева в бассейны рек Нушагак и Кускоквим; в 1833–1834 гг. А. Глазунов совершил трудное и опасное путешествие от побережья залива Нортон через бассейны рек Юкон и Кускоквим в район самой высокой горы Северной Америки Мак-Кинли; и т. д. [16]. Важнейшее значение имела экспедиция Л.А. Загоскина, состоявшая из ряда походов, предпринятых в 1841–1844 гг. Первоначальной ее целью был поиск наиболее удобных внутренних путей для торговли с местными жителями, но она принесла важнейшие научные результаты: были добыты ценнейшие сведения по общей географии Аляски, ее климату, природным условиям, растительности, этнографии, накоплены метеорологические наблюдения, астрономически

определены и положены на карту десятки объектов, Загоскиным составлено интереснейшее описание обследованных территорий [17].

В середине 1820-х гг. усиливается интерес РАК к Курилам, куда направлялись несколько раз исследовательские суда и основаны фактории (на Симушире, Шумшу, Урупе); в 1829–1831 гг. поручик корпуса флотских штурманов П.Т. Козьмин по поручению правления Российско-американской компании провел опись юго-западных берегов Охотского моря от устья р. Ура до Шантарских островов, а также Шантарских островов (в этих исследованиях принял участие А. Климовский, уроженец Русской Америки, который после окончания Кронштадтского штурманского училища стал плавать на судах РАК); в 1830–1840-е гг. снаряженные РАК экспедиции исследовали Камчатку и Командорские острова; А.Ф. Кашеваров, плававший на судах РАК с 1833 по начало 1840-х гг., исследовал районы Камчатки, Курильских и Алеутских островов; в 1848 г. на корабле под флагом РАК вел исследования Курильских островов морской офицер А.И. Рудаков, впоследствии принявший участие в Амурской экспедиции, возглавляемой А.И. Невельским, и т. д. [18].

В середине 1840-х гг. произошла заметная перемена в ходе русской экспансии на Дальнем Востоке. Ее распространение все более ориентируется на юг, концентрируясь в районе Амура и Сахалина. Задача по исследованию этого региона была возложена правительством на Российско-американскую компанию, усилиями которой был проведен ряд экспедиций: в 1846 г. лиман Амура обследовал принадлежавший компании бриг «Константин» под командованием А.М. Гаврилова, в 1848–1849 гг. служащий РАК Д.И. Орлов исследовал Нижнее Приамурье. В 1853 г. по повелению Николая II Российско-американской К° было предоставлено право на основание на Сахалине постов и организацию специального Сахалинского десанта, что и было исполнено в сентябре 1853 г., когда десант во главе с Н.В. Рудановским высадился в заливе Анива, будучи доставлен на судах под общим командованием Г.И. Невельского [19]. Таким образом, деятельность Амурской экспедиции А.И. Невельского и присоединение Амура и Сахалина, а также их исследование осуществлялись при непосредственном участии Российско-американской компании, с использованием ее судов, людей и опорных пунктов.

Своеобразным итогом проведенных под эгидой РАК исследований стало издание в 1852 г. «Атласа северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских с присовокуплением некоторых мест северо-восточного берега Азии», составленного главным правителем Российско-американской компании М.Д. Тебеньковым, работавшим над ним 25 лет. Атлас, содержавший более 30 карт, абсолютное большинство которых составлено или уточнено по результатам исследований мореходов, служивших в

РАК, стал выдающимся событием в русской гидрографии и завершением огромного труда отечественных мореплавателей [20].

Важной частью освоения Тихоокеанского севера была многосторонняя деятельность Российско-американской компании на крайних восточных рубежах империи. В начале XIX в. поселения РАК были расположены на островах Кадьяк, Афогнак, Баранов (Ситха), Уналашка, Атха, Кенайском полуострове, в Чугацкой губе, у мыса Св. Ильи, на островах Прибылова и Урупе, численность русского населения во владениях РАК достигала 470 человек, не считая довольно значительного числа местных жителей. Помимо пушного промысла, жители Русской Америки занимались скотоводством, земледелием, изготовлением различных изделий из кости. Большие трудности возникали со снабжением продовольствием, при этом самую острую нужду люди испытывали в хлебе, который, несмотря на все усилия, здесь не вызревал. Управляя заокеанскими владениями России — Курильскими и Алеутскими островами, Аляской и маленьким российским анклавом в Калифорнии — крепостью Росс, администрация РАК вынуждена была решать широкий круг проблем: преодолевая огромную отдаленность колоний от центра России и Сибири, обеспечивать снабжение населения продовольствием и припасами, восполнять недостаток рабочих рук, организовывать плавания торговых и охранных судов, развивать торговлю с соседними государствами и пр. В январе 1818 г. пост главного правителя Русской Америки вместо А.А. Баранова занял капитан-лейтенант Л.А. Гагемейстер, и с тех пор русскими колониями в Америке управляли только морские офицеры, много сделавшие для их благосостояния и облегчения жизни подвластного РАК туземного населения. Благодаря ходатайствам морских офицеров и с санкции Главного правления (ГП) РАК в колониях были открыты новые школы, больницы, дома для убогих и престарелых и т. д.

Поскольку основу экономики Русской Америки составлял пушной промысел и торговля, правление Российско-американской компании вынуждено было уделять их организации первостепенное внимание. РАК практически монопольно владела тремя наиболее важными ареалами обитания обладателя самого ценного меха калана (морского бобра) — курило-камчатским, алеутским, северо-западным. Развитие пушного промысла и расширение пушной торговли требовали периодического перемещения служащих РАК в новые районы в связи с истощением популяции ценного зверя в местах прежней интенсивной охоты. По мере продвижения на осваиваемые территории там возникали новые поселения компании: в 1819 г. в устье р. Нушагак был заложен Ново-Александровский редут, в 1822 г. — Медновская одиночка (фактория) на р. Коппер, в 1828 г. промысловый отряд служащих РАК был послан для постоянного проживания и промысла на о-в Уруп Курильской гряды, в 1832 г. возникла Хулитнакская одиночка

в среднем течении р. Кускоквим, в 1833 г. на побережье залива Нортон построен Михайловский редут, в 1833/34 г. — Дионисьевский редут в устье р. Стахин (Стикин), в 1839 г. — укрепленная одиночка Нулато на Юконе [21]. В поисках новых источников меховых ресурсов создавались фактории на Курилах, на Алеутских, Шантарских островах. РАК положила начало развитию новых крупных промыслов: так, с конца 1840-х гг. была налажена добыча рыбы и экспорт соленой рыбы в Россию; а в 1849 г. с созданием Русско-финляндской компании (при участии РАК) организован китобойный промысел.

Хозяйственная деятельность РАК оказывала определяющее влияние на экономическое развитие дальневосточных российских территорий. Создание Российско-американской компании усилило значение Охотска, который стал местом деятельности компании на Азиатском побережье: в Охотске РАК стала строить мастерские, склады, магазины, верфи, суда, дома, казармы и т.д., сюда доставлялась масса товаров, здесь происходили погрузка и разгрузка, сюда свозилась скупленная пушнина, которую подвергали рассортировке, упаковке и пр. В начале XVIII в. Охотск приобрел значение важнейшего товарораспределительного центра для всего Северо-Востока Азии [22]. На средства РАК и при ее активном участии в 1814–1815 гг. Охотск был перенесен на новое место, так как прежнее подвергалось сильным затоплениям [23].

С организацией регулярных кругосветных плаваний значение Охотска стало падать, так как компанейские суда все чаще направлялись в Петропавловск на Камчатке, минуя Охотск. С 1845 г. большую роль стал играть созданный по инициативе управляющего Охотской факторией РАК В.С. Завойко Аянский порт, а служащим Российско-американской компании Д.И. Орловым была проложена кратчайшая дорога из Якутска до Аяна — Аянский тракт [24]. Охотский и Аянский тракты стали «нитями жизни», связывавшими Северо-Восток Азии с Якутией и Сибирью и стимулировавшими развитие его экономики: по этим трактам двигались грузы, перевозились почта и пассажиры; РАК добилась устройства постоянных станций вдоль трактов, здесь стали возникать поселения, формировалось население, появились хлебопашество и огородничество, развиваются рыболовство и охота, торговля, начался процесс втягивания северо-восточной окраины в общероссийский хозяйственный оборот.

Российско-американская компания играла доминирующую роль в поддержании трактов в рабочем состоянии, несла расходы по содержанию школ и больниц. Так, в 1821 г. РАК взяла обязательство ежегодно выплачивать 7 тыс. руб. на содержание больницы в Охотске и Охотского тракта и единовременно пожертвовала 40 тыс. руб. на те же цели, что имело огромное значение для края [25]. Выдающуюся роль сыграла РАК в снабжении Камчатки и Амура продовольствием и припасами в ходе Крымской войны 1854–1855 гг. [26].

Торговые связи установились у Российско-американской компании со многими соседними странами, что также влияло на экономическое развитие дальневосточного региона. Так, первым, кто учредил американский торговый дом в Николаевске-на-Амуре, был Дж. С. Кушинг, связанный с крупной бостонской фирмой У. Бодмэнз, которая уже давно поддерживала деловые связи с Русской Америкой и Камчаткой [27]. Взаимовыгодные торговые связи, установившиеся между РАК и деловыми американскими партнерами, стали важнейшим фактором сближения между Россией и США [28].

Немаловажное значение для судеб дальневосточных российских окраин имело то обстоятельство, что деятельность Российско-американской компании способствовала формированию целой плеяды замечательных патриотов и самоотверженных исследователей, преданных идее укрепления российских позиций на Тихом океане, сыгравших выдающуюся роль в дальнейшем развитии и освоении Дальнего Востока. Среди них — И.В. Фуругельм, главный правитель Русской Америки, а с 1865 по 1870 г. — военный губернатор Приморской области; архиепископ Иннокентий Вениаминов, будущий митрополит Московский и Коломенский, горячий сторонник присоединения Амурского края к России, вложивший немало сил и энергии в решение этой задачи; В.С. Завойко, начальник Охотской фактории РАК, ставший в 1849 г. начальником Камчатки, руководитель героической обороны Петропавловска-Камчатского от нападения англо-французской эскадры в 1854 г.; уроженец Русской Америки А.Ф. Кашеваров, мореплаватель и исследователь, командовавший в 1850-х гг. Аянским портом. Это и блестящие морские офицеры, плававшие на судах Российско-американской компании и внесшие огромный вклад в исследование российского Дальнего Востока: Ф.Ф. Беллинсгаузен, Ф.П. Врангель, Л.А. Гагемейстер. И.Ф. Крузенштерн, О.Е. Коцебу, Г.И. Давыдов, П.Т. Козьмин, Д.В. Никольский, А.К. Этолин, Н.А. Хвостов, А.А. Халезов, Д.И. Орлов, А.И. Рудаков и многие другие.

В целом можно сказать, что даже самый беглый обзор основных аспектов деятельности Российско-американской компании убедительно свидетельствует о том неоценимом вкладе, который она внесла в изучение Северной Пасифики, о ее выдающейся роли в многогранном процессе освоения северной части Тихоокеанского региона и дальневосточной окраины России.

Примечания

1. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815: сб. док. М.: Наука, 1994. С. 17.

2. Правила для учрежденной компании // Там же. С. 17–18.

3. Содержание привилегий для учреждаемой компании // Там же. С. 18–19.

4. Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII века — 1867 г.). М., 1971. С. 45.

5. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и ее действий до настоящего времени. СПб., 1863. Ч. 2. Прилож. С. 12–13.

6. Алексеев А.И. Береговая черта. Магадан, 1987. С. 140–141.

7. Пасецкий В.М. Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974. С. 30–55; Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1987. С. 4.

8. Ивашинцов Н. Русские кругосветные плавания с 1803 по 1849 год. СПб., 1872. С. 236–237; Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998. С. 15–21; Масленников Б. Морская карта рассказывает. М., 1986. С. 291; Коцебу О. Указ. соч. С. 5.

9. Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб., 1810. Ч. I; СПб., 1812. Ч. II.

10. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1. С. 55–56; Груздев А.И. Береговая черта на карте. Владивосток, 1996. С. 147.

11. Масленников Б. Указ. соч. С. 253, 258, 266, 270, 271, 286, 291–292, 293, 316, 342.

12. Алексеев А.И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1976. С. 10.

13. Там же.

14. Россия и США: становление отношений. 1765–1815. М., 1980. С. 344.

15. Масленников Б. Указ. соч. С. 334–335.

16. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1815–1841. М.: Наука, 2005. С. 6.

17. Загоскин Л.А. Пешеходная опись части русских владений в Америке. СПб., 1847. Ч. I; СПб., 1848. Ч. II.

18. Алексеев А.И. Береговая черта. С. 156–157; Он же. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М.: Наука, 1987. С. 75–77; Масленников Б. Указ. соч. С. 257, 270–271, 277, 285–286, 291–293, 316–317, 320–321, 323, 335.

19. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М., 1891. С. 171–172; Алексеев А.И. Освоение русскими людьми... С. 78–79; Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990. С. 93.

20. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми... С. 166–167.

21. Федорова С.Г. Русское население... С. 126–131.

22. Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1980. С. 115–117.

23. Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России. Хабаровск, 1988. С. 87–89, 93.

24. Там же. С. 96–98, 101, 115–117.

25. Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900. Т. 1. С. 83.

26. Болховитинов Н.Н. Указ. соч. С. 84.

27. Там же. С. 147.

28. История и США. М., 1983. Т. 1: 1607–1877. С. 274.

А.Н. Гаращенко (Иркутск)

Постройки Иркутска, связанные с Российско-американской компанией

Существуют заблуждения, с которыми трудно и жалко расставаться. Одним из таких заблуждений для Иркутска является дом по ул. Сурикова, 24. Уже достаточно долгое время считается, что это здание принадлежало Российско-американской компании и здесь размещалась ее Иркутская контора. По этому поводу вышло несколько публикаций, в которых здание однозначно определялось как контора РАК [1]. Но высказывалось и иное мнение [2]. Автор этих строк в 2000 г. также опубликовал материал, в котором доказывал, что современное здание по ул. Сурикова, 24 не является бывшей конторой компании, а относится к более позднему периоду постройки и только находится на месте ранее существовавшего сооружения [3].

Но, видимо, людям хочется сенсаций, и голоса противников общепринятой версии остались неуслышанными. Пользуясь случаем, мы повторим многое из сказанного ранее в отношении дома по ул. Сурикова, 24 и расскажем о сохранившемся в городе сооружении, к которому действительно имеет отношение Российско-американская компания.

В 1781 г. Г.И. Шелихов и И.Л. Голиков составили «частную компанию на десять лет для производства пушного промысла в Аляске и на Курильских и Алеутских островах для открытия новых земель и для торговли с туземцами» [4]. В ней участвовали иркутские купцы Михаил Сибиряков, Петр и Иван Мичурины, А. Пахолков, И. Сизов (Сизых) и др. Существовала также учрежденная купцом 1-й гильдии Н.П. Мыльниковым Иркутская коммерческая компания. Взятый Г.И. Шелиховым и его компаньоном А.А. Барановым курс на монополизацию торговли и промысла в северной части Тихого океана окончился к 1795 г. объединением практически всех компаний под руководством Шелихова, Голикова, Мыльникова [5]. В 1795 г. Г.И. Шелихов неожиданно скончался в Иркутске и был похоронен в ограде Знаменского монастыря. Его имущество унаследовала жена — Н.А. Шелихова.

Юридически образование монопольной Российско-американской компании закрепил указ от 8 июля 1799 г., подписанный им-

ператором Павлом I, определивший ее правовое положение и даруемые ей привилегии. Первоначально Главное правление компании находилось в Иркутске, но указом от 19 октября 1800 г. ему велено было быть в Петербурге, а в нашем городе осталась иркутская контора РАК [6]. Пайщиками РАК постепенно становились многие члены царствующей фамилии и правительства [7].

С переводом Главного правления в столицу Иркутская контора продолжала занимать важное положение в деятельности всей компании.

Согласно правительственному указу, снабжение военным снаряжением (артиллерия и боеприпасы для компанейских судов и поселений) производилось через иркутский цейхгауз. В иркутском адмиралтействе готовили для верфей Охотского порта паруса и другие корабельные снасти. В конторе компании совершались многочисленные коммерческие сделки ее представителей с купцами на поставку товаров и различные работы. РАК действовала на всем северо-востоке Азии, а с 1851 г. — и в пределах Приамурья. Она не только вела меновую торговлю с народностями, жившими на этих землях, но и по поручению правительства отправляла экспедиции для исследования ряда мест в Америке и на Амуре. Исследовательскую деятельность РАК особо отметил декабрист Д.И. Завалишин: «Она посылает ученые экспедиции, делает описи на американских берегах; суда ее совершают открытия на океане; она издает карты, учреждает магнитную обсерваторию, производит геологические исследования, содействует исследованиям и составлениям коллекций по естественной истории и пр.» [8].

Контора компании первоначально размещалась в доме купца А.И. Лычагова [9]. 13 марта 1807 г. для нее приобретается усадьба купцов Осипа и Афанасия Сизых. О том, что дом был куплен именно у них, свидетельствует «Список обывательским домам города Иркутска 1820–1821 гг.» [10]. Обратим внимание на время покупки строений — 13 марта 1807 г. В некоторых публикациях утверждается, что в этом доме бывал Н.П. Резанов. Н.П. Резанов при последнем своем посещении Иркутска покинул город 13 февраля 1807 г. [11] и поэтому не мог посещать этот дом, т. к. контора РАК разместилась в нем позднее. Но, возможно, он и бывал здесь, будучи в гостях у Ильи Андреевича Сизых, участника компании Шелихова. Фактом является то, что компания обзавелась усадьбой с домом именно в 1807 г., и вполне вероятно, что приобретение собственного дома, последовавшее вскоре после посещения Иркутска Резановым, было произведено по его предложению.

Осип и Афанасий Сизых были сыновьями Ильи Андреевича Сизых, городского головы в период 1790–1792 (1793) гг., который и являлся строителем каменного дома. «Дом каменный вновь построенный» иркутского купца Ильи Андреевича Сизых находился на

покупном месте в Спасском приходе под № 67. Эти данные относятся к январю 1799 г. [12]. Значит, каменный дом был возведен до 1799 г. Известно, что И.А. Сизых приобрел участок в 1796 г. [13], следовательно, дата строительства определяется достаточно точно — 1796–1798 гг.

Как сообщают архивные материалы, датируемые 11 августа 1802 г., «2-й гильдии купец Осип Ильич сын Сизых (сын И.А. Сизых. — *А. Г.*) имеет дом каменный вновь построенный по плану, второй дом имеет деревянный со службами, покупной по купчей крепости и по плану глаголящий на имя отца их в 1-й части в приходе Спасском под № 67-м» [14]. Отметим, что в обоих случаях речь идет об одном и том же усадебном месте № 67.

При этом доме находились еще два деревянных флигеля [15]. В обывательском списке Иркутска за 1829–1832 гг. за Российско-американской компанией значились: деревянный дом, величина покоев: длина — 7, в поперечнике — 5 саж., число покоев — 4; **каменный дом** (выделено нами. — *А. Г.*), величина покоев: длина — 6 саж. (12,78 м) и в поперечнике — 4 саж. (8,52 м), число покоев — 2; деревянный флигель, величина покоев: длина — 7, поперечник — 4 саж., число покоев — 3 [16]. Привязку к месту дает план города 1829 г., на котором под № 80 обозначено здание «Конторы Американской компании». В то время будущая Спасо-Лютеранская улица носила название Мичуринской и начиналась от Публичного сада (район современного Мемориала). В 1835 г. по линии Мичуринской улицы усадьба Российско-американской компании была вытянута на 32 саж. (68,16 м) [17]. Приведенное выше описание дает представление о размерах усадьбы и ее застройке. Но нужно оговориться, что сведения о строениях относятся к первой четверти XIX в., и компания, приобретя дом у Сизых, могла его в дальнейшем перестроить. Судя по приведенному описанию, здание было одноэтажным, ныне же существующее по ул. Сурикова, 24 имеет два этажа. Но о возможности перестройки мы скажем ниже.

О закрытии Иркутской конторы Российско-американской компании сообщалось в газете «Иркутские губернские ведомости» 20 апреля 1868 г.: «Российско-американской компанией иркутская контора, вследствие распоряжения главного компании правления, с 19 числа апреля 1868 года закрыта. О чем публикуется во всеобщее известие».

К кому перешел участок после закрытия компании, выяснить пока не удалось.

На плане города, составленном в 1868 г., дом показан, но уже никак не подписан. Отмечено это здание и на допожарном плане, дополненном после 1879 г. Есть оно и на плане 1881 г. Причем на этом плане в усадьбе показаны две каменные постройки: одна на

красной линии Спасо-Лютеранской улицы и вторая — позади первой, на левой меже.

Территория, где располагался дом, попала в большой иркутский пожар 1879 г. И вот здесь-то и появляется вопрос, что же произошло в последующем? Известно, что к концу 1880-х гг. усадьба находилась в руках камергера двора Его Императорского Величества П.А. Сиверса, который в 1890 г. жертвует ее Кафедральному собору [18]. Привлекает особое внимание фраза из церковного документа за 1915 г.: «**...дома** для священно- и церковнослужителей на церковной усадебной земле **построены тщанием П.А. Сиверса**» (выделено нами. — *А. Г.*). В других документах подтверждения этому обнаружить не удалось. Был ли первоначальный дом восстановлен после пожара и частично перестроен, или на его месте был возведен новый? Эти вопросы ждут ответа.

Соборный причт остается владельцем усадьбы вплоть до муниципализации домовладений в 1920-е гг. [19].

За версию о строительстве нового дома на месте старого говорят ряд фактов, отмеченных архитектором-исследователем Е.Р. Ладейщиковой, с которыми мы полностью согласны. Приведем их.

«По объемно-планировочному решению и оформлению фасадов данная постройка значительно отличается от известных зданий конца XVIII – начала XIX вв.:

– постройки того времени выполнялись по образцовым фасадам;

– со строгой стилистической принадлежностью к классицизму, в соответствии с духом времени;

– с соблюдением основных закономерностей (симметрия, выделение центральной оси, наличие ризалитов, трехчастное построение фасада и т. д.), свойственных этому стилю.

Данная же постройка по типу, скорее, относится к доходным домам второй половины XIX в. с равновысоким пристроем сеней на боковом дворовом фасаде и уличным входом на левом фланге главного фасада.

Равнозначная, без акцентов, проработка главного фасада также указывает на более позднее происхождение.

На значительную перестройку указывают и следующие моменты:

– существенное различие в оформлении фасадов в уровне 1 и 2 этажей;

– несовпадение осей оконных проемов полуподвала и этажей;

– несовпадение ритма осей оконных проемов лицевого фасада внутренней объемно-планировочной структуре здания;

– наличие «слезниковой» плиты, выполненной из песчаника (более поздний прием)» [20].

В дополнение к сказанному архитектором хотелось бы обратить внимание на размеры здания, купленного у Сизых (приблизительно 13 х 9 м), с величиной ныне существующего (20 х 18 м).

Не похож дом ни на один из известных нам домов конца XVIII – начала XIX в., выполненных по образцовым фасадам того времени (таких изображений сохранилось немало, многие из них были сделаны с натуры А.И. Лосевым).

Также отметим, что о строении в дореволюционных изданиях никогда не упоминалось как о бывшем доме компании. И вряд ли это было по «забывчивости». Можно привести пример, когда в памяти жителей города остались дома, принадлежавшие декабристам, но уже давно перешедшие к другим хозяевам. Нужно сказать, что у иркутян, как, наверное, и у жителей других городов, в устной традиции, да и в письменной тоже, при указании на какую-то постройку или место говорилось: «дом такого-то — бывший...» и далее указывалась фамилия предыдущего владельца. Например, Останинские ряды (название фигурировало в местной топонимике даже после смерти хозяина и смены владельцев).

Конечно же, доля допустимости в наших рассуждениях есть. Можно предположить, что РАК в середине XIX в. перестроила первоначально купленный дом и он стал отвечать всем стилевым и архитектурным особенностям своего периода. Может быть, он был переделан после продажи его компанией в период конца 1860-х – 1870-е гг. Но это не тот дом, который компания купила у Сизых.

Хотелось бы верить, что от здания, возведенного И.А. Сизых, даже после всех перипетий с пожаром 1879 г. и последующих перестроек, что-то осталось и оно все-таки является полноправным современником Российско-американской компании и одним из старейших сохранившихся каменных домов в Иркутске.

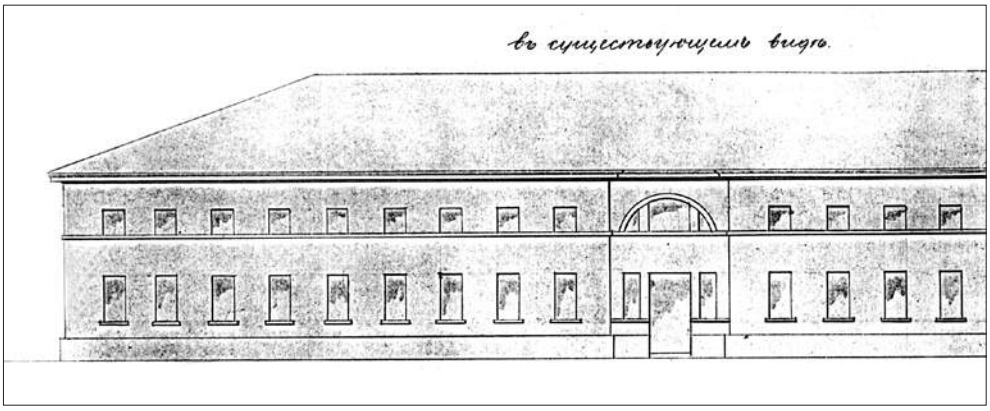
Но если даже он возведен заново, то сооружен на месте, связанном с Иркутской конторой Российско-американской компании, и это место по праву является одним из исторически значимых для нашего города.

Ответ на вопрос о периоде строительства и перестройках могли бы дать капитальное обследование здания со вскрытием штукатурки, а также более подробные архивные поиски.

Непосредственно с РАК были связаны другие постройки в городе. Это, во-первых, так называемые Американские казармы, которые, к сожалению, не сохранились (28 мая 1934 г. было принято решение о строительстве Дома каторги и ссылки на месте бывших Американских казарм. В середине 1930-х гг. казармы были сломаны [21]), и сохранившееся двухэтажное каменное здание офицерского корпуса Американских казарм, о которых речь пойдет ниже.

С давних пор иркутяне представляли свои жилые помещения под постой войск, в соответствии с российским законодательством

того времени. В иркутском государственном архиве отложился следующий документ — полицейская инструкция из Тобольской полиции за 1733 г., в которой в одной из статей говорилось: «...Солдат и протчих ставить на дворы всяких чинов людей во всех слободах у обывателей необходимо, кто б какого звания ни был, кроме духовного чина» [22].



Фрагмент фасада Американских казарм. ГАИО

В конце XVIII в. в городе строятся первые участнические казармы. Они были возведены на средства не казны, а иркутских обывателей. Этот акт был инициирован стремлением домовладельцев освободить себя от тягости постойной повинности. Постройки были деревянными и обошлись участникам пая более 4 тыс. руб. Согласно плану, составленному губернским архитектором А.Я. Алексеевым в 1779 г. [23], казармы располагались рядом с артиллерийским арсеналом.

В дальнейшем (первая треть XIX в.) здания этого назначения строились капитальными, т. е. каменными, и, как правило, жертвованием местного купечества.

Чтобы освободить жилые покои от постоя войск, по инициативе Главного правления Российско-американской компании, начавшей свою деятельность, как отмечалось выше, в 1799 г., было решено построить каменные казармы для войск, при условии взноса по 3 тыс. руб. в год, начиная с 1800 г.

Известно, что на построение в Иркутске в двух местах каменных двухэтажных казарм нижних воинских чинов Российско-американская компания пожертвовала 70 000 руб., в том числе семейство Шелихова участвовало 10 тыс. руб.

В период 1802–1804 гг. на территории нынешнего квартала № 70, на участке земли, граничащем с улицами Казарменской (ныне Красного Восстания) и Троицкой (ныне в этом месте переулок А. Сударева), на средства, собранные членами Российско-американской компании, были возведены каменные казармы, получившие

название «Американских» (в настоящее время на этом месте находится большой четырехэтажный каменный дом, ул. Красного Восстания, 7, по-видимому, частично построенный на фундаменте этих казарм). Об их внешнем облике можно судить по сохранившемуся чертежу фасада.

Отметим, что в 1808 г. закончилось строительство каменных участнических казарм на Преображенской улице на месте прежних деревянных (ныне ул. Тимирязева, 16). Но и после этого постойная повинность была обременительна для жителей города.

2 мая 1816 г. иркутский гражданский губернатор Н.И. Трескин обратился к городскому обществу с посланием, в котором говорилось, что «...при настоящем устройстве Губернского города по высочайше конфирмованному плану представляется необходимость для воинских помещений отделить особый, так сказать, воинский квартал, в окрестностях казарм Российско-американской компании, где оному быть тем приличнее, что вблизи оных казарм находятся военно-сиротское отделение, комендантский полковой и дачи полкового командира домы, цейхгаузы и проч., также строются новые для солдат казармы, но чтобы сделать сей квартал правильным и для будущих воинских построений достаточным, необходимо купить близь состоящие к казармам два дома...» [24]. Далее городскому обществу в лице общественного собрания предлагалось решить вопрос о покупке двух домов, принадлежащих: первый — иркутскому мещанину Афанасию Сизову [25], а второй — столоначальнику казенной экспедиции Литвинцеву, и «...о сноске их для очищения места и о устроении оного по высочайше конфирмованному плану» [26].

10 мая 1816 г. иркутские купцы, мещане и цеховые решили купить дома из оставшихся после строительства средств Российско-американской компании 16 876 руб. 17 коп. и следующих еще дополучить 9 тыс. руб. Но изначально 24 апреля 1816 г. предложение о покупке зданий исходило от начальника губернии Николая Ивановича Трескина, а затем было продублировано указом губернского правительства 3 мая. Именно с этим предложением и согласился сход купцов, мещан и цеховых.

Гражданский губернатор, видимо, посчитав, что городская дума не спешит с выполнением его распоряжения, 25 мая отправил второе распоряжение. Гражданский губернатор обратился к городской думе на ее донесение со следующим: «...рекомендую градской думе: 1-е) Дома мещанина Сизых и столоначальника Литвинцева немедленно купить и снесь оные, занимаемые ими места обнесть забором в линию с одной стороны с забором казарм Российско-американской компании, с другой стороны с домами Заморской улицы [27], по указанию губернского архитектора» [28].

Но только в августе 1816 г. купчие были совершены.

Как видно из текста вышеприведенных документов, речь идет

Фрагмент плана Иркутска начала 1800-х гг. Под лит. Е — Американские казармы

как раз об участках земли, на которых в настоящее время находятся двухэтажный деревянный дом по ул. Красного Восстания, 9, каменный двухэтажный дом на углу улиц Ленина и Красного Восстания и здание парикмахерской.

Усадьбы были приобретены, но строительство на них не началось.

В 1819 г. был сменен сибирский генерал-губернатор, вместо И.Б. Пестеля император Александр I назначил М.М. Сперанского. В сентябре 1819 г. городская дума обратилась к новому генерал-губернатору с просьбой о разрешении «на постройку каменных против заморского шлагбаума казарм к облегчению граждан от постоя в особенности бедного класса» [29]. Далее дума просила М.М. Сперанского «предписать кому следует о сделании плана фасада иметь для выстройки на 20 саженях казармы с двумя флигелями каждой на 9 саженях, в коих могли помещаться солдаты, флигели для помещения офицеров» [30]. 29 октября М.М. Сперанский дал свое согласие на работы.

25 мая 1820 г. он подтвердил свое решение, обратившись к думе со следующим посланием: «Имея в виду предположение сей думы в рассуждении постройки казарм, для квартирования офицеров здешнего гарнизона, я поручал губернскому архитектору, сообразно пла-

ну, утвержденному высшим начальством, на таковую же постройку в городе Томске, сделать смету о потребностях на сию постройку против цен, здесь существующих.

В следствие сего доставлена ныне мне помянутая смета, по коей исчисляется на один каменный двухэтажный корпус с службами 26 201 рубль. Хотя сумма сия немалозначительна, но как градская дума, сделав решительное предположение произвести постройку казарм, испрашивает представлением от 12 сего мая № 432 на сие разрешение, то я, препровождая при сем помянутую смету и с тем вместе копию с плана для постройки казарм в Томске утвержденнаго, предлагаю сообразить точнее дело сие и буде представится возможным произвести по оным постройку казарм из остатков от городских доходов, то приступить к распоряжению, стараясь соблюсти сколько возможно правильность сего здания и во всем сообразоваться с планом при сем прилагаемом.

Сибирский генерал-губернатор М. Сперанский».

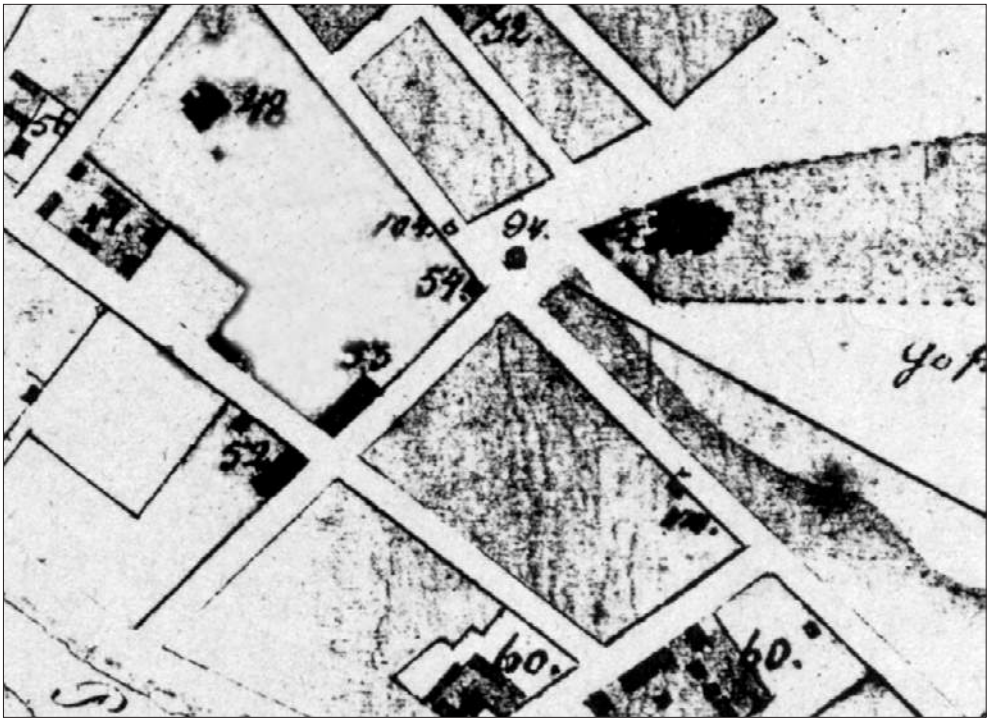
Губернским архитектором Я. Кругликовым была просчитана смета на «построение каменного корпуса с кухнями, амбарами и погребами, для квартирования офицерам по плану, строительным комитетом утвержденному», которая выглядела следующим образом [31]:

Материалы и работы	Кол-во	За каждое		За все	
		руб.	коп.	руб.	коп.
1. На один каменный двухэтажный корпус длиною 7 саж. [32] 1 арш. Шириною 6 саж. 1 арш. Вышиною 4 саж. потребно:	26	40		1 040	
Камня бутового во рвы кубических сажен На цоколь серого камня длиною и вышиною	398	2		796	
одного шириною три четверти аршина	56 000	18 за 1 000			
Кирпича стенового	208		50	936	
Извести 20 пудовых бочек	15	4		45	
Песку кубических сажен	16 000	30		560	
Кирпича печного на 10 печей с трубами	5	35 за 1 000		60	
Глины на печи и смазку накатов кубич. сажен	38 ½	12		616	
Железа в деле: связях в стены и для печей, пудов на балки и крышу	50	16		100	
бревен длиною 3 ⅓ сажен толщиною 8 вершков	72	2	50	108	
бревен длиною 3 сажени толщиною 8 вершков	28	1	20	33	60
	228			228	

на стропилы, решетины, накаты и прогоны	202	1	60	323	20
под пятами бревен длиною 4 саж	298	1	20	357	60
толщиною 6 вершков	10	1		60	
бревен длиною 3 саж толщиною 6 вершков	15	1		90	
тесу полового 3-х саженного шириною 8 и 7 вершков	3000	6		120	
тесу кровельного 3-х саж шириною 8 и 7 вершков	110 60 000	40 за 1 000	50	55 420	
печных дверок с посторонками железных					
вьюшек чугунных с крышками железных					
гвоздей кровельных		7 за 1 000		1 400	
гвоздей костылевых				1 200	
гвоздей штукатурных	10	25		450	
За работы:	60			360	
Каменщикам с вырытием рвов сделанием цоколя и штукатуркой с тысячи по За всю плотничную работу	19 540	45	50	95 810	
За кладку печей, красной работы	20	5		500	
Рам в окны пополам зимних и летних с выкраскою белилами на масле		1		120 100	
К ним приборов		25			
Стекол 9-вершковых с замаскою				**12 396**	**40**
Дверей с закладными рамами окраскою и слесарным прибором					
За выкраску крыши					
За земляную работу, смаску полов и потолков					
Итого:					
2-е. к нему две кухни каменные каждая длиною 6 ⅓ шириною 3 и вышиною 2 саж., на них потребно:	24	40		960	
Камня бутового кубических сажен					
Цокольного камня длиною и шириною одного вышиною три четверти аршина	372 95 000	2 18 за 1 000		744 1 710	
Кирпича стенового	215		50	1 067	50
Извести 20 пудовых бочек	16	4		480	
Песку кубических сажен	11 500	30		402	50
Кирпича печного на 4 печи и 2 очага	2	35 за 1 000		24	
Глины на печи и смазку накатов кубических сажен	46	12		736	
Железа в деле в связях на стены и печи пудов	298	16	50	447	
На балки и накаты и крышу бревен длиною 3 саж., толщиною 8 вершков	128 488	1	60 20	204 585	80 60

Тесу полового 3саженного шириною 8 вершков	5 10	1 1		45 60	
Тесу кровельного 3саженного шириною 8 вершков	4000	9 6		160	
К печам заслонок с посторонками	82	4 за 1 000	50	41	
Вьюшек чугунных с гнездами	28 000			196	
Гвоздей кровельных		7			
Гвоздей костылевых				2 090	
Гвоздей штукатурных				1 100	
За работы:	6	22		240	
Каменщикам с вырытием рвов, сделанием цоколя и штукатуркой с тысячи по	16 128	40	40	96 179	20
За всю плотничную работу		6			
За кладку печей и очагов красного дела	6	1		90	
Рам в окна пополам с подъемами, с выкраскою		15		160 100	
Стекол 8 вершковых с замаскою					
Дверей с закладными рамами, окраскою и кузнечным прибором				**11 918**	**60**
За окраску крыш					
За земляную работу и смазку накатов					
Итого:					
3. к нему ж два деревянных корпуса длиною по 12 шириною по 7 и вышиною по 5 аршин; в каждом по два амбара и под ними по два погреба; на оба потребно:					
бревен длиною 13 аршин, толщиною 6 вершков	110 205	1 1	40	154 205	
бревен длиною 9 аршин, толщиною 6 вершков	42	1	50	63	
бревен длиною 9 аршин, толщиною 8 вершков на стойки и переводы	132 520	1 1	60 20	211 624	20
тесу полового 3 саженного шириною 8 и 7 вершков	3120	40 за 1 000		124	80
тесу кровельного 3 саженного шириною 8 и 7 вершков	2	24		48 480	
гвоздей кровельных				100	
на крючья, петли, скобы, железа в деле пудов				**1 886**	
за всю плотничную работу с вырытием погребов					
за окраску крыш					
Итого:					
Всего:				**26 201**	

Следствием всех распоряжений было начало постройки, в одну линию с Американскими казармами, каменного здания, которое долго носило название «офицерского флигеля» [33].



Фрагмент плана Иркутска 1829 г. Под № 53 — казармы Американские, № 54 — казармы офицерские

«Закладка каменных казарм на углу Заморской, прямо Крестовской церкви» (ныне Красного Восстания, 9а) состоялась 27 июля 1820 г. [34]. С их постройкой угол квартала получает традиционную для Иркутска градостроительную фиксацию в соответствии с его абрисом.

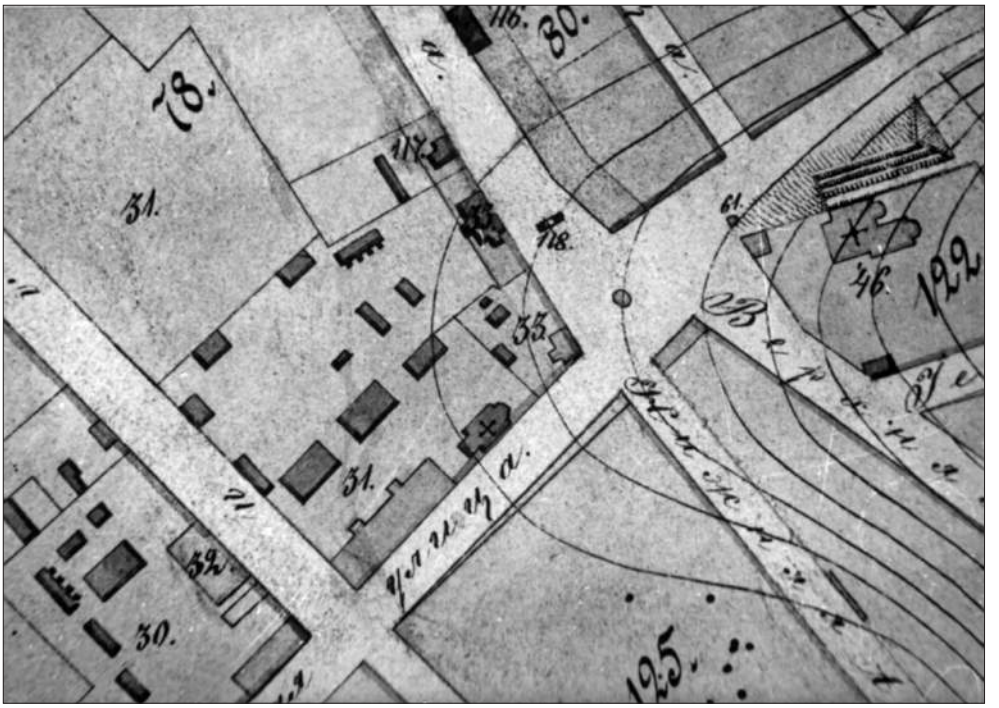
Строительство велось очень медленно, т. к. у городской думы не хватало средств. Летом 1820 г. выкопаны рвы и сделан фундамент, а в течение 1821 г. «произведены работы не были по причине недостатку городовых доходов» [35]. Просматривая список «Обывательским домам города Иркутска 1820–1821 гг.», мы узнаем относительно интересующего нас здания, что только огорожено место «...для предположенных к постройке каменных казарм» [36].

Большим подспорьем в финансировании строительства явилось решение Главного правления Российско-американской компании «при слушании имянного Высочайшего Указа, данного Правительствующим Сенатом в 12 день октября 1821 года, о возобновлении для оной компании привилегии и правил вновь на 20 лет, в общем собрании всех наличных участников ея, в ознаменовании признательности своей к дарованным ей сим указом преимуществам и (слово неразборчиво. — *А. Г.*) между прочим определило: отпускать из капитала компании в продолжении 20 лет, начиная с 1822 г., в каждый год по три тысячи рублей на построение и содержание

в Иркутске каменных солдатских казарм» [37]. 17 января 1822 г. иркутский гражданский губернатор сообщал думе, что он разрешает продолжение постройки каменных казарм «сколько на жертвуемую от компании сумму, столько же для безостановочного окончания всей постройки на сумму городовых доходов, в возврат которой могут постепенно поступать получаемые от компании» [38].

Но решение о выделении 3 000 руб. стало выполняться не с 1822 г., а только с 1823, да и то не регулярно. Строительство затягивалось. 2 августа 1823 г. гражданский губернатор обратился с запросом в думу по поводу того, в каком состоянии находятся «строющийся здесь флигель для помещения офицеров и к какому времени может быть совершенно оный окончен?» На что 9 августа 1823 г. дума отвечала, что «...вновь строющиеся для помещения офицеров ведутся стены второго этажа, к какому времени может быть оный кончен, дума определительно ограничивать не может, потому что городовых сборов на нынешний год крайне...». Такая же картина была и в 1824 г. И только к концу 1825 г. работы были закончены. Принятие казарм состоялось или в самом конце 1825 г., или в начале 1826 г. (из материалов архивного дела это не ясно) [39].

Каменный двухэтажный угловой дом впервые показан на плане Иркутска 1829 г., так называемом плане Баснина, опубликованном



Фрагмент плана Иркутска 1887 г. Под № 31 — казармы для воинских команд и плац, № 33 — воинское управление и канцелярия батальона

в книге «Первое столетие Иркутска». На этом плане здание обозначено под № 54 и называется — «Казармы офицерские».

Еще не было закончено строительство, а губернская администрация 23 апреля 1824 г. приняла решение о размещении в этом здании ланкастерской школы. «Для облегчения здешних городовых жителей от содержания ланкастерской школы располагать, переместить оную в верхний этаж строющихся офицерских казарм, когда они окончены будут...» — гласило распоряжение, подписанное гражданским губернатором И.Б. Цейдлером [40].

Белл-ланкастерская система взаимного обучения, или ланкастерская, — система организации и методов обучения в начальной школе, при которой старшие и более успевающие ученики (мониторы) под руководством учителя вели занятия с остальными учащимися. Название получила по именам английских педагогов А. Белла (A. Bell; 1753–1832) и Дж. Ланкастера (J. Lancaster; 1776 или 1778–1838), независимо друг от друга выдвинувших сходный метод обучения. Первоначально применялась в Индии, где в это время находился Белл. В начале XIX в. получила широкое распространение в ряде стран (США, Франция, Бельгия и др.) как дешевый и быстрый способ распространения грамоты. В школах взаимного обучения учили чтению религиозных книг, письму и счету. В них не было классов и учителей в современном смысле слова. Учащиеся, разделенные на десятки (отделения), учились у мониторов, которые учились сами, а для обучения товарищей получали от учителя инструкцию, чему и как надо учить в предстоящий день. Учебников не было. Вместо них пользовались различным дидактическим материалом. При этой системе учащиеся не приобретали систематических знаний. Против нее выступили И.Г. Песталоцци и его последователи. В России школы, работавшие по белл-ланкастерской системе, стали открываться с 1818 г., но широкого распространения не получили.

18 августа 1825 г. состоялось собрание иркутских купцов, мещан и цеховых, которые выслушали предписание иркутского гражданского губернатора относительно размещения во вновь отстраиваемых офицерских казармах ланкастерской школы для взаимного обучения. Собрание отметило, что данные казармы устраивались с разрешения и дозволения бывшего генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского «единственно в облегчение граждан от постоя войск, поэтому уступить казармы под ланкастерскую школу общество не может». Такое заявление жителей города не устроило Губернский совет. 11 ноября он обратился к думе со следующим предписанием:

«Губернский Совет, рассматривая обстоятельство о замещении вновь выстроенного корпуса офицерских казарм ланкастерскою школою, и принимая в рассуждение: первое, что казармы хотя и отстроены, но не могут быть замещены офицерами по причине неимения службы и, следовательно, от оставления их впусте не только

не будет никакой пользы, но легко могут опустошиться и подвергнуться расстройству; второе, что, если и были бы устроены все службы, то во вновь выстроенном корпусе поместить возможно не более 4 женатых офицеров, и третье, для помещения школы взаимного обучения 250 человек нужны обширные комнаты, каковых в городе удобных совсем не имеется, и о заведении такового делается новое соображение — журналом своим 28 ч. минувшего октября состоявшимся заключил: „школу поместить в сем здании, а в нижнем этаже несколько учителей, и градской думе за отзыв в противность распоряжения того же начальства, которое и утверждало постройку сих зданий, сделать замечание, предоставя господину гражданскому губернатору распорядиться о продолжении постройки и окончания оной в таком виде как для предмета назначить нужно“.

Соглашаясь с таковым постановлением Совета, я представляю оное на утверждение г. генерал-губернатора Восточной Сибири с предложением его Высокопревосходительства, по сему предмету ко мне последовавшего, препровождая у сего список, предписываю градской думе, сделав к исполнению онаго должное распоряжение, мне о исполнении донести. Гражданский губернатор Цейдлер» [41].

Генерал-губернатор поддержал такое решение. И ланкастерская школа в здании была размещена. Находилась она здесь довольно долго, до конца 1850-х гг. Из переписки между первым отделением Министерства военного департамента с хозяйственным департаментом МВД от 7 февраля 1861 г. читаем: «Исправляющий должность

Вид на Казарминскую улицу. Справа современное здание ул. Красного Восстания, 9, за ним виден купол церкви Св. Александра Невского, далее — Американские казармы. Фото конца XIX – начала XX в.

начальника штаба войск Восточной Сибири, с которым было сделано сношение о выводе ланкастерской школы из общественных зданий, сообщил от 10 октября 1859 г. за № 3992, что названные в представлении бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири ланкастерскою школою классы бывшего иркутского полубатальона военных кантонистов, помещавшиеся в общественном здании, — по преобразовании этого полубатальона в Иркутское училище военного ведомства помещаются ныне вместе с училищем в казармах, именуемых участническими и составляющих частную собственность некоторых граждан Иркутска» [42].

Если обратиться к планографическому материалу по Иркутску, то, как мы уже отмечали выше, впервые здание показано на плане 1829 г. под № 54 и называется — «Казармы офицерские», т. е. так, для чего здание первоначально и предназначалось. В дальнейшем оно присутствует на всех планах города, и многие из этих планов дают нам информацию о том, что находилось в двухэтажном каменном доме. На плане 1843 г. оно обозначено, но в экспликации не указывается, что в нем размещалось. На плане губернского города Иркутска, составленном в 1868 г., дом обозначен под № 41 — казармы для воинских команд. План города 1881 г. дает информацию о том, что в доме под № 7 размещалось воинское управление.

После этого здание было занято управлением Иркутского губернского воинского начальника и Военно-судной комиссией, управлением уездного воинского начальника (по планам 1885 г., 1887 г., 1894 г.), в 1903 г. его квартировали под казармы Иркутского и Енисейского резервных пехотных батальонов, а в 1909 г. здесь размещался штаб 27-го Восточно-Сибирского стрелкового пехотного полка [43].

В одном из архивных дел удалось обнаружить план части 70-го квартала с участком земли, занятым постройками т. н. «Белых казарм». План относится к ноябрю 1913 г. «Белыми казармами» к этому времени называли территорию, включающую в себя уже упоминаемые нами «американские казармы», интересующий нас двухэтажный каменный дом, здание офицерского собрания, лазарет и ряд других построек, общим количеством 24 штуки. В 1913 г. в этих казармах размещался Иркутский гарнизон. На плане, составленном помощником городского землемера И. Игнатьевым, двухэтажный каменный дом обозначен как «Помещение музыкальной команды» [44]. Рядом с этим строением по ул. Амурской (Ленина), там, где сейчас расположена парикмахерская, находился лазарет — деревянное одноэтажное здание, далее, по этой же улице, стоял деревянный двухэтажный дом офицерского собрания (на его месте теперь находится средняя школа № 15).

Интересно отметить такой факт, что по улице Казарминской (Красного Восстания) между зданием Американских казарм и интересующим нас домом располагалась церковь Св. Александ-

ра Невского. Деревянная на каменном фундаменте церковь была построена на средства иркутских купцов Я.А. Немчинова и А.Ф. Дунаева в ограде Иркутского резервного пехотного батальона и освящена 30 августа 1877 г. [45]. Церковь имела один престол и колокольню. Использовалась она в основном для нужд военных чинов, т.к. причта при ней не было. Рядом с церковью был небольшой сад. Нам не удалось определить точное время уничтожения церкви, по-видимому, это период 1919–1920 гг., когда в Иркутске шли бои Гражданской войны, и документально известно, что пострадали казармы, находившиеся на Казарминской улице.

В советское время исследуемый участок исторической среды города полностью утратил социальный статус военно-ведомственной территории. В начале 1930-х гг. при возведении средней школы № 15 сносятся лазарет и двухэтажное деревянное здание Офицерского собрания. Последняя постройка обладала значительным историко-культурным потенциалом. Строительство центрального стадиона сопровождалось разрушением ряда построек и перекрытием исторической улицы (бывшей Троицкой, ныне 5-й Армии).

Фактически от всего военного комплекса так называемых Белых казарм сохранилась лишь одна постройка — Красного Восстания, 9а — каменные офицерские казармы.

Нам удалось выявить одно описание дома, относящееся к 1882 г., которое мы приводим полностью. «„Из описи зданий казарм Иркутского резервного батальона“

...имеется здание, так называемое Интендантские казармы, занятое Воинским управлением.

а) Здание каменное 2-х этажное, величиною по Амурской улице на 9 пог. саж., по Преображенской (ошибка составителя описания, ул. Казарминская названа Преображенской, вероятно, как продолжение последней. — *А. Г.*) на 7 ½ пог. саж., во дворе от Преображенской 8 ½ пог. саж. и от Амурской 9 саж. Крыто железом шатровою крышею.

По всему периметру здания проведены желобья, из них 6 водосточных труб. Прикладное каменное крыльцо из плит в пять ступеней. В крыльце окон 1 с одинарною рамою в 4 стекла.

Из крыльца вход в нижний этаж.

Нижний этаж разделен на две половины коридором, состоящим из 1-й проходной комнаты с 1 окном с двойными рамами в 8 стекол. Из коридора направо две комнаты, разгороженные капитальной стеной. Из них в комнате, ближайшей к дверям, начинается деревянная лестница и ведет в верхний этаж. Направо от коридора находится одна комната, разделенная аркой на две половины. Печей голландских в нижнем этаже 4 с медными душниками. Окон 17 с двойными рамами, переплеты в 8 стекол. Окна открываются снизу вверх. В верхнем этаже в углу против лестницы устроена комната, отделенная капитальными стенами, и затем остальная часть верх-

него этажа разделена заброшенными между печьми марками тесовыми заборами на две половины, коридором. В коридоре входная дверь на железных навесах. На конце этого коридора над крыльцом одна комната холодная с дверью в 1 полотно, на железных навесах с пробоями для замка, в ней 2 окна с двойными рамами в 8 стекол. Из коридора направо 3 комнаты, разделенные двумя капитальными стенами и одной легкой перегородкой, а налево комната, разделенная аркой на две половины. Окон в верхнем этаже, исключая комнаты над крыльцом — 18, с двойными рамами; 8 рам с переплетами в 6 стекол, а остальные в 8 стекол. Рамы отворяются сверху вниз. Печей голландских 3, с чугунными дверцами и медными душниками. Дверей внутренних 3 в одно полотно плотничной работы» [46].

В настоящее время здание по ул. Красного Восстания, 9 имеет очень простой, ничем не декорированный фасад. Возможно, он был таким изначально, но, возможно, и имел определенный декор, утерянный в результате ремонтов. Во всяком случае, на фотографии конца XIX – начала XX в. мы видим дом практически таким же, как и сегодня.

Исходя из всего вышесказанного можно дать определенную оценку данного объекта — здание является объектом культурного наследия, особая его ценность заключается в его возрастной характеристике — ему уже более 180 лет и оно связано с деятельностью Российско-американской компании. Каменных зданий такого возраста в городе немного. Оно также интересно и как одно из немногих зданий военной принадлежности, единственное сохранившееся от так называемых «Белых казарм».

Примечания

1. Иванова Л. Сенсационная находка // Восточно-Сибирская правда. 1991. 18 июня; Колмаков Ю.П. Этот памятный дом // Там же. 1992. 10 дек.; Дулов А.В. Памятники Иркутска, связанные с Русской Америкой // Российские исторические чтения, посвященные 200-летию со дня смерти Г.И. Шелихова: тез. и материалы. Шелехов, 1995. С. 36.

2. Душкин Ю. Архивные документы уточняют // Резонанс. 1993. Янв. № 1 (20).

3. Гаращенко А., Ладейщикова Е. Дом Российско-американской компании? Два взгляда на один объект // Земля Иркутская. 2000. № 12. С. 22–23.

4. Русский биографический словарь. М., 1997. С. 61.

5. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 110–111.

6. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 723. Л. 2.

7. Алексеев А.И. Указ. соч. С. 112–113, 115.

8. Завалишин Д.И. Российско-американская компания. СПб., 1856. С. 38.

9. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 236. Л. 200 об.–201.

10. Там же. Оп. 10. Д. 31. Л. 51 об.–52.

11. Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова) / с предисл., добавл. и примеч. И.И. Серебренникова // Тр. ВСОИРГО. Иркутск, 1911. № 5. С. 205.

12. ГАИО. Оп. 1. Д. 236. Л. 339 об.–340.

13. Душкин Ю. Указ. соч.

14. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1329. Л. 18.

15. Там же. Оп. 10. Д. 31. Л. 51 об.–52.

16. Там же. Оп. 1. Д. 2862. Л. 35.

17. Там же. Оп. 1. Д. 3427. Л. 45 об.

18. Там же. Ф. 50. Оп. 7. Д. 420. Л. 15.

19. Там же. Ф.р-504. Оп. 8. Д. 17. Л. 4.

20. Гаращенко А., Ладейщикова Е. Указ. соч. С. 23.

21. После закрытия в 1935 г. в обстановке культа личности Сталина Общества старых большевиков и Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев и начавшихся репрессий актуальность в строительстве «Дома каторги и ссылки» отпала. Поэтому архитектор Б.М. Кербель переработал проект в обыкновенный жилой дом, строительство которого, кроме наружной отделки, было закончено перед Великой Отечественной войной.

22. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1167. Л. 3 (нумерация дела старая).

23. Серебренников А.М. Очерк некоторых сторон из жизни города Иркутска в первые три года по введении Городового Положения 21 апреля 1785 года. Иркутск, 1894. С. 87.

24. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 789. Л. 1.

25. В деле встречается правописание фамилии и как Сизов и как Сизых, мы берем чаще употребляемое написание.

26. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 789. Л. 1 об.

27. В начале XIX в. нынешняя улица Ленина носила название Заморской, позднее была переименована в Амурскую.

28. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 789. Л. 22–22 об.

29. Там же. Д. 1244. Л. 4.

30. Там же. Д. 911. Л. 1 об.–2.

31. Там же. Л. 8–9.

32. 1 сажень = 213 см; 1 аршин = 71,12 см; 1 вершок = 4,44 см.

33. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 1. С. 191.

34. Иркутская летопись... С. 225.

35. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 911. Л. 16 об.

36. Там же. Оп. 10. Д. 31. Л. 311об.–312 (нумерация дела старая).

37. Там же. Оп. 1. Д. 1244. Л. 3–3 об.

38. Там же. Д. 911. Л. 13.

39. Там же. Д. 1244. Л. 5, 6, 8, 13, 67–68.

40. Там же. Л. 13.

41. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1244. Л. 54–56.

42. РГИА. Ф. 1287. Оп. 42. Д. 75. Л. 208 об.–209.

43. Чирков Н.С. Иркутск в кармане. 1908–1909. Иркутск, 1909. С. 105.

44. ГАИО. Ф. 70. Оп. 4е. Д. 403 (старая нумерация).

45. Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 11354. Л. 296.

46. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 1549. Л. 141 об.–142 об.

Л.А. Глацкова (Иркутск)

Интегративно-культуроведческий аспект в обучении английскому языку как технология развития личности

(на основе деятельности Иркутского городского историко-краеведческого клуба «Иркутск — Форт Росс»)

Интеграция в мировом сообществе и процесс построения открытого демократического общества ставят перед российским образованием в целом и перед образовательными учреждениями в частности вопросы формирования новых качественных образований личности: способность человека рассматривать себя не только как представителя национальной культуры, проживающего в определенной стране, но и в качестве гражданина мира, воспринимающегося себя субъектом диалога культур и осознающего свою роль и ответственность в глобальных общечеловеческих процессах.

Сегодня общепринятым является утверждение, что язык и культура настолько тесно взаимосвязаны, что нет смысла преподавать их отдельно друг от друга, ибо язык используется как главная среда, через которую выражается и познается иноязычная культура. Изучение культуроведческих аспектов способствует не только успешному овладению иностранным языком, но также оказывает положительное влияние на формирование личности обучаемого, на его мировоззрение и убеждения.

Цель общего образования на современном этапе включает следующее: развитие личности обучающегося, его сознательных и познавательных способностей; формирование ценностной системы универсальных знаний, умений и навыков; формирование духовности и культуры, гражданской ответственности и правового самосознания, самостоятельности, толерантности.

Термин «иноязычная культура» является неотъемлемым компонентом содержания образования. Под иноязычной культурой мы понимаем все то, что способен принести учащимся процесс овладения иностранным языком в учебном, познавательном, развивающем и воспитательном аспектах.

При этом обучение иноязычной культуре используется не только как средство межличностного общения, но и как средство обога-

щения духовного мира личности на основе приобретения знаний о культуре страны изучаемого языка (история, литература, музыка и т. д.), знаний о строе языка, его системе, характере, особенностях и т. д.

Лингвострановедческий аспект служит для фиксации страноведческих сведений в единицах языка, способствует обогащению предметно-содержательного плана. Его более основательный подбор и более раннее использование в обучении иностранным языкам (ИЯ) — один из резервов повышения его активности.

Поскольку основным объектом является не страна, а фоновое знание носителей языка, их невербальное поведение в актах коммуникации, в обобщенном виде их культура, то правомерным было бы ввести социокультурный компонент (СО) обучения ИЯ, на базе которого учащиеся формировали бы знания о реалиях и традициях страны, включались бы в диалог культур, знакомились с достижением национальной культуры в развитии общечеловеческой культуры.

Актуальность данной проблемы, обусловленная поиском путей пополнения (СО) ИЯ на основе пересмотра компонентов социокультурного компонента с целью его оптимизации в целом, а также недостаточная разработанность в плане подбора дополнительных материалов лингвострановедческого содержания в действующих УМК предполагают сформулировать тему исследования следующим образом: «Интегративно-культуроведческий аспект в обучении английскому языку как технология развития личности».

Объектом деятельности Иркутского городского детско-молодежного историко-краеведческого клуба «Иркутск — Форт Росс» является социокультурный компонент содержания обучения и обучающая деятельность учителя по формированию коммуникативной компетенции учащихся.

Основная цель изучения иностранного языка в высшей школе — **формирование коммуникативной компетенции**, все остальные цели (образовательная, воспитательная, развивающая) реализуются в процессе осуществления этой главной цели. Коммуникативный подход подразумевает обучение общению и формирование способности к межкультурному взаимодействию, что является основой функционирования Интернета.

Вне общения Интернет не имеет смысла — это международное многонациональное, кросс-культурное общество, чья жизнедеятельность основана на электронном общении миллионов людей во всем мире, говорящих одновременно — самый гигантский по размерам и количеству участников разговор, который когда-либо происходил. Включаясь в него на уроке иностранного языка, мы создаем модель реального общения.

Общаясь в истинной языковой среде, обеспеченной Интернетом, учащиеся оказываются в настоящих жизненных ситуациях. Вовле-

ченные в решение широкого круга значимых, реалистичных, интересующих и достижимых задач, школьники обучаются спонтанно и адекватно на них реагировать, что стимулирует создание оригинальных высказываний, а не шаблонную манипуляцию языковыми формулами.

Социокультурный компонент действительно служит стимулом повышения мотивации изучения иностранного языка и средством обучения иноязычной культуре. Под содержанием обучения ИЯ следует понимать языковой материал (фонетический, лексический, орфографический, грамматический), тематику, звучащие тексты, тексты в традиционной орфографии, языковые понятия, не свойственные родному языку обучающегося, а также лексические, грамматические, произносительные, орфографические навыки и умения обращаться к справочной литературе при работе над языком.

Именно выход на уровень возможного расширения страноведческого материала может позволить логично и эффективно решить задачи по усилению социокультурной ориентации иноязычного образования в целом, расширению фоновых знаний, модернизации лексической базы и естественно усилению мотивационного аспекта обучения ИЯ.

Практика преподавания ИЯ показывает, что учащиеся с неизменным интересом относятся к истории, культуре, искусству, нравам, обычаям, традициям, укладу повседневной жизни народа, увлечениям сверстников и т. п.

При этом необходимо тщательно отбирать материал, т. к. перед системой образования встает задача подготовки школьников к культурному, профессиональному и личному общению с представителями стран с иными социальными традициями, общественным устройством и языковой культурой.

Дело педагога — ввести природное существо в культуру, обеспечить ему обживание ее пространства, сформировать систему отношений. Каждая из привычных школьных дисциплин — это лишь одно из конкретных проявлений культуры. Собственно знания этой дисциплины не так уж и важны, и в идеале передать их как некое пространство информации гораздо лучше может специалист этой науки. Но подать ее культурологически, культуросообразно и культурно-деятельностно, открывая ученику ее как часть культуры, сделав его частью человечества и наследником исторического опыта, — вот где роль и место педагога. И в этом случае ему потребуется не столько знание предмета, сколько множество других знаний и умений, необходимых для достижения целей.

Воспитание как часть социализирующего образования, проводимого в рамках Иркутского городского детско-молодежного

историко-краеведческого клуба «Иркутск — Форт Росс», может быть определено как специально организованный процесс предъявления социально одобряемых ценностей, нормативных качеств личности и образцов поведения, т. е. процесс приобщения человека к общему и к должному.

Возможность реализации поставленных задач осуществляется через интегративно-культуроведческий аспект, а именно через изучение темы «История Русской Америки», экологическое просвещение, компьютерные технологии и, непосредственно, через иностранный язык.

В государственном стандарте уровня обученности по иностранным языкам (ИЯ) отмечается, что формирование коммуникативной компетенции неразрывно связано и с социокультурными и страноведческими знаниями, иными словами, как бы со «вторичной социализацией». Без знания социокультурного фона нельзя сформировать коммуникативную компетенцию даже в ограниченных пределах. Только культура в различных ее проявлениях содействует формированию личности человека.

Поставленные цели при обучении студентов высшей школы английскому языку осуществляются по следующим направлениям:

1. Формирование билингвальной социокультурной компетенции на основе сознания сходства и различия между родной и изучаемой культурой.

2. Формирование компетенции дискурса при учете специфики сознания и понимания речевых произведений в иноязычной и родной культуре.

3. Включение обучаемых в активную речевую и познавательную деятельность, способствующую воспитанию и развитию личности через иноязычную деятельность.

Являясь вице-президентом клуба, хочу поделиться опытом работы в детском молодежном историко-краеведческом клубе «Иркутск — Форт Росс» при Музее истории города Иркутска.

Особое место в нашей работе имеет просветительская деятельность, связанная с периодом освоения Американского континента русскими. Наша деятельность началась с участия в международном проекте «Global Village — Fort Ross».

Этот проект находился под эгидой ЮНЕСКО. Проект начался в 1997 г. Основные задачи проекта — образовательные. По Интернету он объединил русских и американских школьников, совместно изучающих археологию и историю Форта Росс, расположенного на северном побережье Калифорнии. Сегодня Форт Росс является государственным историческим парком, а в 1812–1841 гг. форт был дальней крепостью Российско-американской компании. На территории форта было много русских переселенцев, а также много индейцев из племен с Аляски и Калифорнии.

Наш международный проект был нацелен на воссоздание духа такой же, как и в прошлом, международной деревни — гармоничного сообщества людей разных национальностей и религий. Этот проект помог молодому поколению в России и Америке лучше знать, понимать и ценить нашу совместную историю и возможности международного сотрудничества. Туристы, посещающие Аляску и Калифорнию, восхищаются не только прекрасной природой, но и православными церквушками в поселках, где живут почти исключительно коренные американцы: алеуты, эскимосы и тлинкиты. Местные поселения, бухты, возвышенности имеют русские названия. Изучая эти факты, мы как бы заново открываем Америку, Русскую Америку. Мало кто из американцев и даже русских хорошо знаком с историей северо-американского края США, где Российской империи противостояли Англия, Испания, Франция и сама Америка. Мы, как иркутяне, гордимся тем, что в нашем городе находилась штаб-квартира Российско-американской компании. Символично, что благодаря нашей совместной деятельности с американскими коллегами этот период истории не только не забыт нашим поколением, но и ведется углубленное исследование оставшихся артифактов на территории, где размещается здание Российско-американской компании в рамках раскопок, которые проводятся совместно с американскими и российскими археологами при участии представителей нашего клуба.

Особенно благодатной темой является историческое и культурное наследие России, которому может позавидовать любая другая нация, что способствует осознанию особой национальной гордости. Это играет большую воспитательную роль, т. к. позволяет познать и оценить культурные ценности своей собственной страны. Ни в коей мере не пытаясь превознести или принизить ту или иную культуру, мы лишь даем понять, что в условии глобализации и сглаживания межкультурных различий все же существует разнообразие национальных культур и ценностей.

Работа в клубе включает важнейшие темы, охватывающие широкий спектр культуры России и США, такие как история, национальный характер, традиции, обычаи, изобразительное искусство, музыка, литература. Это и встречи с интересными людьми нашего города, совместные экскурсии по городу и его окрестностям.

Совершенно естественно можно подвести студентов к анализу и сравнению изучаемых реалий в иноязычной и собственной национальной культуре, опираясь на исторические факты и общаясь с носителями языка.

Волонтеры нашего клуба применяют различные методы обучения, которые способствуют творческому поиску, мотивации в изучении английского языка, формируют гражданские убеждения и предоставляют возможности для раскрытия личности студентов и

школьников. Такая учебная деятельность направлена как на развитие межкультурной коммуникации, так и на осознание высоких культурных ценностей своей страны, что в условиях «идеологической пустоты» и потери идеалов у молодого поколения может способствовать укреплению национального самосознания и патриотизма.

Тема «Русская Америка» мало представлена в учебных пособиях, используемых при обучении иностранному языку. Точнее сказать — полностью отсутствует.

Представляется важным применение разных стратегий обучения. Чем больше будет альтернативных методических решений, тем плодотворней будет поиск новых путей обучения предмету в целом и повышение мотивации обучения в частности.

Наше общение началось через Интернет в 1996 г. Компьютерные технологии вошли в нашу жизнь и стали связующим звеном при реализации нашего проекта. Изучение иноязычной культуры имело под собой общую основу: Русская Америка, влияние русских на культуру американцев. Этот факт явился дополнительной мотивацией в изучении языка и использовании компьютерных технологий.

Воспитание — суть и стержень педагогики. Реализуется оно в различных деятельностных формах, в том числе и в обучении знаниям.

Но само обучение может быть воспитанием, может быть антивоспитанием, а может быть нейтральным по отношению к воспитанию. Этот момент и не был учтен, когда произошла историческая подмена воспитания как сущности педагогической деятельности на обучение знаниям. В итоге по данным социологических исследований 1995 г. 70 % молодых людей России готовы покинуть страну в любой благоприятный момент. Однако результаты опроса наших участников клуба говорят о том, что 70 % опрошенных желали бы остаться в своей стране и прилагать свои усилия по изменению к лучшему, учитывая опыт зарубежных стран.

Воспитание есть интерактивный процесс, в котором достижение положительных результатов обеспечивается усилиями обеих сторон, как педагогов, так и воспитуемых.

Самообразование и самовоспитание — это две стороны самореализации личности. Но если самообразование — это неотъемлемая сторона становления личности, то самовоспитание предполагает все-таки наличие какого-то образца, подобия, с которого подрастающее поколение могло бы брать пример для подражания. В наши дни это чрезвычайно трудно. Наши студенты затруднились назвать личность, которой они хотели бы подражать. Участвуя в деятельности нашего клуба, молодые люди видят перед собой множество положительных примеров высокой гражданственной позиции и пытаются следовать им.

Другими словами, современная молодежь желает проявить себя в учебной деятельности (как в аудиторной, так и во внеаудиторной), с учетом их личностных качеств, определяя себя в различных микросредах, где бы они реализовывались.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Молодежь другая. Она адекватна времени, складывающейся социальной ситуации своего развития.

2. Молодежи остро недостает перспективных линий социального развития в силу отсутствия четкой стратегии развития общества: структура мотивационно-потребностных приоритетов молодежи, свидетельствующих о ее ориентации на достойную жизнь в обществе.

3. В системе ценностных ориентаций молодежь «зависла» между традиционными ценностями нашего бытия (славянский менталитет, коллективизм и т. д.) и западной моделью индивидуального сознания (принцип «твои проблемы»). Отсюда синдром «одиночества в толпе» (его следствия — отчуждение, суицид, наркомания, равнодушие к жизни).

4. Молодежь надо вести (доминанта — целеенаправленная социализация (воспитание). Основной принцип: направляемая самостоятельность. Исторически именно воспитание выступило как «первокирпичик», из которого развился и выстроился широкомасштабный, контролируемый со стороны общества и государства процесс социализации, определило становление социальности и «культурности» (т. е. принадлежности к определенной культуре) человека.

В конце своего сообщения хочу процитировать слова Брека Паркмена, руководителя проекта «Global Village»: «Я очень рад возможности снова побывать в вашей стране. Мой первый визит в Россию пришелся на 1998 год, когда я привез на Дальний Восток России из Калифорнии делегацию, состоящую из шести американских детей и двух взрослых. Мы приехали на поезде с Дальнего Востока в Иркутск, где нас расселили по русским семьям. После проведения совместных встреч в Иркутске мы жили две недели в палатках на озере Байкал. В 1999 году делегация русских детей и сопровождающих взрослых из Иркутска приехала с ответным визитом в Калифорнию, где они жили у меня дома с моей семьей и в других американских семьях. Дети, побывавшие в обеих экспедициях, многому научились, посещая другую страну.

Я верю, что такие культурные обмены очень важны — они помогают утвердить добрую волю между народами и делают нашу планету более здоровым, благоприятным и безопасным местом обитания для наших детей».

С.В. Гончарова (Хабаровск)

Исследования С.Ф. Понятовского и проблемы этногенеза коренных народов Приамурья

Среди имен польских исследователей, внесших значительный вклад в изучение коренных народов Сибири и российского Дальнего Востока, малоизвестным остается имя Станислава Францевича Понятовского — этнографа и антрополога.

В отличие от многих своих соотечественников, попавших в эти северные районы не по своей воле, его приезд на Амур был связан с проведением международных научных исследований, с разрешением проблем этногенеза коренных народов Восточной Сибири и Северной Америки.

Станислав Понятовский родился 6 ноября 1884 г. в небольшом местечке Церанов на Подлясье Королевства Польского. После окончания средней школы он начал изучать физико-математические и технические науки на механическом факультете Варшавского Политехнического института. Вступление в Польскую социалистическую партию, изучение философской и общественной литературы изменили приоритеты будущего исследователя. В 1906 г. он выехал в Швейцарию, где поступил на философский факультет Цюрихского университета. С этого момента его научные интересы стали неразрывно связаны с изучением антропологии.

На рубеже XIX–XX вв. антропология как наука находилась на стадии становления. В центре внимания ученых были исследования морфологии (отчасти физиологии) человека, изучение человеческих рас, а также вопросы антропогенеза. Накопленный научный материал включал не только данные о живых людях, но и ископаемый, палеонтологический материал. К началу XX в. в целом сформировался фундамент будущей науки, были определены ее основные направления и содержание.

Вместе с тем начало века совпало с кризисом зарождающейся научной дисциплины: не было создано общепринятой теоретической базы, единых исследовательских методик, разработанные классификации вариаций современных человеческих популяций были во многом противоречивы и часто носили расистский характер. Недостаточно было данных об этногенезе и путях расселения человечества. В связи с этим вся первая половина XX в. была посвящена

разработке основных антропологических параметров, характеризующих человека как биологический объект.

В то время университет Цюриха был одним из крупнейших научных центров Европы, где работали многие известные европейские ученые, в том числе и Рудольф Мартин [1]. Этому немецкому ученому принадлежит приоритет в разработке современной методики антропологических исследований. Во многом благодаря его работам была усовершенствована техника измерений черепа, костей и человеческого тела, а также преодолен кризис, связанный с проблемой определения расовой принадлежности.

Работая в Цюрихе, Рудольф Мартин заложил основы методологии антропологических исследований и физической антропологии как науки. Позднее созданный им учебник положил начало накоплению систематических данных, сравнимых в мировом масштабе. В сферу научных интересов ученого входила и этнография [2]. Разносторонние научные интересы, новейшие методики проведения исследований, яркая личность учителя — все это оказало большое влияние на студентов. Станислав Понятовский не был исключением, изучение основ антропологии под руководством Р. Мартина навсегда определило будущую специальность.

Помимо антропологии в курс обязательных предметов на философском факультете университета входила и этнография. В это время ее преподавали на кафедре географии профессора О. Столл и Я. Гейерли [3]. Примерно в тот же период времени в Цюрихе начали свое обучение Я. Чекановский, Е. Лот, М. Рейхер, Т. Войно, В. Гондзикевич и другие известные в будущем ученые, профессора крупнейших университетов Польши. На протяжении шести лет обучения эти люди были основным окружением молодого польского исследователя. В 1911 г. С. Понятовский с отличием закончил учебу, получив степень доктора философии.

По возвращении в Варшаву он работал ассистентом в антропологической лаборатории. В 1912 г. произошла его встреча с известным антропологом А. Хрдличкой [4], сотрудником Смитсоновского института [5]. Американский ученый приехал в столицу Польши в связи с подготовкой экспедиции в Сибирь и предложил Станиславу Францевичу принять участие в этом международном антропологическом проекте.

К этому времени исследования, проведенные на территории Восточной Сибири [6] и северо-западной Америки среди индейцев, выявили существование между этими народами культурных связей. На основании собранных материалов была выдвинута гипотеза об азиатском происхождении американских индейцев. Ученые предполагали, что оба континента некогда составляли единое целое, что делало возможным проникновение человека в древности из Азии в Америку [7].

«Однако культурные связи сами по себе не могли служить достаточным основанием вышеуказанной гипотезы, учитывая возможные заимствования. В равной степени и установление физического родства между сравнительно близко живущими чукчами и коряками, с одной стороны, и индейцами северных тихоокеанских побережий, с другой, не могло стать достаточно сильным аргументом против принятой некоторыми авторами возможности прибытия этих народов в Азию из Северной Америки. Зато гораздо более важным для упомянутой гипотезы было бы установление физического родства между американскими индейцами и сибирскими народами, проживающими вдали от них» [8]. Алеш Хрдличка, автор этой гипотезы, планировал провести целую серию экспедиций в разные районы Восточной Сибири и российского Дальнего Востока, с целью сбора антропологического и этнографического материала, подтверждающего его предположение. К выполнению поставленных задач он привлек молодых польских ученых С. Понятовского и К. Столыхву [9], с которыми встретился в Варшаве, перед отъездом в экспедицию по Сибири.

Первоначально проведение исследований С. Понятовского было запланировано на 1913 г., позднее сроки были перенесены на весну 1914 г. Одной из причин, повлиявших на изменение планов, была необходимость в изучении новейших методик антропологических исследований, в частности метода изготовления гипсовых масок с живого человека. Для обучения он должен был встретиться с известным чешским ученым, профессором И. Матейка [10]. За неделю пребывания в Праге Станислав Францевич научился делать маски, а также получил от А. Хрдлички специальные инструменты для проведения антропологических измерений.

Вместе с тем в начале 1914 г. Понятовский был занят и созданием кабинета этнологии, основу которого составили этнографические коллекции Варшавского музея промышленности и сельского хозяйства. Планируя поездку в Приамурье, он встретился в Кракове с Брониславом Пилсудским, исследователем народов Сахалина, известным к этому времени не только в Польше, но и в Европе [11].

После долгих сборов при содействии американского Национального музея польский ученый выехал в свою первую крупную антропологическую и этнографическую экспедицию в начале мая 1914 г. Основные исследования, определенные Смитсоновским институтом, должны были охватить гольдов [12], орочен [13], гиляков [14], ольчей [15] и выявить наличие культурных связей между народами Америки и Азии. Целью экспедиции был сбор материалов, подтверждающих гипотезу А. Хрдлички, главным образом, «поиск среди тамошних туземных народностей физических типов, родственных американским индейцам» [16]. По

продолжительности поездка должна была длиться от полутора до двух месяцев, на изучение каждой этнической группы отводилось по три недели.

Научное оборудование экспедиции включало в себя два комплекта антропологических инструментов (присланный А. Хрдличкой и личный набор ученого, привезенный им из Швейцарии), два фотографических аппарата, 480 фотопластин Agla размером 12 x 16,5 и 13 x 18 см, 36 пленок. Кроме того, фотохимикаты и маленькая темная палатка для затемнения во время смены фотопластин.

Путешествие Станислава Понятовского началось с Петербурга, где он посетил Русское Географическое общество, а также познакомился с известными российскими учеными Э.К. Пекарским и Л.Я. Штернбергом [17]. Последний дал рекомендательное письмо и посоветовал польскому исследователю обратиться за помощью в организации экспедиции к В.К. Арсеньеву, директору музея в Хабаровске [18]. Дальнейший путь из Петербурга занял две недели. Станислав Понятовский проехал по российским железным дорогам через Вятку, Пермь, Челябинск, Омск, Красноярск, Иркутск, Владивосток и Никольск-Уссурийск.

Конечным пунктом его маршрута был г. Хабаровск, где к этому времени существовал научный центр — Приамурский отдел Императорского Русского географического общества, музей и библиотека [19]. Члены отдела вели разноплановые исследования не только в Приамурье, но и на всей территории российского Дальнего Востока. Значительную роль в работе ПОИРГО (1906–1918) играли экспедиции и исследования В.К. Арсеньева, который к 1914 г. уже был известен как признанный знаток Приамурья и на общественных началах исполнял обязанности директора Гродековского музея [20]. Опубликованные работы, накопленный научный потенциал сделали имя Арсеньева известным не только в стране, но и за рубежом. Можно сказать, во многом встреча двух исследователей была предопределена, а дружеское расположение, общность научных интересов, взаимный обмен информацией послужили основой для дальнейших плодотворных контактов.

Днем 3 июня они впервые встретились в музее. Перед Понятовским стоял худощавый человек немного выше среднего роста, лет сорока, с лицом суровым, но очень симпатичным. Польский ученый вручил В.К. Арсеньеву рекомендательные письма от Русского Географического общества и Л.Я. Штернберга. «Дорогой Владимир Клавдиевич, — писал Лев Яковлевич, — податель сего польский антрополог Станислав Понятовский, едет на Амур для антропологических измерений. Очень прошу Вас оказать свое товарищеское содействие своим опытом, советом и связями. В свою очередь, быть может, г. Понятовский будет и вам полезен своими знаниями и антропологическим опытом» [21].

Арсеньев тепло принял польского ученого и согласился помочь в проведении запланированных исследований в Приамурье. Он познакомил Понятовского с историей возникновения Гродековского музея и его экспозицией. В большей степени польского ученого заинтересовал отдел этнографии, в котором подавляющее число экспонатов было собрано самим В.К. Арсеньевым во время его экспедиций по краю. Наиболее полно в экспозиции были представлены коллекции по материальной и духовной культуре орочей и удэгейцев [22].

Масштаб исследований, проведенных Арсеньевым за незначительный промежуток времени, произвел большое впечатление на польского ученого: «За время своих поездок он смог, как никто другой до него, изучить весь Уссурийский край, создать множество топографических карт, собрать геологические, зоологические и археологические коллекции, составить списки и планы различных руин наземных построек, созданных предположительно в период так называемого средневекового царства Бохай, составил огромный словарь языка орочей — удехэ: причем он, не зная научной транскрипции, придумал свою собственную фонетическую транскрипцию, и одновременно собрал много первосортных материалов по самым различным областям знаний» [23].

Больший интерес польского ученого вызвали опубликованные работы В.К. Арсеньева и составленные им подробные карты Уссурийского края. Русский исследователь обстоятельно отвечал на вопросы польского коллеги и даже составил небольшую этнографическую карту Уссурийского края с прилагающейся объяснительной запиской [24]. Особенно поразили польского исследователя дневники русского путешественника. Это были подробные полевые записи, включавшие разносторонние сведения о географии, населении, истории, растительном и животном мире Приамурья. Скрупулезность ведения рабочих материалов, вдумчивость Арсеньева, его педантичность поразили Понятовского, получив высокую оценку — «капитальные дневники!!» [25].

К подготовке экспедиции польского ученого В.К. Арсеньев привлек И.А. Лопатина [26], хорошо знавшего район предстоящей экспедиции. Был разработан план совместных антропологических, этнографических исследований среди нанайцев и орочей. В свою очередь Понятовский познакомил дальневосточных исследователей с новейшими методами, применяемыми в антропологии. Позднее, закупив гипс и все необходимые материалы, польский ученый на практике показал технику изготовления масок, проведя показательный урок по краниологии [27]. Несколькими днями позже под руководством Станислава Францевича Лопатин изготовил маску с лица Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Вновь встретившись, 6 июня исследователи обсудили и уточни-

ли план предстоящей этнографической экспедиции. Следующие две недели заняла подготовка к полевым исследованиям, и только 15 июня экспедиция выехала из Хабаровска в Сикачи-Алян на моторном катере [28]. В состав экспедиции вошли жена Лопатина Любовь Григорьевна и ученики Хабаровского реального училища: Евгений Воропаев, Николай Делле и Григорий Стрижевский.

Исследования проводились в следующих населенных пунктах [29]:

1. Сикачи-Алян (нанайское стойбище на правом берегу р. Амур, в 72 км от Хабаровска) с 16 июня по 4 июля;

2. «Нижнее Мари» (нанайское стойбище «на левом берегу протоки Мари») с 4 по 9 июля;

3. «Муху» (нанайское стойбище «на правом берегу протоки Орэ») с 9 по 11 июля;

4. Дада (нанайское стойбище ниже по той же протоке) с 12 по 14 июля;

5. Даерга (нанайское стойбище «на правом берегу Гардамской протоки») с 14 по 15 июля;

6. Найхин (нанайское стойбище «на правом берегу протоки Докэ») с 15 по 17 июля;

7. «Торгон» (нанайское стойбище, «расположенное на двух островах ближе к правому берегу реки Амур») с 17 по 20 июля;

8. Троицкое (русское село в 209 км ниже г. Хабаровска, основано в 1859 г.) с 20 по 21 июля;

9. «Баркас — баочан» (нанайское стойбище «на правом берегу реки Амур») 21 июля «Мынгэн» (нанайское стойбище «на острове с правой стороны реки Амур») с 22 по 26 июля;

10. В орочонских селениях на р. Хунгари исследования проводились с 26 по 31 июля;

11. Вознесенское (русское селение в 361 км от г. Хабаровска, основано в 1864 г.) с 1 по 2 августа;

12. Среднетамбовское (русское селение, основано в 1860 г.) с 5 по 7 августа.

В начале августа исследования были прерваны начавшейся Первой мировой войной. После завершения экспедиции в Хабаровске С. Понятовский рассказал В.К. Арсеньеву о проведенных исследованиях и обратился с просьбой оказать содействие в отправке собранных им коллекций [30]. Ученые запланировали в следующем году встретиться вновь и провести совместные исследования среди удэгейцев. Перед расставанием В.К. Арсеньев подарил польскому коллеге свои печатные работы: доклад «Вымирание инородцев Амурского края» и «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края» [31].

Между тем август 1914 г. был знаменателен для этнографии Приамурья, в Хабаровске в силу обстоятельств встретились и об-

суждали проблемы этнографических исследований венгр Б. Баратози, поляк С. Понятовский и русский В.К. Арсеньев. Приамурский край все еще оставался малоизученным в этнографическом отношении, поэтому ученые строили планы совместных исследований после окончания войны.

К сожалению, начавшаяся Первая мировая война и последующие события не позволили осуществиться планам, связанным с проведением совместной этнографической экспедиции. Сохранившаяся переписка Арсеньева с Понятовским свидетельствует, что в их отношениях проявился характер подлинного научного сотрудничества, взаимно обогащавшего обоих ученых [32]. Уже из Польши ученый написал письмо с распоряжением, касающимся оставленных им в Хабаровске коллекций [33]: «будьте добры, выслать в Америку два ящика и один пакет /длинный, в полотне/ с этнографическими коллекциями. Вышлите, пожалуйста, на счет получателя National Museum in Washington. Что касается двух желтых сундуков /S.P. I, S.P. II/ и большого ящика с гипсом, то, если возможно, пусть все это пока остается у Вас в музее до распоряжения Dr. Ales Hrdlicka, curator of the Division of phisical Antropology in United States National Museum? Washington D.S., ...» [34].

По возвращении в Польшу Станислав Понятовский был занят обработкой обширного этнографического материала. Проведенные им антропологические измерения фактически не подтвердили гипотезу о физическом сходстве восточносибирских народов и североамериканских индейцев [35]. Позднее, в 1923 г., выходит его небольшая работа «Материалы к словарю амурских гольдов» [36].

Осенью 1915 г. он был назначен директором библиотеки Варшавского университета. Годом позже принял кафедру этнографии в Варшавском Вольном Польском университете. Исполнение обязанностей директора библиотеки оставляло ученому мало времени для научной работы, поэтому в 1919 г. он оставляет этот пост и целиком посвящает себя этнологическим исследованиям, издательской и преподавательской деятельности. В 1934 г. С. Понятовский был назначен экстраординарным профессором этнологии и общей этнографии гуманитарного факультета Варшавского университета.

Начало Второй мировой войны застало Станислава Понятовского в Варшаве, где он продолжает тайно проводить занятия и семинары для студентов. Десятого ноября 1942 г. он был арестован гестапо и заключен в концлагерь. По последним данным, полученным польским исследователем А. Кучинским, датой смерти С. Понятовского следует считать 8 января 1945 г.

К сожалению, военные действия не только привели к значительным человеческим потерям, но и нанесли большой урон архивным фондам, собраниям библиотек и коллекциям музеев. Безвозвратно

исчезли многие документы, в том числе и имеющие отношение к С. Понятовскому, его научному наследию.

Как отмечает профессор А. Кучинский, в 1966 г. «дневник экспедиции в несовершенном виде был опубликован на страницах польского журнала „Lud“» [37]. В архиве Польского этнографического общества во Вроцлаве хранятся многочисленные документы и коллекции, относящиеся к исследованиям С. Понятовского в Приамурье, не введенные в научный оборот до настоящего времени [38]. Между тем собранные в экспедиции 1914 г. материалы польского ученого и сегодня остаются ценным источником по этнографии и антропологии народов Нижнего Амура.

Примечания

1. Мартин Рудольф (1864–1925), немецкий антрополог. Создатель современной методики антропологических исследований.

2. Зубов А.А. Физическая антропология на рубеже XX–XXI вв. // Этнографическое обозрение. 2002. № 3. С. 29.

3. Столл Отто (1849–1922), профессор, преподавал географию, антропологию и этнографию в университете Цюриха (1898–1919); Гейерли Якоб (1853–1912), доктор исторических наук, преподавал археологию в университете Цюриха (1900–1912).

4. Хрдличка Алеш (1869–1943), американский антрополог. По национальности чех. Основные труды по палеоантропологии и расоведению. Автор теории азиатского происхождения индейцев Америки, обосновал неандертальскую стадию в эволюции человека.

5. Смитсоновский институт основан в 1846 г. в Вашингтоне (США). В состав института входят астрофизическая обсерватория, Национальный зоологический парк, Национальный музей, Национальная галерея и др.

6. Богораз В.Г. (1865–1936), Иохельсон В.И. (1855–1937), этнографы, исследователи культуры народов Крайнего Севера. Приняли участие в работе экспедиции Сибирякова (1895–1897) и Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции (1881–1908) по изучению культурно-исторических связей Северо-Восточной Азии и Северной Америки.

7. В настоящее время первое проникновение человека из Азии на Американский континент датируется учеными периодом 12–15 тыс. лет назад.

8. Poniatowski S. Dziennik wyprawy (do kraju goldow i oroczonow w 1914 roku) // LUD T. L. Wroslaw, 1966. S. 7.

9. Столыхва К. летом 1913 г. выехал в экспедицию по Енисею.

10. Матейка (Matiegka) И. (1862–1941), чешский антрополог. Основные труды по краниологии, соматологии и антропологии людей позднего палеолита на территории Чехословакии.

11. Пилсудский Б. (1867–1918), этнограф, исследователь народов острова Сахалин: айнов, ороков, нивхов.

12. Нанайцы (устаревшее название — гольды). Народ, преимущественно проживающий на территории Хабаровского края, в бассейне рек Амур и Горин. Нанайский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам.

13. Орочи (орочены — неверное название, под которым в литературе XIX в. подразумевались удэгейцы, а также орочи). Народ, проживающий на юге Хабаровского края, в низовьях р. Тумнин, на р. Копи и побережье Татарского пролива. Орочский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам.

14. Нивхи (устаревшее название — гиляки). Народ, проживающий в низовьях р. Амур (Хабаровский край) и на острове Сахалин. Нивхский язык не классифицирован в настоящее время.

15. Ульчи (устаревшее название — ольчи). Народ, проживающий в Хабаровском крае, ниже по течению Амура от района расселения нанайцев. Ульчский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам.

16. Poniatowski S. Dziennik wyprawy (do kraju goldow i oroczonow w 1914 roku).

17. Штернберг Л.Я. (1861–1927), выдающийся этнограф и лингвист, профессор Петербургского университета, член-корреспондент Российской академии наук. Основные труды по этнографии народов Сибири, Дальнего Востока и первобытной религии.

Пекарский Э.К. (1858–1934) — языковед, этнограф, фольклорист. Составил фундаментальный словарь якутского языка; работы по этнографии якутов и эвенков.

18. Арсеньев В.К. был директором Хабаровского музея в 1910–1919, 1924–1925 гг.

19. Приамурский отдел Русского Географического общества был основан в 1894 г. в г. Хабаровске.

20. Музей Приамурского отдела Императорского Русского географического общества создан в 1894 г. С 1902 г. носит название Гродековский музей. Н.И. Гродеков (1843–1913) — генерал-губернатор Приамурского края, первый председатель Приамурского отдела ИРГО, много сделавший для открытия музея и библиотеки в г. Хабаровске.

21. Тарасова (Васина) А.И. Письма Л.Я. Штернберга к В.К. Арсеньеву // Страны и народы Востока. Вып. 20: Страны и народы бассейна Тихого океана. М., 1979. Кн. 4. С. 33.

22. Удэгейцы — народ, проживающий в горных районах Приморского и Хабаровского краев. Удэгейский язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам.

23. Stanisław Poniatowski Dziennik wyprawy (do Kraju Goldow ´i Oroczonow ´ w 1914 roku) // LUD. Wrocław, 1966. C. 45.

24. Полевой Б.П. Этнограф Понятовский о В.К. Арсеньеве // Дальний Восток. 1976. № 9. С. 36.

25. Stanisław Poniatowski Dziennik wyprawy (do Kraju Goldow´ i Oroczonow ´w 1914 roku). P. 35.

26. Лопатин И.А. (1888–1970) — этнограф. В 1914 г. был преподавателем Хабаровского реального училища, занимался изучением жизни и быта нанайцев. В 1913–1914 гг. на средства Общества изучения Амурского края (основано 1888 г. в г. Владивостоке) проводил исследования в долинах рек Амур, Уссури, Имана и Тунгуски. Позднее по итогам многолетних экспедиций издал работу «Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического изучения» (Владивосток, 1922). В 1920-х гг. при-

ват-доцент Государственного Дальневосточного университета (Владивосток). Эмигрировал в Маньчжурию. Профессор Педагогического института (Харбин). В 1929 г. защитил магистерскую диссертацию «География Ванкувера» в университете Британской Колумбии (Канада). Преподаватель на факультете антропологии Вашингтонского университета в Сиэтле (США). В 1935 г. защитил докторскую диссертацию в университете Южной Калифорнии (Лос-Анджелес). До конца жизни занимался сравнительным языкознанием народов Дальнего Востока. Судьба рукописей ученого до сих пор неизвестна.

27. Краниология — раздел антропологии, изучающий вариации размеров и форм черепа и его частей.

28. Моторный катер принадлежал П.И. Делле (управляющий государственными имуществами Приморской и Сахалинской области) — отцу Николая Делле, ученика Хабаровского реального училища, принимавшего участие в экспедиции 1914 г.

29. Названия населенных пунктов и сведения об их расположении, взятые в « », цитируются по материалам Архива Общества изучения Амурского края. Ф. 14. Оп. 1. Д. 111а. Т. 2. Л. 2–3.

30. Гродековский музей имел специальные этикетки для отправки грузов, такие перевозки были бесплатными.

31. Кучинский А. Неизвестная переписка Владимира Арсеньева с польским этнологом Станиславом Понятовским // Вестник Сахалинского музея: ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 2001. № 8. С. 131.

32. Подробнее о переписке см.: Гончарова С.В. История одной переписки; Кучинский А. Указ. соч.

33. По распоряжению А. Хрдлички коллекции были отправлены в Америку в 1917 г.

34. Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1. Л. 227 об.

35. Marcin Samsonowicz — Gorski Dwa autografu W.K. Arsienjewa w zbiorach Biblioteki Uniwersynenu Warszawskiego // Wrocławskie Studia Wschodnie. 1998. № 2. P. 24.

36. Poniatowski S. Materials to the Vocabulary of the Amur River gold. (Materialy do slownica Goldow nadamurskich) // «Bibliotheca Universitatis Liberae Polonae». Easc. 10. Varsaviae, 1923. S. 1–11.

37. Кучинский А. Указ. соч.

38. Там же.

А.Г. Горбунов (Ижевск)

Побратимские связи как эффективный инструмент развития российско-американских отношений

Итак, что же представляет собой такой социально-общественный феномен, как движение городов-побратимов? Откуда оно берет свое начало? Каковы его цели и задачи?

Комплексное изучение опыта развития побратимских связей в контексте российско-американских отношений и применение такого опыта на практике позволяет местным сообществам заложить качественно новую основу для организации более динамичного информационного, технического, профессионального обмена между Россией и США, а также расширить поле общественных инициатив с целью построения и развития гражданского общества в России.

Побратимское движение — вовсе не дань сегодняшней моде в области развития и становления международных связей, оно имеет глубокий философский смысл. Побратимское движение берет свое начало на рубеже прошлого века и получило значительное развитие после окончания Второй мировой войны. Именно тогда возникла идея породнения самых разрушенных городов.

Идею народной дипломатии в 50-е гг. XX столетия предложил президент США Дуайт Эйзенхауэр [1]. Он оказал поддержку установлению дружеских отношений между бывшими противоборствующими сторонами, приведя в качестве обоснования тезис «друзья не стреляют в друзей». Предвидя успех этой политической инициативы, Д. Эйзенхауэр предпринял важные практические шаги и сделал многое для скорейшего вовлечения американского общества в процесс установления «мостов дружбы» с зарубежными странами после окончания Второй мировой войны 1939–1945 гг. Правительство США поддержало инициативу президента и способствовало учреждению в муниципалитетах специальных должностей по развитию международных связей, запустив, таким образом, эффективный механизм вовлечения представителей муниципальных властей и членов местных сообществ — простых американских граждан — в активное участие в разнотематических международных проектах.

Принципы побратимских отношений во всем мире имеют много общего со смыслом высказывания президента Д. Эйзенхауэра, в побратимских сообществах идет, как правило, активный обмен

мнениями, устанавливаются теплые личные отношения, укрепляется доверие друг к другу и формируется основа для долгосрочных взаимовыгодных отношений. Активисты побратимского движения, большинство из которых волонтеры, становятся послами мира.

С момента объявления инициативы по породнению городов в США в течение более десяти лет директивно на местах закладывали основу для дальнейшего развития общественной международной активности, практическим исходом которой стало появление целого ряда общественных, неправительственных организаций, чьи инициативы способствовали дальнейшему развитию и укреплению дружеских и побратимских связей между городами в США и в других странах мира, раскрытию широкого спектра существующих возможностей для реализации различного рода взаимовыгодных международных программ.

Процесс породнения советских и зарубежных городов, начатый в СССР, был обусловлен политической волей советского руководства и подчинен в большей степени внешнеполитической ситуации. Решения об установлении дружественных связей с городами за рубежом принимались на уровне областных (республиканских) краевых комитетов КПСС, а в некоторых случаях, имевших долгосрочный политический резонанс, политическим руководством страны непосредственно. Ситуация кардинально изменилась после распада Советского Союза, смены внешнеполитического курса, провозглашения в нашей стране демократических ценностей и приверженности принципам гражданского общества, когда обретшие новую жизнь органы местного самоуправления начали играть все более важную роль в жизни местных сообществ.

Первым городом-побратимом в послевоенном Советском Союзе стал Сталинград, который установил дружеские отношения с городом Ковентри (Великобритания). В дни Сталинградской битвы, обозначившей поворотный момент в ходе Второй мировой войны, королевская фамилия Великобритании возглавила акцию по оказанию гуманитарной помощи Сталинграду.

Моральная и материальная поддержка практически стертому с лица земли городу поступала со всех концов Советского Союза. Каждый вагон продовольствия, одежды был на вес золота. Сталинградцы высоко ценили любую помощь, понимая, что война ввергла всех без исключения в страшную нужду и разруху.

Советский народ, приложив колоссальные усилия, восстановил город из руин, и небольшой вклад жителей далекого города на Британских островах был очень кстати, чтобы поддержать моральный дух сталинградцев, показать, что антифашистская коалиция не только била врага на полях сражений, но и выступила единым фронтом в восстановлении мирной жизни стран-союзников.

Более 50 лет назад руководители английского Ковентри и советс-

кого Сталинграда приняли решение установить дружественные связи и использовать их для развития сотрудничества в интересах мира и благополучия. Эти благородные цели в дальнейшем получили широкое признание международной общественности.

В настоящее время у Волгограда 14 городов-побратимов, среди них японский город Хиросима. История дружбы Хиросимы и Волгограда стала историей городов, практически одновременно возрождавшихся из пепла.

Сейчас в мире насчитываются сотни побратимских партнерств, и самые успешные из них основаны именно на общности целей. Процесс поиска города-побратима и процесс установления дружеских связей между городами можно сравнить разве что с брачным союзом, который начинается с неуклюжего ухаживания и заканчивается золотым юбилеем. Иные союзы похожи на красивые легенды.

Динамика количественного роста новых побратимских сообществ не только в России, но и во всем мире все более способствует развитию процессов глобальной интеграции членов побратимского сообщества в таких областях, как экономика, культура, образование, здравоохранение, социальные преобразования и пр. Побратимские связи играют все более и более заметную роль в решении вопросов глобальной интеграции.

Для России все более жизненно важной становится проблема выстраивания ровных партнерских отношений со всеми странами мирового сообщества, особенно с США, лидером постиндустриального общества, так как интегрированность нашей страны в мировую экономическую, правовую, культурную, образовательную среду обеспечивает быстрый рост ее экономики, приобретение и внедрение новых технологий, а значит — высокий уровень жизни населения, что во многом впоследствии определяет темп становления и развития гражданского общества в России.

Вся предыдущая история российско-американских отношений, как было отмечено, строилась по модели развития этих отношений сверху. Сейчас наступил период, когда нужно развивать новое качество отношений — это отношения снизу.

Движение городов-побратимов, как важный компонент народной дипломатии, на практике доказало, что в настоящее время оно развивается и качественно, и количественно. Любая программа, отражающая интересы местных сообществ и вовлекающая население целых городов, республик, регионов и стран, имеет хорошую долгосрочную перспективу.

В результате достижения поставленных перед побратимским движением целей и выполнения при поддержке административного аппарата поставленных перед его активистами задач может быть достигнуто и выполнено многое, а именно:

1. Развитие муниципального партнерства между городами, об-

ластями, республиками и схожими образованиями в других странах получит новый импульс, что будет способствовать укреплению экономических, культурных и образовательных связей не только на международном уровне, но и между самими местными сообществами.

2. Организация целого спектра возможностей для официальных представителей и жителей городов и регионов Российской Федерации с целью познакомиться и изучить культуру других народов посредством участия в долгосрочных программах международного сотрудничества побудит их к более активному участию в побратимском движении.

3. Закладывается основа для создания условий, которые будут способствовать достижению и усилению развития экономики и различных сфер общественной жизни.

4. Местные сообщества получат, широко используя ресурсы побратимского движения, возможность научиться совместно решать программные задачи через взаимовыгодные культурные, образовательные, муниципальные, деловые, профессиональные и технические обмены и проекты.

5. Побратимское движение будет способствовать более активному становлению и развитию межрегиональных и международных связей.

Говоря о взаимодействии между Россией и США через сотрудничество между местными сообществами, необходимо определить, каковы же эти социальные группы, на которые российско-американские отношения могут опереться в ходе реализации взаимовыгодных программ экономического, профессионального и культурного характера? Кто эти субъекты будущих партнерств в контексте международных отношений и российско-американских отношений в частности? К каким социальным группам местное сообщество может апеллировать, инициируя партнерские отношения между Россией и США?

Отвечая на поставленный вопрос, выдвинем следующий тезис: субъекты будущих партнерств в рамках развития побратимских отношений — это социальные группы, которые в той или иной степени могут претендовать на независимое положение, прежде всего от государства и местных администраций, но тяготеющие к сотрудничеству с ними.

Поддержка со стороны администраций муниципальных образований и региональных властей может сыграть и, как правило, играет решающую роль в успешном развитии международных связей и побратимских в частности. Федеральное устройство США и России в настоящее время очень схожи. Это еще один повод взять на вооружение опыт американцев. Мэры городов, избираемые населением, это в основном люди, прошедшие карьерную лестницу и поэтому в

силу своего практического опыта способные принести пользу местному сообществу, поддержав общественную инициативу по установлению международных контактов. Избиратели — общественность — уполномочили их представлять свои интересы на государственном уровне и не без оснований ожидают, что они оправдают оказанное доверие.

Примеры активных лидеров существуют. Во время своего двухдневного визита в Америку в 2002 г. губернатор Тверской области Владимир Платов выдвинул инициативу установить новую форму межгосударственных связей — побратимских отношений между Тверской областью, как субъектом РФ, и одним из штатов США [2]. Заинтересованность в таком «братании» регионов двух стран проявила администрация штата Луизиана (губернатор М. Фостер) и мэрия административного центра штата г. Лейк Чарлз (мэр Р. Роуч).

Искренность устремления образовать и развить концептуально новое по форме и содержанию российско-американское партнерство очевидна. Руководство Тверской области совместно с региональными общественными объединениями на общественных началах выполнило работу по разработке и подготовке нормативных документов для подписания соглашения о побратимских связях, которое получило одобрение соответствующих министерств и департаментов с нашей и американской стороны, МИД РФ, Госдепартамента США, а также Департамента экономического развития Луизианы. Совместными усилиями заинтересованных сторон была проведена международная конференция «Луизиана — Тверской регион: презентация инвестиционных возможностей». Конгрессмен Дэвид Виттер, занимавший тогда ключевую позицию в бюджетном комитете Конгресса США, оказал содействие и разработал для внесения в конгресс законопроект о финансовой поддержке программы «Побратимские отношения: Тверской регион — штат Луизиана», которая рассматривается американской стороной как модель нового типа взаимоотношений между Россией и США.

Кроме того, при содействии регионального отделения федеральной комиссии в рамках основного соглашения начал осуществляться проект установления побратимских связей между муниципальными образованиями Тверской области — Ржевом, Торжком, Зубцовом, Кимрами, Бежецком — и городами штата Луизиана.

Инициативы по установлению международных связей почти национального значения получают хороший общественный резонанс и обретают жизнь лишь в случае поддержки таких инициатив со стороны различных социальных слоев на уровне местных сообществ, иначе такая инициатива лишена какой бы то ни было опоры.

Несколько раньше такая же идея по установлению побратимского партнерства между регионами была предложена Удмуртской Республикой штату Юта. Но в отличие от проекта «Луизиана —

Тверской регион» эта идея возникла не с нуля. Между регионами уже несколько лет выстраивались и набирали силу долгосрочные отношения в гуманитарной сфере, проходили и проходят взаимовыгодные профессиональные и школьные обмены, способствующие сближению наших народов и лучшему пониманию друг друга. Такие обстоятельства в значительной степени способствовали формированию основы для системного развития побратимских отношений.

Активисты побратимского движения в республике пришли к пониманию необходимости придать уже состоявшимся отношениям между Удмуртией и штатом Юта иной, более высокий качественный уровень только после того, как местные сообщества подтвердили свою приверженность принципам развития международных отношений через укрепление взаимопонимания, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества. Были определены социальные группы, которые в той или иной степени могли претендовать на независимый статус, а именно профессионалы самого широкого профиля, средний и мелкий бизнес, неправительственные и иные организации, способные обеспечить реализацию различных аспектов взаимодействия между городами-побратимами, включая профессиональные ассоциации — от образовательных до самых широких, самых разнообразных.

В начале 1990-х представители международной общественности получили возможность посещать Удмуртию. Международное сотрудничество стало одним из важных элементов экономической и общественной жизни республики. Столица Удмуртии г. Ижевск одним из первых в республике включился в международное движение городов-побратимов и является признанным лидером этого движения в родниковом крае.

Официальные контакты между Удмуртией и США осуществляются при активном участии Генерального консульства США в Екатеринбурге. Генеральный консул Дэниел Рассел посетил Удмуртию в мае 1999 г. Сменивший его на этом посту Джеймс Бигус дважды был в Удмуртской Республике — в ноябре 1999 г. и феврале 2000 г. Главы консульского учреждения регулярно встречаются с руководством республики, знакомятся с работой крупнейших производств региона, а также совместных российско-американских предприятий, находящихся на территории республики.

В настоящее время в Удмуртской Республике накоплен богатый опыт работы по укреплению и расширению российско-американских побратимских связей. Официально побратимские отношения между г. Уэст Джордан (штат Юта) и г. Воткинском (Удмуртская Республика) были установлены в 1995 г., но дружба началась двумя годами раньше. Отношения прошли проверку временем. В обоих городах были образованы комитеты городов-побратимов, которые состоят из

добровольцев, пользующихся, соответственно, поддержкой Городского совета г. Уэст Джордан и администрации г. Воткинска. Партнерство Воткинск — Уэст Джордан представляет собой классический пример установления дружеских связей между населением двух городов, где основную рабочую нагрузку при поддержке со стороны администрации несут представители общественности.

Опыт сотрудничества между городами Уэст Джордан (штат Юта) и Воткинск (УР) получил очень доброжелательный общественный резонанс в республике и показал, что программа обмена опытом крайне полезна и интересна всем городам Удмуртской Республики без исключения. И местные сообщества в Удмуртии, и их партнеры за рубежом извлекают только пользу из такого взаимодействия.

В начале октября 2006 г. в г. Воткинске прошло заседание «круглого стола» по теме «Побратимские связи: Удмуртская Республика — штат Юта», в котором приняли участие главы муниципальных образований и представители общественных комитетов городов Ижевска, Воткинска, Камбарского и Шарканского районов. Американскую сторону представляли генеральный консул США в Екатеринбурге, делегация Уэст Джордана во главе с мэром города и представители инспекционной группы США, работающие на Воткинском машиностроительном заводе.

Участники встречи подвели общие итоги за последние одиннадцать лет сотрудничества между городами-побратимами Удмуртской Республики и штата Юта, в рамках которого были реализованы проекты по изучению опыта руководства городским хозяйством, проблемам здравоохранения, образования, культуры, осуществлялся обмен профессиональными делегациями.

Как было отмечено выше, деятельность движения «Города-побратимы» направлена на решение социальных, культурных, образовательных и экономических задач. Без умения взаимодействовать с органами власти на местах и в республике активисты побратимского движения не смогли бы добиться столь впечатляющих результатов. Но еще большее значение для успеха побратимских программ имела и имеет поддержка со стороны представителей государственной власти республики на уровне министерств и ведомств.

В мае 2002 г. при поддержке Министерства международных связей Удмуртской Республики было подписано Соглашение о создании в республике еще одного российско-американского побратимского партнерства между городом Камбарка и городом Туэле, штат Юта. Основанием для сближения этих городов стал тот факт, что в обоих городах сосредоточен большой арсенал химического оружия. Для Камбарки был бы полезен опыт Туэле, где построен комплекс по утилизации химических вооружений и уже несколько лет успешно справляются с задачей по их уничтожению. Кроме того, оба города имеют некоторые схожие черты промышленного характера — в них

основной является индустрия по изготовлению, обслуживанию и ремонту дизельных двигателей.

Существует хорошая перспектива установления побратимских связей между Ижевском, столицей Удмуртской Республики, и городом Солт Лейк Сити, столицей штата Юта, что позволяет замкнуть систему побратимских отношений на административных центрах этих регионов. Администрация Ижевска положительно рассматривает возможность установления партнерских связей с городом в США, и столицы регионов официально подтвердили свое желание установить на начальном этапе дружеские связи, которые, возможно, перерастут в отношения городов-побратимов. Основание для такой уверенности есть. В Солт Лейк Сити в течение нескольких лет образовалась диаспора россиян, которые не хотели бы терять связь с Россией. Тем более, некоторые из них родом из Ижевска, поддерживают контакты с родными, знакомыми, что позволяет им обмениваться новостями и не ощущать огромного расстояния, разделяющего близких людей.

И в Ижевске, и в Солт Лейк Сити живут люди, снискавшие себе мировую известность и уважение. В Ижевске — Михаил Тимофеевич Калашников, человек-легенда, разработчик известного во всем мире автомата АК-47; Галина Кулакова, многократная чемпионка мира и Олимпийских игр в беге на лыжах. В Солт Лейк Сити в баскетбольной команде «Юта Джаз» под номером 47 играет Андрей Кириленко, россиянин, добившийся известности в американском баскетболе за техничную и результативную игру и получивший второе имя «АК-47». Андрей, кстати, родился в г. Ижевске, но затем судьба забросила его в Москву и далее в США.

Город Воткинск — родина великого русского композитора П.И. Чайковского. Нет ни одного американца, который бы не знал этого имени. Музыка Чайковского давно стала достоянием мировой культуры. Невозможно представить телевизионный, радиоэфир, где наследие Петра Ильича не нашло бы должного отражения. Даже праздник Рождества в США невозможен без мелодий из балета «Щелкунчик».

Штат Юта известен своими сильными музыкальными традициями и высоким уровнем исполнительского искусства. Хор Табернакл известен в США и во всем мире. Каждую субботу его выступление собирает аншлаг и транслируется практически по всему миру.

Увлечения жителей Удмуртии и штата Юта в большинстве своем, возможно, сильно различаются, но нельзя не отметить, что и в том и другом регионе достаточно широко развито рукоделие и пчеловодство. Официальная эмблема штата Юта имеет изображение улья, который символизирует трудолюбие жителей штата. В Ижевске на базе государственной академии сельского хозяйства создана лаборатория, изучающая вопросы пчеловодства.

Промышленный и культурный потенциал Удмуртии и штата Юта огромен и по многим параметрам имеет удивительное сходство. И в Удмуртии, и в штате Юта развиты сталелитейная промышленность, присутствуют предприятия авиакосмического комплекса, оборонной промышленности. Исторически территория Удмуртии и штата Юта оказались в зоне государственных интересов, когда дело касалось освоения Сибири в России и западных территорий в США.

По территории Удмуртии проходил Сибирский тракт, который для России имел огромное экономическое и политическое значение. Он и другие тракты сочетали несколько важных функций, связав центр России с отдаленными губерниями за Волгой и в Сибири.

В XIX в. США также стояла задача наладить магистральную связь между восточным и западным побережьями, которая впоследствии получила название «Pony Express». Основной ее функцией являлось обеспечение фельдъегерской связи.

Участие в движении «Города-побратимы» предоставляет территориям Российской Федерации уникальную возможность активно привлекать в регион зарубежный культурный, технический и экономический опыт, повышать свой международный имидж с целью развития туризма, привлечения инвестиций в местную экономику, ознакомления зарубежной общественности с прогрессом, достижениями, самобытностью населения, одновременно расширяя кругозор местного сообщества через развитие деловых, культурных и образовательных связей, а также создавать для населения возможность знакомиться с богатейшим мировым опытом, который всегда считался и считается непреходящей ценностью.

Пожалуй, отношения между Удмуртской Республикой и штатом Юта на фоне побратимских связей между Россией и США являются самыми перспективными, чтобы стать национальным пилотным проектом и поднять существующий уровень сотрудничества между побратимскими сообществами в наших странах до системных отношений. Это позволит создать эффективный инструмент накопления и распространения опыта, полученного в рамках информационных, образовательных, профессиональных и других обменов, среди всех побратимских партнерств. Столица Удмуртской Республики и столица штата Юта, как административные, промышленные, экономические и культурные центры этих регионов, являются головным связующим звеном.

Таким образом, система побратимских отношений регионального уровня, подразумевающая полную открытость и соответствие поставленным задачам, становится основой для создания еще одного важного комплексного ресурса регионального значения и помогает эффективно решать вопросы экономического, культурного и обще-

ственного характера в ходе развития международных отношений между Удмуртской Республикой и штатом Юта.

Итоговый результат выполняемой активистами практической ежедневной работы в побратимских сообществах на всей территории России производит огромное впечатление.

К сожалению, становление новых побратимских связей между Россией и США и их развитие несколько замедлилось, несмотря на то, что российско-американские побратимские отношения до недавнего времени развивались достаточно динамично. И Россия, и США как мировые державы всегда были интересны друг другу, даже в годы ожесточенного противостояния в период «холодной войны». В настоящее время и Россия, и США выступают как стратегические партнеры в борьбе с угрозой глобального терроризма. Такое положение дел в какой-то мере обусловлено сегодняшним политическим климатом между Россией и США. Другая причина некоторой вялости, характеризуя динамику развития побратимских отношений вообще, кроется в крайне напряженной для местных властей финансовой ситуации. Однако большинство уже существующих побратимских связей развиваются успешно, и особенно там, где носителями идей побратимства выступают непосредственно активисты местных профессиональных и деловых сообществ, а также неправительственные организации, опирающиеся на активную поддержку горожан.

Активное участие местного сообщества в процессах формирования активных социальных групп, т. е. нового гражданского общества в России, развитие общественных организаций и движений, которые составляют формирующую ткань гражданского общества, приобретают все более отчетливые черты. От развития этих организаций и движений во многом зависит успех становления демократии в нашей стране, поскольку гражданские инициативы, возникающие снизу, делают политические, экономические и социальные реформы действительно необратимыми. Особое внимание необходимо уделять поддержке общественной активности в провинции, так как именно локальные инициативы затем закладываются в основу программ по развитию местных сообществ и программ регионального развития, в реализации которых участвуют общественные организации и политические партии.

Примечания

1. Выступление Президента США Д. Эйзенхауэра. Пресс-конференция, г. Вашингтон, О. К., Белый дом. 1956 г.

2. Обзор публикаций СМИ о ФЦП «Электронная Россия» за 2002 г. < www.garweb.ru >

А.Г. Горбунов (Ижевск)

Российско-американские отношения: миссия выполнима?..

Вопрос «что может подтолкнуть к расширению диапазона сотрудничества между Россией и США и что, наоборот, может развести наши страны в противоположные углы уже многополярного мира» беспокоит умы политологов с тех пор, как перестройка 1980-х заставила изменить весь политический и экономический уклад России.

По сути, вопрос не новый. Но он приобретает новое звучание в стремительно меняющейся глобальной ситуации, где появляются новые игроки, расшатывающие несколько устоявшийся за последние десятилетия баланс сил, и загоняют политических тяжеловесов в угол решать дилемму: «жить по средствам» или бросить все силы и ресурсы на укрепление пошатнувшегося авторитета.

Россия и США в силу объективных причин обнаруживают по ходу истории своего развития большой и искренний интерес друг к другу. Так сложилось, что оба государства обречены выполнять роль центров, определяющих политические и экономические интересы глобального масштаба. В чем-то эти интересы прямо противоположны, но нередко наши страны, проявляя добрую волю и понимание момента, принимают решение объединить свои усилия для пользы мирового сообщества.

Предложенная точка зрения характеризует некоторые аспекты российско-американских взаимоотношений и, возможно, станет поводом обратить более пристальное внимание на будущее отношений между нашими странами, так как такое внимание обусловлено озабоченностью мирового сообщества вопросом: найдут ли две державы взвешенный компромисс и смогут ли они сбалансировать свои национальные интересы с целью обеспечить миру стабильное поступательное развитие, заложить основу для успешной борьбы с проблемами, стоящими перед человечеством; или мир будет подчинен закону Древнего Рима «разделяй и властвуй».

Так что же составляет основу для дальнейшего развития взаимопонимания между Россией и США, в чем будут заключаться

основные вызовы современности и каким образом необходимо будет подходить к их разрешению?

Посол США в России А. Вершбоу, выступая в 2003 г. в Московской государственной дипломатической аадемии на конференции, посвященной 70-й годовщине установления дипломатических отношений между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, отметил, что российско-американские отношения уходят своими историческими корнями гораздо дальше, чем в 1933 г. [1]. Во время Войны за независимость только что сформированное правительство США направило в поисках поддержки своего посланника ко двору Екатерины Второй. Дипломатические отношения между Россией и США были официально установлены в 1809 г., когда правительство Соединенных Штатов направило Джона Куинси Адамса ко двору в Санкт-Петербург, а Александр I назначил российским посланником графа Ф.П. Палена.

Так же, как Россия неуклонно развивалась на восток, закладывая города в сибирской глуши, строя железные дороги, чтобы связать свои необъятные просторы, Соединенные Штаты расширялись на запад, прокладывая свою собственную трансконтинентальную железную дорогу и интенсивно заселяя Великие равнины и Скалистые горы.

На протяжении большей части XIX в. отношения между Россией и США были корректными, но не очень насыщенными. Дело в том, как отмечал А. Вершбоу, что только отдельные сложные задачи или проблемы требовали от двух государств совместной работы. Так, например, когда их интересы совпали, Россия и США сумели заключить договор о продаже Аляски в 1867 г. Это позволило России снизить бремя расходов, выделяемых на освоение восточных территорий империи.

В конце XIX в. и Россия, и США, обладая значительным экономическим и демографическим потенциалом, боролись за усиление своего влияния на соседние государства, но только в той мере, которая позволяла им сохранять территориальную целостность и неприкосновенность границ. Освоение новых территорий все еще требовало значительных человеческих и материально-технических ресурсов, но оба правительства понимали, что без достаточных запасов сырья, которыми были богаты новые территории, и развитой перерабатывающей индустрии нельзя увеличить ни оборонную мощь, ни обеспечить ускорение научно-технического прогресса. Тогда речь не шла о геополитических и внешнеэкономических интересах, так как исторически сложившееся могущество старой Европы не позволяло ни России, ни США претендовать на мировое господство.

После Октябрьской революции 1917 г. мир раскололся на два политических лагеря, Россия и США оказались по разные сторо-

ны баррикад. Началось время непростых политических решений, компромиссов, но и это не отвлекло ни США, ставших к тому времени лидером мирового капитализма, ни большевистскую Россию, которая мнила себя могильщиком буржуазного общества, от идеи взаимовыгодного технического и культурного сотрудничества.

При неизбежности заимствования передовых европейских технологий, которые были привезены в процессе переселения масс иммигрантов, Америка стала в XIX столетии страной, где отмечался высокий уровень развития механики [2].

Быстрота внедрения как зарубежных, так и собственных изобретений объяснялась в США высоким спросом на трудосберегающие технологии, выраженным рыночным, потребительским предназначением большинства технических новинок и умением находить сбыт даже на первый взгляд «непрактичным» вещам. В первые десятилетия XX в. США стали всемирным центром распространения передовых технологий, опередив и Европу, и Россию.

Перечень основных американских технических достижений, привившихся в России в XIX – начале XX в., достаточно широк: пароход, стандартизованное стрелковое оружие (револьверы Кольта, винтовки Бердана), телеграфные линии, телефон, техника бурения нефтяных скважин, мукомольные элеваторы, сельскохозяйственная техника, швейные и пишущие машинки. В России во множестве появились частные коммерческие фирмы американского образца, выполнявшие на заказ различные технические проекты. Американцы же интересовались русскими достижениями в области естественных наук, особенно математики, химии, в прикладном отношении — достижениями нефтепереработки. Необходимо отметить расширение импорта из США в Россию в годы Первой мировой войны.

К 1920-м гг. США превратились в мирового промышленного лидера. Сотрудничество между Россией и США обусловливалось тем обстоятельством, что иностранная техническая помощь была одним из ключевых факторов построения материально-технической базы социализма в СССР. В 1919 г. В.И. Ленин подчеркнул в интервью корреспонденту газеты «Чикаго Дейли Ньюс»: «Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой — со всеми странами, но особенно с Америкой». В том же году в США было основано Общество технической помощи России, главной задачей которого было оказание содействия в выезде в Россию американских технических специалистов и рабочих.

Европейский, особенно германский промышленный опыт считался в СССР необходимым и полезным во многих отраслях. Однако для расширения и удешевления производства Советский Союз нуж-

дался в индустриальных гигантах американского типа. Американская помощь использовалась при строительстве гидроэлектростанций, в нефтяной, горнодобывающей, угольной, химической, металлургической, электротехнической промышленности, но прежде всего для массового производства автомобилей, тракторов, авиационных двигателей и другой стандартизованной продукции. Правительство Советского Союза практиковало разнообразные виды взаимодействия с США: концессии, договоры о технической помощи, консультации, зарубежные стажировки и специальные командировки. Иностранные специалисты принимали непосредственное участие в обучении советских инженеров и рабочих [3].

В Советском Союзе были успешно реализованы важнейшие проекты, связанные с участием американских компаний или с использованием их опыта. Так, например, нефтяная промышленность в районе г. Баку была реконструирована на основе американских технических достижений. При проектировании и строительстве Днепрогэса, Нижегородского автозавода, Сталинградского тракторного, Магнитогорского металлургического комбината и др. широко использовался и внедрялся заокеанский опыт индустриального зодчества. На стройках первой пятилетки, куда приезжали американские специалисты и рабочие, и на заводах в США, где проходили практику советские стажеры, имело место своеобразное взаимодействие разных по природе культур, закладывались основы для лучшего взаимопонимания, установления взаимовыгодных профессиональных связей, личных контактов. Конечно же, над советскими людьми и американцами довлела идеологическая составляющая этих отношений, которая не позволяла в полной мере раскрыть положительный потенциал сотрудничества между нашими странами и способствовать укреплению дружеских связей между простыми американцами и простыми советскими людьми, но известны примеры интернациональных браков и желания некоторых американских рабочих остаться в Советском Союзе для построения социально справедливого общества.

США первыми выступили в поддержку СССР сразу после вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну. 23 июня 1941 г., через сутки после начала Великой Отечественной войны советского народа против немецкого захватчика, президент США Ф.Д. Рузвельт выступил с заявлением о готовности американского правительства предоставить военно-техническую помощь Советскому Союзу в его борьбе с фашизмом. Осенью 1941 г. на СССР распространилось действие американского закона о ленд-лизе, что явилось важным вкладом в победу над гитлеровской Германией [4].

1 января 1942 г. в Вашингтоне представителями 4 великих держав — СССР, США, Великобритании и Китая — и 22 других госу-

дарств подписана декларация Объединенных Наций о борьбе против стран фашистского блока, провозгласившая создание антигитлеровской коалиции.

28 ноября – 1 декабря 1943 г. состоялась Тегеранская конференция руководителей ведущих держав антигитлеровской коалиции — И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля; были подписаны Декларации о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех государств.

25 апреля 1945 г. на Эльбе у г. Торгау произошла встреча частей советской 5-й гвардейской армии и 1-й американской армии. В мае 1945 г. Советский Союз при содействии армий союзников разгромил гитлеровскую Германию.

Годы «холодной войны», наступившие после выступления У. Черчилля в г. Фултоне (США) летом 1946-го, и случившийся в октябре 1962 г. Карибский кризис не способствовали возникновению какого-либо доверия или дружеских отношений между нашими странами. Но отношения как таковые не прекращались. На высшем уровне время от времени проводились консультации. То и дело возникали горячие диспуты по различным международным вопросам на ассамблеях ООН. В основном, отношения напоминали «плохой мир», но все же он был лучше «хорошей ссоры».

Важным событием в российско-американских отношениях стало осуществление в 1975 г. советско-американского космического эксперимента «Союз–Аполлон» [5].

Объявленная в 1985 г. М.С. Горбачевым перестройка во многом помогла растопить лед недоверия между нашими странами, постепенно разрушить «железный занавес» и отрицательные стереотипы друг о друге, ставшие за десятилетия самоизоляции частью менталитета как советских людей, так и американцев.

После 1992 г., когда было впервые официально провозглашено окончание «холодной войны», и впоследствии российско-американские отношения на первый взгляд развивались чрезвычайно динамично. Достаточно сказать, что за период 1992–1995 гг. Россия и США заключили свыше 100 межправительственных и межгосударственных соглашений — больше, чем СССР и США заключили за 50 лет, с 1933 по 1983 г. На сегодняшний день с момента провозглашения «новой формулы» отношений между нашими странами состоялись более 15 российско-американских встреч на высшем и огромное количество контактов на более низких уровнях.

За последние более чем 20 лет так называемой перестройки американские либеральные аналитики успели привыкнуть к нарастанию революционной динамики в Москве, когда на смену радикальным реформаторам постоянно приходили еще более радикальные реформаторы, а победы консервативных оппонентов

над радикалами оказывались краткосрочными и преходящими. В настоящее время «третья русская революция», по всей видимости, закончилась. Правительство В.В. Путина выстроило и упрочило административную вертикаль, упорядочив отношения между федеральной и региональной властью; полностью контролирует текущую политическую и экономическую ситуацию в стране; предпринимает систему усилий с целью восстановить верховенство закона, обеспечивая защиту прав и свобод российских граждан, делает акцент на стабильное поступательное развитие и укрепление экономического и политического потенциала России. Времена односторонней уступчивости Москвы на международной политической арене миновали. Международные связи России большей частью восстановлены, получают развитие новые межправительственные контакты, отвечающие интересам России как мировой державы.

События 11 сентября 2001 г., казалось бы, подтолкнули обе страны друг к другу, напрямую поставили вопрос о новом сближении России и США. Возникли предпосылки для совместной разработки скоординированной внешней политики и методов защиты от угрозы глобального террора.

И тем не менее далеко не все — как в России, так и в Соединенных Штатах — удовлетворены тем, что происходит в российско-американских отношениях. Вашингтон и Москва не вполне довольны друг другом. Растет список международных вопросов, где две державы придерживаются противоположных позиций. Полноценное российско-американское партнерство пока не сложилось, так как у Москвы и Вашингтона накопилось друг к другу немало вопросов и претензий.

Недопонимание и конфликт интересов в российско-американских отношениях, будучи весьма серьезными сами по себе, усугубляются после окончания «холодной войны» завышенными ожиданиями с обеих сторон. Среди правящих элит обеих стран все еще слишком много сторонников крайностей в российско-американских отношениях — союза ли между Россией и США, или конфронтации между ними — и слишком мало сторонников «золотой середины». В средствах массовой информации зачастую отсутствует взвешенный анализ проблем и перспектив отношений между двумя державами, формируется их негативный стереотип. В обеих странах все еще достаточно широка прослойка людей, которые могут испытывать психологический комфорт лишь в атмосфере конфронтации между Москвой и Вашингтоном и которые поэтому очень хотят увидеть в любом разногласии между двумя странами приметы надвигающейся новой холодной войны или холодного мира. К большому сожалению, в политических элитах России и США все еще существует «ностальгия по временам, когда мы были врагами» (С. Караганов).

Но, несмотря на наличие серьезных проблем в российско-американских отношениях, последние остаются в целом достаточно стабильными, что свидетельствует о наличии у сегодняшнего российско-американского партнерства некоторого запаса прочности. Собственно говоря, в нынешних исторических условиях Москва и Вашингтон имеют четыре альтернативных варианта развития российско-американских отношений: 1) конфронтация или новая «холодная война»; 2) взаимное отчуждение или пресловутый «холодный мир»; 3) партнерство; 4) союз.

Несомненно, что полное прекращение взаимодействия и взаимное отчуждение между двумя такими странами, как Россия и США, просто невозможны: слишком значительными представляются проблемы, с которыми сталкиваются Москва и Вашингтон и которые они не могут решать друг без друга. Крайне маловероятны также конфронтация или союз, поскольку в обоих случаях сторонам придется затратить огромные силы и ресурсы либо на сближение друг с другом, либо на взаимное противоборство.

Ограниченное партнерство, напротив, не требует от Российской Федерации и Соединенных Штатов каких-то жертв в виде материальных затрат или отказа от внешнеполитических приоритетов. В настоящее время стратегическое партнерство, при котором обе стороны координируют свои действия лишь в строго определенных областях, сохраняя полную свободу во всех других вопросах своей внешнеполитической, внешнеэкономической и военной деятельности, является, так сказать, линией наименьшего сопротивления, как для Москвы, так и для Вашингтона.

Продолжая мысль о сегодняшнем и будущем отношений между Соединенными Штатами и Россией, можно сделать вывод, что сегодня такие отношения отражают систему взаимодействия глав двух государств и дипломатических ведомств. Официальная пропаганда, медиа-ресурсы освещают в основном именно эту узкую политическую сферу. Явно не хватает третьего элемента — социальной поддержки российско-американского диалога в виде так называемой народной дипломатии.

Вся предыдущая история российско-американских отношений строилась по модели развития таких отношений сверху. Сейчас наступил период, когда нужно развивать качественно новые отношения — отношения снизу.

Президент России В.В. Путин в своем вступительном слове на переговорах с президентом США Дж. Бушем 24 мая 2002 г. (Москва, Кремль) заявил:

«...Величайшая сила наших обществ заключается в творческой энергии наших граждан. Мы приветствуем значительное расширение контактов между россиянами и американцами, происходящее за последние десять лет во многих областях, включая совместные

усилия по решению общих проблем в образовании, здравоохранении, науке и защите окружающей среды, осуществляемое также посредством туризма, связей между городами-побратимами и других контактов между людьми. Мы обязуемся продолжать поддержку этих усилий, которые помогают расширению и углублению добрых отношений между нашими двумя странами» [6].

И далее, в совместном заявлении президента В.В. Путина и президента Дж. Буша о российско-американских контактах между людьми, прозвучавшем на саммите 2006 г. в Санкт-Петербурге, мы находим знаменательные строки, еще более укрепляющие смысл ранее достигнутых договоренностей и взаимопонимания по вопросам общественного взаимодействия между нашими странами:

«...В соответствии с духом сотрудничества, существующим между двумя странами, мы подтверждаем важность укрепления контактов между нашими обществами и гражданами. Мы уверены, что прямые связи между нашими городами, штатами и областями, предпринимательскими структурами, образовательными, исследовательскими и медицинскими учреждениями, а также неправительственными организациями содействуют общению и росту взаимопонимания и доверия между Россией и Соединенными Штатами».

«...Наша основная роль в будущем должна заключаться в поддержке этой тенденции путем устранения правовых, административных и иных препятствий...» [7].

Народная дипломатия [8] существует не первый десяток лет, подтвердила свою полезность и востребованность, но нуждается в серьезной государственной поддержке. Работа одних только представителей общественности в качестве энтузиастов этого движения не может обеспечить проведение широкомасштабных программ, направленных на решение большого спектра проблем, с которыми сталкивается общество в современных США и России, даже если будут привлечены достаточные для этого финансовые ресурсы. Наибольшая эффективность программ в рамках народной дипломатии может быть получена только при взаимодействии с государственными и муниципальными структурами, при административной поддержке с их стороны.

Народная дипломатия на практике доказала, что в настоящее время она развивается и качественно, и количественно. Любая программа, отражающая интересы местных сообществ и вовлекающая население целых городов, штатов, республик, регионов и стран, имеет, как правило, хорошую долгосрочную перспективу.

И Россия, и США должны несколько более активно проявлять интерес и способствовать возникновению предпосылок и способов для того, чтобы поддержать и нарастить российско-американские

отношения в общественном теле двух стран, что создало бы совершенно новую ситуацию, которая не была бы связана и не зависела от смены политического курса в истеблишменте обеих стран.

Долгосрочная и прочная основа для системы поддержки российско-американских отношений возможна, в частности, на уровне экономических связей в регионах и местных сообществах, и такие отношения должны быть защищены от частых изменений местной политической конъюнктуры, последствия которой могут помешать развитию сотрудничества между местными сообществами в России и в США.

Что касается контактов представителей общественности и экспертных сообществ России и США в области гуманитарных отношений, то они не должны напоминать улицу с односторонним движением. Экспертному сообществу в России не следует ориентироваться только на предложения со стороны США, но и ориентировать США на спрос своего «know-how», имеется целый ряд направлений работы, где наше экспертное сообщество способно показать американцам свои достижения.

Российско-американские отношения в области гуманитарного сотрудничества давно уже преодолели уровень кратковременных визитов с целью ознакомления с опытом работы друг друга. Госдепартамент США, понимая важность поступательного развития сотрудничества с бывшим Советским Союзом, а сейчас с новой Россией, в течение длительного времени обеспечивает стабильное финансирование разноплановых обменных программ, с помощью которых тысячи россиян смогли посетить США, изучить опыт своих американских коллег, поделиться своим и влиться в многочисленный корпус выпускников российско-американских программ, которые в своем большинстве занимают активную личную позицию в политической, экономической и культурной жизни нашей страны.

Постепенное становление паритетных отношений при организации информационных обменов, сотрудничество в экономической, технической, культурной и других областях позволит России уйти от существующего до сих пор в основном одностороннего взаимодействия с США.

Активное участие законодателей в формировании внешней политики и международных отношений на всех уровнях способно значительно расширить арсенал средств реализации потенциала народной дипломатии. Все более широкий размах могут приобрести прямые связи регионов, субъектов Российской Федерации с иностранными партнерами. Закон может предусмотреть учет международных потребностей субъектов России, исключить возможность игнорирования центром специфики региональных интересов.

Сведенная в единый баланс работа по укреплению и даль-

нейшему развитию отношений между нашими странами производит большое впечатление. Это многочисленные контакты на государственном уровне, проекты в сфере научно-технического сотрудничества, гуманитарной помощи, социального обеспечения; профессиональные, школьные и студенческие обмены; художественные выставки, мероприятия в области культуры и спорта; участие россиян и американцев в обменных образовательных программах, имеющих государственную поддержку, позволяют представителям местных сообществ и в России, и в США получить возможность лучше узнать и понять друг друга, способствуют сближению наших народов, развитию свободных и непосредственных контактов между гражданами наших стран, активная гражданская позиция которых несет в себе базисный потенциал демократических ценностей и, таким образом, вносит огромный вклад в становление и укрепление гражданских контактов, т. е. развитие народной дипломатии, партнерских отношений между нашими странами.

В настоящее время и Россия, и США выступают как стратегические партнеры в борьбе с угрозой глобального терроризма. Совместные достижения в области освоения космического пространства убедительно доказывают возможность многопланового взаимовыгодного международного сотрудничества. Но это лишь малая толика того, где наши страны могли бы успешно выстраивать долгосрочное стратегическое взаимодействие. Такое положение дел в какой-то мере обусловлено политическим климатом между Россией и США, который имеет тенденцию часто меняться от благоприятного до формирующего неприязненные отношения и наоборот. Другая причина некоторой вялости, характеризующей динамику развития отношений между нашими странами в целом, кроется в постепенном угасании политического интереса друг к другу. Политические доктрины России и США определены, предсказуемы, рассчитаны на долгосрочную перспективу и имеют, к сожалению, не так уж много точек соприкосновения.

Так каково же будущее российско-американских отношений? Возобладает ли прагматизм в наших отношениях и приведет ли он к объединению научно-технического и производственного потенциала обеих стран? Или обманчивое ощущение самодостаточности и индивидуализм приведут к дезинтеграции усилий, необходимых для развития базиса устойчивого мирового экономического развития, которые так или иначе будут востребованы для совместного исследования земных ресурсных возможностей, дальнейшего взаимовыгодного освоения космоса и т. д.?

Какова миссия России и США в этом сложном, зачастую противоречивом мире, и выполнима ли она? Станет ли практический опыт сотрудничества между нашими странами, интересы которых часто

были диаметрально противоположными, провоцировали открытое военное противостояние и заставили мир почувствовать холодное дыхание ядерного катаклизма, для мирового сообщества примером отношений, которые все же основывались на благоразумном стремлении разрешать конфликтные ситуации мирным путем и доказали мировому сообществу, что это единственно возможный способ сосуществования?

Примечания

1. Вершбоу А. Выступление на конференции, посвященной 70-й годовщине установления дипломатических отношений между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, Московская государственная дипломатическая академия, 18.11.2003.

2. История США. Т. 1. М., 1983. С. 208–219, 536–549.

3. Шпотов Б.М. Участие американских промышленных компаний в советской индустриализации, 1928–1933 гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2005. М., 2005. С. 172–196.

4. Бутенина Н.В. Ленд-лиз: сделка века. М., 2004.

5. История США. Т. 4. М., 1987. С. 596.

6. Выступление Президента России Путина В.В. Встреча глав государств России и США. Москва, Кремль. 24.05.2002.

7. Выступление Президента России Путина В.В. Встреча глав государств G-8, Санкт Петербург, 14.07.2006. <http://summit.rtr-vesti.ru>

8. Выступление Президента США Д. Эйзенхауэра. Пресс-конференция, г. Вашингтон, О. К., Белый дом. 1956 г.

О.Г. Гордеева (Москва),
Н.И. Вышар (Москва)

Памятники по истории миссионерства в собрании ГИМ

В отделе тканей и костюма ГИМ хранится уникальный комплекс — облачение православного священника, сшитое из замши и меха северного оленя. Он состоит из нескольких предметов. Подризник, в виде глухой рубахи с длинными рукавами из тонкой белой замши, подол которого отделан полосками коричневой кожи, вышивкой цветным шелком, подшейным оленьим волосом, инкрустацией из цветной кожи, мехом выдры. Фелонь из темного и светлого меха северного оленя. На фелони в технике инкрустации в центре спины выложен орнамент и — изображение четырехконечного креста. Епитрахиль выполнена также из темного и светлого меха северного оленя, отделана инкрустацией кожей и мехом выдры с круглыми точеными пуговицами из бивня мамонта. Имеет подкладку из темной шерстяной ткани. Пояс, набедренник и поручи из темного и светлого меха северного оленя с отделкой в технике инкрустации. Пояс и набедренник на шерстяной подкладке, а поручи подшиты фиолетовым шелком. В комплекс входят наперсный крест и панагия, выполненные из полосок темного и светлого оленьего меха [1].

В Главной инвентарной книге ГИМ записано, что этот комплекс поступил в 1924 г. из музея I МГУ. Никаких других сведений в документах музея об этих предметах обнаружить не удалось.

До 2001 г. комплекс находился в отделе тканей и костюма ГИМ, не экспонировался и не публиковался. Впервые облачение православного священника из меха северного оленя вошло в состав выставки «Русская Америка. Императорская Россия и Новый Свет» (США). При подготовке этой выставки возникла необходимость точной атрибуции этих памятников культуры. Было ясно, эти предметы связаны с миссионерской деятельностью Русской православной церкви в Сибири и на Аляске. Был большой соблазн связать это церковное облачение с деятельностью святителя Иннокентия (1797–1879). Но выделка меха, ткань подкладки давали гораздо более позднюю датировку.

В 2002 г. эта выставка проходила в залах ГИМ. Во время работы над буклетом к ней Е.М. Юхименко обратила наше внимание на книгу Нестора (Анисимова) «Моя Камчатка. Записки православного

миссионера». В этом издании на одной из иллюстраций была воспроизведена фотография с предметами для совершения архиерейского богослужения, изготовленными руками камчадалов: орлец, орарь, пара сапог, пояс, перчатки, крест и панагия [2]. Они необыкновенным образом были похожи на наши предметы. Оригинал этой фотографии хранится в Архиве кинофотодокументов в Санкт-Петербурге.

Посещение этого архива принесло как разочарование, так и новые интересные сведения. Выяснилось, что на снимке изображены экспонаты выставки, которая была устроена в Петербурге в 1911 г. Камчатским православным братством. К сожалению, сведения о том, где проходила выставка и кто делал фотографию, отсутствуют. Обращение к периодике этого времени и перечню выставок 1911 г. пока результатов не дали. Фотография вывела на историю создания Камчатского православного братства и яркую фигуру иеромонаха Нестора (Анисимова) (1885–1962). Он родился 9 ноября 1885 г. в Вятке в семье военного чиновника Александра Александровича Анисимова. Его мать Антонина Евлампиевна была дочерью священника. Николай Анисимов учился на миссионерском монгольско-калмыцком отделении при Казанской духовной академии, тогда же он был принят в число послушников Казанского Спасо-Преображенского монастыря. По воле случая его благословили на миссионерское служение на Камчатку. 17 апреля 1907 г. двадцатидвухлетний Николай Анисимов принял монашеский постриг с именем Нестора (в честь мученика Нестора Солунского), а вскоре был рукоположен в иеромонаха. В то же лето 1907 г., получив благословение от отца Иоанна Кронштадтского, он отправился на Камчатку.

Нестор по прибытии на Камчатку обосновался в селении Гижига. Он застал там ужасающее запустение и разорение. Немногочисленным православные приходы были закрыты, старинный монастырь был разрушен, на весь камчатский край был всего один врач, местное население спаивалось японскими и американскими скупщиками пушнины. Русское и местное население (коряки, чукчи и тунгусы) были неграмотные и страдали от болезней. В период пасторского служения Нестор перевел на корякский язык богослужебные книги и основные молитвы. 14 сентября 1910 г. во Владивостоке было учреждено Камчатское православное братство. В начальной стадии его создания на него обратили благосклонное внимание царь Николай II и Александра Федоровна. Императрица Мария Федоровна также горячо поддержала эту идею. Тогда же по эскизам, предложенным Нестором, ювелирная мастерская Н. Линдена в Петербурге изготовила знаки четырех степеней Камчатского православного братства. В эти эскизы Николай II своей рукой внес некоторые изменения, в окончательном варианте знак I степени приобрел вид четырехконечного гофрированного креста с вогнутыми краями, на которых помещены круглые эмалевые медальоны с инициалами «Н-II», «М», «А», «А»

под императорскими коронами, что обозначало императора Николая, Марию Федоровну, Александру Федоровну и наследника царевича Алексея [3]. В скором времени в Петербурге, Москве, Киеве и других городах были открыты отделения Камчатского братства. Членами его стали представители многих знатных российских фамилий, предприниматели, деятели науки и культуры. Известно, что ректор Московского университета Любовский Матвей Кузьмич (1860–1936) [4] был активным членом этого братства. Члены Камчатского братства собирали крупные благотворительные пожертвования: деньги, драгоценности, церковную утварь, книги и оборудование для школ, библиотек и больниц. В разобранном виде на Камчатку отправлялись церкви, больницы и школы. В результате к 1917 г. в крае было уже 37 храмов, 38 часовен и 42 школы.

Для знакомства русского общества с деятельностью братства на Камчатке Нестор организовал в 1911 г. в Петербурге выставку. Судя по обнаруженным в кинофотоархиве фотографиям, на выставке были представлены изделия, созданные в мастерской при православной миссии. Части церковного облачения и способы их отделки, отдельные детали орнамента идентичны предметам из меха северного оленя, хранящимся в ГИМ. Надо обратить особое внимание, что на спине меховой фелони выложен светлым мехом четырехконечный крест — знак Камчатского братства. В комплекс облачения входят наперсный крест и панагия. Панагия также выполнена в форме четырехконечного креста с расширяющимися концами с аналогичной знаку первой степени с простым крестом в центре. Орнаментальное украшение епитрахили в виде вихревых розеток и сдвоенных крестов идентична украшениям на орари с архивной фотографии. Такие же своеобразные розетки украшают набедренник. Необыкновенно тонко выделанный подол подризника находит прямые аналогии в праздничных опуванах корякской одежды. По всей вероятности, лучшие корякские мастера выделывали замшу для подризника, с необыкновенным тщанием украшали шелком и подшейным оленьим волосом и полосками цветной кожи подол. Мягкий блестящий пушистый мех выдры пошел на отделку подризника, епитрахили, поручей и набедренника. В книге «Три жизни митрополита Нестора Камчатского» (М., 2002) опубликованы 8 фотографий с выставки 1911 г. [5].

Комплекс одежды священника по набору входящих в него предметов относится к облачению одного из высших иерархов православной церкви — епископа. Уникальность комплекса заключается в единстве канона и народной традиции, в данном случае высочайшего мастерства коряков в обработке замши и меха северного оленя. Особенно это выразилось в умении создавать меховые инкрустации светлым мехом по темному для украшения бытовых предметов. Замечательное чувство материала и цвета в создании праздничных подолов одежды — опуванов использовано в отделке подризника. Из оленьего

меха выполнены даже нагрудный крест и знак братства — предметы, обычно изготавливаемые из драгоценных металлов и эмали. Если части облачения и атрибуты архиерейского богослужения с архивной фотографии были выполнены в 1910–1911 гг. то облачение из собрания ГИМ было сделано около 1916 г., возможно, специально для Нестора, при посвящении его в епископа Камчатского [6].

Кроме уникального облачения из меха северного оленя в ГИМ хранится не менее уникальный церковный предмет — митра из мамонтовой кости [7]. Она поступила в музей в 1937 г. из Союзювелирторга в числе других предметов.

Митра составлена из отдельно вырезанных пластин разной формы из бивня мамонта и украшена орнаментальной чуть возвышающейся над поверхностью рельефной резьбой, пятью медальонами с изображениями поясных фигур Иисуса Христа, Иоанна Крестителя, Богоматери, Саваофа и Распятия. Митра имеет подкладку желтого шелка, подбитого ватой, и меховую опушку. Сложная форма митры с выгнутыми деталями позволяет оценить профессионализм резчика. Необычайно низкий, чуть читаемый орнаментальный рисунок на больших пластинах заметно отличается от работ русских резчиков. Узоры на пластинах прямоугольной формы, расположенные над медальонами, скорее напоминают орнаменты на металле. Резьба медальонов, выполненная в более высоком рельефе, создает впечатление старательно повторенных оригиналов человеком, не часто выполняющим подобную работу.

Необычный материал, из которого сделана митра, позволял предположить изготовление ее в районах, богатых мамонтовой костью: северные регионы России или Сибири, что делало предмет изначально уникальным. В инвентарях музея место и время изготовления митры было определено как «Россия, XIX в.». Ничего не было известно о владельце и о мастере. В книге митрополита Нестора «Моя Камчатка» мы нашли любопытное свидетельство. Нестор вспоминает, как во время очередного своего объезда стойбищ в 1916 г. в одном корякском жилище он обратил внимание на стоящий в стороне огромный, выше человеческого роста мамонтовый бивень и поинтересовался, можно ли из него вырезать митру, подобную той, что была с ним из золотой парчи, расшитая цветами и узорами, и сколько это займет времени. Хозяин подтвердил и определил время работы в 40–50 дней [8]. Нестор вспоминал, что «этот клык коряк распаривал в горячей воде, затем разрезал на соответствующие части и за отсутствием всякого материала для закрепления фрагментов, придавая, где нужно, округлую форму, скреплял их, вставляя в фаску. Мастер рельефно вырезал по митре соответствующие иконки (с 4-х сторон), скопировал весь узор...» [9]. В положенный срок митрополит Нестор получил костяную митру и, как уверял мастер, вырезанную одним ножом. Она хранилась у Нестора не только как образец умения и искусства резьбы по кости столь сложных пред-

метов местным населением, но и как свидетельство их глубокого уважения к своему пастырю. В 1917 г. по приезде в Москву для участия во Всероссийском Поместном соборе он взял ее с собой и неоднократно служил в ней во время своего пребывания здесь в 1917 и 1918 гг. В своих воспоминаниях он записал, что впоследствии подарил ее Московскому Археологического институту [10].

При обследовании митры в период подготовки выставки под подкладкой на одной из пластин была обнаружена написанная литера «Н». Поскольку ни в литературе, ни в музейных собраниях нам больше нигде не встречались упоминания о подобных предметах из кости, мы склонны связать ее с именем митрополита Камчатского Нестора и видеть в ней именно тот предмет, который упомянут в его записках.

Многое в истории поступления этих предметов в Исторический музей пока остается невыясненным.

В заключение следует отметить уникальность этого комплекса, в котором в канонических формах воплотились этнические особенности работы с местными материалами аборигенного населения.

Пока неясным остается момент, когда и каким образом митра из Археологического института попала через НКВД в магазин Союзювелирторга. До нашего времени митра дошла с утратой одной пластины. И была реставрирована к выставке в 2000 г. реставратором ГИМ по кости А.Д. Петровой.

Работа над выставками ГИМ последних лет способствовала выявлению и определению целой группы памятников, связанных с миссионерской деятельностью Русской православной церкви.

Примечания

1. ГИМ-55114 РБ-1401–1409 а, б.

2. Митрополит Нестор (Анисимов). Моя Камчатка. Записки православного миссионера. Свято-Троицкая Лавра, 1995. С. 111.

3. Россия. Православие. Культура: каталог выставки. Ноябрь 2000 — февраль 2001. М.: ГИМ., 2000. № 287, с. 92, ил. с. 91.

Апостолы нового времени. Миссионерская деятельность Русской Православной церкви XVIII – нач. XX вв: буклет выставки ГИМ. М., 2004. С. 70, № 72.

4. Любовский М. К. — ректор МГУ с 1911 по 1917 г.

5. Три жизни митрополита Нестора Камчатского. М., 2002. Вклейка между с. 160–161.

6. Митрополит Нестор (Анисимов). Указ. соч. С. 238–239.

7. ГИМ-78917. Кость-2610. Россия. Православие. Культура: каталог выставки... С. 92, № 286. Без воспроизведения. Апостолы нового времени. С. 72, № 74.

8. Митрополит Нестор (Анисимов). Указ. соч. С. 241.

9. Там же. С. 242.

10. Там же.

Timothy (Ty) L. Dilliplane
(Buzzards Bay, Massachusetts, USA)

Investigating Russian Cultural Change and Stability in Russian America: Initial Results

Project Introduction

This paper introduces a research project designed to guage the impact of isolation on traditional Russian culture at two settlements in Russian America. Specifically, it discusses the results of the first phase of the study. The colonies under consideration are the colonial capital of New Archangel (present-day Sitka), and the even more isolated site of Kolmakovskiy Redoubt in Southwestern Alaska. Studying the effects of isolation from the motherland on traditional behaviors within these communities may help us to better understand the ways in which culture can adapt or not adapt under such strenuous conditions. Doing so may have significant benefits for the planning of future communities in currently uninhabited areas. Also, such an approach, in general, has high potential for the uncovering of presently unknown daily life details in a fascinating, colorful, and under-researched facet of North American history.

The intent of the project's first phase was to establish the database needed for the overall study. That is, a detailed look was taken at various sources in the hope of discovering specific behaviors which can be looked upon as defining elements of traditional Russian culture in Metropolitan Russia. Once defined, the daily activities of Russian colonists at New Archangel and Kolamakovskiy Redoubt would then be examined for the presence or absence of these elements. «Metropolitan Russia» is here defined as the overall land mass of European and Siberian Russia stretching from that nation's western European borders to the Pacific Ocean. The term «traditional» is offered as meaning typically found cultural behaviors spanning that landmass during the 18th and 19th centuries.

Several points should be made here. First, I have undertaken this first phase with humility, and no illusions as to the difficulty and challenge involved. I am not of Russian extraction, and thus do not have a native understanding of the traditions of Russian culture. Furthermore, to accomplish such a detailed task with thoroughness for the Russian

culture would require a tremendous effort involving more time than here available. The Marquis de Custine, a Frenchman who visited Russia in 1839, reported that the wife of Tsar Nicholas I, Empress Alexandra Fedorovna, told him: «If you think well of us, you will say so, but it will be useless; you will not be believed: we are ill understood, and people will not understand us better» (Custine 1989: 161). It is possible that the Empress's statement arose from a view that Western Europe was simply unable to understand Russian lifeways. Perhaps others in Russia felt the same way. The Marquis reported that «The Russians are incessantly repeating to me that it is requisite to spend at least two years in their country before passing a judgment upon it; so difficult is it to understand» (Custine 1989: 77). In any case, my effort to delineate traditional Russian cultural behaviors will take the form of an initial survey, and will hopefully serve as a platform from which to launch any similar and more exhaustive investigations in the future.

Secondly, given the vastness of the area concerned, and the diversity of non-Russian ethnic groups found there, it is understood that ethnic Russian culture was continuously exposed to other cultural influences. David Buxton points out that the Russians who explored Siberia learned critically important lifeways from Natives living there, to include how to survive Siberia's icy winters (1989: 11). In writing about the origins of Russian food, Anne Volokh points out the ongoing interactions that Russian culture has had with other cultures (1983: 2): «As a nation situated between two vast civilizations—Western Europe and the Orient—Russia has, through trade, foreign invasion, and its own territorial expansion, been subject to the influences of a multitude of cultures. These influences in turn have been experienced, absorbed, and transformed to suit the national character». Such influences could lead to significant additions to Russian culture, such as the introduction and popularity of tea, and the widespread use of the samovar (see below). It follows, then, that the objective here must be to find behaviors commonly identified with Russian culture—regardless of origins or other areas of the world in which they are seen—and normally found across Metropolitan Russia. Multiple behaviors of Russian culture will be considered in this search, to include architecture, foods, modes of transportation, etc.

The identification of such specific behaviors of traditional Russian culture will then comprise the database by which an initial evaluation of the stability and change of traditional Russian culture in far-removed and isolated Russian America (the Russian colonies of Alaska and California) will be evaluated. Two settlements in Russian Alaska will be examined for this purpose—the capital of New Archangel (the town of present-day Sitka; Southeastern Alaska), and the much more isolated outpost of Kolmakovskiy Redoubt (currently an archaeological site; Southwestern Alaska).

It should be noted at this point that locating specific behaviors

of traditional Russian culture is not taken to mean those behaviors that were found ONLY in Russian society of the 1700s and 1800s. It is understood that many of these elements may also be found in an exact or similar form in other cultures of the period. However, it is also believed that such repetition would, of and by itself, have no bearing on whether those elements were fundamental parts of the Russian culture of the timeframe under consideration. Indeed, the critical factor here is the widespread acceptance / usage, during the 18th and 19th centuries, of various behaviors as an integral part of the period culture.

A key source of such traditional behavioral data in Metropolitan Russia are 18th and 19th century travelogues written by those visiting there. These published journals / letters range from being clearly prejudiced against things «Russian», to being highly laudatory. However, biased travel accounts, whether negatively or positively oriented, have the potential to identify key aspects of the culture visited. Other sources concern modern historical evaluations of traditional Russian material culture, such as architectural forms, while a few offer pertinent data via illustrative or photographic means. Information relating to specific 18th and 19th century traditional Russian behaviors in European and Siberian Russia has been gleaned from all three of these source types. Data of this nature is distinguished in the paper by those terms that are underlined, and highlighted. These are listed under their general behavioral categories, which are provided alphabetically.

Please note that at times this research refers to late 19th – early 20th century examples of what is being discussed as reflections of what may have existed during the time of Russian America, ending as much as some 50 years earlier. It is felt that this can be plausibly done since «culture lag» in traditional Russian culture can be significant. Both the northeastern and northwestern regions of European Russia offer examples. A bastion of traditional Russian culture can be considered to lie in the area of Northeastern European Russia, encompassing the drainages of the Pinega, Mezen, North Dvina, Onega, and Pechora Rivers. It was in this area that traditional Russian lifeways remained intact, despite the passage of time, and—in the 1800s—yielded for documentation wedding songs, stories, and other reflections of old Russian life (Razina, et al 1990: 17). Culture lag is also seen in Fyodorov's article on traditional architecture in «Transonega», the area surrounding Lake Onega in northwestern European Russia. The author provides a general statement concerning this as follows: «...nineteenth-century houses retained many traditional features which help us to reconstruct the domestic architecture of much earlier periods» (Fyodorov 1972: 84). Fyodorov provides details concerning a traditional «koshel»—the oldest type of house still standing in this area (Fyodorov 1972: 84). This particular koshel—the Oshevnev house—

was built in 1876, but «The type and arrangement of the different sections follows the traditional pattern, i.e., it corresponds more or less to descriptions in sixteenth- and seventeenth-century chronicles and other documentary sources» (Fyodorov 1972: 88).

Finally, two other points are in order. First, due to time constraints, this paper can only present selected highlights of the effort to identify key elements of 18th / 19th century traditional Russian culture. Second, I very much welcome corrections and suggestions for additions / deletions!

Phase I Summary:
Consolidated Database of Behavioral Descriptors for Specific 18th and 19th Century Traditional Russian Behaviors

A listing of descriptors for the 18th and 19th century traditional Russian behaviors found in this study, per their individual categories, follows:

Civilian Architectural Behaviors

historical Russian wooden architecture	**northern izba**
village layout	**mushroom turret**
Koshel	**Brus**
Glagol	**ridge-beam carving**
polotentse	**prichelini**
nalichniki	**painted exterior carvings**
log-building template	**wood-usage template**

Defense Architectural Behaviors

kremlin	**ostrog**
fort-building template	**vezhi**
bashnya	

Dressing and Hair / Beard-Wearing Behaviors

touloupe	**beard**
caftan	**sash**
pantaloons	**large leather boots**
over-hanging shirt	**wide-rimmed / round hat**
povoinik	**above-bosom waist**
tunic	**Indian handkerchiefs, etc.**
No waist binding	**padded stockings**
merchants' wives headdress	**kokoshnik**
haircut / pod kruzhok	**valenki**

Drinking: See Recreational Behaviors

Eating Behaviors
(for Recreational Eating, See Recreational Behaviors)

frozen cranberries
mushrooms
struganini
caviar
blini

blini
kasha

cold sturgeon with horseradish
cold and sour soup
beginning-of-meal dessert placement

cabbage soup
iukoshko
zakuski
piroghi / pirozhki
Butterweek

party black / brown bread
pel'meni

sterlet stew
sugared vinegar soups

Household Behaviors

wood houses
large green-leather sofas
curved-sided / rimmed-topped ceramics
birch bark vessels

izba odor
non-use of beds
distinctive stove

Personal Hygiene Behaviors

odor
steam bath

Punctuality Behaviors

timeliness

Recreational Behaviors

eating
evening tea / supper
tea essence
samovar

prianiki
cut-glass saucers
morning tea-time (8/9 AM)
balalaika
traditional tune melancholy
dance: «Cossack Waltz.»
kvass
«Russian mountains»
military exercises / reviews

morning tea
tea-drinking
Russian tea glasses
vatrushki

krendels
buterbrody
evening tea-time (9/10 PM)
bear
dance: «Ruski»
dance: «Kapalooshka»
kvass-serving pitcher
Russian see-saw
namedays

Tsar's nameday **coronation anniversary**
dancing / singing
costumed groups **recreational quietness**
vodka

Religious Behaviors

three-barred cross **icon**
embroidered towels **krazny ugol**
individual crossing **workplace church services**
Wednesday fasting **Friday fasting**

Social Behaviors

partial seclusion of women **hospitality**

Vehicular Transportation Behaviors

duga **droschky**
long droschky **telega**
kibitka **sledge**

sledge bells **troika**

Walking / Non-Walking Behaviors

walking avoidance

Woodworking Behaviors

Axe

Phase I Discussion: Identification of a Traditional Russian Behavioral Database—18th and 19th Centuries

General

The Marquis Astolphe de Custine, a French nobleman and writer, visited Russia for under three months in 1839. Writing a travel journal about his trip that brought him literary success, the Marquis partly sets the stage by writing that his trip to Russia exposed him to antique behaviors not seen for many years in Western Europe. In a story told to Custine and others, «Prince K------» stated that « 'In everything, Russia is four centuries behind the world' » (Custine 1989: 65). Later, Custine expounds on this thought when he writes (1989: 424): «What a singular journey is this, which in a fortnight conveys you into Europe as it was 400 years ago!»

Civilian Architectural Behaviors

General

During Theophile Gautier's visit to Russia from 1858 to 1859, his first stop was at the imperial capital of St. Petersburg. He tells us that brick houses covered by stucco were most common in St. Petersburg (Gautier 1881: 68).

The importance of **historical Russian wooden architecture** as an element of traditional Russian culture is made abundantly clear by Opolovnikov and Opolovnikova (1989: 15):

Russian wooden architecture is a vigorous branch of the national culture,

with its roots deep in ancient times... Medieval Russian architecture

sprang from real life and contained the very essence of the Russians' view

of their world, their perception of beauty, indeed everything that goes to

make up the character of the nation and its distinctive art. The fruits of

such creativity, profoundly national in form and content, make an

invaluable contribution to universal human culture, evoking a sense of

oneness with nature and with the past.

General Importance and Characteristics of the Izba

One of the defining characteristics of true Russian culture, according to the Marquis de Custine, is the izba (along with the sledge; see below; 1989: 548). The term «izba» has been used as a general reference to Russian peasant homes. The **northern izba** was, in a sense, almost mystical in its importance to traditional Russian culture. This is made clear by Opolovnikov and Opolovnikova when they explain:

Nature has always provided shelter for man. The Russian izba (basically

a log-built dwelling) and the village (also constructed almost entirely

of wood) were a continuation of the natural world, fashioned and transfigured

by man, to be sure, but always preserving its primal essence: the tree lived

on in the logs, the timber floors and ceilings, the polished tables and

benches. The Russian peasants' izba was more than their home: it was

their entire world, reflecting the universe and their place therein. Their

house served as fortress and refuge. Its ornament and detail symbolized

all that they needed and asked for from nature; it expressed, too, their

oneness with it (1989: 27).

The architectural «ornament and detail» just mentioned differed within European Russia. In the north, exterior izba decoration was less emphasized / more restrained than was its counterpart in the Volga region, where «such houses, though smaller, were decorated with intricate carved and painted woodwork. It was also an old custom to decorate the izba's interior with painted designs, which appeared on the floor, walls, furniture, and baby's crib» (Razina et al 1990: 18). As we will see, these log izbas could have highly carved, and symbolic, exterior decorative elements integrated into the roof and wall structures.

«Mushroom» Turrets

The **mushroom turret** is a very prevalent element in Russian church architecture and, as a result, is here considered a defining element of traditional Russian culture. It is often seen surmounted with the crescent and triple-barred Russian Orthodox cross. Several mushroom turrets in Moscow and Kostroma are illustrated in Custine's work (1989: 444–445), while Opolovnikov and Opolovnikova's book devotes an entire chapter to church architecture, with illustrations of onion domes (1989: 143–250).

Log Construction

The huge amounts of wood required by the Russian culture for building and heating purposes caused Custine to wonder how any forests could still exist (1989: 369). Custine's impression of Russian log architecture, seen by others as admirable, was quite different: «The houses are only piles of the trunks of trees, badly put together, and supporting roofs of plank, to which in winter an extra cover of thatch is sometimes added» (1989: 366). We are told by Custine that some Russian «cottages» are constructed of clay, but that—for the most part—such houses are made of wood logs. Custine felt that the logs were hewn rather unskillfully, but did credit the care taken with the caulking process (which utilized moss and resin) (1989: 454). Indeed, he noted that a village house in which he stayed on the road to Yaroslavl (from Moscow) was «caulked with moss and pitch as carefully as if it were a boat» (Custine 1989: 465).

The typical izba was, indeed, generally squarish in construction, often measuring in the vicinity of 6.5m x 6.5m. It was usually built with the log corners projecting out (not flush), or «in oblo» (Russian:

v oblo) style. Until the 1500s, the usual izba did not have a cellar, but during the 1600s the inclusion of cellars in izba construction was common. The typical Russian stove found in the izba apparently changed little over the centuries (Anonymous 2005: 518).

Not all Russian izbas were structures dedicated solely to domestic uses. Some could be physically linked to work areas, all under one roof. Two types of these structures were built in Transonega, in Northwestern European Russia. One of these was the Koshel; the second, the Brus. Fyodorov explains that, of the two, the **Koshel** is the oldest and most frequently seen type, and that it could be rather large. An example discussed is the still-standing three and two-story Oshevnev House, constructed in 1876 for a 22 member peasant family. This particular building is comprised of the izba portion (the living quarters), part of which is directly heated by a two — three square meter clay stove, and part of which is not. The izba, actually on the second floor of the building, sits on top of an unspecified use area on the ground floor, and has a small, highly decorated balcony surrounding what appears to be a window directly underneath the front gable of the house. Directly attached to the side of the izba portion of the building, and sharing the same roof, is a covered work area, also consisting of two stories. The ground floor of this non-izba portion of the building is devoted to two cattle pens; the upper floor consists of food and tool storage rooms. This covered work area is served by two arched doors on one side, one each on each floor, with the one on the second floor reached by a ramp. Sleighs and cattle accessed the building through the lower door, while hay was brought in via the ramp and upper door. Another distinctive feature of the Koshel, as seen in the Oshevnev House, is a verandah which runs around the sides of the izba itself (Fyodorov 1972: 77–80; 84–90).

It is interesting to note that the evolution of the izba in Northern European Russia occurred relatively late in history. It was not until the beginning of the 1600s that people began to consider placing both the izba and some of its associated work areas all under a single roof. The options to do this had fully developed by the end of the 18th century (Anonymous 2005: 519).

Not all izbas in Northern European Russia, were Koshels, Bruses, or Glagols. Specifically in the Arkhangelsk area, many of the izbas in the late 18th century remained simple, basic dwellings due to the poverty of the peasants living there. These were the poorest of the peasants—the otkhodniks (those who left their homes looking for town-based seasonal jobs), the batraks (hired workers), and the bobyls (landless peasants).

Commonly roofed-over izbas / non-domestic locations were not usually seen in southern Russia and Siberia. In these regions the izba was a separate building, with the various needed work areas ranged

around it in a courtyard-type of style (Opolovnikov and Opolovnikova 1989: 44–45; Anonymous 2005: 519). Intriguing examples of traditional Russian architecture in Siberia can be seen at the Taltsi Architecture and Ethnographic Museum, near Irkutsk, Russia.

Traditions from Northern European Russia transplanted to Siberia were subject to both change and non-change. An example of this is the architecture of the family residence and work areas. The izbas built in Siberia had much in common with their European counterparts in northern Russia, but they also reflected Siberian traditions (Opolovnikov and Opolovnikova 1989: 80). Across Siberia, the architectural organization of the izba / work area compound was significantly different from that of Northern European Russia. Whereas the izba of the latter region might be located in a fenceless, large, commonly-roofed, multi-purpose structure having animal pens, storage areas, a hay loft, and other work areas (see above), its Siberian counterpart was not. There each izba stood by itself, with the family's various work areas—reflected in separate-standing structures nearby—closely ranged around it. Along with a high, stout wood fence surrounding the compound, and izba structural elements meant to increase the defensive security of the family, the overall assemblage of buildings looked like a small fort. This military type of posture was due to the hostile Natives and escaped Siberian convicts which could sometimes threaten various locales (Opolovnikov and Opolovnikova 1989: 80). The fortified izba / work courtyard area of the Siberian Russian homestead could even be expanded into a two work courtyard area—one having the animal stocks, and one devoted to non-husbandry work tasks (Opolovnikov and Opolovnikova 1989: 80–81).

Traditional Northern Russian wooden izbas can have several highly distinctive exterior decorations. One of these is a carved wooden imaginary figure, which is at the very end of the shelom, or ridge beam of the house. Hence, the figure stands immediately above the apex of the gable. This feature is referred to as a «heraldic beast», or as a **ridge-beam carving** (Opolovnikov and Opolovnikova 1989: 28–29; Bartenev 1972: 258, 270–271). Potentially hanging from this same apex is the **polotentse**, a short, decoratively carved slat of wood, while—running down each of the gable's eaves—were the **prichelini**, another type of carved board which covered over the ends of the horizontal roof logs aligned parallel, and below, the shelom. The prichelini and polotentse were not just for show, but had a symbolic meaning. Traditionally having images of the sun carved into them, they served to depict the triumph of light over evil. An izba could also have several rows of intricate carvings, each running horizontally above the windows and below the eaves. House carvings can include intricate, undetermined (by the author) decorations, to those that incorporate animals or mythical figures into the decorations. Decorations around the izba's windows, **nalichniki**,

could also be quite elaborate. These «window surrounds» consisted of carved wooden decorations above, below, and to the sides of the actual windows, the side variants being solely decorative shutters which—in an earlier time—had been functional. People living in the Onega district particularly liked nalichniki comprised of «curved volutes, or scrolls». It is interesting to observe that this same type of nalichniki was also found along the Angara River, in southern Siberia. A later style used on nalichniki called upon decorative triangles or rectangles to be placed on the tops of the windows. A window surround shown in Razina et al has four wooden columns actually stretching over the space where the actual window would have been, and the year «1884» denoted on its lower panel. Another portion of a nalichnik, consisting of two facing roosters, has the date «1894» carved into it. Please note, however, that not all izba windows had nalichniki, while others had minor nalichniki decorations only. As mentioned above, the Marquis de Custine noted that some of the izbas he saw had **painted exterior carvings**—these could have been painted prichelini, polotentsa, nalichniki, or other decorations (Bartenev 1972: 264–265, 270–271; Opolovnikov and Opolovnikova 1989:27–34, 50–53, 69, 82; Razina et al 1990:80, 81; Anonymous 2005: 520; Custine 1989: 453).

The log buildings of a Northern European Russian village often appear as if one single carpenter made them all. This is because there was a set traditional **log-building template** in place. Logs of certain lengths and corresponding set thicknesses would be required for particular purposes within the architecture of the village (Opolovnikov and Opolovnikova 1989: 32–41). Corner-jointing in traditional Russian wooden buildings could be of the simplest form, that known as v oblo. In this style, the logs would project past the actual wall line intersecting them. Another style, regarded as having more elegance and referred to as v lapu, held the log ends flush to the walls. This is also known as «dove-tailing» (Opolovnikov and Opolovnikova 1989: 37; 41).

Defense Architectural Behaviors

The Marquis de Custine remarks that every Russian town had its own fort or **kremlin** (Custine 1989: 508). The Russian term **ostrog** is often used for traditional Russian wooden forts. An interesting thing about Russian wooden fortifications is that—no matter where they were placed around the vastness of European / Siberian Russia—they all were built with the same basic **fort-building template.**

Examples of how traditional the construction of a Russian wooden fortification could be is seen in the defensive towers of the fort. These «watch-towers» (vezhi / bashnya) were designed to help keep an eye out for the long or near approach of an enemy, and—of course—to provide defensive advantages when the enemy attacked. **Vezhi** were the earliest forms and could be free-standing within / outside the stockade

walls, while **bashnya** were their evolved successors incorporated into the walls. However, both types could exist side-by-side—an example of this was seen at the original ostrog of Irkutsk, founded in 1661 (Opolovnikov and Opolovnikova 1989: 122, 126). Over time these watch-towers became a patriotic symbol to Russians; the earliest examples go back to at least 1159 AD. (Opolovnikov and Opolovnikova 1989: 84, 89, 103; 107, 109, 115, 119, 121, 125, 127–131, 137).

Dressing and Hair / Beard-Wearing Behaviors

A distinctively Russian appearance for both men and women is suggested from various historical sources. **Beards** apparently were a cultural prerequisite to the male dress code, as was the **caftan** (referred to by Custine as «cafetan»), **sash, pantaloons, large leather boots, over-hanging shirt, touloupe** (or sheepskin coat), and **wide-rimmed / round hat**. «Long winter felt boots», or **valenki**, were also in the clothing inventory of peasants during the reign of Nicholas II—a photo of a peasant wearing this type of footwear is shown in FitzLyon and Browning (1978: 124). The touloupe was described by Custine as being, to the peasant wearing it, his clothing, bed, carpet, and tent (Custine 1989: 99–100, 325, 379–380, 526; Pallas, Johnston, and Miller 1990: 190, 222–223; Gautier 1881: 66–67; Katzner 1984: 841; Cochrane 1970: 75). Women might well wear a **povoinik, kokoshnik**, or **kika**, or a **scarf**, as headwear; a tunic type of dress with a **chest high waist**, and a longer dress underneath (Gautier 1881: 79–80; Razina et al. 1990:35). The kokoshnik preceded the povoinik as a headdress type in the Arkhangelsk, Vologda, and Vyatka areas (Anonymous 2007: 14). A richly decorative **merchants' wives headdress** worn in the summertime is shown in Pallas, Johnston, and Miller; the Winter version, which is very similar, is also shown (Pallas Johnston and Miller 1990: 81–83, 192–193; Razina et al 1990: 35; Gautier 1881: 79–80; Custine 1989: 124, 165; 327, 367, 526; FitzLyon and Browning 1978: 132).

The wearing of the hair and beard was also very important. The male peasants seen by Custine at a village tavern outside of St. Petersburg had long hair which was parted «on the forehead», and which—as the usual **haircut**—was «shaved close behind rather higher than the nape, so as to discover all the strength of the neck...» (1989: 326). A typical way to cut a peasant boy's hair was termed **pod kruzhok**, or under a bowl which was placed on top of his head. Any hair sticking out from under the bowl would be trimmed off (Kanatchikov 1983: 39). A photograph in FitzLyon and Browning (1978: 125) of the meeting of a mir, or village council, provides an idea of what this type of haircut looked like. One of the most important personal appearance attributes for men in Russia was the **beard**. We are informed that having a beard was considered a sign of being a loyal Russian:

The people of this country have an aversion for every thing that is not
Russian. I often hear it repeated, that they will some day rise from one
end of the empire to the other upon the men without a beard, and destroy
them all. It is by the beard that the Russians know each other. In the
eyes of the peasants, a Russian with a shaved chin is a traitor, who has
sold himself to foreigners, and who deserves to share their fate (Custine 1989: 547).

Other Behavioral Categories

Other behavioral categories investigated for traditional Russian traits, and selected behaviors within each, are as follows:

Eating Behaviors
(for Recreational Eating, See Recreational Behaviors)

Cabbage Soup (Volokh 1983: 103; Gautier 1881: 294); **Mushrooms** (FitzLyon and Browning 1978: 93; Volokh 1983: 377–378; Marie 1931: 28); **Iukoshko** (FitzLyon and Browning 1978: 93); **Struganini** (Kennan 1970: 286); **Zakuski «Ceremony»** (Volokh 1983: 10–11); **Caviar** («... Russian cuisine's claim to fame»; Volokh 1983: 14); **Piroghi / Pirozhki** (Volokh 1983: 118), and **Blini / Butterweek** (Volokh 1983: 462, 463). The zakuski stage of a meal, which is the beginning element, is considered to be one of two traditional «food ceremonies» in Russia, both of which go back centuries. (The other is tea-drinking; see below). Volokh (1983: 10) puts it this way: «But the masterpiece of Russian cuisine is the *zakuski*, or hors d'oeuvre, ceremony. Limited to the role of an overture in other cuisines, *zakuski* are the equivalent of a whole first movement in a formal Russian dinner».

Household Behaviors

Curved-Sided / Rimmed-Topped Ceramics (Volokh 1983: 4); **Distinctive Stoves** (Volokh 1983: 4; Robinson 1960: 118–119); and **Birch Bark Vessels** (Razina et al 1990: 29). Traditional Russian cooking vessels were made of clay and had two distinctive features for practicality of use in the Russian stove—curved sides and rimmed tops. The latter allowed the cook to move them around within the stove via long, wood-handled tongs, while having curved sides meant that the maximum area possible was exposed to the cooking energy of the stove (Volokh 1983: 4). A traditional Russian stove will typically be large and fill up the space of one entire wall in the izba's kitchen. It can be made of either bricks or clay, and does not

use cooking burners, instead employing an oven somewhat off the floor (Volokh 1983: 4). Concerning birch bark vessels—birch bark was a resource used in Russia from ancient times. Lidded containers made of birch bark, having stamped or painted designs, might be found in a peasant's izba and used to hold milk, groats, flour, and sour cream (Razina et al 1990: 29).

Personal Hygiene Behaviors

Steam Bath (Pallas, Johnston, and Miller 1990: 148–149, 190, 222; Custine 1989: 327, 476–477; Gautier 1881: 67, 249–250; Kennan 1970: 103–105; Anonymous 2005: 518; Volokh 1983: 595). An interesting note discovered about the use of the traditional Russian steam bath is that kvass, a traditional Russian fermented beverage, was sometimes thrown onto the hot rocks of the steam bath to create «an enriched, soft, fragrant steam smelling of fresh bread...» (Volokh 1983: 595).

Punctuality Behaviors

Timeliness is portrayed as a «Russian virtue» (Gautier 1881: 124).

Recreational Behaviors

Tea Drinking (Volokh 1983: 2–3, 10, 576, 577–578; Custine 1989: 156–157, 325–326, 500, 510, 517; Marie 1931: 14–15; Barry 1986: 7, 8; Kennan 1970: 280, 284, 286, 290; Paulson and Paulson 1980: 95; Gautier 1881: 123, 260, 295; Johnson 1907: 111, 117); **Samovar** (Volokh 1983: 5, 10, 118, 576, 577, 578; Paulson and Paulson 1980: 95; Ivanova 1976: Item 14; Item 84; Barry 1986: 4–7, 11–17, 19, 22, 23, 26; Gautier 1881: 286; Naughton 1978: 6; Custine 1989: 156–157; 461; Johnson 1907: 166–167); **Balalaika** (Cochrane 1970: 93; Kennan 1970: 285; Custine 1989: 156–157); **Kvass** (Volokh 1983: 595; Gautier 1881: 130); **Kvass Serving Pitcher** (Razina et al 1990: 55, 60, 61, 89, 90); Vodka (Volokh 1983: 10–11, 13, 583, 584; Johnson 1907: 168); **«Russian Mountains»** (Gautier 1881: 107–108; Dilliplane 2007); and the **«Flying Mountain»** (Pallas, Johnston, and Miller 1990: 190–191).

Religious Behaviors

Three-Barred Cross (Paulson and Paulson 1980: 49); and the **Icon** (Paulson and Paulson 1980: 35).

Social Behaviors

Vehicular Transoportation Behaviors

Duga (Katzner 1984: 505; FitzLyon and Browning 1978: 119, 122; Orlovsky 2007a); **Droschky** (Gautier 1881: 82; Custine 1989: 100–101, 156–157, 476; Orlovsky 2007b); **Sledge** (or sleigh) (Custine

1989: 548; Gautier 1881: 90; Pallas, Johnston, and Miller 1990: 26; Johnson 1907: 140); **Sledge Bell** (Katzner 1984: 32; FitzLyon and Browning 1978: 122), and the **Troika** (Gautier 1881: 98–99; Custine 1989: 156–157). Gautier tells us that a small, light type of carriage he saw in St. Petersburg was quintessentially Russian: «The droschky, or drojky, as they spell it in Russian, is, *par excellence*, the national vehicle; there is nothing like it in any other country, and it merits particular description» (Gautier 1881: 82; emphasis mine). Along with the izba, the Russian sledge is given by Custine as being a fundamental element of Russian culture (1989: 548). On seeing the first winter sledge following his arrival in St. Petersburg, Gautier (1881: 90; my emphasis) writes: «Never since my arrival in St. Petersburg had I felt so distinctly that it was Russia; it was like a sudden revelation, and a crowd of things, which till then had remained obscure, suddenly became clear to me». An excellent view of a Russian sledge during the 1890s is provided in a photograph in FitzLyon and Browning (1978: 122)—the compactness of the vehicle is noteworthy. A close look at the bottom of the sledge, immediately above the runner, reveals a very small, metallic-looking object which may be a sledge bell. With regard to the troika, a Russian sledge might have one, two, or three horses pulling it—if three horses, it is called a troika. Gautier (1881: 98–99; my emphasis) relates that «...the height of style is the troika, a vehicle eminently Russian, full of local color, and very picturesque».

Walking / Non-Walking Behaviors
Woodworking Behaviors

Axe (Custine 1989: 380, 500, 501). A Russian's ability with the axe was not missed by Custine:

> He never goes out without his small hatchet, which is useful for a hundred purposes in the hands of a dexterous man in a country which is not yet in want of woods. With a Russian by your side, were you to lose yourself in a forest, you would in a very few hours have a house to pass the night in, perhaps more commodious, and assuredly more clean, than the houses of the old villages (1989: 380).

Because Custine later points out that a Russian feels comfortable in any snowy climate provided he can build a «cabin» (izba) and a sledge (1989: 548), thus pointing to the significance of those things to the Russian culture, the axe—by implication—takes on the same importance.

Concluding Remarks

This initial research has uncovered a long list of traditional cultural behaviors associated with life in Russia during the 18th and 19th centuries. It is anticipated that more will be added as the project continues. These behaviors will serve as the comparative database for the remainder of the project.

Phase II of the work will now begin, and will consist of detailed studies of daily life in both New Archangel and Kolmakovskiy Redoubt. Specifically, a review of historical documentation, all available oral histories, and archaeological data concerning these two colonies will initially take place for information relating to the (a) identification and (b) change / retention of traditional Russian behaviors noted in the database. Once this has been completed, the next step will be to compare information concerning traditional Russian behaviors derived from the general database, site documentary, site oral history, and site archaeological sources. An effort will then be made to explain inconsistencies concerning these behaviors noted between the general database and all other references.

Finally, a statement of conclusions will be given, and an effort will be made to explain them. Potential explanations will be sought through a review of pertinent historical circumstances, any similar inquiries concerning the colonies of other nations, and applicable theoretical perspectives.

It is hoped that this overall research effort will result in meaningful contributions both to our understanding of the interrelationship of culture and isolation, and to the intriguing and colorful phenomenon that was Russian America.

References

Anonymous
2005 «Living and Household Structures of the Russian North». In **Practical Dictionary of Siberia and the North.** European Publications and Severnye Prostory; Moscow.

Anonymous
2007 «Female Headdresses». In Traditional Culture of the Russians of Siberia, www.ic.omskreg.ru/~folklore/mk/golovn/index_.shtml.

Barry, Mary J.
1986 **The Samovar: Its History and Use.** Original copyright: 1971. M J P Barry, Anchorage, Alaska.

Bartenev, I.
1972 «The Northern Dvina and Pinega». In **North Russian Architecture**. Progress Publishers, Moscow, Russia; pp. 242–293.

Bonnell, Victoria E., Editor

1983 **The Russian Worker: Life and labor Under the Tsarist Regime.** Edited, with an Introduction and Annotations, by Victoria E. Bonnell. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, and London.

Boorstin, Daniel J.

1989 «Foreword». **Empire of the Czar: A Journey Through Eternal Russia.** Translated (from French); translator unknown. Abridged from the 1843 Longman edition. Doubleday, New York.

Buxton, David

1989 Introduction. In **The Wooden Architecture of o Russia: Houses, Fortifications, Churches**, by Alexander Opolovnikov, and Yelena Opolovnikova. Edited and Introduced by David Buxton; Color Photographs by Vadim Gippenreiter. Harry N. Abrams, Inc., Publishers, New York.

Cochrane, John Dundas (Captain, RN)

1970 **Narrative of a Pedestrian Journey Through Russia and Siberian Tartary, From the Frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtchatka.** Third Edition, Vol. 1. Printed for Charles Knight, Pall Mall East, London, 1825. Reprint: Arno Press, Inc., and the New York Times (two volumes in one), Russia Observed, New York.

Custine, Astolphe, Marquis de

1989 **Empire of the Czar: A Journey Through Eternal Russia.** Translated (from French); translator unknown. Abridged from the 1843 Longman edition. Doubleday, New York.

Dilliplane, Timothy (Ty) L.

2007 **Personal Observation.**

FitzLyon, Kyril and Tatiana Browning

1978 **Before the Revolution: A View of Russia Under the last Tsar.** The Overlook Press, Woodstock, New York.

Fyodorov, B.

1972 «Transonega». In **North Russian Architecture**. Progress Publishers, Moscow, Russia; pp. 10–95.

Gautier, Theophile

1881 **A Winter in Russia.** Translated (from French) by M. M. Ripley. Second Edition Revised. Henry Holt and Company, New York.

Ivanova, E.

1976 **Russian Applied Art: Eighteenth to Early Twentieth Century.** V. Pushkariov, Editor. Aurora Art Publishers, Leningrad, USSR.

Johnson, Henry

1907 **The Life and Voyages of Joseph Wiggins, F.R.G.S. Modern Discoverer of the Kara Sea Route to Siberia Based on His Journals and Letters.** John Murray, London.

Kanatchikov, S. I.

1983 «From the Story of My Life». In **The Russian Worker: Life and Labor Under the Tsarist Regime.** Edited, with an Introduction and Annotations, by Victoria E. Bonnell. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, and London.

Katzner, Kenneth

1984 **English-Russian / Russian-English Dictionary.** John Wiley and Sons, New York.

Kennan, George

1970 **Tent Life in Siberia: A New Account of an Old Undertaking. Adventures among the Koraks and Other Tribes In Kamchatka and Northern Asia.** G. P. Putnam's Sons, New York and London, 1910. Reprint: Arno Press, Inc., and the New York Times, Russia Observed, New York.

Marie, Grand Duchess of Russia

1931 **Education of a Princess: A Memoir.** Translated from the French and Russian Under the Editorial Supervision of Russell Lord. The Viking Press, New York.

Naughton, Sharon Cissna

1978 **Samovars in Kodiak—Two Cultures Met.** Kodiak Historcal Soceity, Kodiak, Alaska.

Opolovnikov, Alexander and Yelena Opolovnikova

1989 **The Wooden Architecture of o Russia: Houses, Fortifications, Churches.** Edited and Introduced by David Buxton; Color Photographs by Vadim Gippenreiter. Harry N. Abrams, Inc., Publishers, New York.

Orlovski, Alexander

2007a Painting: **Peasant in a Cart.** 1812; pastels, pencil, etc. 36.5 cm x 51 cm; Tretyakov Gallery, Moscow, Russia. In Olga's Gallery, www.abcgallery.com/O/orlovsky/orlovsky 29.html.

2007b Painting: **Town Carriage (Droshky).** 1820; Lithography, 44.6 cm. x 55.7 cm; Russian Museum, St. Petersburg, Russia. In Olga's Gallery, www.abcgallery.com/O/orlovsky/orlovsky21.html.

Pallas, P. S., Robert Johnston, and W. Miller

1990 **Views of 18th Century Russia: Costumes, Customs, History.** Foreword by Sir Fitzroy Maclean. Portland House, New York.

Paulson, Paul L. and Maria Paulson

1980 **Guide to Russian Works of Art.** Copyright by Paul L. Paulson. Washington, D. C.

Razina, Tatyana, Natalia Cherkasova, and Alexander Kantsedikas

1990 **Folk Art in the Soviet Union.** Harry N. Abrams, Inc., New York, and Aurora Art Publishers, Leningrad.

Robinson, Geroid Tanquary

1960 **Rural Russia Under the Old Regime: A History of the Landlord– Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917.** Original copyright: 1932; copyright renewed in 1960. University of California Press, Berkeley and Los Angeles.

Volokh, Anne (with Mavis Manus)

1983 The **Art of Russian Cuisine.** Macmillan Publishing Company. New York.

Timothy (Ty) L. Dilliplane
(Buzzards Bay, Massachusetts, USA),
А.Ю. Исаев (Иркутск), А.М. Клементьев (Иркутск),
J. David McMahan (Anchorage, Alaska, USA),
И.В. Стерхова (Иркутск), А.В. Харинский (Иркутск)

Исследования у здания конторы Российско-американской компании в Иркутске

Введение

В августе 2007 г. группой ученых из России и Соединенных Штатов Америки проводились рекогносцировочные работы у здания Русско-Американской компании в Иркутске. Здание располагается в историческом центре города по адресу: улица Сурикова, дом 24. Целью работ являлось определение мощности слоев, содержащих культурные остатки XVII–XX вв., их генезис и предварительный анализ археологического материала, обнаруженного в них. Работа проводилась в рамках совместного российско-американского проекта и была приурочена к третьей Международной конференции по Русской Америке.

Было решено обследовать небольшой участок земли, расположенный между домами № 22 и № 24 по ул. Сурикова. Два шурфа размером 2 х 2 м, ориентированные стенками по сторонам света, заложены в его юго-восточной части. К западу от изучаемого участка проходит дорога, следующая от ул. Сурикова во двор дома № 1 по переулку Гершевича. К востоку от него находится дом № 24, а к югу одноэтажный деревянный дом № 22б.

Шурф № 1 был заложен в 2,5 м к северу от лицевого фасада дома № 22б. В верхнем слое земли на глубине 10–15 см стали попадаться отдельные фрагменты керамики, сделанной на гончарном круге. На глубине 25–30 см были обнаружены куски слюды, тянущиеся полосой шириной 60 см с ЮЗЗ на СВВ. При дальнейшем углублении шурфа выяснилось, что слюда служила изолятором для водосточной трубы, проложенной в этом районе в 50–60-е гг. XX в. От основного водовода в юго-восточном направлении к дому № 22б отходит дополнительный водовод. Края траншей, в которых уложены трубы, выложены цельным кирпичом. При прокладке трубы, культурные слои XVII–XIX вв. сильно пострадали, поэтому даль-

нейшие раскопки на месте шурфа № 1 было решено прекратить. В 0,5 м к северо-западу от него был заложен шурф № 2. Материалы, полученные в ходе его вскрытия, приводятся ниже.

История дома № 24 по ул. Сурикова

Участок, на котором находится дом № 24, входит в состав древнейшей территории заселения города и был застроен в последней четверти XVII в. В 1796 г. его приобретает иркутский купец И.А. Сизых и в 1797–1798 гг. строит на нем новый каменный дом. 13 марта 1807 г. его сыновья уступают дом и усадьбу Российско-американской компании для размещения ее иркутской конторы, первоначально располагавшейся в доме купца А.И. Лычагова (Гаращенко, 2000: 22).

В обывательском списке Иркутска за 1829–1832 гг. за компанией значились: деревянный и каменный дома, а также деревянный флигель. Размеры каменного дома составляли 6 х 4 сажени (12,78 х 8,52 м). Дом делился на два покоя (комнаты) и, скорее всего, был одноэтажным. В 1835 г. по линии Мичуринской улицы усадьба Российско-американской компании была вытянута на 32 сажени (68,16 м) (Гаращенко, 2000: 22).

В чье распоряжение перешел дом после закрытия Иркутской конторы Российско-американской компании 19 апреля 1868 г., в настоящее время не установлено. Однако известно, что в конце 1880-х гг. усадьба находилась в руках камергера двора Его Императорского Величества П.А. Сиверса, который в 1890 г. пожертвовал ее кафедральному собору (Гаращенко, 2000: 23).

И вот здесь возникает ряд вопросов. Попав в зону большого иркутского пожара 1879 г., дом, несомненно, значительно пострадал. Современные его размеры (20 м по фасаду и 18 м в глубину участка) значительно превосходят размеры каменного дома 1830-х гг. (12,78 х 8,52 м). Кроме того, современный дом двухэтажный. Здесь возможны два варианта: 1) либо первоначальный дом был после пожара восстановлен, расширен и надстроен, 2) либо на его месте был возведен совершенно новый каменный дом.

В пользу значительной перестройки говорят многие факты. Современное здание значительно отличается от известных построек конца XVIII – начала XIX в. по объемно-планировочному решению и оформлению фасадов. Здания в стиле классицизма отличает строгая симметрия, выделение центральной оси, наличие ризалитов, трехчастное построение фасадов. Современное здание больше напоминает доходные дома второй половины XIX в. с равновысоким пристроем сеней на боковом дворовом фасаде и уличным входом на левом фланге главного фасада. Кроме того, бросается в глаза существенное различие в офор-

млении фасадов первого и второго этажей; несовпадение осей оконных проемов полуподвала и этажей (в настоящее время уровень тротуара поднят и оконные проемы полуподвала не видны); несовпадение ритма осей оконных проемов лицевого фасада внутренней объемно-планировочной структуре здания (шестые оконные проемы первого и второго этажей лицевого фасада являются ложными, поскольку выходят точно на торцы внутренних перекрытий). Таким образом, можно предположить, что выстроенное в 1796–1798 гг. здание купцов Сизых было перестроено после пожара 1879 г., весьма возможно, со значительным изменением внешнего облика (Ладейщикова, 2000: 23).

До муниципализации домовладений в 1920-е гг. зданием владел причт кафедрального собора. Перейдя в собственность города, дом был разделен системой легких внутренних перегородок на коммунальные квартиры и стал использоваться для жилья граждан. В настоящее время в доме проживает 15 семей, приватизировавших свои квартиры. Лицевые фасады дома отреставрированы в августе 2007 г.

Описание рыхлых отложений

Шурфом № 2 у дома № 24 по улице Сурикова вскрыт культурно-исторический слой города, включающий 8 культурных горизонтов. Описание слоев, выделяемых в рыхлой части отложений, вскрытых шурфом, приводится сверху вниз:

№ слоя	Описание строения отложений	Мощность, м
1	Суглинки гумусированные переслаивающиеся с техногенными наносами различного состава. Морфологически можно выделить три подслоя: 1а — верхний, темноокрашенный, с включениями современного строительного мусора в виде мусора обломков кирпичей, мелких камней, древесных угольков, извести, стекла, металлического мусора. **0 культурный горизонт** мощностью 44–46 см; 1б — средний, более светлый и слоистый по отношению к верхней части. Присутствуют желтые прослойки песка и светлые прослойки, обогащенные шлаком, обломками мелких камней, кирпичей и другого строительного мусора середины XX в. В подслое также присутствуют полусгнившие остатки бревна (СВ стенка). По ЮВ стенке подслои 1а и 1б нарушены хозяйственной ямой. **1 культурный горизонт** мощностью 45–62 см 1в — нижний, наиболее темноокрашенный. Чередуются красноватые (пирогенные) и интенсивно черные, среднесуглинистые гумусированные прослойки с включениями древесных угольков и мусора. **2 культурный горизонт** мощностью 4–7 см (желто-бурый со следами прокала), **3 культурный горизонт** мощностью 9–21 см (черный, насыщенный углем),	

	4 культурный горизонт мощностью 7–22 см (красновато-бурый со следами прокала), **5 культурный горизонт** мощностью 3–7 см (черный, насыщенный углем), **6 культурный горизонт** мощностью 4–10 см (красновато-бурый со следами прокала); Суммарная мощность слоя	1,40–1,60
2	Суглинки гумусированные, средне-тяжелые, интенсивно темно-серые. Подразделяется на два подслоя: 2а — интенсивно прокрашен гумусом, особенно в средней части – почвенный горизонт А. **7 культурный горизонт** мощностью 5–12 см (верхняя часть подслоя); 2б — светло-серый, переходный почвенный горизонт АВ. Слой нарушен процессами криогенеза в виде небольшой мерзлотной трещины. Суммарная мощность слоя	0,20–1,10
3	Суглинок бурый, тяжелый, влажный — подгумусовый почвенный горизонт В — гомогенный, без включений и новообразований. Также нарушен мерзлотной трещиной, заполненной гумусированным материалом вышележащего слоя. Мощность слоя	0,15–0,40
4	Галечник желтовато-буроватый с песчаным заполнителем, крупной и средней размерности. Вскрыто	0,05

Генезис и возраст рыхлых отложений

Слой 1 — Культурный слой города Иркутска, так как представлен субстратом не природного происхождения, а материалом, связанным с хозяйственной деятельностью человека, включает в себя 7 культурогенных слоев.

Слой 2 — представлен почвенным гумусовым среднесуглинистым горизонтом. Слой сильно уплотнен, что говорит об антропогенном преобразовании слоя.

Слой 3 — имеет суглинистый состав, буровато-желтую окраску.

Средние суглинки, послужившие субстратом для почвенных горизонтов, накапливались за счет привноса минерального материала эоловым и делювиальным путем. Верхняя гумусированная часть голоценового разреза проработана почвообразованием, тогда как нижележащие отложения (гор. В) проработаны почвообразованием слабо. В большинстве случаев структурные отдельности горизонта В непрочные, т. к. основная часть горизонта В формировалась в условиях, когда низкие температуры грунта тормозили развитие биохимических процессов и все почвообразование в целом. Исходя из этого можно предполагать, что накопление субстрата горизонта В происходило в раннем голоцене 10–8 тыс. л. н.

Вышележащая толща отложений (гор. А и гор. АВ) накапливалась и прорабатывалась почвообразованием в поздне- и средне-

голоценовое время. По предварительным данным среднеголоценовый возраст имеет средняя (наиболее темная) часть горизонта А. К позднеголоценовым образованиям можно отнести верхнюю часть горизонта А. Возраст слоя, предположительно, ранне-среднеголоценовый (8–0 тыс. л. н.).

Криогенные трещины. Сильное охлаждение почв зимой приводит к растрескиванию их поверхности в виде полигонов. Эти трещины заполнялись эоловым материалом, а также текущей водой, когда верхние слои весной оттаивали. При новом охлаждении вода замерзала, в результате чего образовывались ледяные жилы, которые росли из года в год. Потепление климата в среднем голоцене привело к энергичному таянию мерзлоты, образованию ложбинок и различных просадок над сетью криогенных трещин. Образующиеся микропонижения в рельефе стали интенсивно заполняться материалом, снесенным с окружающих бортиков ложбин. Процессы проседания грунта над морозобойными структурами и компенсационная аккумуляция наносов продолжались и при образовании среднеголоценовой части гумусовых горизонтов (гор. А), которые имеют здесь повышенную мощность. К позднему голоцену таяние мерзлоты в клиновидных структурах почти полностью завершилось, микрорельеф выровнялся, и накопление верхнеголоценовых отложений происходило уже на относительно ровной поверхности, поэтому для верхней части слоя 1 увеличение мощности над криогенными клиньями нехарактерно.

Слой 4 — русловая фация аллювия, сложенная галечником с песчаным заполнителем. Заполнитель галечника — хорошо отмытый от илистых и пылеватых частиц песок — свидетельствует о формировании отложений в водном потоке. Шурфом вскрыта только верхняя часть галечника. Возраст слоя неясен.

Артефакты

Во втором шурфе обнаружено большое количество находок, которые представлены артефактами и остеологическим материалом. Они распределяются по 8 культурным горизонтам, приуроченным к 1 и 2 геологическим слоям. Всего в шурфе обнаружено 517 артефактов: 11 — в 0 культурном горизонте; 16 — в 1 культурном горизонте; 180 — 2 культурный горизонт; 116 — 3 культурный горизонт; 54 — 4 культурный горизонт; 76 — 5 культурный горизонт; 27 — 6 культурный горизонт; 37 — 7 культурный горизонт. Наибольшая концентрация находок фиксируется в 3 подслое первого геологического слоя. Материал, располагающийся в вышележащих слоях, малочислен и по большей части переотложен. Прежде всего это касается 0 культурного горизонта. Фиксируется перемещение артефактов и в слоях 2–4.

Материал из 2 культурного горизонта проник в 3 культурный горизонт в результате уплотнения. В обоих слоях фиксируются остатки светло-коричневого сосуда без устья, с прямым загнутым наружу венчиком, толщиной 5–7 мм и фрагменты верхней части белого фарфорового сосуда без устья, с округлым венчиком, толщиной 4 мм, украшенные внутри геометрическими узорами и изображениями растений, выполненными серой краской. Материал из 3 культурного горизонта попал в 4 культурный горизонт. В обоих слоях обнаружены фрагменты верхней части сероглиняного сосуда толщиной 4–5 мм с округлым венчиком, со слабо выраженным устьем, отделенным от тулова бордюром.

Среди артефактов можно выделить следующие категории находок: изделия из железа (прежде всего гвозди); остатки глиняных сосудов; остатки стеклянных сосудов; оконное стекло; слюда. Наиболее многочисленными из находок являются остатки глиняной посуды. Исходя из разнообразия венчиков, для каждого культурного горизонта определено количество сосудов. Больше всего их остатков — 13 — фиксируется в 3 культурном горизонте. Все емкости выполнены на гончарном круге. Они включают керамику без дополнительной обработки поверхности, глазурованную керамику и фарфоровые сосуды.

Керамика без дополнительной обработки поверхности встречена во всех культурных горизонтах. Она имеет цвет от светло-коричневого до черного, что связано с окраской исходного сырья и особенностями обжига. Сосуды, покрытые глазурью, отмечены во 2–6 культурных горизонтах. Преимущественно для покрытия стенок сосудов использовалась зеленая глазурь. Кроме этого, встречаются фрагменты, покрытые черной или коричневой глазурью. В большинстве случаев покрывалась внутренняя и внешняя стороны стенок емкостей, но встречаются фрагменты, глазурованные только с внешней или внутренней сторон. Фарфоровая посуда зафиксирована во 2–7 культурных горизонтах. Она в основном представлена кружками, тарелками, мисками и пиалами.

Распределение артефактов по культурным горизонтам

Название артефакта	Кол-во
0 культурный горизонт	
Фрагмент светло-коричневой керамики толщиной 6–8 мм	5
Фрагмент прозрачного стекла толщиной 1–2 мм	6
1 культурный горизонт	
Фрагмент светло-коричневой керамики толщиной 6–8 мм	10
Фрагмент прозрачного стекла толщиной 1,5–2,0 мм	4
Фрагмент зеленого стекла толщиной 2–3 мм	2

2 культурный горизонт	
Фрагмент светло-коричневой керамики толщиной 6–8 мм	132
Фрагмент верхней части светло-коричневого сосуда толщиной 5–7 мм, без устья, с прямым загнутым наружу венчиком	13
Придонная часть светло-коричневого сосуда с толщиной стенки 7–9 мм и толщиной дна 8–9 мм	3
Фрагмент верхней части светло-коричневого сосуда толщиной 7–10 мм без устья, с округлым венчиком	1
Придонная часть светло-коричневого сосуда с толщиной стенки 4–7 мм и толщиной дна 3–4 мм	2
Фрагмент серой керамики толщиной 7–9 мм	10
Придонная часть серого сосуда с толщиной стенки 8–10 мм и толщиной дна 7–11 мм	1
Фрагмент верхней части серого сосуда толщиной 5–7 мм с устьем, с прямым венчиком	1
Фрагмент серой керамики толщиной 4 мм, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	1
Фрагмент верхней части светло-коричневого сосуда толщиной 5 мм с устьем, с округлым венчиком, покрытый снаружи и внутри светло-коричневой глазурью	1
Фрагмент верхней части фарфорового сосуда толщиной 4–5 мм цвета слоновой кости без устья, с округлым венчиком	1
Фрагмент верхней части белого фарфорового сосуда толщиной 4 мм без устья, с округлым венчиком, украшен внутри геометрическими узорами и изображениями растений, выполненными серой краской	1
Фрагмент придонной части белого фарфорового сосуда, толщиной 6 мм	1
Фрагмент прозрачного стекла толщиной 1–2 мм	11
Фрагмент черного (бутылочного?) стекла толщиной 4 мм	1
Всего керамических сосудов	6
3 культурный горизонт	
Железный четырехгранный гвоздь длиной 7 см и толщиной у основания 1 см с круглой шляпкой диаметром 2 см	1
Железная проколка длиной 8 см и толщиной в основании 7 мм с кольцевым навершием диаметром 1,8 см	1
Фрагмент светло-коричневой керамики толщиной 6–11 мм	12
Фрагмент верхней части светло-коричневого сосуда толщиной 5–7 мм без устья, с прямым загнутым наружу венчиком	3
Придонная часть светло-коричневого сосуда с толщиной стенки 8 мм и толщиной дна 6–8 мм	2
Фрагмент верхней части светло-коричневого сосуда толщиной 7–8 мм без устья, с округлым венчиком	1
Фрагмент серой керамики толщиной 5–12 мм	17
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 4–5 мм со слабо выраженным устьем, отделенный от тулова бордюром, округлым венчиком	2
Придонная часть сероглиняного сосуда с толщиной стенки 7–10 мм и толщиной дна 5–6 мм, по краю дна идет четырехугольный налеп шириной 10 мм и высотой 5 мм	1
Фрагмент серой керамики толщиной 4–10 мм, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	6

Придонная часть серой керамики с толщиной стенок 7–5 мм и толщиной дна 7–5 мм, дно снаружи слегка выступает за стенки, покрыта снаружи и внутри зеленой глазурью	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 4–5 мм с выраженным устьем, с прямым венчиком, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	3
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 4–6 мм с выраженным устьем, с округлым венчиком, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 8–9 мм без устья, с прямым венчиком, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	1
Овальная в сечении ручка сероглиняного сосуда шириной 1,7 мм и толщиной 1,2 см	1
Фрагмент серой керамики толщиной 9–10 мм, покрытый внутри зеленой глазурью	6
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 5–6 мм с выраженным устьем, с округлым венчиком, покрытый снаружи зеленой глазурью	1
Придонная часть серой керамики с толщиной стенок 5–9 мм и толщиной дна 5–9 мм, стенки снаружи покрыты черной глазурью	1
Фрагмент серой керамики толщиной 7–9 мм, покрытый снаружи серой глазурью	1
Фрагмент серой керамики толщиной 6–7 мм, покрытый снаружи и внутри коричневой глазурью	1
Фрагмент верхней части белого фарфорового сосуда толщиной 4 мм без устья, с округлым венчиком, украшен внутри геометрическими узорами и изображениями растений, выполненными серой краской	3
Фрагмент белого фарфорового сосуда толщиной 3–4 мм, украшен внутри геометрическими узорами и изображениями растений, выполненными серой краской	3
Фрагмент белого фарфорового сосуда толщиной 3–4 мм, на одном из фрагментов часть клейма в округлой рамке, внутри которой конечная часть надписи «...нова», может быть «Смирнова»	21
Фрагмент верхней части белого фарфорового сосуда толщиной 2–3 мм с выраженным устьем, с приостренным венчиком, украшен снаружи венчика золотистыми штрихами	2
Ручка белого фарфорового сосуда округлая в сечении, шириной 5–6 мм, толщиной 4–5 мм, снаружи украшена двумя овальными выступами и продольной золотистой полосой	1
Фрагмент верхней части белого фарфорового сосуда толщиной 3–4 мм с значительно отогнутым устьем, с приостренным венчиком	1
Фрагмент верхней части белого фарфорового сосуда толщиной 3–4 мм с значительно отогнутым устьем, с овальным венчиком, с наружной стороны под устьем проходит горизонтальная продавленная полоса	1
Придонная часть белого фарфорового сосуда толщиной 3–4 мм	2
Фрагмент зеленого стекла толщиной 2,5–1,5 мм	3
Фрагмент прозрачного стекла толщиной 1 мм, покрытого снаружи и внутри перламутровой краской	3
Придонная часть сосуда из прозрачного стекла с толщиной дна 7 мм и толщиной стенок 3–4 мм, стенки граненые	1
Фрагмент верхней части сосуда толщиной 2 мм из прозрачного стекла с сильно отогнутым наружу устьем и прямым венчиком	1

Фрагменты сосуда (бутылки?) из черного стекла толщиной 4–6 мм	3
Фрагменты серой слюды	2
Всего керамических сосудов	13
4 культурный горизонт	
Фрагмент дымчатого стекла толщиной 1,5 мм	2
Фрагмент зеленого стекла толщиной 3–4 мм	1
Фрагмент серой керамики толщиной 5–9 мм, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	23
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 4–5 мм с выраженным устьем, с округлым венчиком, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	1
Фрагмент серой керамики толщиной 5–6 мм со следами нагара	
Придонная часть сероглиняного сосуда с толщиной стенки 12 мм и толщиной дна 7 мм	1
Фрагмент верхней части черноглиняного сосуда толщиной 5–8 мм без устья, с округлым венчиком, со следами нагара	2
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда с выраженным устьем, округлым венчиком, толщиной 8 мм	2
Фрагмент верхней части черноглиняного сосуда толщиной 6–8 мм без устья, с округлым венчиком, со следами нагара	2
Фрагмент сероглиняной миски высотой 3,2 см, с округлым венчиком, толщиной стенок 5–6 мм, толщиной дна 4 мм	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 4–5 мм со слабо выраженным устьем, отделенный от тулова бордюром, округлым венчиком	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 5–7 мм с сильно выраженным устьем, округлым венчиком, с вертикальным углублением с наружной стороны	1
Придонная часть сероглиняного сосуда с толщиной стенки 7 мм и толщиной дна 6 мм	1
Придонная часть сероглиняного сосуда с толщиной стенки 7–12 мм и толщиной дна 12 мм	1
Фрагмент верхней части белого фарфорового сосуда толщиной 4 мм без устья, округлым венчиком	1
Фрагмент придонной части белого фарфорового сосуда с толщиной стенки 3–8 мм и толщиной дна 5 мм	1
Фрагмент белого фарфорового сосуда толщиной 2–4 мм	7
Фрагмент придонной части белого фарфорового сосуда с толщиной стенки 2 мм и толщиной дна 2 мм, по краю дна идет налеп шириной 5 мм, высотой 4 мм	1
Фрагмент обожженной глины	2
Всего керамических сосудов	6
5 культурный горизонт	
Железный круглый гвоздь длиной 15 см и толщиной у основания 0,8 см с круглой шляпкой диаметром 1,3 см	1
Железный четырехгранный гвоздь длиной 8,3 см и толщиной у основания 1 см с круглой шляпкой диаметром 1,5 см	1
Железный четырехгранный гвоздь длиной 10,5 см и толщиной у основания 0,8 см с круглой шляпкой диаметром 1,2 см	1
Железный четырехгранный гвоздь длиной 4,1 см и толщиной у основания 0,5 см с круглой шляпкой диаметром 1,2 см	1

Фрагмент светло-коричневой керамики толщиной 6–8 мм	5
Фрагмент серой керамики толщиной 6–7 мм	11
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 6–7 мм с хорошо выраженным устьем, с прямым венчиком, снаружи по верхней части тулова идут прочерченные горизонтальные линии, на стенках следы нагара	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 5–6 мм с выраженным устьем, с округлым венчиком, снаружи по устью идет прочерченная горизонтальная линия	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 5 мм со слабо выраженным устьем, с округлым венчиком, вывернутым наружу	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 5–6 мм без устья, с прямым венчиком,	2
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 10–12 мм без устья, с прямым венчиком,	1
Придонная часть сероглиняного сосуда толщиной стенки 5–11 мм и толщиной дна 6 мм	1
Придонная часть сероглиняного сосуда толщиной стенки 11–10 мм и толщиной дна 11 мм	1
Фрагмент серой керамики толщиной 6–8 мм, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	8
Фрагмент серой керамики толщиной 7–8 мм, покрытый внутри зеленой глазурью	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 5–7 мм с выраженным устьем, с округлым венчиком, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 4–6 мм с выраженным устьем, сильно отогнутым наружу, прямым венчиком, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	2
Придонная часть сероглиняного сосуда толщиной стенки 8–9 мм и толщиной дна 7 мм, покрытая внутри зеленой глазурью	1
Фрагмент серой керамики толщиной 5–7 мм, покрытый внутри зеленой глазурью	1
Фрагмент серой керамики толщиной 7 мм, покрытый снаружи зеленой глазурью	2
Фрагмент белой фарфоровой тарелки с плоским дном и сильно отогнутым наружу устьем, толщина дна 3 мм, толщина стенок 6–7 мм, высота тарелки 1,7 см, венчик округлый, снаружи вдоль венчика идут две золоченых полосы — сверху широкая, снизу тонкая, тонкая полоса идет и вдоль придонной части	1
Фрагмент верхней части белого фарфорового сосуда толщиной 2–3 мм с выраженным устьем, сильно отогнутым наружу, округлым венчиком	3
Придонная часть белого фарфорового сосуда толщиной стенки 2 мм и толщиной дна 3 мм, по краю дна идет налеп толщиной 4 мм и высотой 5 мм	3
Придонная часть белого фарфорового сосуда толщиной стенки 2 мм и толщиной дна 3 мм,	3
Фрагмент белого фарфорового сосуда толщиной 3–7 мм	17
Фрагмент прозрачного стекла толщиной 1,5–3,0 мм	3
Фрагмент зеленого стекла толщиной 4 мм	1
Фрагмент черного стекла толщиной 2 мм	1
Всего керамических сосудов	9

6 культурный горизонт	
Обломок железной подковы с гвоздем толщиной 4–7 мм	1
Фрагмент светло-коричневой керамики толщиной 3–7 мм	4
Фрагмент серой керамики толщиной 4–8 мм	6
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда с выраженным устьем, с округлым венчиком, толщиной 5–7 мм	1
Фрагмент верхней части светло-коричневого сосуда, с прямым венчиком и налепом с внешней стороны	1
Придонная часть светло-коричневого сосуда толщиной стенки 7 мм и толщиной дна 7–4 мм	1
Придонная часть серого сосуда толщиной стенки 10–12 мм и толщиной дна 6–7 мм	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 10 мм без устья, прямым венчиком, покрытый снаружи и внутри зеленой глазурью	1
Фрагмент белой фарфоровой тарелки высотой 2,2 см, с округлым венчиком, толщина стенок 2 мм, дна — 2,5 мм, по краю дна идет приостренный налеп толщиной 4 мм и высотой 5 мм, с внутренней стороны на стенках нарисованы две горизонтальные многоцветные полосы, в середине у них зеленая полоска, ее окаймляют желтые полоски и по краям золотистые полоски	1
Фрагмент белого фарфорового сосуда толщиной 3–5 мм	4
Ручка от белой фарфоровой кружечки толщиной 3 мм и шириной 7 мм	1
Фрагмент белого прозрачного стекла толщиной 1,5–2,0 мм	2
Фрагмент белого зеленого стекла толщиной 2–3 мм	1
Фрагменты серой слюды	2
Всего керамических сосудов	4
7 культурный горизонт	
Железный четырехгранный гвоздь длиной 14 см и толщиной у основания 0,9 см с четырехугольной шляпкой размером 1,5 х 1,7 см	1
Фрагмент светло-коричневой керамики толщиной 6–10 мм	6
Фрагмент серой керамики толщиной 6–8 мм	13
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда толщиной 7–8 мм с выраженным устьем, сильно отогнутым наружу, с округлым венчиком	1
Фрагмент верхней части сероглиняного сосуда без устья, с плоским венчиком, толщиной 10–17 мм	1
Придонная часть сероглиняного сосуда толщиной стенки 8–11 мм и толщиной дна 8–9 мм	1
Фрагмент верхней части фарфорового сосуда толщиной 1,5 мм, с округлым венчиком, с внутренней стороны белого цвета, с внешней стороны — синего цвета	1
Фрагмент верхней части белого фарфорового сосуда (блюдца) толщиной 2–3 мм, с округлым венчиком, с внутренней стороны у края сосуда проведено две золотистые горизонтальные полосы, сверху широкая, снизу — тонкая	2
Фрагмент зеленого стекла толщиной 7 мм	1
Фрагменты серой слюды	10
Всего керамических сосудов	4

Остеологические материалы

В результате обработки костных остатков городского слоя было установлено присутствие двух видов домашних млекопитающих (крупный рогатый скот и свинья) и двух видов млекопитающих промысловой фауны (олень и косуля). Какие-либо выводы по послойной характеристике материала затруднены, ввиду его малого количества. Поэтому приводятся общие выводы с отдельными характеристиками слоев, если это было возможно. Существенно преобладают кости крупного рогатого скота (88,7 %). Только для 2 и 7 культурных горизонтов по костям подсчитано не менее 2 особей этого вида. Среди скелетных элементов четко идентифицируются лишь целые кости и крупные фрагменты, представленные фрагментами черепа и дистальными отделами ребер и конечностей. Существенная доля неопределимых остатков с большой вероятностью тоже может быть отнесена к КРС, поскольку кости других крупных копытных представлены только единичным фрагментом голени оленя. Сильная фрагментация черепа, позвонков, ребер, плоских и трубчатых костей свидетельствует об интенсивном использовании этих частей туши. Кости дистальных отделов конечностей (фаланги) сохранились целиком. Достоверных следов огня и погрызов хищников на костях не обнаружено. Домашняя свинья представлена немногочисленными костями (7,5 %). Трубчатые кости без эпифизов из 7 культурного горизонта принадлежат молодой особи, вероятно новорожденной или подсосного возраста. Единичные фрагменты костей марала и косули лишь свидетельствуют об охотничьей деятельности населения, но не несут необходимой информации о значении и структуре промысла. Единичная кость птицы также малоинформативна. Размерные характеристики сообщают о ее принадлежности крупной птице (размерный класс ворона).

Распределение остеологического материала по культурным горизонтам

Название кости	Кол-во
1 культурный горизонт	
Крупный рогатый скот *(Bos taurus)*:	
Фрагменты большеберцовой кости	2
Фрагменты ребер	4
Свинья (Sus scrofa domestica):	
Фрагмент тазовой кости	1
Неопределимые gen. indet.:	

Фрагменты ребер	6
Фрагменты трубчатых костей	4
Фрагменты плоских костей	5
Неопределимые	7
2 культурный горизонт	
Крупный рогатый скот *(Bos taurus)*:	
Роговой стержень	1
Первая фаланга	1
Фрагмент локтевой кости	1
Правая пястная кость	1
Фрагмент пяточной кости	1
Фрагмент пяточной кости	1
Вторая фаланга	1
Фрагмент метаподии	1
Третья фаланга	1
Фрагменты ребер	3
Птица *(Aves)*:	
Бедренная кость	1
Неопределимые gen. indet.:	
Фрагменты позвонков	2
Фрагменты трубчатых костей	2
Фрагменты плоских костей	3
Неопределимые	5
3 культурный горизонт	
Крупный рогатый скот *(Bos taurus)*:	
Фрагмент тазовой кости	1
Коленная чашечка	1
Фрагмент лучевой кости	1
Олень *(Cervus elaphus)*:	
Фрагмент большеберцовой кости	1
Неопределимые gen. indet.:	
Фрагменты ребер	4
Фрагменты трубчатых костей	8
Фрагменты позвонков	3
Фрагменты плоских костей	3
Неопределимые	16
4 культурный горизонт	
Крупный рогатый скот *(Bos taurus)*:	
Таранная кость	1
Фрагмент большеберцовой кости	1

Фрагмент первой фаланги	1
Неопределимые gen. indet.:	
Фрагмент ребра	1
Фрагмент трубчатой кости	1
5 культурный горизонт	
Крупный рогатый скот *(Bos taurus):*	
Третья фаланга	1
Вторая фаланга	1
Верх диафиза плеча	1
Фрагменты ребер	2
Неопределимые gen. indet.:	
Фрагменты трубчатых костей	8
Фрагменты ребер	6
Фрагменты позвонков	4
Фрагменты плоских костей	6
Неопределимые	11
6 культурный горизонт	
Крупный рогатый скот *(Bos taurus):*	
Фрагмент нижней челюсти 1	
Неопределимые gen. indet.:	
Фрагменты ребер	2
Фрагмент позвонка	1
Неопределимые	7
7 культурный горизонт	
Крупный рогатый скот *(Bos taurus):*	
Фрагмент нижней челюсти с премолярами	1
Фрагмент верхней челюсти с премоляром	1
Первая фаланга	1
Вторые фаланги	3
Третьи фаланги	3
Фрагмент нижней челюсти	1
Центротарсальная кость	1
Кости запястья	3
Фрагменты ребер	3
Свинья *(Sus scrofa domestica juv.):*	
Плечевая кость	1
Лучевая кость	1
Большеберцовая кость	1
Косуля *(Capreolus pygargus):*	
Нижний отдел предплечья	1

Неопределимые gen. indet.:	
Фрагменты ребер	6
Фрагменты трубчатых костей	5
Фрагменты позвонков	2
Неопределимые	9

Выводы

Археологические исследования, проведенные летом 2007 г. у здания Русско-Американской компании, свидетельствуют о наличии в этой части Иркутска представительной толщи земли мощностью до 2 м, содержащей остатки жизнедеятельности человека. Особый интерес представляют материалы из подслоя 3 первого геологического слоя (1в) и кровли подслоя 1 второго геологического слоя (2а). Они залегают в земляных образованиях незначительной мощности и имеющих различную структуру и окраску, что позволяет их легко идентифицировать. При выделении культурных слоев и их датировке особое значение имеют две черные прослойки (3 и 5 культурные горизонты), насыщенные углем. Артефакты, найденные во время раскопок, преимущественно представлены керамикой с плоским дном, сделанной на гончарном круге, и стеклянными емкостями разных пропорций. Отдельные находки фиксируются в подслое 1 первого геологического слоя (0 культурный горизонт). По словам местных жителей, он был сформирован в 60–70-е гг. XX в. в ходе выравнивания площадки перед домами № 22, 22б и 24. Содержащийся в нем материал перемещен из нижележащих слоев или относится ко второй половине XX в. и может оцениваться как малоинформативный. Находки из других культурных горизонтов на данном этапе исследования не имеют узкой датировки и в целом относятся к периоду с XVIII по начало XX в.

Литература

Гаращенко А. Дом Российско-американской компании? Взгляд историка // Земля Иркутская. 2000. № 12. С. 22–23.

Ладейщикова Е. Дом Российско-американской компании? Взгляд архитектора // Земля Иркутская. 2000. № 12. С. 23.

Е.В. Емельянова (Иркутск),
Брек Паркмэн (Петалума, Калифорния, США)

Интерактивные методы в музейной педагогике на примере государственного парка-музея Форт Росс (США)

Настоятельная необходимость, продиктованная потребностью общества воспитывать гражданина своего Отечества, человека, бережно относящегося к окружающему его миру, понимающего его ценности, повысила интерес к проблеме изучения родного края, малой родины. В то же время познание среды обитания необходимо и для формирования личности, так как осознание человеком наиболее эффективных путей взаимодействия с макромиром гарантирует ему определенную устойчивость, уверенность, независимость в повседневной жизни, успешную адаптацию к постоянно изменяющейся среде.

Изучая историю российского культурного проникновения на Американский континент, нельзя обойти стороной небольшую крепость Росс на северо-западном побережье Калифорнии, построенную в начале XVIII в. с целью основания земледельческой базы для снабжения российской колонии на Аляске продуктами сельского хозяйства.

Ныне Форт Росс — географическое и историческое название государственного исторического парка-музея Калифорнии, немой свидетель русской предприимчивости и отваги. Крепость строилась изначально в виде четырехугольника, в углах которого были воздвигнуты двухэтажные башни с амбразурами. Постройка началась в марте 1812 г., и 11 сентября этого же года состоялась официальная религиозная церемония основания селения, которую провел сам Иван Кусков, первый комендант форта.

В стенах крепости были встроены трое ворот, внутри — несколько построек, самой значимой из которых являлся двухэтажный дом правителя Кускова. Посреди двора был выкопан глубокий колодец с журавлем на тот случай, если крепость подвергнется внешнему нападению. В 1824 г. в юго-восточном углу крепости была построена часовня во имя Святой Троицы.

Снаружи форта тоже были постройки: мельница, кузня, хижины для семейных пар, а после и для местных индейцев, которые искали защиты у правителя крепости от испанских завоевателей. За 29 лет

Участники традиционного праздника «День живой истории» в Форте Росс в костюмах русской девушки и добровольца милиции (Living History Day, CA, Fort Ross, 07/24/1999). Фото Е.В. Емельяновой

своего существования окрестности Форта Росс украсились фруктовыми садами из яблонь, груш, персиков и слив, огородами и виноградником. Крепость являлась колонией и продовольственной базой Русской Америки, управление которой находилось на Аляске. За небольшой период до 1841 г. сменилось пять правителей. При последнем, Александре Ротчеве, был построен второй дом для семьи правителя, названный в народе домом Ротчева. Правление Российско-американской компании вынуждено было продать крепость иммигранту из Швейцарии Суттеру. Считалось, что основная цель создания селения на Калифорнийской земле — быть продовольственной базой для русских селений Аляски, не была выполнена. Дело в том, что не был учтен климатический фактор: летом в Калифорнии стоит засушливая жара — с мая по ноябрь нет дождей, и, начиная с ноября месяца, наступает длинный сезон дождей.

Тем не менее, на сооруженной на берегу океана судоверфи (у самого подножия крепости) еще при Иване Кускове было построено 4 брига из красного дерева и несколько баркасов для организации промысла морского зверя.

Спустя более полутора веков время и землетрясения не пощадили исторические постройки крепости: все постройки, кроме дома Ротчева, были разрушены. Благодаря усилиям русских мигрантов в Калифорнии и широких слоев общественности Форт Росс был восстановлен и в 1962 г. получил статус национального исторического памятника. Теперь это вновь оживленный государственный парк-музей под открытым небом, куда приезжает большое количество туристов со всех уголков мира.

Основные служители музея — это интерпретаторы истории Форта Росс, как правило, из числа любителей истории и общественников-волонтеров, членов общественной организации ФРИА (Ассоциация интерпретаторов истории Форта Росс). Интересны интерак-

тивные формы и методы музейной работы, которые широко используются здесь местными интерпретаторами старины. Каждый служитель может придумать и запустить свой образовательный проект. Например, приглашаются группы школьников для погружения в среду одного исторического дня жителей и наемников крепости времен начала XVIII в. Участники костюмированной образовательной программы «Environmental Living Program» заключают контракт по найму на работу с импровизированным местным правлением и проходят обучение старинным ремеслам: плетению корзин, приготовлению пищи на костре (борщ, салаты и др.), старинным русским песням и танцам, играм.

Как правило, группы заранее договариваются о сроке прибытия в музей, получают подробную инструкцию, как подготовиться к полному погружению в исторический день: на сайте музея опубликован полный перечень требований к группе, ее экипировке, распорядок дня и ночи, перечень исторических ролей реальных персонажей, один из которых необходимо выбрать каждому школьнику и преподавателю, например:

1) Правители Форта Росс в разные сроки: Иван Кусков, Карл Шмидт, Павел Шелихов, Питер Костромитинов, Александр Ротчев.

2) Гости крепости: Дмитрий Чернов — командующий судна, Ларион Архимандритов — шкипер судна, Джоханн Бартрам — инженер-мореплаватель, Михаил Кюхельбекер — военно-морской офицер, Степан Воеводский — военно-морской офицер, Юджин Д'Мофрас — французский дипломат и др.

3) Повара крепости: Ольга — жена Нанешкуна Аввакума (Кадьяк), Аюмин Марья — из индейского племя Кашая, жена промышленника Родиона Королева, Кунухами — жена наемника Трофима Тлюалика (Конияк), Катерина Уккеля — из племени с побережья Мивок, жена промышленника Василия Антипина, Анна Васильева — креолка, жена Василия Васильева и др.

4) Милиция (добровольная дружина) крепости: Захарий Чиченев — креол, писарь, Василий Калугин — русский, медбрат, Павел Акляюк — креол, переводчик, Питер Андреев — креол, инженер и др.

5) Охотники (морской промысел): Яков Дорофеев, русский, Тимофей Тараканов, русский, Осип Шая — алеут, Касентс — тлинкит и другие аборигены с Аляски.

6) Садовники: Егор Черных — креол, Феофилат Дружинин — креол, Василий Старковский — русский, Алексей Шукшин — русский и др.

7) Натуралисты: Илья Вознесенский — русский, Джохан Ешшольц — немец, Людовик Чамиссо — француз и др.

8) Калифорнийские индейцы: Балтазар — мивок, Чумамин — кашая, Покомин — кашая и др.

Импровизированная встреча представителей трех держав: Мексики, России и Испании — на территории Форта Росс, 1822 г. (Living History Day, CA, Fort Ross, 07/24/1999). Фото Е.В. Емельяновой

9) Ремесленники: Василий Грудинин — русский, плотник и судостроитель, Людвик Чорис — немец, художник, Михаил Тихонов — русский, художник, Василий Антипин — русский, плотник-судостроитель, Василий Васильев — русский, промышленник и плотник, и др.

Характерно, что перечисленные персонажи не вымышленные, на каждого дается биографическая справка: откуда был родом, чем занимался, с кем состоял в браке, сколько детей и как их звали, когда и где умер.

Для каждого участника программы подбирается роль, соответствующий костюм, каждой ролевой группе выдается лист с инструкцией, что и в какой последовательности делать в течение дня, какое оборудование и снабжение группа должна взять с собой в музее, описание экскурсионного маршрута вокруг территории музея.

Для поваров дается подробное описание блюд и продуктов, из которых традиционно приготовлялась еда в Форте Росс, посуда того времени, особенности сезонного меню; для милиции описываются основные правила по защите поселения от внешнего врага, инструкция по уходу за оружием (мушкеты, пушки), правила рабо-

ты с фонарями (добыча огня с помощью трутницы), история флага Российско-американской компании, правила крепления флага, особенности плетения веревки для флагштока; для ремесленников дается подробное описание ремесла по росписи деревянных ложек, история возникновения искусства росписи хохломой, инструкция по плетению корзин; для садовников приводится подробное описание первоначального вида сада, который был посажен недалеко от Форта Росс, а также вид современного сада и инструкция к работе (участники должны собрать мусор на территории крепости, погрузить компост на машину, выгрузить его в саду, высадить семена и растения, очистить инструменты после работы); для охотников дается краткая история охоты на морскую выдру, которая привела к вымиранию этого вида морских животных, описание костюма охотника острова Кадьяк, инструкция к экскурсии на берег океана о поведении во время отлива — ни в коем случае не собирать раковины, водоросли, кораллы, губки, моллюски — сохранять природу, минимизировать неблагоприятное воздействие на окружающую среду и др.

Таким образом, входя в роли исторических личностей, дети получают лучшее понимание и отношение к истории. Программа проживания в окружающей среде очень хорошо вписывается в школьный учебный план 4–5 классов «Истории Калифорнии» и находит много желающих посетить музей вместе с педагогами и родителями. Большой акцент в программе ставится на самостоятельную работу и обучение в группе. Со стороны служителей музея непосредственную помощь группе оказывает интерпретатор истории.

И еще одно значимое событие, к которому готовятся в музее целый год, — это День живой истории («Living History Day»), который проводится ежегодно в последнее воскресенье июля. Этот замечательный праздник посвящен рождению Российско-американской компании (соответствующий указ императора Павла был подписан в июле 1799 г.). Праздник — костюмированный, часть костюмов шьется на заказ для непосредственных участников и сотрудников музея, приглашенных школьников и взрослых, а часть готовится самими посетителями и гостями (местными жителями, приезжими). Это могут быть костюмы русских моряков и офицеров, казаков, служивых людей, крестьянок и барынь, алеутов, рыбаков и охотников, индейцев, испанских миссионеров и пр. Воссоздается картина истории первого поселения русских на Западном Американском побережье. К этому празднику готовятся заранее, и все местное население планирует свое время так, чтобы обязательно принять в нем участие. Местные рейнжеры (служители правопорядка) принимают самое активное участие в подготовке спектакля. Сценарий пишется по ролям, участники учат роли, репетируют в течение месяца. Актеры привлекаются как настоящие,

Комендант Форта Росс Карл Шмидт в окружении гостей: посланника правительства независимой Мексики Дона Августина Фернандеса де Сан Висента, главы всех миссий Верхней Калифорнии его преподобия Мариано Пейраса, коменданта крепости Сан-Франциско Дона Луиса Аргуэлло, 1822 г. (Living History Day, CA, Fort Ross, 07/24/1999). Фото Е.В. Емельяновой

так и волонтеры. У всех присутствующих на виду разворачивается историческое действие: к Форту Росс прибывает настоящее парусное судно, на котором приплывают посланник правительства независимой Мексики Дон Августин Фернандес де Сан Висент, глава всех миссий Верхней Калифорнии его преподобие Мариано Пейрас, комендант крепости Сан-Франциско Дон Луис Аргуэлло и сопровождающие солдаты. Комендант Форта Росс Карл Шмидт приказывает готовить пушки. Милиция, вооруженная мушкетами, открывает приветственный огонь. Посланники прибывают на территорию крепости и ведут переговоры. Все действо заканчивается мирным договором: все счастливы, поет хор «Славянка», готовится мясная пища на костре, всех гостей угощают русским борщом и ягодным напитком. Желающие учатся плести корзины и веревки из приготовленных для этого случая материалов. Можно увидеть, как вручную замешивается хлеб, готовится чай в старинном самоваре на угольях. Также можно присоединиться к танцующим русские танцы и хороводы. В часовне форта проходит в этот день служба, на которую специально приглашаются служители американской православной церкви Св. Николая. На берегу океана за ог-

радой форта можно увидеть представителей Аляски — аборигенов, демонстрирующих использование байдарок на воде.

Все, кто прибывает на этот праздник, не будут обойдены вниманием. Посетителей насчитывается до 2 500 чел., из них 100–200 актеров. Спонсоры данного мероприятия — общественная организация ФРИА и управление Калифорнийских государственных парков.

Посетители прибывают на праздник для того, чтобы погрузиться в исторический день Форта Росс 1830-х гг. Изучение истории через проживание прошлого, через свой собственный опыт: почувствовать национальный колорит в одежде, еде, запахе пороха и в грохоте пушечного орудия. Это истинный путь познания истории.

На самом деле форт не был военной крепостью, это было мирное поселение, которое занималось сельским хозяйством и морским промыслом. На территории крепости и вблизи нее мирно проживали представители разных народов и племен, смешанных браков. Это был прекрасный пример мирного сотрудничества разных этносов. Форт Росс являлся уникальным российским поселением на Американском континенте.

Воспитательный и познавательный эффект от участия в подобных обучающих интерактивных программах очень велик. Каждый участник праздника по-настоящему чувствует свою причастность к малой родине, истории своего края.

Литература

Емельянова Е.В. Основные подходы к формированию образовательной программы патриотического воспитания школьников // Тезисы выступлений научно-практического семинара «Диалог культур. Музей в современном мире: традиции и инновации». Иркутск, 2003.

Петров В. Форту Росс — 171 год // Новое русское слово — Russian Daily Novoe russkoe slovo (США). 1983. 19 окт.

Fort Ross State Historic Park. — htpp://www.mcn.org/1/rrparks/fortross/elp.htm

А.В. Ермаков (Москва)

Кризис государственного управления в Российской империи 1825–1833 гг. и судьбы Русской Америки

Кризис старой, петровско-екатерининской модели «просвещенного абсолютизма» и соответствовавшей ей управленческой идеологии и технологии камерализма, импортированной, как и многие другие технологии, в начале XVIII в. из Западной Европы, был очевиден уже в конце XVIII столетия. Вызванные как изменявшимися социально-экономическими условиями, так и прямой революционной угрозой попытки «павловской» консервативной (1796–1801), а затем и «александровской» либеральной (1801–1818) модернизации государственного управления еще больше расшатали старый порядок. Уже к середине царствования Александра I отход власти от либерально-конституционных программ, попытки сформировать государственную идеологическую политику за счет усиления духовно-религиозной составляющей, усилить полицейское начало в государственном управлении, реорганизовать вооруженные силы и сельское хозяйство в ряде регионов на основе военных поселений и максимально сосредоточить властные функции в руках доверенного лица императора графа А.А. Аракчеева и его канцелярии, — все это, с одной стороны, подрывало старые, сословные основы государственного управления, а с другой — упрочивало новые — ведомственно-бюрократические. Ряд вызовов, брошенных Российской империи в начале XIX в., поставил самодержавие перед необходимостью укрепления и совершенствования механизмов государственной мобилизации и самозащиты.

Нараставший в то же самое время кризис правосознания высших классов общества чем дальше, тем больше определял роль их представителей в развитии традиционных начал государственности, как отстраненную, оппозиционную или даже подрывную. Перестав служить власти, российское дворянство тем не менее не перестало добиваться ее. Однако практика «дворцовых переворотов» XVIII в., не затрагивавших основ государственного строя, уже не устраивала наиболее активную часть дворянской элиты, претендовавшую не только менять и контролировать правителей, но и

править самостоятельно. К концу царствования Александра I компромисс между сторонниками установления дворянской военно-революционной диктатуры и самодержавием (пусть даже самым просвещенным) оказался практически невозможен. На практике это привело к преимущественной ориентации на полицейскую модель государства не только в правительственных кругах, но и среди оппозиции.

Основу нового политического курса самодержавия заложили уже первые несколько дней правления императора Николая I, фактически начавшегося еще 19 ноября 1825 г. и усугубленного такими странными событиями, как внезапная, при невыясненных обстоятельствах кончина Александра I, двойственное поведение великого князя Константина в процессе престолонаследия, притязания генерал-губернатора Санкт-Петербурга М.А. Милорадовича на роль суперарбитра в решении вопроса о власти, и, наконец, организованные массовые беспорядки и попытка государственного переворота 14 декабря. С первого же дня «междуцарствия» плотность чрезвычайных событий во всех областях российской жизни была так велика, а государственный и военный аппарат, призванный справляться с соответствующими угрозами, оказался так дезорганизован, что порядок в стране спасло только напряжение всех ее сил.

Важно отметить, что в кризисе накануне 1826 г. оказалась не только официальная Россия, не только самодержавие, по мнению заговорщиков, «представлявшее собой нестройную громаду», но и оппозиция, сначала призывавшая эту «громаду» переустроить, а затем собравшаяся ее опрокинуть. Движение декабристов, по существу, оказалось силой еще более неудачливой, еще более внутренне противоречивой и непрочной, чем та государственная система, которую оно претендовало заменить. Ход событий 14 декабря в Санкт-Петербурге наглядно демонстрирует, что с ослабевшим и дезорганизованным аппаратом александровского самодержавия боролись, в сущности, порожденные им самим, а потому столь же слабые и дезорганизованные противники.

В итоге антиправительственное выступление 14 декабря, вызванное вакуумом власти, закономерно вызвало укрепление и ужесточение именно той силы, которую оно собиралось уничтожить. Самодержавие проявило себя как власть не только традиционно поддерживающая, но и активно наводящая общий порядок, укрепляющая его как чрезвычайными полицейскими акциями, так и новыми политическими институтами. Переживавшее кризис общество в этот момент вряд ли осознало, что получило именно тот сравнительно стройный военно-полицейский, чрезвычайный порядок управления, о котором оно мечтало в последние годы непредсказуемого правления Александра I. Только устано-

вили этот порядок не проигравшие молодые офицеры, а «реакция», т. е. правительство Николая I (состоявшее в основном из армейских чинов старшего поколения) и лично император. Те же, кто претендовал на руководство обновленным государственным (и в том числе репрессивным) аппаратом, стали его первыми жертвами.

Стоит отметить, жертвой новой чрезвычайной политики, помимо непосредственных участников декабрьского выступления и причастных к нему людей, пали и некоторые другие влиятельные лица и группы. С одной стороны, видимая опала коснулась фаворита прежнего императора и фактического управляющего делами Комитета министров Аракчеева (позволил созреть целому букету подпольных антигосударственных организаций), с другой стороны, от всяких претензий на власть незаметно, но окончательно оттеснили вдовствующую императрицу Марию Федоровну и ее партию, которую некоторые историки называют «немецкой». Вместе с претензиями этой придворной группировки на власть были похоронены и ее планы тихоокеанской экспансии, связанные, в первую очередь, с интересами Российско-американской компании, правителем дел канцелярии которой к тому же оказался глава Северного общества К.Ф. Рылеев. Несмотря на то, что серьезных репрессий в руководстве компании проведено не было, николаевское правительство в дальнейшем, в отличие от своих предшественников, более чем прохладно относилось к ее деятельности и финансировало тихоокеанские проекты по остаточному принципу.

Однако кризис власти в России конца 1825 г. оказался лишь эпизодом в цепи тяжелых испытаний, через которые Российская империя прошла в следующее семилетие. 1825–1833 гг. можно оценить не просто как кризисные, но и серьезно угрожавшие существованию России как государства.

Важно учитывать, что ряд крайне тяжелых потрясений в первой половине XIX в., в первую очередь вызванных ломкой традиционного социально-экономического уклада, переживала практически вся континентальная Европа. Достаточно обратить внимание как на новый характер военных конфликтов (когда завоеватель стремится не только подчинить себе некую территорию, но и провести там необратимые социальные преобразования), на число революционных выступлений и их ожесточенность, чтобы утверждать: перед угрозой социального хаоса, утраты государственного суверенитета и даже полного распада (раздела) в период 1789–1856 гг. стояли не только все крупные европейские державы (кроме Великобритании), но и многие значимые государства мировой экономической периферии.

Россия начала XIX в., захлестнутая первыми волнами европей-

ской нестабильности в эпоху наполеоновских войн, хотя и сумела отстоять свой суверенитет, тем не менее оказалась почти беззащитной как перед глобальной экономической экспансией западноевропейских товаров и капиталов, так и перед лицом западноевропейской информационно-идеологической агрессии. Одновременно страна переживала кризис роста системы управления, связанный как с хроническим недофинансированием увеличивавшегося государственного аппарата (что неминуемо порождало коррупцию), так и с общим усложнением механизма управления государством в условиях распада прежнего сословно-корпоративного устройства общества и нарастающего демографического давления. Если прибавить к этому кризис помещичьего товарного хозяйства, сокращение рынков сбыта большинства российских экспортных товаров, многолетнее падение курса ассигнаций и других государственных бумаг, усиливавшиеся на фоне обвального падения мировых цен на сырье, то непонятно, как можно было добиться победы хотя бы в одной крупной военной кампании.

А ведь николаевское самодержавие в первые же 8 лет, хотя и с большими потерями, не только выиграло Русско-персидскую (1826–1828) и Русско-турецкую (1827–1829) войны, но и подавило польское вооруженное восстание (1830–1831), временно усмирило мятежный Кавказ (движение Кази-Мухаммеда и националистический заговор в Грузии) и надолго восстановило разрушенную систему коллективной безопасности в Европе (Мюнхенгрецкое и Берлинское соглашение) и на Ближнем Востоке (Ункяр-Ескелесийский договор). В такой же кризисной обстановке (рост числа нелегальных антиправительственных организаций, непрекращающиеся крестьянские восстания; холерные бунты 1830 г. в Санкт-Петербурге, Москве, Тамбове, Севастополе; восстания в военных поселениях 1831 г. и т. п.) самодержавие было вынуждено обустраивать и внутренние дела. Создание первой в истории России комплексной службы государственной безопасности (III Отделение ЕИВ канцелярии и Корпус жандармов); упорядочивание законодательства и налаживание систематической законопроектной работы (II Отделение ЕИВ канцелярии и Государственный Совет); подбор, расстановка, учет и контроль деятельности кадров правительственного аппарата (I Отделение ЕИВ канцелярии); устройство правильного документооборота и регулярной отчетности, все эти решаемые ускоренным порядком задачи не могли не породить многочисленных злоупотреблений, но, в целом, они оказались благотворны не только для бюрократического аппарата, но и для Российского государства вообще.

К сожалению, антикризисные правительственные мероприятия, касавшиеся в основном наведения порядка в европейской части России и защиты ее западных и южных границ, предопределили серь-

езную стагнацию в русской дальневосточной политике. В первые же годы николаевского царствования Россия окончательно отказалась от проектов русского протектората Сандвичевых (Гавайских) островов, глубокой колонизации Аляски и даже Камчатки. Вплоть до назначения генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского и снаряжения экспедиции Г.И. Невельского (1847) Россия сокращает свое присутствие на Тихом океане. Так, без какого-либо серьезного внешнего давления в 1830-х гг. была потеряна, к примеру, русская Калифорния. Центростремительная антикризисная политика в данном случае наглядно продемонстрировала свои издержки.

Важно, однако, понимать, что основой сворачивания российской внешнеполитической активности на Тихом океане и в Северной Америке была не одна лишь недальновидность и «прихоть» высших руководителей империи, а сложный комплекс обстоятельств, многие из которых кажутся сегодняшнему исследователю незначительными. Стоит обратить внимание хотя бы на некоторые из них. Мало кто сегодня учитывает, что западноевропейская революционно-кризисная волна XVIII – начала XIX в. началась не во Франции, а в Америке. Пример становления агрессивного либерального государства на базе динамично развивавшихся англосаксонских колоний, как одного из главных конкурентов своей бывшей британской метрополии, не мог не поколебать правительственной решимости инвестировать дополнительные средства в развитие Русской Америки. Будущее обособление Аляски в независимое, дружественное России государство предполагалось и в «Русской Правде» П.И. Пестеля. Если же вспомнить, что сторонниками американских программ, помимо Рылеева, являлись декабристы Г.С. Батеньков, Д.И. Завалишин, М.К. Кюхельбекер, В.П. Романов, К.П. Торсон, В.И. Штейнгель и такие сочувствовавшие заговорщикам фигуры, как адмирал Н.С. Мордвинов, один из основателей РАК, купец М.М. Булдаков, влиятельный литератор О.М. Сомов, то подозрительность николаевского правительства в отношении финансирования «американских» проектов становится объяснимой. Между прочим, основные российские конвенции с США и Англией, согласно которым сокращались границы русских поселений в Северной Америке, разрешались беспрепятственное плавание судов этих держав в русских внутренних водах и свободная торговля с местным населением, были заключены еще в 1824–1825 гг. Пойти на их пересмотр в условиях обострившейся обстановки в Европе также не представлялось возможным.

И все же в целом кризис 1825–1833 гг. сыграл в судьбе Российской империи столь же организующую роль, что и кризис власти конца 1825 г. Разносторонние и разноплановые угрозы существующему социально-политическому порядку не могли не мо-

билизовать самодержавие, как высшую государственную власть, на защиту этого порядка. Что же касается способов защиты выбирать их не приходилось. Чем тяжелее была кризисная ситуация, чем более угрожающим для России казалось ее дальнейшее углубление, тем более резкие и жесткие, часто даже кровавые меры вынуждены были предпринимать как высшие, так и местные власти.

Главным итогом кризиса 1825–1833 гг. стало даже не его силовое преодоление. В условиях борьбы с различными серьезными внутренними и внешними угрозами самодержавие, в лице Николая I, училось не только непосредственно отвечать на них, но и вырабатывало новый стиль государственного руководства, формировало новые политические институты для их предотвращения, для стандартного и регулярного разрешения аналогичных кризисных ситуаций в будущем. Так в первой трети XIX в. были заложены основы для перехода самодержавия в режим чрезвычайного антикризисного управления с помощью соответствовавших этой задаче идеологических установок и государственных институтов.

Литература

1. Выскочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.

2. Гулишарамбов С. Итоги торговли и промышленности в царствование Николая I. СПб., 1896.

3. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981.

4. Император Николай Первый. М., 2002.

5. Николай Первый и его время. Т. 1–2. М., 2000.

6. Орлик О.В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984.

7. Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918.

8. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. СПб., 1998.

9. Сафонов М.М. Константиновский рубль и немецкая партия // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.

10. Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 1–2. М., 1997.

А.Н. Ермолаев (Кемерово)

Кяхта в истории Русской Америки*

Основой благополучия Русской Америки всегда служила пушная торговля. От количества добытого пушного зверя зависело многое в заокеанских колониях России. Удачные промыслы приносили большие прибыли купцам, которые имели возможность вкладывать средства в новые предприятия, организовывать новые экспедиции. Все это способствовало распространению русского влияния на всю северную часть Тихого океана. Особую ценность представляли морские выдры (каланы), стоимость хорошо выделанной шкуры крупного калана в конце XVIII – начале XX в. доходила до 300 руб., что равнялось примерно цене 50 шкурок соболей или 100 шкурок красной лисы или 5 000 шкурок белок [1]. Некоторые купеческие промысловые компании за один «вояж» добывали сотни и тысячи морских бобров, по тем временам это было целое состояние.

Добыча пушнины еще не гарантировала получение прибыли, важно было найти рынки сбыта «мягкой рухляди». Значительную часть пушнины купцы продавали на внутреннем российском рынке: в Иркутске, на Ирбитской и Макарьевской ярмарках. Однако наиболее выгодным местом сбыта пушнины был Китай. Именно в этой стране был высокий и устойчивый спрос на меха морского зверя. Цена на меха в Китае была примерно в три раза выше, чем цена на такие же меха в Камчатке.

С 1727 г., после подписания Кяхтинского договора, единственным местом торговли между Россией и Китаем стала приграничная слобода Кяхта. С китайской стороны таким местом был Маймайчен (в переводе на русский язык — торговый город), расположенный напротив Кяхты. До середины XIX в. Кяхта была практически единственным местом русско-китайской торговли. Важно отметить, что торговля в Кяхте была равноправной и взаимовыгодной для обоих государств [2].

В период с 1757 по 1784 г. около 85 % всех русских товаров в Кяхте составляла пушнина. Ежегодно в этот период здесь продава-

* Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента РФ на поддержку молодых российских ученых и ведущих научных школ № НШ-3040.2006.6.

лось от 2 до 4 млн шкурок различных животных. Большую часть составляли горностаи, продаваемые до 400 тыс. в год, соболей продавалось от 6 до 16 тыс. в год, лисиц разной окраски от 8 до 25 тыс., песцов от 10 до 15 тыс. штук. Среди китайских товаров, вымениваемых в Кяхте, первое место принадлежало хлопчатобумажным и шелковым тканям, затем шли шелк-сырец, сахар, табак, чай. Основным видом хлопчатобумажной ткани были «китайка» и «даба», их выменивалось до 600 тыс. кусков в год (в куске 13–20 аршин).

Круг русского купечества в Кяхте постоянно расширялся. В 1768 г. правительство дало согласие на участие в кяхтинской торговле шести купеческим компаниям из центральной России: Московской (вывоз в Кяхту бобров, выдр, сукна и т. д.), Тульской (вывоз мерлушки, кошачьих шкур), Архангельской и Вологодской (вывоз северорусских лисиц, выдр), Казанской (вывоз юфти и кож), Тобольской (вывоз сибирских мехов). Наряду с этими компаниями в кяхтинской торговле принимали активное участие и купеческие объединения, занимавшиеся добычей пушнины на Аляске и Алеутских островах. Так, в 1775 г. компания Трапезникова заготовила меха почти 5 тыс. морских бобров, более 29 тыс. морских котиков, более 31 тыс. песцов, около 17 тыс. лисиц разных сортов, а также 105 пудов моржовой кости. Эти товары были оценены по камчатской цене в 3,2 млн руб. Почти седьмая часть этой пушнины была продана компанией Трапезникова в Кяхте, причем цена на пушнину оказалась в три раза выше, чем на Камчатке [3].

Торговля в Кяхте была не ежегодной. По разным причинам в некоторые года она не велась, что было невыгодно как русским, так и китайским купцам. Например, в 1785–1792 гг. кяхтинской торговли не было, за это время накопилось много пушнины и других товаров. В 1792 г. был заключен так называемый «международный протокол», согласно которому торговля в Кяхте была возобновлена. Соглашение обязывало местные приграничные власти обеих сторон контролировать деятельность своих торговцев. Торговля по-прежнему оставалась меновой, то есть деньги не использовались. За период с 1792 по 1800 г. товарооборот кяхтинской торговли вырос с 5 млн руб. до 8,3 млн руб. В этот же период изменился удельный вес пушнины, продаваемой в Кяхте, он сократился до 70% всего товарооборота. Это уменьшение произошло за счет расширения номенклатуры русского вывоза. Русские купцы стали больше продавать железные изделия, иностранные сукна и кожу. В это же время стал возрастать импорт в Россию китайского чая, спрос на этот продукт значительно вырос во внутренних губерниях Российской империи [4].

К 80-м гг. XVIII в. численность купеческих промысловых

компаний, занимавшихся добычей пушнины на Аляске, стала уменьшаться. Остались купцы, обладавшие крупными капиталами. Продолжали действовать лишь те компании, которые сумели организовать сбыт «мягкой рухляди» в Кяхте и других местах через приказчиков и перекупщиков. Между купцами началась конкурентная борьба, которая выразилась в том, что они намеренно понижали цены на пушные товары, продаваемые в Кяхте. Такой политике противились не только их конкуренты, но и государственные чиновники, считавшие, что это приводит к снижению денежных поступлений и пошлин, взимаемых на таможне. Одним из методов, который должен был сохранить и даже увеличить приток денежных средств в таможни, чиновники видели в уменьшении численности купеческих компаний, торгующих в Кяхте. Были даже проекты оставить только одну компанию, которая могла бы торговать пушниной с Китаем, а всем другим запретить такой торг [5].

В этот же период среди прочих промысловых компаний выделилась компания Голикова–Шелихова. В 1781 г. Григорий Иванович Шелихов и Иван Ларионович Голиков заключили договор, согласно которому они создавали компанию сроком на 10 лет. В течение этого срока они намеривались открыть, исследовать и закрепить за Россией новые земли, основать постоянные русские селения и организовать постоянную добычу пушнины на островах северной части Тихого океана. Впоследствии договор их был продлен. Компании Голикова–Шелихова удалось стать лидирующей купеческой организацией, занимавшейся добычей пушного зверя на Аляске. В ходе экспедиции 1783–1786 гг. на трех кораблях были основаны постоянные селения на острове Кадьяк и близлежащих островах. Важным составляющим успеха компании было то, что компаньонам удалось наладить постоянный сбыт пушнины в Кяхте через своих приказчиков. Известно, что в 1793 г. в Кяхту был направлен приказчик Шелихова Ф.П. Щегорин. Глава компании советовал своему приказчику променивать пушнину на хлопчатобумажные ткани, как самые востребованные на внутреннем российском рынке. Еще одним важным товаром Шелихов считал чай, правда, цены на этот товар менялись очень непредсказуемо, поэтому он советовал Щегорину закупать его в зависимости от обстоятельств [6].

К концу XVIII в. компания Голикова–Шелихова заняла лидирующие позиции в тихоокеанской пушной торговле. Неожиданно в июле 1795 г. Григорий Шелихов умер, дело всей его жизни оказалось на грани срыва. Место Григория Ивановича в компании заняла его жена Наталья Алексеевна. Начались серьезные разногласия между наследниками Г.И. Шелихова и И.Л. Голиковым. В это время в Иркутске в 1797 г. была создана Иркутская коммерческая

компания. В новую торговую организацию вошли иркутские купцы Мичурины и Дудоровские. Важную роль в компании играла семья Мыльниковых. Глава семейства Николай Прокопьевич Мыльников занимался пушным промыслом с 70-х гг. XVIII в. В июле 1797 г. И.Л. Голиков расторг контракт с Н.А. Шелиховой и вступил в Иркутскую коммерческую компанию. Буквально на другой день, понимая всю сложность сложившейся ситуации, Наталья Алексеевна последовала его примеру и тоже подписала договор с Мыльниковыми [7].

В сентябре 1797 г. Коммерц-коллегия выступила с докладом на имя императора Павла I. В этом докладе было высказано мнение о целесообразности объединения купеческих компаний, так как это принесет «многую выгоду» для государства в целом. Обратила внимание Коммерц-коллегия и на кяхтинскую торговлю. По мнению коллегии, «когда сии две сильные компании Голикова с Шелиховою и Мыльникова с товарищами соединятся вместе, то самая превосходнейшая часть промыслов останется единственно в их руках, следовательно, и в торге с китайцами, куда пушные товары для мены отвозятся и коих на Кяхте ежегодно променивается на 260 814 руб. 32 ½ коп., больше влияние она иметь будет» [8]. Таким образом, кяхтинская торговля стала одним из аргументов, высказанных Коммерц-коллегией в пользу объединения купеческих компаний.

Император Павел I утвердил соединение компаний Мыльниковых и Голикова–Шелихова. В 1798 г. была создана Соединенная Американская компания, а в 1799 г. она была взята под покровительство императора и преобразована в Российско-американскую компанию. С этого времени все промыслы в Русской Америке оказались в руках единой компании, получившей от правительства двадцатилетние привилегии и монополии на добычу и продажу пушнины.

Кяхта и кяхтинская торговля продолжала оставаться очень важной для Российско-американской компании. В Кяхте была учреждена контора Российско-американской компании. Сохранилось наставление, которое было дано Главным правлением РАК Кяхтинской конторе, датированное 1810 г. Контора получала пушные товары от Иркутской конторы, а российские товары от Московской конторы. Эти товары контора обязана была объявлять в кяхтинской таможне и продавать китайцам на границе. Выменянные китайские товары контора также фиксировала в кяхтинской таможне. Все необходимые пошлины она обязана была уплачивать исправно и в срок. Для перевозки товаров контора нанимала «возщиков» сухопутных. Все отчеты Кяхтинская контора направляла в Московскую контору, которая считалась над ней главной. В китайской торговле Кяхтинская контора имела некоторую самосто-

ятельность, так, в одном из пунктов наставления говорилось, что сама контора имеет право оценивать, какой из китайских товаров выгоднее покупать, а также следить за тем, какие товары в изобилии, а какие в недостатке, чтобы «при продаже иметь барыш». Непременной обязанностью конторы было то, «чтоб все выменянные товары были без упущения своевременно отправлены из Кяхты в Ирбит и Макарьевскую ярмарку и в Москву, ищя выгоды для компании» [9].

Во главе Кяхтинской конторы стояли правители. Всего удалось установить фамилии пяти правителей конторы. С 1803 по 1808 г. правителем конторы был иркутский купец Увар Иванович Сизых, в 1809–1811 гг. эту должность исполнял устюжский купец Андрей Коковин. Очень долго правителем конторы был иркутский купец Дмитрий Степанович Кузнецов, он управлял конторой с 1812 по 1828 г. Еще одним долгожителем был кяхтинский купец Никита Филиппович Сабашников, управлявший конторой с 1831 по 1853 г. Последним правителем конторы был его сын Михаил Никитович Сабашников, он занимал должность в 1859–1863 гг. Длительные периоды службы в должности правителя конторы говорят о том, что Главное правление РАК было довольно кяхтинскими правителями и доверяло им осуществлять торговые операции. Кроме правителей в штате Кяхтинской конторы были также помощники правителей. Причем некоторые из них впоследствии стали правителями. Так, Андрей Коковин был помощником правителя в 1807–1808 гг., а Михаил Сабашников был помощником правителя с 1853 г. [10].

Сама кяхтинская торговля с начала XIX в. регламентировалась новыми правилами. В 1800 г. были опубликованы «Положение о торговле в Кяхте» и «Инструкция кяхтинской таможне и компаньонам». Согласно этим документам деятельность русских компаний ставилась под контроль государства. В первую очередь был строго регламентирован порядок согласования и установления цен на русские и китайские товары, так как именно эти вопросы чаще всего являлись причиной разногласий между торгующими сторонами. Под угрозой наказания русским купцам запрещалось самостоятельно изменять цены, установленные выбранными купеческими старшинами. Кроме того, правительство ввело для торговли на китайской границе новый таможенный тариф, который стимулировал развитие русского экспорта, и в первую очередь изделий обрабатывающей промышленности. Как и до этого в Кяхте, разрешалось производить только меновую торговлю, использование монеты запрещалось. Стоимость товара при этом исчислялась не в денежном эквиваленте, а в цене какого-нибудь распространенного товара, как правило, «китайки» или чая. Благодаря новым правилам товарооборот в Кяхте постоянно рос. С 1800 по 1824 г.

стоимость вывезенных в Китай русских товаров выросла с 4 млн руб. до 7,9 млн руб. При этом значительно изменился состав продаваемого товара. Пушнина теперь стала занимать всего около 47 %, в то время как промышленные товары заняли более половины всего российского экспорта [11].

В это же время можно отметить еще одну тенденцию, главным поставщиком пушнины на китайский рынок стала Российско-американская компания. Другие продавцы «мягкой рухляди» конкурировали с ней с большим трудом. Правда, в начале XIX в. кяхтинская торговля компании не была удачной. В 1802–1803 гг. китайцы понизили цену на приобретение пушнины. Морского бобра можно было продать в переводе на ассигнации всего за 50–55 руб. Морских котов китайцы в эти года вообще не покупали, спросом пользовались только речные выдры и речные бобры.

В 1810-х гг. цены стабилизировались на выгодном для Российско-американской компании уровне. Морские бобры обходились компании при промене на чай от 110 до 124 руб. за шкуру. При промене на «китайку» они продавались по 55–60 руб. ассигнациями. Хвосты бобровые и кошлоки от 3 до 5 руб., морские коты на чай менялись по 5–7 руб., на «китайку» — по 2 руб. 60 коп., лисицы красные на чай менялись по 7 руб., на «китайку» по 4 руб., сиводушки — по 13 руб., белые песцы на чай менялись по 2 руб. 20 коп., а на «китайку» по 1 руб. 10 коп., выдра променивалась на чай по 8 руб.

Обычно компания получала за одного бобра 2 ящика чая, а за 10 морских котов 1 ящик чая. За одного бобра можно было также получить 4 тюка «китайки», а за шесть котов — 1 тюк «китайки». Средний годовой торговый оборот Российско-американской компании в Кяхте достигал 100–150 тыс. руб. В 1815 г. он достиг даже 270 тыс. руб., причем было выменяно 2 515 ящиков чая и 511 тюков «китайки» [12].

В 1821 г. Российско-американская компания добилась продления своих привилегий еще на 20 лет. На рубеже 1820-х гг. компания вступила в сложный период, из-за запрещения иностранной торговли в Русской Америке стал ощущаться недостаток продовольствия. Посылка кругосветных экспедиций не решила проблему, более того, эти экспедиции оказались очень затратными. В 1823 г. вновь избранный на должность директора компании московский купец И.В. Прокофьев выступил с программой сокращения расходов по Сибири. По мнению этого человека, таким путем можно было стабилизировать финансовое положение компании. Прежде всего Прокофьев предлагал изменить схему проведения финансовых операций в сибирских конторах. «Порядок перемещения капиталов и ход переписки чрез Иркутскую контору, — по мнению Прокофьева, — составляет теперь одну пустую и совершенно бесполезную про-

форму, которая, однако ж, по наружности придает делам конторы некоторую значительность». «Сей бесполезный порядок должно отменить и впредь перечислять капиталы и переписываться конторам и комиссионерствам прямо между собой». Кроме того, бесполезная переправка товаров из Кяхты в Москву и обратно через Иркутск не только удлиняет путь, но и увеличивает стоимость товара. Прокофьев предлагал отменить такую систему перевозки и товар теперь отправлять из Москвы в Кяхту и обратно напрямую, минуя Иркутск [13].

Кяхтинскую контору Иван Васильевич предлагал преобразовать в комиссионерство, поскольку служащие конторы работали всего 3–4 зимних месяца, а остальное время сидели без дела, только проедая капиталы компании [14].

Проведенная таким образом реформа позволит, по мнению Прокофьева, значительно сократить расходы компании по Сибири, приведет течение дел в конторах в должный порядок и сведет к минимуму злоупотребления компанейских правителей. В 1824 г. предложения Прокофьева были рассмотрены общим собранием Главного правления, а также Особым советом РАК. Все они были одобрены и приняты. С этого года Кяхтинская контора была преобразована в комиссионерство, средства на ее содержание были значительно сокращены. Обязанности этого комиссионерства ограничивались только променом мехов и отправкой их по назначению Главного правления [15]. Правда, эта реформа оказалась неэффективной. Уже в 1826 г. Кяхтинское комиссионерство вновь было преобразовано в контору.

За время второго периода существования Российско-американской компании с 1821 по 1841 г. в Кяхте было выменено и продано в России 72 814 ящиков чая на сумму 9 316 342 руб. с копейками. За период с 1821 по 1836 г. было выменено 17 319 тюков «китайки» на сумму 261 543 руб. с копейками. С 1836 г. компания перестала выменивать «китайку». «Мягкой рухляди» за 1821–1841 гг. было сбыто в Кяхте на сумму 3 268 648 руб. с копейками, китового уса — на 111 870 руб., моржового клыка на 18 440 руб., бобровой струи на 23 282 руб. [16].

В 1841 г. истекал срок очередных привилегий Российско-американской компании. Главное правление компании заблаговременно направило на рассмотрение правительства проект нового устава РАК. По распоряжению министра финансов Е.Ф. Канкрина в июне 1840 г. проект устава РАК был направлен на рассмотрение в Совет министра финансов. В сопроводительной записке департамента мануфактур и внутренней торговли было сказано, что прекращение привилегий приведет к нарушению торговли в Кяхте и совершенному истреблению пушного зверя, «а само управление тою страной сделается обременительным для прави-

тельства» [17]. Таким образом, кяхтинская торговля Российско-американской компании была одним из аргументов в пользу продления привилегий компании. Разработка нового устава заняла длительный период. Новый устав компании был утвержден только в 1844 г.

Несмотря на продление основных привилегий, руководство компании рассчитывало получить дополнительные льготы от правительства. В апреле 1845 г. Главное правление РАК обратилось в департамент мануфактур и внутренней торговли с представлением, где было сказано, что компания ежегодно тратит на содержание колоний 32 % прибыли, на управление делами в России — 12 %, на пошлины в Кяхте — 27 %, на торговые расходы в России — 16 % и на дивиденды акционерам — 12 %. По мнению директоров, компания выполняет следующие государственные функции: содержит администрацию отдаленной части империи; соперничает с английскими и американскими купцами; жертвует значительные суммы на застрахование грузов; занимается устройством порта Аян и сухопутной дороги к нему от Якутска; платит очень высокие пошлины на чай в Кяхте. Для облегчения финансового положения компании директора просили предоставить ей специальные льготы по торговле в Кяхте, которые заключались в освобождении РАК от уплаты пошлин на ввозимые в Китай меха, сокращении пошлин с чая и разрешении компании брать кредиты в банке под 4 % годовых.

Министр финансов Ф.П. Вронченко «дал знать компании, что при настоящем положении дел на Кяхте в Китае он не находит возможным ходатайствовать для компании исключительных льгот в торговле ее на Кяхте, ибо это может послужить к стеснению прочих торгующих там купцов, которые в год торгуют на 5 млн рублей» [18]. Главное правление компании проявило настойчивость. Ответ министра финансов ее не удовлетворил, директора по-прежнему считали, что поскольку компания выполняет государственные функции, то ей нужно предоставить дополнительные льготы. 21 сентября 1845 г. Главное правление РАК вновь обратилось в Министерство финансов. Большие расходы компании на содержание колоний, по мнению директоров, приводят к постепенному истощению денежных средств, что «неминуемо повлечет за собой расстройство дел компании и тогда Правительство или должно будет принять на себя управление колониями и лишиться ныне получаемых от торговли компании выгод... или, наконец, должно отказаться от колоний и предоставить их в пользу другой нации» [19].

Столь смелое заявление Главного правления заканчивалось изложением требований по предоставлению дополнительных льгот компании. Директора предлагали: 1) снизить пошлины на чай до 40

коп. за фунт, это позволило бы сократить расходы по кяхтинской торговли с 228 тыс. руб. до 91 тыс. руб. в год; 2) дозволить РАК вносить пошлины с продажи чая в рассрочку; 3) отменить пошлину на пушной товар в Кяхте [20].

Дело рассматривалось в разных инстанциях в течение нескольких лет. Министр финансов вступил в переписку с начальником Морского штаба, Министерством внутренних дел, Министерством народного просвещения, обер-прокурором Святейшего синода и Государственным казначейством. В сентябре 1848 г. Совет министра финансов выдал следующее заключение: «представляется один только способ оказать компании вспомоществование: ссудой из Государственного заемного банка с возвратом долга каждогодно равными частями в течение действия привилегий, то есть по 1 января 1862 года» [21]. Таким образом, дополнительных льгот по торговле в Кяхте Российско-американская компания не получила.

Несмотря на то, что новых привилегий компания не получила, кяхтинская торговля в 40-х гг. XIX в. была довольно успешной для компании. В 1842–1849 гг. ежегодно компания выменивала в Кяхте до 6 700 ящиков чая. Однако с 1850 по 1852 г. промен чая сократился почти в два раза и составлял в среднем 3 600 ящиков в год. Причиной упадка кяхтинской торговли было то, что в это время значительно увеличился сбыт в Кяхте русских мануфактурных товаров, а пушнина перестала пользоваться спросом. В 1853 г. по причине волнений в Китае (восстание тайпинов) промена чая в Кяхте вообще не производилась. Компания довольствовалась только тем, что сбывала тот чай, который был закуплен в прошлом году. В 1854 г. правительство наконец-то приняло решение о введении в кяхтинской торговле звонкой монеты. Это оживило торговлю. В 1855–1857 гг. компания приобрела средним числом 1 300 ящиков чая в год. В последующее время покупка чая еще увеличилась. В 1858 г. было куплено 2 335 ящиков, в 1859 г. — 2 902 ящика, в 1860 г. — 2 425 ящиков [22].

На рубеже 1860-х гг. произошли еще более серьезные изменения в кяхтинской торговле. В ходе двух «опиумных» в 1856–1860 гг. войн Англия и Франция добились значительных торговых льгот при торговле с Китаем. Так, например, английские и французские купцы получили право свободно перемещаться по всему Китаю и вести торговлю, было увеличено число открытых для торговли китайских портов, таможенные пошлины для иностранных торговцев в Китае составляли всего 5 % стоимости товара. В это же время Россия заключила с Китаем Айгунский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) договоры. Помимо того, что по этим договорам к России отходили территории Приморья и Приамурья, были предусмотрены и новые правила русско-китайской торговли. Значительно расширя-

лась сухопутная приграничная торговля с Китаем, для русских кораблей открывались некоторые китайские порты. Все это серьезно изменило положение Кяхты как основного приграничного торгового пункта. Роль Кяхты в русско-китайской торговле стала заметно снижаться [23].

В 1863 г. компания приобрела в Кяхте только 391 ящик цветочных чаев, 514 ящиков черных чаев и 100 ящиков кирпичного чая. Китайские купцы с большим упорством поддерживали высокие цены на чай и продавали его только на серебро. Данное положение дел совсем не устраивало Российско-американскую компанию, продавать пушнину в Кяхте стало делом убыточным. В результате по решению Главного правления РАК Кяхтинская контора была упразднена с 1 января 1864 г. При этом торговля в Кяхте продолжала существовать, но теперь она велась через Иркутскую контору РАК [24]. В последующие несколько лет она имела крайне незначительный объем. С продажей в 1867 г. Русской Америки кяхтинская торговля компании вообще прекратилась.

Таким образом, кяхтинская торговля играла важную роль в истории Русской Америки. Кяхта была одним из значимых рынков сбыта «мягкой рухляди», добываемой в заокеанских колониях России. Кроме того, директора компании использовали кяхтинскую торговля как аргумент в пользу сохранения привилегий и монополий Российско-американской компании, а также для получения дополнительных льгот. Поскольку пошлины, уплачиваемые компанией в Кяхте, были довольно существенными, данный аргумент воспринимался правительством. По официальным данным, с 1799 по 1821 г. компания уплатила к казну пошлин с продажи чая около 2 млн руб. ассигнациями; с 1821 по 1841 г. — 2 363 340 руб. серебром; с 1841 по 1862 г. — уже 4 406 243 руб. серебром [25].

Примечания

1. Петров А.Ю. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006. С. 43.

2. Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е годы XIX в.) // Взаимоотношения России со странами Востока в середине XIX – начале XX вв. Иркутск, 1982. С. 12–13.

3. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 163–164.

4. Там же. С. 168–170.

5. История Русской Америки. М., 1997. Т. 1. С. 149.

6. Там же.

7. Там же. С. 330–332.

8. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века: сб. док. М., 1989. С. 340.

9. Наставление Главного Правления Российско-американской компании подведомственным оному конторам, 1810 г. // АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 205. Л. 20–25.

10. Правители и другие служащие конторы восстановлены по «Адрес-календарям Российской империи», выходившим ежегодно, в некоторых из них был раздел, посвященный Российско-американской компании и ее конторам.

11. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 194–198.

12. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и деятельность ее до настоящего времени. СПб., 1861. Т. 1. С. 115, 254.

13. Проект компании по Сибири, 1823 г. // Library of Congress. Manuscript Division. Yudin Collection. Box 2. Fonder № 48. P. 5–7. Документ не подписан, однако можно утверждать, что автором был Прокофьев, так как из других источников достоверно известно, что именно он выступил с проектом уменьшения расходов по Сибири.

14. Ibid. P. 9, 10.

15. Тихменев П.А. Указ. соч. СПб., 1861. Т. 1. С. 373.

16. Там же. С. 375.

17. Записка департамента мануфактур и внутренней торговли, 29 июля 1840 г. // АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 365. Л. 42–42 об.

18 Записка департамента мануфактур и внутренней торговли, 27 ноября 1845 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 1224. Л. 5.

19. Там же. Л. 7 об.

20. Там же. Л. 9–9 об.

21. Заключение Совета министра финансов, сентябрь 1848 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 1224. Л. 109.

22. Тихменев П.А. Указ. соч. СПб., 1863. Т. 2. С. 164–165.

23. Хохлов А.Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в.) // Бурятия XVII – начала XX вв. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 47–48.

24. Отчет Российско-американской компании за 1863 год. СПб., 1865. С. 42.

25. Записка Государственной канцелярии по отделению государственной экономии о Российско-американской компании, 1863 г. // РГАДА. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 1028. Л. 266 об. — 267.

В.И. Ерохин (Москва),
Ф.В. Ерохин (Москва)

Там, за суровым Тихим океаном

1. С древнейших времен за всю историю человечества морские и океанские просторы манили людей, становясь источниками великих открытий, самых невероятных приключений и загадочных легенд. В древние времена сложилась легенда об Атлантиде в океане к западу от Африки, возродившаяся с новой силой в эпоху Великих географических открытий. В России в периоды Великой Северной и последовавших за ней других экспедиций бытовали легенда и гипотеза о Земле Санникова и Матерой Северной земле в восточной части Северного Ледовитого океана.

Источниками подобных легенд были пытливость человеческого ума, стремление людей полнее познать окружающий мир, вечные мечты о лучшей жизни и надежды найти ее где-то там за морями и океанами в стране чудес.

Для многих русских первооткрывателей в середине и в конце XVIII в. такой страной чудес казались острова и земли в северной части Тихого океана и северо-западных территорий Американского континента. В результате 150-летней эпопеи русскими первопроходцами и промысловиками были открыты и освоены восточные территории Азиатского континента, северной части Тихого океана и северо-западных земель Американского континента, была основана Русская Америка, включавшая Алеутские острова, Аляску и Северную Калифорнию.

Границы государства Российского простирались более чем на половину протяженности Земного шара (14 временных поясов) от Санкт-Петербурга, Кронштадта и Архангельска до Ново-Архангельска на о. Ситка (ныне о. Баранова), континентальной Аляски и Форта Росс в Калифорнии. Общая площадь российских владений в Америке составляла около 1 518 тыс. кв. км.

Эти владения были закреплены за Россией по праву первооткрывателя.

2. В современную эпоху коренных преобразований в России история Русской Америки привлекает внимание тех наших современников, кто дорожит историческими завоеваниями и традициями народа российского.

Сведения о Русской Америке содержатся в личных описаниях участников тех давних событий и других документах того времени, в исторических трудах отечественных и американских ученых, в произведениях художественной литературы, в участившихся в последнее время публикациях в периодических изданиях. Их содержание свидетельствует о масштабности происходивших событий и почти фантастических коллизиях в судьбах их участников. По напряженности и драматизму события, связанные с океанскими плаваниями и континентальными странствованиями по освоению русскими людьми Алеутских островов, Аляски, Северной Калифорнии и просторов Тихого океана, напоминают более поздние описания подобных событий Джеком Лондоном и Джеймсом Купером.

За годы наступившего нового века появились новые чрезвычайно интересные труды и материалы, посвященные истории Русской Америки, и среди них:

— Русская Америка. Императорская Россия и Новый Свет. М.: ГИМ РФ, 2001.

— Kalani L., Rudy L., Sperry J. Fort Ross. CA: Fort Ross Interpretive Assotiation, 2001.

— Лубченкова Т.Ю. Самые знаменитые путешественники России. М.: Вече, 2001.

— Исторические романы о Шелихове, Врангеле, Головнине, Беллинсгаузене и др. М.: Астрель, 2001–2003.

— Лазарев А. Русская Америка. М.: Белый город, 2004.

— Песков В. Аляска больше, чем вы думаете. М.: Роман-газета, 2003.

— Таратута М. Америка с Михаилом Таратутой. М., 2004.

— Церковный календарь 2006.

— Афанасьев В.Н. Герман Аляскинский. Светило православия. М.: Голос-Пресс, 2006.

— Публикации в газетах «Восточно-Сибирская правда», 2005, 2006; «Завтра», 2006; «Крылатское для Вас», 2005, 2006; в журналах «Вокруг света» (2001), «Москва» (2005), «Роман-газета» (2003);

— на сайтах Интернета материалы Кудрина М.Н., Масаиновой-Афросиной З.Б., Барсуковой М. и др.

3. Используя перечисленные и более ранние источники, предоставленные фонды библиотеки им. А.А. Ахматовой в Крылатском (Москва), а также непосредственные впечатления одного из авторов, побывавшего в Калифорнии и некоторых других штатах и посетившего там памятные места, в том числе Форт Росс, авторы решили внести свою скромную лепту в интереснейшую и неисчерпаемую тему о Русской Америке.

Написанная и изданная работа «Там, за суровым Тихим океаном» включает:

— Русская Америка в делах и памяти соотечественников (вводная статья);

— Женщины Русской Америки (художественно-исторический очерк);

— Русский бросок в Америку. 1741–1867 (литературный сценарий, ч. I);

— Торгово-гостиничный бренд «Русская Америка. 1784–1867» с эскизами новой фирменной эмблемы и логотипа торгового знака.

Некоторые обладающие новизной материалы защищены свидетельствами Российского авторского общества.

Среди приведенных иллюстраций сделанные с натуры фотографии Форта Росс, а также фоторепродукция портрета Кончиты Аргуэльо художника А.А. Соколова, любезно предоставленная авторам Государственным Историческим музеем РФ.

В работе особенно подчеркивается, что на судьбе Русской Америки глубоко отразилась созидательная деятельность самых различных слоев российского общества в духе традиций того времени. В единый преобразующий поток соединились широкая инициатива и труд народных низов в лице первопроходцев промысловиков и купцов, движимых не только стремлением к чисто хозяйственной выгоде, но и духовно-познавательным интересом, с глубоким пониманием исторических интересов Державы и поддержкой со стороны наиболее просвещенных, прогрессивных и патриотически настроенных представителей верхов общества: государственных деятелей, адмиралов и офицеров флота, ученых, трезвомыслящих финансовых и торговых магнатов. Важную духовно-просветительскую роль играли посланцы Русской православной церкви, сумевшей закрепиться на новых землях навсегда. Огромный вклад в общее дело освоения океанских просторов Тихого океана и новых земель внес Российский морской флот и его кругосветные плавания.

Весьма примечательны приведенные одним из отечественных авторов слова знаменитого английского мореплавателя Джорджа Ванкувера: «Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и доброе согласие, в котором они (русские) живут между самыми грубыми сыновьями природы. Сохраняют они над ними власть не страхом и угрозами, как то обычно бывает, но, кажется, русские нашли дорогу к их сердцам и приобрели от них почтение и любовь».

Благодаря этому на землях Русской Америки сложился единый социум русских с коренными народами — алеутами, эскимосами и индейцами, следы которого сохранились до наших дней.

4. Судя по отзывам различных авторов и собственному опыту, побывавшие по следам Русской Америки наши соотечественники неизменно выражают глубокую признательность американцам за сохранение и поддержание в хорошем состоянии исторических

памятников на всем пространстве от Аляски до Калифорнии. В этой гирлянде русских исторических «сувениров» особо выделяется прямо-таки «царственный бриллиант» Форт Росс, восстановленный из руин и пепла ассоциацией «Fort Ross Interpretive Assotiation» при участии профессора Н.И. Рокитянского и получившего статус — Национальный парк Форт Росс и Зона отдыха Русская Река. Весь этот историко-природный комплекс вместе с необозримыми далями Тихого океана производят неизгладимое впечатление в эстетическом, историческом и экологическом отношении.

Из проведенных российско-американских мероприятий особенно большое впечатление оставляют совместная научная экспедиция под руководством академика А.П. Окладникова на Алеутские острова, выставка в связи с 200-летием основания Российско-американской компании (1999), которая экспонировалась у нас в стране и в США в четырех штатах, совсем недавняя совместная исследовательская работа по сравнительному химическому анализу образцов стекол, найденных у г. Ситка и в пос. Тальцы (2006). Нельзя не вспомнить о совместном открытии в Фэрбенксе на Аляске монумента истребителю «Аэрокобра» и пилотам обеих стран времен Второй мировой войны (2006).

Однако с сожалением приходится отмечать почти полное отсутствие произведений на темы из истории Русской Америки в современной отечественной поэзии, драматургии, изобразительном искусстве, кино. Кроме двадцатилетней давности рок-оперы «Юнона и Авось» и известной песни ансамбля «Любэ» больше, пожалуй, нечего вспомнить.

Это говорит о явно недостаточной популяризации богатой и многоплановой истории Русской Америки, о чем свидетельствуют огромный информационный потенциал в этой области и настоящая конференция.

В этой связи позволительно указать на отсутствие единого доступного широкой общественности справочника по истории Русской Америки и Российско-американской компании, содержащего сведения об исторических личностях, наиболее важных событиях, международных связях, об исторических памятниках, российско-американском сотрудничестве в этой области. Собранные все вместе, эти сведения сделают наглядной всю значимость исторического опыта Русской Америки и деятельности Российско-американской компании, имевших огромное геополитическое и цивилизационное значение.

И вслед за этим станет ясной необходимость создания «Энциклопедии Русской Америки». Думается, создание таких трудов достойно внимания российских и американских коллег.

Как нам кажется, заслуживает также внимания вопрос о па-

мятных датах. Памятные даты имеют огромное значение в истории науки, техники, искусства и различных областях жизни общества. Они являются своего рода вехами в исторической памяти народов и человечества. К сожалению, общепризнанного перечня памятных дат в истории Русской Америки до сих пор не имеется. Установление таких дат могло бы иметь большое просветительское и мобилизующее значение для популяризации истории Русской Америки. Достаточно, например, вспомнить, что в 2007 г. исполняется 260 лет со дня рождения «Колумба Российского» Г.И. Шелихова, 195 лет основания Форта Росс, 200 лет кончины Н.М. Резанова, 140 лет продажи российских владений на Американском континенте Северо-Американским Соединенным Штатам и др.

В 2009 г. исполнится 225 лет основания Русской Америки и 210 лет учреждения Российско-американской компании. Было бы логично, если бы к этому времени в г. Иркутске, исторической родине Русской Америки, был открыт Музей истории Русской Америки в бывшем здании правления Российско-американской компании, как предлагает, судя по материалам в печати, научная общественность города. Мечтается также о том, чтобы по инициативе отечественных и американских ученых и общественности городов Иркутска и Ситка было восстановлено на о. Баранова наименование бывшей столицы Русской Америки — Ново-Архангельск (New Arhangelsk) и присвоено наименование Ситка (Sitka) одному из престижных объектов в г. Иркутске. Думается, эти акты послужили бы дальнейшему укреплению взаимопонимания между народами наших стран, а также, возможно, способствовали бы развитию российско-американских отношений на принципах высокой духовности и гуманизма, помня при этом о союзнических отношениях наших народов и стран в период Второй мировой войны.

Ю.П. Ерыкалова (Тотьма)

Русская Америка и Тотьма

Раскинувшись на левом берегу р. Сухоны, маленький городок Тотьма выделяется среди других прибрежных поселений своими удивительно стройными храмами. Возвышаясь, над скромными деревянными домами, они плывут, как белые парусники по синей глади неба.

Храмов, похожих на тотемские, вы не встретите нигде. Не случайно доктор архитектуры П. Тельтевский, посетив Тотьму в 1961 г., выделил памятники архитектуры нашего города в отдельную архитектурную школу. Утвержденный в 1780 г. герб уездного города Тотьмы тоже единственный в своем роде. На золотом поле изображена черная американская лисица с далеких Лисьих островов — в знак того, что «жители сего города в ловле сих зверей упражняются».

Слава Тотьмы в ее историческом прошлом. Издавна будоражили умы тотемских краеведов и историков затейливые изображения морских звезд и раковин, карт — картушей на стенах храмов. Знакомясь с архивом Тотемского краеведческого музея, краевед Станислав Зайцев нашел документ (летопись Троицкой церкви), который заключила вдова морехода Черепанова с мастеровыми: «...а между нижними и верхними окнами клейма сделать, как наилучше возможно...» Вот и нашлось русское название «клейма» взамен французскому «картуши». А загадок становилось все больше. Увлеченный человек — энтузиаст Станислав Зайцев по крупицам собирал материал об истории родного города, раскрывая для себя и тотьмичей неизвестные страницы. В один прекрасный момент он скажет: «Тотьма — город мореходов!», удивив при этом не только провинцию, но и столицы, и морские державы. Полетят в Тотьму письма с вопросами, с предложениями выступить на конференциях и форумах. Станислав Зайцев защитил свое открытие, доказал, что так оно и есть на самом деле.

Тотьма — единственный город России, экономика которого базировалась на доходах от пушных промыслов открываемой Русской Америки.

Вплоть до 1760 г. путь в Сибирь проходил через Вологду, Тотьму и Великий Устюг. В уезде закупали и везли на продажу соль, зерно, муку, говяжье сало, сырые кожи. На продажу шли лен, пряжа, холст. Эти товары отправлялись и на экспорт. В уезде занимались заготовкой и пилением сосны «для заграничного отпуска».

В 1781 г. был утвержден план г. Тотьмы. Городу отчислено всей земли 2 328 десятин 1 179 сажен. XVIII в. был поистине золотым веком для тотемского купечества. По данным переписи, проведенной во время ревизии, в уезде было 250 купцов. Из них только в Тотьме владели домами и проживали 82 купца. Тотемские купцы вели активную предпринимательскую деятельность. Как отмечал известный исследователь П.И. Челищев в своих путевых заметках, «купечество и мещане сего города главный торг имеют в Сибири и на Камчатке». Многие купцы нажили на этом торге большие состояния.

По проторенному землепроходцами-вологжанами пути на Урал, в Сибирь и дальше на восток шли многие выходцы из тотемского уезда. Не случайно даже сейчас среди сибиряков встречаются фамилии: Тотемские, Тотемцевы, Тотьмянины. Тотьмичи, доходя до Иркутска и Кемска, не останавливались на этом, а шли дальше и до Охотска и уже оттуда на хрупких суденышках — «шитиках», а нередко просто на байдарках стали отправляться многочисленные промысловые экспедиции на поиски «незнакомых землиц», для приводу жителей в российское подданство и для собственной выгоды.

Всего компаниями тотемских купцов было снаряжено более 20 экспедиций в Тихий океан, это больше, чем компаниями московских, вологодских и великоустюгских купцов вместе взятых. Фамилии этих людей хорошо известны на тотемской земле. Это Тимофей и Семен Мясников, Петр Рохляцов, Федор и Алексей Холодиловы, Григорий и Петр Пановы, Степан Черепанов, С. Карелин и др. Одним из первых, кто стал заниматься предпринимательской деятельностью, был Федор Холодилов. Он снарядил судно «Иоанн» и отправил его к берегам острова Беринга. На борту находилось 46 промышленных и 6 казаков. Промышленники благополучно провели зиму на островах, добыли 300 бобров и 1 500 песцов. Трижды это судно совершало плавание к Командорским и ближним Алеутским островам. Итоги промыслов оказались удачными. Доставленная на Камчатку пушнина оценивалась громадной, по тому времени, суммой в 228 069 руб.

Почти 40 лет Федор Холодилов и его племянник Алексей занимались предпринимательской деятельностью. За это время на судах «Иоанн», «Андреян и Наталья», «Михаил» было отправлено 7 промысловых экспедиций. С этих экспедиций династия Холодиловых получила огромные прибыли. Не случайно они в XVIII в. были одними из самых богатых представителей тотемского купечества. В настоящее время сохранился особняк купца Холодилова, построенный в 1761 г.

Вслед за Холодиловым начинают свою предпринимательскую деятельность тотемские купцы братья Григорий и Петр Пановы. Пановыми было снаряжено 11 экспедиций на Алеутские острова и Аляску. В 1758 г. Пановы вошли в компанию московского купца Ивана Никифорова, построили и снарядили судно «Иулиан». Про-

мышляли на Лисьих островах. Экспедиция закончилась в 1759 г. Бот «Иулиан» еще не раз бороздил воды Тихого океана. Плавание этого бота имеет большое историческое значение в истории исследования Алеутских островов. Был открыт остров Умнак. Впервые были сообщены сведения об острове Кадьяк и об Аляске.

В разное время братьям Пановым принадлежали суда «Петр» и «Павел», «Евпл» и «Александр Невский», «Варфоломей и Варнава», «Георгий». Бороздил воды Тихого океана и галиот «Тотьма». Прибыли Пановых с промышленных экспедиций были громадными.

Часть этих прибылей шла на снаряжение экспедиций, а часть на строительство памятников архитектуры в нашем городе. И совсем не случайно музей мореходов, открытый 29 сентября 1996 г. к 300-летию Российского флота, находится в самой красивой церкви города — жемчужине тотемского барокко — Входоиерусалимской церкви, построенной Пановыми.

Среди тех, кто проявил свои способности пытливого исследователя, следует назвать и купца — морехода Степана Черепанова. В конце 50-х – начале 70-х гг. он участвовал в целом ряде промысловых экспедиций. Собранный им еще в 1759–1762 гг. материал лег в основу интереснейшего документа под названием «Сказка тотемского купца Степана Черепанова о пребывании на Алеутских островах», в которой подробно описал исчезнувшую морскую корову Стеллера. Эти материалы представляют большую ценность и в наши дни. На капитал Степана Черепанова построена в Тотьме Троицкая Зеленская церковь — 1768–1788 гг.

Утвержденный в 1780 г. герб уездного города Тотьмы тоже единственный в своем роде. На золотом поле изображена черная американская лисица с далеких Лисьих островов — в знак того, что «жители сего города в ловле сих зверей упражняются».

Возвращались мореходы на родную тотемскую землю и в благодарение Богу за счастливое плавание строили они прекрасные храмы-парусники. В конце XVIII–XIX в. в Тотьме было 17 церквей и целая «флотилия» Спасо-Суморина монастыря — усыпальница именитых тотьмичей.

По реестру церквей конца XVШ в. из Тотемского уезда в отлучке в Сибири находился 81 человек. В дальние вояжи отправлялись купцы, мещане и даже крестьяне. В историю российского мореплавания вошел и тотемский посадский Петр Шишкин, который был участником плавания бота «Иулиан», в 1759–1762 гг. принадлежащего Пановым. Цель этой экспедиции была добыча бобров на Алеутских островах. И в результате плавания был открыт ряд островов Алеутской гряды. Петр Шишкин составил карту этих островов, она является одним из важнейших источников по истории открытия и освоения Алеутских островов. Карту эту высоко оценил Р.И. Соймонов (профессиональный картограф того времени, сибирский гу-

бернатор). Данная карта послужила поводом к посылке секретной экспедиции Левашова и Креницына, а также была высоко оценена Ломоносовым и Екатериной II. Сам Шишкин погиб в 1763 г. на острове Уналашка от алеутской стрелы.

Во второй половине 90-х гг. XVIII в. относительную самостоятельность сохранили лишь 5 компаний, которые в 1797 г. объединились в Американскую соединенную компанию. С 1799 г. новое торгово-промышленное объединение стало называться Российско-американской компанией (РАК). С деятельностью РАК на протяжении 30 лет была связана судьба тотьмича Ивана Александровича Кускова. Кусков был первым помощником, правой рукой правителя компании Баранова. Это еще одна страница в морской истории сухопутного города Тотьмы. Иван Кусков был основателем форта Росс в Калифорнии и первым правителем — ныне Национальный парк штата Калифорния в США.

В Тотьме 17 лет назад по научной разработке С.М. Зайцева был открыт музей Ивана Кускова, это первый музей Русской Америки в нашей стране.

Согласно биографии И.А. Кускова, написанной в 1848 г. вологодским краеведом Е.В. Кичиным, «Иван Кусков был первоначально тотемский мещанин. Он родился в 1765 г., нрав имел веселый, в обхождении с людьми ласков, в исполнении верен. В 1787 г., 22 лет от роду, он отправился по разным городам Российской империи, достиг Иркутска, и там, в 1790 г., заключил контракт с каргопольским купцом А.А. Барановым». В контракте говорилось: «...и мне Кускову, быть при господине Баранове, при коммерческой должности, и следовать с ним в морской вояж, к американским берегам в компании Голикова и Шелихова». Это была одна из самых крупных частных компаний. 19 августа 1790 г. Баранов и Кусков на галиоте «Три Святителя» вышли из Охотска на о. Уналашка. Но после крушения галиота они добрались до острова лишь 27 июня 1791 г.

«Баранову недоставало людей для усердного содействия, — писал Хлебников. — Один только помощник его Кусков имел лучше других сведения и образованность».

Кусков был знаком со многими выдающимися деятелями Русской Америки (РА): моряками, учеными, дипломатами. Впечатление от бесед с ним сохранилось в записях Ю.Ф. Литке, Н.И. Коробицына, В.М. Головнина, Ф.Ф. Матюшкина. В.М. Головнин высоко отзывался о деятельности Кускова: «Он такой человек, которому подобно едва ли имеет компания на службе; и если бы во всех ее управляли такие же Кусковы, тогда бы доходы ее знатно увеличились и она избежала бы многих нареканий, ныне директорами ее без причин претерпеваемых».

Документы РАК хранятся в Российской государственной библиотеке. В основном это деловая переписка правителя компании А. Баранова со своим помощником И. Кусковым за период с 1790 по 1823 г. Переписка освещает различные вопросы управления делами

компании, развития зверобойного промысла, добычи угля, затрагивает вопрос о положении промышленных людей компании, взаимоотношений с местными жителями: алеутами, чукчами, колошами. Из переписки видно, что Баранов, находясь в частых разъездах по островам и побережью Северной Америки, оставлял И. Кускова временно правителем, доверяя ему вполне, и представлял ему право действовать сообразно обстоятельствам.

Письма Баранова и Кускова к разным лицам и несколько писем к ним касаются также организации торговых отношений с испанцами Калифорнии, Китаем, Сандвичевыми островами. Переписка также дает представление о той суровой обстановке, в которой приходилось трудиться, отражает многогранную деятельность Баранова на посту правителя компании и Кускова как его ближайшего помощника.

Миссионер иеромонах Гидеон, познакомившийся с Кусковым на острове Кадьяк в 1805 г., писал о его смелости, находчивости, стремлении к познанию окружающей действительности и в то же время властности и жестокости. Это и не удивительно, ведь А.А. Баранову и его помощнику И.А. Кускову требовались особая твердость характера и организаторские способности, чтобы не только держать в повиновении русских промышленных, но и вести прибыльный промысел пушнины, осваивать новые территории РА, спускать на воду суда.

В обязанности правителя и его помощника входило снабжение населения колонии всем необходимым. Они организовывали большие партии алеутов для промысла морских млекопитающих, возводили крепости. Они должны были наладить оборону русских поселений от индейцев. В обязанности Баранова и Кускова входило заключение торговых, промышленных сделок с представителями иностранных мореходных компаний.

Яркая подвижническая деятельность Кускова в Америке была высоко оценена русским правительством: в 1804 г. ему была вручена медаль «За усердие» на Владимирской ленте для ношения на шее, а в 1806 г. Кускову был присвоен чин коммерции советника. Как утверждал министр коммерции Румянцев, «такой монаршей чести в России было удостоено всего лишь 5 лиц». Получив чин коммерции советника, Кусков стал вправе выполнять все торгово-дипломатические миссии от лица компании.

Все авторы, которые упоминают в своих трудах о селении Росс, были единодушны во мнении, что одной из наиболее сложных проблем РА являлось снабжение русских колонистов Аляски продовольствием и хлебом. Поставка через Сибирь обходилась слишком дорого. Кругосветные экспедиции были не регулярны, огромные расстояния, разделявшие монополию и колонию, осложняли ситуацию. Надежда на помощь иностранных компаний не оправдалась, поэтому А.А. Баранов задумал организовать снабжение в Калифорнии.

Большую роль в основании русского поселения в Калифорнии сыграл дипломат, камергер двора Н.П. Рязанов. В феврале 1806 г. на судне «Юнона» он отправился в Сан-Франциско из Ново-Архангельска. Цель путешествия заключалась в том, чтобы наладить взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество между русскими и испанцами. Осмотрев во время путешествия пустое пространство земли, познакомившись с условиями тамошней местности и климатом, Рязанов задумал приобрести во владение России одно из свободных мест для развития там хлебопашества и скотоводства. Он сообщил эту мысль главному правителю русских колоний Баранову.

В 1808 г. на долю Кускова и выпадает роль устроителя русского поселения в Калифорнии. Чтобы выбрать место для поселения, Кусков с партией промышленных совершил 8 походов в Калифорнию. И лишь экспедиция 1812 г. на шхуне «Чириков» под командованием г. Бенземана увенчалась успехом. 40 русских и 80 алеутов высадились в нескольких десятках верст от Сан-Франциско. Уже за три месяца были возведены основные сооружения крепости. 11 сентября 1812 г. И.А. Кусков поднял русский флаг над крепостью Росс. Основные постройки крепости были завершены к 1814 г. Русские моряки и в частности Головнин отмечали неудобное положение крепости: скалистые утесы, на которых располагались строения, препятствовали подходу судов. В свое время Баранов и Кусков намеренно выбрали это место для обеспечения обороны селения с моря. Для защиты форта от возможного нападения индейцев Кусков прежде всего построил крепкий частокол — стену из местного красного дерева, привез 12 пушек. Эта «артиллерия» форта была позже увеличена и ко времени продажи через 29 лет там находилась 41 пушка. Внутри крепости находилось 9 построек и колодец, а снаружи было не менее 50 зданий, в которых не только расселялись алеуты, приехавшие с Кусковым, но было много других подсобных зданий. В 1817 г. Иван Александрович составил ситуационный план крепости. Главные постройки были: дом правителя Кускова — довольно хорошей постройки, казармы для жилья промышленных людей, различные склады, кладовая оружия. Среди многочисленных построек были мастерские, мельница, кузница, кожевенный завод, конюшня, молочный завод, двухэтажный магазин с 5 кладовыми, дом, содержащий литейную мастерскую для медника, и даже судостроительная верфь. На этой судоверфи строились не только малые речные суда, но и были построены 2 больших мореходных судна: бриг «Румянцев», водоизмещением в 160 т (из калифорнийского дуба), и бриг «Булдаков», совершавшие плавания по Тихому океану в Ново-Архангельск — столицу РА, и через океан к Сандвичевым островам.

В окрестностях форта было до 50 огородов, колосились на полях пшеница и рожь. Был завезен скот. К моменту отъезда Кускова из Америки в крепости насчитывалось 2 000 голов скота. Были разведены фруктовые сады, плантации персиковых деревьев и виноград.

Выращивали картофель, репу, салат, бобы, дыни, арбузы и капусту. Главной целью Кускова было развитие земледелия. Но он не оставлял и морского промысла: люди охотились на морских бобров, шкурки которых являлись главным предметом торговли РАК, ловили рыбу, а также охотились на зверей в окружающих лесах.

И.А. Кусков за время своего пребывания на посту правителя форта Росс с 1812 по 1821 г. сделал все, чтобы его сотрудники и сослуживцы, как русские промышленники, так и алеуты, жили в сносных условиях и были обеспечены не только пищей, но и добротными жилищами. Сам Иван Александрович жил в своем доме правителя в полном комфорте. Дом даже имел стекла в окнах, что в то время считалось большой роскошью, другим предметом роскоши было пианино — еще одна слабость Кускова.

Ко времени отъезда Ивана Александровича из Америки крепость представляла собой зажиточную колонию, ни в чем нуждающуюся и даже помогавшую Ново-Архангельску, куда регулярно посылались запасы провизии и продукты охотничьих промыслов. Все это было достигнуто нелегким трудом. Работали не только местные племена, но и сами русские: на строительстве, по хозяйству, на земле. Они так же выходили на морской промысел на утлых байдарках, так же во время неожиданных штормов гибли в море, стараясь добыть морского зверя, которого постоянно требовала главная контора в Ново-Архангельске и правление компании в Санкт-Петербурге. Нелегко было Кускову в основанном им форте еще и потому, что приходилось иметь дело с протестами испанцев, требовавших ухода русских с этих земель, якобы незаконно захваченных ими. Постоянно приходилось вести дипломатические переговоры с испанцами, оттягивать дело, говорить, что вопрос о существовании форта должен решаться высшими властями в Петербурге и в Мадриде, что он, Кусков, только исполнитель решений и распоряжений правления компании. Несмотря на все протесты и неприятности, Кусков тем не менее установил довольно неплохие отношения с испанцами. Он часто наезжал в испанскую миссию Сан-Франциско, где покупал вначале семена для посевов на новых полях форта Росс, покупал скот и т. д. Испанцы в обмен покупали то, в чем особенно нуждались, например, лопаты, топоры, пилы. Мало того, Кусков построил для них несколько плоскодонных судов. Трудно было Кускову в новых местах в Калифорнии. Необходимо было как-то оформить свое пребывание на берегах Тихого океана, и для этого надо было обладать каким-то документом от индейцев. Это Кускову удалось, и он смог получить от индейских старшин бумагу — акт о передаче земель форта Росс во владение России. Этот акт был узаконен капитаном Гагемейстером, побывавшим в форте Росс в 1817 г., куда он прибыл на корабле «Кутузов».

Нужно отметить, что с индейцами Кусков и его подчиненные поддерживали дружеские отношения. Установлению дружеских отношений с местным населением способствовала жена И.А. Кускова — Екатерина

Прохоровна. Она говорила на языке индейцев и принимала попытки создания русско-индейского словаря.

Личность Кускова всегда привлекала внимание всех, кто интересовался историей форта Росс. В распоряжении главного правителя русских колоний М.И. Муравьева, датированном 1822 г., говорилось: «Он умирил враждующие между собой толпы диких и в продолжение многих лет удерживал сих дикарей в союзе с живущими в крепости, и единственно мерами кроткости и справедливости».

В 1822 г., после 30-летнего пребывания в Русской Америке, из них 10 на посту правителя форта Росс, Кусков решил вернуться на родину. Преемниками Кускова в крепости были: К.И. Шмидт, П.И. Шелихов, П.С. Костромитинов. Каждый по-своему внесли свою лепту в жизнь и дела этого самого отдаленного к югу Аляски пункта русских владений на Северо-Американском материке.

И.А. Кусков в 1823 г. приехал на родину, в г. Тотьму, где, прожив не более 4 месяцев, умер. Похоронен Кусков на кладбище Спасо-Суморина монастыря.

В память о РА и форте Росс, как части, выпущена медаль в 1976 г. в честь основателя селения и крепости Росс, И.А. Кускова.

После отъезда И.А. Кускова на родину форт существовал еще 20 лет. Последним правителем форта был Александр Гаврилович Ротчев, который с болью в сердце и подписал документ о продаже его в 1841 г. швейцарцу Дж. Суттеру.

Вся история освоения Русской Америки и деятельности РАК связана с поисками путей снабжения колоний продовольствием и другими необходимыми товарами. Почти все серьезные исследователи Сибири отмечали удивительную быстроту продвижения русских «встречь солнца». И в цепочке морских путешествий тотьмичей И.А. Кусков является завершающим звеном.

Литература

1. н/в 8879/4 Черницын Н.А. Исследователь Аляски и Северной Калифорнии Иван Кусков. 29 п. л.

2. т. 37250/1 Федорова С.Г. Дом, где провел последние месяцы жизни и в котором скончался исследователь Аляски и Калифорнии И.А. Кусков. 7 п. л.

3. н/в 8879/10 Величутин В. Е. Открытие и освоение русскими северо-западной Америки. 1953 г. 10 п. л.

4. н/в 8879 /74 К истории РАК: сб. док. материалов. 1957 г., ксерокопия, 1989 г., 10 п. л.

5. т. 37250/7 Петров В. Краткая история Форта Росс. 1812–1841 гг. Калифорния, 1974 г. 8 п. л. (н/а 1288).

6. т. 37250/9 Петров В. Форт Росс и его культурное наследие. Калифорния, 1977 г.

7. н/а 1546 Зайцев С.М. Как открыть Америку.

8. н/а 1362 Зайцев С.М. Тайна тотемских картушей.

9. Соболев И.А. Тотемские купцы на Кяхтинском торге, 1995 г., рукопись.

А.В. Зорин (Курск)

Катлиан, вождь киксади. Непримиримый воин или реальный политик?

Наиболее яркой фигурой среди лидеров коренного населения Русской Америки, несомненно, является Катлиан — вождь индейцев-тлинкитов клана киксади Ситка-куана, возглавивший сопротивление индейцев продвижению Российско-американской компании (РАК) в 1802–1805 гг.

Имя вождя — Котлеан, Котлеян, Katlian или K'alyaan — является наследственным в клане киксади. Такие имена передавались на торжественных потлачах из поколения в поколение. Поэтому в подобных случаях бывает довольно трудно отличить друг от друга различных носителей таких имен, время от времени скупо упоминаемых в письменных источниках.

Первые упоминания о Катлиане относятся к зиме 1799–1800 гг. Будучи племянником и наследником Скаутлелта, верховного вождя Ситка-куана, Катлиан попадает в поле зрения А.А. Баранова, стремившегося упрочить положение русских в только что основанной на Ситке Михайловской крепости. Чтобы наладить добрые взаимоотношения с аборигенами, русские устраивают званые пиршества с раздачей подарков, что должно было ассоциироваться у тлинкитов с традиционными потлачами. Как сообщает К.Т. Хлебников, «Баранов приглашал тоенов и старшин в свою крепость, делал пляски алеутами и позволял колошам. При сих увеселениях, несколько раз захватывали колош, а чаще Котлеяна, пришедших со скрытыми под плащом кинжалами. Он приписывал сие умыслам, но те отзывались обыкновением носить при себе оружие; и это было сильным поводом к подозрениям и взаимной вражде» [1].

В данном случае, похоже, правы были тлинкиты. Кинжал являлся самым распространенным среди тлинкитов оружием и неотъемлемой принадлежностью каждого мужчины. Он постоянно носился в ножнах из жесткой кожи, которые вешались на шею на широком ремне. На ночь его клали у постели. Оружие это так и называлось *чиханат* — «справа от меня, всегда наготове» или «вещь под рукой» [2]. Однако русские слишком хорошо помнили, как в 1763–1764 гг. алеуты Лисьих островов истребляли целые

зимовья, пронося тайком под одеждой ножи и заставая промышленных врасплох. Потому им и казался столь зловещим и подозрительным обычай тлинкитов постоянно носить при себе под плащом кинжал.

Любопытно отметить, что подобные столкновения, похоже, не повлекли за собой безоговорочной вражды Катлиана к русским. Покидая в апреле 1800 г. Ситку, А.А. Баранов писал в инструкциях В.Г. Медведникову: «рекомендую еще в дополнение... новоизбранного всеми Михайла [Скаутлелта] и нашего прежнего Схатеса [Скаатагеча?] с братом, а также почетных мужиков: шамана с Кекурной бухты с... тестем *и ближней бухты богатого и хлебосола племянника Михайлы тойона*... приемом отличать, а когда что случится, кормить... а иногда и маленькими подарками приласкивать... во множестве и с пляскою их в казармы отнюдь не впущать... иметь неприметное им примечание, нет ли в байдарках огнестрельных и других вредоносных орудий и при них под одеждою скрытых копий [кинжалов]» [3].

Катлиан характеризуется здесь как человек гостеприимный и щедрый по отношению к русским. Надо полагать, что «хлебосольство» вождя было знакомо А.А. Баранову не понаслышке. Значение Катлиана для русских поселенцев было важно еще и потому, что его промысловые угодья располагались в непосредственной близости от Михайловской крепости — в бухте, получившей название «Катлианова губа». Это имя она сохранила и до настоящего времени (Katlian Bay).

Находясь под впечатлением позднейших событий, К.Т. Хлебников в своих работах постоянно акцентирует изначальную враждебность Катлиана к русским, упоминая даже о его личной ненависти к А.А. Баранову. Следует, однако, отметить, что в 1818 г. в беседе с капитаном В.М. Головниным Катлиан утверждал, что к нападению на русскую крепость его принудил дядя, вождь Скаутлелт (Михайла) [4]. Возможно, так оно и было. По крайней мере, ни до 1802 г., ни после 1805 г. имя Катлиана не связывается напрямую с какими-либо враждебными по отношению к русским действиями.

Несомненно, Катлиан вместе со Скаутлелтом участвовал в великом совете вождей, который состоялся зимой 1802 г. в Хуцнувукуане (о. Адмиралти). На совете было принято решение о начале войны против русских. Во исполнение этого решения объединенные силы тлинкитов атаковали 16 июня 1802 г. Михайловскую крепость. По свидетельству очевидцев, Катлиан отличался особенной яростью среди нападавших. По словам К.Т. Хлебникова, он был «второе лицо при нападении и, будучи молод и смел, дышал личной ненавистью к Баранову и русским и везде первым бросался для примера другим». Тлинкитские легенды повествуют, что на вожде была

боевая Шапка Ворона — шлем в виде вороньей головы, с огромным клювом и медными глазами, обшитый медвежьей шкурой, — а вооружен он был кинжалом и кузнечным молотом. Однако, согласно тлинкитским преданиям, Катлиан был всего лишь третьим среди воинов, возглавивших атаку на крепость. Первыми легенда именует шамана киксади Стунуку, мстившего за оскорбление своего клана, и воина по имени Дук'ваан [5].

Вскоре после разгрома Михайловской крепости 24 июня (6 июля) в Ситкинском заливе появился британский бриг «Единорог» под командованием капитана Генри Барбера. Его матросы спасли несколько уцелевших поселенцев, в том числе Абросима Плотникова, оставившего ценный рассказ об этих событиях. 27 июня (9 июля) к судну приблизилось два каноэ, в которых среди воинов находились, по словам Плотникова, «кровожаждущий варвар ситхинский тайон Михайло с племянником». У Катлиана, как отметил Барбер, бедро было пробито мушкетной пулей, «что, как казалось, причиняет ему весьма малые неприятности» [6]. Вожди предложили Барберу выдать им русских. Но капитан скрыл от тлинкитов спасенных им беглецов и «посредством ласковости» заманил обоих вождей на судно. Здесь он их «приказал задержать заковав тайона и племянника в ножны и ручны железа притом с таковым приказанием ежели не велит тайон представить сколко есть всех захваченных... людей... то не будет отпущен почему тот тайон и приказал оставшим в байдарах команде своей чтоб привести [пленных] и после тово начали привозить наших служащих девок и бабры, но не вдруг, а по одной толко, напоследок начальник [Барбер] сказал тайону ежели всех сколко есть захваченных не привезешь или тебя повешу (в страх коему уже и петля была приготовлена) либо увезу непременно на Кадьяк» [7].

Добившись выдачи пленников и награбленной в крепости пушнины, англичанин отпустил вождей, хотя спасенные русские требовали увезти их обоих на Кадьяк.

В 1803–1804 гг. Катлиан, как военный вождь Ситка-куана, готовится к продолжению борьбы. С этой целью была выстроена крепость Шисги-Нуву, а также достигнута договоренность о взаимопомощи с Хуцнуву-куаном. Когда в сентябре 1804 г. флотилия РАК приблизилась к берегам Ситки, Катлиан отправился в Хуцнуву за боеприпасами. На обратном пути 29 сентября его каноэ было замечено с борта «Невы» и по приказу Ю.Ф. Лисянского в погоню был выслан баркас. Заметив погоню, Катлиан сошел на берег и лесом добрался до своей крепости. Каноэ после продолжительного преследования и перестрелки взорвалось, когда залп из фальконета угодил в мешки с порохом.

Во время штурма крепости Шисги-Нуву 1 октября 1804 г. Кат-

лиан возглавил вылазку, сыгравшую важную роль в отражении приступа. Как описывается в преданиях, облачившись в боевую Шапку Ворона и вооружившись кузнечным молотом, поскольку для задуманного им дела он был более пригоден, чем ружье или кинжал, вождь киксади вошел в реку по самую голову, так что над водой виднелся лишь шлем в виде вороньей головы с огромным клювом, и, шагая по дну неглубокой речки Колошенки, двинулся к ее устью. Там он внезапно обрушился на врага сзади. Он действовал в одиночку и снискал великую славу. По другой версии легенды Катлиан в разгар штурма вывел отряд отборных воинов через задние ворота крепости к Индиен-Ривер; там они сплавились вниз к ее устью, уцепившись за древесные стволы, дрейфующие по течению, и нанесли Баранову удар с тыла. Скорее всего, Катлиан действительно действовал не в одиночку и, возможно, именно этот маневр индейского вождя и породил панику среди ополченцев РАК. В сумерках они могли принять появившихся за их спинами воинов за крупные силы неприятеля [8].

Однако, понимая, что в одиночку сопротивляться русским бессмысленно, Катлиан послал гонца в Хуцнуву-куан, прося о помощи. Ожидая подкреплений, он решил тянуть время и вступил в переговоры с русскими. Так и не дождавшись помощи от союзников, испытывая острую нехватку боеприпасов и опасаясь возможности вторичного штурма, тлинкиты были вынуждены покинуть крепость. По условиям соглашения с Барановым им следовало переселиться на указанное им место в тридцати верстах от крепости. Однако Катлиан, полный решимости продолжать борьбу, организовал тайный ночной уход из Шисги-Нуву. Индейцы ушли на другой конец острова и при помощи людей Хуцнуву-куана выстроили новую крепость Чаатлк'аа Нуву в пр. Чатам на о. Чичагова. Катлиан отступил, но не капитулировал. Нападения на партовщиков РАК продолжались. Чтобы положить конец вражде, А.А. Баранов направил в ставку Катлиана посольство, возвратившееся в Ново-Архангельск вместе с братом вождя. Вероятно, это был Сайгинах, с которым позднее встречался и беседовал К.Т. Хлебников (хотя другие документы называют Сайгинаха (Сигинака) предводителем кагвантанов).

После предварительных переговоров, проведенных братом, Катлиан, наконец, решился пойти на примирение с Барановым. Он прибыл в Ново-Архангельск после полудня 28 июля 1805 г. в сопровождении 11 воинов. Несмотря на прохладный прием — и кадьякцы и русские видели в нем главного виновника резни, — он пробыл в Ново-Архангельске до 2 августа, ведя переговоры с Лисянским и Барановым. Ю.Ф. Лисянский оставил детальное описание этой встречи и внешнего облика самого вождя:

«Сперва разговор наш касался до оскорбления, семейством его

нам причиненного, а потом начали толковать мы о мире. Котлеан признал себя виновным во всем и впредь обещался загладить проступок свой верностью и дружеством. После сего г. Баранов отдарил его табаком и синим капотом с горностаями... На Котлеане была синего сукна куяка (род сарафана), сверху коего надет английский фризовый капот, на голове имел он шапку из черных лис с хвостом наверху. Он росту среднего, лицом весьма приятен, имеет черную небольшую бороду и усы. Его почитают самым искусным стрелком, он всегда держит при себе до двадцати хороших ружей... Прощаясь с нами, Котлеан изъявил свое сожаление, что не застал кадьякцев, при которых ему сильно хотелось поплясать, уверяя, что никто не знает так много плясок разного рода, как он и его подчиненные» [9].

После этого, по сообщению Лисянского, Катлиан недолго оставался верховным вождем Ситки. Его сменило лицо, более лояльное к победителям, и «так как этот тайон при всяком случае показывал свое усердие и дружелюбие по отношению к русским, то г. Баранов навесил на него медный герб» [10]. В данном случае трудно сказать, какова на самом деле была расстановка сил внутри Ситка-куана. Остается несомненным, однако, что и в последующие годы, как то показывают документы, именно Катлиан остается бесспорным главой клана киксади. Сведений о действиях вождя во время последующих обострений русско-тлинкитского противостояния не имеется. Следующие упоминания о Катлиане встречаются в источниках только в 1818 г. Когда А.А. Баранов получил отставку и покинул колонии, то перед отъездом он встретился со своими старыми противниками, тлинкитскими вождями, собравшимися в Ново-Архангельске для прощания с ним. По словам К.Т. Хлебникова, «славный тоен Котлеян, уважаемый Барановым за ум и неустрашимость, и более всех сделавший ему вреда в истреблении крепости, явился к нему, и Баранов, примиряясь с ним, свидетельствовал своему преемнику о его уме и способностях» [11].

Вскоре после этого новый главный правитель, капитан-лейтенант Л.А. Гагемейстер, встретился с Катлианом и вручил ему серебряную медаль «Союзные России» на голубой ленте. Вероятно, тогда же была подтверждена договоренность о мире, а брат вождя (Сайгинах?) стал заложником в русской крепости. После этого Катлиан нередко посещал Ново-Архангельск и даже беседовал с капитаном В.М. Головниным на борту шлюпа «Камчатка» [12]. Во время посещения судна 11 августа 1818 г. вождя сопровождал его племянник, который, по словам лейтенанта Ф.П. Литке, «был прекраснейший мужчина из всех. Черты лица преблагородные, глаза черные, полные огня. Он был за несколько лет в аманатах и говорил изрядно по-русски». Художник М.Т. Тиханов тогда же написал портрет вождя и его жены на фоне Ново-Архангельска. К

сожалению, ни в одном из источников не содержится никаких сведений о семье Катлиана. Известно, что Сайгинах (Сигинак) умер в 1824 г., после чего Катлиану была передана носившаяся покойным большая «коронационная» медаль (отчеканенная в память коронации Александра I).

Между тем в июне 1818 г. после гибели двух русских лесорубов произошло очередное обострение отношений с тлинкитами. Подозрение вновь пало на известного своей старинной враждебностью вождя. Однако вскоре после гибели двух лесорубов Л.А. Гагемейстер принял решительные меры. Наполнив три баркаса хорошо вооруженными людьми и установив на одном из них мощную карронаду, он внезапно явился ранним утром перед летним лагерем киксади, который располагался неподалеку от Ново-Архангельска. Индейцев охватила паника, хотя Гагемейстер через толмача и заверял их, что явился только для переговоров. Наконец, навстречу русским вышло большое боевое каноэ, на борту которого находился и сам Катлиан. В дневнике Ф.П. Литке говорится:

«Дабы сдержать Колош в границах Г[агемейстер] приказал другому катеру, на котором была карронада, заехать с носа к колошенскому бату и навести карронаду прямо вдоль онаго; зажженные фитили были готовы; четверо из Колош в свою очередь приложились ружьями в тех людей, кои держали фитили. С сими прелиминариями, кои заступили место переговорнаго флага, начались переговоры. Катлиан спросил Г[агемейстера], зачем он приехал. „Если ты приехал нас бить, — сказал он, — то лучше сними с меня сию медаль, которую ты на меня повесил и вот грудь моя (обнажив ее), убей меня одного“. Г[агемейстер] уверял его, что он совсем не с тем намерением приехал, а только чтобы узнать, кто убил русских, а если его подчиненные, то чтобы ему выдали виновных. Кат[лиан] объявил, что убили русских Колоши другого поколения, что он узнал это от старшего его племянника...» [13].

В ходе последовавших переговоров выяснилось, что лесорубов убили воины клана кагвантан, с которыми пришлось вести отдельные переговоры. Киксади и, вероятно, сам Катлиан выступили в этих переговорах в качестве посредников.

Дальнейшие сведения о вожде становятся еще более отрывочны. Главный правитель колоний М.И. Муравьев писал в 1821 г.: «У народов, населяющих берега северо-западной Америки и называемых вообще колюжами... есть обыкновение, что при переноски на новое жилье приносят в жертву их богам однаго или несколько человек... Сии жертвы бывают более или менее: однаго, двух, трех и более, смотря по важности рода или начальника, называемого ими *анкау*, и по его богатству... Все калоши исполняют сей богомерзкой обряд... один анкау, именно *Катлеан*, переносился на другое жилье

и, когда он объявил мне сие, тоя спросил, думает ли он приносить в жертву калгу [раба], и хотел показать ему мерзость сей жертвы, то он с усмешкой отвечал: я знаю, руские етого не любят да и я не так богат, чтобы сие делать. Вот видите, что одна бедность его удерживает» [14].

Последнее датированное упоминание вождя относится к сентябрю 1826 г., когда прибывший в колонии на транспорте «Кроткий» Ф.П. Врангель писал: «Главный старшина здешних колюжей Котлиан, с которым я познакомился в бытность мою здесь на шлюпе „Камчатка“, был ныне в отсутствии в соседних проливах, а место его занимал молодой старшина Наушкекл...» [15].

В известных на настоящий момент документах сведений о дате смерти Катлиана не содержится. Легенда, записанная со слов тлинкитского сказителя Алекса Эндрюса, утверждает, что вождь якобы покончил с собой на морском берегу, оставив за собой кровавый след, по которому сородичи нашли его и сундук, в котором хранилась его церемониальная шапка [16]. Следует также отметить, что в поздних тлинкитских исторических преданиях, известных в изложении сказителя Херба Хоупа, фигура Катлиана приобретает эпический размах. Он изображается великим воителем и непримиримым противником русских колонизаторов, гордо отвергающим приглашение Баранова прибыть к для нему для мирных переговоров [17].

Непредвзятый анализ источников, однако, позволяет сказать, что хотя Катлиан до конца своих дней оставался приверженцем традиционного тлинкитского образа жизни, непримиримость по отношению к русским была лишь кратковременным эпизодом на его жизненном пути. С полным правом можно утверждать, что в бурный период становления Русской Америки вождь проявил способности не только (и даже не столько) воина, но и политика, сумевшего не только провести свой народ через испытания войны, но и вывести его из гибельного тупика бесконечного военного противостояния.

Имя вождя ныне носят залив на о. Баранова (Катлиан-бей), впадающая в него река, гора на западном побережье о. Баранова, а также улица в г. Ситка [18]. Принадлежавшая ему Шапка Ворона хранится среди родовых реликвий клана киксади.

Примечания

1. Хлебников К.Т. Первоначальное поселение русских в Америке // Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861. Вып. IV. С. 44.

2. Зорин А.В. Индейская война в Русской Америке. Курск, 2002. С. 28.

3. К истории Российско-американской компании. Красноярск, 1957. С. 96–97.

4. Головнин В.М. Путешествие вокруг света на шлюпе «Камчатка». М., 1965. С. 138.

5. Dauenhauer N., Dauenhauer R. The Battles of Sitka, 1802 and 1804, from Tlingit, Russian and other point of view // Russia in North America. Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America. Sitka, Alaska, August 19–22 1987. Kingston-Fairbanks, 1990. P. 8.

6. Barber Henry. Aftermath of the Sitka Massacre of 1802. Journal excerpts. Extracts from the «Sydney Gazette» (Australia), 29 May 1803, 18 November 1804, 9 December 1804 // The Alaska Journal. 1979. Vol. 9, № 1, winter. P. 59.

7. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 2. СПб., 1863. Прил. С. 176.

8. Dauenhauer N., Dauenhauer R. The Battles of Sitka, 1802 and 1804, from Tlingit, Russian and other point of view. P. 9; Wharton D. They don't speak Russian in Sitka. A New Look at the History of Southern Alaska. Markgraf Publications Group, 1991. P. 11.

9. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М., 1947. С. 204–205.

10. Там же. С. 205.

11. Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя Российских колоний в Америке. СПб., 1835. С. 176.

12. Головнин В.М. Указ. соч. С. 138.

13. Гринев А. В. Русско-тлинкитский конфликт 1818 г. и его разрешение // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII – 1867 г.). К 200-летию Российско-американской компании: материалы междунар. конф. (Владивосток, 11–13 окт. 1999 г.). Владивосток, 2001. С. 165–170.

14. Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX вв. Т. IV: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера 1815–1841 гг. М., 2005. С. 103.

15. Там же. С. 208.

16. Dauenhauer N., Dauenhauer R. The Battles of Sitka, 1802 and 1804, from Tlingit, Russian and other point of view. P. 10.

17. Зорин А.В. «Поход выживания ситка-киксади». Новый источник по истории Русской Америки // Первые американцы. СПб. 2004. № 12. С. 11–26.

18. Pierce R. Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston-Fairbanks, 1990. P. 222–223.

П.Л. Казарян (Якутск)

Роль города Якутска в присоединении Северо-Востока Сибири к Русскому (Российскому) государству (XVII–XVIII вв.)

Перешедшим за Уральский хребет русским землепроходцам потребовалось менее полстолетия, чтобы дойти до границ бассейна великой сибирской реки Лены. С 1629 г. с волока притока Верхней Тунгуски (Ангары) Илима и с 1630 г. с Нижней Тунгуски начинаются походы отрядов русских землепроходцев енисейцев — во главе со стрелецким десятником Василием Ермолаевичем Бугром, мангазейцев — с тобольским казаком Антоном Добрынским и березовским казаком Мартыном Васильевым в бассейн Лены, положивших начало присоединения Приленского края, тем самым и Северо-Востока Сибири к Русскому государству [1].

Конкретно-исторический материал о присоединении Северо-Востока Сибири к Русскому государству содержится в трудах Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, А.С. Сгибнева, С.В. Бахрушина, А.И. Алексеева и др. [2], а также в опубликованных сборниках архивных документов [3].

Избранную нами тему сообщения в год, когда Якутск отмечает свое 375-летие и когда пытаются этой реальной исторической дате придать иную, не имеющую ничего общего с историческими реалиями того времени окраску, тем более считаю нужной и актуальной. В контексте сказанного считаем не лишним напомнить слова Великого Русского Историка и Гражданина: «Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не то, что быть могло...» [4].

Цель данного сообщения — осмысление роли старейшего русского города на Северо-Востоке Сибири Якутска в исторических процессах, связанных с присоединением региона к Русскому (Российскому) государству в XVII–XVIII вв. При этом надо отметить, что при определяющей роли как политических центров в организации этих процессов центральных (Сибирского приказа, Военной и других коллегий) и сибирских (губернаторов, губернских правлений, провинциальных воевод и канцелярий) органов власти, роль г. Якутска как крупнейшего административного центра в регионе сводилась к военно-организационному, транспортному, экономическому и ресурсному обеспечению реализации политики Российского государства на субконтиненте.

Немаловажна констатация и того факта, что в этих исторических событиях видоизменялись и претерпевали эволюцию сама роль и значение г. Якутска как регионального центра, от безоговорочно доминирующего до вспомогательного, от единственного организационного центра в XVII в. до просто участника в процессах, причем отнюдь не самого заметного, в XVIII в.

Таким образом, роль г. Якутска в исторических судьбах Северо-Востока Сибири в XVII–XVIII вв. определялась теми конкретно-историческими факторами, которые являлись ведущими в текущей политике Российского государства в данную эпоху и для реализации которых г. Якутск обладал соответствующими ресурсами.

Основанный 25 сентября 1632 г. на р. Лене на Якольской (Якутской) земле Ленский острог стал одним из центров енисейского управления в Приленском крае. Однако в сравнении с другими центрами управления в крае: енисейского — Олёкминска, мангазейского — Вилюя, томского — Алдана, Ленский острог благодаря своему удачному географическому положению занял ведущее место и стал главным центром в присоединении земель и племен Северо-Востока Сибири к Русскому государству.

Становление 6 февраля 1638 г. Ленского острога центром самостоятельного Ленского управления — уезда по-новому обозначило место острога в регионе [5].

Еще на пути от Енисейского острога к Ленскому волоку на Верхней Тунгуске (Ангаре) 27 июля 1640 г. к ленским воеводам явился енисейский атаман казачьей Максим Перфирьев (Перфильев), который рассказал им о своем походе с Олёкминского острога с 13 служилыми и 23 промышленными людьми в верховья Витима. Таким образом воеводы получили подробные сведения о верховьях Витима, о р. Шилке, о Даурии, об обитающих там народах, о хлебопашестве у даурцев, о серебре, которое тунгусы меняли на соболя на р. Шилке.

Полученные от Перфирьева сведения ленские воеводы посчитали настолько важными, что одним из первых организованных походов, по прибытии в Ленский острог, стал поход во главе с письменным головой Еналеем Леонтьевичем Бахтеяровым (очевидно, в августе 1641 г.) на р. Витим.

С прибытием же в Ленский (Илимский) волок 24 августа 1640 г. воеводы Петр Петрович Головин и Матвей Богданович Глебов вступили в управление уездом* — назначили от себя, взамен енисейского приказчика пятидесятника Семена Григорьевича Родюкова в

* В литературе можно встретить сведения о вступлении П.П. Головина и М.Б. Глебова в управление Якутским уездом в июле 1641 г., после прибытия в Ленский острог, что является ошибочным. До середины 90-х гг. XVII в. на практике назначенные в сибирские уезды воеводы считались вступившими в управление уездом после вступления на территорию подведомственного уезда. Только по указу от 31 августа 1696 г. воеводам сибирских уездов запрещалось выезжать с места службы до приезда преемника и сдачи дел.

Олёкминский острог приказчиком сына боярского Воина Богданова, отправили в Ленский острог письменного голову Василия Даниловича Пояркова, стали принимать доклады от служилых людей, отправленных ранее в Приленский край из Енисейска, Мангазеи, Томска, Тобольска.

В сентябре 1640 г. к ним явился енисейский служилый человек Прокопий Лазаревич Козлов. Он был отправлен руководителем организованной в 1636 г. из Олёкминского острога енисейским воеводой Прокопием Федоровичем Соковиным первой морской экспедиции в составе 10 служилых и 40 промышленных людей, десятником Елисеем Юрьевичем Бузой в Енисейск. Ленские воеводы не только оприходовали собранный с Оленка, устья Лены, Пириды (ныне р. Пур. — *П. К.*), Яны, Чендона ясак, но и получили ценные сведения для организации новых экспедиций в эти районы [6].

В это же время к ленским воеводам с собранным на Яне и Юкагирской земле ясаком явился основатель Верхоянска Постник Иванов (Губарь). В отписке в Сибирский приказ воеводы писали об этом так: «В прошлом, государь, во 148-м (т. е. в 1640 г. — *П. К.*) году в августа 25 день пришол к нам холопем твоим на Ленский волок енисейской служивой человек Посничко Иванов да красноярской служивой человек Оничка Никитин с товарищи с новой Юкагирской землицы, а ясачного збору он Посничко с товарищи принес к нам холопем твоим четыре сорока три соболя...» [7].

В расспросе Иванов подробно изложил сведения о своем походе с 30 спутниками 25 апреля 1638 г. из Ленского острога на Яну, основании Верхоянского зимовья, объясачивании янских якутов, походе 1639 г. на Индигирку — Юкагирскую землю. Весьма ценной являлась информация Иванова о том, что у юкагирских людей «серебро есть». Это вообще первое сведение о наличии этого благородного металла у представителей одного из народов Крайнего Северо-Востока Сибири.

Первым, организованным ленскими воеводами, походом стала отправка с Ленского волока на верховья Лены — тунгусские и братские (бурятские) земли отряда служилых во главе с пятидесятниками Василием Власьевичем Витязевым и Потапом Баландиным. Как 30 апреля 1641 г. докладывал в своей отписке воеводам Витязев, поход завершился, после нескольких стычек, приведением «под государеву царскую высокую руку» братских людей и тунгусов. Воеводы получили также весьма ценные сведения об озере Байкал, о Прибайкалье и Забайкалье, верховьях Витима, населяющих эти районы народах и одно из первых сведений о Китае и приобретаемом мунгалами (монголами) у китайцев серебре.

Для закрепления успеха отряда Витязева на верховьях Лены П.П. Головин и М.Б. Глебов 30 мая 1641 г. с Усть-Куты отправили отряд во главе с пятидесятником Мартыном Васильевым и де-

сятником Аксентием Аникеевым с задачей «...в Братской земле на устье Куленги поставить острожек, и ров и чеснок и надолбы поставить...». Как докладывал в своей отписке от 29 августа в Ленский острог воеводам Васильев, «...июля в 28 день, не дошед Куленского устья версты за 4 и высмотря место крепкое, и, по государеву указу, вверх идучи по Лене реке на левой стороне поставили острожек и надолбы, в длину острожек 10 сажен печатных, а поперег девяти сажен, а над вороты башня вышина пяти сажен, а на углу острога поставлена башня же, и круг острогу поставлены надолбы двойные кругом 90 сажен...» [8].

Так в Приленском крае появился третий Ленский острог (первый названный енисейским атаманом Иваном Алексеевичем Галкиным весной 1631 г. в Усть-Куте; второй — построенный в сентябре 1632 г. сотником Петром Бекетовым в Якольской земле). Поэтому со времен основания новый острог по месту нахождения в Братской (Бурятской) земле назвали Ленский Братский острог, затем — Верхоленский острог.

Таким образом, еще до июля 1641 г., до прибытия в центр уезда Ленский острог воеводы, вступив в управление уездом, принимали доклады, назначали приказных людей и отдавали распоряжения, организовывали походы в новые, необъясаченные территории Приленского края.

Если до 1641 г. основными направлениями передвижения русских землепроходцев с Ленского острога являлись север (Нижняя Лена, бассейн Оленька) и северо-восток (бассейны Яны и Индигирки) [9], то в новых исторических условиях на Ленское управление возлагалась обязанность организации открытий и присоединения к Русскому государству «новых неясашных землиц» по всем направлениям.

Поэтому не удивительно, что после доклада П. Иванова, воеводы, как доносили об этом в Сибирский приказ в начале 1641 г., перед ним и енисейским десятником Федором Миловановым поставили задачу: явиться в Ленском остроге к письменной голове В.Д. Пояркову, получить от него разные товары (одекую (бисера), куяки, разобранные на доски, железа) и из «...острогу велели ему, Посничку, итить в Юкагирскую землицу для твоего, государева, ясачного збору на перемену к прежним ясачным зборщиком, которых он, Постничко, оставил в Юкагирской землице с аманаты и *для приску и проведывания новых землиц и серебряной руды* (курсив мой. — *П. К.*). А Федьке Милованову для твоего, государева ясачного збору велели итить на Янгу (т. е. на Яну. — *П. К.*) реку к якутам...» [10].

При этом из-за отсутствия в Ленском остроге лошадей Иванов с четырнадцатью, а Милованов с семью красноярскими, енисейскими и тобольскими служилыми людьми должны были для похода купить за свой счет лошадей.

С июля 1641 г., с прибытием воевод П.П. Головина и М.Б. Глебова в Ленский острог, наступает завершающий этап объединения всех земель на северо-востоке под началом ленских воевод и Ленский острог становится не только единым центром управления для уже объясаченных территорий, но и организации открытия и присоединения к Русскому государству новых земель.

Первым из Усть-Вилюйского зимовья в Ленский острог явился, с восмью аманатами, мангазейский правитель Вилюйской земли с 1634 г. тобольский сын боярский Воин Шахов. 21 июля 1641 г. в своей докладной речи он представил исчерпывающую информацию о действиях своего отряда, состоявшего из 40 тобольских, березовских и мангазейских стрельцов и казаков, за семилетнее пребывание на Вилюе, о Вилюйской земле и предложил воеводам: «...для угрозы иноземцов на усть Вилюя реки надобно острог, а в нем безпрестанно надобно служилых людей 50 человек; ...да по Вилюю же вверх на усть Варки (ныне р. Мархa. — *П. К.*) реки выше или ниже надобно острог же, а в нем надобно служилых людей беспрестанно человек пятдесять, и теми де двема острожки на Вилюе реке и по Варке иноземцов всех смирить и под государеву царскую высокую руку привесть можно...» [11].

По указу томского воеводы стольника, князя Ивана Ивановича Ромадановского от 31 января 1636 г. в Енисейск был отправлен отряд из 50 служилых людей во главе с томским атаманом казачьим Дмитрием Копыловым на «...службу на Лену реку для прииску и приводу новых землиц под... царскую высокую руку и для... ясачно-во збору, *с которых землиц преже сего... ясаку в Енисейский острог и в Мангазею не имывано* (курсив мой. — *П. К.*)» [12].

Таким образом, наряду с енисейским Ленским и Олёкминским, мангазейским — Вилюйским управлениями, со времени прибытия Копылова в 1637 г. на р. Алдан и основания на ее западном берегу, выше устья р. Маи, Бутальского острожка (зимовья), в Приленском крае появился четвертый, Томский центр управления.

Отряд Копылова в 1637–1639 гг. объясачил тунгусов и немногочисленных якутов выше основанного в 1634 г. енисейским служилым человеком Федором Чюркиным, с десятью товарищами, на Алдане, в устье Камнюни реки Усть-Камнунского зимовья, по Алдану, Мае и по боковым рекам.

Выдающейся заслугой томичей в Приленском крае надо считать отправку Копыловым в 1639 г. с Бутальского острожка на Ламу — на Охотское море, отряда из двадцати томских и десяти красноярских (по иным данным — одиннадцати) казаков во главе с приказным человеком Иваном Юрьевичем Москвитиным.

Впоследствии, в 1646 г., участник этого похода «...на большое море окиян...» казак Нехорошко Иванович Колобов в расспросе рассказал якутским воеводам Василию Никитичу Пушкину и Кириллу

Осиповичу Супонову, что «*...шли они Алданом вниз до Маи реки 8 сутки* (курсив мой. — *П. К.*)*, а Маею рекою вверх шли до волоку 7 недель, а с той Маи реки малою речкою до прямого волоку в стругах шли 6 ден, а волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью на вершину, а тою Ульею рекою шли до моря, а на устье той Ульи реки... поставя зимовье с острогом...», собрали с окрестных тунгусов государева ясаку 11 сороков соболей. Любопытна была констатация Колобова о том, что «...те де реки собольные, ясачного зверя много и *рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет* (курсив мой. — *П. К.*) [13].

Отряд Москвитина, несмотря на тяжелые условия, когда из-за отсутствия провизии приходилось есть и «...сосну дерева и всякую поганую гадину...», за три года совершил походы по Охотскому побережью: на северо-восток — до устья р. Тон (мы убеждены, что в 40-х гг. XVII в. рекой Тон называли современную реку Тауй. — *П. К.*); на юге — до устья р. Удь.

Таким образом, под томским Бутальским управлением находились выше р. Наторы восточнее водораздела рек Амга и Алдан территории Ленского бассейна и Охотское побережье. В 1639 г. в перемену Копылова в управление этого края вступил томский сын боярский Астафий Михалевский, который и передал эти земли в состав Ленского уезда, а в 1642 г. в Ленском остроге появились и посланцы с Усть-Ульинского зимовья, от И.Ю. Москвитина.

Так завершилось объединение всех открытых и присоединенных к Русскому государству на северо-востоке земель под началом ленских воевод и Ленского острога.

Таким образом, с 1641 г. на Северо-Востоке Сибири на Ленский острог возлагались триединые задачи: а) приискание новых земель; б) приведение в подданство их обитателей; в) обеспечение административного обустройства, сбора ясака, в том числе подавлением сопротивления племен подведомственных территорий.

В хронологии присоединения Северо-Востока Сибири к Русскому государству в XVII в. 1629–1632 гг. можно характеризовать как период проникновения русских землепроходцев в Ленский край; 1633–1641 гг. — утверждение в крае и начало расширения ясачных территорий; 1642–1654 гг. — завершение присоединения Ленско-

---

* Г.Ф. Миллер считал, что Бутальское зимовье, очевидно, находилось немного выше устья р. Маи и что со временем было покинуто, а местонахождение забыто. Мы считаем, что Бутальское зимовье находилось в районе ниже устья р. Учура, на пути от Якутска к Удскому острогу. Как свидетельствуют архивные источники, именно через находящееся недалеко от Алдана, на берегу озера Личанда (очевидно, тунгусское название Чапанда, а о Джапанде говорит и Г.Ф. Миллер: см. Т. III. С. 77) Алданское компанейское селение РАК, комиссионер РАК в Якутске А.Ф. Шергин в 1844 г. доставил через реки Алдан, Аим, Мая, вдоль р. Джукотели (Жукотели) на Нелькан и далее, через Джугджурский и Уйский хребты, из Якутска первый караван с грузом в порт Аян. См.: Казарян П.Л. Якутско-Аянский тракт // Земля Иркутская. Иркутск, 2004. № 3 (26). С. 12.

Охотского и Колымо-Анадырского краев к Русскому государству; 1655–1696 гг. — административное и ясачное обустройство в регионе; 1697–1701 гг. — завершение присоединения континентальной части Северо-Востока Сибири, кроме Чукотского края, к Русскому государству.

Именно Ленский (с апреля 1643 г. — Ленский Якутский) острог с 1641 г. стал основным центром проникновения русских людей в Приамурский край и присоединения региона к Русскому государству. Несмотря на то, что в 1648 г. верховья Лены отошли в состав вновь образованного Илимского уезда, а в 1654 г. Амурские земли получили самостоятельное управление, благодаря открытию и присоединению новых земель на Северо-Востоке Сибири Якутский уезд в XVII и XVIII вв. оставался крупнейшим по территории административным образованием не только в Сибири, но и в России [14].

Ведущее место на северо-востоке в XVII – начале XVIII в. Ленский (Якутский) острог, город (с 1682 г.) Якутск занимал как военно-организационный центр в регионе. Если до 1641 г. в регионе верховодили разрозненные отряды енисейских, мангазейских, томских казаков, то по воеводскому наказу от 6 августа 1638 г. предусматривалось создание якутского гарнизона в составе пяти детей боярских и 395 тобольских, березовских, енисейских стрельцов и казаков. Так, с 1641 г. в Ленском уезде появилась собственная казачья команда, которая стала именоваться ленской (якутской), в обиход вошло название «ленские служилые люди».

Подвигом якутского казачества являлось то, что это малочисленное войско малыми отрядами, порой состоявшими из не более 15–20 чел., совершали дальние походы в бассейны рек Северо-Востока Сибири, присоединив обширные территории к Русскому государству.

В ходе этих походов и в зимовьях от рук местного населения погибали десятки служилых людей, но царский двор не спешил с увеличением численности служилых на самой окраине державы. Показательна пометка на одной из многочисленных челобитных, поданных якутскими воеводами, о нехватке в Якутском остроге служилых людей (декабрь 1647 г.): «Писать к воеводам к старым и к новым, велеть быть на Лене в Якуцком остроге и с Верхоленским острошком всего 400-м человеком, а которые присланы на Лену в 4 годы по 50 человек в перемене ис тех, сместя старых, отпущать. А которые посланы были с Петром Головиным на Лену тобольские и березовские, и енисейские служилые люди и из них хто побит или умер и хто на их место поверстан, про то расписать именно и роспись ко государю послать, сколько тех прежних служилых людей в остатке и хто на их место поверстан. *А которые поверстаны вновь на их места, и тех с Лены в городы не отпущать на житье* (курсив мой. — *П. К.*)» [15].

Из Якутского острога ежегодно шли в Сибирский приказ докладные записки о распределении служилых людей по зимовьям и посылкам с ясаком в Москву, с требованием отправки из сибирских городов новых служилых. Однако во дворе и Сибирском приказе мыслили иначе. Так, например, в царском указе от 20 октября 1649 г. якутскому воеводе Дмитрию Андреевичу Францбекову предписывалось: «...впредь бы есте, без нашего указу, на Лене в Якутском остроге болши трех сот пятидесяь человек жилецким служилым людем быть не велели, а на выблые места гулящих людей в службу не верстали, а верстали в службу ссыльных людей, которых по нашему указу велено верстати в службу» [16]. А ссыльных людей велено было верстать взамен гулящих людей, чтобы в «годовом жалованье лишних расходов не было».

В июле 1650 г. отчаявшийся Францбеков в отписке в Сибирский приказ писал о том, что по штату оставшиеся в Якутском остроге 350 служилых людей (после отчисления Верхоленского острожка и верховьев Лены в состав Илимского уезда) надо распределить в 19 ясачных пунктов (зимовьях), кроме новой Даурской земли, а людей не хватает, поэтому необходимо увеличить численность служилых людей, кроме Даурской земли, в Якутском остроге до 600 чел.

Порой были годы, когда в Якутском остроге оставалось не более десяти казаков. Так, например, в конце 1651 г. воевода Иван Павлович Акинфов писал царю, что принял он по счету у прежнего воеводы Францбекова в Якутском остроге 360 чел. пятидесятников, десятников и казаков, сверх штата 10 чел. и «вновь поверстал для твоих государевых и новоприбыльных служб (имеется в виду на Даурию и р. Охоту. — *П. К.*), сверх твоего государева указного числа трех сот пятидесяти человек, 93 человека...», из которых в Якутском остроге «...останетца в нынешнем в 160 году ко 161 (т. е. на зиму 1651/52 г. — *П. К.*) зимовать десять человек» [17].

Несмотря на то, что еще в августе 1653 г. воевода Михаил Семенович Лодыженский в своей отписке к царю ставил вопрос об увеличении численности Якутской казачьей команды до 1 018 чел., или по крайней мере до 800 чел., запрашиваемая численность оставалась не достижимой и спустя два десятилетия. Воевода Андрей Афанасьевич Барнешелев в 1675 г. писал царю, что по окладным именным книгам в Якутском остроге всего 670 чел., в том числе «выбылых окладов» 113 чел., а для отправки в ясачные зимовья в полный наряд необходимо 660 чел. и для перемены на другой год 346 чел., поэтому «...надобно в Якуцком остроге и в уезде в ясачных острожках и в зимовьях, в полный наряд и для прииску неясачных землиц, служилых людей 1 000 человек, в том числе к прежним служилым людем надобно вновь в прибавку 391-го человека» [18].

Кроме разовых поручений, как, например, сопровождение ясачной казны в Москву, доставки хлеба из Илима и верховьев Лены, и других посылок, якутские казаки несли постоянную службу (погодно) в ясачных острогах, зимовьях и в заставах:

1650		1676		1711	
Остроги, застава	**Зимовья**	**Остроги, застава**	**Зимовья**	**Город, остроги**	**Зимовья**
Ленский (Якутский) Олёкминский Охотский Чечуйская	Чаринское Тугирское Верхне-Майское Средне-Майское Бутальское Усть-Камнунское Верхне-Вилюйское Средне-Вилюйское Усть-Вилюйское Столбовое Жиганское Оленское Верхоянское Нижне-Янское Верхне-Индигирское Нижне-Индигирское Алазейское Верхне-Колымское Средне-Колымское Нижне-Колымское Анадырское Мотыхлейское	Ленский (Якутский) Олёкминский Охотский Чечуйский Анадырский Гижигинский Олёкминская	Чаринское Усть-Патомское Майское Тонторское Бутальское Верхне-Вилюйское Средне-Вилюйское Усть-Вилюйское Жиганское Оленское Верхоянское Нижне-Янское Зашиверское Подшиверское Уяндинское Алазейское Верхнее-Колымское Средне-Колымское Нижне-Колымское Чондонское	Якутск Олёкминский Охотский Чечуйский Анадырский Гижигинский Удский Верхне-Камчатский Нижне-Камчатский Большерецкий	Чаринское Майское Учурское Бутальское Верхне-Вилюйское Средне-Вилюйское Усть-Вилюйское Жиганское Оленское Верхоянское Нижне-Янское Зашиверское Алазейское Верхне-Колымское Средне-Колымское Нижне-Колымское

Как видно, не все зимовья показывали свою жизнеспособность, в иных случаях по мере утверждения в тех или иных землях якутские воеводы стремились путем рационального территориального размещения зимовьев обеспечить государственные интересы, в первую очередь сбор ясака в этих зимовьях.

Так, например, воевода, стольник Фома Иванович Бибиков 21 июля 1679 г. предписывал идти «...на службу на новую на Удь реку...» пятидесятнику Данилу Михайлову, отмечая, «...ведомо учинилось, что по той Уди реке живут многие роды неясачные тунгусы,

а великого государя ясаку не платят, и ему, Данилу, приехав на ту Удь реку с служилыми людми, поставить зимовья и укрепить накрепко, и, укрепя, прося у Бога милости, чинить промысл над теми неясашными тунгусами...» [19].

Михайлову были переданы толмач и пять казаков, но по своей челобитной, с разрешения воеводы к ним присоединилось более двадцати торговых и промышленных людей, которым велено было «...быть с служилыми людми и ходить на неясашных иноземцев вместе...». По прибытии он энергично взялся за объясачивание тунгусских родов бассейна Удьи. Как свидетельствует его донесение в Якутск (получено 26 мая 1680 г.), к весне зимовье — острог еще не ставил. Следовательно Удский острог был поставлен Михайловым летом 1680 г.

В середине 50-х гг. было завершено присоединение северо-восточных земель, до Чукотки и Камчатки, к Русскому государству. Важнейшей задачей Якутского острога — города Якутска являлось административное обустройство и организация сбора ясака с местного населения, что происходило отнюдь не в спокойной обстановке. После ликвидации восстания якутов 1642 г. близлежащих к Якутску улусов среди якутов наступило затишье. С начала 1650-х гг. на Якутской земле воцарило спокойствие, кроме как в среде тех якутов, которые переселялись на территории других племен, как например, на Вилюй. На Юкагирской и Тунгусских землях, особенно в Охотском крае, нередки были нападения на отряды служилых и убийства промышленных людей, сожжение острогов и зимовьев. Происходившие же стычки русских с чукчами на Колыме и Анадырске по периметру Чукотской земли, начавшиеся с 1640-х гг., с основания колымских и Анадырского зимовья (острога) в 1649 г. приняли затяжной характер.

Среди объясаченных народов наиболее строптивыми оказались тунгусы и ламуты Охотского побережья. Наглядным примером может служить Охотский острог. В 1652 г. напав на острог, тунгусы вынудили приказчика Семена Ивановича Епишева (с 1682 г., после становления Якутска городом, первый его городничий) отступить с отрядом на зимовье в устье Ульи, после чего, освободив аманатов (заложников), сожгли все строения.

Спустя лишь два года вновь назначенный на Охоту приказчик Андрей Булыгин, приняв в устье Ульи должность от С.И. Епишева, дошел до Охоты и 25 июня 1654 г. приступил к восстановлению острога. Но и после этого, до начала 80-х гг., то и дело возникали враждебные действия в отношении служилых людей [20]. И не удивительно, что в Якутском уезде с 1650-х гг. среди острогов и зимовьев, кроме Даурии, Албазина, крупнейший казачий отряд содержался в Охотском остроге — до 150 чел.

Однако надо отметить, что нередко на северо-востоке восстания

и возмущения местного населения были спровоцированы действиями приказных людей. Так, например, поборы и жестокость охотских приказчиков Юрия Крыжановского и Петра Ярыжкина в 1676–1678 гг. положили начало цепи трагических для служилых людей на Охотском побережье событий.

Объединившись, 8 тунгусских родов Охотского края под предводительством тунгусов Годниканского рода Некрунко и Канашанко в отместку начали повсеместно убивать русских промышленных и служилых людей, как одиночек, так и целые отряды, а 7 января 1678 г., собрав более 1 000 чел., взяли Охотский острог в осаду. Приказчику острога Ярыжкину с гарнизоном едва удалось спасти от расправы Крыжановского и отстоять острог.

Отправленный осенью 1678 г. отцом-воеводой в Охотский острог стольник Данил Фомич Бибиков по прибытии в Охотск чинил жестокую расправу над тунгусами, за что на обратном пути в Якутск 6 марта 1680 г. на Юдомском Кресте был убит вместе с 39 спутниками, тунгусами во главе с Канашанко (как будто судьбой было предназначено погибнуть в тот же день, когда в Якутске скончался отец), а охотская казна (1 130 соболей, лисица черно-бурая) и вооружение разграблены. Так стольник Д.Ф. Бибиков стал самой высокопоставленной жертвой от рук местного населения Северо-Востока Сибири XVII–XVIII вв.

После проведения расследования в Якутске воевода стольник Иван Васильевич Приклонский 4 августа 1681 г. приговорил Крыжановского и Ярыжкина по битью кнутом к ссылке, с семьями, в Даурию, Баргузинский острог и «...велел им быть в пешей казачьей службе...» [21].

По мере утверждения в крае порядка уменьшалось открытое и скрытое сопротивление местного населения. XVIII в., наряду с распространением христианства среди аборигенного населения, можно считать и временем окончательного утверждения сознания и ценностей российской гражданственности в их среде.

Последним актом вооруженного присоединения новых земель в регионе стал поход, по собственной инициативе, приказчика Анадырского острога, пятидесятника Владимира Васильевича Атласова в 1697 г. на Камчатку. Присоединение Камчатки и утверждение российской власти в крае отличалось тем, что, с одной стороны, приходилось преодолевать вооруженное сопротивление коряков и камчадалов, достаточно констатировать гибель только за первые два десятилетия более 200 служилых людей (в том числе и шести камчатских приказчиков); с другой — в условиях бунтов среди служилых людей и убийством приказчиков.

Положение на Камчатке тревожило не только якутских воевод, но и центральные власти. Хронический недостаток служилых людей в острогах вновь присоединенных земель, при постоянном

недокомплекте образованного в 1701 г. Якутского казачьего полка, привел к тому, что сам царь вынужден был вникать в проблемы Камчатки. Так, например, по указу Петра I Сибирский приказ 28 мая 1707 г. направил якутским воеводам стольникам Юрию Федоровичу и Михаилу Юрьевичу Шишкиным грамоту, по которой «...велено послать из Якуцка в камчадальской острог охотников, и в неволю и холостых казаков, и казачьих детей, и из промышленных людей добрых и ко всякому делу искусных 100 человек, и из Брацкого и из Илимска, из казачьих детей 70 человек...» [22].

С 20-х гг. XVIII в. основные военные действия на северо-востоке развернулись на землях коряков и чукчей. Якутский казачий голова Афанасий Федотович Шестаков в Санкт-Петербурге в 1726 г. представил свой план покорения северо-восточных земель. Как видно из журнала протоколов Верховного тайного совета от 9 февраля (№ 63), 3 (№ 101) и 14 (№ 126, 133) марта 1727 г. [23] и сенатского указа от 23 марта 1727 г. «О посылке якутского казачьего головы Шестакова для переговоров с немирными иноземцами, о вступлении им в подданство России» [24], план Шестакова был одобрен, а штат Якутского казачьего полка увеличен до 1 500 чел., из которых 400 чел. во главе с Шестаковым должны были «...изыскать новые землицы и призвать подданство немирных иноземцев...».

Якутск стал центром организации и снабжения экспедиции Шестакова. Однако первый же поход из Охотска на Корякскую землю кончился трагически, 14 марта 1730 г. передовой отряд из 130 чел. в районе р. Гижиги был разбит коряками. Пал в этом бою и Шестаков, сраженный стрелой в горло.

Если коряков шаг за шагом удавалось усмирить, в том числе и постройкой на их землях в 40–50-х гг. новых острогов и крепостей (Гижигинский, Тигильский, Олюторский и др.), то последнее столкновение гарнизова Анадырска с чукчами недалеко от острога, в устье р. Орловой 14 марта 1747 г. кончилось гибелью главного командира острога, майора Дмитрия Ивановича Павлуцкого.

Завершился столетний период вооруженного противостояния между русскими и чукчами. Наступил период настороженного, но не враждебного соседства, с 60-х гг. постепенного установления контактов, в том числе и торгово-экономических.

Любопытно, что главным инициатором этой новой политики стал центр Якутского края г. Якутск, ибо с отделением в 1731 г. управления Охотско-Камчатского края от Якутска и упразднением Анадырского острога на основании сенатского доклада Екатериной II 21 июня 1764 г. ближе всех чукчам оказались колымские остроги.

Хотя номинально указ Екатерины II от 1 февраля 1779 г. объявил о принятии чукчей в российское подданство, де-юре этот процесс начался спустя десять лет. Перелом в русско-чукотских от-

ношениях наступил в середине 80-х гг., когда земским исправником вновь учрежденного Зашиверского уезда (в 1783 г.) Якутской области стал коллежский секретарь Иван Иванович Баннер, вклад которого российской исторической науке еще предстоит оценить по достоинству.

Путем организации в 1788 г. Анюйской ярмарки для торговли с чукчами, личными поездками и встречами с чукотскими родоначальниками ему удалось склонить с 1789 г. чукчей вступить в подданство Российского государства. Процесс присоединения Северо-Востока Сибири, начало которому положил енисейский стрелецкий десятник Василий Ермолаевич Бугор походом весной 1629 г. по Лене, вступил в завершающую стадию в 1789 г. с началом вступления чукчей в российское подданство.

Примечания

1. См.: По следам русских землепроходцев. Вып. 1: Средняя Лена. Якутск, 2007. С. 11–14.

2. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. II. М., 2000; Т. III. М., 2005; Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. Кн. 1–4; Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. СПб., 1869. № 4–8; Он же. Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Там же. № 11–12; Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1–2; Алексеев А.И. Сыны отважные России. Магадан, 1970; Берх В.Н. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. СПб., 1821. Ч. 1; СПб., 1823. Ч. 2; Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1–2; Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. М.; Л., 1946; Белов М.И. Семен Дежнев. М., 1948; Якутия: сб. ст. Л., 1927; Якутия в XVII веке: оч. Якутск, 1953; Маныкин-Невструев А.И. Завоеватели Восточной Сибири. Якутские казаки // Русский вестник. М. 1883. № 4; Огородников В.И. Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли // Труды гос. ин-та народ. образования в Чите. Чита, 1822. Вып. 1; и др.

3. Акты исторические (АИ). СПб., 1841–1842. Т. 3–5; Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т. 2–11. СПб., 1846–1869; Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. СПб., 1882; Кн. 2. СПб., 1885; Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768). Ч. 1–4. М., 1895–1901; Ионин А.А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века. Иркутск, 1895; Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.). Т. 1. Якутск, 1916; Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. Л., 1936; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. М., 1951; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в. Л., 1953; Материалы по истории Якутии XVII века. Ч. 1–3. М., 1970; и др.

4. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. I. С. XII.

5. Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1901. Ч. 4. С. 36.

6. См.: Оглоблин Н.Н. Восточно-Сибирские полярные мореходы XVII ст. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1903. № 5. С. 50–51.

7. Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН, ф. 160, д. 1, сст. 983–984.

8. ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. С. 249–251; 255.

9. Более подробно см.: Казарян П.Л. Ленский (Якутский) острог и присоединение бассейнов рек Яны и Индигирки к Русскому государству // Ленский острог и освоение северо-востока Азии. Якутск, 2002. С. 28–42.

10. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. С. 101.

11. ДАИ. Т. 2. С. 254.

12. Миллер Г.Ф. Указ соч. Т. III. С. 239.

13. Там же. С. 317.

14. См.: Казарян П.Л. Из истории административного устройства и управления Северо-Востоком Сибири в 1629–1821 гг. // Русские землепроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Т. 4. Владивосток, 2003. С. 18–31.

15. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. С. 98.

16. ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 225.

17. Там же. С. 330–331.

18. Там же. СПб., 1857. Т. 6. С. 408.

19. Там же. СПб., 1859. Т. 7. С. 149.

20. Алексеев А.И. Охотск — колыбель Русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958. С. 22–24.

21. Более подробно см.: ДАИ. Т. 7. С. 277–304.

22. Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 1. С. 464.

23. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730. Т. 3 (январь–июнь 1727 г.) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 68.

24. Полный свод законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1830. Т. 7. С. 771.

Н.М. Калашникова (Санкт-Петербург)

Сведения о внешности и одежде местного населения в «Записках» К.Т. Хлебникова

Открытие, исследование и освоение северо-запада Американского континента — Аляски (Русской Америки, к которой кроме Аляски относили русскую Калифорнию — Форт Росс) датируется XVIII–XIX вв.

Исследования по истории Русской Америки в XX в. вели А.В. Ефимова, А.И. Андреев, С.Б. Окунь, М.И. Белова, Н.Н. Болховитинов, Р.В. Макарова, С.Г. Федорова, Г.А. Агранат и др., выявляя новые факты, мотивы и характер освоения Аляски русскими. Однако далеко не все известные памятники введены в научный оборот, а некоторые из них до сих пор представляют неиссякаемый источник для изучения, что несомненно можно отнести и к знаменитым «Запискам» Хлебникова [1].

Кирилл Тимофеевич Хлебников (1784–1838), уроженец г. Кунгура, выдающийся деятель Российско-американской компании, помощник главного правителя русских колоний в Америке, член-корреспондент Петербургской академии наук, в деятельности которого отразились наиболее существенные черты процесса исследования и освоения русскими Аляски, служил в Российско-американской компании с конца 1817 г. до осени 1832 г. (15 лет).

«Записки» К.Т. Хлебникова являются ценнейшим источником, в котором содержится весьма разносторонний материал по истории, экономике, культуре и образу жизни местного населения Аляски. В работе показан прогрессивный для своего времени характер освоения русскими Аляски, что выражалось не только в установлении торговых связей с коренными жителями и скупки пушнины, но и в развитии различных производств и ремесел (судостроение, добыча и выплавка меди), занятии сельским хозяйством. Этнографические зарисовки К.Т. Хлебникова отличаются доброжелательностью по отношению к коренному населению, а именно к алеутам, индейцам-колошам и эскимосам.

Исследователи «Записок» К.Т. Хлебникова (С.Г. Федорова, Г.А. Агранат, А.А. Преображенский и др.) анализировали материалы о сословной и профессиональной принадлежности населения, рассматривали информацию об условиях труда и быта, размере оплаты

работников, движение цен на различные товары, изучали состояние зверобойного промысла, описания поселений и др. Вместе с тем интереснейшие, хотя и не очень подробные сведения, приводимые К. Хлебниковым о внешности и одежде коренного населения, пока еще не были предметом специального исследования. А между тем разбросанная по тексту «Записок» информация о материалах для одежды (мех, кожа, сивучьи горла) и способах ее соединения (сухожилья и пр.), термины, обозначающие различные части костюма (камлейка, парка, торбаса, шапка) и разнообразные привозные ткани (дебурет, китайка, межеумок, миткаль, пестрядь, полотно фламское, равендук, тик, фриз, хрящ), наконец, информация о видах зверей (бобр морской, вешняя лисица, земляные лисицы, сиводушка, тарбаган) и типах меха (выпороток, выходной мех, лафтак бритый, оленина, ровдуга, яманья шесть) представляются весьма важными, так же как и упоминания о татуировании и пирсинге коренного населения.

Так, характеризуя обитателей Кадьяка, К.Т. Хлебников пишет: «Кадьякцы (алеуты) среднего роста, посредственного сложения, расположение лиц разнообразно, волосы грубые, черные, иногда заплетают в косы и подстригают спереди. Оба пола прокалывают носовой хрящ и нижнюю губу; в хрящ вставляют костяные палочки, а в губу стеклянные пронизки; ухо прокалывают кругом и обвешивают суклями (цуклями) и бисером. Женщины вышивают (татуируют) лоб, бороду (подбородок) и шею» (подчеркнуто нами. — *Н. К.*) [2].

Подтверждение этому находим у Джеймса Кука, который пишет о жителях Уналашки (Кадьяка): «Тело не красят, но женщины накалывают слегка лицо. Оба пола прорезывают нижнюю губу и в прорезы сии вставляют кости, но мужчины весьма редко, а женщины почти всегда. Те и другие ходят в серьгах» [3].

Адмирал Г.А. Сарычев отмечает, что алеуты: «Мужчины лица своего не портят, но женщины, желая украшаться, чрезвычайно себя безобразят и все одинаковым образом: они накалывают и натирают углем на щеках от нижней части носа к середине ушей по две дорожки, а от нижней губы к подбородку по одной широкой полосе, которые когда зарастут, получают синеватый оттенок. В носовой мякоти под хрящом прокалывают они дыру, в которой носят род серег... нанизанных бисером, кораллами и янтарем. Под губами прокалывают две дыры и вставляют в них по одной длинной косточке. К ушам вокруг пришивают нитками из жил голубой и белый бисер...» [4].

Из журнала мичмана В.С. Хромченко узнаем, что «все вообще американцы, коих мы здесь видели, росту среднего, лицом недурны. Мужчины прорезывают нижнюю губу и вставляют в дыру чисто обделанный камень яшмы или алебастра (вариант: серпентин, нефрит, смоляной камень). Женщины почти все малорослы,

довольно приятны лицом и ничем себя не безобразят. Кроме колец, кои они всегда носят по пяти и по шести, я никакого особенного украшения не приметил» [5].

Итак, приведенные нами примеры свидетельствуют об информации, зафиксированной по поводу нанесения татуировки, в основном у женщин, на подбородок, щеки, лоб единичными прерывистыми линиями (как бы вышивают), а также о наличии пирсинга — прокалывания носа, губ, ушей с целью украшения.

Отмечают исследователи и различные варианты причесок: «Жители Уналашки (Кадьяк)... все вообще малорослы, но в членах довольно есть соразмерности: лицо одутловатое и смуглое, глаза черные, волосы такие же прямые; мужчины стригут (их) спереди, а сзади отращивают, женщины подбирают к темю» [6]. Другой пример: «Женщины вообще на голове ничего не носят; задние волосы зачесывают в пучок повыше затылка, а передние от половины головы зачесывают на лоб и обрезают по самые брови» [7]. Интересно замечание о том, что «жена умершего, если она любила своего мужа, в знак печали обрезывает на голове свои волосы и оплакивает его несколько дней...» [8].

Среди косметических средств, используемых алеутами и эскимосами, встречается упоминание об урине (моче человека) для умывания, а также для вымачивания птичьих шкурок, при обработке кожи и т. д. [9].

О том, из каких материалов и как шили одежду, узнаем из сообщений В.С. Хромченко и Г.А. Сарычева: «...Индейцы (эскимосы) сказывали, что иногда бьют оленей, мясо употребляют в пищу, а кожи на одежду... Береговой промысел состоит в лисицах и речных бобрах...» [10] и «...на указательном персте ноготь отрощен и завострен, как ножик; оным (женщина) не только траву, но и жилы морских зверей разделяет на тонкие волокна, из коих сучит одними пальцами без всяких орудий самые тонкие ровные и чистые нитки, употребляемые для шитья платья и обуви. ...Впрочем, кроме одной парки, другого никакого платья не носят и ходят босиком» [11].

Несколько чаще встречается информация об одежде коренного населения. К.Т. Хлебников констатирует: «Платье природное составляли парки — птичьи, еврашечьи и тарбаганьи; камлеи — кишочные и горловые» [12]. Или «Одежда у обоих полов одинакова: нижнее платье из птичьих кож (шкурок), весьма чисто сшитое, а сверху — из кишок какого-либо большого зверя» [13].

Благодаря изданным научным исследованиям, посвященным изучению одежды народов Сибири и Дальнего Востока, а также коллекционным собраниям музеев России, в частности, Российского Этнографического музея (РЭМ), представляется возможным достаточно полно охарактеризовать упоминаемые типы одежды, приведя примеры экспонатов, хранящихся в РЭМ.

Парка — верхняя одежда глухого покроя из шкурок топорка и меха морской выдры. Начало XX в. Алеутские о-ва. Алеуты. Собрание РЭМ

Парка — мужская и женская верхняя одежда глухого покроя с прямым станом, вшивными рукавами и воротником-стойкой из меха морской выдры (калан) и птичьих шкурок водоплавающего топорка. На одну такую одежду уходило до 40 птичьих шкурок, которые сшивали головной частью кверху, чтобы вода стекала с их поверхности, не проникая между перьями. Одежда считалась очень прочной, она служила в течение 1–2 лет, не боялась ни сырости, ни воды. Подобная парка, принадлежащая алеутам с Алеутских о-вов, хранится в РЭМ (№ 8762–16692) и датируется началом XX в. [14].

Учитывая информацию «Записок» К. Хлебникова, можно добавить, что парка — название верхней прямой нераспашной одежды аборигенов Сибири и Русской Америки; соответственно материалу, из которого были изготовлены, они назывались птичьими, еврашечьими, тарбаганьими, выпороточьими (из шкур утробных или новорожденных оленей), ушканьими, оленьими, ровдужными, бобровыми.

Камлейка, камлея (от чукот. «кэмлилюн») — термин, вошедший в употребление в Русской Америке, верхняя одежда из кишок морских животных с рукавами, глухим воротом и капюшоном, которую надевали поверх меховой из птичьих шкурок одежды. Употреблялась алеутами и эскимосами в качестве водонепроницаемой одежды, которую шили из кишок сивуча, кита, медведя или из особой перепонки горла сивучей, представлявшей собой выделанные полосы, наподобие кишочных, но короткие и по фактуре своей более плотные, похожие на очень тонкую кожу.

Торбаса — высокие сапоги, характерные для эскимосов и алеутов; обувь, сшитая из кож морских животных (в т. ч. сивучьих горл) и меха, преимущественно оленьих камусов — шкур с ног оленя, ровдуги.

Промысловый головной убор алеутов, берингоморских и тихоокеанских эскимосов — деревянная шляпа из гнутой деревянной пластины конической формы или с открытым верхом, с удлиненным большим козырьком, украшенным резной костью, сивучьим усом, перьями, а у алеутских и тихоокеанских эскимосов — еще и полихромной раскраской. Шляпа являлась частью снаряжения охотника. Она защищала глаз от солнечных бликов на воде и морских брызг. Изготовление таких головных уборов из дерева и китового уса требовало большого мастерства и времени. Поэтому цена его могла быть очень высокой и равнялась, например, стоимости лодки. Подобная шляпа, хранящаяся в РЭМ, принадлежала алеутам с Алеутских островов [15].

Длительные контакты с русскими Аляски привели к существенным изменениям в костюме коренного населения, вернее, к внедрению неизвестных ранее материалов, и сосуществованию традиционного и нового в одежде аборигенов. Данные, приведенные К.Т. Хлебниковым о настоящем состоянии Уналашки и отделов оной (часть Лисьей группы и часть п-ва Аляски), красноречиво об этом свидетельствуют: «...Выше описано первобытное состояние жителей Лисьей гряды, то теперь во многом они изменились. Когда (была) устроена там церковь, то они оказались особенно усердны к оной, исполняя все обряды, какие выполняют и русские. От них приняли они и многие привычки и стараются подражать им в образе жизни, в платье и обыкновении. Каждый из жителей имеет рубашку, многие женщины ситцевое и китайчатое платье, а мужчины брюки, фуфайки, сюртуки и фраки, смотря по состоянию. Природное их платье — парки и камлейки — носят в зимнее время или в разъездах только для удобства» [16].

Промысловый головной убор — часть снаряжения охотника. Выполнен из дерева и китового уса, раскрашен. Конец XIX – начало XX в. Алеутские о-ва. Алеуты. Собрание РЭМ

Весьма любопытны сведения, приводимые К.Т.

Хлебниковым, об одежде, поставляемой русским учащимся в училище Уналашки (на 30 чел.): по 1 паре теплого платья из серого сукна (12 руб. 50 коп.); по 1 паре летнего белья из тика (6 руб. 50 коп.); по 2 пары башмаков из баранов шмаковской породы (3 руб. за шт.); 2 рубашки из холста средней грубости — межеумка (4 руб. 50 коп. за шт.); 1 фуражка из сукна (50 коп.); 3 аршина грубой холщовой пряжи — хряща для чулок (30 коп.).

Для больницы на 8 чел., в том числе: 24 рубашки холщовых (4 руб. за шт.); 8 халатов тиковых с подкладом (по 16 руб.); 8 птичьих парок для зимы (по 4 руб. 50 коп.); 16 пар чулок шерстяных (по 2 руб. 25 коп.); 8 колпаков шерстяных (по 1 руб. 50 коп.).

Для бедных девиц на каждую платья: по 1 парке птичьей; по 2 камлеи из ткани дебурета; по 3 рубашки из холста средней грубости межеумка; по 3 пары чулок; по 1 паре башмаков; по 2 пары торбасов» [17].

Таким образом, материалы по Русской Америке, собранные К.Т. Хлебниковым, представляют собой многоплановый источник, сообщающий разнообразную информацию, в том числе о внешности и одежде местного населения.

Примечания

1. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / сост., введ. и коммент. Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Федоровой; отв. ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1979. 280 с.

2. Там же. С. 22.

3. Там же. С. 92.

4. Там же. С. 100.

5. Там же. С. 234.

6. Там же. С. 92.

7. Там же. С. 100.

8. Там же.

9. Там же. С. 256.

10. Там же. С. 234.

11. Там же. С. 100.

12. Там же. С. 22.

13. Там же. С. 92.

14. Каталог выставки «Шубы, шубки, казакины». Верхняя одежда из собрания Российского этнографического музея. СПб., 2006. С. 18.

15. Калашникова Н.М. Головные уборы в собрании Российского этнографического музея (Набор открыток). СПб., 2005.

16. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. С. 110.

17. Там же. С. 132.

Н.А. Каргаполова (Москва)

Государственный Исторический музей и его американские выставки. 1999–2006 гг.

Государственный Исторический музей традиционно, с первых лет своего основания (1883), устраивает выставки, посвященные историческим связям России с другими странами. В течение семи последних лет наш музей разработал и реализовал следующие выставочные проекты на американскую тематику:

— «Неизвестные сокровища. Императорская Россия и Новый Свет». 1999–2001 гг. (Трентон, штат Нью-Джерси; Сент-Луис, штат Миссури; Шарлот, штат Северная Каролина; Сан-Франциско, штат Калифорния).

— «Русская Америка. Императорская Россия и Новый Свет». 2001 г. (Москва, Исторический музей).

— «Николай и Александра. В гостях у семьи последнего императора». 2004–2005 гг. (Санта-Фе, штат Нью-Мексико, Нью-Арк, штат Нью-Джерси, Тинциннат (штат Огайо).

— «Княгиня и Гражданин: Екатерина Дашкова, Бенджамин Франклин и Эпоха Просвещения». 2006 г. Филадельфия.

Эти выставки различны по своим концептуальным разработкам, тематической структуре, отбору экспонатов. Первая — **«Неизвестные сокровища. Императорская Россия и Новый Свет»** создавалась к 200-летнему юбилею Российско-американской компании. Инициатором ее проведения явился Фонд Американо-российских культурных связей в Вашингтоне. Организаторами и участниками являлись Фонд, ГИМ, ГАРФ, Национальный архив США, Департамент естественных ресурсов США.

Научной и экспозиционной разработкой выставки занимались представитель Исторического музея и куратор выставки с американской стороны. Проект ориентировался на исторические памятники ГИМ (около 400 предметов). ГАРФ участвовал 5 предметами, Американский департамент представил 20 предметов, Национальный архив США — 2, из частной коллекции в экспозиции присутствовала копия флага Российско-американской компании.

После колоссальных усилий по преодолению политических, экономических и бюрократических барьеров, как в России, так и в США, выставка без особых усилий преодолела тысячи километров

по Соединенным Штатам. Для выставки Фондом было закуплено специальное экспозиционное оборудование, приглашены независимые эксперты для проверки состояния сохранности вещей, подготовлены специальные ящики для транспортировки.

Выставка преследовала общеобразовательную цель, позволяла представить историю и культуру России, ее значение для американской истории в период формирования и развития отношений на протяжении XVIII – начала XX в., помогала узнать о роли государственной власти, землепроходцев, предпринимателей, моряков, ученых, дипломатов, писателей в «соединении» двух континентов. Эта выставка — самое грандиозное и, по сути, первое мероприятие, освещавшее историю взаимоотношений двух стран.

При разработке выставки учитывался важный фактор — американский зритель, который, подобно зрителю всех стран, хотел видеть выставку яркую, образную, наполненную интересными и необычными для него вещами, доступную в понимании исторических событий широкому кругу людей. Мы оправдали ожидания американцев, а американская пресса отмечала, что рассказ о малоизвестном прошлом велся в зрелищной высокохудожественной форме. Для лучшего восприятия теоретической основы экспозиции нами был избран жанр путешествия: из блистательного Петербурга, через Русский Север, Урал, Сибирь и через океан зритель направлялся к берегам Северной Америки, а затем обратно в Россию, но в уже гостеприимную Москву. Каждый из 8 разделов выставки предварялся большеформатными и прекрасно оформленными, доходчивыми по содержанию экспликациями. А тексты этикеток пространно информировали о значении того или иного персонажа, предмета, документа.

Открывала американскую экспозиционную эпопею динамичная и в то же время монументальная скульптурная композиция из серебра с изображением Петра I, стоящего на палубе ботика, «дедушки» русского флота. Автором модели был скульптор М. Антокольский, отливку скульптуры осуществила знаменитая французская фирма Фализ. Конечно, посетитель по достоинству оценил это произведение искусства, особенно вес экспоната — 22 кг серебра.

Этнографический вариант рукописной карты Первой Камчатской экспедиции В. Беринга (1725–1740), гвозди с корабля Беринга, найденные на месте зимовки экспедиции, — так «обыгрывался» в экспозиции первый российский государственный шаг навстречу Американскому континенту.

В петербургской панораме живопись, графика и вещевой материал раскрывали красоту столичного города, блеск Двора и деяния каждого императора по отношению к США от Екатерины Великой до Николая I. Отправной точкой для создания атмосферы светского Петербурга служили впечатления американских дипломатов, находившихся в то время на службе в Петербурге.

Удивление и восторг посетителя вызвали карнавальные сани конца XVIII в., украшенные скульптурной аллегорией «Торжествующая Минерва». Сани как бы продолжали стремительное экспозиционное движение, начатое «Петром I на ботике». Сани были задействованы в просветительском карнавале, устроенном по предложению Екатерины II в 1763 г., в начале ее царствования. Таким образом, начинался рассказ о просвещенной и мудрой политике Екатерины II, заложившей основу отношений между двумя странами. Из портретного ряда американцы выделяли портрет Александры Федоровны (художник Г. Крюгер) в платье русского образца, который был введен при Дворе по указу Николая I. Отметим, что мы подобрали изумительную по художественным достоинствам и по смысловому содержанию портретную галерею императоров, государственных деятелей, священнослужителей, купцов, моряков. Безусловно, в «петербургском» разделе интерес вызвали личные вещи императоров, ювелирные изделия, предметы дворцового интерьера.

Следующий раздел начинался с масштабной «Генеральной карты Российской империи» 1792 г., наглядно демонстрирующей территорию России, по которой предстояло пройти посетителю выставки к Тихоокеанскому побережью. На пути следования можно было увидеть наши замечательные памятники: 3-метровую картину В. Березина «Панорама Великого Устюга» 1795 г., города, из которого многие русские пришли на север Америки; картину на крышке свадебного сундука с изображением Нижнего Тагила 1840 г., позволившую сообщить, что из уральского железа изготавливались якоря и цепи, поступавшие в США для нужд американского флота. Оконницы, нарядные архитектурные доски, керамика, пряничные доски и подлинные пряники XIX в., травники, костюмы, предметы, принадлежавшие коренным народам Сибири и Чукотки (одежда, ритуальные вещи), были призваны дать представление об исторической жизни, характере культуры России и ее народов. Таким образом, посетитель мог увидеть колорит традиционной культуры, особенности другой по сравнению с Петербургом жизни.

Портреты купцов, мачта речного судна XVIII в. с навершием в виде солнечного круга и хоровода, деревянная скульптура Параскевы Пятница XVII в., предметы быта (сундук-подголовок, амбарные замки, счеты, расписная бочка из Прибайкалья и т. д.), акции РАК великоустюжского купца, именная медаль «Каргопольскому купцу Боранову в воздаяние усердия его к заведению и расширению в Америке Российской торговли» и др. освещали роль купцов и предпринимателей в освоении новых земель.

Следующий раздел — морское путешествие. Впервые экспонировались огромные карты русских открытий в Тихом океане XVIII в. На фоне картографических морских просторов располагался корабельный комплекс: макет парусника, корабельные приборы, ну-

мизматический материал. Здесь же речь шла и о первом русском кругосветном путешествии 1803–1806 гг.

Собственно «американский» раздел начинался с произведений Н. Уткина, Г. Сарычева, Г. Китлица и неизвестных художников, передававших в графике образы коренного населения. В этом разделе происходила встреча с главными героями истории Российско-американской компании — Г.И. Шелиховым, А.А. Барановым, Н.П. Резановым. Два последних персонажа были представлены в живописных полотнах, являющихся нашими «американскими» реликвиями. Здесь же присутствовал комплекс служащего РАК Л.А. Загоскина (его «Пешеходная опись части русских владений» и его личные вещи).

Изображение кораблей РАК, кожаные денежные знаки, списки товаров и акционеров компании информировали о характере торговли и о социальном статусе акционеров. Бытовые предметы: курительные трубки из керамики и кости, стеклянные подвески от люстры, ложечка для соли, фрагменты китайской фаянсовой посуды, фрагменты икон, а также пуговицы от русского мундира, пушечное ядро предоставил музей г. Ситки. Вещи были обнаружены в результате археологических раскопок на месте русских поселений (на Кастл Хилл), произведенных в 1995–1998 гг. силами Археологического университета на Аляске и волонтерами в рамках специального проекта. Всего за время раскопок было найдено 4 100 предметов и около 300 000 фрагментов. Среди находок — фрагменты кузницы, куски текстиля, фрагменты ритуальной орнаментированной одежды «вороний хвост».

Раздел, посвященный главной хранительнице русского наследия в США, православной церкви, включал портреты Иннокентия, Филарета, Иоанна, их автографы. Интересно фото 1870-х гг. Иннокентия вместе с его сыном Гавриилом, священником Амурской экспедиции, и внуком. Иконы, облачение, церковная утварь, книги с миниатюрами рассказывали о высокой духовности, торжественности двухтысячелетних обрядов новой для западного полушария веры. В первый раз выставлялась уникальная одежда священнослужителя из оленьего меха и кожи XIX в.

История РАК на выставке заканчивалась запиской великого князя Константина Николаевича, самого либерального представителя императорского Дома, министру финансов М.Х. Рейтерну 1857 г. с анализом состояния дел компании и определения причин ее неудач (ГАРФ). Поскольку американский зритель документы вообще, а особенно на незнакомом языке, воспринимает относительно равнодушно, «Записка» находилась рядом с дворцовым сервизом, изготовленным в честь свадьбы великого князя. Увидев портрет человека в морской форме и изумительный по красоте сервиз, естественно, зритель обращал внимание на документ и на этикетаж, объясняющий его смысл.

Вернувшись в Россию, в Москву, посетитель выставки прежде всего читал объявление о коронации императора Александра II, на

время правления которого приходился пик дружественных отношений.

Картина Шварца с изображением момента въезда коронационной процессии на Красную площадь, часть конской коронационной упряжи, оформленной бархатом и позолоченной бронзой, парадные мундиры и платье подчеркивали торжественность и важность для империи ритуала коронации.

В Москве заканчивалось путешествие, но именно здесь открывалась новая страница экономического сотрудничества. Здесь речь шла о возникновении в 1913 г. Российско-американской торговой палаты, цель которой — «теснейшее сближение России с великой американской демократией на экономической почве». Некоторые российские предприниматели в начале XX в. видели в Америке пример творческого энтузиазма и разумной практичности и подводили к созданию в империи предприятий с крупным американским капиталом. Этикетажные тексты, размещенные рядом с портретом председателя палаты Н.И. Гучкова, образцами тканей товарищества «П.И. Оловянишникова», «Э. Циндель», владельцы которых были членами палаты, информировали о деятельности палаты.

О своеобразии общественных связей России и США последней трети XIX в. позволяли узнать: адрес от американцев, проживавших в Москве, В.А. Долгорукову 1890 г. в связи с 25-летием пребывания его на посту генерал-губернатора, письмо крестьян с. Александровка Тамбовской губернии с выражением благодарности американскому народу за присылку хлебной муки в период голода 1892 г.; письмо Л.Н. Толстого в американскую газету с его мнением о Русско-японской войне, книга Г. Кеннана «Сибирь и ссылка», вышедшая в России в 1906 г.

Естественно, московский колорит этого раздела выставки очень нравился посетителю, т. к. изобиловал памятниками, выполненными в национально-романтическом стиле. Многие отмечали поразительную разницу предметов русского прикладного искусства 1880-х гг. – начала XX в. с теми дорогими русскими сувенирами, которые продавались в музейном магазине.

Завершали всю эту необычайно разнообразную и красочную экспозицию адрес граждан США Александру II 1865 г. с благодарностью за сочувствие и поддержку Федеральному союзу в годы войны между Севером и Югом (ГАРФ) и письма императора Александра II и президента Линкольна из Национального архива США.

После Сан-Франциско выставка вернулась в Москву и была представлена российскому посетителю, но уже в адаптированном виде. Создавая **«Русскую Америку. Императорскую Россию и Новый Свет»**, мы отказались от многих предметов, хорошо известных нашему посетителю, и акцент сделали на представление таких материалов, которые давали бы российскому посетителю более глубокие

знания о бывших российских владениях и специфике российско-американских отношений. Здесь также привлекались прежде не экспонируемые памятники.

Тематически выставка делилась на разделы, посвященные землепроходцам, мореплавателям, Российско-американской компании и Русской Америке, дипломатии, государственным и общественным связям.

Благодаря участию в выставке АВПРИ и ГАРФ на выставке оказался роскошный документальный и картографический материал.

На московской экспозиции вслед за картой В. Беринга следовала рукописная Карта Камчатки, Алеутских островов и Аляски, составленная капитаном Т.И. Шмалевым 1775 г., — уникальное произведение географической и картографической науки, а также памятник национальной культуры (АВПРИ). Из АВПРИ мы получили План строения Воскресенской гавани в Чугатской губе, составленный Я. Шильцем в 1794 г. Из собрания ГИМ экспонировалась еще одна реликвия — известное письмо на моржовом клыке участника Северо-Восточной экспедиции Н. Дауркина с сообщением о его плавании к берегам Аляски.

Тему вооруженного нейтралитета пополнили «План Семи Островов» (северное побережье Кольского п-ва, где действовала эскадра под командованием героя Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. С.П. Хметевского, и «План гавани Порто-Феррайо» 1780–1782 гг. (района крейсирования в Западном Средиземноморье), которая использовалась русским флотом для ремонта судов.

Сохранился на нашей выставке сибирский, чукотский этнографический материал, виды сибирских городов, комплекс генерал-губернатора Сибири Д.И. Чичерина, поскольку никогда прежде эти памятники не выставлялись.

Экспозиция истории РАК получила основополагающие материалы: Жалованную грамоту Павла I об учреждении Российской Американской компании, о покровительстве Павла I над компанией и о даровании ей на 20 лет привилегий, от 27 декабря 1799 г.; «Начертание правил учреждаемой компании для промысла в Америке и на островах Северо-восточного моря». Январь 1799 г.; Инструкцию министра коммерции графа Н.П. Румянцева посланнику к японскому двору действительному камергеру Н.П. Резанову от 10 июля 1803 г. (АВПРИ).

Расширился комплекс, посвященный легендарной личности — сенатору Н.П. Резанову. АВПРИ предоставил записку Н.П. Резанова «О Восточном крае Сибири и американских областях» (б. д.); журнал путешествия Н.П. Резанова «Первое путешествие россиян около света, совершившегося во дни Александра I» (Июнь 1803 – май 1804 г.); две черновые тетради журнала путешествий Н.П. Резанова (22 апреля – 22 мая 1805 г.). Впервые посетители смогли увидеть и вазу из моржовой кости «Времена года», входившую в число подарков, предназначенных для японского императора (ГИМ).

В Историческом музее состоялась «встреча» Н.П. Резанова и Кончиты Аргуэльо. Заметим, что выставка в Сан-Франциско проходила в доме, где родилась Кончита. Родственники американского художника русского происхождения А. Соколова, посетив нашу выставку в Сан-Франциско и увидев портрет Резанова, решили подарить нам портрет Кончиты, который А. Соколов, вдохновленный романтической любовью русского и испанки, написал в 1961 г. Теперь портреты этих двух самоотверженных людей находятся в Историческом музее.

Расширили представление о торговой деятельности РАК такие документы, как договор Шелихова с А.А. Барановым о назначении Баранова «управителем» Северо-восточной компании (17 августа 1790 г.); письмо Джона Астора А.А. Баранову из Нью-Йорка 1809 г. по поводу устройства торговых отношений, записка российского вице-консула в Калифорнии П.С. Костромитинова поверенному в делах России в США Э.А. Стеклю о торговле льдом РАК с компанией Б. Сандерса (1854). Об имперских амбициях, получивших распространение в русском обществе первой четверти XIX в., свидетельствовали проект декабриста Д.И. Завалишина «Ордена восстановления», призванный способствовать присоединению Калифорнии к Российской империи, а также его рисунки с изображением флагов, знаков и прочей атрибутики «Ордена» (1822–1824).

К разделу, рассказывавшему о коренных жителях Америки, добавились промысловая алеутская одежда «камлейка», алеутский бумажник с острова Кадьяк, тлинкитские шляпы. (Эти памятники попали к нам из Румянцевского музея, а туда — из коллекции Ю. Лисянского).

Православная тематика обогатилась списком с именного указа Екатерины II Синоду «Об учреждении Викарного епископа Иркутской епархии для распространения христианской веры между народом, в Северной Америке обитающем, с наименованием его епископом Кадиякским» (19 июля 1796 г.) (АВПРИ) и интереснейшим дневником путешествия диакона Никиты Омофорского от Судогды до Аляски 1841–1846 гг. (ГИМ).

Изобразительный и вещевой ряд раздела «Дипломатия» был подкреплен Рескриптом Александра I о назначении А.Я. Дашкова русским консулом в США (1808) (ГАРФ); грамотой президента США Т. Джефферсона Александру I о назначении У. Шорта американским посланником в Санкт-Петербурге (август 1808 г.); кредитивной грамотой президента США Дж. Медисона Александру I о назначении Д.К. Адамса посланником в Россию 10 июля 1809 г. Эти документы высокого государственного уровня наглядно рассказывали о процедуре заключения дипломатических отношений, растянувшихся на три года.

Говоря о дипломатии первых, отметим, что на выставке впервые были выставлены редчайшие акварели американского худож-

ника, приверженца «Школы реки Гудзон», Х. Рейнагля, которые привез в Россию А.Я. Дашков, выполняя распоряжение императора Александра I, пожелавшего ознакомиться с искусством молодого государства. С величайшими трудностями эти произведения были собраны и доставлены в Россию.

Впервые ряд документов покинул спецхраны АВПРИ: Трактат о торговле и мореплавании 18 декабря 1832 г.; Отношение управляющего Морским министерством вел. кн. Константина Николаевича министру иностранных дел А.М. Горчакову с предложением продать российские североамериканские колонии Северо-Американским Соединенным Штатам 22 марта 1857 г. с пометой Александра II: «Эту мысль стоит сообразить», и Американская ратификационная грамота конвенции об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам российских североамериканских колоний 28 мая 1867 г. Русско-американские переговоры об уступке Аляски и Алеутских островов с самого начала велись в строгой секретности и, в целях соблюдения тайны переговоров, не протоколировались, поэтому этот документальный комплекс имел повышенный интерес у современного посетителя выставки.

На нашей выставке пребывание чрезвычайного посланника США Г. Фокса в Россию в 1866 г. освещали меню торжественного обеда в Кронштадте, литография с изображением приема американской делегации в Купеческом собрании и Дело III отделения С.Е.И.В. Канцелярии «О путешествии по России Североамериканского Посольства. Июль–сентябрь. 1866»

На московской выставке присутствовали также американская археология и ряд новых экспонатов. Музей семинарии св. Германа на Кадьяке предоставил икону «Вхождения Теотокоса в храм», написанную на Аляске православным индейцем в конце XIX в., Евангелие от Матфея на старославянском и алеутском языках (перевод Иоанна Вениаминова) (СПб., 1848) и Алеутский букварь Иоанна Вениаминова, изданный в 1893 г.

Выставка заканчивалась документами, передающими атмосферу бурного периода российской истории, продолжавшейся уже без императора. Две страницы машинописного текста заявляли о новой эпохе взаимоотношений: стенограмма речи министра иностранных дел М.И. Терещенко на приеме американской Особой дипломатической миссии 1/15 июня 1917 г. и стенограмма речи главы американской миссии Рута на приеме министра иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко (ГАРФ). В речи Рута говорилось: «Известие о новосозданной свободе России вызвало в Америке всеобщее удовлетворение и радость. Изо всей страны симпатия и надежда пошли навстречу новой сестре в кругу демократий и миссия эта прислана, чтобы выразить это чувство. Американская демократия посылает демократии России привет, симпатии, дружбу, братство и пожелание Божьей помощи».

Выставка **«Николай и Александра. В гостях у семьи последнего императора»** была совершенно другого характера. 250 экспонатов выставки «вводили» в бытовую и духовную атмосферу жизни семьи российских венценосцев. Посетитель получал своеобразное приглашение погостить в Александровском дворце Царского Села под Санкт-Петербургом. Гость проходил через приемную дворца, его гостиные, кабинеты, детские комнаты. Американские дизайнеры смогли усилить эффект присутствия в дворцовых помещениях, оформив стены выставочных залов увеличенными фотографиями интерьеров царских покоев и оклеили часть экспозиционных комплексов копиями обоев, бытовавших во дворце.

Российские события XX в. раскидали сохранившиеся вещи по разным частям света, музеям, частным коллекциям. В США вещи впервые вновь встретились, благодаря инициативе Фонда Американо-российского культурного сотрудничества, работе сотрудников Царского Села, Павловска, Государственного архива Российской Федерации, Государственного Исторического музея, Музея игрушки Сергиева Посада, поддержке музея Нью-Орлеана, владельцев частных коллекций, которые предоставили на выставку 60 экспонатов.

Пример. Когда-то в Муаровой гостиной императрицы на письменном столе стоял букет ландышей — творение ювелирной фирмы К. Фаберже. Эту корзиночку ландышей, любимых цветов Александры Федоровны, подарили ей сибирские предприниматели во время посещения царской семьей Всероссийской Нижегородской выставки в 1896 г. Простоял букет в гостиной до 1917 г. В 1930-е он уже пребывал в США, украшая дома богатых американцев, пока не попал в музей изобразительных искусств Нью-Орлеана. Письменный стол из гостиной, как и многие предметы интерьера, бесследно исчез. Много позже, выброшенный на городскую помойку, случайно попал на глаза хранителю музея, прекрасно знавшему убранство царских комнат, и был водворен в Александровский дворец. На столе — Евангелие, изданное в 1914 г. Маленькая книжка в простом коленкоровом переплете с надписью, сделанной императрицей: «Спаси и Сохрани. Александра. Ц.С. Ноябрь. 1914» (ГИМ). Уже летом 1914 г. в Царском Селе стали открываться лазареты, организованные семьей императора. Александра Федоровна с великими княжнами почти ежедневно посещали госпитали. Занимались перевязками, ухаживали за ранеными. Евангелие вручалось каждому раненому. Один из них, владелец этой книги, очутился впоследствии в Белграде. Потом он передал эту реликвию в музей Николая II, созданный в этом городе. После Второй мировой войны Евангелие через Комитет Культпросвета оказалось в 1947 г. в Историческом музее. На американской выставке оно опять лежало на письменном столе императрицы, как в те времена, когда Александра Федоровна делала на нем надпись.

Хозяин дворца император Николай II на живописных портретах и фотографиях не выглядит по-царски. Отобранные на выставку портреты подчеркивают мягкость натуры «хозяина Земли Русской», добрые, смиренные глаза, предвидящие, по словам американской прессы, трагическое будущее. Репинский портрет императора (ГИМ, им начиналась выставка) в форме полковника лейб-гвардии Преображенского полка написан весной 1896 г. накануне коронации, состоявшейся в 14 мая 1896 г. Портрет Николая II кисти Э. Липгарта создан художником в Царском Селе в 1897 г., затем он экспонировался в русском павильоне на Всемирной выставке 1904 г. в Сент-Луисе (штат Миссури) и после продажи очутился в частной коллекции. До этой выставки портрет никогда не выставлялся и не публиковался.

В «кабинете» императора посетитель выставки мог видеть предметы, пожалованные Николаем II своим подданным за заслуги или в честь какого-либо события. Один из демонстрируемых золотых портсигаров, изготовленный фирмой Фаберже, был пожалован американскому инженеру. Американцам любопытно было прочитать письма, выбранные из большой корреспонденции императора специально на эту выставку. Показывались письма простых американцев из Техаса, Калифорнии, Массачусетса. Девочка Элизабет Ли из Вирджинии начинала свое письмо словами «Дорогой Царь» и далее просила выслать ей русские почтовые марки для ее коллекции (ГАРФ).

На выставке очень много фотографий. Семья императора увлекалась съемками. Каждый имел свою камеру, сам снимал, проявлял, печатал. Эти любительские фотографии обладали потрясающим воздействием на зрителя. На снимках — простые, обаятельные люди работают в саду, катаются на лодках, купаются, играют с собакой, гуляют у речки или в парке, музицируют и т. п. И это — мгновения жизни царской семьи, семьи, стоящей во главе могущественной, но неумолимо двигающейся к своей гибели империи.

Концептуальное решение экспозиции американскими коллегами сознательно не касалось бурных событий за окнами дворца. Хотелось показать жизнь крепкого семейства, в котором все безмерно любят друг друга. Подчеркивалась религиозность семьи. Восхищала зрителей своими золочеными, синими и зелеными главками модель Троице-Сергиевой лавры, подаренная цесаревичу Алексею в 1913 г., в дни празднования 300-летия Дома Романовых.

Экспонировалось много икон, прежде принадлежавших царской семье, а ныне находящихся в США. В состав выставки некоторые вошли из частных собраний или музейных коллекций. Например, складень 1895 г. — подарок жителей Петербурга Николаю Александровичу и Александре Федоровне в честь рождения их первенца — Ольги Николаевны, передала на выставку Русская Галерея из Нью-Йорка.

Не были ли разочарованы американцы, не увидев в личных покоях восточной роскоши, семейных драгоценностей, ослепляющего

блеска золота и бриллиантов? Разочарование не постигло никого. Выставка размещалась в прекрасных зданиях. Ни одна выставка прежде не собирала в музеях столько народа. Отзывы самые восторженные и трогательные. Какие красивы и милые люди русский царь и царица, какие очаровательные их дети. Как их жалко. Печальна неизлечимая болезнь царевича. Как понятна любовь княжны Ольги и Павла Воронова. Как любопытна история о казаке Андрее Кудинове, телохранителе императрицы Марии Федоровны, фигуру которого запечатлел по заказу императора ювелир Фаберже (присутствовала на выставке) и о многом другом, что близко и понятно каждому человеку любой страны.

Выставка 2006 г. **«Княгиня и гражданин: Екатерина Дашкова, Бенджамин Франклин и Эпоха Просвещения»** проходила в Филадельфии в здании Philosophical Hall, где располагаются выставочные помещения Американского философского общества. Она была приурочена к 300-летию со дня рождения Б. Франклина, выдающегося государственного деятеля Соединенных Штатов Америки, крупного ученого, незаурядной личности.

Отправной точкой концептуальных поисков автора выставки, директора Музея Американского философского общества г-жи Сью Энн Принс, было желание создать нечто оригинальное, отличное от хрестоматийного показа жизни и деятельности Франклина. Для экспозиционной интриги фигура княгини Е.Р. Дашковой, личности, отмеченной европейской известностью, подруги императрицы Екатерины II, была необычайно любопытна. Интригующим началом выставки стало противопоставление двух персонажей: они были выходцами из противоположных концов мира, она — русская княгиня; он — американский типограф, ученый, государственный деятель. Она — подруга монарха, Екатерины Великой; он — враг монарха, Георга III. Объединяли обоих героев идеи Просвещения. Немаловажным фактором в выборе персоны для сопоставления с Франклином стали факт личного знакомства его с княгиней Дашковой (оно произошло в 1781 г. в Париже), а также взаимное признание ими заслуг друг друга.

Оба героя — дети и выдающиеся деятели Эпохи Просвещения, идеалы которой играли значительную роль в жизни каждого из них; они оба не только изучали идеи европейских философов, но и размышляли об их применимости на родной почве; оба — люди, сделавшие себя сами; оба внесли заметный вклад в дело организации и развития науки у себя на родине; оба оставили мемуары — не просто воспоминания, а произведения, в которых каждый из них стремился создать свой имидж, согласно своим идеям и представлениям.

Организаторам выставки удалось собрать и представить публике немало интереснейших экспонатов о жизни и деятельности двух избранных персонажей из собраний Американского философско-

го общества, Библиотеки Конгресса США, Бостонской публичной библиотеки, Шотландской национальной библиотеки (Эдинбург), Ирландской Королевской академии (Дублин), Библиотеки Лилли при Университете штата Индиана (Блумингтон), из Музея Хиллвуд (Вашингтон). Из России привезли свои реликвии Государственный Исторический музей, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургское отделение Архива РАН и Кунсткамера. Отдельные предметы из своей коллекции предоставил потомок Е.Р. Дашковой А.И. Воронцов-Дашков, живущий в Америке.

Среди живописных портретов княгини Е.Р. Дашковой были изображение юной княгини в мундире лейб-гвардии Кирасирского полка (ГИМ), а также полотно кисти Д.Г. Левицкого (1784 г.) из Музея Хиллвуд в Вашингтоне.

На выставке экспонировалось множество рукописных источников, среди них — переписка Дашковой с Франклином. О факте приема Б. Франклина в почетные члены Петербургской академии наук свидетельствует подлинник пересланного ему диплома академии от 2 ноября 1789 г., хранящийся ныне в Бостонской публичной библиотеке, а о приеме княгини Дашковой в члены Американского философского общества — рукописная заверенная копия диплома на это звание, которую Дашкова приказала сделать в академической канцелярии в 1791 г. с подлинника 1789 г., присланного ей из Филадельфии (Петербургское отделение Архива РАН).

Украшением выставки в Филадельфии стали обер-офицерский мундир лейб-гвардии Преображенского полка образца 1762 г., подобный тому, который был на юной княгине Дашковой в день переворота 28 июня (ГИМ), слепящие блеском бриллиантов звезда и знак ордена Св. Екатерины I степени — один из немногих сохранившихся экземпляров XVIII в. (Музей Хиллвуд), коллекция русских медалей — та самая, которую Дашкова подарила Эдинбургскому университету по окончании курса обучения там ее сына Павла (Шотландская национальная библиотека). Невозможно не упомянуть о двух реликвиях екатерининской эпохи, которые увидели посетители выставки. Первая — это рукописный экземпляр «Наказа» Екатерины II Уложенной комиссии 1767 г., в значительной части — автограф императрицы, который она передала на хранение в Петербургскую академию наук. Специально для него в 1776 г. столичный мастер Е. Гастеклу выполнил серебряный футляр (Петербургское отделение Архива РАН). Вторая — редчайший экземпляр первого издания 1790 г. знаменитой книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (Библиотека Конгресса США).

Мы надеемся, что выставочная деятельность Исторического музея внесет достойный вклад в плодотворное развитие отношений между Россией и США и сыграет немаловажную роль в формировании положительного образа России в общественном сознании иностранных граждан.

В.Г. Колычев (Москва)

Российско-Американская научно-исследовательская экспедиция «Русское открытие Америки. По следам великих мореплавателей»

(Поиск свидетельств о пропавших у берегов Аляски моряках пакетбота «Св. Павел», 1741 г.)

В августе 2007 г. отмечалось 275 лет плавания бота «Св. Гавриил» под началом подштурмана Ивана Фёдорова, геодезиста Михаила Гвоздева, морехода Кондратия Мошкова. 21 августа 1732 г. русские мореплаватели первыми из европейцев достигли северо-западного побережья Америки и вступили в контакт с коренными жителями этой части света — Аляски. Это произошло у мыса, названного значительно позднее именем принца Уэльского, которому — по праву — следует присвоить имя русских первооткрывателей.

Академик Н.Н. Болховитинов замечает, что «гораздо большее значение для открытия и колонизации северо-западной Америки имело, однако, не плавание Фёдорова и Гвоздева 1732 года, а знаменитая Камчатская экспедиция Беринга–Чирикова 1741 года», совершенная на пакетботах «Св. Петр» и «Св. Павел»... «В итоге русских экспедиций XVIII века Азия „сошлася“ с Америкой, и между двумя соседними континентами завязались более или менее систематические контакты. Россия стала не только европейской и азиатской, но и, в какой-то мере, американской державой. Появился и завоевал права гражданства термин „Русская Америка...“» (Россия открывает Америку. 1732–1799. М.: Международные отношения, 1991).

История вопроса

На семнадцатый день плавания после выхода из Авачинской бухты шторм и туман развели пакетботы «Св. Петр» капитан-командора В.Й. Беринга и «Св. Павел» капитана А.И. Чирикова...

После продолжительного 6-недельного вояжа «на восток» первыми заметили американский берег с парусника «Св. Павел». Это событие произошло в ночь на 16 июля у острова Бейкера (Baker Is.), один из мысов которого будет назван мореплавателем Ю.Ф. Лисянским именем Чирикова.

Записи в «Судовом журнале», которые велись А.И. Чириковым на

пути к Америке, раскрывают цепь драматических событий, происшедших у одного из новооткрытых островов архипелага Александра.

...18 июля, 15 часов пополудня для взятия воды и исследования берега были отправлены 11 человек на ланг-боте.

При достижении берега люди Чирикова должны были подать сигнал ракетой. При задержании на берегу из-за непогоды предписывалось развести костер. Люди не вернулись. В этот и последующие дни сигналов с берега не было замечено.

23 июля. На берегу, в той стороне, куда отправились «чириковцы», был замечен костер, а в полночь — огонь.

24 июля. Для оказания помощи к берегу была отправлена вторая и последняя лодка (ялбот) с 4 человеками, включая плотника и конопатчика. И эти люди также исчезли, и сигналов с берега не было замечено. Вечером на берегу вновь виднелся огонь.

25 июля. Из заливы, куда ушли обе лодки, к паруснику выходили две туземные лодки. Сидевшие в них американцы дважды кричали «Агай, Агай» и ушли к берегу. Чириков решил, что его люди захвачены в плен или убиты. Оставшись без лодок, с иссякавшим запасом воды, экипаж не мог продолжать длительное плавание и исследование берегов.

26 июля. Совет офицеров принимает вынужденное решение о возвращении на Камчатку.

Загадка Аляски

До наших дней остается невыясненной судьба пропавших у берегов Аляски 15 моряков парусника «Св. Павел». Загадку исчезновения русских моряков пытались разрешить многие исследователи и мореплаватели. Еще великий Ломоносов задавался вопросом о пропавших у берегов Аляски моряках II Камчатской экспедиции: «...весма уповательно было бы получить известие о тех россиянах, коих на западном берегу Чириков потерял».

Попытки в «отыскании наших соотечественников, оставшихся на матером берегу Америки от капитана Чирикова», предпринятые в правление Л.А. Гагемейстера по поручению Российской-американской компании, были малоактивны и поэтому безуспешны. Индейские предания лишь сгущали завесу таинственности над случившимся.

Американский историк Ф.А. Гольдер, изучавший российские архивы в 1920-е гг., признал, что «...исчезновение чириковских людей останется одной из неразрешимых загадок Севера...»

Алексей Чириков

Заслуги Алексея Ильича Чирикова — ученого-мореплавателя высоко оценили его современники: ученый Михаил Ломоносов, ака-

демик Георг Миллер, видный историк Российского флота А.П. Соколов.

Небезразлична и нынешним поколениям трудная и славная судьба капитан-командора А.И. Чирикова — видного деятеля Российского флота, уроженца Тульской земли, воспитанника морских учебных заведений Москвы и Санкт-Петербурга, отмеченного похвалой самого Петра Первого.

В декабре 2003-го — в год 300-летия рождения А.И. Чирикова — по инициативе Общества «Русская Америка» и Центра северо-американских исследований Института всеобщей истории РАН в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье» состоялась научная конференция, собравшая исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга и Тульской области. По благословению архиепископа Аляскинского, Анкориджского и Ситкинского Николая был отслужен молебен в храме св. вмц. Екатерины, где расположено подворье Православной церкви в Америке, по завершении которого состоялась перекличка колоколов России и США. В память выдающегося мореплавателя — первооткрывателя Аляски колокола звонили в Москве и на Аляске, а также в с. Аверкиевское-Лужное Тульской области — на родине А.И. Чирикова. В те же памятные дни в Тульской глубинке состоялось открытие музея Чирикова.

Задачи проекта

Основной задачей проекта было выявление места высадки или возможной трагической гибели моряков пакетбота «Св. Павел» — одного из кораблей Второй Камчатской экспедиции (1741 г.), а также поиск возможных свидетельств о первой встрече двух цивилизаций, произошедшей 265 лет назад у берегов Аляски.

В теоретической подготовке использовались материалы, изложенные в научном исследовании «Плавание А.И. Чирикова на пакетботе „Св. Павел“ к побережьям Америки» академика Д.М. Лебедева и приведенный там же раздел «навигационный разбор плавания „чириковцев“» морского офицера Г.К. Шумейко. В III части книги опубликована копия «Судового журнала», который вел А.И. Чириков. Авторы склоняются к версии о гибели «чириковцев» и как на возможное место происшедшего указывают залив Таканис.

Уже по прибытии на Аляску представилась возможность познакомиться с местностью, на которой предстояло провести исследование. В наше распоряжение были представлены Топографический атлас Аляски, навигационная карта **«U.S. Coast Pilot...»**, крупномасштабная топографическая карта **острова Якоби...**

Теорию предстояло поверить проведением поисковых работ «на месте».

Плавание Чирикова

Ожидая сотоварищей и курсируя в течение недели вблизи неизвестной «бухты или заливы», капитан «Св. Павла» имел возможность тщательно осмотреть и описать местность, ставшую **фатальной** для экспедиции: наиболее приметные вершины гор этой местности были **взяты** за пеленги. В «Судовом журнале» Чириков указывает **«ширину» (широту)** «заливы», в которую направились лодки в 57 градусов 50', а **«длину» (долготу)** от Вауа (ныне мыс Вертикальный, Камчатка) — 58 градусов 54'.

На ширине 57.50', указанной Чириковым, находится выход из пролива Лисянского в Тихий океан. Ширина пролива в этом месте составляет около 0,8 мили, и со стороны океана пролив действительно можно принять за бухту или залив.

В отчетных же документах, представленных Чириковым в Императорскую Адмиралтейств-Коллегию, местонахождение «заливы» указано на широте 58 градусов. Разница составляет 10 минут, или 10 морских миль (около 19 км). (Указанная Чириковым широта в 58 градусов проходит по заливу Surge — Большая волна.)

Для нас было важно отыскать или увидеть со стороны океана схожую с описанием в «Судовом журнале» местность.

В «Судовом журнале» записано:

«В 3 ½ часа, подошед сколько можно к берегу, отпустили бот и на нем послан флотцкой мастер Дементьев... в показавшуюся нам заливу...». «К тому месту, в которое послан бот взяты обстоятельный пеленги, которые в своем месте здесь и описаны, также и приметы для знания оного места описаны ж».

Корабль Чирикова на время высадки лодки Дементьева находился в двух верстах от берега.

В **4 часа** в журнале записано: «легли в дрейф и бросили лот, глубина воды 65 сажень» (морская сажень равнялась 1,83 м). Скорость движения корабля на 4 часа при этом составила 1,5 узла (1,5 мили, или около 2,7 км). Заметим здесь, что **длина бухты Surge, о которой речь пойдет дальше, составляет 4,1 мили (7,5 км)**. Это наиболее широкая, идущая вдоль линии берега бухта, рисунком напоминающая дугу. Пролив Лисянского укладывается в 0,8 мили (почти 1,5 км).

В начале 5-го часа (т. е. примерно через час после отправления бота «на берег») он заносит в журнал «усмотрение мест и прочего». Чириков описывает местность:

— видны остроконечная «вострая» гора, за которой другая широкая со снегом NO3/4O» по направлению на северо-восток (53 градуса), и, очевидно, более высокая (так как она была покрыта снегом),

— «и бухта или залива, в которой бот послан NNO3/4O в 5 минутах», на северо-восток (30 градусов) на расстоянии 5 миль...»,

— На северо-северо-восток (70 градусов) был виден еще один остроконечный пик «при том же еще гора, у которой верх остр покривлен на правую сторону, когда на нее смотришь, оная была NNO3/4O»,

— «против нее лежит или мало поюжнее островок или закосок от берега невысоко, на котором лесу немного высокого...»,

— «Во окончание суток видели землю, протязующуюся к северу высокими горами, которые покрыты снегами, кончались оные в виду на NWtN(326 1/4N= 326+3=329 градусов)».

Из навигационных инструментов того времени в распоряжении экспедиции имелись градшток и квадрант — для определения географической широты; приборов для определения долготы еще практически не существовало; для определения времени суток пользовались песочными и солнечными часами; компас, подзорная труба. Только большой опыт и высокое мастерство судовождения могли восполнить острый недостаток профессиональных навигационных приборов. Тем не менее, как отмечают современные штурманы, «плавание Чирикова по широте было достаточно точным для того времени: широты определенных им географических пунктов отличаются от истинных в среднем на 6–8 угловых минут, т. е. находятся в пределах погрешностей инструментов... Плавание Чирикова было точнее и увереннее (в сравнении с плаванием пакетбота «Св. Петр» под командованием В. Беринга. — *В. К.*), в плавании к берегам Америки держался ближе к параллели и во всем проявлял большое навигационное искусство».

К Тихому океану. 2005 г.

Самолет «Аэрофлота» — официальный перевозчик экспедиции — доставил двух российских участников на берега Нового Света в г. Сиэтл, откуда рейсом компании «Alaska Airline» мы перелетели к небольшому городку Джуно, являющемуся столицей штата Аляска. Маленькая «Cessna» перенесла нас из Джуно еще ближе к месту поиска — в рыбацкое селение Пеликан, расположенное в северо-западной части о. Чичагова на берегу залива Лисянского. Из Пеликана мы отправились на катере по проливу, также носящему имя Лисянского, к острову, названному в 1795 г. А. Барановым в честь иркутского губернатора И.В. Якоби.

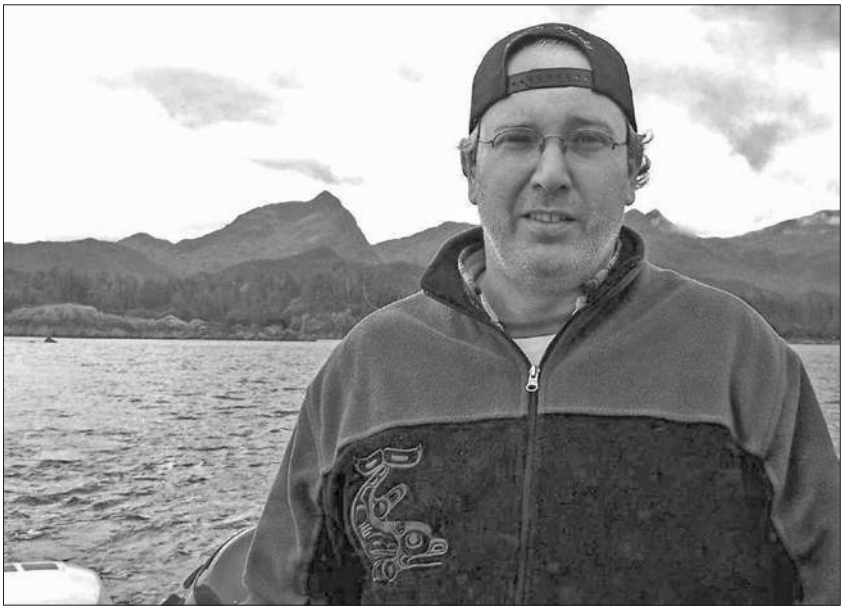
Небольшой экспедиционный катер **«Olympic»**, на котором предстояло добираться до о. Якоби, принадлежит нашему капитану Аллану Энгстрому. Длина катера около 4 м, на корме установлены два мотора марки «Jhonson»: мощностью в 225 л. с. и запасной мотор в 9,5 л. с., который используется для медленного хода и для работы в ограниченном пространстве. На катере имеется три посадочных места: одно кресло закреплено перед штурвалом и является «капитанским

мостиком». Перед колесом штурвала находится прибор спутниковой навигации GPS. На борту имеются карты местности, а также инструменты: бинокль, металлоискатель, лопата. Для высадки на берег имеется надувная шлюпка на два человека, жестко зафиксированная на крыше рубки, и одноместное надувное каноэ в комплекте с электромоторчиком для подкачки воздуха. На корме закреплены несколько удилищ, а в холодильном ящике заложено несколько комплектов подмороженной сельди в вакуумной упаковке: на Аляске такая селедка используется в качестве наживки для рыбной ловли.

К острову Якоби: 265 лет спустя

При выходе из пролива Лисянского в океан катер некоторое время держит курс на юго-запад, заданный направлением пролива: на навигационной карте глубины в этом месте составляют 12–24 **fathoms** (20–40 м). По бокам нашего маршрута **звездочками** обозначены скрытые подводные скалы, и в наши дни капитан имеет возможность выбрать безопасный путь. На самом деле мы идем над глубокой впадиной — продолжением пролива Лисянского. Глубокое русло этого пролива образовано продолжением крутых горных склонов, и глубина достигает местами до 158 fathoms. Этот пролив, как и другие каньоны Аляски, сотворен природой. Он напоминает россиянам о сибирской жемчужине, лежащей в гигантской горной раковине-расщелине — уникальном глубоководном озере Байкал.

Убедившись, что катер миновал сокрытые водой стены грозной каменной гряды, капитан меняет курс на запад и северо-запад.



Исследователь А. Энгстром в бухте Surge. Сентябрь 2006 г.

Справа открывается впечатляющая панорама о. Якоби: корабль следует на расстоянии 1,5–2 км от скалистого берега, над которым вздымаются ярко зеленеющие горы. Они приковывают внимание и вынуждают разочарованно вздохнуть: вершины самых высоких на южной оконечности острова гор Takanis и Yakoby сокрыты густыми серыми облаками, словно там без остановки работают невидимые вулканы. Может, эти облака скрывают взятую Чириковым за пеленг вершину с ярко выраженным крутым правым склоном?

Остров Якоби протянулся вдоль линии Тихого океана на 20 миль (37 км).

Для нас явились откровением представшие перед взором полные покоя и величия гористые острова и земли, а с другой стороны — сливающиеся с линией горизонта безграничные объемы темных тихоокеанских вод. Такими же берега Большой земли увидели русские мореплаватели. Именно с борта пакетбота «Св. Павел» россияне открыли эти острова, названные уже американскими картографами в честь Александра II, уступившего Аляску Соединенным Штатам. Русские первыми положили эти земли на карту. Где-то здесь «затеряна» «залива», в которую ушли навсегда лодки с людьми Чирикова. Береговая линия со стороны океана кажется единым целым, и издалека даже в бинокль сложно разглядеть бухточку, пригодную для пристанища.

Пройдя около мили, капитан направляет судно к берегу. По мере приближения катера к скалам он гасит скорость, и катер переходит на малый 9,5-сильный мотор. Судно медленно входит в шхеры бухты Greentop, мимо разбросанных черных, вулканического происхождения камней, острых рифов, выступающих из воды. Капитан, отслеживая глубины по карте, посылает на нос катера помощника. Штурман, вглядываясь в пронзенные солнцем воды пролива, выбирает глубины и рукой показывает капитану — «путь свободен». Но вот мягкий толчок, сопровождающийся глухим скрежетом металла, останавливает движение: «Olympic» сел на подводный камень... Через некоторое время волна снимает судно, и снова с предельной осторожностью мы прокладываем путь среди каменистых берегов в глубины острова. Наконец, бросаем якорь в заводи, посреди полного покоя прозрачных вод и плотно обступивших бухту елей. Мы находимся в южной части острова — в бухте Greentop (Зеленая вершина), где в избушке лесника предстоит провести несколько дней.

Остров Якоби. Южная половина острова

Погода установилась ясная, над океаном светит яркое солнце. Макушки гор, словно не желая раскрывать секреты, затянуты шапками облаков. Капитан Энгстром предлагает последовательно осмотреть ряд бухт южной части острова, начиная от пролива Лисянского: это бухты Greentop, Squid — бухта кальмаров, Takanis

— индейский термин, значение которого нам не могли объяснить американские коллеги-индеанисты, а также обнаруженную с борта безымянную бухту в проливе Лисянского, лежащую сразу же за мысом **Theodore**. Передвигаясь от южной оконечности острова — мыс Theodore (Федор) на расстоянии примерно одной мили от берега, сопоставляем представшую перед взором панораму с описанием местности, изложенным в «Судовом журнале», стараемся распознать вершины островных гор...

При обследовании бухт мы попытались реконструировать действия экипажей лодок, направленных к берегу с основным заданием наполнить бочки свежей, питьевой водой. Вглядываясь в берега и расселины, мы первым делом высматривали (и прослушивали) признаки источника питьевой воды — ручья или речки — и только затем искали удобное для причаливания лодки и высадки место на берегу.

Бухта Greentop

Вход в бухту Гринотоп расположен на широте 57.51', в одной миле от мыса Федор. Рядом с нашим временным приютом стекал каскадом полных чаш из густого таежного леса лесной ручей с темной, как чайная заварка, пресной, вкусной водой. Большая бухта соединялась со множеством проток и внутренних озер. Возможно, еще сотню лет назад останавливались здесь для ведения морской охоты обитатели этой страны, состоящей из сотен островов: об этом нам поведали массивные останки ребер и позвоночника, некогда принадлежащие китам: кости подпирали осыпающийся берег, по которому проходила тропа. Как пишет летописец Русской Америки Кирилл Хлебников, местные племена тлинкитов не вели охоту на кита, которого обожествляли, и лишь собирали выброшенные штормами останки. Пройдя по чуть заметной таежной тропе около километра, мы обнаружили два дачных домика и причал. Мы пообщались с вышедшим навстречу человеком, это был американец польского происхождения. Он впервые слышал историю о русских мореплавателях и был удивлен...

Бухта Squid

Бухта Squid находится примерно в 1,3 мили от бухты Гринтоп. Бухта показалась нам непригодной даже для краткого проживания. В одном из ущелий протекает небольшой ручей с чистой горной водой, к нему пришел на водопой молодой олень. На каменисто-песчаной площадке возле ручья металлодетектор обнаружил под слоем песка заржавевшую стальную деталь, похожую на веретено... Вершина сопки, куда я поднялся по оленьей тропе, сокрыта от солнечных лучей пышными кронами лиственного леса, в тени, по при-

чудливому бурелому, пышно произрастают высокие мхи. Картина дикого леса, куда не ступала нога человека.

Бухта Takanis

Узкое каменное «горло» этой бухты вело нас к видневшемуся в глубине просвету — к другой малой бухте, указанной на карте. На карте от этой бухты проложена красная пунктирная линия, обозначающая тропу, она пересекает остров и ведет к месту встречи вод пролива Лисянского и одноименного залива. На одной из карт обозначены ручей и озеро, которые показались привлекательными для исследования.

Высадиться на берег нам помешала непогода: горы и лесок затягивались быстро спускавшимся по склонам туманом. Начал накрапывать дождик, и поднявшиеся волны уже несли катер к высокому берегу, где с пеной разбивалась о твердь скал. Становилось опасно находиться в этой каменной ловушке. Принимается единодушное решение: надо возвращаться. На выходе из бухты нас встретили большая волна и серый полумрак слившихся в единое целое океана и дождевых туч. Начинался шторм. В его волнах катер и экипаж хорошо потрепало. Только спокойствие и умение капитана да лежащая у штурвала иконка Спаса Вседержителя помогли нам вернуться на базу в тихий залив Гринтоп. Позднее икона была передана в церковь Св. Николая в г. Джуно.

И все же мы увидели панораму южной части острова и горы, среди которых высились пики Таканис и Якоби, и остались разочарованы. Виденные нами со стороны океана и посещенных бухт горные склоны не совпадали с описанием А. Чирикова.

Отпущенное для экспедиции время было исчерпано, и нам предстояло возвращаться в Пеликан.

«Индейский след»

Большое значение в установке ориентиров в ведущейся экспедиционной работе сыграло заинтересованное обсуждение этапов и результатов экспедиции 2005 г. с учеными: А.Ю. Петровым (Центр северо-американских исследований Института всеобщей истории РАН), С.Г. Федоровой (Москва), А.В. Гриневым, Т.С. Федоровой, С.А. Корсуном (Санкт-Петербург), с американскими специалистами Л.С. Блэк, Р. и Н. Дауэнхауэр (штат Аляска), А. Знаменским (штат Алабама). В фондах РГВИА и РГБ был выявлен ряд документов, содержащих важные сведения, касающиеся интересующего нас вопроса. Историками А. и Э. Энгстромами в дневниках английских мореплавателей были обнаружены любопытные свидетельства о плавании русского парусника в районе пролива Лисянского и острова Якоби.

В июле 1741 г. у острова Якоби состоялся первый контакт европейцев с коренными жителями: русские моряки, ушедшие в «заливу», и вышедшие навстречу паруснику из той же «заливы» индейцы-тлинкиты представляли нити одного «узелка».

Возглас «Агай, Агай», который прокричали вышедшие из «заливы» индейцы-тлинкиты, как считают специалисты по этнографии индейцев-тлинкитов Нора и Ричард Дауэнхауэр, — было слово «Ай хаа». На языке тлинкитов слово «Ай хаа» означает «гребите». Что хотели тлинкиты: показать путь для прохождения лодки, указать место гибели белых людей или что-то другое?

Самое первое и для нас очень важное сведение об о. Якоби было подсказано доктором Р. Дауэнхауэром, произнесшим слово «Аполосово». Впервые же топоним «Аполосово» и краткая информация, встретился в работе А. Гринева, опубликовавшего «Список народа Колюжей поблизости Порта Ново-Архангельска... обитающего...»: «На южной стороне Якобиева Острова жило русскими Аполосовым или Воровским наименованное на нем мужеска пола жителей до 100».

(АВПРИ. Ф. Гл. архив 1–7, 1802 г., д. 1, папка № 35, л. 97 об.–98 об.) (опубликовано: Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867). С. 263).

«Список» составлен в конце 1805 г. по сведениям, собранным в ходе переписи населения Н.П. Резановым, который находился в это

Справа налево: А. Энгстром, К. Хавард, В. Колычев у причала селения Пеликан (залив Лисянского, Аляска). Сентябрь 2006 г.

время в русских колониях на Аляске в качестве инспектора Российской-американской компании.

Русские на о. Якоби

Более раннее упоминание об о. Якоби (Таханасъ) относится к началу русского продвижения к югу Аляски в письме Баранова иркутскому губернатору Л.Т. Нагелю. Следуя в 1795 г. к Ситхе, Баранов останавливался на острове для починки своего корабля «Ольга»: «Чрез несколько дней прошед бухту Лтуа приблизились к берегам подле коих следуя перешли ледяной Чилхацкой бухтъ пролив, вход /: креста у агличан именуемый :/ пристали на одинъ болшой с обитаемым народом по колюжски таханасъ, остров. Нашли тут весма способную гавань кою нарек в честь другого благодетеля Лодыженского; тут мы стояли несколько дней починивали свое суденышко и запаслись водою поставили в пристойных местах 2 креста с приличной вырезанной надписью что места сии давно обысканы россиянами, были посещаемы в 1741 году капитаном Чириковым, а токо 795-го года были мы отъ компании /: именовав ту и судно:/ с 3-го сентября продолжали следовать вкруг того якобиевского острова к острову Ситке...»

Очевидно, что Баранов в этом плавании имел с собой карты проливов, составленные английскими мореходами. Баранов первым из европейцев побывал на о. Якоби и засвидетельствовал о проживающем там народе. По какой-то причине он не встретился с обитателями острова, возможно, еще хранившими память о визите первого европейского корабля.

В июне 1798 г. Баранов пишет рапорт иркутскому губернатору Л.Т. Нагелю, в котором сообщает о посещении о. Якоби русскими промышленниками.

(АВПРИ. Ф. 35. Сношение России с Англией. Оп. 35/6. Д. 507. Л. 13.)

7 июня 1798 г.

Американской господъ Голикова
и госпожи Шелиховой,
компании правителя Баранова
Покорнейший рапорт

По силе многих предписаний охотского начальства о размещении на отдаленных местах америки секретных медных досок, и гербов доставленных выполнение останавливалось, по причине не имения природных российских мореходов в службе компании. Но в лето прошлаго 797-го году одна таковая **доска под № 3** по случаю бытия с промысловой партией Г-на прапорщика Ивана Родионова **помещена на обысканном мною самим**, за бухтой Лтуа под чилхацким /:или ремедень по аглицки именуемом :/ заливом **большом с жителями острове таханасъ, нареченным мною 795-го года в бытность на том**

Якобиевым, в гавани Лодыженской; а герб с приличным листом вверен блиских к тому острову чилхацково залива жил главному тойону с сообщения о том того г-на Родионова ко мне подданого и листа копия при сем прилагается; А место то на карте (чрез кантору) препровожденной при сем означается знаком креста тако +

Карта залива Аляска, приложенная А. Барановым к письму, опубликована в трехтомнике «История Русской Америки» (под редакцией Н.Н. Болховитинова, т. 1. Изд. МО, 1997 г.).

(АВПРИ. Ф. 35. Сношения России с Англией. Оп. 35/6. Д. 507. Л. 21).

Остров Якоби на приложенной к письму карте нанесен схематически, упрощенно: рисунок береговой линии не совпадает с расположением заливов на береговой линии современной карты. Определить по ней названные Барановым географические места непросто. К тому же местоположение о. Якоби смещено к югу от пролива Креста (Cross), а остров на месте о. Якоби подписан Барановым как о. **Хаз**. Возможно, что один остров был принят за два? С этим предстоит разбираться. В контакт с жителями острова по какой-то причине русские снова не вступили. Представляет интерес вычислить место затаенной и поныне на о. Якоби **Доски № 3 с надписью «Земля Российского владения»**.

Еще об одном географическом пункте с названием Аполосово на о. Якоби Баранов пишет в апреле 1801 г. в наказах помощнику Ивану Александровичу Кускову, отправлявшемуся к о. Ситхе.

«...путь проедите леденым или хуцновским проливами то обратной совершите морем мимо аполосова жила как сказано о переднем пути...»

(Значительная часть письма, не касающаяся вопроса, пропущена при переписке с оригинала в РГБ.) И далее:

«В Лтуе и около, так же долго останавливатся не для чего, а пробиратся прямо в Леденой пролив к Екобиеву острову, и тут достигнувши под **аполосов мыс** подумать: коим путем лечше и выгоднее будет ос... (остальной путь? — *В. К.*) следовать. Морем ли пополуденным между чашей островов, или через леденой и хуцновской проливами...»

(Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд 204, к. 32, № 4, л. 2.)

Карты о. Якоби (Таханис) с нанесением названия «Аполосово жило» (Воровское) и «аполосов мыс» пока не обнаружено или же наши предшественники-исследователи не обратили на сей предмет внимания.

Журнал капитана Портлока

Любопытные сведения об о. Якоби обнаружил А. Энгстром. В домашней библиотеке Элтона Энгстрома — отца нашего капитана, увлеченного историка, обладателя изданных дневников путешествий Д. Кука, Д. Ванкувера, Лаперуза, Ю. Лисянского и других морепла-

вателей Аляски, хранится журнал плавания Натаниэля Портлока, бывшего участника Третьей экспедиции Джеймса Кука (1778 г.).

В 1785 г. Портлок был назначен капитаном торгового корабля «Король Джордж», торгующего мехами у берегов Аляски. 6 августа 1787 г. капитан Портлок вошел в гавань, расположенную в пяти милях южнее пролива Лисянского (приблизительно на широте пятьдесят семь градусов, сорок шесть минут, Portlock Harbor, о. Чичагова), для торговли с местными тлинкитами.

9 августа корабль Портлока был посещен одиночным индейским каноэ, пришедшим для торговли со стороны севера. Прибывшие на каноэ люди рассказали ему о гибели лодки с европейцами: «ветер вошел свежий от моря и поднял большие волны... при выносе якоря за борт лодка наклонилась и наполнилась водой, и прежде, чем оказать помощь, пять мужчин утонули». Напомним, что в первой лодке, отошедшей от «Св. Павла», было 11 человек, а на второй — четыре. Возможно, неточность возникла при переводе рассказа?

Во время повторного визита индейский вождь был одет в выцветший красный пиджак или военный мундир. (A. Engstrom «Yakobi Island, The Lost Village of Apolosovo, and The Fate of the Chirikov Expedition».)

Владимир Максимов, председатель исторического клуба «Россия молодая», уточнил, что красный мундир мог принадлежать канониру со «Св. Павла» (форма канониров на время отправления Второй Камчатской экспедиции, 1733 г.). Действительно, на первой лодке к берегу был отправлен с небольшой медной пушкой канонир Григорий Зубов. Ни Кук, ни Ванкувер, ни Лаперуз, ни другие испанские, английские или французские мореплаватели не теряли в этом районе лодок, людей и мундир. А. Энгстром приходит к выводу, что рассказ тлинкитов, записанный Портлоком, является свидетельством о гибели русских моряков, а сами тлинкиты, посетившие корабль Портлока, являются жителями о. Якоби (Таханис).

Следующее свидетельство, выявленное Энгстромом, связано с именем капитана Уильяма Дугласа. В августе 1788 г. У. Дуглас следовал на корабле «Ифигения» мимо о. Якоби. Севернее мыса Кросс (расположена бухта Surge) к борту судна подходили пять каноэ, с которых Дуглас купил сорок кож морской выдры. Его наблюдение показало, что он был на широте пятьдесяти восьми градусов и двух минут, что всего в двух милях от широты 58.00, указанной Чириковым в итоговом отчете в Императорскую Адмиралтейств-Коллегию.

Бухта Surge. 2006 г.

В одной из бухт о. Якоби жителем Пеликана К. Хавардом были обнаружены индейские петроглифы. Крис — служащий телеграфа в Пеликане. Он заядлый охотник и рыбак и одновременно исследователь местных достопримечательностей. Хавард видел индейские петроглифы в одной из бухт острова Якоби и был готов показать это место.

Р. Дауэнхауэр исследует петроглифы в бухте Surge. Июль 2006 г.

По мнению историков А. и Э. Энгстромов, теоретически вычисливших место возможного обитания тлинкитов, местом нахождения петроглифов могла быть бухта Surge. Эта бухта соединялась речкой с большим озером, где могла в изобилии водиться рыба (а также и речная выдра. — *В. К.*) — главный источник индейских промыслов. И вот стечение обстоятельств: бухта Surge оказалась расположена на широте 58 градусов (58.00.02» — *В. К.*), указанной А. Чириковым в отчетном докладе в Императорскую Адмиралтейств-Коллегию. На очередной встрече с К. Хавардом исследователи выявили, что местонахождение бухты Сёрдж и расположение индейских петроглифов действительно совпадают.

В 2006 г. к о. Якоби нас повел местный «следопыт» Крис Хавард (Kris Havard). Челночные вылазки на остров и в бухту Сёрдж продолжались в течение летних месяцев. В поисковой работе участвовали историки Аллан и Элтон Энгстромы, Ричард и Нора Дайуэнхауэр — специалисты из университета Джуно, исследователи из России Владимир Колычев и Владимир Латынцев и наш путеводитель Крис Хавард.

Наши коллеги аляскинские индеанисты подтвердили важность открытия неизвестных досель петроглифов в бухте Сёрдж и местообитания индейцев-тлинкитов.

Возможно, что современное название залива Surge происходит от некогда бытовавшего индейского названия «Большая волна». В этом названии содержится косвенная информация о возможной гибели лодок. Американская лоция дает следующую характерис-

тику: «Бухта Сёрдж простирается на 4.1 мили к северу от Мыса Кросс. Открытая бухта с многочисленными камнями и рифами, годная только для малых судов с местным знанием навигации...». «Отливное течение имеет большую скорость и достигает порой 3–4 узлов, иногда и больше. В узостях и у мысов сильны сулои и водовороты, опасные для малых судов при сильных ветрах...» — сообщается в характеристике особенностей приливов и отливов между островами Аляски. Морская служба предупреждает об опасности нахождения малых судов в бухте Surge — это вызвано большим количеством подводных водоворотов и **явлением большой волны**, способной внезапно опрокидывать суда.

Сулои в этих местах действительно часты и опасны. В разгар прилива или отлива в узкие аляскинские проливы не рисковали заплывать даже алеуты на своих непотопляемых байдарках. Возможно, что экипажи «чириковцев» постигла трагическая участь.

Неизвестные петроглифы

Петроглифы с изображениями морских обитателей вырезаны на поверхности трех каменных валунов, словно композиционно выстроенных на берегу бухты. Ряд петроглифов с изображением рыбы палтус и ворона или орла, а также многочисленных «циркульных» колец находится на огромном валуне, который в часы прилива оказывается затопленным водой.

Крис показывает рисунок и на открывшийся перед нами океан и рассказывает свою версию появления петроглифа: индейский художник увидел необычную для него большую лодку — русский парусный корабль. Крис уверен, что этот корабль «Святой Павел». Я убеждаюсь, что резной рисунок действительно напоминает корабль: вот бушприт, корпус, два нижних паруса. Тут же возникают вопросы: резчик разглядел же бушприт, но оказались не прорисованы вертикальные линии мачт. Что означают прорезанные на корпусе судна четыре полосы: это опущенные весла или ребра, а может быть ладки жира неведомого животного? Перемещаясь на камне, «переворачиваю» на 180 градусов изображение. Пытаюсь представить зверя: «бушприт» — это хвост, корпус — это тело. Может, это изображение речного бобра? Вот здесь должна быть голова.... Да, в рисунке приметна округлость и «усы». Но при сравнении «парусов» с изображением конечностей речных и морских бобров или иного зверя смущает их нелепое, «вывернутое» положение...

Когда же, в каком веке вырезан этот рисунок? Есть ли подобные петроглифы, уже известные специалистам?

Сейчас фотография петроглифа с изображением корабля находится на изучении в Институте археологии, и только специалисты дадут верный, обоснованный ответ к изображению на каменной пластине из залива.

Усмотрение мест и прочего. Год 2006

Настала пора возвращаться, и наш катер медленно выходит из бухты Surge. Небо очистилось, и на фоне серых дымящихся облаков прорисовались близкие темно-зеленые вершины, обозначились далекие силуэты островных гор. На восточном направлении наблюдается четкий силуэт вершины с правым заваленным боком градусов под 50. Левый бок более пологий, линия его наклона близка к 30 градусам.

Аллан показывает рукой: «Эта гора, которую описал Чириков. Правый бок у нее крутой...». Наш капитан уже не первый раз в бухте Surge и успел изучить и горы, и особенности залива. Он продолжает, указывая на горы, стоящие севернее:

«Вот эта остроконечная гора, за ней другая, широкая»...

Да, визуально очень похоже. Делаем фото и видеозапись. К сожалению, даже короткой остановки для изучения бухты Сёрдж не предвидится в связи с приближающейся со стороны океана штормовой погодой. Катер, рассекая темные воды, покидает освещенную меркнущими лучами солнца бухту «Большой волны».

Калька на карте о. Якоби

Для наложения кальки с нанесенными «лучами» градусов, указанных Чириковым в «Судовом журнале», мы выбрали меркаторскую карту «Yakoby Island and Lisianski Inlet». Представляем в воображении виденную нами панораму бухты Surge, находим на карте имеющие примечательные особенности горы, окружающие «заливу» и принятые Чириковым за пеленги.

При наложении кальки с картографическим изображением залива Surge первоначально совмещаем линию 70 градусов на рисунок, обозначающий гору с крутым правым боком.

Подводим и накладываем следующую линия (53 градуса) на рисунок, обозначающий малую гору (1 240) и сразу же за ней — чуть левее — более высокую (2 880).

Третья линия (30 градусов) показывает на ближайший северный (левый) выступ чаши залива Сёрдж. Перед линией берега находится островок, или «опрядыш». Возможно, что именно за этим островом и скрылись лодки с членами экипажа «Св. Павла»?

Вполне возможно, что лодки могли проследовать далее вдоль линии берега вглубь скалистых фиордов бухты. В этом же направлении находится одна из наиболее привлекательных бухт, получившая от исследователей имя «пляж». Здесь также имеется небольшой ручей с питьевой водой, рядом с которым могло быть расположено селение индейцев-тлинкитов. Скорее всего, именно здесь и находилось «жило Аполосово». С корабля были видны дым и огни индейских костров, на которых велась заготовка рыбы на долгую зиму.

Итак, выявлен и определен вариант направления движения ло-

док к берегу и место высадки или возможной гибели «чириковцев».

Точка, где сходятся линии градусов, является местом нахождения пакетбота «Св. Павел». Широта составляет 57 градусов 59 минут 08 секунд, долгота составляет 136 35 30. Расстояние до берега составляет примерно две минуты или «две версты», что зафиксировано капитаном пакетбота «Св. Павел» в «Судовом журнале».

Работа продолжается

В Русском Географическом обществе — в гг. Москве и Санкт-Петербурге — состоялось подведение итогов Российско-Американской экспедиции «Русское открытие Америки. По следам великих мореплавателей», состоявшейся летом 2005–2006 гг. Пожалуй, главным результатом экспедиции на сегодня можно считать ее успешное начало. А. Энгстром выпустил в свет монографию, подводящую итоги поисков. Проявился закономерный и устойчивый интерес к исследованию вопроса со стороны американских ученых Аляски. Основная работа, конечно же, впереди.

Хочется поблагодарить за очень теплый, родственный прием большой и дружной семьей Элтона и Салли Энгстром. С чувством признательности хочется отметить доброжелательное отношение и внимательность сотрудников Государственного архива Аляски в г. Джуно, а также работников Архива АВПРИ и Отдела писем Российской государственной библиотеки, явивших чуткость и понимание. Особое слово благодарности авиакомпании «Аэрофлот», без чьей помощи было бы невозможно столь легко преодолеть далекие расстояния до берегов Нового Света.

В завершение экспедиции состоялась благодарственная служба в православном храме св. Николая (г. Джуно, о. Майкл Спайнхауэр), куда от имени всех россиян и при содействии Объединения «КАНОНЪ» (директор А.В. Ренжин) была передана новописаная икона «Спас Вседержитель».

При организационном содействии американской стороны (историки Э. и А. Энгстромы) и Общества «Русская Америка» в начале августа 2007 г. на Аляске побывала группа подводных аквалангистов из России (общество «Память Балтики», руководитель адмирал К.А. Шопотов, г. Санкт-Петербург), изучавшая особенности залива Surge для последующего проведения подводных археологических исследований. Небольшие глубины позволяют надеяться на успешный поиск затонувшего оружия. Непогода, сильный ветер и большая волна помешали предпринять погружение в бухте Сёрдж...

Впрочем, и место для проведения будущих подводных изысканий в бухте желательно более тщательно просчитать специалистам.

Продолжение исследований и отдание памяти великим русским мореплавателям — первооткрывателям американского северо-западного побережья — дело чести россиян.

С.А. Корсун (Санкт-Петербург)

Рисунки П.Н. Михайлова по народам Русской Америки

Имя художника, академика живописи Павла Николаевича Михайлова (1786–1840) хорошо известно географам, историкам и другим специалистам по Русской Америке. Он принимал участие в двух кругосветных экспедициях. В экспедиции на шлюпе «Восток» в 1818–1821 гг. под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена, когда была открыта Антарктида; и в экспедиции на шлюпе «Моллер» в 1826–1829 гг. под командованием М.Н. Станюковича. Во время последней экспедиции проводились исследования в северной части Тихого океана — в акватории Аляски. Соответственно, результаты этих экспедиций были по-разному оценены как современниками, так и потомками. Результаты экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена хорошо известны и многократно опубликованы, в том числе и рисунки П.Н. Михайлова. Впервые они были изданы в атласе к путешествию Ф.Ф. Беллинсгаузена в 1831 г. [Беллинсгаузен 1831]. Еще один альбом рисунков П.Н. Михайлова вышел позднее [Михайлов 1840].

Что касается экспедиции М.Н. Станюковича, то ни один из ее участников не опубликовал описание плавания, также остались не изданными при жизни П.Н. Михайлова его рисунки. Первоначально экспедиция организовывалась для охраны территориальных вод Русской Америки от американских браконьеров. Однако в 1825 г. между Россией и США было подписано соглашение о свободной торговле в районе Аляски, поэтому было решено отправить в Русскую Америку два судна для проведения научно-исследовательских работ. В Санкт-Петербурге были построены суда «Моллер» и «Сенявин». Общее руководство экспедицией и командование судном «Моллер» было поручено М.Н. Станюковичу. Главная задача экспедиции состояла в описи Алеутских островов и полуострова Аляска, а также проведении гидрографических работ в северной части Тихого океана. В Русскую Америку судно прибыло 30 августа 1827 г., когда «Моллер» стал на якорь у селения Капитанская гавань на острове Уналашка. Здесь судно оставалось до 5 сентября, а затем взяло курс на Ново-Архангельск, где экипаж находился с 21 сентября по 21 октября. Зиму 1827/28 г. провели на Гавайских островах. Вновь судно прибыло на Уналашку 27 апреля 1828 г. В мае экипаж проводил

опись Алеутских островов, а с 3 июня — северной части полуострова Аляска от Исаноцкого пролива, (отделяющего полуостров Аляска от острова Унимак), до устья р. Накнек. 26 июля судно вернулось на Уналашку, а 3 августа отправилось в обратный путь в Россию.

Таким образом, во время пребывания в Русской Америке П.Н. Михайлов сделал несколько рисунков алеутов, тлинкитов, эскимосов северной части полуострова Аляска — аглегмютов и предметов их быта. В полном составе эти рисунки никогда не издавались, и лишь часть из них была опубликована в последние десятилетия. В настоящее время часть рисунков П.Н. Михайлова хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге (ГРМ), а другая часть в Эстонском историческом музее г. Таллинна (ЭИМ). Их сравнение показывает, что в Эстонии находятся чистовые варианты, а в Русском музее незавершенные наброски тех же рисунков. По данным Р.А. Пирса, какая-то часть рисунков П.Н. Михайлова находится в Москве [Pierce 1990: 358].

Р.Г. Ляпунова в 1975 г. опубликовала три рисунка из собрания ЭИМ со своими подписями. Это — «Алеутское оружие», «Женщины о. Уналашка» и «Алеут в промысловой камлейке (слева) и нарядной (справа)» [Ляпунова 1975: 79, 161, 169]. В публикации американского историка Дж. Ф. Генри к рисунку «Женщины о. Уналашка» приведена подпись П.Н. Михайлова — «Девушка и пожилая женщина с острова Уналашка. 1827» [Henry 1984: 50]. С.Г. Федорова в публикации «Записок» К.Т. Хлебникова опубликовала большинство рисунков П.Н. Михайлова из собрания Русского музея. К четырем из них относится подпись: «Василий Говорухин; Аксинья; Афанасий Серебренников; Семен 50 лет от роду, тайоном 27 лет» [Русская Америка 1985: 111]. При сравнении рисунков из публикаций Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Федоровой становится понятным, что на рисунке «Алеут в промысловой камлейке...» слева изображен В. Говорухин, а справа — А. Серебренников (рис. 1). Что касается рисунка вождя по имени Семен, то на нем контуром нарисована алеутская парка, сходная с экспонатом МАЭ [Ляпунова 1975: 165]. Поэтому можно сделать вывод, что все четыре портрета из собрания ГРМ представляют алеутов. В начале XIX в. вождем алеутов в селении Капитанская гавань был Иван Кузнецов. Это означает, что изображенный на рисунке Семен был вождем другого алеутского селения. В 1807 г. иеромонах Гедеон находился на Уналашке. Он крестил большинство жителей Уналашки и соседних островов и повенчал 36 пар. Среди них — алеута Семена Данилова тридцати лет из Северного селения с полуострова Аляска с алеуткой Анисьей двадцати лет из Артельского селения острова Акун [The Round... 1989: 141]. В списках иеромонаха Гедеона перечислено несколько сот человек, но среди них нет других взрослых алеутов по имени Семен. К тому же он родился в том же году, что и вождь, изображенный на рисунке П.Н. Михайлова. Поэтому можно предпо-

ложить, что на рисунке П.Н. Михайлова изображен именно Семен Данилов из Северного (Моржовского) селения (рис. 2), расположенного в Моржовском заливе на юго-западной оконечности полуострова Аляска. Кроме портретов алеутов П.Н. Михайлов сделал набросок алеутов в байдарках во время морской охоты [Crossroads... 1988: 160].

Два жителя северной части полуострова Аляска изображены на одном листе в ГРМ [Русская Америка 1985: 110]. На черновой заготовке к этому рисунку сделана надпись П.Н. Михайлова: «Тагхут — жители называются (по) реке Накнек. Северное селение называется Паугью-мют, южное Пучугу-мют. Агалахмуты (аглегмюты — *С. К.*) называются жители другие. 1828 г.» [Русская Америка 1985: 252]. На этом рисунке изображена голова юноши и верхняя часть тела взрослого мужчины в меховой парке. На его голове контуром нарисована охотничья деревянная шляпа-козырек. На рисунке ЭИМ этот же персонаж изображен в кишечной камлейке с капюшоном и в раскрашенном деревянном головном уборе, а юноша — в меховой парке. Здесь же изображен еще один мужчина в профиль. Подпись к рисункам гласит — «Такхуты, жители реки Накнек на полуострове Аляска, носящие лабретки» [Henry 1984: 50]. То есть один и тот же персонаж в одном случае изображен в меховой парке, а в другом — в кишечной камлейке с капюшоном и в деревянном головном уборе. Рисунок этого же эскимоса опубликован в книге Л.Т. Блэк, посвященной деревянным головным уборам жителей Аляски [Black 1991: 63]. Также в ее книге есть несколько фотографий подобных голо-

Рис. 1. ***Слева — алеут Василий Говорухин в охотничьей камлейке, справа — алеут Афанасий Серебренников в праздничной камлейке. Рисунок П.Н. Михайлова***

вных уборов [Black 1991: 62, 159, 163, 164]. Все они принадлежат аглегмютам района Бристольского залива. Подобный головной убор имеется и в МАЭ, он также относится к изделиям жителей Бристольского залива. Что касается такхут или тагхут, то в современной этнографической литературе такой этноним не используется, и все население района Бристольского залива относят к аглегмютам. Паугью-мют — это современное селение Накнек. В русских источниках первой половины XIX в. оно называлось Аглегмютское жилье. Все же замечание П.Н. Михайлова, что тагхуты отличаются от других аглегмютов, очень интересно. Так как некоторые американские археологи считают, что еще в XIX в. соседи аглегмютов — алутиик жили не только на восточном побережье полуострова Аляска, но и на западном, в районе современного селения Порт Хейден [Looking... 2001: 118]. Кроме портретов аглегмютов в ЭИМ имеется рисунок их орудий охоты — стрел для промысла птиц и тюленей и лука для охоты на оленей-карибу [Pierce 1990: 358].

Рис. 2. ***Возможно, что на этом рисунке П.Н. Михайлова изображен алеутский вождь селения Северное (Моржовское) Семен Данилов***

Тлинкиты и предметы их быта изображены на нескольких рисунках П.Н. Михайлова из собрания ГРМ. С.Г. Федорова опубликовала три из них — «Колоши. 1828 г.», «Туземка. 1828 г.» и «Колошенские накидки. 1828 г.», а также рисунок «Ново-Архангельск на острове Ситхе. 27 сентября 1827 г.» [Русская Америка 1985: 81, 82, 86, 154–155]. Два последних рисунка экспонировались на выставке «На пересечении континентов» в США [Crossroads... 1988: 60, 78]. Также в альбоме этой выставки помещен набросок рисунка лодок тлинкитов [Crossroads... 1988: 156]. Рисунок еще одной тлинкитской накидки опубликован в книге Ч. Самуэл [Samuel 1987: 75]. На этом рисунке изображена накидка с так называемым геометрическим узором. Всего в настоящее время в различных музеях хранится семь целых накидок с геометрическим узором — четыре в МАЭ и по одной в Англии, США и Дании, а также несколько кусков от других накидок. Все они относятся к сборам конца XVIII – начала XIX в.

Рисунок П.Н. Михайлова 1827 г. — это последний по времени источник о тлинкитских накидках с геометрическим узором.

С.Г. Федорова опубликовала еще три портрета аборигенов в европейской одежде из собрания ГРМ с общей подписью — «Типы туземцев Тихих океанских островов» [Русская Америка 1985: 132–133]. К первому из них есть отдельная подпись — «Паогей, 30 лет» [Русская Америка 1985: 252]. К среднему из этих портретов в собрании ЭИМ также приведена подпись — «Молодой креол из Ситки» [Henry 1984: 50].

Кроме вышеуказанных публикаций отдельные персонажи с рисунков П.Н. Михайлова многократно публиковались Р.Г. Ляпуновой [Ляпунова 1987: 121], Л.Т. Блэк [Black 2003: 150], М. Олекса [Oleksa 1990: 187] и другими авторами. Таким образом, этнографы и историки проявляют большой интерес к художественному наследию П.Н. Михайлова. Прежде всего это объясняется малочисленностью иллюстративных источников XIX в. по народам Аляски. В результате проведенного исследования удалось определить этническую принадлежность большинства персонажей рисунков П.Н. Михайлова и, в ряде случаев, установить имена конкретных людей.

Литература

[Беллинсгаузен Ф.Ф.] Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена в Южном ледовитом океане и вокруг света в продолжение 1819, 1820, 1821 годов. Рисунки с натуры П. Михайлова. СПб., 1831.

Ляпунова Р.Г. Очерки по этнографии алеутов (конец XVIII – первая половина XIX в.). Л., 1975.

Ляпунова Р.Г. Алеуты: очерки этнической истории. Л., 1987.

Михайлов П.Н. Разные изображения к путешествию капитана Ф.Ф. Беллинсгаузена. Рисунки с натуры. [Б. м.]., 1840.

Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск / отв. ред. С.Г. Федорова. М., 1985.

Black L.T. Glory remembered: wooden headgear of the Alaska sea hunters. Juneau, 1991.

Black L.T. Aleut Art: Unangan Aguqaadangin. Anchorage, 2003.

Crossroads of Continents: cultures of Siberia and Alaska / Ed. W.W. Fitzhugh, A. Crowell. Washington, D.C., 1988.

Henry J.F. Early Maritine Artists of the Pacific Northwest Coast, 1741–1841. Seattle; London, 1984.

Looking both ways: heritage and identity of the Alutiiq People /Ed. A.L. Crowell, A.F. Steffian, G.L. Pullar. Fairbanks, 2001.

Oleksa M.J. The Creoles and their Contribution tj the Development of Alaska // Russian America: The Forgotten Frontier / Ed. B.S. Smith, J. Barnett. Washington, D.C., 1990. P. 185–195.

Pierce R.A. Russian Amerika: A Biographical Dictionary. Kingston; Fairbanks, 1990.

Samuel Ch. The Raven's Tail. Vancouver, 1987.

The Round the World Voyage of Hieromonk Gideon 1803–1809 / ed. R.A. Piers. Kingston — Fairbanks, 1989.

Dr. Aron Crowell (Anchorage, Alaska, USA),
Dawn Biddison (Anchorage, Alaska, USA)

Sharing Knowledge: Collaborative Study and Exhibition of the Smithsonian Alaska and Eastern Siberia Ethnology Collections

Important and exciting new relationships are linking museums, anthropology and Indigenous communities. Contemporary practice prioritizes Indigenous knowledge and self-representation. The shared goal is to build new connections between present day source communities and museum collections that represent Indigenous history, heritage and cultural identity. An example this new relationship-building is the Sharing Knowledge project, which represents a coalition of the Smithsonian Arctic Studies Center, regional Alaska Native cultural organizations, the Anchorage Museum and two Smithsonian museums in Washington D. C. — the National Museum of Natural History and National Museum of the American Indian. The purpose of the project is to increase Alaskan access, knowledge and use of the Smithsonian collections. At the core of the process is collaboration with Alaska Native Elders, tribal representatives, scholars and artists. The results of this cultural heritage project include a new Smithsonian website and gallery opening in 2010 at the Anchorage Museum in Alaska. In scope, the Sharing Knowledge project encompasses traditional Native knowledge, oral history, language studies, anthropology, cultural education and museum exhibition through undertaking research and documentation of cultural heritage objects. The collaborative structure of the Project has several levels: co-design and organization of the project through partnerships with Alaska Native regional museums and cultural organizations; primary collections-based research with Elders; and an advisory group participating in the exhibition design.

Between 2001 and 2005 during the first phase of the project, forty-five Alaska Native Elders and tribal representatives from across Alaska traveled with Aron Crowell to Washington DC for week-long consultations at the National Museum of the American Indian and the National Museum of Natural History, where they discussed more than 800 cultural objects — ceremonial and spiritual items as well as objects reflecting traditional subsistence and village life, most dating between 1850 to 1940. In addition to the research, the exhibition design is a

Joan Hamilton, John Phillip Sr., Virginia Minock & Neva Rivers (Yup'ik) conduct research at the National Museum of the American Indian

collaborative process generated and shaped by a seventeen member panel of advisors representing the state's Alaska Native communities and museums. The new gallery design is somewhat unconventional, because it will be not only an information rich, multi-vocal display, but also a learning center in which the objects come out of their cases for hands-on study, continuing dialogue with Elders and public presentations.

The cultural and geographic scope of this effort was daunting from the beginning and remains so. Alaska is large and complex, and so are the Smithsonian collections — more than 20,000 objects at the National Museum of Natural History and 11,000 at the National Museum of the American Indian, representing almost every Alaska Native culture. That is not counting archaeological materials. One challenge was to organize this state-wide project so that it would still reflect genuine roots in community knowledge. One part of the answer was to engage with Alaska Native regional organizations who have enthusiastically supported the project, selected and invited Elders and facilitators to go to Washington, recommended translators and provided representation to the advisory panel.

Another part of dealing with the scope was simply to accept that grant monies and time could only go so far in this first stage, that there would be gaps in representation at first, because relatively few people could make it on the research trips to Washington, and that the effort would necessarily, and advantageously, be completely open-ended. By this we mean that we've created a pathway for hundreds and ultimately thousands of Smithsonian objects to come to Alaska over time, where these conversations about cultural meaning and history can continue indefinitely into the future. With the support of the National Park Service Shared Beringian Heritage Program, the Sharing Knowledge project extended to Eastern Siberia. We will work with Elders and

cultural organizations to develop content relating to Siberian Yupik, Chukchi, Koryak, and Even objects in the Smithsonian collections. A first step took place during the 2006 Beringia conference in Anchorage, when a group of representatives from Indigenous organizations in Chukotka met with Aron Crowell to discuss traditional clothing and other objects from their region.

The general methodology of the Sharing Knowledge project has been to invite Elders to discuss museum objects and to bring their perspectives into museum interpretation, to consider museum objects as starting points for broader cultural discussions. This fits naturally with the teaching role that Elder consultants have seen as the purpose of their participation. The groups that came to Washington were comprised of exceptional people — scholars of their own traditions and languages and at the same time community leaders and educators, often very involved in cultural heritage initiatives in their home regions. All were committed to the concept of open sharing of their knowledge with a very wide audience — a global one considering the web site as well as the exhibition. There was a balance of men and women, and during museum sessions, the cultural protocols of each region came into play, reflected in the order of speaking and recognition of gendered domains of experience and knowledge and of family or clan priorities. Frequently, and in a very graceful way, participants framed their contributions as personal knowledge not universal fact. People would say that, «this is what I learned or remember based on my own life experience, but you

Daria Dirks, Maria Turnpaugh, Vlass Shabolin & Mary Bourdukofsky (Unangan) conduct research at the National Museum of Natural History

might want to ask someone else as well». Or, «this object is not from my area. We can say something about it but we are not from there and can not speak for them. Sometime you should talk with people from there about it». At first, this was discouraging, but then we realized that yes, that's exactly what we will do in the future.

The discussions were structured only in the sense that museum collections staff would bring out one piece at a time for the group to focus on and that Aron Crowell or other anthropologists involved would ask a few questions, usually at long intervals, in what was most often a self-sustaining conversation among the Elders themselves. These free-form discussions would often evolve over the course of ten or fifteen minutes. Talk would begin with a very concrete and expert deconstruction of how a particular object was made and of the processes and materials involved. Then the object's meaning would gradually be expanded and narratively linked to life stories, cultural history, customs, spiritual beliefs and values — mixed in with jokes, teasing, anecdotes, songs and coffee breaks. It became clear that these dialogues reflect the real value of museum pieces from the 19th and 20th centuries. In one sense, they connect to times that are remembered only by older generations, yet they are entirely relevant to contemporary life, because their meanings are not fixed but move into the present. Material culture has changed, but underlying values and understandings of the world have changed much less. The objects are signs of the past but are also symbols of the continuing life and motion of Indigenous cultures. And as masterworks of art and craftsmanship, they will serve as exemplars and inspiration for contemporary work.

Harpoon rest (Iñupiaq), National Museum of Natural History

The following two examples from the Washington consultations will emphasize these points and also show how Indigenous documentation complements the information previously gathered by museums and anthropologists. It is notable that the Smithsonian's largest collection from the Iñupiaq area of north Alaska resulted from U.S. participation in the first International Polar Year in 1881–

1882. John Murdoch purchased over 1700 objects from the people of the Barrow.

During his time at Barrow, Murdoch lived outside the village and had little opportunity to observe daily life or the important ceremonies that took place during the winter and spring. None of the scientists spoke Iñupiaq, and translators were seldom available. While Murdoch's *Ethnological Results of the Point Barrow Expedition* is a competent professional description of the collection, it is not surprising that Iñupiaq Elders had much to add. To take just one example, a harpoon rest (pictured above) for the bow of an *umiaq* [«open skin boat»] was one of many objects that reflects beliefs and practices connected to bowhead whaling. Ron Brower, Sr. and Kenneth Toovak said that the blue bead centered in an X on the whale's back was not just added for beauty. It signifies the power of *sila* [«sky, weather, air, outside»], which controls life. The Xs and beads mark the location of the whale's life force, as well as the place where the harpooner would aim. The continuity of whaling in present day Iñupiaq communities reinforces knowledge about older kinds of whaling objects, such as a bucket used by the wife of a whaling captain to give fresh water to a newly caught whale. Another piece associated with whaling is a wooden container adorned with ivory carvings that depict whales, seals and combination animals, such as a whale with head of a walrus. Elders suggested that the carvings are the life record of a whaling captain, depicting animals in both normal and transformed states that he had seen and hunted during his lifetime.

Smithsonian researcher Riley Moore, a medical doctor, visited St. Lawrence Island in 1912 to conduct studies in physical anthropology. Estelle Oozevaseuk and Branson Tungiyan, provided in-depth documentation of much of Moore's collection, including a bearded seal intestine parka (pictured above). Estelle identified the parka as having come from the people of Kukulek, an historic village that was abandoned during the famine and epidemic that swept the island in 1878–1880. She narrated a traditional history of this event as it was passed down from her grandfather. In this story, the famine is attributed to the people's disrespectful treatment of walruses. Led by a shaman, the people dressed in white parkas, such as this one, to ask forgiveness of both God and the animals before they died. Estelle and Aron Crowell published this narrative in *Arctic Anthropology*. It is a great illustration of cultural and historical meanings that emerge when museum objects become the subject of Indigenous interpretation.

The project has so far generated over 145 hours of taped interviews and over 4000 pages of transcripts in English and seven Indigenous languages and additional dialects, which have provided the foundation for the *Sharing Knowledge* web site and exhibition currently under production. The web site provides object-based information within a curatorial framework that allows greater public access to Smithsonian collections,

Bearded seal intestine parka (St. Lawrence Island Yupik), National Museum of the American Indian

particularly remote Native communities, and access to in-depth research and collections information by utilizing a wide-reaching format to share knowledge. The name selected for site, *Sharing Knowledge*, reflects a central principle, that of sharing knowledge in two directions — between Native communities and anthropological and museum communities.

The web site gives primacy to a Native interpretative voice, representing Elders in their roles as cultural experts while also sharing anthropological, historical and curatorial knowledge and interpretation. The site includes cultural overviews written by Native writers and maps of the regions represented. Those who contributed to the project are prominently acknowledged with a photo and link to a short biography. Credit to contributors was made highly visible on the site in order to emphasize the collaborative basis of the project and the role of Native Elders as cultural experts. The site contains a search tool with options allowing both guided and self-directed exploration. There is an engaging, illustrative browse tool and a tours option for a virtual gallery experience. Tours will be created by guest curators, such as Native Elders and artists, bringing access to multiple voices and perspectives to the web site. For objects relating to the Beringian region of Alaska and Eastern Siberia, there are Russian translations of records content. Finally, the web site administration tool allows for changes to and creation of object records so that the web site serves as an expandable digital collection, which will grow to include new objects on display in the exhibition under production. An expanded version of this tool will be used to create interactive computer kiosks in the gallery.

An object record includes: an object's English and Native language

name, most with a sound file of a Native translator speaking the word; a quote from an Elder; museum collections info; edited transcripts in English and Native languages with translations; and an historical summary drawing from anthropological, oral history and archival resources. Each object record also provides a hi-resolution image with a zoom option. Some also have a 3-dimensional image. The related media gives context to an object and includes contemporary and archival images, illustrations and, for some, a short film. The films combine footage from collections research with Elders and archival footage, making manifest the expertise of Native Elders and the collaborative nature of the project while providing contextual information about objects. The related objects section provides connections between different types of objects and between different cultures.

In addition to the web site, the Sharing Knowledge project will result in a Smithsonian Gallery and Learning Center currently under production for the expanded Anchorage Museum opening in 2010. The exhibition design, content and educational programming has also been a collaborative process, generated and shaped by a nineteen member panel of advisors representing the state's Alaska Native communities and museums. Over 600 objects from the Smithsonian collections will arrive in Alaska to be installed in the new wing of the Anchorage Museum. They will be on loan for up to twelve years. When the loans expire, new objects from the Washington collections will be brought up. Everything will be on view with nothing hidden behind the scenes. Objects will be

Sharing Knowledge web site at http://alaska.si.edu

Designer's rendering of the Smithsonian Gallery for the Anchorage Museum expansion

displayed at their natural heights in relation to the human form or to how they were used. The exhibit cases will open with an electro-mechanical assist, and an innovative pole and bracket mounting system will allow objects on display to be taken out and brought to a resource room for study, discussions with Elders, small classes and workshops. The whole system also facilitates the rotation of collections from Washington. New objects can be installed or rearranged without redesign of the case or gallery. This design also enables the *Sharing Knowledge* project to be an open-ended process, allowing conversations about cultural meaning and history to continue indefinitely into the future.

The exhibition is arranged geographically with floor-to-ceiling cases representing Alaska Native cultures ranging from south to north and will consist of exhibits and visible storage. Objects will be broadly arranged by culture areas and themes, reflecting cultural uniqueness and cultural connections with specific regional topics. This open plan arose from the advisory process. Members of the panel wanted visitors to see and comprehend the whole sweep of Alaska's cultural diversity in one view and then be able to take their own paths through this apportioned cultural space, seeing both differences and parallels in each region's arts, spiritual concepts and ways of living from the land and sea.

Throughout the gallery, emphasis will be placed on first person, in-depth Indigenous interpretation with connections to anthropology, history, art and science and with multi-media contextual information and interpretative materials. Visitors will pull up information on objects that interest them using interactive touch screen media or sit down in a learning center for access to the full web site with its in-depth information. The web and exhibit media will be integrated, and both will grow as more objects are discussed and new information is documented. In addition to the exhibition space, there will be a

Learning Center providing access to objects for individual research and study and continued collaborative research with Elders, artists and scholars, which will be a major function of the new facility. The Project also lays the foundation for collaborative public programming with Native museums, cultural centers and schools.

In 2006, a small preview exhibit opened at the Anchorage Museum mirroring the design and concept of the future full-scale exhibition, which gave the Native advisors an opportunity to review it. At the opening reception, project contributors, Alaska Native community members and the general public celebrated the work accomplished so far and the plans for the future. With the advisory panel, Smithsonian staff and designers, we are working now on final exhibition plans and on developing the busy program of study projects, lectures and educational activities that will make active use of these unparalleled collections rather than just passive viewing. We are co-planning programs with the Alaska Native Heritage

Sharing Knowledge preview exhibit at the Anchorage Museum

Center for example to have study of these works be one component of their master Native artist classes. Success will be measured by the extent to which the new facility becomes a valued cultural resource for both visitors and for Alaska Native communities statewide.

In closing, we'd like to express our gratitude to the Elders and tribal representatives who are generously collaborating with us on this project. We'd also like to thank, the Rasmuson Foundation, ConocoPhillips Alaska, National Park Service, Smithsonian Institution and Anchorage Museum for their support.

М.Н. Крючкова (Каргополь)

Александр Андреевич Баранов как личность

«Самая яркая личность в истории Аляски» — такими словами охарактеризовал А.А. Баранова известный журналист, писатель и путешественник Василий Михайлович Песков [1]. Вообще мне казалось, что невозможно рассказать о Баранове лучше, чем о нем рассказал Песков в своей замечательной статье «Сказание о Баранове», опубликованной в «Комсомольской правде» 12 октября 1991 г., которую он потом включил в свою книгу «Аляска больше, чем вы думаете». Но вот в 1996 г. вышел в свет исторический роман Аркадия Ивановича Кудри «Правитель Аляски» — великолепная книга, в которой наш земляк предстает перед нами как живой. Автор рассказывает о нем с огромной симпатией и любовью. Познакомившись с этими книгами, вы получите ясное представление о жизни и деятельности А.А. Баранова, о том, что это была за личность.

Имя нашего земляка известно каждому культурному американцу: ведь Баранов стал не только частью истории русского освоения Дальнего Востока и Америки, но и частью истории Соединенных Штатов Америки, истории русско-американских отношений. Кандидат биологических наук, москвич Борис Георгиевич Иванов, побывавший в 1988 г. на Аляске, рассказывает: «Я сам убедился, насколько популярно на Аляске имя Баранова. Его имя носят огромный остров, река, озеро, отели, а в Ситке (бывшем Ново-Архангельске, основанном А.А. Барановым) оно видно почти всюду: улица, мемориальный холм, торговая фирма, магазин — везде Баранов, Баранов, Баранов!» [2].

«У нас это имя почти неизвестно, — с горечью констатирует в книге «Аляска больше, чем вы думаете» В.М. Песков. — Даже историк на мой вопрос смущенно пожал плечами: „Надо глянуть в словарь...“» Правда, москвичи, посмотрев рок-оперу «Юнона и Авось», написанную на сюжет поэмы Андрея Вознесенского композитором Рыбниковым, познакомились с личностью Н.П. Рязанова и с романтической историей любви дочери коменданта испанской крепости в Калифорнии Консепсион (Кончиты) де Аргуэлло и камергера императорского двора. Расскажу вам интересный случай. Когда группе москвичей в исторической компози-

ции нашего музея экскурсовод рассказал об А.А. Баранове и его деятельности в Северной Америке, москвичи чуть ли не с возмущением заявили музейным работникам, что все эти деяния совершил Н.П. Резанов, а не неизвестный никому из них Баранов. Что ж!.. Никто не отрицает заслуг Николая Петровича Резанова, выдающейся личности, государственного деятеля начала XIX в. Ведь это о нем в наши дни адмирал Военно-морских сил США В. Дерс сказал: «Кто знает, если бы не его случайная смерть, то, может быть, в настоящее время Калифорния была бы не американской, а русской!» [4]. Это Резанов выхлопотал для А.А. Баранова чин коллежского советника в 1802 г., понимая, как трудно «бесчиновному» правителю бороться со своеволием некоторых состоявших на службе Российско-американской компании морских офицеров, не признававших авторитета «купчишки» Баранова [5]. Это он спас население Ново-Архангельска от голодной смерти, привезя из Калифорнии закупленные у испанцев продукты. Посетив Русскую Америку и познакомившись с состоянием дел в ней, он преисполнился большим уважением к Баранову, высоко оценил его деятельность. Ум у обоих этих людей был государственного масштаба, взгляды их на будущее Русской Америки совпадали, они очень хорошо понимали друг друга. Но... 28 лет в Русской Америке прожил Баранов!.. Причем как прожил!.. Великолепнейший многосерийный фильм можно было бы создать о его жизни в Северной Америке. Как пишет В.М. Песков: «Ярких страстей и событий, приключений, удач и несчастий, героических дел, стрельбы из мушкетов и пушек хватило бы на длинную серию нынешних вестернов» [6].

Так что же за человек был Александр Андреевич Баранов? Сначала представим, как он выглядел. «Баранов ростом ниже среднего человека, плотен и имеет весьма значущие черты лица, не изглаженные ни трудами, ни летами, хотя ему уже пятьдесят шестой год. Дикие, живущие в отдаленности, приезжают иногда смотреть его и дивятся, что столь предприимчивые дела могут быть исполняемы человеком столь малого росту» — такой словесный портрет дает Гавриил Иванович Давыдов, мичман, состоявший на службе Российско-американской компании, описывая свое путешествие в Америку (речь идет о 1802 г.) [7].

В адрес Баранова было высказано немало упреков за жестокое отношение к коренному населению Северной Америки, за эксплуатацию алеутов и эскимосов.

Существует масса научной литературы, посвященной истории Русской Америки. Мои знания о ней очень скудны, и все же я, на основе тех источников, которые сумела просмотреть, беру на себя смелость защитить Александра Андреевича от обвинений его в жестокости.

Легко рассуждать о жестокости, сидя в мягком кресле в теплом, уютном кабинете. Наверное, стоит поставить себя на место того человека, которого обвиняешь.

Во-первых, Баранов был человеком своего времени, с этой точки зрения нам и нужно рассматривать его деятельность. В то время, в те годы в самой России существовали жестокие крепостные порядки. Великие географические открытия повсюду сопровождались колонизацией «варварских» стран. Туземцев всюду использовали как дешевую или вовсе бесплатную рабочую силу.

Во-вторых, для чего он прибыл в Северную Америку? Отдыхать? Любоваться ее красотами? Нет, хотя говорят, что Аляска очень красива. Перед Барановым стояли определенные и очень нелегкие задачи. Основными из них были организация пушного промысла и контроль за ним. Ведь именно добыча ценной пушнины (прежде всего калана) была главным стимулом колонизации русскими промышленниками Северо-Западной Америки. Русские колонии держались в основном на принудительном труде туземцев. Для добычи морских бобров (так называли русские калана) создавались байдарочные партии из алеутов, под руководством русских начальников партий — байдарщиков. Кроме того, посредством использования труда алеутов и эскимосов добывалось местное продовольствие (мясо и жир китов и других морских животных, рыба, съедобные коренья, ягоды). Не мог правитель Аляски даровать туземцам их прежней «вольности», как того требовали миссионеры, поскольку само существование русских колоний оказалось под большим вопросом [8]. Нужно было осваивать и заселять эту суровую землю, строить крепости и корабли, заниматься огородничеством и скотоводством, развивать торговлю, вести финансы, открывать церкви и школы... Справился ли Александр Андреевич с теми задачами, которые перед ним стояли? Да, справился. «Барановский» период был наиболее блестящим в истории Русской Америки, он ознаменовался значительным расширением ее владений, торговых связей, укреплением экономического благосостояния Российско-американской компании.

В-третьих, железная дисциплина, которую он установил в колониях, была осознанной необходимостью, потому что действовать Баранову приходилось в крайне тяжелой и сложной обстановке. Баранов не был жестоким по натуре человеком, он был жестким, волевым, суровым и требовательным начальником, но «человек иного склада не смог бы удержать в своем повиновении ту пеструю рать из бывалых матросов, ссыльных, отчаянных и беспутных северных промышленников, которые и составляли основное население Русской Америки» [9]. А Виктор Петров в своей книге «Русские в истории Америки» называет людей, с которыми Баранов осваивал Северо-Западную Америку, «ушкуйниками» (в Новгородской земле

XIV–XV вв. члены вооруженных дружин, формировавшихся боярами для захвата земель на Севере и торгово-разбойничьих экспедиций на Волгу): «Не легко было Баранову управлять своей вольницей, но благодаря организаторскому и административному таланту, он смог не только подчинить ушкуйников своей власти и воле, но, что еще более важно, внушить уважение к себе» [10]. Баранов заслужил славу человека с «железной» рукой, но справедливого. Но даже таких людей катастрофически не хватало, и они были разбросаны по немногочисленным поселениям Русской Америки, находящимся на значительном расстоянии друг от друга.

Главное управление Российско-американской компании не очень-то спешило оказать поддержку колониям, поэтому они испытывали хронический недостаток в продовольствии. Самую острую нужду люди испытывали в хлебе, который, несмотря на все старания, в колониях не вызревал. На рубеже XIX в. на материке Северной Америки и у архипелага Александра русские встретились с сильным противодействием чрезвычайно воинственных индейских племен, готовых воевать без всякой причины — просто ради войны.

Кроме того, продвижение русских на юг стало уже наталкиваться на конкуренцию английских и американских торговцев. Последние выменивали у индейцев бобровые шкуры, снабжали индейцев ружьями и даже пушками, продавали ром и другие спиртные напитки, что было запрещено в торговле с аборигенами в Русской Америке, а также подстрекали индейцев к выступлениям против русских [11]. Так, в 1802 г. индейцы-тлинкиты, подстрекаемые и вооруженные американскими торговцами, напали на Михайловскую крепость на острове Ситка, убили всех живших в крепости русских и алеутов, подвергнув многих из них перед смертью мучительным пыткам; разграбили компанейские склады с пушниной, сожгли крепость и строившееся судно. А ведь Баранов обосновался на Ситке с разрешения индейских вождей (тойонов). Правитель настойчиво предупреждал своих помощников и всех промышленников, чтобы они соблюдали предельную деликатность по отношению к колошам (так русские называли индейцев), охраняли всемерно мир с ними, не раздражали их и не оскорбляли, ничего не брали без платы...

Вот в каких условиях создавались и расширялись «заведения» компании в Америке! Но дадим слово очевидцу событий мичману Г.И. Давыдову: «Двенадцать уже лет (речь идет о 1802 г. — *М. К.*), как он (Баранов. — *М. К.*) живет в Америке с народами дикими и грубыми, окруженный всегдашними опасностями, борясь с закоренелым развратом находящихся здесь русских, с беспрестанными трудами, со всеми недостатками, нередко с самим голодом, притом не имеющий ни одного почти человека, способного содействовать

ему с таковою же ревностью, был лишен способов не токмо распространить здешнюю торговлю, но даже противиться мщению некоторых народов или облегчить участь других, порабощенных Российско-американской компанией. Кажется, как будто он без всякой помощи оставлен самому себе находить средства... к поддерживанию заведений в Америке. Все сии труды. Препятствия, горести, недостатки и неудачи не ослабили дух сего редкого человека, хотя, конечно, влили в нрав его некоторую мрачность. Твердость духа его и всегдашнее присутствие разума суть причиною, что дикие без любви к нему уважают его, и слава имени Баранова гремит между всеми варварскими народами, населяющими северо-западный берег Америки...» [12].

В-четвертых, хотя прибыль частных купеческих компаний, а затем и Российско-американской компании обеспечивалась эксплуатацией коренного населения Северной Америки и простых русских промышленников, русское освоение Алеутских островов и Аляски по своему отношению к коренным жителям отличалось в лучшую сторону от крайне жестокой испанской колонизации Америки, а затем и англо-французской уже хотя бы тем, что русские никогда не стремились к геноциду (истреблению отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам) [13]. Так, далекий от добрых чувств к России английский мореплаватель Джордж Ванкувер, исследовавший Тихоокеанское побережье Северной Америки в 1790–1795 гг., отмечает: «Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и доброе согласие, в каком живут русские между самыми грубыми сыновьями природы. Покорив их под свою власть, они удерживают влияние над ними не страхом победителей, но, напротив того, приобретая любовь их благосклонным обращением... Русские находятся на весьма дружественной ноге со всеми жителями края» [14].

Нельзя не отметить, что торгово-промысловое освоение русскими Аляски имело и прогрессивные для своего времени черты: сравнительно демократичный характер освоения, введение более передовых способов производства, земледелия, скотоводства, тенденции к развитию многоотраслевого хозяйства, а также стремление к просвещению коренного населения. Так, А.А. Баранов разработал образовательную программу для местных детей, креолов, у которых отцы были русские, а матери — из коренного населения (алеутки, индианки, эскимоски). Российско-американская компания осуществляла общее образование и подготовку мастеровых различных профессий, мореходов и судовых механиков из туземных детей и креолов. Их обучали не только на островах, но и в Охотске, Иркутске и Санкт-Петербурге. Так, креол Александр Филиппович Кашеваров (1808–1866) дослужился до чина генерал-майора.

Александр Андреевич Баранов считал, что служит не только компании, но и Отечеству. Только при этой высокой цели оправдывались все те неимоверные усилия и лишения, которые он терпел тут с горсткой колонистов. В гимне, сочиненном Барановым, есть такие строчки:

Здесь хоть дика кажется природа,
Кровожадна привычка народов,
Но выгоды важны,
Отечеству нужны
Сносными делают скуку и труд [15].

Но он не собирался до конца дней своих оставаться в Америке и неоднократно просил правление компании послать ему замену. Да и возраст у него был солидный, в то время человек его возраста считался старым.

Из донесения Н.П. Резанова Александру I от 15 февраля 1806 г.: «...Намерен он был (Баранов. — *М. К.*) возвратиться в Россию, но я, видя край без сведущего начальства остающийся и лучших людей за ним последующих (среди русских поселенцев были ведь и такие, которые были готовы идти за ним в огонь и в воду, и это были действительно лучшие из промышленников люди по своим моральным качествам, и они не остались бы в Америке, если бы Баранов покинул ее. — *М. К.*), объявил ему, что Вашему императорскому величеству благоприятно будет, чтоб остался он здесь до присылки из России ему преемника, и он повиновался. Множество полезных его подвигов заслуживают беспристрастно ему отличие» [16].

«Нельзя не заметить... что во всех поселениях Российско-американской компании, которые мне случалось видеть, господствует примерная исправность во всех отношениях. Ничего не проглядеть, на все быть готовым — было правилом Баранова; дух этого необыкновенного человека витает, кстати, и теперь над им основанными заведениями», — писал через 10 лет после смерти Баранова известный русский мореплаватель Федор Петрович Литке. А выдающийся исследователь Аляски Лаврентий Алексеевич Загоскин (1808–1890) вообще считал, что Русская Америка, «...эти полтора миллиона квадратных верст материка Америки есть подарок России от первого главного правителя колоний, впоследствии коллежского советника — Александра Андреевича Баранова... человека, обрекшего себя на 28-летнее отлучение от родины, им пламенно любимой, в край совершенно новый и дикий в ту пору для всей Европы».

Александр Андреевич был человеком чести и долга. Через все 28 лет службы он пронес репутацию честного, бескорыстного че-

ловека. Стяжательские свойства характера у него отсутствовали полностью. Самые острые критики главного правителя не могли обвинить его в преследовании личных целей: располагая огромной и почти бесконтрольной властью, он так и не скопил себе состояния, предпочитая раздавать средства нуждающимся родственникам и знакомым или жертвовать их на церковь, училище или в пользу бедных. Обратимся снова к свидетельству Гавриила Ивановича Давыдова: «Он (Баранов. — *М. К.*) не легок на знакомства, но для друзей своих не жалел ничего, любит угощать иностранцев всем, что имеет, и всегда с удовольствием помогает бедным. Совершенное бескорыстие — не первая в нем добродетель. Он не только не жаден к собиранию богатств, но и праведное стяжание свое (то есть то, что заработал) охотно уделяет знакомым своим, претерпевающим недостаток» [17]. Известно, что часть своего жалованья Александр Андреевич отдавал Ивану Александровичу Кускову, своему ближайшему помощнику, и правителю Кадьякской конторы Баннеру, чтобы удержать их в Америке, так как они были как раз из тех людей, на которых он мог положиться. Жалованье у них было небольшое. В Тотьме есть собор (Богоявленский), восстановленный после пожара 1815 г. на пожертвования. 1 000 руб. поступила из Русской Америки «от Баранова и других служащих Российско-американской компании». Находясь далеко от Каргополя, Баранов стремился денежно способствовать воспитанию в родном городе бедных детей и содержанию гражданского училища [18]. И снова возникает вопрос: мог ли быть такой человек жестоким? Лично я во всех этих фактах вижу проявление деятельной любви к людям. Не знаю, как вам, а мне бы очень хотелось, чтобы среди наших начальников было побольше таких «жестоких» людей!

Хочется отметить, что правитель Русской Америки был заботливым мужем и отцом. Имея обширные знания во многих областях жизни, приобретенные ценой самообразования, он стремился дать своим детям систематическое образование. Его дочь Ирина знала два иностранных языка (английский и немецкий), играла на фортепиано. Сын Антипатр, выросший в гавани, куда приходили корабли со всех концов света, бредил морем и еще в детстве твердо решил стать моряком. С тринадцати лет он участвовал в морских плаваниях на судах компании, причем Александр Андреевич просил капитанов, чтобы они не делали его сыну никаких скидок, относились к нему как к рядовому члену команды судна. Антипатр умел обращаться с компасом и парусами, по вантам лазил, как кошка, бесстрашно вел себя во время шторма.

«Счастливое произведение природы», «редкий человек», «необыкновенный человек», «исключительно одаренная личность» — все

эти высокие оценки относятся к нашему земляку. Об А.А. Баранове можно рассказывать бесконечно. Но... читайте Василия Михайловича Пескова и Аркадия Ивановича Кудрю.

Заканчиваю свою статью высказываниями двух наших современников, исследовавших жизнь и деятельность А.А. Баранова. Американец русского происхождения Виктор Петров в книге «Русские в истории Америки» пишет: «Не будь Баранова, не было бы и Русской Америки, и неизвестно, смогли ли бы русские удержаться на Аляске» [19]. В.М. Песков считает Александра Андреевича Баранова человеком, по масштабу личности равным Петру I и Суворову [20].

Примечания

1. Песков В. Аляска больше, чем вы думаете. М., 1994. С. 141.
2. Иванов Б. Именем земляка // Коммунист. 1989. 25 мая.
3. Песков В. Указ. соч. С. 141.
4. Сурник А.П. Последнее письмо камергера // Русская Америка. 1995. Вып. IV. С. 29.
5. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815: сб. док. М., 1994. С. 44.
6. Песков В. Указ. соч. С. 140.
7. Российско-американская компания... С. 66.
8. Гринев А. Правитель Русской Америки // Былое. 1996. № 12.
9. Кудря А. Правитель Аляски: Ист. роман. М., 1996. С. 166–167.
10. Петров В. Русские в истории Америки. М., 1991. С. 75.
11. Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М., 1994. С. 13.
12. Российско-американская компания... С. 66.
13. Русская Америка. С. 35.
14. Песков В. Указ. соч. С. 143; Алексеев А. Колумб российский // История: Науч.-попул. оч. М., 1985. С. 42–47; Российско-американская компания... С. 35.
15. Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск / сост., предисл., коммент. и указания Г.С. Федоровой. М., 1985. С. 222.
16. Российско-американская компания... С. 145.
17. Там же. С. 66.
18. Онучина И. Неизвестные письма Александра Баранова // Коммунист. 1996. 29 июня.
19. Петров В. Указ. соч. С. 70.
20. Песков В. Указ. соч. С. 142.

Т.А. Крючкова (Иркутск)

Иркутские страницы земной жизни святителя Иннокентия Вениаминова

Город Иркутск особо отмечен в жизни святителя Иннокентия Вениаминова. 15 лет в период своей молодости и становления личности он провел в столице Восточной Сибири. Родившись 26 августа 1797 г. в семье пономаря церкви св. Илии Пророка в с. Анга Верхоленского уезда на севере Иркутской губернии, Евсевия Попова, Ваня Попов, будущий знаменитый миссионер, в возрасте 11 лет был привезен в Иркутск и 8 марта 1808 г. поступил в Иркутскую духовную семинарию. Двухэтажное здание семинарии, находящееся на Нижней набережной, сохранилось до нашего времени. В нем располагается в настоящее время один из корпусов Педагогического университета. В семинарии было 8 классов, в которых изучались богословие, риторика, философия и другие предметы, здесь же находились комнаты для проживания семинаристов. Так как в семинарии было несколько учеников с фамилией Попов, то для отличия Ивана называли Поповым-Ангинским, а позднее ректор семинарии сменил ему фамилию на «Вениаминов» в память умершего в 1814 г. епископа Вениамина (Багрянского). За десять лет обучения в семинарии, отличаясь огромным трудолюбием и природной любознательностью, Иван прекрасно освоил все науки, много читал и овладел несколькими ремеслами, которые после очень пригодились в миссионерской деятельности. Известно, что, помогая часовому мастеру отремонтировать городские часы на колокольне Спасской церкви, он досконально изучил часовой механизм и впоследствии сам изготовил несколько часов и музыкальных органчиков, которые исполняли духовные гимны [1].

За год до окончания семинарии Иван Вениаминов был посвящен в диакона. Обряд посвящения 13 мая 1817 г. проводил епископ Иркутский, Нерчинский и Якутский Михаил (Бурдуков) в Иркутской Крестовоздвиженской церкви [2], а служебное место новому диакону по его прошению было представлено в Иркутской Благовещенской церкви [3]. 1 мая 1817 г. префект протоиерей Никифор Парняков подал рапорт епископу Михаилу о том, что «Иркутской семинарии студент богословия Иван Вениаминов с дочерью священника Иоанна Шарина девицею Екатериною в здешней Благовещенской церкви апреля 29-го дня по церковному чиноположению мною обвенчан» [4].

В 1818 г. И. Вениаминов закончил Иркутскую семинарию. 18 мая 1821 г. он был рукоположен в священника к той же Благовещенской церкви и прослужил в ней два года, открыв воскресные «христианские уроки» для детей прихожан. Кроме этого он преподавал церковное пение в семинарии. Во исполнение указа Синода епископ Михаил должен был послать во владения Российско-американской компании на о. Уналашку Алеутского архипелага священника. После некоторых колебаний Иван Вениаминов дал свое согласие и 7 мая 1823 г. с семьей выехал из Иркутска к новому месту назначения, куда добирался более года.

К Иркутской Благовещенской церкви Великий святитель земли русской питал особое благоговейное чувство. Вот как описывает И. Барсуков, составивший обширный труд о жизненном пути Иннокентия, посещение им Благовещенской церкви в марте 1841 г., когда назначенный во вновь учрежденную епархию Российско-Американских церквей и посвященный в Петербурге в декабре 1840 г. в епископа Камчатского, Курильского и Алеутского, он проездом останавливался в Иркутске:

«В первое воскресение, по прибытии своем в Иркутск, преосвященный Иннокентий совершил Литургию в церкви Благовещения... При входе в церковь Преосвященный, поцеловав поднесенный ему крест и окинув церковь глазами, направился приложиться к иконам; и затем, совершив общее благословение народу своим большим, полным крестом, приступил к священнодействию. Священни-

Иркутская духовная семинария

ки, бывшие товарищи его, подходили к нему за благословением; на лицах их было заметно удивление. Весь город устремился в церковь, посмотреть на прежнего Благовещенского дьякона, превратившегося в архиерея. Теснота была страшная, так что полиция не знала, что и делать. По окончании литургии, преосвященный Иннокентий преподал в храме и по выходе из него святительское благословение каждому из множества собравшегося народа» [5].

Существует предание, что в один из приездов святитель Иннокентий нашел в Благовещенском храме свой дьяконский стихарь [6], в котором он служил здесь в свои молодые годы, и забрал его с собой. Известно также, что он завещал похоронить себя в этом стихаре, эта просьба была выполнена.

Любопытно, что история строительства Благовещенской церкви косвенно связана с освоением русскими берегов Русской Америки. В клировых ведомостях о Благовещенской церкви говорится, что она построена в 1785 г. «тщанием купца Ивана Ивановича Баушева и прочих доброхотных дателей» [7]. Но в Государственном архиве Иркутской области нам встретился очень интересный документ. Это письмо иркутского епископа Михаила архимандриту Иркутского Вознесенского монастыря Сенесию от 1 июня 1784 г. Он пишет: «Преподобнейший отец архимандрит Сенесий. Здешние иркутские купцы Михайло Сибиряков, Дмитрий Сизых и Николай Мыльников просили меня о даче позволения о строении заложенной здесь в городе Иркутске поблизости кузнечного ряду покойным преосвященным Софронием епископом иркутским по просьбе бывшего купца Ивана Бечевина во имя Благовещения Пресвятой Богородицы каменной церкви. Однако ж за много прошедшим временем и за сгорением в духовной консистории письменных дел о заложении оной церкви никакого дела не отыскалось, а поелику Ваше преподобие в тогдашнее время при его преосвященстве первенствующим находились, то Ваше преподобие прошу меня уведомить: не припомните ль Вы — в котором году и не Вами ли, или кем другим из духовных чинов оная церковь была заложена; чего ожидая с благосклонностию к Вам пребываю Вашего преподобия усердный доброжелатель и богомолец Михаил епископ Иркутский и Нерчинский» [8].

Ответ архимандрита Сенесия, в котором должна быть указана дата начала строительства Благовещенского храма, к сожалению, нами в архиве не найден. Но письмо епископа Михаила Миткевича все же проливает свет на этот вопрос. Судя по этому письму, Благовещенская церковь была заложена при епископе Софронии, который занимал Иркутскую епископскую кафедру с 1754 по 1771 г. В документе говорится, что церковь начала строиться по просьбе Ивана Бечевина, который погиб 13 декабря 1759 г., т. е. время закладки здания церкви ограничивается 1754–1759 гг.

Среди иркутских меценатов XVIII в. фигура иркутского купца

Ивана Степановича Бечевина (ок. 1701–1759) ярко выделяется. В 1740–1750 гг. он владел винным откупом, имея баснословные прибыли. Участвуя в морских промыслах на Тихом океане, он также имел большой доход. Сохранилось предание, что у него золотые и серебряные деньги хранились в бочонках, а медные — в бочках, прикованных к стенам кладовой. Молву о большом богатстве Бечевина подтверждает тот факт, что во второй половине 1750-х гг. на его средства начали строиться в Иркутске сразу три обширных каменных храма: Тихвинская церковь (заложена в 1754 г.), в приходе которой он жил, Знаменская (заложена в 1757 г.) и Благовещенская (между 1754 и 1759 г.).

Иркутская Благовещенская церковь

Причиной остановки строительства Благовещенской церкви явились чрезвычайные события, происшедшие в Иркутске в 1758–1761 гг., которые довольно пространно описываются в Иркутской летописи. 8 июля 1758 г. в Иркутск приехал следователь Петр Никифорович Крылов. Первое время, никак не проявив себя, Крылов сошелся со многими жителями, собрал сведения о всех держателях кабаков, а затем через полгода резко изменил свое поведение. Путем угроз, арестов, описей имущества Крылов стал вскрывать нарушения в винной продаже и отбирать деньги, якобы нечестно нажитые иркутскими откупщиками. Тех, кто не сознавался, он пытал и добивался того, что люди подписывали все, что от них требовал Крылов. Купец Иван Бечевин от таких пыток умер. В Иркутской летописи опубликован список 110 иркутских граждан, у которых Крылов изъял 155 090 руб. 55 коп. Больше всего денег в этом реестре было записано за Бечевиным: 30 000 руб. В период деятельности Крылова в Иркутске значительная часть иркутского купечества была запугана и разорена [9].

В 1761 г., по предписанию губернатора Соймонова, Крылов был

арестован и отправлен в Петербург. Чем окончилась его ревизия — неизвестно: по одним источникам, он был наказан кнутом и сослан на каторгу, по другим — избежал всякого наказания благодаря покровительству пославшего его в Сибирь обер-прокурора Глебова.

Здание Благовещенской церкви строилось и благоустраивалось довольно продолжительное время. В ней было устроено четыре престола. Главный холодный, т. е. неотапливаемый храм, богослужения в котором велись только летом, был освящен в честь Благовещения Пресвятой Богородицы 29 октября 1804 г. Два теплых придела, располагавшиеся с западной стороны от главного храма, были освящены раньше: придел по правую руку от входа, посвященный трем святителям: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, — 16 ноября 1785 г.; слева во имя великомучениц Екатерины и Варвары — 26 июля 1789 г. И третий придельный храм под колокольнею в честь святых Сергия Радонежского, Макария Унженского и Макария же Калязинского был устроен как раз в то время, когда в Благовещенской церкви служил Иоанн Евсеевич Попов-Вениаминов. Придел освящен был 4 августа 1821 г.

Здание Благовещенского храма не сохранилось. Причем Благовещенский храм погибал дважды. Первый раз это произошло в 1879 г., в один из самых ужасных иркутских пожаров, когда 22 и 24 июня практически выгорел весь центр города (75 кварталов с 105 каменными и 3 418 деревянными постройками). Очень пострадали четыре церкви — Владимирская, Харлампиевская, Тихвинская и Благовещенская. Распространению пожара способствовал сильный ветер, который перебрасывал огонь по крышам. Яркой иллюстрацией страшного поверхностного огня могло служить то обстоятельство, что большой колокол Благовещенской церкви растопился и стек на землю. Стены Благовещенского храма очень пострадали, отремонтировать их не представлялось возможным, и церковь полностью, начиная с фундамента, перестроили. Второй раз уже окончательно здание Благовещенской церкви было разрушено в 1930-е гг. воинствующими безбожниками. На том месте в настоящее время находится жилой дом.

В следующие свои приезды в Иркутск, в 1857, 1858, 1859, 1865 и 1868 гг. святитель Иннокентий Вениаминов обязательно бывал в Благовещенской церкви. Особенно иркутянам запомнилось его последнее посещение г. Иркутска в 1868 г., когда он, назначенный на высокий пост митрополита Московского и Коломенского, ехал с Дальнего Востока к месту своего служения в Москву.

В Иркутской летописи подробно описываются все важные события его пребывания в Иркутске с 13 марта по 20 апреля, взволновавшие весь город:

«1868 г.

13 марта, в полдень, при ярком сиянии солнца раздался торжественный звон церквей Иркутска. По Амурской улице ехал с Восто-

ка Высокопреосвященный Иннокентий, назначенный митрополитом Московским. Соборная площадь была полна народа. У подъезда архиерейского дома гостя встретил Иркутский архипастырь [Парфений] с почетным духовенством. В покоях архиерейского дома ожидали владыку Иннокентия генерал-губернатор М.С. Корсаков, губернатор и прочий генералитет, военный и гражданский, а также представители городского общества и почетного купечества, которые владыке поднесли хлеб-соль.

15 марта Высокопреосвященнейшему митрополиту Иннокентию представлялось все иркутское духовенство и поднесло ему хлеб-соль.

24 марта. В кладбищенской по случаю престольного праздника совершено торжественное богослужение митрополита Иннокентия в сослужении арх. Парфения, еписк. Вениамина и городского духовенства.

Церковь Иерусалимская, недавно обновленная усердием ее старосты, иркутского купца Дмитрия Дмитриевича Демидова, которого после литургии иерархи и посетили.

25 марта. В Благовещенской церкви торжественное богослужен. трех иерархов [митрополита Иннокентия, архиепископа Парфения и епископа Вениамина], при которой Высокопреосвященный митрополит за 47 лет пред сим начал свое священническое служение. После литур-

Архиепископ Парфений (Попов), митрополит Иннокентий (Вениаминов) и архиепископ Вениамин (Благонравов)

гии архипастыри посетили старосту Николая Семеновича Котельникова, которого дед служил также церковным старостою при Благовещенской церкви, тогда Высокопреосвященный Иннокентий был при ней священником. Это один из тех приходских домов, который отец Иоанн Вениаминов в свое время отличал особенною любовию и уважением за богобоязненность и примерную расположенность к приходскому клиру. Надо было видеть, с каким умилением старушка, мать настоящего старосты Н.С., смотрела теперь на посещение высокого гостя, в молодых летах знавшая его своим приходским священником и дожившая до счастья увидеть его у себя в доме в сане митрополита Московского.

31 марта Пасхальную утреню и литургию совершали в кафедральном соборе Московский и Иркутский архипастыри в сослужении соборного духовенства. Евангелие читано на славянском, греческом, еврейском, немецком и русском языках. Вечерню служил в соборе Высокопреосвященнейший Иннокентий, а Преосв. Парфений — в своей домовой церкви.

1 апреля. Оба иерарха служили литургию в церкви при семинарии.

2 апреля. Иерархи служили литургию в Знаменском монастыре, после которой посетили настоятельницу обители игуменью Сусанну, а затем училище девиц духовного звания.

4 апреля. В четверг на светлой седмице Иркутск с тою же торжественностию, как и в прошлом году, праздновал спасение Государя в 1866 году. Но к торжеству этому присоединилось служение и шествие в торжественной процессии митрополита Московского и Коломенского Иннокентия. Самое же пребывание митрополита — случай для Иркутска небывалый и едва ли когда может повториться. Иркутяне счастливы, что им привелось провести этот день так торжественно, благодаря воле Государя, возведшего глубокоуважаемого чтимого иркутянами архипастыря в высший сан духовной иерархии. После богослужения на штабной площади пред иконами, принесенными из собора, совершен благодарственный по чину пасхальному молебен с коленопреклонением. При возглашении многолетия Государю Императору произведен салют из пушек и звон во всех церквах города.

7 апреля. По случаю храмового праздника, в Воскресенской церкви совершили литургии оба иерарха. Церковь после повреждения ее пожаром, украшена новым иконостасом и обновлена усердием бывшего старосты Михаила Александровича Сибирякова. После службы иерархи посетили настоящего старосту А.А. Терентьева.

17 апреля, в день рождения Государя Императора Александра Николаевича, литургию в соборе совершали иерархи Иннокентий, Парфений и Вениамин. Вот те, которые сослужили митрополиту Иннокентию последний раз: архимандрит настоятель Вознесенского монастыря Мартиниан, начальник Иркутской миссии Епифаний, инспектор семинарии Иаков; протоиереи: кафедральный Прокопий Громов, из Благовещенска Гавриил Вениаминов (сын митрополита). Вознесенской цер-

кви Василий Карташов, священники: ключарь собора Иоанн Чирцов, благочинный городской — Константин Сотников. Соборные: Валериан Петухов и Иннокентий Пономаревский; за протодиакона Федор Попов и диаконы соборные — Михаил Громов, Антипатр Малов.

19 апреля митрополит Иннокентий в архиерейском доме простился с Генер.-Губернатором, начальствующими лицами, духовенством и представителями городского общества. Выехал в 4 часа дня в Вознесенский монастырь. До перевоза его сопровождала большая толпа народа, которые подходили под благословение. Севши на карбаз, отплыл, сопровождаемый некоторыми лицами, пожелавшими проводить его до монастыря.

Назавтра, 20-го, он совершил напутственную литургию при мощах Св. Иннокентия в Успенской церкви. По окончании литургии арх. Парфений отслужил молебное пение за Высокопреосвященного путешественника. Затем иерархи, генералитет и все почетные посетители отправились в настоятельские покои. После обеда, когда подавали чай, юноша 18 лет, окончивший курс гимназии, сын полковника Андрей Николаевич Медовиков сказал владыке прощальное слово, коим тронул как его, так и всех присутствующих. В три часа, со всеми простившись, владыка пошел из обители, где за воротами его ждал экипаж. Стечение народа было большое; всем хотелось еще раз увидеть дорогого владыку. До первой станции его проводил настоятель монастыря и несколько духовных лиц.

На Иерусалимском кладбище похоронена жена митрополита Иннокентия Екатерина, умершая 24 ноября 1839 г., тогда еще бывшего священника Иоанна Вениаминова» [10].

Примечания

1. Дулов А.В. Иркутск и Русская Америка (памятники и памятные места города) // Русская Америка 1799–1867: материалы междунар. конф. «К 200-летию образования Российско-американской компании 1799–1999». Москва, 6–10 сент. 1999 г. М., 1999. С. 110–111.

2. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2027. Л. 6 об.

3. Там же. Л. 1.

4. Там же. Л. 3.

5. Барсуков И. Иннокентий Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 142.

6. Стихарь — длинное с широкими рукавами без разрезов дьяконское одеяние.

7. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4735. Л. 33.

8. ГАИО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 9. Л. 52.

9. Иркутская летопись (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова) // Труды Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1911. С. 77–89.

10. Романов Н.С. Иркутская летопись (1857–1880 гг.). Иркутск, 1914. С. 225–228.

Р.Р. Кычкин (Якутск)

Представители Якутского округа на службе в Российско-американской компании. Середина XIX в.

В первой половине XVIII в. под руководством В. Беринга были осуществлены две экспедиции на север Тихого океана. Это стало причиной резкого роста Охотска, развития в нем судостроения и увеличения перевозок через него. Экспедиции основательно оживили глухую окраину Российской империи.

В 1785 г. Биллингс вместе с Сарычевым был поставлен во главе Северо-Восточной экспедиции, которая имела целью обследование севера Тихого океана [7, с. 165]. Хотя не все задачи экспедиция выполнила, собранный ею научный материал использовался исследователями вплоть до XX в.

В подготовку и осуществление этой экспедиции посильную лепту внесли и якутяне, но больше всего труда и сил положили якуты, перевозившие на своих лошадях экспедиционные грузы по Охотскому тракту. Вот характеристика этого тракта, данная комендантом Маркловским в переписке с иркутским генерал-губернатором: «По тракту, по которому сия доставка чинится, никаких станков еще не определено, следовательно, в таких пустых и безкормных для лошадей местах должны они нести упадок оных, и чрез то и ощущать разорение»*.

Среди русских осваивавших побережье Американского континента были и наши земляки. В выявлении их имен есть трудности, в письменных источниках того времени якуты обычно упоминаются по отдельности и могли быть отнесены к русским.

Для поступления на службу в Российско-американскую компанию якуты получали разрешение от местной власти. Инородные управы выдавали билеты на право выезда из наслега на определенный срок. По истечении срока билета пересылались Новоархангельской конторой вместе с донесением в Главное правление Российско-американской компании для замены их новыми.

Компания выплачивала жалованье в 350 руб. в год, которое выдавалось ежемесячно. Срок службы полагался в семь лет, по исте-

* ЦГА РС (Я) 349-и. Оп. 1. Д. 138. Л. 375, 376.

чении которого компания обязывалась отправить домой работника за свой счет.

Наши земляки в основном были заняты на присмотре за скотом, охоте на морского котика и плотницких работах. Якутия к тому времени была в составе России довольно продолжительное время и якуты хорошо владели русским языком. Карл фон Дитмар сообщал, что «якутов, пользующихся особенно славою хороших плотников, нередко нанимают для построек в Аян, Охотск, Петропавловск и даже на Ситху» [5, с. 29].

С 1818 г. компания начинает использовать якутов как скотоводов — в том, в чем они имели доказанное временем и своим укладом жизни умение. 1 июня 1820 г. в колонии Форт Росс было 3 якута — Петр Попов, Герасим Попов и Логин Захаров. В июле туда прибыл Яков Охлопков, а в декабре Егор Захаров.

Вероятно, первым якутом, прибывшим в Русскую Америку, был Логин Захаров. Это произошло в 1816–1817 гг.

Кроме присмотра за скотом, якуты были задействованы и на плотницких работах, включая сюда и кораблестроение. Их имена значатся в Списке денежных компенсаций за строительство суда «Кяхта». Из семи плотников I класса двое — якуты, Герасим Попов и Яков Охлопков. За свою работу они получили по 100 руб. За строительство судна «Волга» Хлебниковым был представлен список денежных компенсаций мистеру Шмидту (правителю крепости Росс с 1822 по 1824 г.). В списке значатся главный плотник Герасим Попов, его вознаграждение составило 125 руб., плотник Яков Охлопков (75 руб.) и Петр Попов (50 руб.).

Кстати, заниматься скотоводством в условиях непосредственной близости от индейских племен было делом нелегким. Индейцы регулярно похищали скот.

Если в первые годы в Форте Росс были только мужчины, то позднее стали прибывать и их жены с детьми.

Всего с 1820 по 1838 г. в Форте Росс побывало 11 мужчин и 4 женщины. Можно насчитать 4 якутские семьи и две смешанные семьи. Это плотник Егор Захаров и Наталья. Наталья была индианкой. У них был сын Симеон. В 1837 г. Егор Захаров был отправлен в Россию. Вероятно, он вернулся на родину, в Якутию. Нет никаких свидетельств о его семье после отъезда. Возможно, Наталья с сыном вернулась в свою родную индейскую деревню.

Петр Попов также имел жену, калифорнийскую индианку, ее имя Катерина Степанова. В 1829 г. они вернулись на Ситку. Петр и Катерина имели двух дочерей, Матрену и Ирину, данные архивов указывают, что Матрена в возрасте 14 лет и Ирина в возрасте 7 лет были отправлены на Ситку в 1831 г.

В 1836 г. Вениаминов провел очередную перепись населения Форта Росс. Из 110 человек якутов было двое.

Находившиеся на Аляске якуты являлись выходцами из Центральной Якутии. Большинство из улусов и наслегов, расположенных на правой стороне р. Лены, по пути от Якутска к Охотскому морю.

Только в одном архивном документе от 31 августа 1860 г., представляющем собой «Указ Якутского земского суда Ботурусской инородной управе о пребывании якутов на службе Российско-американской компании на Аляске», приведены имена более 20 якутов. К ними относились родовичи Ботурусского улуса (I и II Хатылинских, I Бологурского, Сыланского, I Чакырского наслегов) и Мегинского улуса (I и II Мельжахсинских, Батаринского, Мегюренского, Жабыльского наслегов).

№	Фамилия, имя	Улус	Место прибытия	Возраст
1	Березкин Алексей	Мегинский, Жабыльский н-г (II Мельжахсинский н-г)		Умер в колониях в 1853 г
2	Васильев Федор Таяны	Мегинский, Мегюренский н-г		
3	Герасимов Константин	Мегинский, I Мельжахсинский н-г		40 лет
4	Григорьев Филипп		1851 г. Остров Кадьяк	Умер в декабре 1855 г.
5	Захаров Алексей	Мегинский, II Мельжахсинский н-г		
6	Иванов Алексей-Байбытыр	Мегинский, Жабыльский н-г (II Мельжахсинский н-г)		Умер в 1853 г.
7	Избеков Федор	Мегинский, Мегюренский н-г		
8	Кривошапкин Иван	Ботурусский, II Хатылинский н-г	В Ново-Архангельске	Умер в феврале 1857 г.
9	Кыйман Семен	Ботурусский, II (I) Хатылинский н-г	Прибыл в 1836 г.	58 лет. Умер в ноябре 1851 г.
10	Макаров Михаил	Ботурусский, Сыланский наслег	Прибыл в 1851 г. С 1852 г. находился в Кадьякском отделе	45 лет (в 1851 г. 37 лет)
11	Михайлович (Михайлов) Алексей	Мегинский, Мельжахскинский н-г		24 лет
12	Нартын Герасим	Ботурусский, I Хатылинский		68 лет
13	Неустроев Константин	Мегинский, Батаринский н-г		35 лет
14	Никифоров Семен	Ботурусский, II Хатылинский н-г		Умер в ноябре в 1851 г.
15	Пономарев Герасим	Ботурусский, I Хатылинский н-г	Прибыл в 1859 г. (на службе в компании с 1819 г.). В Ново-Архангельске	На 1 июня 1851 г. было 71 год (На 1 июня 1859 г. было 71 год) (в 1852 г. было 65 лет).

16	Попов Иван	Мегинский, Батаринский н-г		Умер в сентябре 1859 г.
17	Посельский Григорий			52 лет
18	Оконешников Наум Константинович	Ботурусский, Сыланский н-г	Прибыл в 1851 г. С 1852 г. находился в Кадьякском отделе	34 лет (в 1851 г. 28 лет)
19	Санников Константин	Мегнинский, Батаринский н-г		В 1851 г. 25 лет (в 1852 г. было 25 лет)
20	Устинов Данил	I Чакырский н-г	В 1851 г. в Ново-Архангельске	
21	Федоров Алексей	Мегинский, I Мельжахсинский н-г		37 лет (в 1860 г. 35 лет)
22	Федоров Григорий	Мегинский, Мельжахсинский н-г		33 лет
23	Александра			47 лет (37 лет)
24	Иван			2 года

Якуты наравне с русскими терпели все тяготы рискованной жизни в Америке. Некоторые погибали, так, якуты Жабыльского наслега Мегинского улуса Алексей Иванов погиб в 1853 г. во время пребывания на островах англо-французской эскадры, а Федор Избеков из Мегюренского наслега потерялся в 1856 г. на острове Уруп, после посещения острова командой все той же англо-французской эскадры (некоторые исследователи утверждают, что Избеков попал в плен и в последующем шли переговоры о его выкупе).

Таким образом, на основании изучения архивных документов из фондов НА РС (Я) и литературных источников можно сделать следующие предварительные выводы.

Первопроходцы полагали, что на том берегу пролива разговаривают на тех же языках, что и на этом. Убедившись, что вроде бы родственные, с почти одинаковым хозяйственным и культурным укладом жизни народы не всегда понимают друг друга, они, вполне возможно, подключили к этому делу якутов. Но как сейчас понятно, якуты оказались значительно далеки от аляскинских эскимосов, алеутов, индейцев и по языку, и по культуре.

Якутяне оказали самую необходимую и действенную помощь первопроходцам продовольствием, транспортом, проводниками и переводчиками.

Умения простых якутских плотников и скотоводов оказались необходимы и в Русской Америке.

В будущем надеюсь продолжить исследования по данной теме на основе изучения новых документов.

Приложение 1

1860 г. августа 31. — **Указ Якутского земского суда Ботурусской инородной управе о пребывании якутов на службе «Российско-американской компании» на Аляске.**

Указ его императорского величества самодержца Всероссийского из Якутского земского суда Ботурусской инородной управе. Якутское областное правление указом от 16 августа за № 3888 дало знать сему суду, что оно от 2, 8** и 10 мая 1859 года за № 1256***, 2248 и 2245 с препровождением списков о якутах Якутского округа, находящихся на службе в Российско-американской компании в колониях, просило главного правителя колонии в Америке уведомить оное, тех ли лет находящиеся там Якутского округа якуты, как значатся в списке, и не имеют ли они при себе семейств, и если имеют, то кого именно, и также сообщить оному общий список обо всех вообще находящихся на службе в колониях. На что правитель колонии капитан 1-го ранга Фуругельм препроводил в Областное правление в копии донесение Ново-Архангельской конторы о якутах, находящихся в колониях с выпискою из справочной книги о служащих в колониях, присланною главною конторою. Оказалось следующее: в списке Областного правления были помещены якуты Якутского округа, Ботурусского улуса, Сыланского наслега Михайло Макаров 45 лет, который, как значится в выписке конторы, находится в Кадьякском отделе и по имеющемуся там билету, выданному ему в 1851 году, 37 лет; Наум Константинов Оконешников 34 лет, которому по билету, данному тоже в 1851 г., значится 28 лет, 1-го Хатылинского наслега Герасим Нартын — 68 лет; Мегинского улуса, Батаринского наслега Иван Попов умер в сентябре 1859 г.; Константин Неустроев 35 лет, о котором сведений в конторе не имеется. 1-го Мельжахсинского наслега Константин Герасимов 40 лет, Григорий Федоров 33 лет и Алексей Михайлович 24 лет — все эти якуты, как уведомила контора, на службе в колониях не состояли.

Того же наслега Алексей Федоров, по уведомлению конторы, от роду имеет 37 лет, при нем жена Александра 47 лет и сын Иван 2 лет; 2-го Мельжахсинского наслега Григорий Посельский, 52 лет, умер; Жабыльского наслега Алексей Иванов умер в 1853 году во время бывшей на том острове англо-французской эскадры; Ботурусского улуса, 2-го Хатылинского наслега Семен Кыйман 58 лет, о котором сведений в конторе не имеется, находился на службе в колониях. Того же улуса якут того же наслега Семен Никифоров умер в ноябре 1851 г.; Мегинского улуса, Жабыльского наслега якут Алексей Березкин умер в колониях в 1853 году; Ботурусского улуса, 1-го Хатылинского наслега Герасим Пономарев, которому по списку Ново-Архангельской конторы по 1 июня 1859 г., на основании его отзыва значится 71 год; Санников Константин Мегинского улуса, Батаринского наслега, которому по билету, выданному в 1851 году, значится 25 лет. Якут того же улуса, Мельжахсинского

** В тексте ошибочно: 28.

*** Вероятно, № 2156, см. приложение 1.

наслега, Алексей Захаров, по уведомлению комиссионера «Российско-американской компании» Посельского, находится в колониях, но из списка Ново-Архангельской конторы видно, что сведений о нем там не имеется. Вследствие сего Областное правление, усматривая из вышеизложенного, что находящиеся на службе в колониях якуты Якутского округа, Мегинского улуса, наслегов: Батаринского — Иван Попов, 2-го Мельжахсинского — Алексей Иванов Байбытыр и Алексей Березкин, Мегюренского наслега Федор Избеков; Ботурусского улуса, 2-го Хатылинского наслега Семен Никифоров — умерли в разное время, а Федор Избеков потерялся на острове Уруп в 1856 г., после бывшей на том острове англо-французской эскадры, предписало сему суду исключить их в ревизской сказке. О якуте Мегинского улуса, 1-го Мельжахсинского наслега Алексее Федорове — исправить лета, как он в настоящее время, по уведомлению конторы колонии, основанному на отзыве его, имеет от роду 35 лет, жена его Александра — 37 лет и имеют при себе сына Ивана 2 лет, который по сказкам 10-й переписи не значится, почему и считают его прописным. Якуты же Ботурусского улуса, 1-го Хатылинского наслега Герасим Пономарев и Мегинского улуса, Батаринского наслега Константин Санников, из которых 1-му Ново-Архангельская контора, на основании его отзыва, считает по 1-е июня 1859 года 71 год, а последнему по билету, данному в 1852 г., значится 25 лет, но этих якутов по сказкам с их наслегов по 10-й переписи как не значится, то я препровождением имянных списков [предписываю] удостовериться через участковых заседателей, почему упомянутые родовичи не вошли в 10-ю перепись и вместе с тем распорядиться считать их наличными. Затем якутов Ботурусского улуса, 1-го Хатылинского наслега Герасима Нартын 68 лет, Мегинского улуса, наслегов: Батаринского — Константина Неустроева 35 лет, Мельжахсинского — Константина Герасимова 40 лет, Григория Федорова 33 лет и Алексея Михайлова 24 лет; Мегюренского наслега Федора Васильева Таяны, Ботурусского улуса, 2-го Хатылинского наслега Семена Кыймана 58 лет, Мегинского улуса, 2-го Мельжахсинского наслега Алексея Захарова, как не оказавшихся в колониях на службе, поручить (сему) суду разыскать, где именно в настоящее время находятся эти якуты, что должно быть известно из билетов, выдаваемых им из инородных управ. А потому приказали: с прописанием настоящего указа и с препровождением копий с присланных выписок дать знать Ботурусской инородной управе для должного исполнения, с тем, чтобы она о последствии разыскания не оказавшихся на службе компании якутов немедленно доложила земскому суду.

Присутствующий

За секретаря****

Управляющий столом Астраханцев.

ЦГА ЯАССР, ф. 29–и, оп. 1, д. 362, л. 26–27.

Подлинник. Рукопись.

**** Подписи неразборчивы.

Приложение 2

Приложения к указу Якутского земского суда Ботурусской инородной управе от 31 августа 1860 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ВЫПИСКА

Из книг Ново-Архангельской конторы справочной о служащих в колониях и паспортной относительно якутов вследствие предложения г. Главного правителя колоний от 25 сентября 1859 г. № 93 по отношениям Якутского областного правления от 2 мая 1859 г. за № 2156.

По списку:

Макаров Михаил Ботурусского улуса, Сыланского наслега прибыл в 1851 г. и с 1852 г. находится в Кадьякском отделе. По имеющемуся билету из Ботурусской инородной управы от 13 марта 1851 г. за № 7 значится 37 лет от роду.

Оконешников Наум Константинов Ботурусского улуса, Сыланского наслега прибыл в колонии 1851 г. и с 1852 г. находится в Кадьякском отделе. По имеющемуся билету из Ботурусской инородной управы от 15 марта 1851 г. значится от роду 28 лет. Билет по случаю истекшего срока представлен конторою в главное правление компании при донесении 14 февраля 1858 г. за № 340.

Нартын Герасим Хатылинского наслега. В конторе сведения не имеются.

Поименованные в отношении:

Пономарев Герасим Ботурусского улуса, 1-го Хатылинского родового управления, родович, прибыл в колонии в 1859 г. по паспорту из Ботурусской инородной управы от 13 февраля 1852 г. за № 6 на семь лет, 65 лет. По списку Ново-Архангельской конторы от 1 июня 1859 г., на основании его отзыва, значится 71 год от роду.

Кыйман Семен Ботурусского улуса и того же рода, старосты Ивана Попова, прибыл в колонии в 1836 г. и умер в ноябре 1851 г. Билет представлен конторою в главное правление компании от 23 мая 1853 года за № 787.

ЦГА ЯАССР, ф. 29–и, оп. 1, д. 362, л. 28. Заверенная копия. Рукопись.

Приложение 3

Список якутам, находившимся на службе в колониях Российско-американской компании

№	Фамилия, имя, отчество и звания	С которого года в службе компании	Где находится	В живых или в мертвых
1	Ботурусского улуса Григорьев Филипп 1-го Бологурского наслега	1851 г.	На острове Кадьяк	Умер в декабре 1855 г.
2	Кривошапкин Иван 2-го Хатылинского (наслега)	1852 г.	—//—	Умер в феврале 1857 г.

3	Макаров Михаил Сыланского наслега		В Ново-Архангельске	
4	Оконешников Наум того же наслега	1851 г.	На острове Кадьяк	—//—
5	Устинов Данил 1-го Чакырского наслега	1851 г.	В Ново-Архангельске	
6	Пономарев Герасим 1-го Хатылинского управления	1819 г.*****	В Ново-Архангельске	

Управляющий столом *В. Астраханцев*

ЦГА ЯАССР, ф. 29–и, оп. 1, д. 362, л. 29. Заверенная копия. Рукопись.

Литература

1. Баскаков Э.Г., Иевлев В.В., Кохов В.Ф. Документы Российско-американской компании в Национальном архиве США // История СССР. 1963. № 5. С. 214.

2. Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость. 1775–1783. М., 1976. С. 182, 183.

3. Дичаров З. Джон Ледьярд — путешественник по Сибири и Якутии // Полярная звезда. 1983. № 6.

4. Зубов Н.Н. Гавриил Андреевич Сарычев // Русские мореплаватели. М., 1953. С. 127, 165.

5. Карл фон Дитмар. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг. СПб., 1901. С. 29.

6. Кеннан Г. Кочевая жизнь в Сибири. СПб., 1896. С. 358, 379–381.

7. Короткевич А. Трудный путь в Америку: XVIII в. // Полярная звезда. 1992. № 6, нояб.-дек. С. 163–166.

8. Кротов М.А. Иностранцы в дореволюционной Якутии: сб. научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. Якутск, 1966. Вып. IV. С. 142–169.

9. Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVII в. М., 1968. С. 45, 146, 151, 165.

10. Парникова А.С. О пребывании якутов на Аляске в середине XIX в. // Якутский архивный выпуск. 1966.

11. Парникова А.С. Расселение якутов в XVIII–XIX вв. // Из истории Якутии XVII–XIX веков. Якутск, 1965.

12. Пинхенсон Д.М. Проблема Северного Морского пути в эпоху капитализма / под ред. Я.Я. Ганнеля и Б.М. Черненко. История открытия и освоения Северного Морского пути. М., 1962. Т. 2. С. 161–162.

13. Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. С. 100.

14. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб., 1844. Кн. II. С. 136.

15. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1861. Ч. I. С. 5.

16. Яковлева М.П. Якуты Русской Америки // Илин. 2004. № 5.

***** По-видимому, ошибка в тексте. Исходя из предыдущих документов, следует читать — 1859 г.

Dee Longenbaugh (Juneau, Alaska, USA)

Alexandr Baranov versus Hieromonk Gideon

On June 28, 1804 Hieromonk Gideon, aboard the round-the-world-bound vessel of the Russian American Company, Neva, sighted the settlement of Kad'iak, today's Kodiak. Fog delayed the actual landing until the 30th, which might be a metaphor for the frustrations and difficulties lying ahead for the hieromonk.

He was on the first part of his inspection tour of the Russian settlements in Alaska and Kamchatka, sent by Metropolitan Amvrossi as the «Metropolitan's eye».

Gideon was 34, in prime health, with a scholarly background. Born Gavril Fedotov in 1770 to a priest in the Orel region, he began his studies in 1789, learning the standard Classical subjects of the day, plus theology. He taught French at his old school for two years, then began his meteoric rise in the Orthodox Church. On December 23, 1799, he became a monk, on the 24th a Hierodeacon and celebrated Christmas by being consecrated a hieromonk. Continuing with his teaching duties, in 1803 he was also assigned as Cathedral Hieromonk to the Monastery of St. Alexandr Nevski. This quickly led to his new appointment [1].

Gideon appears to have been either extremely innocent of the ways of the world or extremely quarrelsome. At any event, he was not pleased with the behavior of his shipmates, Captain Yuri Lisianski and Midshipman Vasili Berkh, during the year he spent on the Neva en route to Alaska. He wrote that Lisianski prohibited him from performing Divine services on Sundays and Feast Days while at sea and made 'scathing remarks ridiculing Religion.' Gideon was doubly horrified as Lisianski's father was a priest. He lists other humiliations, such as being ordered to his cabin for being on the deck when the Captain walked past. According to him, '…my only cure was magnanimous patience' [2].

Unfortunately, his trials were only beginning. He arrived in Kodiak to find Baranov and his men engaged in major disputes with the Company's maritime officers and the clergy who had formed common cause, although for very different reasons.

The officers treated the lower merchant classes with contempt and were incensed when Chief Manager Alexandr Baranov of that class gave them orders.

The clergy's stated outrage was over the oppression of the natives,

although they didn't offer alternatives. Indeed, they used the Islanders [Aleuts] themselves as kaiurs [forced laborers], although they insisted the aid was out of love for the clergy.

The hieromonk jumped into the fray, detailing abuses he witnessed and adding those told him by the other monks.

So who was right? History is a slippery subject and subject to many interpretations, hence the proliferation of historians. In this case, there exists correspondence, both official and personal, from and to both sides. Alexandr Baranov wrote the Directors of the company and his friends. Hieromonk Gideon had his official public reports and his secret letters to the Metropolitan. The majority of the Baranov material is located in two books edited by the preeminent authority R.A. Pierce; Gideon's side is contained in the account of his voyage [3].

Sympathy can be felt for two of the camps, if not for the arrogant marine officers. However, the facts need to be laid out for the impartial to decide, if indeed that is possible.

Both sides had legitimate grievances. The clergy, the original eight monks who had come to Alaska at the urging of Gregory Shelikov, the co-founder of the Russian American Company, had been led to expect a peaceful time, baptizing the Natives and living in at least moderate comfort. When they discovered the stark reality of the poor and hungry colony at Kodiak they naturally vented their anger and disappointment on the administrator closest at hand, Baranov. They quickly began blaming him for all the persecution the Aleuts had suffered under the Russians.

When Baranov arrived in Kodiak in 1791, hired by Shelikov in 1790, there was already a long history of abuses of the Aleuts on the part of the hunters. After the semi-friendly beginning with Bering in 1741, major battles had quickly broken out between the Aleuts and the Russian hunters.

In 1745 Captain Mikhail Nevodchikov, on the vessel Evdokiia, encountered 100 men at the second island of the Western, or Near Aleutians The Russians, not daring to leave the ship, threw presents. In return, crewman Chuprov received a mace with seal's head carving. An Aleut wanted his gun in return, and upon Chuprov's resistance a group grabbed the boat's painter. Then came the first foreshadowing of the lopsided advantage of men with guns. Chuprov shot one of the men; the innocent Aleuts «seeing blood on his body the native's friends took off their mantles and carried him into the water to wash» [4].

There was another encounter by the same skipper and ship in 1746 on the First Island of the Western Aleutians. 32 of the crew died before their return in 1747, but because of cruelty to the Aleuts, reported by the Cossack sent along to collect tribute «all the survivors were put on trial.» The outcome isn't specified. However, the Empress was so pleased by the discovery of the islands she promoted Nevodchikov [5].

Skirmishes and battles continued. The Aleuts, experienced

warriors, put up a good fight but spears are no match for guns. And European diseases devastated all the islands. Of course, as with all meetings between people, individuals responded in their several ways. A frequent quarrel was over women; Russians wanted them during their wintering over and the Aleut men resisted (very little is written about the women's view of the exchange). This led to notable outrages. On the other hand, several Russians married Aleut women and were accepted by the villages [6].

In 1762 the Aleuts united and rose up against the Russians, disposing of all of those in the vicinity.

And in 1764 Solov'ev exacted a terrible revenge for the uprising [7]. However, skipper Stepan Glotov not only spent three peaceful years from 1759–1763 on then unexplored Umnak Island, but made the first lay baptism of an Eastern Aleut, a godson to whom he gave his own name and subsequently took back to Kamchatka. Upon his return as a grown man this godson was named chief toyon of the Aleutians [8]. Ironically, in 1765, Glotov joined Solov'ev in his murderous raids.

That all was not well with the treatment of the Aleuts was officially recognized early on. In 1787 Grigorii Ugrenin, Commandant of the Okhotsk oblast sent a warning to the Company personnel and notice to the Aleuts that the people must be treated as Russian and not be molested or involuntarily removed from their home islands. In an accompanying paper he noted three petitions from Aleuts he had received and promised to forward them to the central Government. He apologized for the past «inhuman deeds» of the hunters and promised punishment [9].

It is not known just how much effect this paper issued in Siberia had or how much the Aleuts were told of the official position that the new citizens of Mother Russia were to be treated as «brothers» [10]. Certainly the petitions continued in 1789 and 1790, outlining cruel treatment by the hunters, ranging from forced labor to the taking of women and starvation of the people from the pilfering of food supplies, stating earlier promises to seek official action had not materialized, although several hunters were questioned in 1790 and gave their version of events in their defense [11].

However, it was largely due to the clergy that even today Baranov is regarded with horror by some as the cruel slave master of the Aleuts [12].

All seemed to start well, with the monks reporting great missionary zeal and the joyous baptism of thousands of Aleuts. Archimandrite Ioasaf, the leader of the group, wrote:

Father German works in the mill together with me and Father Ioasaf... Father Makarii Konevskii is very useful here, contrary to all expectations. I had not thought that he would make the journey here, but he has traveled round half the island almost alone, baptizing and wedding, and on the ship bearing this letter he has set off for the island of Unalashka and the surrounding islets to baptize the natives

there. Afanasii is learning his way here and is mostly responsible for the allotment, digging the ground. Father Nektarii, and the good Hierodeacon Juvenalii is quite sensible, while his brother, Father Stepan… is, although a young man still, very kind, simple, helpful and wise… In addition the Russians here have various needs of their own: they wish to talk to us and for us to hear confessions [13].

Father Herman wrote with amusement of the fervency and enthusiasm for traveling the far reaches of Alaska to baptize and teach the native people, the monks arguing in their eagerness to enter the field [14].

But quarrels with the administration soon began. During the first winter, the Archimandrite «sent letters to Russia to the directors of the company concerning various maladministration», and Father Herman called Baranov «A rich man, and at the same time proud with a taste for rich living» [15].

Gideon's first notes describe the buildings in the little colony as «decrepit» and «dilapidated», with the exception of a new cattle yard [16]. He also found the clergy eager to retail the abuses they had witnessed. These the Hieromonk wrote down for his report.

Three years previously the Company prepared for a sea otter hunting trip by making leg stocks and neck yokes with canes for the youngsters, lashes for the adults, and sticks for the old men.

A line of Russian hunters advanced, firearms loaded, and announced: « 'Now, tell us if you are not joining the party, [just] say so!» [the guns were then cocked] — We'll shoot!' »

Under such threats who would dare to express dissatisfaction?

In a secret letter of June 2,1805 to his Metropolitan, Amvrossi, the hieromonk writes of the events leading up to the celebrated oath of allegiance incident:

Besides spreading among the Aleuts all sorts of harmful nonsense, everything that could be invented by the company to the detriment of the honor of the clergy, out of envy of the great love evidenced by the child-like folk for their enlighteners, the manager Baranov, construing this as an infringement on his authority over the Americans oppressed by various labor for and demands by the company, on July 14th 1800, in a letter… [to] Monk Herman, forbade the clergy to have any contact with the Americans [Aleuts] and ordered that those who were given kind reception as part of the preachers' duty were to be driven off.

In accordance with the Imperial Manifesto of 1796, the Kodiak people ought to have been administered the oath of allegiance to the Russian Throne but because the company sends them far away and because of other impediments this was not done. Therefore, on January 1st, 1801 Hieromonk Afanasii sought Baranov's permission to do so. For doing this, the Hieromonk was cursed and driven off with a warning not to come back.

This is followed by an account of twenty Aleuts coming with their chiefs begging not be sent on any more distant hunting trips. Upon refusal, they came to the clergy and two officers with new parkas, asking to be buried in them if they were killed by the company, and pleading for the clergy to bear witness.

Horrified, the monks tried to console them and asked the men to take the oath of allegiance to the Czar. Gladly consenting, the group went to the church and Hieromonk Afanasii administered the oath. Afterwards, as the Aleuts were boarding their baidarkas, Deputy Manager Kuskov and his men chased them, catching one toyon and putting him in irons before shutting him up in a dark closet. The others managed to escape.

Next, Hieromonk Afanasii, surmising Baranov wanted to seize his godson, a toyon who came to visit, made plans to send him away. First Afanasii tried to make a short trip in his own baidarka but a group of promyshlenniki, ordered by Baranov, captured him.

Then Baranov himself, in a towering rage, began to curse, calling the Hieromonk a run-away serf and the entire clergy and the two officers (Navigator Tallinn's men)... mutineers.

Faced with such an unpleasant event, Monk Herman asked Baranov to make known in decent language, devoid of obscenities, the reason for his displeasure. The Manager just continued to shout: «Here! You found some kind of an oath of allegiance! You have corrupted all the Americans!»

To this the humble elder responded: «The Imperial Manifesto was published for all; if the Spiritual Mission in any way acted illegally, shouldn't the matter then be submitted to the Government where everything can be examined in accordance with the law?»

Baranov, paying no attention, kept on screeching: «What Manifesto? What Law?» and in the heat of anger threatened the clergy variously, to send them to Unalashka in irons, and to fence in and board up the mission's quarters so that nobody would be able to visit them nor they get out.

As a result, the clergy were greatly afraid and expected anytime to be dragged somewhere by the promyshlenniki on Baranov's orders, or to be beaten. They hardly dared to return from the shore to their house, around which they could see for some time afterward promyshlenniki armed with guns. For the same reason they did not even dare go to the church, but conducted all services in the house for more than a year not only out of fear but also because doubt was cast about their loyalty through the prohibition of the oath of allegiance [17].

Baranov complained about the clergy in a letter to an friend and fellow Alaskan, Larionov as early as 1800. While he was absent building Archangel [Sitka] and Kuskov was at Nuchek,

«...the monks and government employees took the reins of

authority away from the foreman and everybody began to give orders as he thought best. Even after Kuskov returned it was hard to change this state of affairs but some barriers were put up. When the wreckage of the Orel was cast ashore they decided to form a council composed of the interpreter [Prianishnikov, whom Baranov disliked] — for himself and the monks — the clerk, and some of our radically inclined hunters. The council decided that for their safety the people who were in the harbor should stop all work and perform only sentry duties, that Kodiak native hunters should be called to the harbor for protection and that in the summertime no more native hunting parties should be sent after sea otters or birds... The arrival of Kuskov changed all this. I ordered... a census of all the natives on Kodiak, giving presents of tobacco and other things to the toyons and prominent natives.

According to Kuskov's report, three Russians had been killed at Lake Iliamna by the natives, who then plotted to exterminate all the Russians in the area. This was discovered and two ringleaders were sent to Kodiak. The interpreter and the clergy set them free upon promises of two baidarkas full of furs. When Baranov returned he sent the two to Sitka to work. The monks predicted...» that a government expedition would arrive to investigate the management here. They hope for it, perhaps keeping in mind their and Father Makarii's former complaints...The opinion was expressed that I would not return from Sitka but would be taken to Europe after the investigation».

There are still more troubles... with the monks, who judge everything according to ideas that might be all right for a recluse in a desert. We are trying to please all of them, to satisfy their requests, but they are never satisfied, always grumble, ask every native worker about everything after his arrival here from some trip, and take notes of what they hear... One question remains undecided: Who is going to be the new bishop? The reason that we should not expect Ioasaf is that they complained about him and tried to use against me my donation to the church made very sincerely through the clerk, of 1,500 rubles.

Your promise to send supplies and trading goods is very timely considering the unfortunate circumstances. [The loss of the Orel and soon to be confirmed loss of the Phoenix.] Please supply us with what you can because we are in debt and have not enough for the clergy or to pay the native hunters for the furs and they are worrying about this [18].

In another letter to his old friend that summer, Baranov writes:

Too many leaders and the lack of obedience encouraged by the interpreter and the government skipper grieves me greatly... We have a hermit here now by the name of German who is worse than Makarii. He is a great talker and likes to write. Even though he keeps himself in his cell most of the time, not even going to church out of fear of worldly temptations, he knows nevertheless everything that we think and do,

not only a daytime but even at night. By means of pious cajoling he extracts all the information that he wants from pupils from among the servants here and sometimes from our own men. His principal helper is our «Mister Interpreter» who is so zealous when it comes to our chastity but who as a proof of his jealousy has no nose left.

As a result of my weakness and transgressions I have here a son three years old whose qualities are very promising but whose mother in my absence became affected so that we almost lost the boy. After my return, to cause me vexation the fathers insisted for quite a while that the child be taken away from his mother and tried in different ways to persuade her in this respect. I bear all this calmly but my love for my offspring is offended. I am away very often and he is too small and cannot be without a mother [19].

...I was punished by anxiety and my temper sorely tried, because the clergy and the government employees were entirely out of bounds and for half of the winter tried to instigate an uprising among the hunters and especially among the islanders. On New Year's Eve they vividly, as if in a stage play, gave proof of their attitude towards me and the company. During this day the work was stopped so that the men could merrily see the Old Year go and could meet the New Year according to the Russian custom. I went to a meeting in the barracks to investigate the complaints of the hunters concerning one of them, a depraved and restless individual.

I ordered him told to come, but as soon as he arrived Mr. Interpreter came with the hieromonk and shortly afterwards the skipper, Mr. Sub-lieutenant Tallinn arrived. He ran right in and shouted: «What kind of meeting is this? Who called it and why?»

When I answered that we had called it to discuss some of the business matters and that I was about to make a decision in the case of the hunter, all of them shouted at once that I, a private citizen, could not judge matters without them, government employees. My answer was that this right was given to me from the beginning by the government and by men in charge of the company's affairs... and asked them if they had such government orders... to produce them... They only repeated time and again that they had such orders but were under no obligation to show them to anyone... This caused an even greater hubbub and all the monks came running. They shouted, scolded and threatened all of us with the whip and fetters. The monks could not produce any written instructions permitting them to get mixed up in our affairs, so they all left.

The next day, on New Year's... the clerk, Mr. Podgazh, the skipper, and several hunters were drinking tea at my place when the hieromonk ran in very excited and shouted that I must not send the bird crew this year and that all the people on the island had to take the oath of allegiance right away. After giving him tea, I answered that

because the bird crew would be leaving in May there was lots of time but that to gather people for taking the oath of allegiance right away was inconvenient for the hunters and islanders to come from different settlements in such cold and stormy weather as we had this winter.

It was not their custom to bring their own food supplies when coming here and all were liable to undergo a period of starvation if they were called. The oath of allegiance could be taken in the springtime when they gather for hunting and when we have plenty of food. Suddenly he called me a traitor to the Emperor and accused me of interfering with the people taking the oath.

I was sorely vexed being called such a name because in all of my activities I take the interest of my country and the glory of our Monarch uppermost. I therefore asked : 'Do you have an Ukase or an order from His Eminence, and why did the government expedition that visited these parts and which had among its members four staff officers do nothing about that? Why did the Archimandrite Ioasaf, later nominated Bishop, not call the natives and why do they not want to wait for the arrival of their superior who is to be sent here?'

He answered me shortly that they did not have an Ukase, but that the manifesto states 'for all loyal subjects' and that they consider the islanders to be such. He said, further, that it was none of their business why the expedition and Father Archimandrite did not do it, but they had decided to do it themselves and if they were prevented from doing it, they would consider everyone who opposed them a traitor and would see that they were punished with a whip.

I laughed at that and asked him to get out of my house peacefully. Before leaving he told me that all those who live openly with unmarried girls and have children by them should not be admitted to church according to the ecclesiastical statute. I am positive that there can be nothing of the kind in the statute issued by our wise Emperor, but to avoid being abused by their wrath in God's temple I have not gone to church since the New Year. In church, if somebody comes to kiss the cross at the end of the service they push him back and shame him before the government employees.

Finally, during Lent they discontinued services altogether and had them only four times on Sundays. They do not promise to have services during Easter week... They promised the islanders independence and freedom to live according to their old customs if they would take the oath of allegiance. Their freedom consists of robbery and in everlasting bloody barbarism.

After calling up the people from Ugashensk village (the headman is their godson, and devoted to them) to take the oath of allegiance they sent messengers to other villages to declare their independence and freedom. According to that the natives would not have to work in the company's hunting crew but could hunt for themselves and sell

the skins to whom they pleased at Okhotsk prices. The government employees who were in the barracks at the time expressed an opinion that they had a right to buy as many furs as they could as well as the company, and that they were going to do so... The toyons and head men of five villages... did not come to me but went to the interpreter instead. From him they came to me and declared that they did not want to go with the hunting crew any more... They would not listen to me and the priests took them to church and made them take the oath of allegiance (though what this oath means none of them understands and none could explain it to me when I asked them.) After that, without seeing me or any of the company's employees and without settling their accounts and debtors, they went to their baidarkas and prepared to leave. I saw in this a clear evidence of revolt. The time was short before I had to dispatch the hunting crew and I knew that if this state of affairs became known in our remote establishments in Kenai, Chugach, Yakutat and at Sitka, disastrous and bloody events were bound to happen; the Russians would be exterminated, all our settlements destroyed, the company would cease to exist and with it all advantages to our Country, and it would be hard to restore the region to its present state again even in fifteen years... I ordered seizure of the toyons who were leaving without settling their accounts and whose behavior was that of former times, full of cold arrogance and independence.

My men managed to seize on the one from Tugidatsk. The other, with their men, were at sea already and we could not pursue them. But even though we seized only one chief it had some good influence on the others. They quit coming in bands and refusing to have anything to do with the company... The arrested chief is under guard.

The clergy became very excited, and running back and forth to the barracks and to me they called us robbers, traitors, mutineers and all the insulting names that they could think of, shouting that we would not escape the whip and forced labor. In the meantime I learned that the rebel from Ugashensk who had visited other villages inciting revolt had come secretly to see the priests at nighttime. I ordered the guard to wait for him and catch him on his way home, but the monks found out about my intentions and at night they dressed one of the hieromonks in chief's clothes and put him in the chief's baidarka with the result that the hieromonk was seized by the guards instead of the rebel.

He was freed without any molestation but at this point a real riot started. The fathers all ran out with the skirts of their cassocks tucked high and with their shirt sleeves rolled up as if ready for a prize fight, cursing and shouting. I went out to them and also did some shouting and told them frankly that if they did not stop inciting rebellion I would have to use extreme and disagreeable measures: either I would build a high fence around their residence and allow them to go nowhere except

to perform church services or I would deport the principal instigators to you on Unalashka.

Baranov does not mention Gideon's charge:

When the time came to assemble the sea otter hunting parties, Kuskov armed the baidara not only with guns but also with cannon and set out for the settlements where lived those who had taken the oath of allegiance. In order to achieve greater effect, the partovshchik [head of a hunting party] Kondakov was ordered to travel ahead. Approaching the settlement, the latter shouted with various obscenities and ridicule addressed to the clergy: 'Come out and meet us! The popes [a term of ridicule in this context, notes Lydia Black] are coming, and Osip (this was the interpreter's name) is here to help you swear the oath!' When the baidara rudder was carried ashore, all yelled: 'Here is your cross! Come and kiss it!'

It is too shameful to even mention what kinds of injuries, violence, and debauch were committed against the islanders [20].

Baranov's letter continues:

Even after that they [the clergy] did not improve their conduct. They quit going to church altogether and claim that they do not perform services because they are afraid of us, but during the night they prowl around and seize our servants, taking them under their protection and marry them in the bathhouses. In this way they married not only some free servant girls but even some who were bought — married them no matter to whom.

From all this you can see in what peaceful and pleasant state affairs here are with these restless fellows [21].

In his reply of August 5, 1801, Larionov noted:

I believe you in everything you write. And there is nobody to whom we can complain. As the saying goes: 'God is high and the Tsar is far away.' You write that your government employees and 'holy' monks stick their noses in business matters that do not concern them and cause trouble among the islanders and Russians. That does not surprise me. The Government and the men in charge of company affairs entrust the management and promotion of trade here for the benefit and glory of the Fatherland to the managers and not to these people. Now you must insist upon that more than ever [22].

For another view of the allegiance oath brouhaha, we can turn to Nikolai Rezanov, then the most important individual in the Russian American Company, Chamberlain of the Imperial Court and Plenipotentiary in America. While not an aristocrat, his connections at Court were an enormous asset. In a secret letter to the Directors of the Company, written from Sitka in November, 1805, he spoke of his admiration of Baranov and slightingly of the hunters.

Most of the men who come here are depraved, drunk, violent and corrupted to such an extent that any society should consider it a

great relief to get rid of them. Here hardships and work make them behave more quietly, and there are few opportunities to get dunk. Returning to Okhotsk they resume the old life again and in a few weeks spend on drink and debauch the products of four years' labors. After that they return to America.

His opinion of the officers was not much higher. He gives instances of their arrogance and disobedience to Baranov, explaining that:

The contempt which the nobility feels towards traders makes them all bosses here... Even if there is a manager who had a rank well merited, they cannot forget that formerly he was a merchant, which to many of them means that he was of no account. To obey his orders seems to them humiliating... The moment a whim of theirs is not obeyed, they shout ' We are free men. We do not want to be in the service — we are going back.'

As to the clergy, they were malcontents and dupes of the officers:

As for the ecclesiastical mission, they have baptized several thousands here, but only nominally... They have just been 'bathing' the Americans and when, due to their ability to copy, the latter learn in half an hour how to make the sign of the cross, our missionaries return, proud of their success, thinking that their job is done.

Having little to do they try to take part in the civil government of the country, calling themselves government representatives. The restless officers use them as their tools against the Manager. The result is grief and there is danger of our losing the whole country. I will give you an example. At the time of the coronation of the Emperor, the monks without a word to the manager sent out orders calling all the natives to Kad'iak to take the oath of allegiance. There were no provisions at Kad'iak and if the manager had not stopped the people from gathering by sending his men to their villages, several thousand of them gathering at Kad'iak would have killed everybody from starvation alone. (Unflattering account of Juvenal's martyrdom at Lake Iliamna.)

I told the holy fathers that if any of them took another step without first getting the Manager's approval, or if they meddled in civil affairs, I would order such criminals deported to Russia, where for disrupting the peace of the community such people would be defrocked and severely punished to make an example of them. They cried, rolled at my feet and told me that it was the government employees who had told them what to do. They promised me to behave, so that the Manager would have nothing but praise for them in the future. I admonished them thus privately in the presence of Father Gideon but in public I have always shown respect for their dignity.

This scolding is followed by a paragraph praising the future of the monks in teaching school and agriculture [23].

Hieromonk Gideon's view was very different. Writing his superior the year before, he said:

Growing fearful that officers arriving here... would report the refusal to administer the oath of allegiance and the oppression of the clergy, the Manager attempted to smooth over his [earlier] actions. For this reason he found himself compelled to [finally] forward to the Spiritual Mission the Manifesto together with all other dispatches belonging to it which he had previously retained, appending a communication in which he asked [the clergy] to administer the oath of allegiance to all.

Thus the clergy, no longer fearing any suspicion of disloyalty on their part, as of September 15, 1802 resumed the conduct of Divine services in the church, while Baranov began to exhibit signs of his benevolence toward them: first, he sent them two pounds of tea and four pounds of sugar, then a barrel of whale oil, a barrel of whale meat, and a barrel of crow berries... [24].

Baranov also donated money from the Company for the church and the clergy.

Certainly the hard life was taking its toll. In the same letter, Gideon pointed out:

The clergy all live in one house allotted them by the company, situated in a cramped location between the Manager's house and the communal company steam bath. They obtain their subsistence for the most part by their own labor... with the help of Americans whom they have befriended and whom the company by every means at its disposal attempts to drive away...

Hierodeacon Nektarii, 36, and monk Ioasaf, 32 wanted to return to Russia, while Hieromonk Afanasii, 50, and Monk Herman, 48, wanted to remain, but in solitude.

Gideon's response to Baranov's lecture over the oath of allegiance was pointed:

Baranov covered up this crime under the pretext that the Americans, on behest of the clergy and the above mentioned officers, were allegedly about to rebel and slaughter the Russians, and that Kuskov on his trek, in fear of this anticipated rebellion, was collecting hostages. Afterwards, Baranov began in every conceivable way to oppress the clergy in respect to preparation of food supplies and in other vital necessities [25].

At the same time, Gideon gave the monks' version of the Great Easter War, as it might be termed.

In the year 1802, on Holy Easter, promyshlennyi Chernov, drunk, came on Baranov's orders and with great coarseness ordered in Baranov's name Hierodeacon Nektarii to unlock the belfry. The Hierodeacon did not want to surrender the key, as the church and the belfry were locked with the same lock and besides, the large bell was cracked. The above

mentioned promyshlennyi in great agitation threatened either to drag the Hierodeacon there by force or to break out the windows of the belfry.

In the meantime, the interpreter Prianishnikov, who was ill, had sent a note asking the Hieromonk and Hierodeacon to visit his house with the Holy Cross. No sooner did they arrive there, when Baranov and his promyshlennyi came running. Baranov was beside himself with rage, shouting obscenities, cursing, and threatening to put the Hieromonk in a baidarka and send him to an unknown destination. He grabbed the Hierodeacon violently by the chest and threatened to hang him from the bell tower. Fearing this, the Hierodeacon was forced to yield the church key.

Whenever such brazen acts occurred, the promyshlennyi, sure of their Manager, used to say: 'God is high, the Tsar is far away — all is fine as long as our boss is alive and well!'

For reasons described above, the Americans no longer dared to visit the clergy openly, and the clergy, on their part, were afraid to have the contact with them that their calling demanded and which would have afforded them the opportunities to instill in them Christian teachings. Thus, the success of the Spiritual Mission did not come up to expectations.

Among instructions sent to Navigator Vasili Petrovich Petrov from the Kodiak office on October 12, 1802, were the following:

After investigating the complaints and report of the Hieromonk Makarii the Emperor ordained that 'the petitioners, the Fox Islanders, be recompensed by giving them new clothes, and returning them to their native land. That their petitions be forwarded to His Excellency the Governor of Irkutsk, instructing him to make a thorough investigation of all the facts and circumstances stated in their concern to protect the inhabitants of the islands from future oppression and to guarantee the Russians engaged in trade their interest, seeing that the relations of both sides are in accord with the interests of the State. That the Hieromonk Makarii be returned to his post, with instructions not to leave the islands in the future without consent of his superior. His transgression this time is forgiven as per request of the Aleuts, etc.'

These same instructions also ordered Petrov to cease his activities.

«You have gathered in your quarters many of the islanders who arrived here to take the oath of allegiance to His Imperial Majesty... As stated above you have gathered them and through an ignorant interpreter who is only a boy you are influencing them, suggesting that they discontinue friendly relations with the company, as they admitted themselves to the manager Baranov and to the commissioner, the Gubernia Secretary Ivan Ivanovich Banner. Besides that Mr. Tallinn has been intimidating the Russians in the [town] square, threatening

them with the whip... This territory has been acquired at a price of great effort and bloodshed over a period of twenty years and is of value to our Fatherland» [26].

Now for some examination of Gideon's charges. He claimed a number of deaths due to Baranov and his cruel men. For example, more; in 1798 20 men from the Sitka hunting party were drowned, others dying en route.

In 1799, 140 men from the same party died as a result of eating mussels because of hunger, and an additional 40 died en route.

In 1800 32 baidarkas, containing 64 men, drowned when the party leader on Tugidok Island forced them to sea in stormy weather.

Gideon then writes of a very sick man who was to go out with a birding party in 1805 and the letter he wrote Ivan Banner, the assistant manager on his behalf [27]. If Banner replied, we are not told.

There was more. In late October of 1805 about 300 men drowned while returning from Sitka.

First, it is true if the Russians hadn't come to the Aleutians most if not all of these deaths would not have occurred. Gideon makes it appear the Russians were inflicting deliberate massacres.

As to the first charge, while the men may well have died, Baranov did not go to Sitka until 1799, when he founded the first settlement, although he did say he had visited the area before.

As to the second, 115 Aleuts died from eating mussels affected by the notorious 'red tide' or paralytic shellfish poisoning. The way was long and dangerous — the figure of 40 additional deaths may well be true [28]. Baranov's response the next year, writing Larionov, was «I ordered the hunter Mikhail Kondakov to take a census of all the natives on Kad'iak, giving presents of tobacco and other things to the toyons and prominent natives. After the misfortune they suffered last summer on the American shores...» [29].

The Tugidok party leader would have been extremely stupid to have forced hunters out in violent storms, but perhaps he was. It was not Baranov, at any rate.

I can find no more information concerning Gideon's letter to Banner and Banner's reply.

As to the 300 (actually 200 baidarkas; of which 31 were saved), drowned in August of 1805, the hunting party was unfortunate enough to arrive just after the Yakutat settlement of Slavia Rossia had been eliminated. Fearing for their lives, the vast majority elected to face the storm rather than the Tlingits. Those who went ashore were saved [30].

1. THE ROUND THE WORLD VOYAGE OF HIEROMONK GIDEON Black, Lydia, trans., Pierce, R.A., edit. Limestone Press 1989, ix

2. Ibid. P. 33.

3. Above referenced title and Berkh, V. N. A CHRONOLOGICAL

HISTORY OF THE DISCOVERY OF THE ALEUTIAN ISLANDS. Krenov, Dimity, trans. Pierce, R.A. edit. Limestone Press, 1974.

4. Berkh. P. 5.

5. Ibid. P. 5–6.

6. Berkh. P. 16 for an example.

7. Ibid. P. 40–42.

8. Pierce, R.A., RUSSIAN AMERICA: A Biographical Dictionary Limestone Press, 1990. P. 169.

9. Tikhmenev, P. edited by Pierce, R.A. and Donnelly, A. S., A HISTORY OF THE RUSSIAN AMERICAN COMPANY. Vol. II Limestone Press, 1979. P. 16.

10. Empress Catherine — find citation.

11. Shelikov, Gregory, A VOYAGE TO AMERICA, 1783–1786, Marina Ramsay, trans. Limestone Press, 1981. P. 128–131.

12. But not by all. See SLAVES OF THE HARVEST, e.g.

13. THE RUSSIAN ORTHODOX RELIGIOUS MISSION IN AMERICA, 1794–1837, Translated by Colin Bearne. Limestone Press, 1978. P. 42–43.

14. Ibid. P. 43–44.

15. Ibid. P. 51–52.

16. RUSSIAN ORTHODOX MISSION, op cit. P. 36. This description seems a bit strange, as Baranov had moved to the new settlement in 1792.

17. Ibid. P. 75–77.

18. Ibid. P. 118 and p. 119.

19. Ibid. P. 121–122.

20. GIDEON, op. cite. P. 77.

21. HISTORY, op. cite. P. 124–127.

22. Ibid. P. 130.

23. Ibid. P. 153, passim.

24. GIDEON, op. cite. P. 79.

25. Ibid. P. 78.

26. HISTORY, op. cite. P. 133.

27. ROUND THE WORLD VOYAGE OF HIEROMONK GIDEON, 1803–1809, Black, Lydia, trans. Limestone Press, 1989. P. 69–70.

28. HISTORY Vol. II Op. cite p. 110, 111, Also Tikhmenev, p. 61

29. Op. cite, p. 115 In the same letter was a plea for more supplies, as «...we are in debt a5353nd have not enough for the clergy or to pay the native hunters for the furs and they are worrying about this. We have to pay for the furs that they will get this summer, but we have nothing to pay them with, not to mention sending some goods to our remote establishments... the Kolosh people... consider us very poor».

30. RUSSIAN AMERICA: A BIOGRAPHICAL DICTIONARY, p. 118. Also see de Laguna, Frederica, UNDER MT. ST. ELIAS, GPO 1972. P. 175.

О.Б. Лынша (Уссурийск)

Деятельность православных миссионеров по развитию школьного образования среди коренных народов Нижнего Амура во второй половине XIX в.

Политика правительства в области просвещения среди нерусских народов России была тесно связана с христианизацией этих народов. В 1860–1870-е гг. профессор Казанской духовной академии Н.И. Ильминский разработал систему просвещения мусульман и «инородцев-язычников». В основу этой системы была положена мысль о необходимости непосредственного воздействия русской культуры и христианства на каждую народность отдельно, как бы мала она ни была. Для этого необходимо было вести проповедь христианства на родном языке, по книгам, напечатанным русскими буквами. Учителями должны были стать священник или учителя, вышедшие из того же народа. В 1870 г. в Совете министров обсуждался вопрос о том, какой должна быть школа у нерусских народов России. Система Ильминского была поддержана правительством и рекомендована для распространения в миссионерских школах. Таким образом, проводником государственной политики в области образования среди нерусских народов России стало не Министерство просвещения, а церковь. Это объяснялось тем, что в «инородческих» училищах было признано наиболее целесообразным совмещать обучение с проповедью христианства. Православные миссии должны были не только вести проповедь христианства, но и открывать школы. Выполнить возложенную задачу православному ведомству было достаточно сложно — не было необходимого числа учителей, знавших местные языки, практически отсутствовала учебная литература, «напечатанная русскими буквами на местном наречии». Поэтому с самого начала обучение велось на русском языке по богослужебным книгам, фактически по программе церковно-приходских училищ. Н.И. Ильминский считал необходимым изучение русского языка, но как иностранного для чтения книг, а не для того, чтобы заменить им родной язык. Эти идеи оказались забытыми. Вводится так называемый «натуральный метод» обучения, когда русскому языку начинали обучать без употребления родного языка.

Миссионерская деятельность православной церкви на дальневосточной окраине России в середине XIX в. связана с именем епископа Иннокентия (Вениаминова). Его взгляды на обучение аборигенов были созвучны идеям Николая Ильминского. Мысли преосвященного Иннокентия о значении школы в приобщении коренных народов Дальнего Востока к православию и в целом к русской культуре хорошо известны. Однако вопросы, связанные с формированием структуры дальневосточной миссии, ее материальном обеспечении, расположении миссионерских станов, их числом, остаются белым пятном в историографии, по замечанию исследователя миссионерской деятельности русской православной церкви на Дальнем Востоке А.А. Ипатьевой [1]. Белым пятном является также школьная деятельность миссий. В представленной статье сделана попытка собрать воедино сведения о миссионерских школах в период их возникновения в 60–90-х гг. XIX в. среди народностей Нижнего Амура. Выбор темы определяется тем, что наибольшую активность по организации школ миссионеры проявили именно в этом районе. Школьная деятельность православных миссионеров среди корейского населения уже являлась предметом рассмотрения автора [2].

Амурская духовная миссия с центром в г. Благовещенске первоначально состояла из четырех отделов или станов: Верхнеамурского или маньчжурского; Среднеамурского или гольдского; Нижнеамурского или гиляцкого; Южно-Уссурийского или корейского. Нижнеамурский стан был самым старшим по времени открытия — он развернул свои действия среди нивхов (гиляков) в 1856 г. [3].

Среднеамурский стан был образован для обращения в христианство нанайцев (гольдов, как их тогда называли), проживавших по Амуру от Хабаровки до Софийска. Епископ Иннокентий отправил туда священника Александра Протодиаконова, который открыл миссию в начале 1866 г. на озере Болонь. В 1867 г. при Болоньской миссии была открыта первая миссионерская школа на Амуре.

Александр Матвеевич Протодиаконов происходил из мещан Иркутской губернии, он родился 22 октября 1835 г., образование получил в Якутском уездном училище. В 1864 г. епископ Иннокентий посвятил его в диаконы, и в том же году он был рукоположен в священники и назначен миссионером гольдов (нанайцев) в низовья Амура. Ученик преосвященного Иннокентия нашел необходимым, прежде всего, изучить язык вверенной ему паствы. Александр Протодиаконов не ограничился одним умением говорить с нанайцами на их родном языке. Он составил словарь и грамматику гольдского языка. Вместе с братом Прокопием перевел на гольдский язык объяснения церковных праздников, краткий катехизис, евангелие от Матфея и литургию И. Златоуста. Их переводы были отпечатаны при содействии Православного миссионерского общества и розданы в миссионерские школы [4].

Эти труды не остались незамеченными, и Александр Матвеевич получил за них серебряную медаль Русского Географического общества. В 1874 г. А. Протодиаконов был переведен на должность протоиерея Градо-Хабаровской церкви. Александр Матвеевич был не только в числе отцов-основателей Амурской миссии, он также был строителем церковных приходов в молодом Приамурском крае — в 1870-х гг. Протодиаконов был благочинным нижне-амурских и уссурийских церквей, в 1880-х гг. исполнял обязанности главы Амурской миссии. Умер он 28 ноября 1902 г. в Хабаровске [5].

В 1868 г. Камчатскую кафедру возглавил селенгинский епископ Вениамин (Благонравов). Епископ Вениамин к этому времени имел опыт миссионерской работы — он был организатором и первым руководителем Забайкальской духовной миссии в 1862–1868 гг. В эти годы в забайкальских миссионерских станах открываются первые школы для бурятских детей, в каждой из которых было от 1 до 5 учеников. Всего в 1867 г. в школах насчитывалось 22 ученика. Глава миссии епископ Вениамин оправдывал незначительное число учеников тем, что «училищное обучение само по себе не составляет задачи миссии, потому что было бы нерасчетливо отвлекать духовные силы миссионеров от важнейших задач их служения на школьное обучение, которому могут служить люди с менее важным призванием» [6]. При вступлении Вениамином в управление Камчатской епархией при архиерейском доме в Благовещенске не было ни одного миссионера [7]. Но не только отсутствие кадров было препятствием к разворачиванию миссионерской работы.

Организация миссий на Дальнем Востоке была сопряжена с трудностями объективного характера. Малочисленное коренное население была разбросано на огромных пространствах. При отсутствии коммуникаций даже попасть в стойбища аборигенов было весьма непростой задачей. Школа, организованная А.М. Протодиаконовым при миссии на озере Болонь, в течение 1870-х гг. была едва ли не единственной на Амуре. В 1878 г. в ней обучалось 6 мальчиков и 3 девочки. Все дети были обращены в православную веру. Обучением детей занимались законоучитель, учитель и учительница. Учителя были из лиц духовного звания. Дети занимались в доме, пожертвованном специально для школы [8]. Первая миссионерская школа работала нерегулярно, она прекращала свою деятельность из-за отсутствия учителей и средств на содержание школы.

Открытие второй миссионерской школы на Нижнем Амуре было также связано с именем Александра Протодиаконова. Он был назначен священником в с. Доле-Троицкое, где был открыт миссионерский стан, при котором в 1871 г. заработала школа. В 1875 г. учителем состоял псаломщик, и училище получало материальную поддержку от миссии [9]. Как уже отмечалось, в 1874 г. Протодиаконов был переведен в Хабаровск. После его отъезда школа работала

нерегулярно. Священник-миссионер Федор Пляскин в 1879 г. вновь открывает школу. Этому способствовала благотворительная помощь местных купцов: Корякин пожертвовал новый лиственничный сруб (стоимостью 80 руб.), Киселев дал 50 руб. на строительство. Местные крестьяне также изъявили желание пожертвовать 50 руб. Из-за малочисленности населения пожертвований больше не было. Федор Пляскин обратился к военному губернатору Приморской области за помощью в размере 100 руб., необходимых для постройки школы. Кроме того, требовалось ежегодно 80 руб. для выплаты жалованья учителю. Миссионер просил оказать помощь и в этом вопросе [10]. В 1883 г. на средства миссии и пожертвования для школы был выстроен «весьма порядочный дом». В ней занимались вместе дети русских и коренных жителей.

Таким образом, в течение первого десятилетия проповеднической деятельности миссионерам удалось на Нижнем Амуре организовать работу только двух школ. Сразу стоит сказать, что и среди русского населения Приморской области, включая жителей городов, школы были чрезвычайно редким явлением. Их открытие сдерживалось объективными трудностями: отсутствием учителей, средств на содержание школ, помещений для занятий. Начальники округов пытались оказать содействие в развитии школьного образования. Например, софийский исправник Башилов собрал во время поездок по округу 300 руб. на учреждение школы в Софийске. Жители этого города составили приговор, в котором постановили открыть в Софийске народную школу с 1 ноября 1881 г., и собрали по подписке 100 руб. В школу принимались бесплатно дети горожан и жителей из ближайших к Софийску селений, в том числе и гилякские мальчики. Хабаровский купец 1-й гильдии В.Ф. Плюснин подарил школе свой дом с условием, чтобы в нее принимались «к обучению дети безусловно всех сословий и без различия национальностей» [11]. При содействии миссии с первого года существования Софийского училища в нем обучались дети коренных жителей Амура. Однако даже эта городская школа работала с перебоями — не имея стабильного источника существования, школа периодически закрывалась.

В 1877–1885 гг. во главе Камчатской епархии находился епископ Мартиниан (Муратовский). В 1870-х гг., возглавляя Забайкальскую духовную миссию, владыка уделял много внимания развитию миссионерских школ. В 1870 г. он писал: «Чтобы утверждение христианства между крещеными инородцами поставить в более благоприятные условия, Забайкальская миссия прилагает всевозможную заботливость о воспитании детей в инородческих школах, где они обучаются истинам христианства, церковному пению и прочим предметам, назначенным для элементарных училищ. Закон Божий почти во всех училищах преподается миссионерами» [12].

Мартиниан активно содействовал развитию миссионерского

дела на Амуре. За один год его управления епархией количество миссионеров увеличилось с 10 до 14 человек. Открылось три новых стана. Для руководства миссией на Амуре он пригласил бывшего начальника Забайкальской миссии игумена Геронтия. К 1882 г. число миссионерских школ при станах достигло восьми [13].

Школы открывались в русских селах — центрах миссионерских станов. В 1882 г. при 14 миссиях Камчатской епархии работало 9 училищ: 5 среди нивхов и нанайцев Нижнего Амура (Доле-Троицкое имело 15 учеников, Болоньское — 5, Горинское — 7, Больше-Михайловское — 15, Тырское — 9), 3 среди корейцев (в амурском селе Благодатном училось 43 мальчика, в южно-уссурийских селениях Корсаковском — 25 и Янчихинском — 11), в Анадырском училище на Чукотке было 17 учеников. Кроме того, на средства миссии 10 гольдских мальчиков обучались в Софийском училище. Всего обучалось 147 детей [14]. Об образовательном содержании школьного курса в отчете кратко отмечено, что «обучение идет по программе элементарных училищ». Похожим образом шло обучение и русских детей в школах при церквах. В 1870 г. в Больше-Михайловской школе, устроенной приходским попечительством, преподавание заключалось в следующем: знакомство с Законом Божьим и кратким катехизисом по «Начаткам христианского учения», объяснение молитв и заповедей; чтение с толкованием и объяснением прочитанного и начала грамматики при чтении. Использовались руководства по чтению «Книга для чтения и практических упражнений в русском языке» Паульсона и «Детский мир» Ушинского» [15]. Вероятно, также велось обучение и в миссионерских школах, по тем же учебным пособиям, поскольку других, написанных на родном языке, не было. Как дети местных народов постигали школьные науки на русском языке, в отчетах не сообщается.

Школа в Тыре содержалась на средства Благовещенского миссионерского комитета. Комитет ежегодно отпускал 860 руб., благодаря чему она имела довольно устойчивое материальное положение. Учитель получал 200 руб. жалованья в год, на каждого из 9 воспитанников — по 40 руб. (всего 360 руб. в год). Оставшиеся 300 руб. расходовались в равных долях на отопление, приобретение пособий и жалованье прислуге [16]. Единственным недостатком этой школы, по мнению начальника округа, было отсутствие грамотного воспитателя. «Какой может быть учитель — сельский псаломщик Тырской церкви, когда при городских соборах псаломщики малограмотны?!» [17]. В 1887 г. в школе появились девочки — их было 6 человек. Общее число учеников составило 13 [18]. Однако в 1889 г. в Тырской школе, как и в начале десятилетия, обучалось только 7 мальчиков [19].

Больше-Михайловская школа была открыта в 1859 г. специально для гиляцких мальчиков первым военным губернатором При-

морской области Казакевичем. С 20 августа 1871 г. миссионером гольдской миссии в с. Михайловское был назначен иеромонах Тихон, ему поручалось также заведование Михайловским приходом и находящейся там гиляцкой школой [20]. В 1872 г. обе школы в с. Михайловском (и гиляцкая, и приходская для русских детей), не получая никакой поддержки, были закрыты по предписанию военного губернатора [21].

Благодаря миссионерам Больше-Михайловское училище вновь заработало. Оно имело собственное помещение, пожертвованное местным обществом. Учитель, как и в Тыре, получал 200 руб. в год, на отопление и прислугу тратилось по 100 руб. и 50 руб. выделялось на приобретение учебных пособий. Число учеников в школе в течение года колебалось. Например, в 1885 г. мальчиков было 9–10, девочек 7–8 [22]. В 1889 г. в школе обучалось 14 русских и 7 гиляцких мальчиков [23].

В 1883 г. на средства миссии была открыта школа в селении Средне-Тамбовском. С 1884 г. училище содержалось благодаря заботам миссионера-священника Дмитрия Пляскина. Он получил в дар дом от бывшего софийского исправника Новицкого. Таким образом, школа получила собственное помещение. В ней учились вместе русские и инородческие дети. Средства от миссионерского общества были скудными: 150 руб. учителю и по 25 руб. в год на ученика-инородца. Священнику самому приходилось изыскивать деньги на поддержание учебного заведения. В школе на казенный счет училось 12 инородческих мальчиков [24]. Не получая помощи, школа вскоре закрылась.

Старейшая миссионерская школа на озере Болонь, благодаря материальной поддержке миссии, вновь заработала с начала 1880-х гг. В 1883 г. в ней обучалось до 10 мальчиков. Учителем был вольнонаемный псаломщик, «знающий по-гольдски». Он работал под наблюдением священника, хорошо владеющего гольдским языком. Правда, в 1885 г. из-за болезни священника школа вновь закрылась [25]. В 1889 г. в школе обучалось всего 7 мальчиков [26].

Епископ Мартиниан первым поставил вопрос о подготовке учителей из местного населения. Он писал в 1885 г. приамурскому генерал-губернатору А.Н. Корфу о том, «чтобы сколько-нибудь ослабить влияние языческих лжеучителей на молодое поколение... и поднять уровень миссионерских школ, нужно приготовить учителей из инородческих мальчиков». Владыка предлагал направить в Иркутскую учительскую семинарию 10 мальчиков из трех корейских миссионерских станов (Янчихенского, Корсаковского, Благославленного) и четверых из приамурских миссионерских школ — по два из Доле-Троицкой и Горинской [27]. Осуществить этот план, по-видимому, не удалось. В 1885 г. Камчатскую епархию возглавил епископ Гурий (Буртасовский).

Первый приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф сразу обратил внимание на состояние миссионерской работы во вверенном ему крае. В отчете Приамурского генерал-губернаторства за 1883–1885 гг. А.Н. Корф пишет, что «миссионерская часть в Приамурском крае поставлена неудовлетворительно» [28]. По его поручению епископ Гурий составил заметки о своем миссионерском путешествии в 1885 и 1887 гг. в низовья Амура от Хабаровки до Николаевска в сопровождении А.М. Протодиаконова, исполнявшего обязанности начальника миссии. Епископ описывает трудности, с которыми приходилось сталкиваться в своей работе духовным миссиям среди гольдов и гиляков. Нужно сказать, что миссионерам не хватало средств даже для простого объезда всех стойбищ в границах миссионерского стана. Епископ Гурий писал, что молодому миссионеру Больше-Михайловского стана священнику Серговскому требовалось 70 рублей для этих целей. Все миссионерское содержание составляло 460 руб. Поэтому для отца-миссионера это было «чувствительным расходом» [29]. Говорить об организации школ миссиями, без существенной материальной поддержки, просто не приходилось.

В 1886 г. при подготовке II съезда, собиравшегося по инициативе приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа, начальникам округов предлагалось ответить на вопросы. Часть вопросов касалась устройства школьной жизни в молодом генерал-губернаторстве. Особый интерес представляют ответы исправников Удского (Николаевского) и Софийского округов П.В. Овчинникова и А. Башилова. Павел Васильевич Овчинников писал: «Миссионерами являлись люди мало того, что незнающие ни языка, ни обычаев иностранцев, но даже без специального к тому образования, крещение гиляков производилось и производится без всякого подготовления их к этому. Конечно, лучшее средство для подготовки гиляков к восприятию христианства есть школа, но обучение гилякских детей может быть только принудительным, так как инородцы неохотно отдают своих детей учиться, в чем я убедился, имея в округе 2 миссионерские школы (Тырская и Больше-Михайловская. — *О. Л.*), в которые всегда приходится, за немногим исключением, брать детей помимо воли родителей. Обучение в этих школах должно начинаться по окончании осеннего рыбного промысла и заканчиваться по вскрытии рек, т. к. летом все инородцы с мала до велика занимаются рыбным промыслом» [30].

Начальник Софийской округи Александр Башилов сообщал в Хабаровку о необходимости устроить «хотя бы на весь округ одну порядочную инородческую школу, где бы обучались русской грамоте, Закону Божьему, счету не только мальчики, но и обязательно инородческие девочки, как лучшие распространительницы в будущем в своих семьях грамотности» [31]. Обучение должно продолжаться не менее четырех месяцев. В заключении софийский исправ-

ник пишет: «Я полагал бы только тех, которые окончат курс в школе, приводить в православие» [32].

В 1886 г. миссионерами-священниками, в ведении которых находились школы, состояли: в Доле-Троицком — Павел Нижанковский, Болоньская миссия — Иринарх Малахов, Тамбовская — Петр Комаровский, Больше-Михайловская — Кузьма Серговский, Тыра — Александр Осипов [33].

Несмотря на все трудности, в 1890-е гг. происходит расширение сети школ. Новым в школьной миссионерской работе было устройство пансионов при училищах. К этому отцов-миссионеров привел двадцатилетний опыт работы среди народов, стойбища которых были разбросаны на значительном расстоянии от миссионерских станов, где в первую очередь открывались школы. Можно отметить также большую стабильность в работе школ, появление подготовленных учителей. Правда, это были по-прежнему русские люди, не знавшие местных языков. Еще одним важным качественным изменением в работе школ стало совместное обучение русских и инородческих детей. Понятно, что этому способствовала малочисленность населения, поскольку открытие отдельных школ для русского населения и коренного означало бы распыление весьма скромных материальных ресурсов. Преследовалась и другая цель — совместное обучение и проживание инородческих детей в пансионах в русских селах способствовало бы лучшему усвоению русского языка и в целом православной культуры.

Во главе Амурской миссии встал подлинный подвижник миссионерского дела Афанасий Александрович Протодиаконов, сын А.М. Протодиаконова. Афанасий родился в Хабаровке 18 января 1866 г. Несмотря на слабое здоровье, он вступил на трудное поприще миссионерского служения, о котором знал не понаслышке. А.А. Протодиаконов, как и его отец, считал, что миссионеру для успешной работы необходимо знать языки местных народов. Молодой проповедник видел, что проповедь Евангелия страдает от частой смены миссионеров, для которых 3 года работы считались большим временем [34]. На страницах «Камчатских епархиальных ведомостей», впервые увидевших свет в 1894 г., появляются содержательные отчеты А.А. Протодиаконова о состоянии миссионерской работы в крае, освещается деятельность школ. В 1899 г. Афанасий получил назначение на должность ключаря Владивостокского кафедрального собора. 7 ноября 1899 г. в возрасте 34 лет он умер (от отека легких), будучи в командировке в Никольске-Уссурийском [35].

По отчету духовной миссии, в 1893 г. работали школы при миссионерских станах: Вознесенском (обучалось 5 гольдских мальчиков), Горинском (5 гольдских мальчиков), Мариинском (22 инородческих мальчика: 1 гольд, 17 гиляков, 4 китайца и вместе с ними обучалось 17 русских мальчиков), Больше-Михайловском (13

мальчиков-гиляков), Доле-Троицком (8 гольдских мальчиков), Вятском (3 ученика-гольда). Всего в миссионерских школах обучалось 56 мальчиков.

Школа в Мариинском стане была открыта в 1892 г., учителем в ней состоял дворянин Петр Попов, выпускник Штейгорского горного училища. По отзыву начальника миссии Афанасия Протодиаконова, Попов «дело ведет умело». Законоучителем в Мариинском училище состоял священник Кукольщиков. В Больше-Михайловском обучал детей сын урядника Василий Медведев, выпускник Николаевского городского училища. В Доле-Троицком с детьми занимался псаломщик Будрин, в остальных школах — священники. Священник Вознесенского стана Георгий Паргачевский «ревностно» изучал гольдский язык.

Школьные помещения имелись в Больше-Михайловском, Мариинском и Доле-Троицком. Мариинское училище в 1892/93 г. располагалось в наемном помещении. На свои средства миссия построила школьное здание с пансионом и осенью 1893 г. занятия начались в новом помещении, состоящим из четырех комнат. Была необходимость обзавестись собственными школьными помещениями и в других миссионерских станах, особенно в Вятском. Доле-Троицкую школу постигло большое несчастье — в ночь с 9 на 10 декабря 1894 г. сгорело дотла школьное помещение из-за неисправности трубы.

Учителя миссионерских школ получали очень скромное жалованье — по 100 руб. в год, содержание одного ученика в школах обходилось миссии по 30 руб. в год. Начальник Камчатской духовной миссии Афанасий Протодиаконов оценивал школьные успехи как «удовлетворительные, старшие ученики читают и поют на клиросе в храме». Однако «инородцы неохотно отдают своих детей в школы» [36].

В 1894 г. миссионерская школа вновь заработала в Тыре, было открыто училище в Софийске. Таким образом, число миссионерских училищ в низовьях Амура возросло до 8, а число учеников до 79. Открытие школы в Тыре стало возможным благодаря деятельности миссионера и местного пристава Сахарова. 26 детей обучал псаломщик Михаил Сердобольский, выпускник Козьмодемьянского городского училища, имевший свидетельство на право обучения детей. Школа была смешанной по составу учеников, в ней учились 12 русских детей (6 мальчиков и 6 девочек) и 14 гилякских мальчиков. Псаломщик вел обучение «весьма прилежно», исполнял обязанности учителя «с великой любовью», ласково обращался с детьми. Правда, помещение школы было «незавидным», старый миссионерский дом требовал капитального ремонта.

Софийская школа была открыта благодаря «энергии и преданности делу» отца Авраамия Писарева. Обучение происходило в Софийской церковно-приходской школе. При ней был устроен пансион для учеников-инородцев, в котором размещались 6 тун-

гусских и 5 гилякских мальчиков. Трех тунгусских девочек на своей квартире приютил священник.

В пансионе при Мариинском училище в 1894 г. находилось 24 человека: 20 гиляков, 3 китайца, 1 гольд. В школе сменился учитель, в 1894/95 учебном году в старшем отделении занятия проводил священник Афанасий Котяков, младшем — псаломщик Евдоким Сальников, окончивший курс Хабаровского городского училища. Е. Сальников имел комнату в школе и присматривал за детьми во внеурочное время. Как уже отмечалось, в Мариинском училище обучались также русские дети — 16 мальчиков и 6 девочек. Обучение было бесплатным. По праздникам дети отправлялись домой в родные стойбища.

В Больше-Михайловской школе также был открыт пансионат, устроенный на средства миссионерского общества. В нем размещались все 10 учеников-гольдов. Здание было «крайне неудачно построенным».

В с. Вятском при миссионерском стане не было устроено пансиона, поэтому дети (6 гольдских мальчиков) обучались в Малышевской школе грамоты и размещались в стойбище Суйго, в полуверсте от этого селения. Обучал детей учитель Малышевской школы дворянин Александр Цветков. Учитель был «прилежен к делу», успехи детей, по отзывам начальника миссии, были удовлетворительными.

В 1894 г. стараниями миссионера Алексея Троицкого вновь заработала школа при Горинском стане в с. Нижне-Тамбовском. В училище пришли 5 инородческих мальчиков и 14 русских детей. А. Троицкий был выпускником учительской семинарии. В отсутствие священника детей обучала его жена Елизавета Павловна, выпускница Самарского женского епархиального училища.

Школа при Вознесенском стане, открытая в 1893 г., не имела собственного помещения. Она находилась в доме местного крестьянина, за что он получал по 5 руб. в месяц за каждого ученика от миссии. Вознесенской школе не везло с учителями. Священника Г. Паргачевского, изучавшего нанайский язык, перевели в 1894 г. в другую церковь. Новый учитель, псаломщик Федор Шубока, умер в 25 декабря 1894 г.

Обучение в школах продолжалось с октября по апрель и не превышало 6 месяцев. Такой срок обучения объяснялся тем, что дети были важными помощниками взрослым в рыбной ловле.

В 1894 г. Православное миссионерское общество выделило на миссионерские школы 3219 руб. 85 коп. Русские, отдавая детей в миссионерские школы, никакой материальной помощи не оказывали, за исключением топлива, но и оно давалось «после многих пререканий» [37].

В 1896 г. школа в с. Мариинско-Успенском была самой крупной, где вместе обучались русские и инородческие дети: 47 маль-

чиков и 6 девочек. В остальных школах по-прежнему число детей было невелико: в Михайловской школе обучалось 10 мальчиков и 8 девочек, в двух инородческих школах Михайловской волости обучалось 11 гилякских мальчиков и 2 девочки [38].

Деятельность миссионера А. Троицкого и его жены в селении Нижне-Тамбовском дала результаты. В конце 1890-х гг. в миссионерской школе вместе обучались 17 гольдских мальчиков и 12 русских детей. Мальчики жили в интернате, устроенном при школе, за содержание каждого миссия выплачивала по 35 руб. в год. По словам миссионера, «гольды довольно охотно отдают в школу своих детей, из которых многие обнаруживают хорошие способности. Некоторые, из обучавшихся в этой школе, продолжили образование в духовной семинарии в Благовещенске, и два из них служат теперь псаломщиками» [39].

Такие положительные отзывы о деятельности миссионерских школ встречаются очень редко. Чаще всего мнение дальневосточных чиновников и общественности смыкается в общей негативной оценке результатов образовательной деятельности миссий. В 1900 г. военный губернатор Приморской области писал в ежегодном отчете: «В миссионерских школах у гольдов, гиляков, негидальцев обучается слишком незначительное число детей, при этом малоуспешность занятий непосредственно зависит частью от незнания языка и духа этих племен миссионерами, и частью от отсутствия многих важных терминов в этих примитивных наречиях» [40]. В 1899 г. Амурская миссия состояла из двух отделов: гольдского и гиляцкого. В первом отделе работало 5 станов, втором — 11. При каждом гольдском стане работала школа, в гиляцком отделе миссии было 6 школ. В 11 миссионерских школах обучалось чуть более ста детей. Общее число коренных жителей Нижнего Амура гольдов, гиляков, негидальцев, ороченов составляло 25 тыс. человек [41].

В статье о школьном деле в низовьях Амура Р. Сахаров констатирует, что «миссионерские школы поставлены ниже всякой критики» — не в редкость встретить мальчика-подростка, проучившегося 2–3 года и не умеющего не только читать, но и не знавшего даже всех букв [42]. Да и само православное ведомство, оценивая результаты образовательной деятельности Камчатской миссии, замечает, что «школьное дело... требовало еще много для своего надлежащего развития» [43].

Советские исследователи отрицательно отзывались о роли миссионерских школ в развитии просвещения коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Например, Н.С. Юрцовский, сравнивая православных миссионеров с католическими и протестантскими, пишет: «Миссионерская деятельность нашего духовенства была чрезвычайно слаба. В течение двух столетий на громадном пространстве создаются десятка два-три инородческих школ. Миссионер православного духовенства в

подавляющем большинстве — чиновник, работающий для отчетности... тогда как среди протестантских и католических миссионеров нередки примеры людей до фанатичности преданных своему делу» [44].

Современный иркутский историк миссионерской деятельности православной церкви в Сибири Л.Н. Харченко считает, что «бесспорным достоинством миссионерских школ можно назвать их несомненную пользу на ниве народного образования в начальный период его становления». Далее она пишет: «Часто являясь единственными учебными заведениями в отдаленных местностях, они выполняли роль культурных центров, давая возможность получить не только основы грамотности, но и необходимые сведения по медицине, гигиене, сельскому хозяйству и т. п.» [45].

Думается, что слабое развитие просвещения у коренных народов Дальнего Востока объясняется не только пассивностью миссионеров или «незнанием языка и духа этих племен». Это можно объяснить и тем, что столь трудное дело, как первоначальное просвещение народов, не имевших своей письменности, расселенных небольшими группами в отдаленных местностях, находящихся на низкой стадии социального развития, велось только церковью, Министерство народного просвещения устранилось от этой работы. Несмотря на скромные успехи, можно все-таки отметить, что школы духовного ведомства сыграли положительную роль в первоначальном школьном строительстве, поскольку именно они были первыми учебными заведениями среди народов, никогда не знавших грамоты.

Примечания

1. Ипатьева А.А. Российская историография истории миссионерской деятельности русской православной церкви на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX века // Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий: краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. 2001. № 1. С. 35.

2. Лынша О.Б. Зарождение школьного образования среди корейского населения Южно-Уссурийского края во второй половине XIX века // Jornal of History and Culture. Seul. № 24. June. 2006. P. 3–72 (на рус. и кор. яз.).

3. Иркутские епархиальные ведомости (далее ИЕВ). 1871. № 33. С. 644.

4. Ипатьева А.А. Личный состав миссионеров Русской Православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX веков // История государственности и церкви на Сахалине. Южно-Сахалинск, 2001. С. 116.

5. Религия и власть на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2001. С. 37–39; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 71.

6. Труды православных миссий Восточной Сибири. Иркутск, 1883. Т. 1. С. 524.

7. ИЕВ. 1871. № 32. С. 630.

8. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 25.
9. Там же. Д. 273. Л. 20.
10. Там же. Д. 708. Л. 11–11 об.
11. Там же. Л. 64.
12. ИЕВ. 1871. № 45. Прибавления. С. 783.
13. Ипатьева А.А. Личный состав миссионеров Русской Православной церкви на юге Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX веков. С. 119.
14. ИЕВ. 1883. № 41. Прибавления. С. 522.
15. ИЕВ. 1870. № 22. Отд офиц. С. 174.
16. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 967. Л. 37 об.–38.
17. Там же.
18. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1119. Л. 99 об.
19. Там же. 1118. Л. 50–51.
20. ИЕВ. 1871. № 45. Отд. офиц. С. 397.
21. РГИА ДВ. Ф. 1 Оп. 1. Д. 463. Л. 3.
22. Там же. 967. Л. 38.
23. Там же. Д. 1118. Л. 50–51.
24. Там же. Д. 967. Л. 49 об., 51.
25. Там же. Л. 50–51.
26. Там же. Д. 1118. Л. 50–51.
27. Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 18. Л. 3.
28. Отчет Приамурского генерал-губернатора за 1883–1885 гг. Б. г. Б. м. С. 51.
29. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 55. Л. 7.
30. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп.1. Д. 1010. Л. 98 об.–99 об.
31. Там же. Л. 112.
32. Там же. Л. 112 об.
33. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1087. Л. 14.
34. Религия и власть на Дальнем Востоке России. С. 34; Жуков А. Протодиаконовы // Приамурские ведомости. Хабаровск. 1998. 28 февр.
35. Уссурийский городской архив. Метрическая книга Никольской церкви за 1899 год. С. 151.
36. Камчатские епархиальные ведомости. 1894. № 14. Отд. неофиц. С. 311; № 15. Отд. неофиц. С. 315, 317, 319; № 18. Отд. неофиц. С. 403.
37. Камчатские епархиальные ведомости. 1895. № 9. Отд. офиц. С. 61, 73; № 14. Отд. неофиц. С. 286; № 15. Отд. неофиц. С. 309, 311; № 16. Отд. неофиц. С. 332, 335, 337, 340; № 20. Отд. неофиц. С. 433, 437.
38. РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 482. Л. 300.
39. Приамурские ведомости. Хабаровск. 1898. 9 авг.
40. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 352. Л. 12.
41. Православный Благовестник. 1904. № 14. Июль. Кн. 2. С. 244–245.
42. Приамурские ведомости. Хабаровск. 1900. 5 марта.
43. Православный Благовестник. 1904. № 20. Окт. Кн. 2. С. 148.
44. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения Сибири. Ново-Николаевск, 1923. С. 135.
45. Харченко Л.И. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб., 2004. С. 122.

А.С. Маджаров (Иркутск)

И.Е. Попов-Вениаминов (свт. Иннокентий) и историк А.П. Щапов из Анги. Проблема «фигуры умолчания» в отечественной историографии XIX–XXI вв.

Но каждому дается проявление
Духа на пользу:
Одному дается Духом слово
мудрости, другому слово знания
тем же Духом...
1 Коринфянам 12, 7–8

В отечественной историографии соотносить жизнь и творчество просветителя Русской Америки И.Е. Попова-Вениаминова (свт. Иннокентия) (1797–1879) и историка А.П. Щапова (1831–1876) было не принято.

О каждом из них в отдельности сложилась литература, имеющая свои достижения и скелеты в шкафу. Начало ей было положено в XIX в. при жизни этих людей, а последние работы вышли уже в наши дни.

Конечно, исследователи не могли не видеть очевидных сближающих их обстоятельств — совпадения в пространстве и времени русской истории: единого места рождения — Анги (далекой от столиц, что и делает этот факт незаурядным), учебы в одном учебном заведении — Иркутской духовной семинарии, заложившей основы их культуры, личности, последующей связи с Ангой, Иркутском, Петербургом и совпадения их деятельности во времени в русской истории 50–70-е гг. XIX в., наконец, всероссийского масштаба их дарований и дел.

Вопрос о появлении в одном небольшом селении людей близкого корня и большого масштаба, но разных судеб, оставивших заметный, но разный след в истории России, о сравнительном видении ими будущего России, в литературе не появился и не получил освещения. Почему?

Отсутствие попыток сравнить судьбы известных ангинцев в отечественной историографии имело объективные предпосылки: свт. Иннокентий и А.П. Щапов разошлись и числились по разным «ве-

домствам», направлениям. Хотя, как уже говорилось, были предпосылки и прямо противоположного плана — к их сближению. Но не всегда качество исследования личности и творчества миссионера и историка — каждого в отдельности и путем сравнения их судеб определялось только логикой научного исследования.

В дореволюционной историографии сравнительный анализ мог быть проведен, но этого не случилось. Историки церкви не прибегли к нему, потому что данное сравнение выходило за тематические рамки направления: просвещение алеутов на Уналашке и в Ситке, миссионерская служба в Якутии, на Амуре И.Е. Попова-Вениаминова были далеки от «Истории русского народа» XVII–XIX вв., которую писал А.П. Щапов. Хотя, если посмотреть глубже, в исторической мысли, соприкасающейся с современностью, эта связь была: ведь А.П. Щапов осмыслял исторические истоки того движения на восток, которое в XIX в. осуществляли свт. Иннокентий и др.

Сравнение выходило и за идеологические рамки официального направления: волею судеб просветители из Анги оказались на разных полюсах общественного движения конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. А.П. Щапов — автор ряда работ о высокой просветительной роли Русской православной церкви в отечественной истории, после событий в Бездне, в начале 60-х гг., резко ее критиковал; свт. Иннокентий всю свою жизнь был примером священнослужителя, самоотверженно работал на духовной ниве, укрепляя авторитет церкви.

По-разному к ним относился митрополит Московский и Коломенский Филарет, что важно для нашей темы. Филарет переписывался с Иннокентием, высоко его ценил, способствовал продвижению «по службе». Что же касается А.П. Щапова, то и на него митрополит обратил особое внимание. Это случилось после публикации «Русского раскола старообрядства...» (1859), в котором историк рассмотрел старообрядческое движение не в русле официального направления, схоластически как проявление «невежества», а в контексте русской истории как «жизнь народа», приверженного старине. «Русский раскол» А.П. Щапова не понравился Филарету. (Подробнее см.: Маджаров А.С. Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск. 2005. С. 41–73, 205–212, 469–473, 487–488.)

После расстрела крестьян в Бездне (12 апреля 1861 г.) (по неполному списку значилось 179 убитых и тяжелораненых) и проведения несанкционированной панихиды по невинно убитым (16 апреля 1861 г.) преподаватель русской истории Казанской духовной академии, что связывало его с Филаретом, и Казанского университета А.П. Щапов, вновь привлек внимание митрополита. Причина повышенного интереса к скромной персоне историка заключалась в его поступке — выступлении на упомянутой панихиде с яркой речью в защиту крестьян. За панихидой и речью А.П. Щапова последовало

разбирательство, санкционированное Александром II. Филарет, со своей стороны, резко осудил выступление А.П. Щапова.

Две точки зрения на события в Бездне разделила кровь убитых крестьян.

Для официальной историографии этот факт означал невозможность, неприемлемость какого бы то ни было смешения, сопоставления их судеб, ибо сравнение заставило бы задуматься над вопросом о допустимости, обоснованности кровопролития, если обоснованность в этом вопросе вообще возможна, и об ответственности власти, отдавшей приказ стрелять, перед своим народом.

На другом полюсе историографии, в конце 50-х – начале 60-х гг. занятом темой освобождения крестьянства от крепостного права, также не видели эвристического смысла в таком сравнении.

Вопрос не был первоочередным и потому, что до его постановки надо было еще изучить биографии этих людей, установить основные факты, без которых не могло быть углубленного изучения их места в русской истории.

Тем не менее от очевидного сравнения биографы не уходили. Для доказательства достаточно сослаться на основные историографические источники.

На первых порах сопоставление этих людей в историографии возникало не из теоретических потребностей углубления представлений об особенностях умственного и духовного движения в России или из задачи преодоления идеологических ограничений, а из простого житейского факта, который невозможно игнорировать, из их рождения в одном удаленном от столиц селе Анга.

В биографии А.П. Щапова, написанной Н.Я. Аристовым, однокашником А.П. Щапова по духовной академии, который был близко знаком с предметом своего исследования, о свт. Иннокентии сказано немного. Однако биограф едва ли не с первого слова ставит их рядом, ибо так, рядом они виделись современнику. В самом начале повествования, после ссылки на слова А.П. Щапова о происхождении своего рода, Н.Я. Аристов заметил: «По каким отношениям и связям Щапов доводился родственником недавно умершего московского митрополита Иннокентия — мне не известно» [1].

А в заключительной десятой главе книги сообщал следующее: «Когда в Москву назначен был митрополит Иннокентий, родственник Щапова, в Петербурге не сомневались, что его переместят из Иркутска» [2]. Заметим, что это было при жизни Н.Я. Аристова, который умер в 1882 г.

В 1902 г., в опубликованной речи, приуроченной к двадцатипятилетию со дня смерти А.П. Щапова, Н.Н. Козьмин, ссылаясь на работу А.П. Щапова, писал, что первый предок будущего историка появился в Анге в 1693 г. и от него пошел род Щаповых, а в сноске

к этой информации добавил: «Митрополит Московский Иннокентий приходился Щапову сродни» [3].

В биографии А.П. Щапова, принадлежащей перу Г.А. Лучинского, вышедшей в качестве сопроводительного очерка (1908) к трехтомнику трудов А.П. Щапова, о взаимоотношениях митрополита и историка сообщалось следующее. Касаясь намерений А.П. Щапова покинуть Иркутск и переехать в центр для научных исследований, биограф писал: «Несмотря на то, что за него хлопотал родственник — Иннокентий, архиепископ Алеутский, назначенный в 1868 году митрополитом Московским, — ничего не вышло» [4]. Доказательств того, что Иннокентий действительно выполнил просьбу А.П. Щапова — хлопотал о его переводе из Иркутска (решить вопрос, по всей вероятности, мог только царь, а с царем Иннокентий встречался), автор не приводит.

Создавалась и биография митрополита Московского и Коломенского. В частности, появилось объемное сочинение И. Барсукова и др. [5].

До революции литература о митрополите и историке развивалась, что свидетельствовало об отношении исследователей и журналистов к ним как к заметным деятелям всероссийского масштаба. Каждый из них был представлен в своей общественной нише. О качестве этой информации и, вместе с тем, косвенно о месте Иннокентия и А.П. Щапова в общественном сознании того времени в частности свидетельствовали содержание и объем включенных в Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (СПб., 1907, 1909) статей об И.Е. Попове-Вениаминове и А.П. Щапове. Малый словарь особенно показателен тем, что выборка информации для него была более жесткой, отражающей уже сложившуюся в историографии ситуацию.

Иннокентию (И.Е. Вениаминову) (как его именуют в словаре) уделено 12 строк, причем он характеризуется как просветитель алеутов, митрополит Московский [6]. Практически столько же — 15 строк, выделено А.П. Щапову как историку России [7].

Первым и единственным автором, который пошел несколько дальше остальных по пути сравнения деятелей русской истории, выходцев из Анги, был уроженец Иркутска, выпускник Санкт-Петербургского университета (1913), ставший в советское время крупным ученым-филологом М.К. Азадовский (1888–1954). Студентом он подавал большие надежды, а впоследствии стал разносторонним специалистом-филологом, историком, этнографом.

Азадовскому пришлось совершать экспедиции на Амур (1913–1914), в места, где доводилось служить Иннокентию, и на Лену (1915), в родные места Иннокентия и А.П. Щапова. В результате этих поездок, в частности, у него вышла небольшая брошюрка «К биографии А.П. Щапова и митрополита Иннокентия. (Неизданное письмо митрополита Иннокентия)» (Пг., 1916).

Побудительным мотивом написания работы о митрополите и ис-

торике послужили находка в Анге письма Иннокентия и устные сведения об Иннокентии и А.П. Щапове, почерпнутые из разговоров с очевидцами. По поводу письма Азадовский сообщал следующее: «У одного из дальних родственников митрополита, протоиерея Ильинской церкви в с. Анга о[тца] Александра Кокоулина сохранилось нигде до сих пор не напечатанное письмо пр[еподобного] Иннокентия, содержащее любопытные данные как для характеристики отношений митрополита к Щапову, так и для биографии их обоих» [8].

Письмо Иннокентия было адресовано Алексею Попову, доводившемуся Иннокентию племянником, священнику из Анги. Оно было написано 22 марта 1858 г. в Иркутске.

Письмо и комментарии к нему М.К. Азадовского содержали биографические сведения об Иннокентии, а также уникальную информацию от самого Иннокентия о его отношении к А.П. Щапову.

Азадовский был единственным исследователем, который встречался с жителями Анги, еще лично видевшими Иннокентия и А.П. Щапова, способными на основании своего опыта судить о характере взаимоотношений между ними. По этому поводу он писал следующее: «По рассказам современников, которые нам приходилось слышать на их общей родине, Щапов очень ценил и уважал митрополита, и в свою очередь последний также благоволил к своему младшему земляку» [9].

Первая из двух подтвержденных на данный момент документально встреч И.Е. Попова-Вениаминова и А.П. Щапова, в ходе которой А.П. Щапов передал через Иннокентия письмо и деньги своему отцу в Ангу, произошла в Казани, на пути следования Иннокентия из Санкт-Петербурга «на Амур» через Иркутск, в который он прибыл 12 марта 1858 г.

Об этом свидетельствует сам Иннокентий. Особую ценность представляет его собственное мнение об А.П. Щапове, переданное в письме: «От Афанасия Щапова у меня есть письмо до отца его с 5 рублями; более он в то время не мог найти. Этот Щапов весьма хороший человек и отличный бакалавр; он может идти далеко, а главное он по душе своей очень хорош. Он потому теперь не послал денег отцу своему [что] сам был должен и только недавно стал получать настоящее жалование... Письмо пономарю Вашему Прокопию (Прокопий Андреевич Щапов — отец А.П. Щапова. — *А. М.*) я пошлю по почте или с попутным благонадежным» [10].

Переменилось ли мнение Иннокентия об А.П. Щапове после известной панихиды и последовавшей в 1864 г. отправке историка из Петербурга в Иркутск?

В 1868 г. Иннокентий посетил Иркутск на пути в Москву к новому месту назначения. По словам В. Вагина, если и не очевидца, то человека, который имел возможность знать об описываемых событиях из первых уст от самого историка: «Во время пребывания

своего в Иркутске, Иннокентий относился к Щаповым очень благосклонно, был у них в гостях, обещал хлопотать за них. Щапов подал ему докладную записку, в которой объяснял необходимость, для своих научных трудов, жить в одном из городов, богатых научными пособиями и преимущественно в Петербурге. После отъезда Иннокентия у Щаповых только и было разговора, что о возвращении в Петербург. Но время шло, а возвращения не было» [11].

Об этой встрече Азадовский сообщал, опираясь на Вагина и Аристова. Фактами, проливавшими свет на причины, по которым не последовало желаемого результата, он не располагал и лишь высказал по этому поводу свое предположение: «Видимо владыке не хотелось вмешиваться в щекотливые „политические дела“, хотя при своем влиянии он легко мог бы добиться исполнения если не всей просьбы, то хотя бы части ее» [12].

Советские годы породили принципиально иную историографическую ситуацию, иную историческую литературу. В структуре развитой советской историографии воплощались идеологические стереотипы — табу, отличные от стереотипов дореволюционной историографии (не изжитые и по сей день), которые жестко корректировали воспроизводимую историческую картину. Об этом уже приходилось писать: «Становлению реалистической доктрины истории демократической мысли (второй половины XIX в. — *А. М.*) и определению ее места в историографическом процессе препятствовали... стереотипы... в особенности советской историографии.

В частности, революционная мысль подавалась как высшее достижение общественного развития...

Упрощалась концепция народничества, которое, как известно, противостояло марксизму и поэтому... заслуживало лишь осуждения.

История религии и церкви рассматривалась сквозь призму „воинствующего материализма“, что вело к искажению их конкретно-исторической роли» [13].

Чтобы не быть голословными, вспомним некоторые реалии историографии советской эпохи.

«Краткий философский словарь» 1939 г., ссылаясь на классиков марксизма, характеризовал религию как «[один из видов духовного гнета... (Ленин)] [...нечто противоположное науке (Сталин)]» [14]. В словарях и других изданиях советской эпохи подход к теме в сущности не менялся.

В истории исторической мысли (историографии) закрепился следующий постулат: «Революционная историческая мысль... возвышается над ней (демократической. — *А. М.*) своей принципиальностью, последовательностью... обоснованием неизбежности и необходимости революционных средств борьбы» [15].

Необходимо напомнить и о том, что наука вообще, а историческая наука в особенности, была бюрократически «построена» по принципу

единоначалия. Спорить с краеугольными постулатами классиков о революции, религии, партии и т. д. в то время было, мягко говоря, не продуктивно. А за этими постулатами стояли приоритеты в выборе тем (что можно изучать, а что нельзя), в их трактовке (как изучать). Говоря несколько утрированно — о религии, церкви — ничего или критически. О революционерах, революционной мысли — пожалуйста, но в рамках концепции классиков марксизма. Не революционеры — подозрительны, поэтому о них особенно писать не стоит и т. д.

Новые «методологические» постулаты определили особенности трактовки биографии сибиряков.

Положительно характеризовать российского деятеля 60-х гг. XIX в., в частности А.П. Щапова, стало возможным при условии его сближения или отождествления с революционной идеей, мыслью, просветительством, а не народничеством. И многие в этом преуспели. Хотя уже тогда, в 60–70-е гг. XX в., наиболее крупные специалисты по истории мысли, действительно знакомые с трудами А.П. Щапова — В.Г. Мирзоев, А.Н. Цамутали и др., определяли его как демократа, но не революционера (см.: Маджаров А.С. Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск. 2005. С. 379–455).

В итоге историк России А.П. Щапов, хотя и с оговорками — «не понимал марксизма» и пр., но вошел в учебники по русской истории и историографии. А миссионер Иннокентий в советские учебники не вошел.

Церковная деятельность митрополита Московского и Коломенского Иннокентия была не актуальной и не цензурной в силу господствующего в советской историографии принципа «воинствующего материализма». И если об Иннокентии и упоминали, то лишь как об ученом.

Во втором издании Большой советской энциклопедии (1951) И.Е. Вениаминов и характеризовался как «русский этнограф и естествоиспытатель». Последнее было правдой, но не всей правдой и, строго говоря, искажало действительность. Ведь на всех этапах своей деятельности: в Русской Америке, в Сибири, в Москве — он был прежде всего деятелем церкви, а уж потом ученым. Но это обстоятельство фактически замалчивалось. В статье, насчитывающей 48 (!) строк, что само по себе хорошо, его церковной деятельности были посвящены буквально следующие 4 строки: «В 1840 поставлен первым епископом Камчатским, Курильским и Алеутским с именем Иннокентий; с 1868 — митрополит Московский. Этот поворот в жизни В[ениаминова] отрицательно сказался на дальнейшем развитии его научной деятельности» [16].

И в Советском энциклопедическом словаре (1984) он характеризовался как «русский этнограф и естествоиспытатель». В выделенных ему 6 строках о его деятельности в церкви свидетельству-

ет лишь одно слово: «Будучи миссионером (подчеркнуто мной. — *А. М.*), изучал алеутов» [17].

Желания сравнить биографии не лишенного с точки зрения марксизма упомянутых «недостатков», но все же «цензурного» А.П. Щапова с «чуждым советской идеологии» просветителем Америки свт. Иннокентием, естественно, не возникало.

Новая эпоха сняла ряд прежних противоречий.

Заметно двинулось вперед замершее в советские годы изучение жизни и деятельности Иннокентия не только как ученого, но прежде всего как деятеля Русской православной церкви [18].

Развивалась и литература об А.П. Щапове.

Писать об А.П. Щапове только в прежнем контексте — о его соотнесенности с движением 60-х гг., отношении к идее революции, уже в начале 90-х гг. ушедшего века означало лишь повторение неоднократно сказанного прежде.

Появились новые вопросы, которые не могли быть поставлены ранее, в контексте марксистской схемы: о специфике А.П. Щапова как мыслителя вне парадигмы революционер — не революционер, о православной подоплеке его позиции, мысли; о структуре базовых ценностей той разновидности демократической мысли, которую он развивал и которая и определяла суть его воззрений, и др. Эти и другие проблемы исследовались в работах 90-х – 2000-х гг. [19].

Повторим вновь лишь один из новых выводов: революция никогда не была базовой ценностью исторической концепции А.П. Щапова, такой ценностью в его доктрине был «народ».

Появившиеся в новейшее время возможности издавать книги привели к тому, что наряду с трудами профессионалов стали появляться работы слабые, не соответствующие учебным, научным стандартам, нарушающие авторские права. Эти книги лишены того главного, что всегда, при всех прежних ограничениях, было вектором отечественной исторической литературы — высокой исследовательской культуры.

Уже доводилось писать об отсутствии собственной концепции русской историографии, противоречивости, фактических ошибках в учебнике по русской историографии под редакцией профессора М.Ю. Лачаевой, в частности, и о разделе работы, посвященном А.П. Щапову.

В учебнике, «рекомендованном министерством для студентов высших учебных заведений», не нашлось места А.Н. Радищеву, декабристам, В.Г. Белинскому, Н.А. Добролюбову, зато непрофессионалу Н.К Шильдеру уделено десять страниц, а Л.А. Тихомирову — 27 страниц, что уравнивало его с выдающимся С.М. Соловьевым (29 страниц). Идеологические предпочтения такого подбора историков очевидны [20].

Вызывает удивление и «технология» создания некоторых работ, посвященных свт. Иннокентию.

Профессиональное изучение жизни и деятельности Иннокентия с целью ее нового прочтения (вспомним, что в работе И. Барсукова, которую в этом случае нужно было бы превзойти, если не количественно, так качественно, свыше 700 [!] стр.) требует многолетних усилий. Ведь для этого, помимо общих и специальных исторических знаний, нужно работать с историческими источниками: выявить, изучить материалы многих архивов, в которых они могли отложиться, во всех городах его пребывания (Иркутск, Уналашка, Ситка, Санкт-Петербург, Москва, Якутск, Благовещенск и др.), думать над концепцией эпохи и личности. Так пишут книги профессиональные историки.

Возможен и более простой «писательский», но вполне легальный вариант: взять уже изданные работы об Иннокентии, его труды и пересказать их **своими словами**, обязательно **ссылаясь** на используемые книги, чтобы не нарушать авторских прав и чтобы было понятно, что книга не содержит ничего нового, а лишь пересказывает известное.

Автор книги «Просветитель Сибири и Америки. Жизнеописание святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского» (Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007) Л.М. Анисов, представленный в аннотации как «писатель-историк», раскрывает не все источники своего труда.

Он не упоминает о главном из них — источнике, который лег в основание его книги, — «Очерке жизни и апостольских трудов Иннокентия митрополита Московского» (М., 1886), который является последовательно изложенной историей жизни и деятельности Иннокентия (108 страниц). Очерк был подготовлен Отделом распространения духовно-нравственных книг с примечанием: «При составлении сего очерка жизни и апостольских трудов Иннокентия, м[итрополита] М[осковского], мы пользовались, кроме своих сведений, материалом из книги «Иннокентий м[итрополит] М[осковский], составленной Ив. Барсуковым, Москва 1883 года».

«Очерк» 1886 г. переложен в книгу уважаемого «писателя-историка» вообще без кавычек практически целиком, предварительно подвергшись большей или меньшей, но в основном легкой, косметической обработке.

Поменяв местами крупные структурные части книги (повествование начинается не с начала, как это делают историки, в частности и авторы «Очерка», а почти с конца, с 1868 г.), поменяв местами эпизоды на той или иной странице, перебросив и заменив отдельные слова, отменив прежние и назначив новые абзацы, а кое-где и вообще ничего не меняя, например, сохраняя как цитаты документы, вписанные авторами «Очерка» в свою книгу 1886 г. и почерпнутые Л.М. Анисовым из нее, он воспроизводит историю жизни и деятельности Иннокентия по этому источнику.

«Секретный» текст, составивший каркас книги Л.М. Анисова, «писатель-историк» полновесно снабдил цитатами из введенных в на-

учный оборот, опубликованных писем Иннокентия, других известных источников, собственными сентенциями. В результате книга Л.М. Анисова, еще и снабженная иллюстрациями, выросла до 223 страниц.

Подчеркнем еще раз: половину книги уважаемого автора (!) составил подправленный текст основного источника — «Очерков», объемом 108 страниц.

Подробный анализ книги Л.М. Анисова — отдельная тема, выходящая за рамки данной статьи. Однако, чтобы не быть голословными, приведем типичный пример «технологии» составления книги уважаемым автором из первопрестольной.

После рассказа о кончине Филарета, с которого начинается книга «писателя-историка», автор переходит собственно к Иннокентию и начинает повествование о митрополите с 1868 г., плотно опираясь на книгу «Очерков» 1886 г.

Сравним две цитаты. Начнем с того «места», с которого писатель впервые обращается к своему «генеральному» источнику XIX в., чтобы затем, в соответствии с собственной архитектоникой, последовательно воспроизвести его как событийный «скелет» своей книги. Вот выдержка из «Очерка жизни и апостольских трудов Иннокентия митрополита Московского» (М., 1886):

«18 января 1868 года, в Благовещенске архиепископ Иннокентий получил из С.-Петербурга эстафету от обер-прокурора графа Д.А. Толстого, такого содержания: ‘‘Государь Император Всемилостивейше назначил ваше высокопреосвященство митрополитом Московским. Искренно поздравляю вас и с вами московскую вашу паству, желательно было бы, если бы вы скорее прибыли в Москву, если здоровье дозволит. Потрудитесь телеграфировать, кого бы полагали иметь своим преемником на Амуре. Предупреждаю, что здоровье преосвященного Гурия не дозволило бы ему туда ехать’’. Эта эстафета была получена архиепископом Иннокентием в то время, когда он совершал литургию в своей домовой церкви. По возвращении из церкви он прочитал поданную ему эстафету и настолько был поражен, что изменился в лице и несколько минут стоял как бы прикованным; в это время он не замечал окружающих его и как бы не верил эстафете, которую прочитал несколько раз; затем целый день был в задумчивости и никого не допускал к себе, а вечером он долго молился, стоя на коленях пред иконой Того, Который так неожиданно удивил его своим благоволением.

На другой день, когда он успокоился, немедленно послал обер-прокурору ответную депешу: „Со всею преданностью Господу и благопокорностью Государю приемлю новое назначение Его. Искренно благодарю ваше сиятельство за поздравление. Преемником своим я полагал бы преосвященного Вениамина Селенгинского, как ознакомленного с краем, миссионерством, управлением, привыкшего и готового ко всяким путешествиям. Здоровье мое удовлетворитель-

ное, но зрение слабеет. Предстоящая распутица не дозволит мне быть ранее конца мая“» [21].

А вот цитата из книги Л.М. Анисова:

«18 января 1868 года, в Благовещенск, архиепископу Иннокентию пришла телеграмма от обер-прокурора Д.А. Толстого (последние две тысячи верст, начиная от Верхнеудинска, она шла обыкновенным почтовым путем): ‘‘Государь Император Всемилостивейше назначил ваше высокопреосвященство митрополитом Московским. Искренно поздравляю вас и с вами московскую вашу паству, желательно было бы, если бы вы скорее прибыли в Москву, если здоровье дозволит. Потрудитесь телеграфировать, кого бы полагали иметь своим преемником на Амуре“.

Телеграмма была получена в то время, когда архиепископ служил литургию в своей домовой церкви. Ему подали депешу после богослужения. Прочитав ее, владыка, по рассказам очевидцев, изменился в лице и несколько минут оставался в раздумье, не замечая окружающих, и как бы не верил содержанию телеграммы. Перечитывал текст несколько раз, целый день был в задумчивости и в возбужденном состоянии, никого не допускал к себе, а вечером более обыкновенного молился, стоя долго на коленях. На другой день составил ответную депешу: ‘‘Обер-прокурору синодальному (эти два слова в источнике цитатой не являются. — *А. М.*).

Со всею преданностью Господу и благопокорностью Государю приемлю новое назначение Его. Искренно благодарю ваше сиятельство за поздравление. Преемником моим (в источнике — своим. — *А. М.*) я полагал бы преосвященного Вениамина Селенгинского, как ознакомленного с краем, миссионерством, управлением, привыкшего и готового ко всяким путешествиям. Здоровье мое удовлетворительное, но зрение слабеет. Предстоящая распутица не дозволит мне быть ранее конца мая’’» [22].

Единый, близкий к тексту оригинала контекст, в который вписана «эстафета», «ответ» на нее, и полное повторение одних и тех же цитат в источнике XIX в. и в книге Л.М. Анисова является дополнительным свидетельством: «Очерк 19 в., а отнюдь не творческое озарение, является подлинным протографом текста писателя!

Так «сделана» **вся** книга Л.М. Анисова.

Своеобразно «соотнес» автор и судьбы свт. Иннокентия и А.П. Щапова. Он не стал утруждать себя розысками родословной Иннокентия, а взял из книги «Афанасий Щапов» (Иркутск, 1992) дословно без кавычек начало родословной **А.П. Щапова** и **приписал** его святителю **Иннокентию**! Конечно, ни об А.П. Щапове из Анги, ни о книге «Афанасий Щапов» (тираж 3 000 экз.), из которой взят процитированный фрагмент текста и хорошо известной, в частности, студентам-историкам государственных университетов России, ибо А.П. Щапов входит в университетскую «программу» по исто-

риографии, автор не упомянул, да по понятным причинам и не мог упомянуть — какая выгода писателю-историку раскрывать такую «технологию» своей работы.

Судите сами. Вот цитата из книги «Афанасий Щапов» (Иркутск, 1992):

«На берегу Анги, что впадает в Лену, издавна стояла слобода. Ее заселили пришельцы из России, прижившиеся в этом краю. На исходе XVII столетия, по словам мемуариста, в 1693 году, в Анге появился священник Щапов, сосланный сюда, вероятно, за раскольнические убеждения. Со временем в слободе открылась церковь, которую, по преданию, срубили разбойники, пожелавшие перед смертью спасти душу... В 1803 году „тщанием приходских крестьян Воробьева и Ольхонова“ была построенная новая каменная церковь... 3 октября 1831 года в семье пономаря родился мальчик. Его назвали Афанасием» [23].

А вот цитата из книги Л.М. Анисова. Текст подается писателем без кавычек и ссылок как собственный:

«На берегу Анги, что впадает в Лену, издавна стояла слобода. Ее заселили пришельцы из России, прижившиеся в этом краю. На исходе XVII столетия, по словам мемуариста, в 1693 году, в ней появился священник, сосланный сюда, вероятно, за раскольнические убеждения. Со временем в слободе открылась церковь, которую, по преданию, срубили разбойники, пожелавшие перед смертью принести покаяние.

В селе (так теперь называется слобода) Ангинском Иркутской епархии 26 августа 1797 года у пономаря... родился сын Иоанн» [24]...

В отечественной историографии XIX–XXI вв., на каждом этапе ее развития, во всех значимых темах, в том числе и в истории свт. Иннокентия и историка А.П. Щапова, были свои объективные и субъективные барьеры, «помехи» в изучении и передаче информации, которые препятствовали полному, всестороннему, объективному познанию истории России.

Задача профессиональной историографии — открывать новое, в том числе новое в известном, старом, писать о том, что «было на самом деле», разгребать завалы на полках общественной памяти, и не только вчерашние и даже позавчерашние, но и возводимые прямо на наших глазах.

Примечания

1. Аристов Н.Я. Афанасий Прокопьевич Щапов. Жизнь и сочинения. СПб., 1883. С. 4.

Развернутая историография трудов, посвященных А.П. Щапову, дана в книге: Маджаров А.С. Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск. 2005. Гл. 13. С. 379–455.

Библиографию трудов А.П. Щапова и об А.П. Щапове см. в книге:

Найдина Е.Л. Щапов А.П. (1831–1876): библиография трудов // «История России» А.П. Щапова и история России: Первые Щаповские чтения / сост. А.С. Маджаров. Иркутск, 2001. С. 141–152.

2. Указ. соч. С. 114.

3. Козьмин Н.Н. Афанасий Прокопьевич Щапов, его жизнь и деятельность (по поводу 25-летия со дня смерти). Речь, сказанная на Общем Собрании членов Отдела, посвященной памяти А.П. Щапова, 4 марта 1901 года. Иркутск, 1902. С. 8.

4. Лучинский Г.А. Афанасий Прокопьевич Щапов: биографический очерк // Щапов А.П. Соч. СПб., 1908. С. LXXXYIII.

5. Барсуков И. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883; Очерк жизни и апостольских трудов Иннокентия митрополита Московского. М., 1886; и др.

6. Брокгауз, Ефрон. Малый энциклопедический словарь. СПб., 1907. Т. 1, вып. 2. Стб. 1849.

7. Указ. соч. Т. 2, вып. 4. Стб. 2105–2106.

8. Азадовский М. К биографии А.П. Щапова и митрополита Иннокентия. Пг., 1916. С. 1.

9. Там же.

10. Указ. соч. С. 5.

11. Вагин В. Щаповы. Из воспоминаний // Друзья А.П. Щапова об истории и историке: Пятые Щаповские чтения. Приложения. Иркутск, 2006. С. 226.

12. Азадовский М. Указ. соч. С. 2.

13. Маджаров А.С. Эволюция демократического направления в русской историографии 50–70-х гг. XIX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С. 3.

14. Краткий философский словарь. М., 1939. С. 243–244.

15. Иллерицкий В.Е. Революционная историческая мысль в России. М., 1974. С. 5.

16. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1951. Т. 7. С. 447.

17. Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 208.

18. Дулов А.В. Русское православие: очерк истории. Улан-Удэ, 2000; и др.

19. Маджаров А.С. Афанасий Прокопьвич Щапов: история жизни и жизнь «Истории». Иркутск, 2005. 528 с.; Друзья А.П. Щапова об истории и историке: Пятые Щаповские чтения. Иркутск, 2006; и др.

20. Маджаров А.С. В поисках мысли: Об учебнике «Историография истории России до 1917 года» Т. 1–2 / под ред. проф. М.Ю. Лачаевой. М., 2003. Иркутск, 2006. 51 с.

21. Очерк жизни и апостольских трудов Иннокентия митрополита Московского. М., 1886. С. 98–99.

22. Анисов Л.М. Просветитель Сибири и Америки. Жизнеописание святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. С. 16–17.

23. Маджаров А.С. Афанасий Щапов. Иркутск, 1992. С. 7.

24. Анисов Л.М. Указ. соч. С. 20–21.

А.Ю. Майничева (Новосибирск)

Форт Росс: характерные черты архитектуры русской крепости на Американском континенте

Форт Росс — поселение русских в Калифорнии — был основан в 1812 г. и упразднен в 1841 г. В течение почти тридцати лет он служил опорным пунктом Российско-американской компании, занимавшейся промыслом пушного зверя и торговлей в Северной Америке. После ухода из поселения русских земля, где он располагался, несколько раз перепродавалась различным владельцам, однако первые здания форта сохранялись. Ныне Форт Росс входит в состав национального заповедника, в крепости организован музей.

История Форта Росс во многом повторяла обстоятельства укоренения русских в Сибири в XVI – XVIII вв., но в «просвещенном» XIX в. и на Американском континенте. Первые сибирские остроги с теми поселениями, что строились русскими на Американском континенте, объединяет основополагающий принцип обеспечения успешности обустройства на вновь осваиваемых территориях. К концу XVIII в. в Сибири процесс строительства пионерных крепостей был завершен, поселения здесь развивались по городскому и сельскому типам, но продвижение русских в Америку заставило вернуться к выработанным в предыдущие века правилам оборонного зодчества, вобравшего в себя лучшие традиции русского градостроительства. Градодельцы в Сибири научились возводить наиболее экономичные и эффективные типы укреплений: зимовья, остроги и города. Сравнение особенностей разновременных, но функционально схожих исторических явлений — возведения форпостов продвижения русских, позволит выявить особенности архитектуры Форта Росс, что является целью данной работы. Для достижения указанной задачи привлекаются опубликованные свидетельства и рисунки исследователей и путешественников, посещавших крепость в XIX – начале XX в., а также материалы по строительству сибирских острогов и городов.

В конце XIX в. Чарльз С. Грин (Charles S. Greene) посетил уже начавшую разрушаться бывшую русскую крепость и опубликовал свои заметки в журнале «Оверлэнд Мансли», перепечатанные затем в 1970-х гг. в сборнике «Русские в Америке» [Greene, 1977,

р. 41–51]. По сообщению Грина, основание Форта Росс проходило следующим образом. В 1808 г. лейтенант Иван Кусков предпринял морской поход для предварительного осмотра местности, и в начале 1809 г. бросил якорь в заливе Бодега. Затем, во время второго похода 1811 г., он провел исследование прилегающей территории. Особенно ему понравился участок в 20 милях от залива. Это небольшое открытое плато, обращенное к морю, отделялось от остальной местности несколькими глубокими ущельями, идущими в различных направлениях, так что было выгодным для защиты крепости. Более того, здесь располагались пастбища, рос строевой лес, была проточная вода — река, названная Славянкой (впоследствии известная как Русская), и был лучший климат на побережье. Хотя этот участок формально был в юрисдикции испанцев, Кусков, по легенде, обменял его у индейцев на три одеяла, три пары штанов, два топора, три мотыги и несколько ниток бус. В 1812 г. Кусков прибыл с 95 русскими и 80 алеутами в марте или апреле, а к сентябрю крепость и деревня были построены. Постройка поселения была необходима для основания пункта для сбора мехов и перевалочной базы для колонии Ситка.

Грин пишет, что между испанцами и русскими установились вполне дружественные отношения, чему было несколько причин. Владычество Испании в Америке было поколеблено. Испанские войска не получали достаточного снабжения и платы, что вынуждало их закупать все на месте, а не везти из-за океана. Русские и испанцы каждый имели то, чего не было у другого. Русским требовались калифорнийские меха и пшеница, а они могли предложить для обмена изделия из дерева, железа, кожи, произведенные в Ситке и Форте Росс. У испанцев не было ни одного легкого судна до тех пор, пока они не купили несколько построенных русскими в Форте Росс. Несмотря на взаимную выгоду складывающихся отношений, практически каждый год испанские, а затем мексиканские власти выражали русским свой протест по поводу оккупации земель, им не принадлежавших, предупреждали их о необходимости покинуть форт. На что Кусков не давал согласия, отвечая, что он всего лишь подчиненный и что для решения вопроса нужно обращаться к Баранову. Но апелляции в Ситку также не давали результата, поскольку Баранов отсылал их к правительству в Санкт-Петербург. Испанский губернатор рапортовал своему правительству, прилагая расчеты численности войск пехоты и артиллерии, необходимых для выселения русских, но ни разу не получил достаточного их количества. Переговоры по поводу Форта Росс имели характер слабых препирательств, особенно на фоне жестоких баталий войны с Наполеоном в Европе и испано-американских столкновений на Американском континенте.

Грин нашел постройки крепости, которую он называет «старым фортом» [Ibid., p. 41], в плачевном состоянии. Кровля одной из башен была разрушена полностью, а крыши остальных зданий вряд ли могли продержаться более двух-трех зим, когда бушуют штормы. Башни с каждым годом все более кренились на южную сторону, создавая угрозу развала конструкций, что не удивительно для деревянных сооружений, простоявших более 40 лет без подновлений и ремонта. Вместе с тем крепость все еще производила внушительное впечатление. Чарльз С. Грин замечает, что Форт Росс оказал значительное воздействие на историю Калифорнии, и пишет, что «здесь в течение тридцати лет существовала самая сильная в Калифорнии русская крепость с многочисленным, хорошо вооруженным гарнизоном», который по большей части состоял из алеутов и представителей различных северных народов.

Все постройки форта были построены под руководством Ивана Кускова и являются свидетельством его исключительных познаний в фортификационном искусстве [Ibid., p. 45]. Начальник русской крепости был из тех людей-универсалов, которых жизнь заставила применить свои способности и знания в совершенно разных областях жизни.

«Русские из старой крепости строили основательно», — рассказывал Ч.С. Грину один из встреченных им местных жителей [Ibid.]. Качество исполнения работы и трудоемкость являлись характерными признаками всех сооружений. Здания крепости были сделаны из обработанных вручную бревен и досок. С искренним восхищением Ч. Грин пишет о мастерстве строителей: «Топор, напоминающий секиру, использовался и для рубки деревьев и для вытески изделий из дерева, мастерство людей было изумительным. По истечению всех этих лет бревна бастионов прилегают так плотно друг к другу в углах, где они не подверглись гниению, что не пройдет и лезвие перочинного ножа, а поверхности первозданно ровны. Большая обстоятельность присуща всей их работе» [Ibid., p. 50]. Чердачная часть дома начальника крепости была сложена из бревен диаметром в 45 см и длиной в 16–20 м. Камин был сделан из хорошо отполированных гранитных плит, которые плотно примыкали друг к другу. Все металлические скобяные изделия выкованы вручную.

Форт находился менее чем в 200 м от уреза воды залива. Судя по описанию, крепостная ограда высотой в 5–6 м была выполнена «взаплот» из восьмисантиметровых досок и ограничивала площадку, близкую к квадрату, периметром около 440 м. По диагонали, в северном и южном углу, стояли две восьмиугольные башни. В северной башне после упразднения крепости и ухода русских был устроен свинарник. Часовня Св. Троицы Живоначальной находилась в лучшем состоянии, чем башни, но мелкий ремонт все же

был необходим. Сохранились и колокольня, и главка. Часовня использовалась в качестве конюшни, поэтому прежний интерьер был практически полностью уничтожен. Главка располагалась почти над алтарем, и раскрывалась вовнутрь, остальная часть помещения имела плоский потолок. Как и в других постройках русских, всюду детали и конструкции были тщательно обработаны и плотно пригнаны одна к другой.

Известно, что в часовни были великолепные иконы, подобные знаменитой Мадонне Ситки, но Ч. Грин уже не застал ничего подобного. Остались лишь старый резной аналой и огромный канделябр. В гостинице сохранились перенесенные из часовни две скамьи, грубо сколоченные из семисантиметровых брусьев. Сиденья скамей настолько глубоки, что наводили на мысль о том, что пользоваться ими должны были великаны. Возможно, часть сидений скамей была покрыта обивкой из меха, что делало их пригодными и для обычных людей.

Ф. Хатч, посетивший Форт Росс в 1920-х гг., составил глазомерную карту крепости [Hatch, 1922, p. 6], представлявшей прямоугольник, ориентированный большими сторонами стен по линии север–юг. Длина меньшей северной (и южной) стороны составляла 100 м, длина большей восточной (западной) — 120 м. Северная и южная башня изображены восьмиугольными. На плане Хатча по периметру крепости показаны часовня, встроенная в угол северной и восточной стен, амбары, кузница, дом мясника, казармы офицеров и солдат, дом коменданта. В центре площадки находился колодец. В крепость вели два входа — в восточной и южной стенах. На побережье в окрестностях крепости располагались площадки разгрузки кораблей и погрузки леса, пакгаузы, кладбище.

Первоначально к северу от форта стояла ветряная мельница, невысокое мощное сооружение, имеющее двадцатичетырехметровую поворотную ось, для перемещения которой требовались усилия более десятка человек. После 1842 г. мельница исчезла, но Ч.С. Грин видел во дворе гостиницы сохранившийся гигантский каменный жернов, про который говорили, что «это тот самый жернов, который погубил русскую красавицу» [Greene, 1977, p. 47].

К югу и юго-западу от крепости находилась русская деревня из нескольких жилых домов, окруженных садами и огородами. Современники, посетившие ее, отмечали, что и крепость, и деревня «обнаруживали „европейский дух“ в архитектурном стиле» [Lightfoot, Wake, Schiff, 1991, p. 23].

Упоминается и огромный хорошо ухоженный яблоневый сад, где любили гулять русские офицеры с женами. Участок, где были высажены около 200 деревьев и разнообразные цветы, окружал четырехметровый дощатый забор. Этот сад, хотя уже без должного

ухода, сохранялся и впоследствии, сыграв определенную роль в распространении плодовых культур. В 1937 г. А.П. Фарафонтов, американец русского происхождения, председатель комитета по созданию из Форта Росс памятника русским в Америке, пишет, что «калифорнийская яблоня пошла из Форта Росс» [Фарафонтов, 1937, с. 3].

Внимательное рассмотрение плана Форта Росс 1920-х гг. показывает, что его форма близка к квадрату и сравнима с планами Илимска, Томска, Красноярска, Нарыма, Казымского острога XVII–XVIII вв. До XV в. русские воздвигали оборонительные сооружения, вписывая их в ландшафт. С конца XV в. начинается строительство крепостей с так называемой регулярной планировкой, имеющей правильную геометрическую структуру, что позволяет говорить о начале качественно нового этапа в развитии военного зодчества, поскольку такая планировка делала возможным ведение фланкирующего огня вдоль стен на любом участке периметра обороны [Артемьев, 1996, с. 187]. В XVI столетии крепости с регулярной планировкой становятся основным типом оборонительных укреплений на Руси [Косточкин, 1962, с. 175], а в конце XVII в. регулярный принцип закрепляется в принятом «Уставе ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» [Устав ратных, пушечных и других дел, 1777].

Как и первые русские крепости в Сибири, все постройки форта были деревянными, поскольку дерево является доступным, легким в обработке, прочным материалом, незаменимым в строительстве разнофунциональных зданий — от крепостной башни до колодца. Деревянные крепости были вполне приспособлены для защиты от артиллерии.

С рубежа XVII и XVIII вв. в Сибири распространяется, как и по всей России, представление о престижности каменного строительства по сравнению с деревянным. В последующие два века не только вместо деревянных зданий возводят предназначенные для тех же функций — управления или богослужения — каменные, но и в архитектуре деревянных строений начинают все более подражать формам и конструкциям каменных. Здание должно было производить впечатление если не каменного здания, то хотя бы подобия его. Прекрасно укладываются в этот образ многогранные деревянные башни Форта Росс, выполненные из бруса «в лапу» без выпусков, что существенно отличало их от башен сибирских крепостей, складывавшихся из бревен рубкой «в чашу с остатком».

Много общего наблюдается в принципах расположения крепостей. Как и в Сибири, выбору места Форта Росс предшествовала разведка. Критериями выбора служили: удобство организации обороны, близость водоема с питьевой водой, наличие выходов на

универсальные естественные транспортные магистрали — реку и океан, возможность обеспечения хозяйственных функций, ведения землепашества и скотоводства. Созданные в Сибири в оборонительных целях укрепленные пункты становились не только административными центрами округи, куда свозилась дань с объясаченных аборигенных племен и где взималась пошлина с добывавших и скупавших меха торгово-промышленных людей, но и торговым, культурным, хозяйственным, религиозным сосредоточением жизни русских.

Набор построек был стандартным: башни, амбары, жилые дома, культовые сооружения. Архитектура русских сибирских церквей в XVII–XVIII вв. следовала традициям Русского Севера. Облик деревянной часовни Форта Росс значительно отличается от них. Она напоминает крепостную башню. Впрочем, часовня и располагалась в створе стен, где обычно ставили башни. Как правило, храмы размещали внутри стен острогов, однако в русской сибирской истории известны и примеры расположения культовых сооружений в створе стен. Спасская церковь в Туринске (Епанчине), которую можно охарактеризовать как «классически» шатровую, была встроена в городские стены. Храм Якутского города также был частью стены: «...в том же городе на правом углу в стене церковь новая о двух службах, вверху и внизу олтари выпущены за город...» [Первое столетие сибирских городов... С. 150].

Придя на Американский континент, русские действовали по уже сложившейся схеме: выбор удобного для жизни и обороны места для поселения, закладка укрепленного пункта с традиционными для русских крепостей зданиями (сторожевыми башнями, культовыми, жилыми и хозяйственными постройками). Башни и часовня, да и в целом крепость, имели большое символическое значение — сочетая понятия власти и веры. Обращают на себя внимание преобразующий характер деятельности русских поселенцев, стремление прочно обосноваться и разумно наладить самообеспечение всем необходимым (тщательная обработка всех конструкций построенных зданий, разведение сада, строительство мельницы, распашка близлежащих земель, торговля с испанцами). Такое отношение не было исключением, например, на хуторе Черных, расположенном неподалеку от форта, были многочисленные обработанные поля с посевами зерновых, овощей, там выращивали фрукты, виноград (около 2 000 лоз), использовали теплицы и сушильни [Colonial Russian America, 1976, вклейка]. Позитивная созидательная активность, исключительная тщательность выполнения работы инициировали появление повествований, в которых русские выступали в качестве легендарных великанов, что находило подтверждение и в материальных остатках — огромных предметах быта, утвари, деталях конструкций зданий и производственного оборудования. Освоение

пространства колонистами имело выраженную хозяйственную направленность, предполагающую тесные преимущественно дружественные контакты с местным населением, нередки были и брачные отношения. Отмечают, что после эвакуации жителей Форта Росс большинство индейцев прекрасно говорило по-русски, а у иных в облике можно было увидеть примесь славянской крови [Greene, 1977, p. 49].

Характерные черты архитектуры Форта Росс были продиктованы его типологической общностью с сибирскими острогами, выбором места для его расположения, учитывавшим природно-климатические факторы, которые должны обеспечивать эффективные оборонную и хозяйственную функции крепостей. Набор построек был традиционным для крепостей, им был присущ высокий уровень качества выполнения строительных работ. Облик сооружений, построенных в начале XIX в., отличался от внешнего вида русских крепостей в Сибири, возводившихся в период ее активного освоения в XVII–XVIII вв.

Литература

Артемьев А.Р. Иргенский острог // Освоение Северной Пацифики. Владивосток, 1996. С. 212–223.

Косточкин В.В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI вв. М., 1962.

Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996.

Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки / сост. О. Михайлов. СПб., 1777.

Фарафонтов А.П. Форт Росс, аванпост былой славы России в Америке (к 125-летнему юбилею): 1812–1937 г. Форт Росс, 1937.

Colonial Russian America: Kyrill T. Khlebnikov's reports, 1817–1832. Portland, 1976.

Greene Charles S. Fort Ross and the Russians. 1893 // Russians in America. 1727–1970. N. Y., 1977. P. 41–51.

Hatch F. The Russian advance into California. University of California, 1922.

Lightfoot K., Wake A., Schiff A. The Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross. California, 1991.

Thompson R.A. The Russian settlement in California, Known as Fort Ross, founded 1812, abandoned 1841. Why the Russians came and why they left. Santa Rosa, 1896.

J. David McMahan (Anchorage, Alaska, USA)

An Overview of the Archaeology of Russian America: the Past, Present, and Future

INTRODUCTION

The rich history of daily life in Russia's colonial settlements in America and Russian interaction with indigenous cultures is poorly understood and has been only marginally addressed in school curricula and public interpretation. In the context of broader studies, there has been little attention to the archaeology and public interpretation of daily life in the 18th and 19th century settlements of Russian America. There has been a small but constant stream of published works. Still other important investigations are known among historical archaeologists in Alaska but left unpublished.

In 1979, the First International Conference on Russian America was held in Sitka, the former provincial capitol of Russian America. Due to the popularity of the conference as a forum for sharing the results of ongoing archival and archaeological work, another conference was held eight years later. The Second International Conference on Russian America was also held in Sitka. The proceedings of the second conference, published by the Limestone Press, constitute an important reference for those interested in Russian America. While the volume does not cover all contemporary studies on Russian, it includes papers on Russian-Native interactions, cartography, missionization, and archaeology. Now, two decades after the Second International Conference on Russian America, it is important to review the archaeological work that has been accomplished over the last several decades. This paper reviews some of the archaeological work directed at Russian American sites over the last three decades, discusses recent and ongoing work, and explores directions for future investigations.

ARCHAEOLOGY OF THE 1970s–1980s

The 1970s and 1980s saw several important studies. One of these was the small but important archaeological investigation of the late 18th — early 19th century Russian fur magazine (Erskine House) in Kodiak (Shinkwin and Andrews 1979). This building, one of the few Russian buildings that remain in Alaska, now houses as the Baranov

Museum and Kodiak Historical Society. To supplement existing knowledge of the site, the Baranov Museum is presently planning for additional archaeological testing. Also, beginning in the late 1970s and continuing intermittently until 1983, Ty Dilliplane led excavations at the Middle Bay Brick Kiln site on Kodiak Island (Dilliplane 1981). Bricks were a scarce but necessary commodity in Russian America. The Middle Bay kiln, a «Roman style» kiln constructed around 1823, was used to fire bricks from clay mined adjacent to the site. Dilliplane's work revealed intact brick arches from the kiln structure, as well as ruins of adjacent work buildings. This is one of the few Russian industrial sites in Alaska that has been archaeologically investigated.

Other lesser known work includes the 1978 archaeological excavations by Dick Hsu and a team of National Park Service archaeologists around the Bishop's House in Sitka. The 19th century Bishop's House, former home of Bishop Veniaminov (later to become Saint Innocent of Alaska) is another of the few surviving Russian buildings in Alaska. Archaeological excavations beneath the floor and around the periphery of the building provided information that helped the National Park Service accurately restore the building for use as a museum. Additional testing was conducted around the Bishop's House and other nearby buildings in 1981 by Catherine Blee (Blee 1985). Blee returned to Sitka in 1983 to conduct the full scale excavation of a Russian hospital trash pit deposit believed to date from around 1860 (Blee et al. 1987). Her published quantitative analysis of the large quantity of well-preserved artifacts from the pit is an important reference for those wishing to understand how Russians adapted to a local environment far removed from sources of supply.

The 1980s also saw minor testing at several important Russian American archaeological sites, as well as Native Alaskan sites with Russian trade items. For example, Dilliplane's test excavations at the site believed to be the important 18th century settlement of New Russia (Nove Rossiysk), Yakutat, provides our only preview of the potentially rich archaeological material culture at the site. Other important work of the 1980s includes the work of Doug Veltre and Alan McCartney at Reese Bay, Unalaska Island (Bundy et al. 2003; McCartney 1984).

Significant archaeological work also was conducted outside Alaska during the 1980s. Glenn Farris, building upon earlier work in the 1970s, oversaw excavations at the Russian fur warehouse at Fort Ross, California (Farris 1983; 1990: 475–505). The Ross settlement was constructed in 1812 and was occupied by employees of the Russian-American Company for around 30 years. Russian archaeologist Valery Shubin excavated the Russian-American Company's Kurilorossiia settlement in the Kurile Islands, documenting a metalworkers' forge and building remains similar to those in Alaska (Shubin 1990: 430–433,

443). Despite close parallels with sites in the U.S., only an abbreviated version of Shubin's finings has been published in English.

ARCHAEOLOGY OF THE 1990s — Present

The decade of the 1990s saw several large-scale archaeological investigations, and innumerable smaller ones, that collectively have helped to shape our current understanding of Russian America. Outside Alaska, important work was continued at Fort Ross by Kent Lightfoot and his associates (1991, 1997, 1999). Lightfoot's work largely addressed ethno-history and the multiethnic Native settlement associated with the Russian fort. In Hawaii, Peter Mills conducted archaeological investigations at the site of Russia's Fort Elizabeth, constructed in 1816 on the island of Kauai (Mills 1996; 2002).

In Alaska during the 1990s, McCartney and Veltre, along with their students, continued to carry out survey and testing projects in the Aleutian Islands. Additionally they surveyed a number of eighteenth- and early nineteenth-century sites associated with fur seal hunting in the Pribilof Islands (Veltre and McCartney 2002). Another, small but intriguing, project consisted of the discovery and analysis of a skeleton from the City of Unalaska (McMahan et al. 1995). The skeleton, along with fragments of a wooden coffin, wrought iron nails and preserved head hair, was found by workers while excavating a ditch for a utility line. At the request of city officials, Dave McMahan and Joan Dale analyzed the remains prior to reburial. Their multidisciplinary analysis indicated that the skeleton was that of a Caucasian or Creole male around 30–40 years of age at the time of death. The coffin wood was microscopically identified as larch, commonly found as ships lumber on early Russian sailing vessels and suggesting an 18th century origin. Pollen grains were not found associated with any of the remains, despite an abundance of pollen in the grave fill, suggesting that the individual was probably buried during the winter. While the identification of the skeleton will never be known with certainty, its location matches that of a grave shown as that of «the navigator from Okhotsk» on a 1790 map.

One of the most important large-scale archaeological investigations of the last two decades was the work of Aron Crowell at Three Saints Harbor on Kodiak Island (Crowell 1997). The Three Saints Harbor settlement, founded by Grigorii Shelikhov in 1784, is considered to have been only the second permanent settlement constructed by the Russians in Alaska. This early isolated settlement was truly a frontier outpost. Crowell's work, which was preceded by testing at the site by Donald Clark during the 1960s, collected information on architecture and supply sources. Crowell interpreted the data in the context of current archaeological theory which focused on world economic models.

Another large-scale project of the 1990s was the excavation of

the Afognak Artel site, circa 1790s-1840 by Katharine Woodhouse-Beyer, who oversaw the project for the Afognak Native Corporation. The excavations, conducted between 1994 and 1998, formed the basis for her doctoral dissertation (Woodhouse-Beyer 2001). Over 70,000 artifacts were recovered at the site, including 7,000 glass trade beads. Although some researchers have questioned whether this was actually the site of the artel or that of a smaller settlement, the collection is unquestionably a significant addition to our current data pool for Russian America.

More recent projects have included a re-analysis of Wendell Oswalt's (1980) Kolmakovskiy Redoubt artifacts by Erik Hilsinger (2002), ongoing testing of the Redoubt Saint Constantine site at Nuchek (Prince William Sound) by Laura and John Johnson of the Chugach Alaska Corporation, exploratory investigations at the possible site of Redoubt Saint George on the Kenai Peninsula by Alan Boraas, and the search for the landing site of the Bering Expedition in Southeast Alaska by Richard Dauenhauer and Russian colleagues.

THE VIEW FROM CASTLE HILL

Perhaps the most intensive excavations at a Russian American site to date are those which focused on Castle Hill, the site of the former administrative headquarters of the Russian-American Company in Sitka. These excavations, conducted during 1997–1998 by Dave McMahan and associates in conjunction with a planned park renovation, resulted in the recovery of over 300,000 artifacts (McMahan 1999, 2001, 2002a, 2002b, 2004). The bulk of archaeological work focused on a terrace near the base of the hill where deposits and structural remains from a Russian workshop complex were preserved. The team documented the ruins of four Russian buildings constructed within the 1820s and 1830s. These structures, once located within the main fortress of *Novo-Arkangel*, are believed to have been workshops and quarters for craftsmen engaged in coppersmithing, blacksmithing, shoe manufacture, firearm and instrument repair, coopering, and woodworking. Natives and Creoles comprised a large percentage of the workforce, as substantiated archaeologically by the recovery of diagnostic projectile points, arrow shafts, basketry, ivory carvings and worked bone. Mean ceramic dates, stratigraphic correlations, and other data place the buildings in the same chronological order — all before influx of British wares that followed an 1839 trade agreement between the Russian-American Company and the Hudson's Bay Company. At least three of these buildings are believed to be depicted in an 1827 illustration of Castle Hill by Baron von Kittlitz (Litke 1987).

Of the four excavated building ruins, two are believed to represent workshops from circa 1820–1822. One of these buildings, constructed by a «post-in-ground» technique, contained the brick remnants

a metalworkers' forge with a buried air duct. Residues from these two buildings indicate that both iron and copper-based metals were being worked. Specific activities included blacksmithing, casting of copper alloys, work with precious metals, and sheet copper work. Evidence suggests that the shop may have also served artisans engaged in industries such as wood-working, gun repair, garment/shoe manufacture, and general equipment repair. Diagnostic artifacts from workshop activities include copper or copper alloy castings, sheet copper cups and bowls, copper rivets in various states of manufacture, and numerous handle lugs for the manufacture or repair of copper pots, along with other hardware and utensils.

The chain-link style architecture of the two workshop buildings resembles that which was widespread in 17th to 19th century Russian Siberian villages. A third building, with a preponderance of domestic artifacts and roughly contemporary with the buildings described above, is believed to have been living quarters for the shop workers. The fourth building ruin, largely destroyed by 20th century gardening and trail construction, is believed to have been the last Russian building on the terrace. It may have been a bathhouse that stood on the site into the early 20th century.

In addition to metalworking, the craftsmen at the site were engaged in the manufacture and repair of company equipment and personal items. For example, evidence of shoemaking was abundant from the workshop floor and trash deposits (Grover 2002). One recovered boot bottom still contained a mass of grass that apparently served as insulation. Woodworking at the site is evidenced by the presence of gouges or chisels, a wooden mallet, and abundant wood chips in the soil. Partially finished quill tips in the deposits suggest that the workers were manufacturing writing quills from feathers — probably to be used by the company's clerks and managers. Numerous pieces of cut mica were also recovered, and were probably intended for use in candle lanterns. The range of textile fragments in the deposits, and the recovery of several thimbles, suggests that garments were being made or mended at the site. The vast majority of recovered textile fragments were of coarse wool, with buttonholes reinforced by linen threads (Grover 2002, 2007). Identifiable wool garments include a sock, a mitten, jacket collar, and sash.

The Castle Hill excavations have given us a clearer understanding of the industries of early 19th century Russian America and the daily lives of the Sitka workers. The collection includes items related to food preparation, architecture, furniture, arms and munitions, clothing, personal activities, tobacco use, and work activities. Kitchen-related items such as ceramics and glassware make up a large percentage of the collection. Most of the features and artifacts in the workshop area represent the ancillary industries and domestic activities that

supported the fur trade — the primary pursuit of the Russian-American Company. Direct evidence of fur processing is found in assorted fur/hair specimens collected from the soil at Castle Hill, along with lead bale seals used to secure the furs for shipment. Archaeologists recovered 30 lead seals from the workshop area, many of which bear Russian-American Company markings which document the source, type, and quality of furs (McMahan 2003).

Notably, the assemblage includes a wide range of preserved organic artifacts from the workshop area and associated trash deposit. These include textiles, shoes, cordage, matting, basketry, leather goods, botanical materials, faunal remains, human and animal hair, and assorted wooden artifacts. Two complete Tlingit spruce root baskets were recovered, one of which is similar to museum examples of tightly woven stone cooking baskets. A collapsed woven grass basket still contained a large mass of salmonberry seeds. One of the more important artifacts from Castle Hill is a fragment of a rare Raven's Tail robe, made by the Tlingit Indians prior to about 1820. Numerous examples of cordage and rope, including cedar bark and spruce root specimens, were also recovered. Human hairs were common inclusions in the Castle Hill soil matrix, possibly due to the presence of a bathhouse, and may potentially contribute to a better understanding of diet and disease. The enhanced preservation is probably due to raised soil acidity, the result of spruce wood chips in the soil.

During the early 19th century, the Sitka settlement was the largest and most cosmopolitan port along the Pacific Coast of North America. Despite an initial shortage of supplies, New Arkangel soon became a stopover for traders who also visited Europe, Asia, the Sandwich Islands (Hawaii), and other settlements along the west coast of North America. The Castle Hill assemblage has caused us to reconsider some of our preconceived ideas regarding trade relations and life in early 19th century Sitka. The archaeological record suggests that the material culture of working class employees of the RAC in Sitka was much more abundant and diverse than previously imagined. This is illustrated by the recovery of children's toys and luxury items such as doll parts, a carved wooden musket, miniature cannons from model ships, watch parts, samovar parts, and examples of hand-etched leaded glass tableware. The collection also has much more of a «Russian» flavor than indicated by artifact assemblages from other Russian-American Company sites in Alaska. This may suggest that the Russians in Sitka were not as dependent on goods obtained from British and American traders as previously believed. Distinctive Russian items in the collection include bottle seals, uniform accoutrements, Russian coins, and religious items. The collection also includes a ceramic assemblage of such size and diversity to cause a reconsideration of supply paradigms suggested by previous research. Thompson's (2002:85, 2007) analysis of Castle

Hill ceramics indicates that Russian ceramics, rarely documented in North America, were a significant component of the collection and accounted for as much as 20–40 %. Examples from many well-known factories were present.

The Castle Hill archaeological data document Sitka's multi-national and multi-ethnic trade relations. For example, the assemblage includes coconuts and husk fibers from the Sandwich Island trade, bamboo, Japanese coins, British manufactured «Phoenix» buttons from Haiti, hazelnuts and American coins from trade along the west coast of the United States, tobacco pipes from both England and the Ottoman Empire (Petruzelli 2002), and French gun parts (Strunk and McMahan 2002; McMahan and Strunk 2007). The Castle Hill archaeological project has provided insights on architecture, trade, industry, food preference, and consumer choice in Russian America. To date, however, the research potential of the collection has been only superficially explored.

THE KAD'YAK SHIPWRECK ARCHAEOLOGICAL PROJECT

Of particular merit among scholars of Russian America is the recent entry of marine archaeologists. In 2003, the underwater wreckage of the Russian-American Company bark Kad'yak was discovered off Kodiak Island by a multi-organizational team armed with archival data and scuba gear. In 2004, supported by grants from the NOAA Office of Ocean Exploration and National Science Foundation, archaeologists from the State of Alaska, East Carolina University (including Evguenia Anichtchenko, from St. Petersburg), and NOAA's National Marine Sanctuary Program returned to the site to explore and document the vessel, which sank in 1860 (Cantelas et al. 2005). This was effectively the first archaeological documentation of a Russian-American Company shipwreck and the first substantive underwater archaeology project in Alaska. The National Park Service Beringian Heritage Program later awarded a grant to produce a report on the Kad'yak in English and Russian (Anichtchenko and Rogers 2007).

The Kad'yak, a three-masted bark constructed in Germany in 1851, was immediately put into the service of the Russian-American Company. After rounding the horn and sailing up the Pacific coast to Alaska, the vessel hauled goods between the Russian settlements in Alaska and occasionally made trading trips to the Sandwich Islands (Hawaii). In its final years of service to the company, the roughly 130-foot-long vessel was engaged in the lucrative ice trade. Ice cut from freshwater lakes in Sitka and Kodiak was packed in sawdust and shipped to San Francisco, which was still booming from the California gold rush. In 1860, nine years after being put into service, the vessel hit an uncharted rock near the Kodiak settlement. All on board escaped, but the vessel was a complete loss. At the time of the sinking, its captain

was Illarion Arkhimandritov, a Creole and accomplished mapmaker. Local oral history holds that Arkhimandritov had neglected to fulfill his promise to venerate relics of the deceased monk, Fr. Herman (later St. Herman) in Kodiak Cathedral prior to his departure. The vessel's cargo of ice kept it afloat for several days, after which it came to rest in 80 feet of water in front of Fr. Herman's chapel on Spruce Island. The main mast is said to have protruded from the water like a great cross.

THE JOINT SIBERIAN-ALASKAN RESEARCH GROUP ON RUSSIAN AMERICA

It is a natural extension of Russian American research to begin examining ties to the Irkutsk region of central Siberia. Even though the far eastern provinces of Siberia are in much closer geographic proximity to Alaska, it was Irkutsk that provided the administrative and economic infrastructure for exploring and settling Russian America. In August 2004, Dave McMahan and Ty Dilliplane began collaborating with the late Alexander Artemiev and Taltsi Museum Director Vladimir Tikhonov on the archaeological investigation of a late 18th century glass factory co-owned by Alexander Baranov before he left Siberia for Russian America. The work was a continuation of research at the site during the 1990s by the late Oleg Bychkov, whose collaborators included Breck Parkman and other California archaeologists. One component of the glass factory research involves the chemical analysis of glass samples and comparison to specimens from Alaska sites. Archival records suggest that Baranov and glass chemist Erik Laxman established the factory in part to meet the urgent need for glass trade items in Siberia and Alaska (Bychkov 1997: 44). The need for more material sourcing studies is critical to understanding supply models for Russian America, especially with respect to factories in western Russia and Irkutsk (Crowell 1997: 226)

During 2005, McMahan and Dilliplane continued work with Artemiev at the glass factory, including the collection of ore samples from a remote location near Lake Baikal. They also conducted minor excavations at the site of the 1674 Irkut River settlement of Tunkinskiy Ostrog, in Buryatia. Continued work at this site, near the Mongolian border, may contribute to a better understanding of the Chinese border trade and provide for comparison with remote outposts in Russian America.

The most significant achievement from the Irkutsk collaborations was the formation of the Joint Siberian Alaskan Research Group on Russian America (JSARGRA), a consortium of Siberian and U.S. scholars interested in Russian America. JSARGRA was the culmination of round table discussions in Irkutsk in 2004–2005 in which a set of short and long term goals were proposed. These included continued work at the Baranov-Laxman glass factory, additional work at sites in Buryatia, archaeological testing around the standing circa 1800

Russian-American Company headquarters building in Irkutsk and collaboration on the development of a museum exhibit, cooperation in the eventual development of a «Museum of Russian America» in the headquarters building, the hosting of Irkutsk scholars in Alaska and California, and the organization of an international conference in Irkutsk. Some of the goals have been realized and others scheduled. In August 2006, with support from a National Science Foundation grant to the Alaska Historical Society, McMahan and Dilliplane hosted four Irkutsk scholars to participate in workshops at communities in Alaska and California. The Russians were Vladimir Tikhonov (Director, Taltsi Museum), Artur Kharinskiy (Dean and professor, Irkutsk State Technical University), Natalia Volkova (Director, Shelikhov Museum), and Yury Lihkin (Scientific Advisor, Taltsi Museum). At the workshops, participants explored ways in which local museums, scholars, and tribal organizations could collaborate with Russian counterparts on cooperative projects. Archaeological testing around the Russian American Company headquarters building, along with the Third International Conference on Russian America was scheduled for August 2007.

THE ARCHAEOLOGY OF RUSSIAN AMERICA: FUTURE DIRECTIONS

The list of investigations described above is far from all-conclusive, and omits many of the important studies of Native sites with Russian trade items from this period. Yet, these studies provide the foundation and set the stage for a «golden age of Russian American Archaeology». Warming relations between Russia and the U.S. over the last two decades, along with the development of a Beringian Heritage International Park Program by the National Park Service, have promoted increasing cooperation between Alaskan and Siberian archaeologists on such topics as prehistoric human migration, trade, and cultural relationships in the Bering Strait region. Recent years have also seen collaboration on blockbuster museum exhibitions that have featured important Russian artworks, religious artifacts, and treasures of the royal family.

Recent investigations, such as those at Three Saints Harbor, Afognak, and Castle Hill have contributed to our understanding of daily life in Russian America. The data from these sites will also help with future interpretations of archaeological site data. For example, Daniel Thompson has recently compiled a computerized encyclopedic key of ceramics likely to be found on Russian period sites in Alaska. The key, available to researchers on CD from the Alaska Office of History and Archaeology, is based on an extensive ceramic data set from Castle Hill and other sites. The Office of History and Archaeology maintains the Alaska Heritage Resources Survey database, the official inventory of known archaeological and historical sites in the state. As the result

of an ongoing data conversion project, it is now much easier to query the almost 30,000 records for information on known Russian sites and artifacts. A geographic information system (GIS) component allows the visual plotting of site data, and its export for use with Google Earth, ArcGIS, and other popular software. The data conversion project also includes a CITATIONS database that, when finished, will allow authorized researchers to access «gray literature» reports in a digital format via the internet.

Field instruments have also advanced significantly over the last two decades. Easily accessible digital satellite and low/medium altitude aerial images, coupled with global positioning system (GPS) and GIS technology, allow for accurate plotting of sites in the field and the easy visualization of spatial relationships. Total station technology has also made the plotting of individual artifacts and features on sites quick and painless, allowing for computerized mapping and cluster analysis in the laboratory. Innovative remote sensing instruments, such as marine magnetometers and ground penetrating radar (GPR) units, are becoming cheaper and more readily available. Although still beyond most archaeology budgets, this technology is being used successfully for non-obtrusive survey on archaeological sites. For example, National Park Service archaeologists have recently conducted GPR surveys in an effort to locate the boundaries of the fort used by the Tlingit during the 1804 Battle of Sitka. In the laboratory, better and more readily available analytic instruments are beginning to help researchers understand the details of supply and technology in the Russian American settlements. For example, the late Alexander Artemiev was in the process of collaborating with Dave McMahan and Ty Dilliplane to compare glass samples from Siberia and Alaska via plasma spectroscopy. Most recently, McMahan has collaborated with California chemist Claudia Brackett to analyze glass samples from Siberia and Alaska, as well as a paint pigment sample from Castle Hill, via x-ray fluorescence with a portable (NITON) analyzer. On another front, Brian Hoffman and McMahan (Hoffman and McMahan n.d.) are collaborating on a study of Japanese artifacts, particularly Edo Period coins, on Russian period sites in Alaska. In 2005, Dilliplane and McMahan joined Alexander Artemiev, Yury Lihkin, and other Russian archaeologists for minor testing at the site of the 1674 fort at Tunkinskiy in the Buryat Republic. Continued work in this region may eventually contribute to our understanding of the Chinese border trade and provide for comparison with remote outposts in Russian America.

Survey and testing efforts over the last several decades have revealed the locations or probable locations of several important colonial Russian settlements in Alaska that are largely uninvestigated. These include the settlements of New Russia (Yakutat), Ozerskoi Redoubt (Sitka), Redoubt St. George (Kasilof), and Redoubt St. Constantine (Nuchek). Still many other sites mentioned in the archival record of Russian America have yet to be discovered, and a wealth of information is potentially available from Native American contact period sites. The combination of warming relations between Russia and the U.S., innovations in technology and multidisciplinary collaboration have set the stage for unprecedented archaeological research. Focused work on any of these sites would enhance our understanding of various facets of life in Russian America.

REFERENCES CITED

Andrews, C.L.

1965 *The Story of Sitka*, Shorey Reproduction, Seattle, Washington.

Anichtchenko, Evguenia and Jason Rogers

2007 *Alaska's Submerged History: The Wreck of the Kad'yak* (in Russian and English). Alaska Department of Natural Resources, Office of History and Archaeology. Funded by the U.S. National Park Service, Shared Beringian Heritage Program, Cooperative Agreement No. 98070500XX, Anchorage.

Bancroft, Hubert H.

1970 *History of Alaska, 1730–1885*. Hafner Publishing Company, Darien, CT. Black, Lydia T.

2004 *Russians in Alaska*: 1732–1867. University of Alaska Press, Fairbanks.

Blee, Catherine Holder

1985 *Archeological Investigations at the Russian Bishop's House, 1981, Sitka National Historical Park, Sitka, Alaska.* National Park Service, Denver Service Center, Denver.

1987 *Wine, Yaman and Stone: The Archeology of a Russian Hospital Trash Pit, Sitka National Historical Park, Sitka, Alaska. National Park Service,* Washington, D.C.

Bundy, Barbara E., Allen P. McCartney, and Douglas W. Veltre

2003 Glass Trade Beads from Reese Bay, Unalaska Island: Spatial and Temporal Patterns.
Arctic Anthropology 40(1):29–47.

Bychkov, Oleg V.

1997 The Origin of Colonial Glass Production in Irkutsk: Research Perspectives. In The Archaeology of Russian Colonialism in the North and Tropical Pacific, edited by Peter R. Mills and Antoinette Martinez. *Kroeber Anthropological Society Papers* 81:42–49.

Cantelas, Frank J., Timothy J. Runyan, Evguenia Anichtchenko, and Jason Rogers

2005 *Exploring the Russian-American Company Shipwreck Kad'yak.* Maritime Studies Program, East Carolina University, report prepared for the National Oceanic and Atmospheric Administration, Office of Ocean Exploration in fulfillment of Grant # NA040AR4600043.

Crowell, Aron L.

1997 *Archaeology and the Capitalist World System: A Study from Russian America. Plenum Press*, New York and London.

DeArmond, R.N.

1981 Lady Franklin Visits Sitka, Alaska 1870: the Journal of Sophia Cracroft, Sir John Franklin's Niece. Alaska Historical Society, Anchorage.

De Wolf, John

1998 *A Voyage to the North Pacific*. Ye Galleon Press, Fairfield, Washington (originally published 1861).

Dilliplane, Timothy (Ty) L.

2002 Chapter 14. Epilogue — Glimpses into the Daily Life of New Arkhangel. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 71817/TEA–000–3[43])*, edited by J. David McMahan. Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage.

1993 Relaxing Far From Home: Colonist Recreation in Russian America. Paper presented to the 20th Annual Meeting of the Alaska Anthropological Association, Anchorage, Alaska (1993), and the 1994 Annual Meeting of the Society for Historical Archaeology, Vancouver, British Columbia.

1990 Industries in Russian America. In *Russian America: The Forgotten Frontier*, Barbara Sweetland Smith and Redmond J. Barnett, Editors, pp. 131–143. Washington State Historical Society, Tacoma, Washington.

1982 Shipbuilding in Russian America: A Sampling of the Literature. In Transportation in Alaska's Past, Michael S. Kennedy, Editor, pp. 5–27. Alaska Division of Parks, Office of History and Archaeology, Publication No. 30. Alaska Historical Society, Anchorage, Alaska.

1981 Brickmaking in Russian America: Research Results Through March 18, 1981. Paper presented to the 8th Annual Alaska Anthropological Association Conference, Anchorage.

1980 Mining in Russian America: A Research Objective. In Mining in Alaska's Past, Michael S. Kennedy, Editor. Alaska Division of Parks, Office of History and Archaeology, Publication 27, pp. 231–246. Alaska Historical Society, Anchorage, Alaska.

1979 The 1978 Archaeological Survey for New Russia. Paper presented to the 6th Annual Alaska Anthropological Association Conference, Fairbanks, and the 13th Annual Meeting of the Society for Historical Archaeology, Albuquerque, New Mexico.

Farris, Glenn J.

1983 Fathoming Fort Ross, in *Historical Archaeology* 17(2):93–99.

Grover, Margan Allyn

2002 Chapter 9: Clothing and Items of Personal Adornment. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 71817/TEA–000–3[43])*, edited by J. David McMahan. Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage.

Hilsinger, Erik

2002 *Rethinking the Redoubt: Kolmakovsky Redoubt, a Fur Trading Post on the Middle Kuskokwim River, Alaska*. M.A. Thesis, Department of Anthropology, University of Alaska Fairbanks, Fairbanks, AK.

Hoffman, Brian W. and J. David McMahan

n.d. *East Asian Coins in Russian America*. Paper submitted to the Alaska Journal of Anthroplogy. Manuscript on file at the Office of History and Archaeology, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage.

Khlebnikov, Kyrill T.

1994 *Notes on Russian America, Volume 1: Novo-Arkhangel'sk*. Translated by Serge LeComte and Richard Pierce, The Limestone Press, Kingston, Ontario.

Kittlitz, Baron Friedrich Heinrich von

1987 Appendix: Denkwurdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, v. 1, 184 to 303 (Ghotha, 1858), pp. 121–189. In *A Voyage Around the World 1826–1829*, by Frederic Litke, edited by Richard A. Pierce. Alaska History No. 29, The Limestone Press, Kingston, Ontario, Canada.

Langsdorff, Georg Heinrich von

1993 *A Voyage Around the World: 1803–1807*, edited by Richard A. Pierce. The Limestone Press, Kingston, Ontario (originally published 1812).

Lightfoot, Kent G.

1991 The Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California (edited with Thomas Wake and Ann Schiff). Volume 1. Introduction. *Contributions of the University of California Archaeological Research Facility No. 49*.

1997 The Archaeology and Ethnohistory of Fort Ross, California (edited with Thomas Wake and Ann Schiff). Volume 2, The Native Alaskan Neighborhood: A Multiethnic Community at

Colony Ross. *Contributions of the University of California Archaeological Research Facility No. 55.*

1999 *The Archaeological Investigation of the North Wall of the Fort Ross Stockade.* University of California, Berkeley.

Litke, Frederic

1987 *A Voyage Around the World 1826–1829*, edited by Richard A. Pierce, first published 1834–1836, in Russian. Alaska History No. 29, The Limestone Press, Kingston, Ontario, Canada.

McCartney, Allen

1984 Prehistory of the Aleutian Region. In: *Handbook of North American Indians*, Vol 5. Arctic. edited by David Damas. Smithsonian Institution, Washington D.C. pp. 119–135

McMahan, J. David

2004 *Archaeological Investigations at Castle Hill: the Early 19th Century Colonial Capitol of Russian-America, Sitka, Alaska.* Manuscript for publication submitted to Dr. Alexander Artemiev, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences.

2003 Lead Seals of the Russian-American Company: A Perspective from the Castle Hill Collection. *Museum of the Fur Trade Quarterly*, volume 39, number 3 (Fall 2003).

2002a The Russian American Company in Sitka: Archeological Perspectives (in Japanese). In *Trade and Crafts of Indigenous Peoples in the North Pacific Rim*, edited by Kazuyoshi Ohtsuka, pp. 172–175. Japanese National Museum of Ethnology, Osaka.

2002b Chapter 11: Lead Seals. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site*, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations *(ADOT&PF Project No. 71817/ TEA–000–3[43])*, edited by J. David McMahan. Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage.

2001 Castle Hill Collection (in Japanese). In *The Sea Otter and Glass Beads: Trade of Indigenous Peoples in the North Pacific Rim*, exhibition catalog. Japanese National Museum of Ethnology, Osaka.

1999 Archaeology at Alaska's Castle Hill, the Colonial Capital of Russian America. In *Unseen Treasures: Imperial Russia and the New World*, pp. 17–22. American-Russian Cultural Cooperation Foundation, Washington, D.C., and the Russian State Historical Museum, Moscow.

McMahan, J. David, Rachel Joan Dale, and Pierre A. Zippi

1994 *Final Report on the Analysis of Human Remains and Grave Associations: Case H94–020: City of Unalaska*. Report prepared for the Unalaska Department of Public Safety.

McMahan, J. David and Daniel Thompson

2002 Chapter 7: An Overview of the Artifact Assemblage. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 71817/TEA–000–3[43])*, edited by J. David McMahan. Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage.

McMahan, J. David and Michael W. Strunk

2007 *The Arms and Munitions of Russian America: A Perspective from the Castle Hill Site, Sitka, Alaska.* Journal of the Taltsi Architectural and Ethnographic Museum, Irkutsk.

Mills, Peter R.

1996 Transformations of a Structure: The Archaeology and Ethnohistory of a Russian Fort in a Hawaiian Chiefdom, Waimea, Kauai. PhD thesis, University of California Berkeley.

2002 *Hawaii's Russian Adventure: A New Look at Old History*. University of Hawai'I Press, Honolulu.

Petruzelli, Renee

2002 Chapter 10: An Analysis of the Castle Hill Tobacco Pipes. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 71817/TEA–000–3[43])*, edited by J. David McMahan, Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage.

2002 Chapter 13: An Analysis of Faunal Remains from Castle Hill. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 71817/TEA–000–3[43])*, edited by J. David McMahan, Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage.

Pierce, Richard A.

1990 *Russian America: A Biographical Dictionary*. Alaska History no. 33, The Limestone Press, Kingston, Ontario.

Shinkwin, Anne D. and Elizabeth F. Andrews

1979 *Archaeological Excavations at the Erskine House*. University of Alaska, Fairbanks.

Shubin, Valery O.

1990 Russian Settlements in the Kurile Islands in the 18th and 19th Centuries. In *Russia in North America: Proceedings of the 2nd International Conference on Russian America*, edited by Richard A. Pierce, pp. 425–450. The Limestone Press, Kingston, Ontario.

Strunk, Michael W. and J. David McMahan

2002 Arms and Armaments. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 71817/TEA–000–3[43])*, edited by J. David McMahan. Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage.

Tikhmenev, P. A.

1978 *A History of the Russian American Company*. Translated and edited by Richard A. Pierce and Alton S. Donnelly, University of Washington Press, Seattle and London.

1979 A History of the Russian American Company, V. II. Translated by Dmitri Krenov; edited by Richard A. Pierce and Alton S. Donnelly. *Materials for the Study of Alaska History*, No. 13. The Limestone Press, Kingston, Ontario, Canada.

Thompson, Daniel

2002 Chapter 8: An Analysis of Castle Hill Ceramics. In *Archaeological Data Recovery at Baranof Castle State Historic Site, Sitka, Alaska: Final Report of Investigations (ADOT&PF Project No. 71817/TEA–000–3[43])*, edited by J. David McMahan. Office of History and Archaeology Report No. 84. Division of Parks and Outdoor Recreation, Alaska Department of Natural Resources, Anchorage.

2007 *Historical Ceramics of the 19th Century Russian American Company: Insights from the Excavation of Castle Hill, Sitka, Alaska.* Journal of the Taltsi Architectural and Ethnographic Museum, Irkutsk.

Veltre, Douglas W. and Alan P. McCartney

2002 Russian Exploitation of Aleuts and Fur Seals: The Archaeology of eighteenth- and Early-Nineteenth-Century Settlements in the Pribilof Islands, Alaska. *Historical Archaeology* 36(3):8–17.

Woodhouse-Beyer, Katherine E.

2001 *Gender relations and socio-economic change in Russian America: An archaeological study of the Kodiak Archipelago, Alaska, 1741–1867 A.D.*, Ph.D., Brown University.

А.И. Мартынов (Кемерово)

Об общих исторических ценностях Северной Азии и Америки

В исторических событиях русского освоения Америки, создании поселений, освоении территории Русской Америки и деятельности Российско-американской компании много того, что вызывает большой исследовательский и общественный интерес в России, США и ряде других стран. В то же время необходимо отметить, что эти события истории не случайны и их правильно будет рассматривать как часть мирового исторического процесса. Отношения между Северной Азией и Северной Америкой в общеисторическом контексте носят системный характер, прошли ряд исторических этапов, в которых сыграли роль факторы как исторические, включая археологические, этнографические, политические, так и географические, экономические и политические.

При рассмотрении этих отношений на широком историческом фоне надо учитывать, что в истории мы наблюдаем глобальные исторические процессы, которые носят общемировой или евразийский характер, часто не зависящие от отдельных стран или желания людей, политиков, и события и факты конкретной истории, которые являются составными частями глобальных исторических процессов. В этом отношении Русскую Америку правильно будет рассматривать как закономерный исторический факт глобального мирового процесса отношений между Северной Азией и Северной Америкой. Здесь можно будет выделить несколько этапов или периодов этих отношений.

Первый период — археологический. Отношения между Азией и Северной Америкой начались очень давно, в верхнем палеолите, 30–12 тыс. лет назад. Тогда произошло одно из первых крупнейших событий мировой истории — было положено начало заселения Американского континента людьми и начало его освоения.

Материалы палеолитических поселений Аляски, Северо-западной Америки, так называемая Британская Колумбия, равнин Техаса, Тлапикоя, Валеския, датируемые временем 30–19 тыс. лет назад, имеют убедительные аналогии в палеолитических индустриях Сибири и Дальнего Востока [1].

Значительное сходство демонстрируют находки севера Юко-

на (Олд Кроу), относящиеся к периоду 29–25 тыс. лет назад. Исследования последних лет в Северной и Южной Америке свидетельствуют о том, что нижний предел заселения Нового Света относится по коллагену ко времени не менее 15 тыс. лет назад. Это стоянки в Пенсильвании (Мидоукрофт), на севере Юкона, в Венесуэле (Муако), Перу (Паккайнаск), Чили (Монте Верде). Это памятники так называемой заключительной стадии палеолита, которые группируются двумя областями: северная — районы Канады, Аляски и запада США, и южная, где развиваются так называемые палеоиндейские культуры. Начиная с 12 тыс. лет назад по всей Северной и Центральной Америке распространяется техника типа кловис [2].

В арктических областях Северной Америки американскими исследователями (Пауэрс, Гобэл) выделяются несколько групп памятников. На Аляске стоянки Уолкер Роыд, Моозе, Крик, Драй Крик, датируемые 12–10 тыс. лет назад. В Восточной Берингии известна группа местонахождений в районе оз. Тангл-Лейк, образующая выделенный археологом Андерсоном комплекс акимак американской арктической традиции, которая имеет определенное сходство с эпипалеолитическими материалами Северо-Восточной Азии. Таким образом, самые ранние палеолитические памятники Северной Америки сравнимы с известными палеолитическими комплексами Сибири и Центральной Азии и свидетельствуют о том, что в позднем палеолите, в плейстоцене очевидно несколькими волнами произошло продвижение первых людей из Азии по суше, соединяющей Азию и Америку по так называемому Беринговому мосту, в Северную Америку.

В решении этой проблемы в конце XX в. значительную роль сыграли советские и американские исследователи. Большой вклад внес талантливый ученый, академик А.П. Окладников, иркутянин, 100-летие которого мы будем отмечать в 2008 г. По действовавшему в те годы советско-американскому научному проекту в Берингоморье в конце прошлого века проводились археологические, этнографические исследования, научные конференции по проблемам культуры и истории народов циркульполярной зоны, обмен мнениями. В США был снят научно-популярный фильм «Первые американцы».

Так было положено начало освоению Америки. Проблема эта требует совместного изучения в наши дни.

Второй период — этнографический. Он начался с начала голоцена, 9–9,5 тыс. лет и продолжался фактически до Великих географических открытий, т. е. до XVII в. Это был период, когда на севере Азии и Америки сложились природные условия начала голоцена, когда образовался Берингов пролив, Америка отделилась от Азии. В то время сложилась группа древнейших этнических групп циркульполярной приарктической зоны, которые в основе своей были

потомками палеоазиатов того палеолитического населения Северо-Восточной Азии и Северной Америки. Культура раннего периода известна по археологическим комплексам 9–9,5 тыс. лет назад на Аляске и Чукотке.

Можно отметить основные особенности этого периода. Это освоение новых территорий в Азии и Америке, освоение приарктических зон в хозяйственных целях; формирование протоэтносов эпохи. В то время сложились схожие хозяйственные типы на территории Северной Азии и Северной Америки на основании рационального использования природной среды. От той эпохи остались комплексы археологических культур, имеющие общую основу и отражающие хозяйственно-экологические особенности конкретных территорий. Это был период существования древнего транспортного пути между Америкой и Северной Азией. Через Берингов пролив шел обмен хозяйственными достижениями, новациями, контакты в духовной сфере эскимосов и других этнических групп. По исследованию этого периода древности много сделано американскими и российскими этнографами и антропологами.

Однако как по первому, так и по второму периодам связей Азии и Америки нельзя сказать, что здесь все ясно. Многое еще ждет совместных усилий исследователей России и США.

Третий период — Великие географические открытия. Думается, что мы еще не осознали всю глобальность и значение по своим последствиям этого периода, начало которому было положено на рубеже XV–XVI вв.

Великие географические открытия и колониальный процесс взаимосвязаны, освоение новых территорий было глобальным событием мировой истории, изменившим весь мир. В него были втянуты крупные страны Западной Европы и Россия. Разница состояла только в том, что России в силу ее евразийской специфики надо было только заглянуть за Урал — и перед ней лежало огромное неосвоенное пространство Северной Азии, вплоть до Тихого океана, страна «полунощная», населенная «языцеми разными», «незнаемая», как тогда писали о Сибири. Сначала Новгородское княжество осваивало Северо-Запад Сибири, а с XVI в. этот процесс ускорился в походах Ермака в земли Сибирского ханства.

Понадобилось менее ста лет, и русские служивые люди, вольные переселенцы заложили крепости, возникли города и поселения от Урала до Тихого океана. Открытием участниками Второй Камчатской экспедиции во главе с В.И. Берингом и Л.И. Чириковым в 1741–1742 гг. юго-восточной Аляски, Алеутских островов началось русское освоение Америки [3].

Уже с 1743 г. с Камчатки к открытым землям, на Аляску и Алеутские острова, сибирскими купцами начали снаряжаться суда

с провиантом и охотниками за пушниной. Создание русских поселений в Америке было конечным результатом глобального процесса — Великих географических открытий, освоения новых территорий и колонизации. На Американском континенте фактически встретились два колонизационных потока — западный — англоевропейский и восточный — русский. Они встретились на территории Северной Америки.

Русская Америка была поистине интернациональным предприятием по составу поселенцев, сотрудников созданной потом Российской компании: русские, камчадалы, чукчи, эвенки, датчане, шведы, финны, немцы принимали участие в русском освоении Америки [4].

Русская Америка никогда не была закрытой территорией. В 1774 г. испанцы направляют к берегам Аляски исследовательскую экспедицию, которая достигла острова Уналашка [5]. В 1778 г. остров Уналашка посетили Джеймс Кук, немец-натуралист Карл Хайнрих Мерк [6]. В 1786 г. залив Литуя на Аляске посетили французы на судне под командованием Лаперуза. С 1780 г. активизируются английские торговцы.

Надо учесть, что с начала XIX в. англичане почти полностью были вытеснены из торговли на Аляске. Американцы способствовали этому. К XIX в. на Аляске и прилегающих островах оставались две реальные колониальные силы — Россия и США. С одной стороны, они были торговыми конкурентами, а с другой — необходимыми партнерами. На службе Российской компании было немало американских моряков: шкиперы, матросы, китобойцы. Торговому и деловому партнерству способствовали конвенции 1894–1895 гг. для урегулирования отношений в северной части Тихого океана. Конвенциями были закреплены границы русских владений в Америке, разрешалось беспрепятственное плавание судов США во внутренних водах российских владений и разрешалась свободная торговля с коренным населением.

Четвертый период — современный. Он начинается в 1867 г. с договора о продаже Аляски и Алеутских островов США. Фактически этот период продолжается до настоящего времени.

Здесь много исторических и других и весьма важных проблем, которые ждут исследовательского, аналитического подхода. Прежде всего изменился характер экономических, культурных, политических связей. Важным фактом было установление впервые границы между США и Россией по островам Берингова пролива. Кстати, это единственная между Россией и США контактная пограничная зона. Другой границы у нас нет. Необходимо отметить и еще один весьма важный исторический аспект этого договора. Фактически им косвенно закреплялось создание Российского государства как евразийского.

В этот период в конце XIX – начале XX в. проблемы взаимного интереса России и США решались раздельно. Можно отметить научное изучение этнологии, антропологии коренных народов Севера, исследования по жизнеобеспечению этносов, изучение проблем мерзлотоведения, океанологии, геологии и биоресурсам Севера. Важной задачей является изучение демографических проблем Севера. В этот период начинается освоение месторождений полезных ископаемых. Эти процессы шли параллельно и порой независимо на Аляске и северо-востоке России.

Тогда же особую остроту приобретает проблема освоения северных морских путей. История этой глобальной мировой проблемы относится, как известно, еще к временам М.В. Ломоносова. Однако наибольший опыт освоения северных морских путей был приобретен в XX в.

Нельзя не отметить в истории этого периода всплеска активных контактов в годы Второй мировой войны, когда Берингов коридор между СССР и США активно использовался в транспортных целях для поставок самолетов и другого военного и гражданского оборудования по ленд-лизу в Советский Союз.

В 70–80-е гг. прошлого века заслуживают внимания совместные с США комплексные исследования по проблемам Берингоморья. Они проводились по совместной программе, включающей археологические, этнографические, исторические, океанологические, гляценологические и другие научные исследования. Было проведено несколько научных конференций по комплексным проблемам Берингоморья и по проблемам истории и культуры циркульполярных народов и. К сожалению, начиная с 90-х гг. прошлого века эта совместная работа была свернута. Накопленный опыт полезно и необходимо использовать активно сейчас, в новых условиях, возобновив международные комплексные исследования по проблеме Берингоморья, изучению истории и обмену опытом хозяйственного освоения и системы современного использования природной среды северных территорий [7]. Очевидно, особое внимание в современных условиях необходимо уделить развитию северного Берингоморского евразийско-американского транспортного пути, используя опыт периода Второй мировой войны.

Надо в новых условиях возобновить как совместные российско-американские, так и раздельные исторические, этнологические, археологические и антропологические исследования в Сибири и на Аляске, включая совместные публикации на русском и английском языках результатов исследований по межгосударственной программе.

Особую роль в современном мире в понимании общих проблем истории и культуры приобретают музеи. В связи с этим, видимо, не-

обходимо создавать новые музеи и музеефицированные, исторически значимые территории, посвященные истории Русской Америки, как в Сибири, так и на территории США.

Примечания

1. West F.N. The archaeology of Beringia, N.Y. Calumbia University Press, 1988. 268 p.; New evidence for the Pleistocene peopling of the Americas. Orono: University of Maine, 1986. 368 p.; Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983. 152 с.; Ларичева И.П. Палеолитические культуры Северной Америки. Новосибирск: Наука, 1976. 231 с.; Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб.: Наука, 1993.

2. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение. Новосибирск: Наука, 1994. С. 271–275.

3. История Русской Америки (1732–1867). Т. I: Основание русской Америки (1732–1899). М., 1997; Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

4. Гринев А.В. Этнический состав пришлого населения Русской Америки // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 86–100.

5. Нарочницкий А.Л. (гл. ред.). Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой пол. XIX вв. Т. I; Федорова Т.С. и др. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. М.: Наука, 1989.

6. Black L.T. Promyshlenniri… Who Were They? // Bering ahd Chirikov: The American Voyagts and Their Impact / ed. O. W. Frost. Anchorage. Alaska. 1992. P. 279–290.

7. На стыке Чукотки и Аляски. М.: Наука, 1983; Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982.

А.К. Нефедьева (Иркутск)

История дома святителя Иннокентия Вениаминова в с. Анга

Первое упоминание о домике в Анге митрополита Иннокентия Вениаминова в советское время появилось в 1976 г. в шестом номере журнала «Вопросы истории». Статья принадлежала известному археологу Сибири, академику А.П. Окладникову, перед тем побывавшему на Аляске. Там, видимо, А.П. Окладников открыл для себя знаменитого до революции по всей России миссионера, этнографа, лингвиста, естествоиспытателя, строителя и художника, впоследствии митрополита Московского и Коломенского Иннокентия Вениаминова.

Пораженный величием этой фигуры, разносторонностью его интересов, величиной его деяний и той памятью о себе, которую оставил миссионер на Аляске, А.П. Окладников по возвращении домой дважды публикует его биографию: первый раз — в журнале, второй — в книге «Первопроходцы» из серии «Жизнь замечательных людей». В обеих статьях Окладников указывает, что «в родном селе митрополита Анге до сих пор чудом сохранились два дома. Один — священнический, второй — причетчика, построенный, видимо, в первой половине XVIII в., рубленный топором, с потолком из круглых бревен (не умели еще в ту пору пилить доски). В нем, должно быть, и родился Вениаминов-Попов» [15; 16].

Хочется отметить, что уже в ту пору, в середине 1970-х гг., в Анге не смогли точно указать А.П. Окладникову, какой из этих домов был домиком Вениаминова, хотя до революции о нем знали все жители села. На их глазах домик с 1913 по 1915 г., по решению миссионерского комитета, реставрировался, для чего были выделены деньги в сумме 1500 руб. [9. 1914. № 23].

После реставрации в домике Вениаминова для жителей села устраивались религиозно-воскресные чтения, в нем учителя проводили уроки для детей по биографии знаменитого земляка, здесь же совершались ежегодные литии по усопшему.

Однако статьям А.П. Окладникова о святителе Иннокентии и о домиках XVIII в. в Анге, связанных с его именем, не было уделено должного внимания ни со стороны государственных органов, ни со стороны общественности. По-настоящему интерес к дому великого ангинца проявился в 1987 г.

В этом году отец Каллиник, благочинный селений Верхней Лены, пригласил с собой в очередную поездку на Лену писателя и редактора газеты «Литературный Иркутск» Валентину Васильевну Сидоренко. Церквей в Качугском районе почти не было, и батюшка, проинспектировав их, поехал в Ангу поговорить с председателем сельсовета о возможности строительства в Анге церкви.

Человек в рясе, явление в те годы довольно редкое, привлек к себе внимание жителей села, и когда он и В.В. Сидоренко остановились на месте уничтоженной в 1929 г. церкви, к ним подошла старушка и в разговоре сообщила о домике, в котором, по ее утверждению, когда-то проживал Иннокентий Вениаминов. Свидетельство старушки подтвердила и председатель сельсовета Ольга Георгиевна Сокольникова. По ее словам, «половина жителей села считают, что дом, сохранившийся в Анге, имел отношение к Поповым (Вениаминову)».

Сообщение, что в Анге сохранился дом святого Иннокентия, взволновало В.В. Сидоренко, и она обратилась в епархию с предложением купить домик и сделать в нем мемориальный музей Святителя.

Предложение В.В. Сидоренко заинтересовало епархию. С 1989 г. началось изучение истории дома. К этому был привлечен Центр сохранения историко-культурного наследия (ЦСН). От епархии курировала данную работу В.В. Сидоренко. К изучению истории дома

Родительский дом свт. Иннокентия Вениаминова в с. Анга. Фото Н.А. Пономарева, 1913 г.

Родительский дом свт. Иннокентия Вениаминова с северной стороны. Фото Н.А. Пономарева, 1913 г.

привлекли также двух известных специалистов города — этнографа О.В. Бычкова и архитектора В.Т. Щербина.

В результате проведенных исследований домик в Анге был признан родительским домом Иннокентия Вениаминова, в котором он родился и прожил первые пять лет до переезда после смерти отца Евсея Попова в дом дяди — Дмитрия Попова, проживавшего также в Анге. Эти выводы были основаны на фотографиях дома Вениаминова, сделанных священником Н. Пономаревым в 1913 г. до реставрации дома и обнаруженных О. Ремезовой — сотрудником ЦСН [18], в Иркутском архиве, а также на публикации М.К. Азадовского, побывавшего в Анге в 1916 г. «Реставрация, — писал Азадовский, — изменила прежний вид и дает скорей представление о типе старинного дома» [2]. Это сообщение Азадовского позволило исследователям (О.В. Бычков) объяснить несоответствия, наблюдаемые в сохранившемся домике в Анге и на фотографиях, реставрацией [5].

Заключение, выданное ЦСН по домику в Анге, послужило обоснованием для решения Иркутского облисполкома отнести дом в Анге к памятникам местного значения, и епархия приобрела дом в свою собственность. В 1991 г. дом был закуплен у гражданки Нечаевой, владевшей им с 1958 г.

Итак, исследование дома завершилось, но у куратора епархии В.В. Сидоренко сохранились сомнения: слишком большая разница была между фотографиями дома Евсея, отца Вениаминова, и существующим домиком. В 1996 г. к работе по исследованиям дома были привлечены сотрудники АЭМ «Тальцы».

Первый осмотр дома позволил выявить малозаметные метки в углах дома, сделанные топором, не замеченные прежними исследователями. Метки свидетельствовали о том, что дом переносился. Дальнейшее изучение уже просмотренных и вновь обнаруженных архивных материалов и свидетельств очевидцев об ангинском доме привело нас к неожиданным выводам. Но все по порядку.

Ссылка предшественников на публикацию М.К. Азадовского об изменениях дома Евсея Попова, вызванных реставрацией, показалась нам неубедительной. М.К. Азадовский не сообщал, в чем конкретно произошли изменения, его фраза «Вид дома дает скорей представление о типе старинного дома» позволяет предположить, что основные изменения были связаны с внутренней планировкой дома, в частности, была убрана капитальная стена, отделяющая сени от избы. Только при внутренних изменениях внешне дом мог иметь «вид старинного дома». Наше предположение подтверждается назначением дома после его реставрации. Он стал общественным

Родительский дом свт. Иннокентия Вениаминова с южной стороны. Фото Н.А. Пономарева, 1913 г.

зданием, но не музеем, а «избой-читальней», «клубом». Вспомним, что там проводились лекции, занятия с учениками, общественные поминальные службы. В маленькой избушке, каким был дом Вениаминова (об этом свидетельствуют все воспоминания очевидцев; сам митрополит называл свой домик не иначе, как «хижина» [9. 1897. № 16, 24]) и в котором к тому же почти половину занимала русская печь, разместить народ для слушания лекций без переделки было невозможно. Соединение сеней в одно целое с избой значительно увеличивало внутреннюю площадь жилища.

Что касается фотографий дома Вениаминова, то надо признать, что они являются пока единственным достоверным свидетельством, как выглядел дом Вениаминова до реставрации. Остановимся подробно на их описании. Фотографий дома Вениаминова три. На первом снимке дом виден с главного фасада. Мощный сруб переходит в самцы, удерживающие кровлю. Во втором от охлупня самце прорублены два маленьких окошечка для проветривания и освещения чердака. Главный фасад имеет два небольших окна и еще одно, совсем маленькое. Дома с подобной планировкой окон на Лене называли «дом в два с половиной окошка». Рублен он «в обло», с большим остатком, концы неровные. Две другие фотографии дают представление о боковых фасадах дома. На одном фасаде видны два спаренных окна, равные по размерам окнам главного фасада. На этой же стороне — дверь в сени, ведущие в дом, и маленькое окошечко. С другой стороны глухая

Ангинская Ильинская церковь. Фото Н.А. Пономарева, 1913 г.

Дом-музей свт. Иннокентия Вениаминова в с. Анга.
Фото В.В. Тихонова, 2003 г.

стена прерывается маленьким окном и выступами капитальной стены, отделяющей сени от дома, что говорит о том, что это был дом-пятистенок.

Сравнивая сохранившийся домик в Анге с фотографиями, замечаем, что они сильно разнятся. У главного фасада существующего домика два окна, маленького нет. На боковом фасаде два раздельных окна, дверь в прируб и маленькое окошечко. С другой стороны маленькое окошечко и в прирубе большое окно позднего происхождения. Если мы не будем обращать внимание на уже явную несхожесть дома на фотографиях с существующим домом в Анге, отнеся это к издержкам реставрации, и далее, для более удобного сравнения домов условно развернем их главным фасадом в западном направлении, то при этом боковой фасад с двумя спаренными окнами дома на фотографии выйдет на север. У существующего же дома два раздельных окна при такой ориентации выходят на юг. Соответственно этому глухая стена на фотографии выйдет на юг, а существующего дома — на север. Подобное расхождение реставрацией объяснить невозможно, а потому следует признать, что это два разных дома.

Данный вывод подтверждается и подоконниками ныне существующего ангинского домика. На фотографии дома Вениаминова видно, что два спаренных окна поставлены на один сплошной подоконник и разделяет их перекладина, упирающаяся в

верхний косяк окна и нижний — подоконник. Значит, при реставрации, если окна решили разделить стенкой, подоконники должны были поставить новые. В существующем же домике все подоконники, за исключением прируба, старые, с очень большим износом. Такой износ подоконников встречен был нами лишь в домах АЭМ «Тальцы», датированных архитекторами Г.Г. Оранской и А.А. Субботиным как дома XVIII в. В других домах, даже первой половины XIX в., подобного явления не наблюдается. Объяснить этот факт, видимо, можно только тем, что окна в XVIII в. затягивались бычьим пузырем или слюдой, они давали мало света и потому многие работы в доме, особенно зимой, велись на подоконнике. Принимая во внимание все изложенное, мы, таким образом, окончательно приходим к выводу, что дом Вениаминова на фотографии и ныне существующий дом в Анге — разные дома.

Версию, что данные фотографии не являются фотографиями дома Вениаминова, надо, видимо, сразу отбросить. Начиная с 1896 г. внимание церкви к домику Вениаминова в Анге усиливается. К столетнему юбилею со дня рождения Святителя в церковной печати систематически появляются публикации о деяниях миссионера, о его сохранившемся домике. Поступают разные предложения по его использованию, предлагается также снести домик и на этом месте поставить часовню или школу для ангинских детей, присвоив ей имя Иннокентьевской [9. 1896. № 13]. Закончились эти дебаты в 1913 г. началом реставрации домика Вениаминова. Распоряжение, как реставрировать дом митрополита, отдал священнику Кокоулину, служившему в Ангинской церкви, епископ Киренский Евгений. При приезде епископа Евгения в 1913 г. в Ангу и были сделаны снимки домика Иннокентия священником Пономаревым, сопровождавшим епископа в поездке по ленским селам. Вместе с другими снимками эти фотографии хранились в его альбоме. Все подписи под фотографиями сделаны одной рукой, что позволяет предположить, что их подписывал сам автор. И поскольку все подписи совпадают с известными объектами, то сомневаться в подписях под фотографиями домика Вениаминова мы, видимо, просто не вправе.

Обратимся теперь к существующему ангинскому домику. По исторической справке о нем, составленной О. Ремезовой со слов хозяина этого дома до 1958 г. Скорнякова Георгия Даниловича, ныне умершего, этот дом принадлежал роду Скорняковых с начала XIX в. [18]. Участок первоначального нахождения дома считался «поповским имением», «поповскими утугами» (поливаемыми, удобряемыми сенокосными угодьями при усадьбе). Дед Георгия Даниловича, Артемий Иванович, вернувшись в Ангу после службы в армии, перенес в 1876 г. дом с «поповского имения»

Интерьер дома-музея свт. Иннокентия Вениаминова.
Фото В.В. Тихонова, 2003 г.

на место, на котором он теперь стоит (ул. Школьная). Следы меток, необходимых при разборке дома, как уже отмечалось, видны до сих пор. Они сделаны топором, на избе — на углах, на прирубе — по центру бревна, разметки на прирубе явно современные. В 1929–1930 гг., это уже сохранилось в памяти Георгия Даниловича, была перебрана крыша. При этом элементы кровли — курицы (конструкции, удерживающие потолки) с потоками (выдолбленными полубревнами, в которые вставлялись концы досок кровли и по которым при дожде сбегала вода) — были уничтожены. В 1950–1952 гг. холодные сени были утеплены и изменена кровля на прирубе, она стала отдельной. Для увеличения площади в доме была переделана печь, ранее она имела классическое расположение — лицом к фасаду.

В 1932 или 1933 г. в дом Скорняковых приезжал сын или внук Вениаминова. Скорняковы говорили: «попов сын», «архимандритов сын». Он тоже был священнослужителем. Семейное предание о доме, сообщенное Георгием Даниловичем Скорняковым, для нас очень важно, так как оно подтверждает, что дом этот имел прежде отношение к семье Вениаминова и непосредственно к самому митрополиту. Это будет понятно, если мы подробнее рассмотрим биографические данные, связанные с семьей Попова (первоначальная фамилия Вениаминова). Эти данные стали известны недавно, благодаря труду протоиерея Льва Лебедева, опубликовавшего в Монреале

Неизвестный художник. Портрет свт. Иннокентия Вениаминова

в 1991 г. книгу «Колумбы Российские» [10]. В ней, касаясь биографии Вениаминова, он указывает, что «митрополит Иннокентий Вениаминов происходил из потомственного духовенства. Дед его, Иоанн Попов, был назначен в 1738 г. священником с. Ангинское». Позднее двое его сыновей стали: Дмитрий — дьяконом, Евсей, отец Иннокентия, — пономарем этой же церкви. Третий сын Иоанна, Алексей Попов, в конце XVIII в. заменил отца. Запись о рождении Ивана Попова, его племянника и будущего митрополита, в метрической книге с. Ангинского за 1797 г. сделана рукой Алексея Попова. К тому времени он был уже священником Ангинский Ильинской церкви [6].

Старшим сыном Иоанна был Дмитрий [13], по существовавшему обычаю он должен был жить в доме отца. Для Евсея, среднего сына Иоанна, имевшего к тому же большую семью — двух дочерей и двух сыновей, Ивана и Стефана, был построен новый дом — рядом с отцовским — близ церкви, вошедший в историю как «священнический дом» [15; 16]. Оба эти дома когда-то стояли на так называемых поповских утугах, в «поповском именьице», и когда в 1803 г. от болезни умер Евсей, отец мальчика Вани Попова, дядя Дмитрий забрал его к себе. Мальчик жил в его доме до 1808 г., до отъезда на учебу в Иркутскую семинарию. Вскоре после отъезда Ивана в Иркутск у Дмитрия умерла жена. Оставшись один, он в 1811 г. подал в епархию прошение о переводе его в монахи [1, ф. 50, оп. 1, ед.хр. 1133. Прошение Дмитрия Попова об определении его в монахи]. Прошение было удовлетворено. В этом же году он переехал в Иркутск на жительство монахом при архиерейском доме. Поэтому факт, сообщенный Г.Д. Скорняковым, что его предки поселились в этом доме в начале XIX в., вполне реален. В доме Евсея после его смерти, на наш взгляд, поселился младший сын Иоанна Алексей, который был священником Ангинской церкви недолго, его сменил сын Георгий, а Георгия в 1827 г. — сын Алексей, двоюродный племянник митрополита, прослуживший в

ней до 1860-х гг. Обнаруженная летом 1997 г. на развалинах взорванной церкви надгробная плита свидетельствует, что он умер в 1864 г. Опрос жителей села в апреле 1997 г. ситуацию с домами не прояснил. Никто из них не знает ни Вениаминова, ни исторических мест, с ним связанных. Старожилы села помнят только, как в 1929 г. была взорвана каменная Ангинская церковь, в которой мальчиком Ваня Попов (Вениаминов) помогал родным вести службу, исполняя обязанности причетчика. Несколько ранее, в 1970-е гг., при опросах, произведенных А.П. Окладниковым, этот дом старожилы называли священническим.

В народной памяти второй дом Поповых (Вениаминова) сохранился как дом причетчика, что также легко объяснимо. Отец Георгия, Даниил Скорняков, часто читал псалмы в церкви, был знаменитым звонарем.

Подводя итог сказанному, мы должны отметить, что сохранившийся в Анге домик действительно постройки первой половины XVIII в., как писал и А.П. Окладников. Это подтверждается не только легендой дома, но и наличием архаических форм в нем. Потолок из накатанных бревен пропазен, что обнаружилось при специально проведенных исследованиях дома, в частности при очистке потолка от земли. Для проведения визуального обследования жилища бревна внутри дома были очищены от многолетней побелки, что позволило выявить классическое внутреннее устройство дома, характерное для первой половины XVIII в.: расположение печи лицом к фасаду в правом углу сразу при входе; наличие гобца, выявлены зарубки для него, остатки старого отверстия для вывода трубы печи, при этом бревна потолка были также прорублены топором; наличие двух полок-воронцов; самцовая крыша. Все это и к тому же сильная изношенность подоконников позволяет отнести дом к середине XVIII в. Дом в 1876 г. при перевозке на новое место перебирался, поэтому замена некоторых бревен в нем естественна, что привело к появлению в срубе пиленых бревен. Дом стоял в «поповской усадьбе» — бесспорное свидетельство принадлежности его одному из детей священника, на наш взгляд, Дмитрию, и в нем с 1801 по 1808 г. жил Иван Попов (Вениаминов). Косвенно этот вывод подтверждается проживанием в этом доме в 1932 или 1933 г. сына или внука Иннокентия Вениаминова.

Таким образом, существующий ныне домик в Анге имеет прямое отношение к митрополиту Московскому и Коломенскому Иннокентию Вениаминову, в 1977 г. причисленному Русской православной церковью к лику святых [12].

В этом доме он провел свое раннее детство, покинув его в одиннадцатилетнем возрасте для учебы в Иркутской семинарии. Дядя его, Дмитрий, заменив Ване отца, учил его грамоте, готовил к семинарии, а позднее, в Иркутске, будучи уже монахом, пристрас-

тил мальчика к механике. В свободное время они вместе мастерили часы, терпеливо, вручную, вытачивая многочисленные шестеренки. Вспоминая свое детство, митрополит отмечал, что именно это занятие способствовало выработке в нем таких черт характера, как усидчивость, трудолюбие и целеустремленность. Все эти качества, приобретенные с помощью дяди, позволили Ивану Попову в будущем стать тем, кем он стал: апостолом Аляски, известным ученым в области этнографии, лингвистики. И ныне существующий дом в Анге, без сомнения, может быть мемориальным домом митрополита Иннокентия Вениаминова.

Второй дом, так называемый священнический, был, на наш взгляд, родительским домом митрополита Иннокентия, и только отсутствие у А.П. Окладникова фотографий дома Вениаминова (он о них не знал) не позволило ученому опознать его. Дом был сломан в начале 80-х гг. XX в. И в этом в какой-то степени нами усматривается Провидение Божье. Митрополит Иннокентий, посетив в последний раз в 1868 г. Ангу и «свою хижину», нашел ее уже в чужих руках. Он предложил продать ему дом, но владелец отказался. Тогда Иннокентий просил его «насколько это возможно сохранить дом в его первоначальном виде» [9. 1897. № 16, 24]. Это желание митрополита не было выполнено, так как реставрация дома производилась с учетом будущего использования здания как аудитории для воскресных чтений и религиозных собеседований, и дом по этой причине был сильно изменен.

Господь же, всей душой любя чад своих, которые искренне и самоотверженно любят его, служат ему, выполнил желание митрополита Иннокентия, сохранив для потомства ангинский домик, в котором он жил и в котором изменения произошли незначительные.

Дом дает верное представление о начальном периоде жизни Иннокентия, об истоках неприхотливости и безграничного самоотречения от житейского благополучия, бескорыстной любви к ближнему, которые были так характерны для Святителя.

Источники и литература

1. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1133, 8560; Ф. 2732. Оп. 1. Д. 2.

2. Азадовский М.К. Сибирские страницы. Иркутск, 1988.

3. Александров М.К. Русское жилище Восточной Сибири XVII–XVIII вв. // Советская этнография. 1960. № 2.

4. Ащепков Е.И. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953.

5. Бычков О.В. Справка по результатам визуального изучения дома Вениаминова, проведенного 2 августа 1989 года // Архив ЦСН, 1989 г.

6. Голубев Л.И. Свято-Троицкий мужской Киренский монастырь. Иркутск, 1894.

7. Громов. Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии. Иркутск, 1879.

8. Дневники священника Иннокентия Вениаминова // Полярная звезда. 1996. № 2.

9. Иркутские епархиальные ведомости. 1868. № 29; 50; 1896. № 13; 1897. № 16; 24; 1914. № 23.

10. Лебедев Л. Российские Колумбы. Монреаль, 1991.

11. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 6.

12. Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVII – первая половина XIX в. Иркутск, 1996. С. 131.

13. Нефедьева А.К. Ангинские корни св. Иннокентия Вениаминова // Тальцы. 1999. № 1.

14. Нефедьева А.К. Реставрация ангинского дома свт. Иннокентия и создание мемориальной экспозиции // Тальцы. 1999. № 1.

15. Окладников А.П. Первопроходцы. М., 1983.

16. Окладников А.П. Удивительная судьба Ивана Попова // Вопросы истории. 1976. № 6.

17. Православные святые. М., 1996.

18. Ремезова О. Исторические сведения, записанные со слов Скорнякова Г.Д., проживавшего в доме до 1958 г. // Архив ЦСН, 1989 г.

19. Сибирский архив. 1916. № 1.

20. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 2001. Т. 1.

21. Щербин В.Т. Заключения по дому митрополита Иннокентия Вениаминова в с. Анга Качугского района Иркутской области // Архив ЦСН, 1989 г.

П.А. Новиков (Иркутск)

Особенности американской интервенции в Сибири: железнодорожные поставки

Гражданская война в Сибири 1917–1921 гг. сопровождалась иностранной интервенцией. Страны — участники интервенции обладали различными материальными возможностями, преследовали в России зачастую противоположные друг другу интересы и как следствие проводили специфичную политику. Свои особенности имела и американская интервенция, и рассмотрению поставок железнодорожных материалов и посвящена данная статья. Также затрагивается тема неожиданных причинно-следственных связей и персоналий, сравнений.

Укажем численность и расположение интервентов. С 14 сентября по 30 ноября 1918 г. по железной дороге через Восточную Сибирь на запад были перевезены контингенты французских и английских войск, примерно по 1 000 чел. каждый. К ноябрю 1918 г. в городах и на станциях Забайкалья разместились подразделения 3-й японской пехотной дивизии генерала Оба. Впоследствии ее сменила 5-я дивизия генерала Судзуки. На Амурской железной дороге дислоцировалась 12-я пехотная дивизия генерала К. Отани, в северной Маньчжурии — 7-я генерала Фудзий. К февралю 1919 г. общая численность этих дивизии составила 25 600 чел. [1], из них не менее трети находилось в Забайкалье. Японцы охраняли железную дорогу от Верхнеудинска до Хабаровска и от Карымской до Маньчжурии. К началу 1920 г. в Забайкалье находилось до 5 000 японских солдат при 18 орудиях. Также до марта 1920 г. на востоке России дислоцировались до 8 000 американцев во главе с генерал-майором У.В. Гревсом. Из них два батальона, или 2 000 солдат, 27-го пехотного полка полковника Морроу дислоцировались вдоль железной дороги от Верхнеудинска до Слюдянки. Снятые с фронта на Урале, где они ранее сражались против Красной армии, части Чехословацкого корпуса начали размещаться вдоль Транссиба западнее Иркутска с начала 1919 г.

Из-за взаимных противоречий интервенты не могли оказать эффективную помощь белым в Сибири, принося им как вред, так и пользу. С одной стороны, пребывание иностранных войск осложнило дальнейшее формирование русских антибольшевистских сил,

так как интервенты занимали казармы, помещения, использовали транспорт, поглощали скудные ресурсы и т. д. С другой стороны, японцы в Забайкалье с их относительно большой численностью были для белых важным стабилизирующим фактором. Причиной наиболее активного участия японцев в интервенции большинство исследователей считает стремление воспользоваться ослаблением для укрепления позиций на Дальнем Востоке. Также японцы опасались, что идеи большевиков распространятся на подконтрольную им Корею и Северо-Восточный Китай.

Когда 24 декабря 1919 г. в Иркутске началось восстание эсеровского Политцентра против власти А.В. Колчака, на помощь силам последнего из Верхнеудинска двинулся отряд генерал-майора Л.Н. Скипетрова. Три бронепоезда, эшелоны Монголо-Бурятского конного полка, батальона 2-го Маньчжурского стрелкового полка, Телеграфной роты и взвода артиллерии [2], всего 1 000 человек прибыли к Иркутску 30 декабря. Белые выбили восставших из южной части Глазково, но в дело вмешались чехи, потребовав прекратить бой и отойти на станцию Байкал. «Ввиду невозможности связаться с (Иркутском) и малочисленности отряда, Л.Н. Скипетрову ничего не оставалось, как отвести части» [3].

С 2 января 1920 г. интервенты вели переговоры с Политцентром о снабжении и продовольствии. Проблема, очевидно, разрешилась, так как уже 9 января на станции Подорвиха чешским бронепоездом «Орлик» были «ликвидированы» два белых бронепоезда. На станции Байкал чехи с боем разоружили гарнизон, штаб генерала Л.Н. Скипетрова, бронепоезд и эшелон пехоты. Они «ночью забросали бронепоезд гранатами, взяли Л.Н. Скипетрова в плен, причем в бронепоезде было убито 15» [4] и ранено 20 человек. Разоружить семеновцев приказал главнокомандующий интервентов М. Жанен, обвинив их в обстреле своего поезда 7 января между с. Кузьмиха и станцией Михалево. Чехи при поддержке 31-го американского полка разоружили семеновцев и на станциях Маритуй, Слюдянка, Кутулик. Белые под руководством командира Броневой дивизии генерал-майора Н.Ф. Богомольца оказали сопротивление, убив нескольких американских солдат [5]. Так интервенты решили сразу две задачи: устраняли контроль белых войск над уязвимым участком Транссиба у озера Байкал и оказывали услугу Политцентру, поставлявшему уголь и продовольствие для эшелонов. В 1939 г. в Лос-Анджелесе федеральный суд США снял с Н.Ф. Богомольца обвинения в убийстве американцев, выдвинутые генералом У.С. Гревсом.

Рассмотрим же такой частный аспект американской интервенции, как железнодорожный поставки. Вступившие в Первую мировую войну только в апреле 1917 г. и не затронутые военным разорением США обладали наибольшими материальными ресурсами. В

результате войны США из должника превратились в крупнейшего кредитора, ссудившего странам Европы более 10 млрд долл. В США сосредоточилось свыше половины мирового золотого запаса.

Напротив, западные губернии Российской империи стали ареной боевых действий с августа 1914 г., а названная современниками «Великой» война требовала исключительных усилий национальной экономики. Загруженные производством оружия российские заводы не могли в требуемом количестве выпускать паровозы и вагоны. Развившийся к 1917 г. «паралич» транспорта вызовет перебои в снабжении Петрограда продовольствием, что станет формальным поводом к Февральской революции.

По предложению товарища (заместителя) министра путей сообщения профессора Н.Л. Щукина в июне 1915 г. в США и Канаде были заказаны 400 товарных паровозов типа Е, «Декапод». Декапод — международное название паровоза с 5 движущимися (сцепными) осями и одноосной тележкой впереди. Название от греческого слова, в переводе означающего «десять ног» [6]. Построенные в Америке в общем по одним чертежам, локомотивы отличались многими деталями вследствие вводившихся при каждом новом заказе изменений. Общим у паровозов Е различных индексов был диаметр движущих колес 1 320 мм, перегреватель Шмидта, простая двухцилиндровая машина (однократного расширения). Русские инженеры осуществляли техническое руководство изготовлением паровозов в США, постоянно совершенствуя конструкцию.

Из паровозов заказа 1915 г. 250 (серия Еф, №№ 1-250) изготовил завод Балдвин в Филадельфии, 100 (серия Ес, №№ 251–350) — завод Американской паровозостроительной компании (АЛКО) в Скенектади (у г. Олбани) и 50 (серия Ек, №№ 351–400) — Канадской паровозостроительной компании в Кингстоне (под Оттавой). Буквенные индексы «ф», «с» и «к» означают соответственно Филадельфию, Скенектади, Кингстон. Первый паровоз заводом Балдвина был выпущен в августе 1915 г.

С 19 октября 1915 г. по 15 февраля 1916 г. паровозы Еф и Ес морем отправлены из Нью-Йорка вокруг Южной Америки или Африки во Владивосток за 60–80 дней. Паровозы Ек отправлены к 16 июня 1916 г. Паровозы с №№ 28–35 затонули при морской перевозке, и в марте 1916 г. вместо них на заводе АЛКО заказаны 6 паровозов Ес №№ 401–406, отправленные в Россию к 29 августа 1916 г. Из Владивостока паровозы Е заказа 1915 г. перегнали в Харбин, где в главных мастерских Китайско-Восточной железной дороги оборудовали тормозными приборами и подготовили для следования на железные дороги Европейской России — Пермскую, Самаро-Златоустовскую и Екатерининскую, а позднее и на Закавказскую [7]. На Пермской дороге паровозы Е стали водить

поезда весом до 100 000 пудов, тогда как командированные в 1915 г. на линию паровозы серии Щ типа 1–4–0 водили до 55 000 пудов [8].

Из-за неаккуратного изготовления деталей, влияния морской перевозки, отсутствия запасных частей паровозы серии Е часто ломались, простаивали в ремонте. Перечень требуемых изменений был направлен в США. В ноябре 1916 г. было заказано 80 (№№ 501–580), а в декабре еще 220 (№№ 581–800) паровозов серии Е. Оба заказа поровну распределялись между заводами АЛКО и Балдвин. Представлявший русское МПС инженер Альфонс Липец, согласуя с заводами чертежи паровозов, внес значительные изменения, и они по указанию Юрия Ломоносова получили обозначение Ел.

Ю.В. Ломоносов (1876–1952) — крупный теоретик железнодорожного транспорта, с 1905 г. профессор Киевского политехнического института, где с 1908 г. преподавал и А.И. Липец. С 1905 г. Ломоносов сотрудничал с социал-демократами, был знаком с Л.Б. Красиным, считал себя «генералом от паровозов» и «запасным рядовым революции», разработал систему обозначения серий паровозов, введенную в России в апреле 1912 г. Заведуя телеграфной связью МПС, Ломоносов сыграл ключевую роль в отречении Николая II от престола и задержке переброски войск с фронта в Петроград, являясь правой рукой комиссара Временного комитета Государственной думы по МПС А.А. Бубликова [9]. Затем Ю.В. Ломоносов назначается уполномоченным от МПС по заказу и приему подвижного состава в Америке, с правами товарища министра Н.В. Некрасова в отношении утверждения чертежей и технических условий. В мае 1917 г. Ломоносов прибыл в США, став главой российской железнодорожной миссии.

По данным В.А. Ракова, в начале 1917 г. МПС России планировало заказать столько паровозов серии Ел, сколько их могли изготовить американские заводы до конца года. Однако из-за загруженности предприятий заказами из Великобритании и Франции сначала удалось заказать только 75 паровозов заводу Балдвин. Вступив в Первую мировую войну, власти США стали смотреть на строительство паровозов для России иначе, как на военную помощь. 27–29 марта 1917 г. Временное правительство направило в США «срочный» заказ на 2 000 локомотивов и 40 000 вагонов, планируя прислать уполномоченного с детальным описанием дальнейших заказов [10]. Однако выяснилась нехватка морских судов для доставки такого количества железнодорожных материалов. В итоге в начале июля 1917 г. был принципиально решен вопрос о заказе 500 локомотивов Ел (по 250 заводам Балдвин и АЛКО) с поставкой до 1 июля 1918 г., а также 10 000 товарных вагонов. Кроме вышеупомянутых Ломоносова и Лип-

ца, большую роль в организации поставок из США сыграл П.П. Юренев, работавший в аппарате МПС, а в июле-августе 1917 г. возглавлявший его.

В июне-июле 1917 г. Россию посетила миссия во главе с сенатором от штата Нью-Йорк И. Рутом. Вторую половину 1917 г. во Владивостоке находилась американская железнодорожная комиссия во главе с Д.Ф. Стивенсом, бывшим главным инженером строительства Панамского канала. США выделили Временному правительству кредит в 325 млн долл., из которых оно успело израсходовать 188 млн. В конце 1917 г. американская администрация одобрила выделение России еще 125 млн кредита.

Значение поставок подвижного состава через Владивосток усиливалось скопившимися там заграничными поставками, не вывезенными в Европейскую Россию, общей массой 648 000 т. К осени 1918 г. запасы Владивостока оценивались от 750 млн до 1 млрд долл. [11].

Из заказанного в 1917 г. Россия получила 125 паровозов завода Балдвин с №№ 801–925, отправленных из США к 31 декабря 1919 г., и 50 паровозов завода АЛКО с №№ 1126–1175, убывших к 20 мая 1919 г. Характерно, что изготовление этих все же попавших в Россию локомотивов было закончено еще в конце декабря 1917 г.

По данным В.А. Ракова, еще 200 локомотивов русского заказа 1917 г. были переданы для работы на дорогах США, а еще 200 не были построены вообще. В общей сложности, по официальным данным, за 1916–1919 гг. из США получен 881 паровоз типа 1–5–0 [12]. Однако из достоверных источников известно — в СССР работали локомотивы Ел также и с №№ 930–932, 934–960, 962, 964, 965, 968–971, 973, 1000, 1001, 1003–1026, 1028–1037, 1176–1180, всего 99 локомотивов.

Таким образом, весьма вероятно, что до 100 паровозов попало в Россию уже после окончания американской интервенции. И не были ли они как раз из тех, что официально якобы «не были построены вообще»? Напрашивается прямая аналогия с танками, заказанными в июле 1919 г. Колчаком, но попавшими к красным партизанам Амурской области. В марте 1920 г. во Владивосток американские войска доставили 10 танков «Рено». Они хранились в вагонах американского Красного Креста. По одной версии, сочувствующие большевикам машинист и сцепщик отправили вагоны с танками в Благовещенск к красным. По версии же начальника Политического управления Народно-Революционной армии Дальневосточной республики НРА П.С. Парфенова, танки партизанам передали сами американцы. Красные применили 2 танка 19 октября 1920 г. у станции Урульга и разъезда Кайдалово, вызвав у белых настоящую панику.

Но вернемся к поставкам подвижного состава для властей «белой» Сибири. 8 апреля 1919 г. Совет министров Российского (колчаковского) правительства по представлению временно управляющего министерством иностранных дел И.И. Сукина постановил передать генералу Деникину 50 паровозов и 500 вагонов, находящихся в Америке и принадлежащих российскому правительству. Известно, что в июле 1919 г. в Новороссийск из США были доставлены 28 паровозов, а также военное снаряжение.

Министром путей сообщения российского правительства белых был Л.А. Устругов (1877–1938), товарищами — А.М. Ларионов (1872–1920) и Г.М. Степаненко. Транссибирская магистраль имела огромное значение, поэтому страны Антанты («союзники») стремились «помочь» белым властям в расширении железнодорожных перевозок. Сформированный к началу 1919 г. Межсоюзный железнодорожный комитет возглавил Л.А. Устругов, а Технический совет комитета — уже известный Д.Ф. Стивенс [13]. Железнодорожные службы пополнили иностранцы, главным образом американцы.

После выхода большевиков из Первой мировой войны отправка ранее заказанных за границей материалов в Россию была остановлена. Через Межсоюзный комитет российскому правительству добилось отправки старых заказов, прежде всего паровозов «Декапод», большого количества вагонов и запасных частей. Например, Томская железная дорога получила 30 паровозов. Наиболее же ценными приобретениями стали диспетчерские телефоны и нефтепроводы. Например, пароход «Ховрон», покинувший Сиэтл 26 июня 1919 г., доставил во Владивосток 12 паровозов, 38 т запасных частей к ним, 12 комплектов паровозных тормозов, 450 вагонов, 127 запасных частей к ним, 800 комплектов вагонных тормозов, 26 т мелкого железнодорожного оборудования, 13 500 винтовок Ремингтона и 30 ящиков запасных частей к ним [14].

Весьма интересны показания А.М. Ларионова на советском процессе над колчаковскими министрами в 20-х числах мая 1920 г. Он настаивал, что перевозки иностранных войск по Сибири не были бесплатными, а оплачивались правительствами стран, пославших войска, по очень выгодному для железнодорожников валютному тарифу. Обвинитель А.Г. Гойхбарг был раздосадован заявлениями Ларионова, восклицая: «Политикой совершенно никогда не занимавшийся такой научный деятель, практик, известный железнодорожный деятель, как Ларионов, объяснял почему он угонял на восток поезда, из опыта на западном фронте. Он ввиду аналогии, что правительство Колчака то же самое сделает с подвижным составом, угнал его на восток. И выходит, что он

отстаивал интересы грядущей советской власти. Он этот подвижной состав на востоке согнал в бесконечную ленту. Он чуть не заявляет нам: „И теперь вы можете кататься на поездах, которые я для вас сберег“» [15]. Другими словами, Ларионов настаивал, что если бы не организованная им эвакуация железнодорожников и подвижного состава, то отступающие в 1919 г. белые войска уничтожили бы железнодорожное имущество, как это делали красные в 1918 г.

Чрезвычайный революционный трибунала Сибири приговорил А.М. Ларионова к смертной казни. С просьбой сохранить жизнь приговоренный обратился к народному комиссару путей сообщения РСФСР Л.Д. Троцкому и его заместителю В.М. Свердлову. В ответ Л.Д. Троцкий сообщил председателю Сибревкома И.Н. Смирнову, что поскольку «Ларионов считается большим специалистом», В.М. Свердлов «считает возможным и желательным использовать Ларионова», «Сам не зная обстоятельств, не решаюсь высказаться». Президиум ВЦИК отклонил ходатайство о помиловании, и в ночь на 23 июня 1920 г. Ларионов был расстрелян.

Вениамин Свердлов (1886–1939) — младший брат председателя ВЦИК Советов Я.М. Свердлова (1885–1919), до 1917 г. проживал в США, владел небольшим банком, в финансовых кругах Нью-Йорк был известен под именем не Вениамин, а Бендин.

Уже известный Ю.В. Ломоносов в 1922 г. был назначен уполномоченным Совета Народных Комиссаров по железнодорожным заказам за границей. Большевистские власти заказали 500 паровозов в Швеции и 700 паровозов в Германии. В СССР локомотивы серии Э типа 0–5–0 поступили в 1923–1925 гг. через порты Прибалтики, в основном через Ревель (Таллин). Сам Ломоносов, столь сочувствовавший большевикам, «после долгих и мучительных раздумий» в январе 1927 г. решил остаться за границей. Напротив, Л.А. Устругов в 1935 г. вернулся из Харбина в СССР, где в 1938 г. был расстрелян.

Поскольку Швеция до советского заказа не выпускала паровозов, а будущие поставки были оплачены авансом, это, мягко говоря, «удивило» многих железнодорожников. По данным историков О. Васильевой и А. Иголкина, заказы в Швеции служили ширмой для расчетов большевистской верхушки с ранее финансировавшими их зарубежными силами. На это ушло до четверти российского золотого запаса, а заказы помогали «отмыванию» и легализации ценностей на Западе.

Во время Второй мировой войны история с паровозами повторилась: те же заводы США, те же чертежи еще царских инженеров. В 1943–1944 гг. СССР заказал в США паровозы того же типа Е, но с увеличенной с 61,3 до 75 кв. м поверхностью перегревателя.

Эти паровозы стали сериями Еа, Ем и Емв. Индекс «а» означает «американские» (1622 единицы), «м» — модернизированные (412), «мв» — с водоподогревателем (13). Хотя старым проектом воспользовались для ускорения выполнения заказа, американским заводам требовалось время для организации выпуска паровозов типа 1–5–0. Поэтому СССР был вынужден заказать летом 1943 г. 200 более простых паровозов типа 1–4–0 серии Ша, выпущенных уже в октябре-декабре. К 1 июля 1944 г. 193 из них доставлены в СССР, 6 потеряны в море.

Паровозы серии Е начали выпускаться в США позднее (№№ 2001–4260 с пропусками №№ 3961–4150), в 1944 г. в СССР поступило 834, в 1945 г. — 861, 1946 г. — 339 и 1947 г. — 13, всего же Наркомат путей сообщения получил 2047 американских «декаподов». Еа № 3070 в октябре 2005 г. находился на разъезде (поселке) Половинный западного участка Кругобайкальской железной дороги.

В заключение сравним производство паровозов в России и СССР с поставками из США. В 1914 г. на русских заводах было построено 763 паровоза, в 1915 г. — 917, в 1916 г. — 590, в 1917 г. — 420, в 1918 г. — 221, в 1919 г. — 96, в 1920 г. — 84 [16]. Выше указывалось, что за 1916–1919 гг. из США получено от 881 до 980 паровозов, тогда как в России произведено 1 327.

В СССР выпущено магистральных паровозов в 1940 г. — 914, в 1941 — 708, в 1942 — 9, в 1943 — 43, в 1944 — 32, в 1945 г. — 8. С осени 1942 г. по весну 1945 г. в СССР было построено около 100 паровозов, а из США поступило 1 900. Производство грузовых вагонов в СССР в 1942–1945 гг. составило 1 087 штук по сравнению с 33 096 в 1941 г. По ленд-лизу же было поставлено 11 075 вагонов, в том числе 10 000 платформ.

Количественные данные о собственном производстве и зарубежных поставках дают основу для анализа военных усилий нашей страны в Первой и Второй мировых войнах, для сопоставления мобилизационных способностей царского, либерального и советского режимов. Трудно переоценить роль отдельных личностей, их формальных и неформальных связей в событиях революции и Гражданской войны. Напрашивающихся, возникающих вопросов пока значительно больше, чем имеющихся данных для аргументированных ответов. Несомненно одно, что в истории ничто не проходит бесследно, все события взаимосвязаны самым неожиданным образом.

Примечания

1. Савченко С.Н., Левченко Г.Г. Интервенционистские силы Японии на российском Дальнем Востоке (1918–22 гг.) // Из истории граждан-

кой войны на Дальнем Востоке (1918–22 гг.): сб. ст. Хабаровск, 1999. С. 148.

2. Кручинин А.С. Атаман Г.М. Семенов и «союзники» (декабрь 1919 — апрель 1920 г.). М., 2002. С. 22.

3. Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М., 1999. С. 197.

4. Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920 гг.: восп. и док. Париж, 1930. С. 79.

5. Балакшин П. Финал в Китае. Возникновение и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке // Дальний Восток. Хабаровск. 1991. № 11. С. 12.

6. Краткий технический железнодорожный словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гос. транспортное железнодорожное изд-во, 1946. С. 133, 151.

7. Раков В.А. Локомотивы отечественных железных дорог (1845–1955 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Транспорт, 1995. С. 192–196.

8. Новости Перми. 2007. 18 марта.

9. Сафонов М.М. Ложь и правда об отречении Николая II // Нестор. 2000. № 3. СПб.: Изд-во СПб. института истории РАН, 2004. С. 267; Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 52–55.

10. Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 69, 79.

11. Swettenham J. Allied Intervention in Russia 1918–1919 and Part Played by Canada. London, 1967. S. 63.

12. Липец А.И. Паровозы типа «Декапод» (1–5–0), построенные в Америке для Русских казенных железных дорог: Изданы Русской миссией МПС в Америке. Нью-Йорк, 1920.

13. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: док. и материалы. Владивосток, 1995. С. 129.

14. Там же. С. 157.

15. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. / под ред. А.Н. Яковлева; отв. ред. В.И. Шишкин. М.: МФД, 2003. С. 364.

16. Раков В.А. Указ. соч. С. 127, 255, 340.

А.А. Павлов (Братск)

Шаманство у эвенков севера Иркутской области в XX в.

(По материалам Братского городского музея)

Эвенки севера Иркутской области в административных границах современного Катангского района, занимающего территорию верховьев Нижней Тунгуски и ее левых притоков, с XVII в. живут рядом с русскими. Более чем двухсотлетнее сосуществование кочевой и оседлой культур привели к заимствованиям как в материальной, так и в духовной культуре. К концу XIX – началу XX в. большинство эвенков приняли православие, но во многом формально, почитая кресты и иконы как священные предметы и не понимая смысла и значения христианских обрядов (Сирина 2002: С. 219). Известная исследовательница Г.М. Василевич, побывавшая в 1925 г. в верховьях Нижней Тунгуски, отмечала, что эвенки знают церковные праздники, собираются на них вместе, молятся перед иконой, но вместе с тем остаются шаманистами, уже вечером участвуя в небольших обрядах — камланиях (МАЭ 1: Л. 32). Очевидно, двоеверие ввело в заблуждение наблюдателей XIX в., отмечавших повсеместный упадок шаманства у народов Сибири (Басилов 1984: С. 11).

Шаманский чум (нымгандяк, шэвэнчэдек) сооружался для определенных обрядов и состоял из собственно чума, находящегося в среднем мире и ориентированного входом на восток, галерей дарпэ с восточной стороны от чума и онанг с западной, которые понимались как пути — переходы в верхний и нижний миры, а все сооружение отражало представление эвенков о традиционной модели мира (Ямпольская 1993: С. 110, 114).

В 1980 и 1982 гг. во время экспедиций в Катангский район были обследованы три шаманских чума: чум шамана Сычегир на р. Умотка, левом притоке Нижней Тунгуски, чум шамана Салаткина на р. Ика, притоке р. Непа, и чум шаманки, имя которой уже забыли, на р. Дюльчак, приток р. Ика. В фондах музея имеются планы шаманских комплексов, рисунки скульптур шаманских духов — помощников, материалы фотофиксации, часть из них, по чуму шамана Сычегир, опубликованы.

Шаманский чум Сычегира примечателен тем, что имеет

почти классическую структуру и о нем имеется достаточно полная информация о проводившемся в нем обряде лечения, т. к. информатором был один из участников обряда, сын шамана. В комплексе отсутствует западная галерея, но к востоку от чума, окруженного антропоморфными фигурами духов — помощников шамана и зооморфными фигурами лебедей, расположена галерея — дарпэ в виде шалаша из лиственниц, символизирующего мост — переход на остров шаманской реки, где расположен чум. Галерея охраняется фигурами птиц и оленей — духов — помощников шамана.

Восточнее галереи расположены ворота, закрывавшие вход в нее, и жертвенник — фигура двуглавого оленя с шаманской лестницей — сэргэ, в виде шеста с тремя перекладинами, на которой развешивалась шкура жертвенного оленя.

Обряд лечения заключался в том, что участники обряда проходили через ворота, оставляя свои души на хранение щукам, духам — помощникам шамана. Шаман изгонял из тела больного злого духа по аркану, один конец которого был привязан к его руке, а другой к рогам жертвенного оленя (Уткин 1986: С. 157–160).

Время сооружения этого шаманского комплекса в статье не указывается, но по материалам фотофискации, находящимся в музее, можно предположить, что строился он не ранее конца 60-х гг. XX в., т. к. шест шаманской лестницы сохранился в вертикальном положении и привязан к пню ивовыми прутьями.

Более ранними по времени постройками были шаманские комплексы на р. Ика, притоке Непы. По материалам, хранящимся в музее, они строились в 20–30-е гг. XX в. и предназначались для проведения обрядов, посвященных благополучию эвенкийских семей (фонды Братского музея).

Основной задачей шамана была забота о душах сородичей и их благополучии, что предопределяло содержание всех шаманских действий, к которым относились обряды, отражающие поиски души заболевшего человека, проводы душ умерших в мир мертвых, добывание детских душ для охраны здоровья (Мазин 1984: С. 86). Как отмечал один из открывателей шаманских комплексов у эвенков И.М. Суслов, само благополучие в жизни, посылаемое верховным божеством и испрашиваемое шаманом, — это удача в охотничьем промысле, приплод у домашних оленей, успехи в других хозяйственных делах (МАЭ 2: Л. 51).

Вероятно, обрядовый комплекс шаманки с р. Ика создавался для обращения к божеству верховного мира, о чем свидетельствует набор построек. Г.М. Василевич отмечала в начале XX в. большое шаманство у непских эвенков по поводу копытницы у оленей (МАЭ 1: Л. 38).

Шаманский комплекс состоит из чума, положение которого на

острове шаманской реки подчеркивается огромными, по несколько метров, вырубленными из бревен фигурами рыб (щук), расположенными с севера и запада.

Эти духи — помощники шамана, так же как фигуры медведей и лошадей у чума, обращенные головами на запад, призваны защищать чум от проникновения злых духов из нижнего мира.

С восточной стороны находится жертвенник, на котором расположена антропоморфная фигура идола — предка шаманки, с четко выраженной личиной, лестница — сэргу в виде шеста с перекладиной, по которой шаман попадал в верхний мир и на которую же вешали шкуру жертвенного оленя. Рядом с ней на шесте установлена дощечка с деревянными штырями, к которым крепились жертвы (полоски ткани, связки бисера) верховному божеству — хозяину верхнего мира.

Жертвенник полукругом окружали фигуры помощников шамана — птицы на шестах (гагары, кукушки, кедровки, дятлы, глухари, утки, лебеди) и олени, закрывающие с крайней восточной стороны проход в верхний мир для душ умерших людей (Василевич 1957: С. 173). С севера и юга жертвенник прикрывали два ряда воткнутых в землю лиственниц, которые должны были прятать его, как считали эвенки, от злых духов (Ямпольская 1993: С. 114).

В комплексе нет галереи, ведущей в нижний мир, но проход в него намечен: крайнюю западную часть всего сооружения занимают восемь фигур глухарей и антропоморфная фигура духа — умершего сородича, обращенная лицом на сторону нижнего мира.

Такую же структуру имеет и шаманский комплекс Салаткина. Чум сооружен на острове шаманской реки, его окружают духи-помощники шамана (щуки, таймени), которые «плавают» вокруг него, охраняя от враждебных духов. Сам чум «держат» во время обряда четыре пары антропоморфных фигур духов предков.

К юго-востоку от чума расположен жертвенник, который включает помост для мяса оленей, охраняемый установленными на шестах фигурами уток, а также антропоморфные фигуры духов — предков эвенкийских семей. Рядом с помостом и жердями, укрепленными на двух деревьях, для шкуры жертвенного оленя. Жертвенник окружен силуэтами рыб, духов — помощников шамана, вырезанных на живых деревьях.

Вход в нижний мир охранял антропоморфный идол, дух-предок шамана, находящийся в самой западной точке комплекса.

В жертву во время обряда были принесены два оленя, шкуры которых развешивались на жердях, на жертвеннике и к западу от чума. Эти приспособления вместе с фигурами духов-предков эвенкийских семей на жертвеннике позволяют предположить, что в данном комплексе проводился обряд проводов души умершего в мир мертвых. Как писал А.Ф. Анисимов, во время этого обряда прино-

сились кровавые жертвы существам нижнего мира и осуществлялось кормление душ умерших сородичей (Анисимов 1952: С. 209). Обряд должен был обеспечивать благополучие и охрану здоровья сородичей, поскольку, как известно, по представлениям эвенков, души умерших, не отправленные в мир мертвых, могли нанести вред живым.

Существование у эвенков Катангского района в первой половине XX в. специальных шаманских чумов с большим количеством скульптур, в которых нельзя было проводить обряд без полного шаманского костюма (Ямпольская 1993: С. 112), не позволяет говорить об упадке шаманства в XIX – начале XX в. В середине прошлого века у эвенков еще сохранялись различные амулеты (охотничьи, женские, семейные охранители), которые не могли стать таковыми без определенных шаманских действий.

Лишь поколение конца 50-х – начала 60-х гг. стало от них избавляться в силу общей антирелигиозной пропаганды и неумения и нежелания с ними обращаться (Сирина 2002: С. 227).

Источники и литература

Анисимов 1952 — Анисимов А.Ф. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1952. Т. I. С. 199–238.

Басилов 1984 — Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984.

Василевич 1957 — Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1957. Т. 17. С. 151–186.

Мазин 1984 — Мазин А.И. Традиционные верования эвенков — орочонов. Новосибирск, 1984.

МАЭ 1 — Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). Ф. 22, оп. 1, № 11.

МАЭ 2 — Там же. Ф. К — 1, оп. 1, № 58.

Сирина 2002 — Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке. М.; Иркутск, 2002.

Уткин 1986 — Уткин Г.С. Эвенкийский шаманский комплекс «ныгандяк» // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири. Иркутск, 1986. С. 157–160.

Фонды Братского музея. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 4, 353–389.

Ямпольская 1993 — Ямпольская Ю.Я. «Шаманский чум» эвенков: результаты исследований, гипотезы // Этносы и этнические процессы. М., 1993. С. 107–120.

А.Ю. Петров (Москва)

Основные направления новейших отечественных исследований и перспективы в изучении истории Русской Америки

В последние годы история Русской Америки и Российско-американской компании (РАК) вызывает устойчивый интерес отечественных и зарубежных исследователей. Кроме того, в 2007 г. мы отмечаем 200-летие установления дипломатических отношений между Россией и США, 140-летие продажи Аляски Соединенным Штатам и некоторые другие не менее важные даты. История Русской Америки уникальна, прежде всего как общая история России и США.

Прошло уже более сорока лет со времени публикации Н.Н. Болховитиновым первых фундаментальных работ по истории США, российско-американских отношений и колонизации северо-запада Америки [1]. Без преувеличения можно сказать, что именно благодаря его усилиям изучение истории Русской Америки вышло на качественно иной уровень в России и за рубежом. Труды Болховитинова показали, что существует необходимость более глубокого изучения конкретных вопросов, связанных с историей северной части Тихого океана. Закономерным результатом этой работы стало создание его ведущей научной школы, поддерживаемой президентом РФ. Сам Н.Н. Болховитинов был удостоен Государственной премии РФ и стал Почетным иностранным членом Американской исторической ассоциации, а члены его школы успешно защитили кандидатские и докторские диссертации. Коллектив школы проводит фундаментальные исследования в области изучения Северной Америки и ее отношений с Россией, русско-американских и русско-канадских отношений, а также деятельности РАК.

В данной статье мы сделаем попытку остановиться на наиболее заметных достижениях последних лет в области изучения истории Русской Америки, Российско-американской компании, в том числе освоения русскими Аляски и северной Калифорнии, контактов поселенцев с коренным населением, организации исследовательских экспедиций, в ходе которых удалось описать Алеутские и Курильские острова и Тихоокеанский север.

Основными направлениями исследовательской работы в начале XXI в. стали анализ материалов, отражающих формирование рын-

ков купеческих промысловых объединений, финансово-хозяйственную деятельность Российско-американской компании, ее структуру, состав акционеров, развитие в Америке Русской православной церкви, а также продолжающаяся фундаментальная работа по выявлению и публикации документов.

Исследователями учитывался большой накопленный опыт по изучению российской колонизации Алеутских островов и северо-запада Американского континента. Обобщающим научным достижением стало трехтомное издание «История Русской Америки, 1732–1867» — результат больших усилий международного коллектива авторов (Н.Н. Болховитинов, А.В. Гринев, А.А. Истомин, Р.В. Макарова, А.Ю. Петров, Л.М. Троицкая, Л. Блэк (США), Дж. Гибсон (Канада), получившее самое широкое признание в научном мире [2].

Впервые в отечественной науке в последние годы успешно развиваются региональные научные центры по изучению истории Русской Америки. При этом следует отметить, что если ранее региональные исследования отличались слабым использованием литературы на иностранных языках и узкой источниковой базой, то в настоящее время ситуация изменилась. Так, работы И.В. Савельева (Архангельск) и А.Н. Ермолаева (Кемерово) уже внесли заметный вклад в изучение истории Русской Америки.

В частности, в своей новейшей монографии И.В. Савельев обращается к вопросам формирования рынка купеческих промысловых компаний, действовавших в северной части Тихого океана в конце XVIII в. [3]. Эта тема давно привлекала внимание исследователей, в том числе современников деятельности Российско-американской компании, таких как В.Н. Берх, П.А. Тихменев; позднее появились работы С.Б. Окуня, Р.В. Макаровой, Б.П. Полевого и А.В. Постникова, М.С. Альперовича и других ученых [4]. Осветить вопросы русской колонизации конца XVIII в. стремились и зарубежные исследователи: М. Уиллер, Дж. Гибсон, Л. Блэк, Р. Пирс, Б. Дмитришин, Т. и Э. Воон, У. Борнеманом, А. Енгстромом и др. [5]. Однако представленный И.В. Савельевым материал показал, что в изучаемой теме остается много невыясненных вопросов, часть которых нуждаются в переосмыслении. В то же время сама проблема предыстории деятельности Российско-американской компании исключительно важна для дальнейшего понимания всей истории Русской Америки. Автору удалось раскрыть неизвестные ранее, внутренние пружины формирования купеческого промыслового объединения. Следует отметить ценность материала, посвященного промысловой деятельности П.С. Лебедева-Ласточкина, личность и деятельность которого во многом неизвестна, но именно этот купец был основным конкурентом компании И.Л. Голикова — Г.И. Шелихова. Его люди контролировали значительные промысловые пространства на севере

Тихого океана. Прослеживая жизненный путь этого купца, автор приводит интересные факты его биографии. Кроме того, И.В. Савельев обозначил проблему колониального права и рассмотрел первый период его становления в Русской Америке.

Если работы И.В. Савельева посвящены первым годам деятельности РАК и освоению русскими переселенцами тихоокеанского побережья, то А.Н. Ермолаеву на большом документальном материале удалось показать, что в течение всего периода существования РАК правительство, как правило, не вмешивалось в ее внутренние дела [6]. Кроме того, в одной из последних своих работ А.Н. Ермолаев обратился к слабоизученному вопросу о сибирских акционерах РАК с использованием редких фондов сибирских архивов городов Томска и Омска [7]. В статье проанализирован состав акционеров, а из сравнения списков сделан вывод, что состав сибирских держателей ценных бумаг компании в первой четверти XIX в. был стабильным, а заметным было только раздробление пакетов акций между наследниками. Среди акционеров были выявлены новые лица (мещане Барнаула, Томска, Омска). Как оказалось, сибиряки дорожили своими ценными бумагами, тяжбы по некоторым пакетам акций (в том числе и небольшим) тянулись десятилетиями. Так, в работе приведены несколько эпизодов из судебных дел, связанных с тяжбами по акциям РАК между различными держателями.

В настоящее время учеными проводятся междисциплинарные исследования по самому широкому кругу проблем, связанных с историей Русской Америки и Российско-американской компании. Так, А.А. Истомин представил всесторонний анализ письма камергера Н.П. Резанова министру иностранных дел Н.П. Румянцеву о поездке в Калифорнию, а Л.М. Троицкой удалось выяснить местоположение конторы РАК в Москве, внести уточнения в биографии Н.А. Шелиховой и И.Л. Голикова и отметить важность дальнейшего изучения биографий некоторых держателей ценных бумаг РАК, в частности, купцов Куманиных [8].

Особое место в литературе о Русской Америке занимают историко-этнографические работы А.В. Гринева [9]. Его наблюдения полезны при изучении взаимоотношений туземцев и колонизаторов в 1741–1867 гг. Заслуживают внимания его статьи по различным аспектам истории северной части Тихого океана. Думается, что наиболее существенным вкладом этого исследователя в историографию стал его труд по тлинкитам в период Русской Америки [10].

Проводимые исследования показали, что история северо-запада Америки может вывести на более широкий и в то же время более специальный, чем история Русской Америки, круг проблем. Для РАК Русская Америка являлась во многом источником получения прибыли. В то же время она была не единственным рынком, на котором компания развивала свою деятельность. Между тем до не-

давнего времени не существовало комплексного исследования хозяйственной деятельности Российско-американской компании на отечественном и зарубежном рынках. Практически не рассматривались деловые отношения РАК с иностранцами, и прежде всего с представителями Великобритании, США и Китая, с привлечением данных балансов и других финансовых документов [11].

В рамках проводимых научной школой Н.Н. Болховитинова исследований впервые в историографии освещается хозяйственная деятельность Российско-американской компании на отечественном и зарубежном рынках (с использованием широкого круга источников, а также работ отечественных и зарубежных ученых), что является важнейшей частью комплексного исследования истории северо-запада Америки.

В результате многолетней работы, посвященной финансово-хозяйственной деятельности Российско-американской компании, в центральных архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга и региональных отечественных и зарубежных архивах были изучены десятки фондов [12]. Так как Главное правление Российско-американской компании располагалось в Санкт-Петербурге, колониальное правление — на Аляске, а конторы и представительства — в российских и зарубежных городах, исследование проводилось в Архангельске, Великом Устюге, Вологде, Иркутске, Каргополе, Перми, Тотьме, а также в Вашингтоне, Сиэтле, Сан-Франциско, Кадьяке, Фэрбенксе, Ситхе и многих других местах. Архив Главного правления РАК в Санкт-Петербурге считается утраченным [13], но в процессе работы в региональных хранилищах удалось найти многие документы, которые до настоящего времени еще не были введены в научный оборот.

Следует отметить, что даже в центральных архивах, в которых основательно работали многие исследователи, можно встретить важные материалы, которые привлекались учеными весьма редко или вообще не использовались. Так, в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в фонде РАК (ф. 341), где сконцентрирована значительная часть документов по истории компании, представлены частная и деловая переписка акционеров и их списки, разнообразные деловые бумаги, в том числе полные и краткие балансы, счета, векселя, ведомости о продаже и покупке товаров и т. д. В Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ), в фондах Канцелярии морского министра (ф. 410) и Канцелярии адмирала Г.Г. Кушелева (ф. 198) отложились дела, касающиеся русско-китайской торговли, поездки в Русскую Америку капитана 2-го ранга П.Н. Головина, переписки акционеров РАК. В Российском государственном историческом архиве (РГИА) хранятся фонды учреждений, в которых находятся разнообразные документы РАК (прошения, донесения, счета, финансовые отчеты и т.п.). В

фонде Особой канцелярии по кредитной части (ф. 583) имеется важное дело (д. 252) о предоставлении РАК ссуды, а в фонде Департамента государственного казначейства (ф. 565) отложились материалы, касающиеся расчетов разных учреждений и лиц с компанией, а также бумаги о продаже русских колоний США и использовании полученных от этой сделки денег.

Однако представляется, что основное внимание будущих тем по истории Русской Америки должно быть обращено на региональные архивы, фонды которых все еще недостаточно изучены. Это такие архивы, как Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ВГИАХМЗ), в котором хранится фонд Шелиховых–Булдаковых (ф. 10), Государственный архив Пермской области (ГАПО), содержащий фонд К.Т. Хлебникова (ф. 445), Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Иркутск был для РАК своего рода второй столицей. Через него проходили важнейшие торговые пути, а многие акционеры компании были иркутянами. Церковные книги епархии Иркутской области (ф. 50) позволили сделать важные уточнения в биографиях некоторых держателей ценных бумаг РАК. В фондах Иркутской городской думы и Иркутского гильдейского управления (ф. 70, 308) обнаружены дела о взаимоотношениях купцов, занятых в тихоокеанской пушной торговле в первой половине XIX в. В фонде Иркутского городского магистрата и Иркутского городского маклера сохранились купеческие соглашения (ф. 336, 447), а также дела о благотворительной деятельности РАК, в частности, о строительстве на ее средства казарм в Иркутске, материалы, проливающие свет на судьбы русских промышленников после продажи Аляски, и данные о русско-американских отношениях в северной части Тихого океана в XIX в. (ф. 24).

Важны также Государственный архив Вологодской области (ГАВО) и его филиал в Великом Устюге, а также Государственный архив Архангельской области (ГААО). В ГААО, как и в ГАВО, встречаются редкие дела, связанные с биографиями лиц, изучавших историю Российско-американской компании. Так, в Архангельске сохранились бумаги вологодского краеведа Л.И. Андреевского (он работал с найденными в Вологде документами, которые ныне считаются утраченными (ф. 5931). В Великом Устюге, Каргополе, Шелехове, Тотьме и Рыльске созданы музеи, в которых представлены материалы, отражающие историю Русской Америки. Например, в Великоустюжском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (ВУИАХМЗ) были найдены документы, характеризующие разные этапы биографии М.М. Булдакова и его семьи, в том числе иллюстративный материал (снимки дома, где он жил до перестройки здания в начале XX в., портрет брата М.М. Булдакова — А.М. Булдакова и др.); музей Тотьмы располагает портретами основателя

крепости и селения Росс в Калифорнии И.А. Кускова и его жены.

Существенные дополнения можно сделать, обратившись к архивам первых историков Русской Америки. Так, в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории (СПб. ф. ИРИ РАН) хранится фонд личных бумаг и рукописей С.Б. Окуня. Материалы фонда помогли лучше понять и проанализировать основной труд этого ученого. В архиве найдены два варианта книги «Российско-американская компания», а при сопоставлении рукописи и верстки книги было выявлено немало расхождений [14]. Установлено, что многие выводы этого историка документально не подтверждены, например, о наличии у государства некоего плана колонизации Америки при посредничестве монопольной компании, акции которой якобы не пользовались спросом.

Хотя основной массив источников сосредоточен в отечественных архивах, но немало их и в архивах других стран. Значительный объем документов по истории РАК и Русской Америки хранится в Историческом архиве Эстонии (Тарту). В первую очередь это письма главного правителя колоний в Америке и директора РАК Ф.П. Врангеля (ф. 2057). Порой случаются весьма неожиданные находки, как, например, в Государственном архиве Одесской области (ГАОО). Здесь в фондах новороссийского генерал-губернатора и Одесской портовой таможни сохранились дела акционерных компаний России XIX в., содержащие данные о прохождении товаров через одесский порт, различные товарные ведомости и т. д. (ф. 1, 88). Эти материалы — важный источник для изучения развития отечественного рынка и сравнительного анализа учредительных документов, а также курса ценных бумаг РАК с другими акционерными обществами.

В настоящее время невозможно представить полное исследование без учета документов, хранящихся в США. В Национальном архиве США в Вашингтоне (Records of the Russian-American Company, 1802–1867) находятся материалы так называемого колониального архива из Ново-Архангельска, который по условиям договора о продаже Аляски от 18 (30) марта 1867 г. был передан США. Это собрание документов наиболее полно и последовательно отражает жизнь русских колонистов в северной части Тихого океана в XIX в.

В Библиотеке Конгресса США представлено собрание книг по истории Русской Америки, а в рукописном отделе библиотеки — самый значительный корпус документов по данной теме, среди них содержится также часть коллекции Юдина, архив епархии Русской православной церкви на Аляске (Records of the Russian Orthodox Church of the Greek Catholic Church of North America. Diocese of America).

В отделе рукописей библиотек Калифорнийского университета в Беркли, Стэндфордского университета (Гуверовский институт),

Университета штата Вашингтон (Сиэтл) сохранились бумаги американских исследователей, занимавшихся историей Аляски и Калифорнии. Например, Ф. Голдер, находясь в России, копировал много документов, отдельные из которых представляют особую ценность, так как в связи с переформированием отечественных архивных фондов в 30–50-х гг. XX в. часть их оригиналов была утрачена [15].

Деловая и частная переписка акционеров РАК, товарные ведомости, письма священнослужителей и т. д. доступны для изучения в архиве Орегонского исторического общества (Oregon Historical Society, Russian Desk Collection).

Интересные материалы можно найти в Расмусонской библиотеке Университета Аляски в Фэрбенксе (Alaska and Polar Regions Department, Rusmuson Library, University of Alaska, Faibanks). В первую очередь это коллекция Л. Шура (Shur Collection) [16]. В этой же библиотеке хранится коллекция бумаг К. Андрюса (Clarence L. Andrews papers), в которых есть сведения, заслуживающие внимание исследователей (в частности, о деятельности Баранова на Аляске).

Историческая библиотека Джуно располагает коллекцией редких книг, собранных А.Ф. Долгополовым по истории Аляски (Dolgopolov Collection, Alaska Historical Library, Juneau, Alaska). На обложках некоторых книг есть печати РАК. В свое время эти книги были направлены из Санкт-Петербурга в колонии на образовательные нужды (f. 1081, 1082). Долгополов также поддерживал тесные связи с Р. Пирсом и собирал его работы (f. 1489–1493) [17].

Кроме того, на Аляске сохранилось много предметов материальной культуры, имеющих отношение к истории русской колонизации Американского континента.

Несмотря на то, что в последние годы сделан существенный прогресс в деле изучения документов из региональных архивов, библиотек, музеев, исследователям еще нужно очень многое сделать, чтобы региональные материалы были адекватно использованы в трудах ученых.

Интересные сведения по истории РАК можно почерпнуть из периодических изданий, которые можно условно разделить на два больших блока:

- популярные газеты и журналы, рассчитанные на широкий круг читателей: «Санкт-Петербургские ведомости», «Северная пчела», «Московские ведомости», «Морской сборник» и др.;
- издания, рассчитанные на аудиторию, обладающую определенными знаниями в экономике и управлении финансами: «Биржевые ведомости», «Журнал для акционеров», «Журнал мануфактур и торговли», «Коммерческая газета» и др.

При этом следует подчеркнуть, что историками Русской Америки и в целом исследователями, изучающими историю США XIX в.,

специализированные коммерческие издания используются все еще явно недостаточно.

Существенным моментом исследования является анализ международной экономической обстановки, в частности, взаимодействие Российско-американской с Американо-Русской компанией, компанией Гудзонова залива и компанией Дж. Астора.

В результате анализа собранных и изученных материалов пересмотрены и уточнены подходы, преодолены стереотипы в отечественной и зарубежной историографии, а также предложена новая концепция экономической колонизации, проводившейся Российско-американской компанией.

Большое внимание уделено изучению теоретических положений применительно к развитию акционерного капитала и деятельности государства в отношении единой монопольной организации в первой половине XIX в. Уточнены и введены в научный оборот все имеющиеся списки акционеров РАК. В результате исследования выявлен комплекс причин, которые привели к тому, что РАК, будучи одной из самых успешно развивающихся компаний в Российской империи, накануне продажи Аляски находилась в затруднительном положении.

В процессе работы выявлены и проанализированы такие материалы, которые ранее не были комплексно введены в научный оборот, в их числе различные виды отчетов финансово-хозяйственной деятельности: генеральные и краткие бухгалтерские балансы, торговые ведомости, платежные документы и др. Выявление новых документов способствовало активизации работы по подготовке многотомной серии сборников документов «Исследования русских на Тихом океане в XVIII — первой половине XIX в.» Усилиями членов исследовательского коллектива (Н.Н. Болховитинова, Т.С. Федоровой, Л.И. Спиридоновой, А.В. Гринева и А.Ю. Петрова) опубликован четвертый том указанной серии, который содержит исходящие и входящие инструкции и донесения Главного правления РАК, разнообразные сведения о торгово-промысловой деятельности русских и иностранцев в северной части Тихого океана в первой трети XIX в. Особенно важными представляются материалы, проливающие свет на отношения РАК с британской Компанией Гудзонова залива. В настоящее время идет исследовательская работа по подготовке 5-го — завершающего тома [18].

В 2005 г. вышел сборник документов — первый том из двухтомной серии о русской колонизации Калифорнии. В сборнике представлены документы, в которых описываются экономические, политические и культурные связи между Русской Америкой и испанской Калифорнией и динамика расселения русских в Калифорнии. Книга является наиболее полным собранием редкой информации, иллюстрированной уникальными снимками, многие из которых

опубликованы впервые. Это в определенном смысле и исторический справочник по флоре и фауне тех мест, где у русских были поселения в первой половине XIX в.

Составители сборника, В.А. Тишков, А.И. Истомин и Дж. Гибсон, сумели так организовать материал, что у читателя складывается цельная картина существования русской колонии в Калифорнии. Показано, как развивалась крепость и селение Росс, как строились верфь, мельницы, расширялись сельскохозяйственные угодья на пространстве от Росса до низовий реки Славянки и залива Бодега [19]. Данная публикация является важной для всех исследователей, занимающихся историей северо-запада Америки. Но в первую очередь этот сборник представляет интерес для региональных ученых, которые имеют ограниченный доступ к центральным архивам Москвы и Санкт-Петербурга.

Развитию международного сотрудничества в рамках проблематики школы Н.Н. Болховитинова может также способствовать развитие совместных интернет-ресурсов. В последнее время исследователи все чаще прибегают к услугам Интернета. Отвечая требованиям времени, Библиотека Конгресса США разработала сайт «Meeting of frontiers / Встреча на границах» (по адресу: http://frontiers.loc.gov). Это огромная цифровая библиотека, в которой предлагаются документы из рукописного отдела библиотеки (например, часть коллекции Г.В. Юдина). Из нее можно почерпнуть много полезных сведений о духовных, этнических и экономических контактах России с Америкой.

Несмотря на очевидный прогресс в изучении целого ряда проблем в истории севера-запада Америки, для исследователей все еще остается широкое поле деятельности. В ходе различных семинаров, круглых столов, а также при обсуждении статей и диссертаций по истории Русской Америки в рамках научной школы академика Н.Н. Болховитинова открываются новые возможности для исследований по широкому кругу вопросов, связанных с экономической историей, международными отношениями и внутренней историей ряда стран.

Представляется, что все еще недостаточно проработаны вопросы, связанные с переходным периодом от «русского» к «американскому» на Аляске и в Калифорнии. В этой связи было бы крайне интересно провести сравнительное исследование взаимодействия промышленников Соединенных Штатов и представителей РАК на северо-западе Америки.

Выше было отмечено, что РАК развивала свою деятельность не только на американском, но и на рынках других стран. При этом проведенное исследование и полученные результаты показали, сколь многое можно еще сделать в этом направлении, особенно проследив основные направления деятельности РАК с учетом российско-американо-китайских, а также русско-японских экономических

отношений. Ждет своего часа и сравнительное исследование деятельности РАК, Ост и Вест-Индской компаний, а также американских промышленных коммерческих объединений на зарубежном и отечественном рынках. До сих пор нет ни одной обобщающей работы отечественных историков по деятельности Компании Гудзонова залива, длительное время контролировавшей обширные территории в Северной Америке и имевшей с РАК самые тесные коммерческие отношения.

При раскрытии данных тем важно использовать междисциплинарный подход. Он позволяет по-иному взглянуть на экономическую историю северо-запада Америки, а также на развитие правовых институтов в регионе с точки зрения юридических норм того времени.

Все еще недостаточно изучены биографии лиц, связанных с ранней историей Русской Америки. Например, фигура Н.П. Резанова, которая является, пожалуй, одной из самых значимых в богатой событиями истории Русской Америки. Его деятельность до сих пор вызывает жаркие споры среди исследователей. В отечественной историографии о нем писали практически все ученые, которые занимались историей Русской Америки [20]. В этой плеяде особое место занимают работы Н.Н. Болховитинова, в частности его исследование о путешествии Резанова в Калифорнию [21]. Не обошли Резанова своим вниманием и западные исследователи. Ему посвятил популярную работу Х. Шевиньи, к сожалению, изобилующую историческими ошибками, но вызвавшую интерес в Америке к прошлому Аляски [22]. О роли и значении Резанова писали К. Андрюс, Халлей, Томпкинс, М. Уиллер, Р. Пирс, Дж. Гибсон и др. [23]. Следует отметить, что из указанных выше авторов именно Гибсону принадлежит серьезное и обстоятельное исследование о снабжении продовольствием русских колоний, где деятельности Резанова отводится особое место [24].

В последние годы исследователи получили возможность по-новому и более аргументированно подойти к изучению первой кругосветной экспедиции и деятельности Резанова в Русской Америке благодаря введению в научный оборот многих неизвестных ранее документов [25]. Между тем в отдельных публикациях пересматриваются ход и итоги первой русской кругосветной экспедиции, при этом И.Ф. Крузенштерна предлагается считать ее руководителем, а роль и значение Резанова либо замалчиваются, либо оцениваются как негативные [26]. Так, в своей последней работе американская исследовательница Л. Блэк задалась целью опровергнуть романтическое представление о Н.П. Резанове, свойственное, по ее мнению, отечественным исследователям, и показать, что Николай Петрович был «амбициозной, безответственной и очень сомнительной личностью» [27].

Отчасти это было вызвано негативным отношением Крузенштерна к Резанову и отказом первого подчиняться приказам действительного руководителя экспедиции, коим являлся Резанов. Действительно, отрицательная оценка И.Ф. Крузенштерна и некоторых других офицеров Резанова во многом совпадают. Однако нельзя забывать, что это были члены одной сплоченной команды, а те, кто мыслил иначе, например П.П. Головачев, подвергались сильнейшему психологическому давлению. Кроме того, ко дню избрания Н.П. Резанова корреспондентом РАК (2 декабря 1799 г.), имевшим эксклюзивное право личного доклада императору о делах компании, он являлся действительным статским советником, генерал-майором [28], что соответствовало IV чину Табели о рангах, равному гвардейскому полковнику или контр-адмиралу на флоте. Более того, он был камергером двора е.и.в., а И.Ф. Крузенштерн в то время был капитан-лейтенантом (IX чин Табели о рангах) [29].

Стоит отметить, что имеется документ, подписанный Александром I, где четко говорится о руководящей роли Резанова в экспедиции [30]. Существуют и другие документы, подтверждающие полномочия Н.П. Резанова [31]. Что касается посещения им Русской Америки, необходимо подчеркнуть, что впервые далекие русские колонии посетил чиновник столь высокого уровня. Поступок Резанова — это поступок человека, имеющего государственное мышление и высокие моральные качества. Поездку в Калифорнию он мог легко поручить кому-то другому, но, осознавая значимость этого мероприятия для судеб русских колоний, отправился туда сам. К сожалению, имя Резанова практически не упоминается и в средствах массовой информации в связи с 200-летием кругосветного плавания россиян.

На современном этапе исторических знаний Русскую Америку нельзя изучать в отрыве от истории всего северо-запада Американского континента. Освоение и заселение побережья Тихого океана проходило одновременно русскими и американцами. Так, во время плавания «Юноны» из Ново-Архангельска в Сан-Франциско Н.П. Резанов решил, что устье р. Колумбия никому не принадлежало. Он не знал, что американская экспедиция под руководством капитанов М. Льюиса (1774–1809) и В. Кларка (1770–1838) пересекла Северо-американский континент, зимовала в 1805–1806 гг. в форте Клатсоп, недалеко от современной Астории, и по праву первого открытия, принятому в то время, провозгласила все открытые ими земли территорией Соединенных Штатов. К тому времени, когда «Юнона» начинала свое плавание на юг, американские путешественники готовились в обратный путь [32].

Не случайно в США сейчас активно обсуждается идея изучения истории Русской Америки в контексте исследований так называе-

мой истории Запада США. Проводятся в жизнь проекты, в которых, кроме университетов, участвуют музеи и исторические общества. В частности, исторической ассоциацией форта Росс осуществляется интересный проект по изучению документов посещения судами русского Военно-морского флота берегов Калифорнии.

Хотя многие указанные проблемы уже обсуждались на многочисленных конференциях и семинарах, предстоит еще немало сделать по использованию полученных результатов в высшей школе. При этом важно опираться на уже имеющийся опыт гармоничного совмещения научной деятельности в академической сфере с образовательным процессом [33].

В последние годы явно недостаточно привлекаются студенты и аспиранты на конференции и семинары, связанные с историей Русской Америки. В итоге мы видим крайне мало работ молодых исследователей. Хотя опыт лекционной деятельности в различных регионах показывает, что в студенческой среде есть заинтересованность в научной работе по данному направлению. Поэтому думается, что одной из центральных задач ученых, преподающих в отечественных вузах, является подготовка аспирантов, которые бы посвятили свои работы различным аспектам, связанным с историей Русской Америки.

Наконец, давно назрела необходимость создания ассоциации исследователей по истории Русской Америки. Деятельность такой ассоциации позволила бы координировать усилия специалистов при разработке тех или иных проблем, а также по подготовке и проведению семинаров и конференций.

Примечания

1. Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966; Он же. Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975; Он же. Россия и война США за независимость. 1775–1783. М., 1976; Он же. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; Он же. Открытие Россией Северо-Запада Америки (1732–1741) // Материалы XVII Международного конгресса исторических наук. М., 1990; Он же. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990; Он же. Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991; Он же. Становление и развитие русско-американских отношений, 1732–1867 (некоторые итоги исследований). М., 1998; и другие работы (всего более 300 публикаций).

2. История Русской Америки (1732–1867): в 3 т. / отв. ред. акад. Н.Н. Болховитинов. Т. 1: Основание Русской Америки (1732–1799). М., 1997; Т. 2: Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). М., 1999; Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату (1825–1867). М., 1999 (далее ИРА).

3. Савельев И.В. Промысловое освоение Русской Америки во второй половине XVIII века. Архангельск, 2007.

4. Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823; Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1. СПб., 1861. Ч. 2. СПб., 1863; Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л. 1939; Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968; Полевой Б.П. Русские географические открытия на Дальнем Востоке с 30-х годов XVII в. и до конца 60-х годов XIX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1986; Postnikov A.V. The Mapping of Russian America: a History of Russian American Contacts in Cartography. American Geographical Society Collection, University of Wisconsin-Milwaukee, 1995; Альперович М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М., 1993.

5. Gibson J. Imperial Russia in Frontier America. N.Y., 1976; Wheeler M. E. The Origins and Formation of the Russian-American Company. Ph. D. Univ. of North Carolina at Chapel Hill, 1965; Дмитришин Б. Административный аппарат Российско-американской компании, 1798–1867 // Американский ежегодник, 1993. М., 1994. С. 96–116; To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion. A Documentary Record / ed. Trans. by B. Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Th. Vaughan. In 3 vols.Vol. 1. Russia's conquest of Siberia, 1558–1700. Portland, 1985; vol. 2. Russian Penetration of the North Pacific Ocean, 1700–1797. Portland, 1988; vol. 3. The Russian American Colonies, 1797–1857. Portland, 1989; Borneman W. Alaska. Saga of a Bold Land. N.Y., 2003; Pierce R. Russian America: A Biographical Dictionary. Kingston, 1990; Black L.S. The Russain Conquest of Kodiak // Antropological Papers of the University of Alaska. Vol. 24. P. 165–182; Engstrom A., Engstrom E. Alexander Baranov & a Pacific Empire. Juneau, 2004.

6. Ермолаев А.Н. Временный комитет и особый совет Российско-американской компании: контролирующие или совещательные органы (1803–1844)? // Американский ежегодник, 2000. М., 2002. С. 232–249; Он же. Главное правление Российско-американской компании: состав, функции, взаимоотношения с правительством, 1799–1871 // Там же, 2003. М., 2005. С. 288–292.

7. Сибирские акционеры Российско-американской компании (первая половина XIX века) // История Сибири: 1583–2006. Проблемы и перспективы. Новосибирск, 2007.

8. Истомин А.А. Два варианта письма Н.П. Резанова графу Н.П. Румянцеву от 17/29 июня 1806 г. Сравнительно-текстологический анализ и легенда о великой любви // Русское открытие Америки: сб. ст. / ред. А.О. Чубарьян. М., 2002. С. 388–401; Троицкая Л.М. Русская Америка на берегах Москвы-реки... // Там же. С. 406–409.

9. Гринев А.В. Американская эпопея Александра Баранова // Вопросы истории. 2000. № 8. С.153–159; Он же. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // Клио. 2000. № 2. С.17–26; Он же. Еще раз о судьбе Русской Америки // Русская Америка

и Дальний Восток (конец XVIII в. — 1867 г.). К 200-летию образования Российско-американской компании: материалы Междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 окт. 1999 г.). Владивосток: ИИАЭНДВ ДВО РАН, 2001. С. 41–57; Он же. О российской колонизации Аляски // Известия Академии наук. Сер. геогр. 2002. № 4. С.112–121; Он же. Туземцы-каюры в Русской Америке // История и семиотика индейских культур Америки. М.: Наука, 2002. Он же. Рец.: А.Ю. Петров. Образование Российско-американской компании. М.: Наука, 2000. 152 с. // Отечественная история. 2002. № 4. С.183–186; Он же. Золото Русской Америки: Несостоявшийся Клондайк // Американский ежегодник 2001. М.: Наука, 2003. С. 138–162 и др.

10. Гринев А.В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск, 1991 (англ.: Grinev A.V. The Tlingit Indians in Russian America, 1741–1867, transl. R. Bland, K. Solovjova. Lincoln, 2006).

11. Основные положения по финансово-хозяйственной деятельности РАК раскрыты в некоторых работах: Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. М., 2000; Он же. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006; Он же. Деятельность Российско-американской компании накануне продажи Аляски США, 1858–1867 гг. // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 31–50; Он же. Финансово-хозяйственная деятельность Российско-американской компании (1841–1867 гг.) // Управление собственностью. 2005. № 2. С. 47–62; Он же. Акционеры Российско-американской компании (первая треть XIX в.) // Экономическая история: ежегодник. МГУ им. М.В. Ломоносова / ред. Л.И. Бородкин. М., 2005. С. 289–320.

12. Общий обзор источников по истории Русской Америки см.: Болховитинов Н.Н. Заметки об архивных источниках по истории Русской Америки // ИРА. Т. 1. С. 364–376.

13. Андреев А.И. Об архиве Российско-американской компании // Известия Всесоюзного географического общества. 1943. Т. 75, вып. 3. С. 61–63; ИРА. Т. 1. С. 364–376.

14. Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939; СПб. ф. ИРИ РАН. Ф. 299. Оп. 1. Д. 130.

15. Golder F.A. Guide to materials for American History in Russian Archives. Vol. 1–2. Washington, 1917–1937.

16. Shur L. Russian Sources on American History. Fairbanks, 1990.

17. A Guide to the Dolgopolov Collection in the Alaska Historical Library / Complied by P. Wilson, L. Tobiska. Juneau, 1982.

18. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сб. док. Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815. М., 1989 (далее — ИРТО). Т. 3, 4.

19. Россия в Калифорнии: русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях, 1803–1850: в 2 т. / сост. и подгот. А.А. Истомин, Дж. Р. Гибсон, В.А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 2005. Т. 1.

20. Альперович М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII

века). М., 1993; Гринев А.В. Индейцы-тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск, 1991 (расш., испр. и доп. изд.: Grinev A.V. The Tlingit Indians in Russian America, 1741–1867. Lincoln, 2005); и др.

21. Болховитинов Н.Н. Н.П. Резанов и первое кругосветное плавание россиян (1803–1806) // ИРА. Т. 2. С. 84–114.

22. Chevigny H. The Life and Adventures of Nikolai Petrovich Rezanov. N.Y., 1937; Idem. Russian America. The Great Alaskan Venture. 1741–1867. N. Y., 1965.

23. Pierce R.A. Russian America: A Biographical Dictionary; Andrews C. The Story of Alaska. Caldwell, 194; Hulley C. Alaska, 1741–1953. Portland, 1953; Tompkins S. Alaska, Promyshlennik and Sourdough. Norman, 1945; Wheeler M. The Origins and Formation of the Russian-American Company; Eadem. Empires in Conflict and Cooperation: the «Bostonians» and the Russian-American Company // Pacific Historical Review. 1971. Vol. XL. P. 419–442; Eadem. The Russian American Company and the Imperial Government / Russia's American Colony / Ed. by S. F. Starr. Durham, 1987. P. 43–44.

24. Gibson J. Imperial Russia in Frontier America. N. Y., 1976.

25. Исследования русских на Тихом океане в XVIII–первой половине XIX в. // ИРТО.

26. Каргаполова Н. Дальнее плавание // Америка. 2005. № 4. С. 68–73.

27. Black L. T. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks, 2004. P. 168–189.

28. АВПРИ. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 123. Л. 166.

29. Подробнее о первом кругосветном плавании россиян и о взаимоотношении Резанова и Крузенштерна см.: ИРА. Т. 2. С. 84–114.

30. Инструкция Александра I Н.П. Резанову, 10 июля 1803 г. // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 19. Оп. 4. Д. 496. Л. 110–121 об.

31. Донесение Н.П. Румянцева Александру I, 11 октября 1805 г. // РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 496. Л. 124–141. Россия и США: становление отношений, 1775–1815. М., 1980 / ред. Н.Н. Болховитинов, Дж. Браун и др. С. 241; ИРТО. Т. 2. С. 75.

32. Литература (источники, исследования и периодика) по экспедиции М. Льюиса и В. Кларка огромна. Одна из последних и лучших публикаций: Ambrose St. E. Undaunted Courage: Meriwether Lewis, Thomas Jefferson and the Opening of the American West. N. Y., 1996.

33. Интервью директора Института всеобщей истории РАН академика А.О. Чубарьяна // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 3–5.

Е.С. Питерская (Москва)

Политика Российско-американской компании в отношении креольского населения колоний

Несмотря на значительное количество работ, посвященных социально-экономическим и политическим аспектам российской колонизации, вопрос централизованной политики Российско-американской компании (далее РАК) в отношении креолов остается в тени исследований. Однако, на наш взгляд, именно политика РАК в отношении этой прослойки населения является определяющей характеристикой социальной политики РАК в целом. Представленная тема достаточно обширна и может стать предметом отдельного исследования, однако в данном докладе мы постараемся обозначить основные направления политики компании в отношении креолов.

Обращение к данной теме явилось результатом изучения материала по колонизационным процессам в Северной и Южной Америке. Именно благодаря сопоставительному анализу встал вопрос о сущности политики РАК в отношении креольского населения российских колоний на Аляске. Почему именно в Русской Америке вопрос о судьбе и роли смешанного населения в развитии колоний стал краеугольным камнем социальной политики компании? Каким образом креолы заняли настолько серьезное положение в сфере интересов РАК? Как известно, к 1741 г. Испания и Англия уже обладали достаточным опытом колониальных захватов и выстроением политической и социальной структуры колониального населения. Но почему именно в Русской Америке издавались специальные указы и распоряжения, напрямую касающиеся смешанного населения? В данном докладе будет предпринята попытка ответить на поставленные вопросы.

Основными источниками при исследовании данного вопроса послужили опубликованные и неопубликованные документы из архивов РАК. В частности, наиболее ценным источником является Донесение ГП РАК «Об участии креолов на острове Кадьяке в разных работах, производимых для защиты портов, крепостей», где характеризуется образовательная политика РАК в отношении креольского населения, описывается их место в рамках социальной стратификации колониального общества и дается прогноз относи-

тельно их дальнейшей судьбы. В настоящий момент данный документ находится в Архиве внешней политики Российской империи [1]. Черновик документа под заголовком «Представление Главного правления РАК О.П. Козодавлеву об учреждении школ в Русской Америке для обучения креолов, отмене отправки детей на учебу в Петербург ввиду их высокого уровня смертности и освобождении креолов от податей» хранится в Архиве Российского Географического общества и в 2005 г. был опубликован в сборнике документов «Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского севера — 1815–1841».

Данный доклад основан на результатах работы в ряде российских архивов, в том числе АВПРИ, РГА ВМФ, а также на основе материалов Национального архива США и Национальной библиотеки Конгресса США, представленных в цифровом формате на сайте проекта «Встреча на границах» [2], а также в материалах, хранящихся в форме микрофильмов в архиве и библиотеке им. Э. Расмусона в г. Фэрбенкс (шт. Аляска). Наиболее полные сведения о креолах представлены в работах путешественников, мореплавателей и военных, посещавших русские колонии в Северной Америке (Г.А. Сарычев [3], В.М. Головнин [4], Ю.Ф. Лисянский [5]). Несмотря на неугасающий интерес российских и зарубежных исследователей к истории и этнографии Русской Америки, на сегодняшний день существует не так много работ, специально посвященных креолам Аляски как отдельной этносоциальной группе. Среди существующих работ, где определенное внимание уделяется креолам, статья С.Г. Федоровой «Этнические процессы в Русской Америке» [6], ее же монография «Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 г.» [7], глава в монографии Лидии Блэк «The rise of the Creole Class» [8], где автор рассматривает креолов как наиболее динамично развивающуюся группу в рамках колониального общества Русской Америки, а также статья Михаила Олексы в сборнике «Русская Америка: забытые границы» [9]. Тем не менее креольское население Русской Америки представляло достаточно многочисленную группу со своими этнокультурными особенностями, которые сложились в результате активных процессов взаимодействия культур пришлого и коренного населения. Изучение этого вопроса могло бы способствовать более глубокому пониманию сущности этнических процессов на Аляске в период российской колонизации.

Сегодня достаточно сложно проследить факт первого употребления слова «креол» в Русской Америке. По крайней мере, когда в 1795 г. иеромонах Макарий прибыл на Уналашку, оказалось, что все население острова уже окрещено, а дети от смешанных браков и совместного проживания русских с местными женщинами уже не считались «туземцами» или «американцами», но назывались «креолами» [10].

Недостаток женщин был серьезной проблемой русских колоний на Аляске. В связи с этим руководство компании поддерживало процесс формирования смешанного населения: «...Г. Баранов и привозить карты к себе не позволяет, а чтобы женщины не могли быть поводом к ссорам между промышленными, то он склоняет их и полагает им покупать дочерей у алеутов и у диких американцев; и велит им жить с ними как с законными женами. Сей способ полезен еще и в другом отношении, ибо такое, подобное браку сожитие, некоторым образом сближает родством сии народы с русскими, и уничтожает отчасти взаимную вражду...» [11].

Основное креольское население российских колоний на Аляске было сосредоточено на Уналашке, Ситке, Кадьяке и в селении Росс. В 1821 г. численность креолов во всех отделах компании достигла приблизительно 300 чел. — около 180 мужчин и 120 женщин [12], 1822 г. — 553, 1863 г. — 1989.

Как правило, креолы были двуязычны, прекрасно владея материнским языком и русским. Однако в некоторых местах отмечалось одновременное использование креолами лексики социально престижной группы (русской) с грамматической структурой «туземных» языков [13]. На данный момент не обнаружено свидетельств того, что у креолов существовал отдельный креольский язык либо независимый диалект английского языка.

Вся социально-экономическая политика российского правительства в лице РАК в отношении креолов Аляски строилась в трех основных направлениях — образование и развитие профессиональных навыков, занятость креолов на службе РАК и социальный статус креольского населения колоний.

Образовательная политика РАК

В российских источниках неоднократно встречается упоминание о том, что вся система образования в колониях учреждалась главным образом для воспитания и обучения детей креолов и местного населения. На Уналашке и Кадьяке, а затем и на Ситке были основаны школы, где мальчики-креолы обучались «Российской словесности, Закону Божию, арифметике и Навигации» [14]. Навигацию преподавал обычно кто-либо из штурманов, которые состояли на службе компании. За преподавание они получали дополнительное жалованье. Другие же предметы преподавались теми из промышленных, «кои имеют к тому некоторыя способности [15]» Девочки-креолки также обучались в школах, где осваивали различные традиционные ремесла и домоводство. Как правило, преподавательницами и наставницами в таких школах-интернатах были женщины — жены колониального руководства или креолки, получившие образование в России (например, жена правителя Кадьякской конторы РАК И.И.

Баннера Наталья Петровна Баннер или креолка Матрена Кузнецова (Бурцева), изучавшая домоводство в Петербурге). Финансирование данных образовательных заведений осуществлялось на основе процентов, отчисляемых из ежегодной прибыли РАК на основании решения общего собрания акционеров компании. Благодаря хорошо налаженной системе начального и среднего образования в отличие от несмешанного коренного населения грамотность среди креолов была практически стопроцентной.

Как известно, еще Г.И. Шелехов предпринимал первые попытки повышения уровня и качества образования креолов. В 1787 г. для получения качественного профессионального обучения в России с Кадьяка в Иркутск и Охотск было отправлено 12 креолов, однако половина из них не смогла пройти период акклиматизации и скончалась в скором времени после прибытия к месту учебы. После данного инцидента правление компании предпринимало попытки обучения мальчиков креолов в Иркутске и Петербурге исключительно с согласия их родителей.

Многие аспекты колониальной политики освещены в докладе камергера Н.П. Резанова, проект которого он подготовил для представления российскому правительству. Учитывая высокий уровень смертности креолов, Н.П. Резанов призывал руководство компании не высылать всех подряд для получения образования в Иркутске и Санкт-Петербурге, где из-за резкой смены климата многие из креолов умирали, не завершив своего обучения. Однако также предлагал не препятствовать вывозить детей креолов промышленникам и служащим РАК, которые после окончания срока службы в компании возвращались на родину и стремились забрать детей с собой.

В 1811 г. 4 девочки-креолки были вывезены в Охотск, однако три из них скончались, не завершив своего обучения. Но те креолы, которые возвращались назад, были хорошо обучены и подготовлены для службы в колониях. После анализа причин высокого уровня смертности среди креолов, отправленных на обучение в Россию, компания приостановила эту практику, и в Россию отправляли только тех, кто сам изъявлял желание или тому способствовали родители. Некоторых мальчиков отправляли учиться в Кронштадтское штурманское училище и судостроительное училище. Училища, где обучались креолы, регулярно посылали отчеты об успеваемости креолов в правление компании. По возвращении в колонии они поступали на обязательную службу в компанию с жалованьем от 500 до 1 200 руб. в год [16]. В дальнейшем в России ежегодно находились на обучении от 5 до 12 человек [17]. Креолы, обучавшиеся за счет компании, были причислены к разряду «обязанных креолов» — после получения образования в России они были обязаны отслужить 10 лет в РАК, те же, кто обучался в колониях, — 15. После окончания срока службы «обязанные» становились вольными

и могли наниматься на службу в компании в качестве служащих, имели право покинуть колонии или могли быть причислены к сословию колониальных граждан. Большая часть креолов стремилась поселиться на островах в отведенных им местах [18]. Именно креолам отдавалось предпочтение при найме на работу в компанию и их целенаправленно готовили к работе на младших административных постах колониальной администрации [19].

Не менее остро стоял в колониях вопрос религиозного образования и распространения православной веры. И. Вениаминову удалось на практике реализовать свою идею распространения православия на Аляске через коренное и смешанное население колоний. Именно ему удалось наладить систему подготовки миссионеров из числа коренных жителей региона, преимущественно креолов. Благодаря стараниям И. Вениаминова состоялся перевод духовного училища из Камчатки в Ново-Архангельск, где при слиянии с местным училищем была создана семинария. Учителями местных языков в семинарии стали подготовленные И. Вениаминовым креолы. Иван Жуков был переводчиком и преподавателем тлинкитского языка, Емельян Молчанов — эскимосского, священник с о. Атха креол Лаврентий Саламатов преподавал алеутский язык. И. Надеждин перевел на тлинкитский язык Священное Писание, Евангелие от Матфея, несколько церковных песен. Креол Илья Тыжнов составил «Путеводитель христианина» на алеутском языке, а также перевел на алеутский Евангелие от Матфея [20].

Многие креолы стали впоследствии выдающимися священниками, морскими офицерами, служащими компании, исследователями Аляски и Калифорнии (А.И. Климовский, А.Ф. Кашеваров, П.Ф. Колмаков, П.В. Малахов, З.П. Чиченев, С.И. Лукин). В 1860-х гг. половина компанейских судов находилась под командованием креолов.

Проблема занятости креолов

После своего посещения Русской Америки в 1803–1806 гг. Н.П. Резанов подготовил документ о целесообразности использования образованных креолов для нужд РАК. Учитывая высокий уровень образованности многих креолов, прошедших обучение в России, он считал самым эффективным и правильным использование их на административных постах компании. Из креолов, годных к несению воинской службы, Н.П. Резанов предлагал сформировать гарнизон для защиты портов и крепостей, принадлежащих компании в различных районах Русской Америки. Для этого Н.П. Резанов опять же предлагал отправить нескольких креолов в Россию для прохождения военной подготовки. Тех креолов, которые не занимали административных должностей или не имели склонности к военному

искусству, предлагалось привлекать к торговле (особенно учитывая их владение двумя языками), необходимым ремеслам или к сельскому хозяйству. Таким образом, распределив все креольское население российских колоний в Северной Америке по определенным профессионально-социальным нишам, Н.П. Резанов планировал создать постоянное население колоний — «собственно колониальное гражданство», что на тот момент было продиктовано невозможностью увеличивать населений колоний собственно выходцами из России. Н.П. Резанов очень подробно обосновывает недостаток русского населения. По его мнению, было бессмысленно привозить еще больше русских промышленников, что могло повлечь за собой сокращение поголовья котиков и, следовательно, существенные финансовые убытки для компании. С другой стороны, та категория промышленников, которую бы компания хотела иметь на своей службе — образованные и владеющие ремеслами — эти люди совершенно свободно могли найти работу у себя на родине и не стремились в далекие страны за поиском занятий и пропитания. Вопрос формирования постоянного населения русских колоний для более эффективного освоения края и его устойчивого развития был чрезвычайно актуален в рассматриваемый период. При отборе людей для службы в компании РАК стремилась выбирать тех, кто владел ремеслами, имел начальное образование, стабильные религиозные установки. Однако таких людей было мало, в связи с чем было принято решение, что «сей недостаток русскаго людства в колониях может быть заменен креолами» [21].

Однако из-за безвременной кончины Н.П. Резанов не успел представить данный проект в правительство и его идеи и планы не получили дальнейшего развития.

Социальный статус креолов

В проекте своего доклада Н.П. Резанов видел преимущества для РАК в том, что предлагал оставить креолов в силу их немногочисленности свободными и не причислять их к какому бы то ни было сословию. По его мнению, самым правильным с точки зрения внутренней политики российской компании было бы позволить креолам занимать должности в администрации компании и вести собственное хозяйство, что существенным образом будет способствовать развитию экономики колоний.

В донесении Главного правления РАК в Министерство внутренних дел «Об участии креолов на острове Кадьяке в различных работах, производимых для защиты портов, крепостей» рассматриваются возможности для РАК по получению максимальных доходов от использования труда креолов.

Вариант 1. «Если креолов определить в подушный платеж, при-

писать их в платящие подушные подати сословия какой-нибудь губернии, то с тем вместе обязаны они будут нести и личные повинности, для чего подлежит их всех из колоний вызвать, а тем самым отделить их от места рождения и от родителей, и заставить жить в ином климате, которого они не перенесут».

Вариант 2. «Если же наложить на них подати и оставить их в колониях, то они платить будут не в состоянии, ибо там, кроме промысловых производств, отправляемых РАК, других для них никаких пособий в приобретении себе пропитания и денег на оплату податей не имеется, а потому должны будут обратиться в то дикое состояние, в каком были их матери и отцы, с которых как и со всех алеут, не повелено собирать подати».

Согласно документу — при компании был учрежден специальный совет для решения вопросов, связанных с использованием креолов на работах компании, касательно их социального положения и дальнейшей судьбы. К сожалению, на данный момент нам не удалось выявить дополнительной информации о существовании и дальнейшей деятельности данного совета. В 1821 г. после получения компанией новых «Привилегий...» на очередной 20-летний срок креолов Русской Америки причислили к подданным России и освободили от повинностей и уплаты налогов, позволив наниматься на различные должности в РАК, продвигаться по служебной лестнице и даже получать офицерские звания и чины. Таким образом, РАК удалось, в свою очередь, избежать высоких налогов, которые компания была бы вынуждена платить государству в случае причисления креолов к одному из податных сословий. Из всех положений, которые излагал в своем проекте Н.П. Резанов, правление компании приняло к сведению и к реализации только вопрос о причислении креолов к свободному сословию.

Вопрос о формировании постоянного населения колоний не раз поднимался в официальных документах и отчетах компании и ее служащих, что свидетельствует о крайней озабоченности руководства компании сокращением высоких затрат на перевозку новых поселенцев из России и их обустройством на Аляске, а также гарантиями непрерывности финансовых потоков от промысловой и торговой деятельности. «Образование нового класса людей под именем поселенцев, — писал С.А. Костливцев, — доказывает несостоятельность меры отделения креолов от „колониальных граждан“ в какие-то особые сословия, тогда как все эти три класса могут быть беспрепятственно соединены в один под общим названием „колониальных поселенцев“. Особые касты повсюду вредны, а тем более в этом отдаленном крае; нужно стараться здешнее народонаселение слить по возможности в одно целое, изгладив из памяти воспоминания о различии племен, из которого оно составилось» [22].

Благодаря ряду законодательных актов и вмешательству руководства Российско-американской компании в этнические, демографические и социальные процессы в колониях креолы были выделены в особое сословие, которое оказалось промежуточным между пришлым и коренным населением колоний. В результате подобного положения возникла определенная социальная напряженность в отношениях между указанными группами населения. С одной стороны, «креол, чувствуя в себе кровь европейскую, считает себя выше алеута и не хочет жить и работать с ним заодно: несмотря на все побуждения колониального начальства, креолы не выезжают и не посылают своих детей в промысловые партии, лишая себя через то заработков. С другой стороны, и русские, и сами алеуты помнят доселе еще первоначальное происхождение креолов от незаконных связей с туземками и на каждом шагу оказывают им неуважение и даже презрение» [23]. По свидетельству многих источников, креолы предпочитали, чтобы их дети воспитывались в соответствии с европейскими (русскими) традициями. В связи с этим руководством колоний было принято решение «всеми мерами обращать их в настоящих русских, не отделяя от сих последних сословными преградами» [24].

Таким образом, из приведенных фактов следует вывод о своего рода «искусственности» этнических и социальных процессов на Аляске, которые определялись исключительно решениями руководства колоний. На наш взгляд, активная политика колониального руководства в отношении креольского населения имела под собой исключительно экономическую основу. Вступив в эпоху своего расцвета, РАК стремилась всячески минимизировать затраты, которые могло повлечь за собой привлечение нового пришлого населения из России. Именно в креолах РАК видела гарантию и залог экономической стабильности компании и развития региона. И именно политика в отношении креолов послужила консолидирующим звеном всей социальной политики Российско-американской компании в колониях.

Примечания

1. Донесение Главного правления Российско-американской компании в министерство внутренних дел об участии креолов на острове Кадьяке в различных работах, производимых для защиты портов, крепостей // АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 251.

2. http://.frontiers.loc.gov

3. Сарычев Г.А. Путешествия по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Гос изд-во геогр. лит., 1952. С. 141.

4. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточнаго

океана. Замечания В.М. Головнина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах). Вып. 2. Приложение к Морскому сборнику № 2, 1861. СПб.: В типографии Морскаго Министерства. 1861. С. 81.

5. Лисянский Ю.Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле «Нева» / под ред. А.И. Алексеева. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1977.

6. Федорова С.Г. Этнические процессы в Русской Америке // Национальные процессы в США. М., 1973.

7. Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии: конец XVIII века — 1867 г. М., 1971.

8. Black L. Russians at Alaska. Fairbanks, 2004.

9. Oleksa M.J. The Creols and their Contribution to the Development of Alaska // Russian America: the Forgotten Frontier / ed. by B. Sweetland and R.J. Barnett. Washington, 1990. P. 186.

10. Alaskan Missionary Spirituality / ed. by Michael Oleksa. Paulist Press. New York — Mahwah, 1987. P. 4.

11. Материалы для истории русских заселений по берегам Восточнаго океана. Замечания В.М. Головнина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах. Вып. 2. Приложение к Морскому сборнику № 2, 1861. СПб.: В типографии Морскаго Министерства. 1861. С. 81.

12. Федорова С.Г. Этнические процессы... С. 169.

13. Ляпунова Р. Г. Алеуты // Сибирь: этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.). М.; Улан-Удэ, 1999. Вып. 4. С. 20.

14. Донесение Главного правления Российско-американской компании в МИД об участии креолов на острове Кадьяке в различных работах, производимых для защиты портов, крепостей // АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 251. Л. 1.

15. Там же. Л. 1 об.

16. Там же. Л. 2.

17. Русская Америка по личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М., 1994. С. 21.

18. Федорова С.Г. Этнические процессы... С. 169.

19. Oleksa M.J. The Creols and their Contribution to the Development of Alaska. P. 186.

20. Ляпунова Р.Г. И.Е. Вениаминов (Иннокентий) и Русская Америка // Открытие Америки продолжается. СПб., 1993. Вып. 1. С. 36–37.

21. Донесение ГП РАК в МИД об участии креолов на острове Кадьяке в различных работах, производимых для защиты портов, крепостей // АВПРИ. Ф. 341. Оп. 888. Д. 251. Л. 28–29.

22. Отчет по образованию Российско-американских колоний действительного статского советника Костливцева:. Приложения к докладу Комитета об устройстве Русских Американских колоний. СПб., 1863. С. 43.

23. Доклад Комитета об устройстве Русских Американских колоний. СПб., 1863; Приложения к докладу Комитета об устройстве Русских Американских колоний. СПб., 1863. С. 160.

24. Там же. С. 212.

З.М. Роббек (Черский)

Анюйская ярмарка

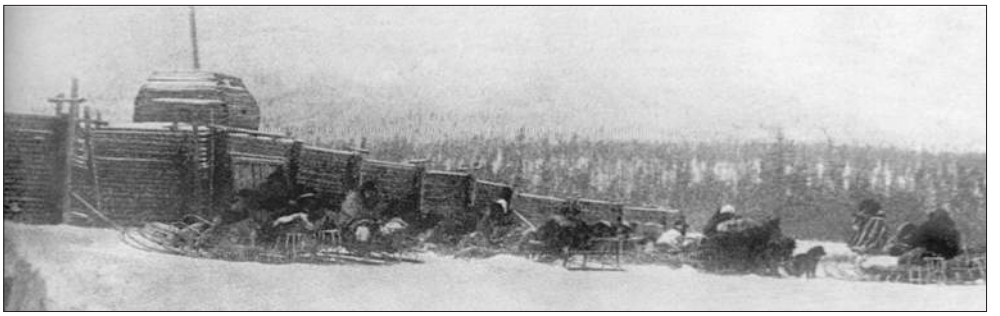
В XVII в. северо-восточную часть Якутии населяли племена ламутов, тунгусов, юкагиров, чукчей и якутов, которые вели кочевой образ жизни, занимаясь животноводством, охотой и рыбной ловлей. Между племенами существовали обменные связи.

С появлением русского населения контакты получили дальнейшее развитие и постепенно переросли в торговые. Переселенцы из России на вновь освоенных территориях строили зимовья, переросшие в остроги-крепости. Беспокойство доставляли набеги на русские поселения чукотских вооруженных отрядов.

В 1766 г. чукчи разгромили Анадырскую крепость. Часть казаков была переведена для дальнейшей службы в Нижнеколымскую крепость, которая с этого времени сыграла важнейшую роль в установлении мирных взаимоотношений с «непокорными чукчами» и принятия ими российского подданства. Один раз в год они посещали крепость для торгов.

В 1783 г. Якутская провинция преобразована в округ Иркутского наместничества и состояла из четырех уездов. Область рек Индигирки, Алазеи и Колымы образовала Зашиверский уезд с центром в г. Зашиверске на р. Индигирке. Уезд возглавлял деятельный и энергичный капитан-исправник Иван Баннер. (С 1802 г. он служил в Русской Америке. Умер на Аляске в 1816 г.)

В 1788 г. правительство Екатерины II поручает И. Баннеру провести переговоры с чукчами. Встреча состоялась на берегу р. Ангарки, впадающей в приток Колымы Большой Анюй. Сюда он

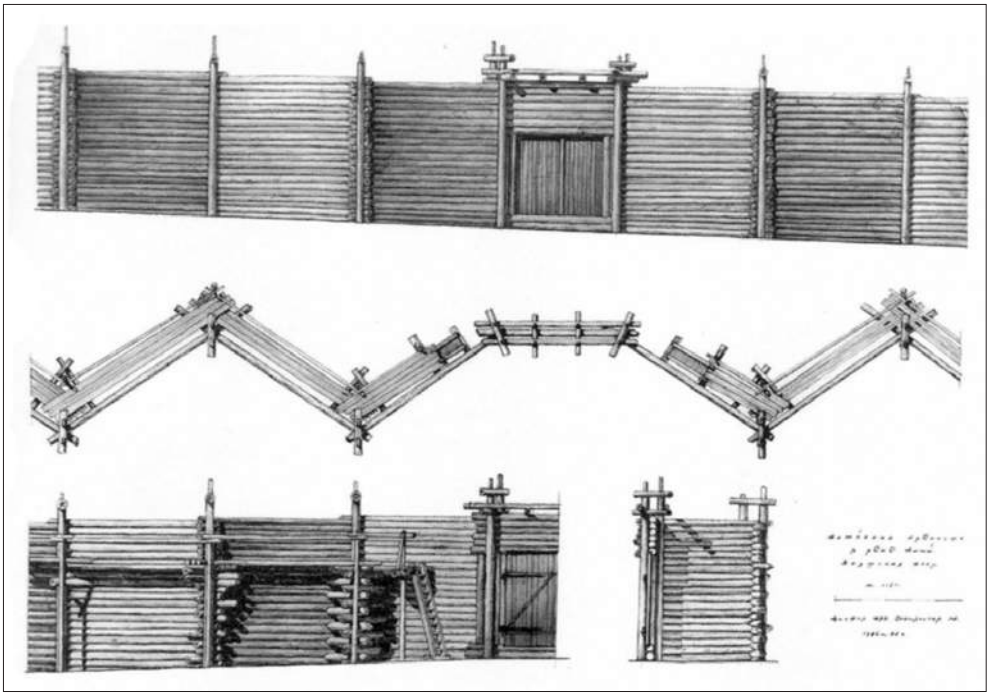


Анюйская крепость в 1896 г. Фото В.И. Иохельсона

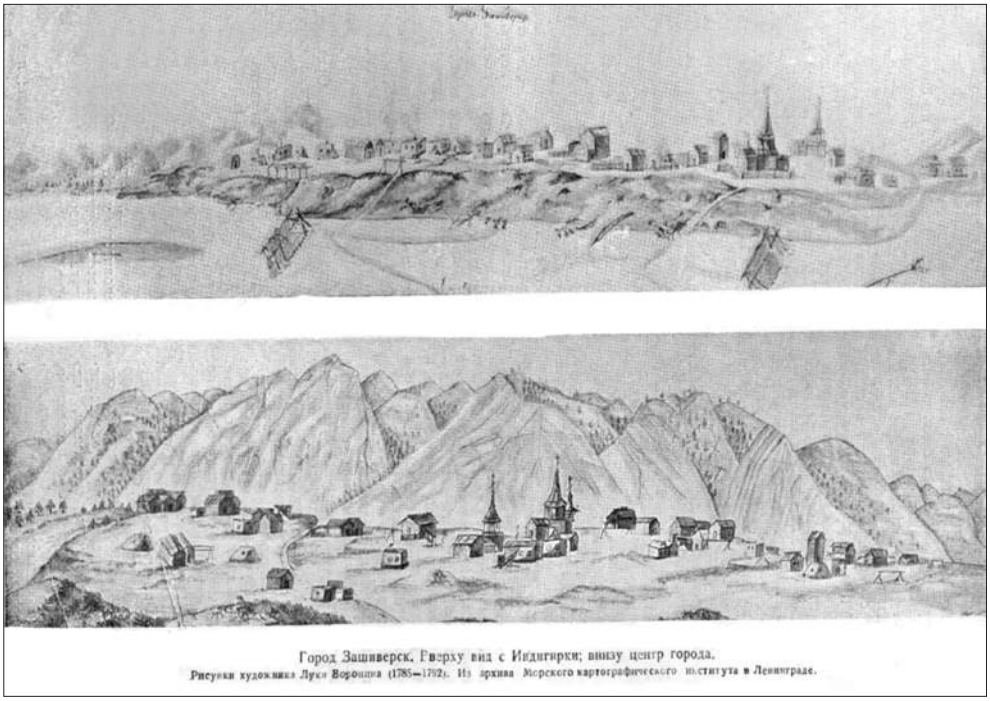
прибыл из Нижнеколымской крепости в сопровождении казаков, и ему удалось впервые собрать ясак и договориться с чукчами о российском подданстве. В этом важном событии приняло участие 580 чукчей. Предложение исправника Баннера о проведении ежегодных Анюйских ярмарок, преподношении подарков чукчам и принятии их в российское подданство было узаконено Екатериной II уже в следующем, 1789, г. Из казны отпускалось 143 руб., на которые до 1869 г. покупали в Якутске различный товар для одаривания чукчей через колымского исправника. На Ангарке была сооружена Анюйская крепость. Весенняя чукотская ярмарка собирала жителей самых отдаленных местностей. В обмен на русские товары привозилась пушнина, добытая на Чукотке, Камчатке и Аляске. Обороты ярмарки достигали 200 тыс. руб.

В 1805 г. Якутский округ преобразован в область. Вместо уездов образованы округа. В междуречье бассейнов рек Алазея и Колыма появился Колымский округ с центром в г. Среднеколымске. В нижнем течении р. Колыма образована Нижнеколымская волость.

В 1809 г. Анюйская крепость перенесена на Малый (Сухой) Анюй, в местечко Островное. Крепость, по описанию очевидцев, представляла собой деревянный забор с одними входными воротами — башней. Там размещались канцелярия, две казармы, Свято-Никольская часовня, несколько лавок и до 30 домиков и юрт. От Нижнеколымской крепости до нее было 250 верст.

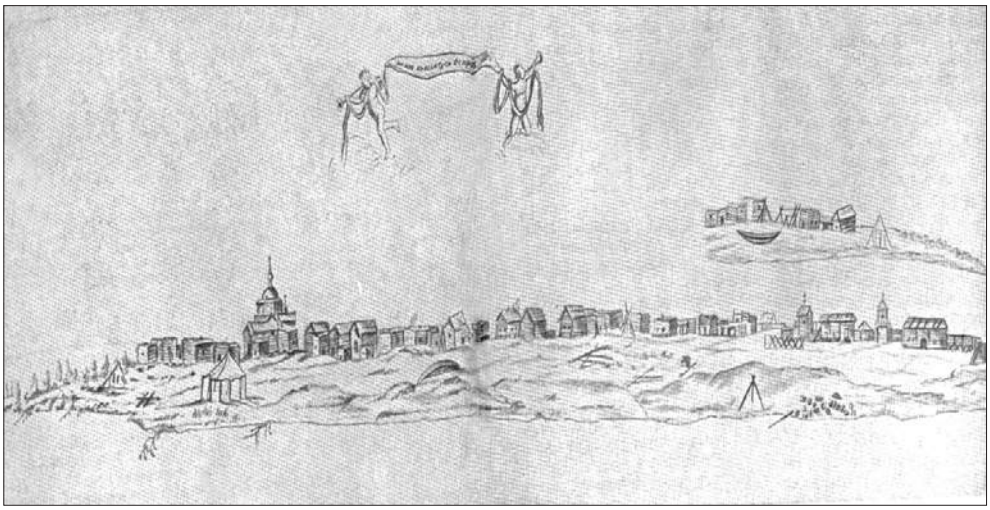


Стены Анюйской крепости. Реконструкция



Город Зашиверск — уездный центр с 1783 по 1804 г.

До начала ярмарки в Островное отправлялись нижнеколымские казаки, которые подготавливали местность: расчищали снег, заготавливали дрова, отапливали дома и оповещали участников торгов, поджидавших в Нижнеколымске, о приближении чукотских караванов. Торги длились от 3 до 6 дней. Об открытии ярмарки оповещал флаг над башней. Во время мероприятия священник Нижнеколым-



Вид Нижнеколымского острога. Рисунок Луки Воронина. XVIII в.

Федор Федорович Матюшкин, русский мореплаватель, участник экспедиции по северным берегам Сибири и Ледовитому морю под начальством Ф.П. Врангеля, 1829–1824 гг.

ключительно на наличные;

– должников исключали из числа посетителей ярмарки;

– устанавливалась твердая такса на шкуры бобров, лисиц, куниц и моржовый клык;

– запрещалось иметь при себе спиртное, при обнаружении его лицо лишалось навсегда права участвовать в ярмарке.

В 1822 г. в марте Анюйскую ярмарку посетил Ф.Ф. Матюшкин, участник Колымской экспедиции. Вместе с ним из Нижнеколымской крепости прибыли русские купцы караваном из 125 вьючных лошадей. В торгах приняло участие 300 чукчей. В то время торги устраивались через два года. За это время чукчи осуществляли переходы на оленьих упряжках до Чукотской Спасской церкви проводил обряд крещения, для чего у него имелась походная церковь.

С 1817 по 1870 г. на Чукотской ярмарке действовали торговые правила, учрежденные иркутским губернатором Трескиным. Главные параграфы определяли следующие правила:

– чукчи должны были располагаться отдельным лагерем, разрешалось посещение его только в дневное время;

– торговать должны были ис-

Чукотский воин. Рисунок Луки Воронина. XVIII в.

Вид Среднеколымского острога. Рисунок Луки Воронина. XVIII в.

Село Колымское — центр Халларчинской наслежной администрации Нижнеколымского района Якутии

кого полуострова, оттуда на байдарках совершали плавание через Берингов пролив к берегам Северной Америки, где меняли изделия из оленьих шкур и русские товары на меха и моржовый клык. Примерный перечень товаров чукотской ярмарки был таким:

Зарисовка Ф.Ф. Матюшкина, 24 мая 1822 г.

На ярмарке

русские товары — котлы, топоры, ножи, огниво, иглы, бисер, табак, курительные трубки, чай, сахар, материи, платки;

чукотские изделия — полозья из китовых ребер, мешки из тюленьей кожи, одежда меховая, моржовые ремни;

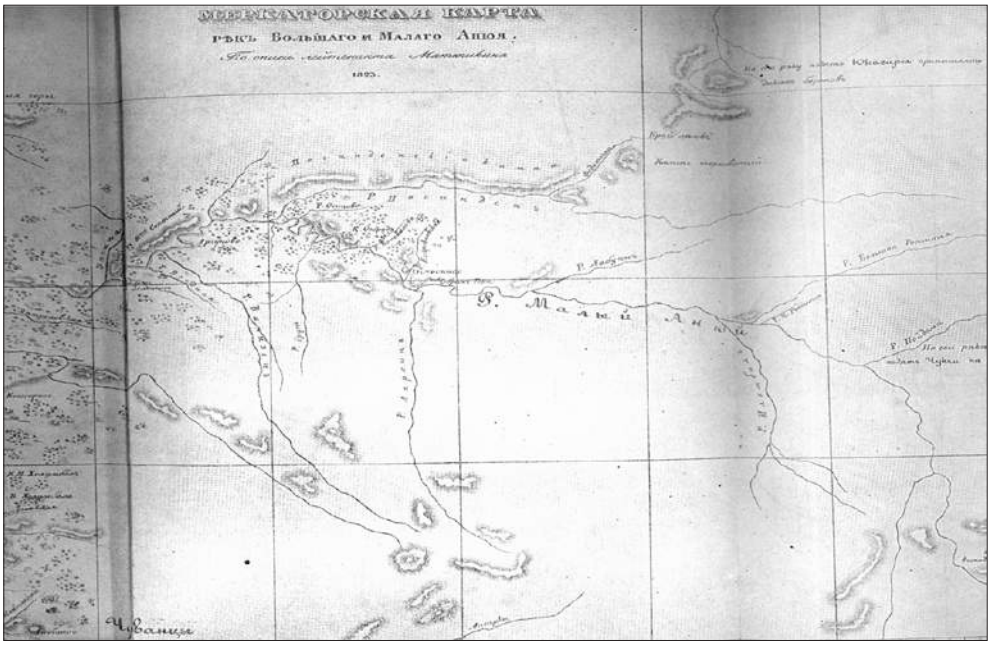
ламуты, тунгусы, юкагиры, коряки поставляли деревянные полозья, деревянные предметы из березовой древесины.

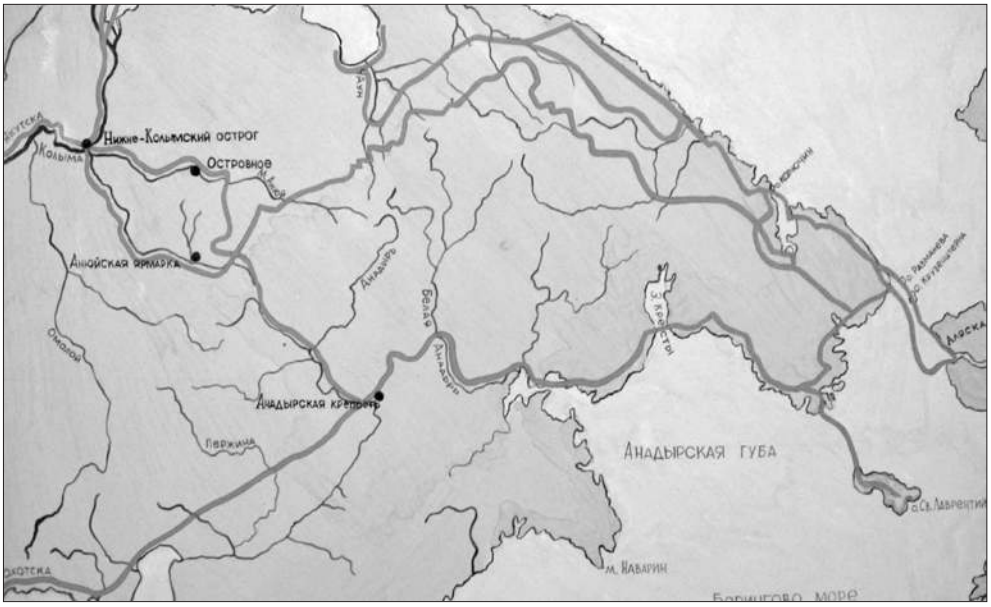
Меха, привозимые чукчами, черные и черно-бурые лисицы, песцы, куницы, выдры и бобры, нередки были медвежьи шкуры.

Перед началом торговли колымский исправник собирал купцов и чукотских старейшин, напоминал о правилах, собирал подати за право торговли, вместе устанавливали таксу, совершали торжественное богослужение, а колокольный звон означал начало торгов.

Во время ярмарки чукотские старейшины устраивали состязания, которые состояли из оленьих гонок, забега на 15 верст и борьбы. По поручению генерал-губернатора Восточной Сибири в 1866 г. посетил Анюйскую ярмарку барон Гергард Майдель. Ярмарка собрала более тысячи человек, в отличие от предыдущих впервые чукчам за ясак от правительства не было подарков, с 1867 г. они ясак должны были вносить ровдугами (оленьей кожей), им разрешено было перейти на запад от Колымы, т. е. освоить пастбища в междуречье Колымы и Алазеи.

После продажи полуострова Аляски США оборот ярмарки стал спадать, т. к. пушнину у жителей Чукотки стали скупать американские торговцы. Чукчи все реже и реже стали посещать Анюйскую крепость. В 1909 г. ярмарка для жителей края проводилась





Карта маршрутов с Нижнеколымского острога на Чукотку и Северную Америку в XVII – XIX в.

в местечке Пантелеиха, недалеко от современного райцентра пос. Черский.

Благодаря Анюйской ярмарке Колымский край был включен в систему Всероссийского рынка XVII–XIX вв., а чукотский народ стал посредником в торговых связях с жителями Северной Америки.

Литература

Беленкин И. О принятии чукоч в русское подданство // Северные просторы. 1988. № 3. С. 32.

Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. 1820–1824. Изд-во Главсевморпути, 1948.

Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск. М.: Наука, 1977.

Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. М.: Ополо, 1998.

Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Гергарда Майделя. СПб., 1894.

Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1952.

Е.В. Робонен (Красноярск)

Восточная Сибирь в системе российско-американских культурных связей в конце XX в.

До конца 1980-х гг. развитие международных культурных контактов Восточной Сибири проходило в рамках зарубежных связей СССР. Международное положение и внутриполитическая ситуация в стране накладывали отпечаток на сотрудничество в области культуры. Идеологизированность и политизированность культурных связей осложняли обмены. Особенно ярко эти тенденции проявлялись в советско-американских культурных контактах. В обеих странах проходила идеологическая проверка выезжавших за границу артистов. В СССР проводился двухнедельный инструктаж по вопросам развития марксистско-ленинской теории, идеологической борьбе на мировой арене с участием представителей МИД, ЦК КПСС, Министерства культуры СССР, Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). Эти мероприятия были обязательной, «неотъемлемой частью» поездок за рубеж, факт пренебрежения к требованиям мог стать причиной отклонения кандидатуры, несмотря на уровень подготовки гастрольной программы. В США организовывались семинары-брифинги «Адаптация к советской действительности», где также освещались вопросы внешней и внутренней политики СССР, шло обучение способам обходить дискуссии и острые проблемы в ходе поездок в Советский Союз. Политические соображения сказывались на тенденциозном подборе представителей культурного обмена. На одно из первых мест в советско-американских контактах выходили вопросы финансового обеспечения. Проблемой была неадекватная выплата гонораров зарубежным артистам за их выступления из-за низких цен на билеты в СССР. Так, в СССР и США разница стоимости составляла 5–6, а по другим показателям — 15–20 раз. Проявлялась проблема качественного дисбаланса в направлении в СССР из США исполнителей более низкого уровня, чем советских артистов, поскольку зарубежные исполнители отказывались от гастролей в СССР по причине низких гонораров. В самом СССР не хватало средств на дотирование обменов советских артистов.

Участие регионов в международном культурном сотрудничес-

тве было крайне ограниченным. Только единицы получали право представлять свою страну за границей. Прежде всего речь шла об исполнителях и коллективах, которые являлись образцами советской культуры и уже снискали себе мировую славу. К числу таких коллективов принадлежал созданный в 1960 г. Красноярский ансамбль танца Сибири под руководством М.С. Годенко. Его первые американские гастроли прошли в 1973 г. За следующие двадцать лет еще 4 раза танцоры из Красноярска выступали перед американской публикой. Они были одними из первых, кто разрушал складывавшиеся десятилетиями стереотипы о Сибири. После концертов ансамбля американцы говорили: «Несомненно, те представления о Сибири, которые у нас сложились, ошибочны. Не может быть сумрачной и безрадостной страна, которая взрастила такие живые цветы».

Еще одним препятствием на пути расширения международных контактов была закрытость некоторых советских городов. Так, до декабря 1990 г. Красноярск оставался закрытым для посещения иностранцев городом. Поэтому у Иркутска были иные стартовые позиции. Именно там находились Отделение ССОД (создано в 1960 г.) и Дом дружбы с народами зарубежных стран (создан в 1971 г.). Из материалов Центра документации новейшей истории Иркутской области явствует, что во второй половине 1980-х гг. ежегодно в Иркутск приезжали делегации из США общей численностью более 150 чел. [1].

Перестройка в СССР определила основные направления и формы интернациональных связей сибирской культуры. Ослабление политического диктата постепенно вело к расширению культурных контактов. В отчете Министерства культуры СССР за 1986 г. отмечалось: «...Наступил новый этап в советско-американских отношениях в области культурных обменов... Советское присутствие в США стало заметным и постоянным фактором культурной жизни американского общества, причем не только в основных центрах страны, но и в американской глубинке, получило широкое и преимущественно позитивное освещение в американских СМИ, способствовало ознакомлению широкого круга американской общественности с достижениями советской культуры и искусства» [2].

Большое влияние политические процессы в СССР оказали на развитие связей в области фотоискусства. Именно фотография, способная запечатлеть и показать повседневную жизнь людей, перемены в обществе, оказалась востребованной в тот период. Частыми гостями в Сибири становились иностранные фотомастера, которые не только проводили здесь съемки, чтобы затем представить этот материал у себя на родине, но и устраивали показ своих работ в Сибири. 1991 г. стал годом осуществления крупномасштабного фотопроекта, в котором приняли участие фотографы

СССР и США. Конкурс «Калифорния — Сибирь» был учрежден Фондом института фотографии Брукса. Интерес профессиональных американских фотографов и западных фирм к Сибири вызвали выставки работ красноярцев, экспонировавшиеся в ЧССР, Великобритании, Индии. Одна экспозиция обошла на кораблеуниверситете «Вселенная» весь мир и осталась в США. В рамках проекта прошли съемки в двух странах, выставки, конкурс в СССР. Этот проект стал самым крупным за всю историю в области фотографии между нашими странами. Директор молодежного центра крайкома ВЛКСМ А. Воеводин назвал его «наш фотографический „Союз — Аполлон“» [3]. Посредством фотографии развеивались стереотипы, что Сибирь — это край вечной мерзлоты, что Транссиб проложен по длинной просеке в глухой тайге, что города расположены на больших полянах в лесных дебрях, что здесь по улицам бродят медведи и другие дикие животные. С помощью фотографии для Запада создавался достоверный материал о перспективах вложения средств в сферу туризма и другие отрасли Восточно-Сибирского региона.

Изобразительное искусство Сибири на Американском континенте представляли художники из Иркутска (Б.Т. Бычков, Л.Б. Гимов, А.М. Муравьев, В.И. Несынов, В.С. Рогаль, В.Г. Смагин, А.С. Шипицын) и Красноярска (В.С. Бухаров, В.А. Пилипчук, А.В. Сорокин). Ведущими темами были пейзажная и портретная живопись. Енисейское раздолье, «священный Байкал», манящая тайга, величавые горы, безбрежная ширь тундры служили прекрасным источником вдохновения для сибирских живописцев и графиков. Именно через такие полотна иностранцы могли почувствовать величие сибирской природы и силу духа людей, живущих здесь. В отличие от парадно-официального советского искусства тема природы и человека всегда была востребована на Западе.

Музыка являлась одним из самых эффективных направлений международного сотрудничества. Для Восточной Сибири она стала динамичной и масштабной сферой взаимоотношений с другими странами. Однако десятилетиями структура артистических обменов была неизменной по форме и содержанию. Значительные по объему, они оставались однобокими, поскольку ограничивались классическим и фольклорным направлениями. С другой стороны, традиции народа, его история, сохранившиеся в музыке, вызывали интерес и уважение к культуре этого народа у представителей других народов.

В годы перестройки международные музыкальные связи Восточной Сибири становились шире, разнообразнее, интенсивнее. В Иркутской области основную работу по организации международных гастролей выполняло Музыкальное общество, которое внесло вклад в укрепление культурных связей между СССР и США. Оно

принимало в Иркутске мужской хор Йельского университета, на концертах которого звучала русская музыка различных эпох; ансамбль «С новой песней вместе», целью которого, по словам его руководителя Д. Клэппа, являлся «диалог между нашими народами с помощью музыки». Музыкальное общество организовало поездку иркутского камерного хора в США (штат Массачусетс), концерты которого стали объектом внимания американских средств массовой информации и транслировались по каналам телевидения Си-Би-Эс [4].

Долгие годы в СССР рок и джаз не считались официально признанными музыкальными жанрами, поэтому не одно десятилетие шла борьба за их самоутверждение. Это не стало преградой для тех, кто любил, понимал и хотел слушать роковую и джазовую музыку. Еще в 1982 г., когда в Иркутске проходила встреча советской и американской молодежи, американцы были приятно поражены, что в нашей стране знают и любят современную музыку. После посещения антивоенной рок-оперы «Сон о мире» (композитор А. Морозов) в исполнении ансамбля «Ариэль» музыкант из г. Фоллс Черч (штат Вирджиния) Дж. Кэролл говорил: «Мы поняли в Сибири: нападать на нас вы не намерены» [5].

В начале 1980-х гг. Красноярск стал своеобразным центром «джазового движения». Здесь начали проводиться регулярные фестивали «Джаз над Енисеем», увеличилось число джазовых музыкантов. Появился термин «сибирский джаз». В 1986 г. открытием года были признаны пианист из Красноярска Б. Толстобоков и его квартет додекофонической музыки под управлением А. Куца. Тогда же зарубежные музыкальные журналы, некоторые выпуски международного джазового обозрения «Джаз Форум» поместили на своих страницах статьи и сообщения, общий смысл которых сводился к вопросу: «Сибирский джаз? Миф или реальность?» [6]. Такое внимание к музыкантам из Сибири подтверждало их высокий профессионализм, незаурядное исполнительское мастерство, доказывало, что сибирский джаз имеет право на существование. Признанием данного факта стал международный фестиваль «Джаз и фольклор, Абакан-89», на который собрались музыканты из СССР, США и других стран. Это был первый в нашей стране и в мире фестиваль, который объединил в своих программах коллективы, строившие композиции на народной музыке.

Северную Америку покорил лучший детский хор Красноярска под управлением Л.Г. Стебеньковой. В 1989 г. Красноярский детский хор впервые пересек океан по программе «Послы дружбы» и выступил в университетах и школах штатов Массачусетс, Пенсильвания, городах Нью-Йорк, Нью-Джерси, Вашингтон. С 1991 г. с сибирским коллективом стал работать знаменитый канадский продюсер Джордж Цуккерман, многие годы сам игравший в круп-

нейших европейских оркестрах с лучшими музыкантами мира. В 1990-е гг. трижды организовывались гастроли хора в Северной Америке. Сибирские дети объехали более двух десятков американских штатов и более десяти канадских провинций. Во многих городах их встречали самые высокие административные чины, а газеты не жалели хвалебных эпитетов в их адрес. Вершиной признания сибирского хора в Канаде стало, к сожалению, нереализованное предложение российского посольства принять участие в культурной программе встречи двух президентов — Б.Н. Ельцина и Б. Клинтона. Эта поездка не состоялась лишь потому, что не приехали жены президентов, которые занимались культурными программами. Однако сам факт существования подобного предложения говорил о многом.

Выступления сибирских музыкантов иногда оказывали сильное влияние на развитие музыкальной культуры зарубежья, например, гастроли в г. Юджине (США) С.А. Мелкоступовой и иркутского камерного хора. В газете «Речистер Герд» появилась статья об их концерте: «Закройте глаза, когда С. Мелкоступова откроет уста, и вам покажется, что вы находитесь в комнате полной оперных певцов мирового класса». В результате визита иркутян был создан местный ансамбль для исполнения славянской музыки — Орегонский славянский хор [7]. Отметим, что в 1988 г. Иркутск и Юджин стали городами-побратимами [8].

Воспитанник Московской консерватории, стажер Академии Верди в Италии, оперный певец из Братска С. Селезнев стал обладателем статуса США «extraordinary ability». После удачи на фестивале в Сан-Франциско он получил американское гражданство как выдающийся артист современности, хотя этого статуса в основном удостаивались нобелевские лауреаты.

Из симфонических оркестров региона с гастролями в США выступал только оркестр Иркутской областной филармонии (дирижер О.Е. Зверев). Как один из лучших коллективов иркутский оркестр был включен в энциклопедию «Музыкальная Америка».

В 1990-е гг., когда начался подъем национального искусства в стране, Республики Тыва и Хакасия стали активно развивать и продвигать на всероссийский и международный уровень самобытную культуру своих народов — горловое пение (хоомей). В 1992 г. в Кызыле прошел I Международный музыковедческий симпозиум, который получил финансовую поддержку ЮНЕСКО. Эта всемирная организация признала музыкальную культуру тывинского народа «частью драгоценного общего наследия человечества». Тывинские горловики являлись постоянными участниками международных фольклорных фестивалей. Солисты одной из самых знаменитых в Тыве фольклорных групп «Хун-хурту» объездили весь мир. Во время гастролей музыкантов в США в 1993 г. решением руководс-

тва штата Калифорния 6 февраля в Сан-Франциско было объявлено днем Тывы, а сенатор Квентин Копп вручил артистам документ, подтверждающий это [9].

В силу своей природы театр всегда был включен в мировой процесс. Во все времена самой распространенной формой его участия в международном сотрудничестве оставалась практика наполнения репертуаров театров постановками произведений зарубежных авторов. Сибирские театры включали в свои репертуары пьесы американских авторов. Например, на сибирских сценах были поставлены пьесы Юджина О'Нила «Любовь под вязами», О. Бауэра «Случай в метро», Э. Олби «Кто боится Вирджинии Вульф?», Б. Слейда «Через год, в тот же день» и др.

Непосредственные международные контакты сибирских театров в рассматриваемый период были развиты слабо. По инерции продолжала действовать укоренившаяся за десятилетия в Советском Союзе практика направления за границу артистических трупп столичных театров, уже снискавших мировую славу, а значит, гарантировавших успех мероприятия. Вести провинциальный театр на зарубежные гастроли было рискованно. Кроме того, трудности были связаны с проблемами организационно-финансового характера.

Важным аспектом в театральных обменах являлись различия в тенденциях театрального искусства в России и США, в тематике, формах и методах драматического творчества, зачастую несовместимость проблем, интересов и идеалов. Эти трудности вытекали из глубоких различий в социально-экономической жизни стран. Нам не удалось найти сведений, подтверждающих, что профессиональные сибирские драмтеатры имели опыт зарубежных гастролей до 1990-х гг. Позже ситуация изменилась, но не существенно.

В 1993 г. в Красноярске прошел второй российско-американский симпозиум «Стратегия и тактика выживания некоммерческого театра в современном мире», на который собрались директора и художественные руководители театров Вашингтона, Далласа, Милуоки, Олбани, Санкт-Петербурга, Москвы, Омска и Красноярска. Были подняты проблемы изменения структуры театра, проведения более привлекательной репертуарной политики для привлечения зрителей в залы. Обсуждался важный вопрос совместных творческих проектов. По мнению главного режиссера красноярского драмтеатра С.Д. Черкасского, основным выводом встречи стала мысль о том, что «работать в сфере культуры и не ездить по миру — это варварство и дилетантство» [10]. В результате состоялся визит С.Д. Черкасского в США и были проведены переговоры об обменных гастролях с Шекспировским театром в Вашингтоне и обмене постановщиками с театром в Олбани.

Иркутский драмтеатр в 1995 и 1998 гг. выезжал в США. Ин-

терес к нему русскоязычной американской публики вызвал спектакль «Из Америки с любовью» по пьесе иркутской писательницы Нелли Матхановой. За основу была взята реальная история любви американского ветерана войны к русской женщине. Организатором гастролей оба раза становился американский гуманитарный общественный фонд «ЭРРОУ». Он три года занимался пропагандой идеи и сбором средств для поездки иркутян. Успеху сопутствовало и то, что заранее театр представили автор пьесы и вдова прототипа главного героя Сильвио Склоччини, рассказавшие о его истории и традициях, об актерах и репертуаре [11]. В рамках гастролей в 1998 г. педагоги Иркутского театрального училища провели открытые уроки по мастерству актера в ряде колледжей Филадельфии и Огайо.

Сразу вспомнилась и другая история любви, которая послужила основой для создания великолепной рок-оперы «Юнона и Авось». Ее героями были камергер императорского двора, посол в Японии при Александре I Н.П. Резанов и его возлюбленная дочь губернатора Аляски Кончита Аргуэлло. В 1995 г. в Красноярске в издательстве «Офсет» вышла книга «Командор. Страницы жизни и деятельности Его Императорского Величества действительного камергера, руководителя I русской кругосветной экспедиции Н.П. Резанова». Во время визита президента США Б. Клинтона в Россию это издание было подарено ему. Осенью 2000 г. в Красноярск на могилу командора американские полицейские привезли розу и землю с могилы Кончиты, что стало ответом на подобную акцию красноярцев.

Артисты Иркутского театра музыкальной комедии в 1995 г. выступили в США. Их визит был связан с участием во всемирном форуме ротарианских клубов, проходившем в Анкоридже (Аляска). Ротарианские клубы — сообщества ведущих бизнесменов и специалистов, представляющих в них определенную отрасль, — уже давно существовали в разных странах мира. В 1990 г. в состав международной ассоциации вошел иркутский клуб. В рамках их деятельности осуществлялись обмены, в том числе знакомившие с культурой той или иной страны или региона. По словам члена иркутского клуба В.К. Шагина, «все номера иркутян проходили на „бис“... Марку Иркутского музыкального театра мы держали достойно. Нас узнавали на улицах, приветствовали, обнимали...» [12].

Одно из первых мест в системе международных культурных связей Восточной Сибири занимало танцевальное искусство. В данном случае речь идет прежде всего о народных сибирских танцах, которые наши ансамбли сохранили и сделали достоянием всех, не дав этим сокровищам затеряться под слоем времени в укромных и далеких уголках Сибири. Как уже отмечалось выше, пальма первенства

здесь принадлежала Ансамблю танца Сибири под управлением М.С. Годенко. За ним последовали красноярские ансамбли «Енисеюшка», «Красноярье», «Орленок».

С 1991 г. в США начал проводиться ежегодный Всемирный джазовый конгресс. С 1996 г. «Свободный балет Валерия Терёшкина» (Красноярск) стал принимать в нем участие. Несмотря на то, что первые два года на россиян смотрели «с опаской», красноярские танцоры доходили до финала и брали призы. В 1996 г. в Вашингтоне они получили денежный приз «за оригинальную композицию», а на следующий год удостоились второго места в молодежном конкурсе. Главный пьедестал всегда занимали американцы. 1998 г. стал переломным, так как балет из Красноярска смог первым в мире «отодвинуть» хозяев конгресса. В.Б. Терёшкин назвал «Бронзовую туфельку Лео» «самой большой наградой», ведь «американцы так просто пьедестал не отдают». После этой победы В.Б. Терёшкин был приглашен в штат Мэн известной в Америке исполнительницей джазового танца 85-летней Эллен Куппер и дал несколько мастер-классов, поработал с маленькими детьми, а по возвращении в Красноярск открыл детскую студию. Очарование молодости, стильность, яркость и оригинальность коллектива привлекали зарубежных зрителей. Балет получил диплом американской школы джазового танца, прошел стажировку у ведущих педагогов по современной хореографии в США [13]. Главный приз конгресса танцоры увозили в Красноярск и в последующие годы.

Во второй половине 1980-х гг. стал открываться тот пласт духовной культуры, доступ советского зрителя к которому ранее был невозможен. В кинотеатрах начали демонстрировать иностранные фильмы, в том числе американские, удостоенные призов самых престижных международных кинофестивалей. В 1988 г. сибиряки посмотрели фильм Милоша Формана «Полет над гнездом кукушки», завоевавший 5 «Оскаров» и сразу названный «произведением искусства». Он давал конкретное и в то же время философское представление о целой стране — Америке. Очевидно, показ подобных фильмов был веянием времени, и он стал возможен именно в условиях гласности.

С другой стороны, в тот момент впервые возник вопрос о качестве ввозимых фильмов, так как к нам широким потоком хлынули второсортные и третьесортные картины, пропагандировавшие насилие, эротику, самые дурные качества человеческой натуры.

В Советском Союзе в годы перестройки возрос интерес к документальному кино, отражавшему жизнь современного общества. Активно творили сибирские режиссеры на Красноярской киностудии, Восточно-Сибирской студии кинохроники. Советская кинодокументалистика оказалась востребованной на Западе. В 1989

г. делегация советских режиссеров проехала по городам США с программой кинофестиваля «Гласность», познакомившего американцев с лучшими советскими документальными фильмами, созданными в том числе и на Востсибкинохронике. Организатором выступил советско-американский фонд «Культурная инициатива». Эта акция получила отклик в США. В 1990 г. в Москве, Иркутске, Симферополе прошел фестиваль американских документальных фильмов, которые представили лауреат «Оскара» Р. Эпштейн, продюсеры и режиссеры С. Эндрю, К. Бауэр, Дж. Моррис. О значении фестиваля сказал один из его организаторов Э. Барноу: «Надеемся, что это поможет изгнать дух тех времен, когда искусственные ограничения с обеих сторон делали все, чтобы лишить нас возможности контакта» [14].

В 1990-е гг. деятели культуры и искусства Восточной Сибири и США дважды встречались на проводимых в Красноярске Международных музыкальных фестивалях стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Эти фестивали были призваны содействовать международному сотрудничеству в области музыкального и хореографического искусства в целях укрепления дружбы и взаимопонимания между народами, укреплению контактов между странами, изучению и приумножению национальных традиций и культур. После I фестиваля в 1992 г. началось сотрудничество американского дирижера Мартина Пьецуха с красноярскими музыкантами. III фестиваль, намечавшийся на 1998 г., не состоялся из-за экономических проблем.

Развивались контакты Восточной Сибири и США в области литературы и книжного дела. Литература американских писателей всегда была представлена в библиотеках региона. Американцы, посещавшие Сибирь, удивлялись, что даже в небольших сибирских городках в библиотеках были книги Твена, Драйзера, По, Хемингуэя, Фолкнера, Хейли и что «книги не простаивали на полках, их читали...» [15].

Произведения сибирских писателей переводились на английский язык, но в этом вопросе со всей ясностью прослеживался субъективный фактор. За границей главным образом печатались уже признанные в своей стране и за ее пределами авторы. Так, литература Восточной Сибири была представлена именами В.П. Астафьева, Р.Х. Солнцева, В.Г. Распутина и некоторых других писателей. В конце 1980-х гг. в вышедший в США сборник «100 лучших пьес мира» вошли «Честные глаза Вепрева» Р.Х. Солнцева и была разъяснена история их постановки в Театре Советской Армии в Москве (политуправление Советской Армии посчитало пьесу антисоветской, но ее не закрыли, так как начала проводиться в жизнь политика гласности).

В 1997 г. в Иркутске был открыт Гуманитарный центр им. По-

левых. Один из членов этого почтенного рода, гражданин США Л.С. Полевой завещал Иркутску личную библиотеку (10 тыс. томов, 15 тыс. журналов), которую он собирал на протяжении всей своей жизни. Иркутск был выбран не случайно, так как являлся родиной предков дарителя. Кроме того, на протяжении 9 лет известный иркутский поэт Марк Сергеев переписывался с Л.С. Полевым. Одновременно велись переговоры с местной администрацией, так как передача книг была возможна только при условии, что Гуманитарный центр получит отдельное помещение, где разместится вся библиотека. Презентация Центра состоялась в декабре 1997 г. в посольстве США в Москве. Этот высокий уровень отношений свидетельствовал о значимости дара, а также служил делу укрепления культурных связей между США, с одной стороны, и Россией и Иркутском — с другой [16].

В это время в Красноярске узнали о крупном сибирском промышленнике прошлого И.В. Кулаеве. Оказавшись после 1917 г. в США, Кулаев создал фонд и активно помогал русской эмиграции. Им была собрана большая коллекция книг русских философов, поэтов «Серебряного века» и др. В 1997 г. в Красноярск приехали представители Кулаевского фонда и передали в дар краевой библиотеке более 400 книг. Эта акция прошла при поддержке директора крупнейшего зарубежного русскоязычного издательства «ИМКА-Пресс» (Париж) Н.А. Струве [17].

В 1999 г. в Красноярск вернулся после почти векового отсутствия каталог знаменитой библиотеки Г.В. Юдина, который был передан в дар Краевой библиотеке от Библиотеки Конгресса США на III Биеннале. Однако еще с середины 1980-х гг. в Красноярске стали неожиданно получать посылки с юдинскими книгами, возвращенными в Россию в порядке международного книгообмена. Всего было получено более 300 книг. Известно, что каталог сибирского купца и библиофила Г.В. Юдина был перевезен в Америку в 1907 г. вместе с проданным книжным собранием. Библиотека оказалась за океаном, когда царское правительство не нашло средств для ее покупки. Американцы оценили ее по достоинству. Президент США Т. Рузвельт писал директору БК Г. Пэтнаму по этому поводу: «Вы поступили очень мудро — и каждый американский ученый должен быть Вам лично признателен... Этим поступком Вы обеспечили Библиотеке Конгресса ведущее место в этой области не только в США, но, поскольку мне известно, и где бы ни было за пределами России» [18]. Книжное собрание Г.В. Юдина положило основу добрым партнерским отношениям между Библиотекой Конгресса США и Красноярской краевой библиотекой.

Таким образом, во второй половине XX в. наблюдалось поступательное развитие международных культурных связей Восточной

Сибири и США. Если в 1980-е гг. эти контакты еще зависели от политической конъюнктуры, были слишком идеологизированы, то в 1990-е гг. была дана полная свобода их расширению. Однако возникали проблемы финансового характера. Несмотря на трудности, развитие культурного сотрудничества не было приостановлено. По всем направлениям очевидна диспропорция в обменах: культура США намного шире была представлена в Сибири, чем наша культура «за океаном». Следует отметить также несистематичность контактов, многие из них имели разовый характер. К сожалению, статистика подобного рода не велась, что осложняет работу исследователя и не позволяет делать более объективные выводы. Между тем, на наш взгляд, динамика была положительная, был сделан мощный задел для культурного сотрудничества, которое получило развитие в последующие годы и имеет место в настоящее время.

Примечания

1. ЦДНИИО. Ф. 2883. Оп. 1. Д. 209. Л. 13; Д. 222. Л. 64.
2. РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 1772. Л. 23.
3. Красноярский рабочий. 1991. 22 нояб. С. 4.
4. ЦДНИИО. Ф. Р-2939. Оп. 1. Д. 165. Л. 6; Д. 178. Л. 7; Ф. Р.-2883. Оп. 1. Д. 212. Л. 31.
5. Сибирь — какой ее видит мир: сб. ст. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. С. 418.
6. Советская Хакасия. 1987. 5 апр. С. 4.
7. Восточно-Сибирская правда. 1994. 22 окт. С. 9.
8. ЦДНИИО. Ф. Р-2883. Оп. 1. Д. 228. Л. 2.
9. Тувинская правда. 1993. 25 марта. С. 1.
10. Трасса. 1994. № 5. С. 95–99.
11. Восточно-Сибирская правда. 1998. 24 февр. С. 6.
12. Там же. 1995. 25 окт. С. 4.
13. Аргументы и факты на Енисее. 2000. № 50. С. 3.
14. Восточно-Сибирская правда. 1990. 20 мая. С. 4.
15. Сибирь — какой ее видит мир. С. 418.
16. Вклад семьи Полевых в культуру России: науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. 50 с.
17. Красноярский рабочий. 1997. 21 июня. С. 3.
18. Книжное обозрение. 1999. 15 июня. С. 19.

В.А. Самсонова (Якутск)

Библиографический указатель «Michail Z. Vinokouroff»

Михаил Зиновьевич Винокуров, родившийся в г. Якутске в 1895 г., происходил из семьи священников, служивших в Русской Америке. В 1919 г. эмигрировал в Японию и затем в США, где устроился на работу в Библиотеку Конгресса и проработал там, как он сам пишет, «ровно тридцать лет и три года» [1]. В США известен как библиофил и библиограф русской литературы.

Впервые о нем и о его коллекции нам стало известно из статьи Р. Пирса, напечатанной в журнале «Полярная Звезда» в 1992 г. [2]. А затем во время поездки автора в г. Фэрбенкс штата Аляска США в библиотеке Университета с помощью коллег-библиотекарей удалось познакомиться с частью данной коллекции, переведенной на микрофиши. Нас в основном интересовало наличие документов о Якутии.

В последующие годы другие исследователи из Якутии работали с данной коллекцией. Особенно необходимо отметить работу О.Д. Якимова, профессора ЯГУ, который написал книгу «Человек из небытия» [3]. Интересны и впечатления писателя В.Е. Васильева-Харысхаала о знакомстве с коллекцией М.З. Винокурова в г. Джуно [4].

Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) получила в подарок от коллег из Библиотеки Университета «Библиографический указатель коллекции М.З. Винокурова» на английском языке [5]. К сожалению, им в основном пользовались лишь исследователи. Нам бы хотелось ознакомить с содержанием данного указателя более широкую аудиторию. Перевод указателя на русский язык выполнен Е.И. Бурцевой — сотрудницей отдела иностранной литературы.

В предисловии к указателю сказано, что в 1983 г. Библиотека штата Аляска приобрела большую коллекцию материалов Михаила Винокурова, состоящую из книг, рукописей, журналов, фотографий и других документов, касающихся Восточной Сибири и Русской Америки, Русской православной церкви, жизни русских эмигрантов в Америке, эмигрантской литературы и других материалов.

Многие книги, справочные издания, относящиеся к Аляске и Восточной Сибири, были каталогизированы и вошли в фонды биб-

лиотеки Аляски. Некоторые книги и журналы были переданы другим библиотекам Аляски. Также Университетская библиотека штата Иллинойс в г. Урбана — Шэмпейн пополнила свою обширную Русскую коллекцию разнообразными сериальными изданиями.

Особо сохраняются рукописные материалы, а также материалы на якутском языке, различные вырезки, копии и папки с фотографиями, репродукциями, гравюрами, картами и другими материалами. Классификация коллекции была затруднена разнообразием как печатного, так и рукописного материала. Для обработки коллекции понадобилась помощь специалистов по русскому языку, а также по истории Аляски и России.

Много сил и времени вложила Антуанетт Шэлкоп, которая работала в Библиотеке Конгресса США и была лично знакома с Михаилом Винокуровым, и она же способствовала передаче коллекции штату Аляска. Ею произведена первичная сортировка материала и составлен предварительный перечень в 1984 г. Доктор Лидия Блек, профессор антропологии в Фэрбенкском университете, разобрала и описала архивы Русской православной церкви, публикации по этнологии и коренным языкам Аляски. Доктор Ричард А. Пирс, историк, специалист по Русской Америке, помогал в сортировке и описании личного архива М. Винокурова, привел в порядок и описал циркуляры и брошюры. Аббат Герман из Ново-Валаамского монастыря по собственному желанию описал и классифицировал корреспонденцию отца Герасима (Шмальца). Кроме того, от соответствующих специалистов были получены рекомендации по микрофильмированию материала.

Обработка такой значительной коллекции заняла несколько лет, и за это время материалы прошли несколько этапов обработки и описания, побывали во многих руках. Проведена очень большая и сложная работа. Проект по описанию коллекции М. Винокурова был поддержан сенатором Джалмаром Керттулы.

Таким образом, данный указатель содержит описание коллекции М.З. Винокурова, его биографию, написанную доктором Р. Пирсом, и обращение «Это нужно сделать!» М. Винокурова о подготовке библиографии всех публикаций на русском языке, выпущенных в Америке, а также биобиблиографического справочника русских писателей и богословов, живущих в Америке. Это обращение было напечатано в газете «Правда», печатном органе Общества русских профсоюзов, в 1928 г. и переведено Р. Пирсом на английский язык специально для данного указателя, чтобы показать, какие усилия прилагал М. Винокуров для того, чтобы задокументировать письменное наследие русской эмиграции. Возможно, в будущем номере нашего журнала мы сможем поместить это обращение нашего земляка, как пример библиографического подвижничества. Далее идет описание коллекции: содержание и хронологические рамки, затем

список материалов, содержащихся на микрофишах. В конце даны указатель персоналий, списки фотографий и иллюстраций.

Основные разделы указателя: Личные документы; Сборники; Библиотека Конгресса (1921–1956); Русская православная церковь; Исследовательские, справочные материалы; Сибирские сериальные издания (1906–1919 и б.г.); Тетради (рукописные копии); Русские эмигранты: организации, культура; книготорговля; Русские эмигранты и писатели; Периодика на русском языке (1894–1979 и б.г.); Вырезки и копии; Папка с библиотечными данными; Периодические издания Русской православной церкви (1863–1972); Календари на русском языке (1847–1984); Детская литература на русском языке; Избранные публикации; Репродукции, гравюры, картографические документы и т.п. Одно лишь перечисление разделов указателя и знакомство с ними говорят нам об огромном исследовательском и библиографическом труде Михаила Винокурова, который через многие годы стал известен и его землякам в далекой Якутии.

В коллекции М.З. Винокурова имеются материалы и о его родине — Якутии, предварительный анализ которых дан в статьях автора «Якутская книга в США: поиски и находки»; «Михаил Винокуров и его коллекция якутских изданий в США» [6]. В данном сообщении хотелось бы обратить внимание коллег на Михаила Винокурова как на библиографа-краеведа, который, если так можно выразиться, был иностранным гражданином, но родом из Якутии. Как нам известно из архивных материалов, у основателя краеведческой библиографии Якутии Н.Н. Грибановского была картотека с более чем 900 карточками на иностранные издания о Якутии, которая считалась утерянной, но недавно обнаружена научным сотрудником НБ РС (Я) В.Н. Павловой в Санкт-Петербургском филиале РАН во время экспедиционной поездки по сбору материалов о Н.Н. Грибановском. Есть версия, что часть материалов могла быть получена при помощи М. Винокурова, так как исследование библиографии М. Винокурова и архивные материалы Н. Грибановского показали, что они состояли в переписке.

В коллекции М. Винокурова есть и материалы о Сибири, например, периодические издания Сибири с 1909 по 1919 г. Например, «Енисейское слово» за 19 ноября 1906 г., издававшееся в г. Красноярске; «Иркутская незабудка» — литературно-юмористический журнал, издававшийся в Иркутске, «Камчатский вестник» и «Камчатский листок», издававшиеся в г. Петропавловске-Камчатском.

В 1996 г. научной библиотеке Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова были переданы 125 микрофиш, содержащих документы и материалы из семейного архива Винокуровых. Это в основном документы, касающиеся Русской право-

славной церкви, например, наставления миссионерам, епископские пасторские послания, проповеди священников, отчеты об образовательной деятельности и т. д. Время охвата материала — 1764–1972 гг. Эти документы также были известны из библиографии М. Винокурова, но микрофиши дали возможность познакомиться с самими документами, которые представляют особую ценность для исследователей.

В заключение хотелось бы сказать о том, что материалы коллекции М.З. Винокурова должны быть изучены более детально, тщательно и стать достоянием общественности.

Примечания

1. Gurney Gene. The Library of Congress: a picture story of the world's largest library / With special photography by Harold Wise. New York: Crown Publishers, [1966]. P. I.

2. Пирс Р. М.З. Винокуров — эмигрант, ученый и библиофил / пер. А. Ташлыковой // Полярная звезда. 1992. № 3. С. 160–164.

3. Якимов О.Д. Человек из небытия. Якутск, 1995. С. 5.

4. Борисова А. Тени исчезают во вчерашнем дне //Якутия. 2001. 14 сент. С. 4.

5. Michail Z. Vinokouroff: A profile a inventory of his papers (Ms 81) a. photographs (PSA 243) in the Alaska Historakal Library / Projekt coordinator a. ed. Louise Martin. Juneu (Alaska), 1986. 164 p.

6. Библиографический указатель: «Michail Z. Vinokouroff» / В.А. Самсонова // Вест. Нац. б-ки Респ. Саха (Якутия). 2003. № 1. С. 105–108; Якутская книга в Америке: Поиски и находки // Якутия — форпост освоения Северо-Востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII – XX века). Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН. 2004. С. 200–204.

7. Павлова В.Н. Николай Николаевич Грибановский: библиограф-краевед и общественный деятель (1880–1942) / отв. ред. С.В. Максимова; М-во культуры и духов. развития, Нац. б-ка Респ. Саха (Якутия). Якутск, 2005. С. 105.

О.И. Сергеев (Владивосток)

Русская православная церковь в Северной Америке в первой половине XX в.*

История русского православия в Северной Америке в первой половине XX столетия — лишь часть более чем 210-летней истории РПЦ на этом континенте. Но часть эта весьма значимая, насыщенная многими событиями, людскими судьбами, количественными и качественными изменениями. В целом эта история включает в себя четыре этапа. Первый связан с возникновением и развитием американских колоний России, появлением здесь русских миссионеров, православных храмов, включением их в структуру православной церкви Российской империи. Второй этап наступил после продажи этих колоний Соединенным Штатам в 1867 г. Русская православная церковь здесь продолжала развиваться, но уже в условиях зарубежья. При этом сохранялись теснейшие связи с церковью России, в том числе организационные, кадровые, финансовые. Третий этап был обусловлен революциями 1917 г. в России и последующими событиями, а его основным содержанием являлся глубокий раскол русского православия, его деление на отечественное и зарубежное. Этот этап по времени был самым длительным, и завершился он в основном лишь в начале XXI в. Подписанный в мае 2007 г. «Акт о каноническом общении между РПЦ и РПЦЗ» стал конечной гранью третьего этапа и одновременно началом нового, современного этапа.

Первые русские миссионеры поселились на суровой американской земле, среди языческого местного населения, в самом конце XVIII в. В 1794 г. был воздвигнут первый русский православный храм в Америке, на острове Кодьяк. До 1867 г. православная церковь действовала в американских колониях России как составная часть единой общероссийской церковной организации. Структурное оформление РПЦ на американской земле во многом было связано с именем Иоанна Вениаминова, которому удалось убедить членов Синода принять решение об учреждении духовной миссии на севере Американского континента. В декабре 1840 г. Синод учреж-

* Работа выполнена при поддержке грантов ДВО РАН: проекты № 06-III-А-11-443 и 07-III-Б-11-110.

дает новую епархию — Камчатскую, Курильскую и Алеутскую с центром в Новоархангельске, ее первым архипастырем становится епископ Иннокентий (Вениаминов). В течение одиннадцати лет кафедра епископа Иннокентия находилась в Новоархангельске. После присоединения к его епархии Якутской области с 1853 г. кафедра стала размещаться в Якутске. В июне 1857 г. Синод рассмотрел и одобрил его предложение о новом устройстве Камчатской епархии, с учреждением в помощь епархиальному начальству двух викариев, одного в Якутске, а другого в Новоархангельске. Согласно указу от 11 января 1858 г. велено было «викарию Новоархангельскому именоваться епископом Новоархангельским», и на обеспечение его «обратить содержание, получаемое ныне преосвященным Камчатским» [1]. С этого времени и до конца 60-х гг. XIX в. российская казна отпускала средства новоархангельскому викарному епископу (в сумме 1 488 руб. 39 коп.), «а прочее духовенство получало содержание от... Российско-американской компании» [2].

После продажи в 1867 г. Россией своих североамериканских колоний США наступает второй этап истории здесь русского православия. РПЦ в соответствии с договором между правительством России и США сохранила право продолжать свою деятельность в Северной Америке, а также право на принадлежащие ей храмы и другие постройки [3]. Русская церковь отныне действовала и развивалась в рамках иной государственной системы, на иных юридических основаниях. В этих условиях особо важную роль играла связь с исторической родиной, надежда на ее помощь и поддержку. Это хорошо понимали руководители Русской православной церкви и Российского государства.

30 мая 1869 г. был высочайше утвержден доклад обер-прокурора Синода, в котором отмечалось: «По случаю передачи правительству Северо-Американских Соединенных Штатов русских колоний в Америке, святейший Синод, озабочиваясь устройством положения православной церкви и ее духовенства в тех колониях, признал нужным учредить в оных самостоятельную архиерейскую кафедру... Кафедра эта учреждается взамен викариатства, существующего для управления православными церквами и миссиями в Новоархангельске... с назначением местопребывания ей в городе Сан-Франциско» [4]. С 1870 г. епископ новоучрежденной самостоятельной кафедры именовался «Алеутским и Аляскинским». Синодом было сделано представление о назначении содержания новооткрываемой кафедре. Признав, что «существующие в Америке православные церкви с их причтами не должны быть оставлены без поддержки, Государственный Совет счел возможным испрашиваемую в представлении сумму... 38 000 руб. предоставить на три года» [5].

Новые штаты учреждений православной церкви в Северной Америке были высочайше утверждены в ноябре 1874 г., и на их

содержание с 1 января 1875 г. ежегодно выделялось 52 380 руб. Среди 11 учреждений, зафиксированных в новой штатной росписи, числились Архиерейская кафедра в Сан-Франциско и школа при архиерейском доме, а также церковные причты: на острове Ситхе при соборной церкви, на острове Кадьяке при церкви Вознесения Господня, на острове Уналашке при церкви Вознесения Господня, на р. Квихнаке при миссионерской церкви Животворящего Креста в с. Иногмот, на р. Нушагак при миссионерской церкви Петра и Павла, в Кенае при миссионерской церкви Св. Николая, в Унге и в с. Бельковском, на островах Св. Павла и Георгия [6].

В декабре 1898 г. на кафедру в Сан-Франциско был назначен епископ Тихон, будущий патриарх Всероссийский. Он приложил много усилий к распространению православия в Америке, был сооружен ряд новых храмов в Соединенных Штатах и Канаде. В 1901 г. епископ Тихон заложил новый кафедральный храм в Нью-Йорке. Через полтора года, освящая этот храм, он обратился к пастве со словами: «Не забывайте, что вы — род избранный, люди, взятые в удел, дабы возвещать окружающим вас инославным чудный свет Православия» [7]. В Канаде по его ходатайству была открыта викарная кафедра. В 1905 г. святитель Тихон был возведен в сан архиепископа, кафедра Алеутской и Американской епархии Русской православной церкви была переведена из Сан-Франциско в Нью-Йорк [8].

Через два года архиепископ Тихон был переведен из Соединенных Штатов на одну из самых почетных в России кафедр — Ярославскую, преемницу древней Ростовской; в июне 1917 г. избран на Московскую епархиальную кафедру, после чего Синод удостоил его сана митрополита. А вскоре после этого он был возведен на восстановленный Патриарший Престол [9].

Тесная связь Русской православной церкви в Америке с Матерью-церковью была прервана революционными событиями в России 1917 г. и последующих лет. Наступил третий, самый продолжительный период истории русского православия на Североамериканском континенте, продолжавшийся почти 90 лет.

Поражение белых армий в Гражданской войне вызвало исход огромных масс русских людей, не принявших советскую власть, за пределы России. В значительной степени это были люди православного вероисповедания, и вместе с паствой за рубеж ушли многие пастыри и архипастыри. Церковная жизнь русских беженцев в Европе, Азии и Америке сосредоточивалась вокруг православных храмов.

На определенный период центром русской церковной жизни за рубежом становится Сербия. В ноябре 1921 г. здесь в Сремских Карловцах открылось Общецерковное заграничное собрание, переименованное потом в Русский Всезаграничный церковный собор. В него вошли все оказавшиеся за рубежом и сумевшие добраться до Кар-

ловцев русские архиереи и члены Московского поместного собора 1917–1918 гг. Карловацкий Собор образовал Высшее церковное управление за границей под председательством митрополита Антония, которому собор присвоил звание Заместителя патриарха. Это управление претендовало на возглавление церковной жизни всего русского зарубежья [10]. Однако реального единства различных структур Русской православной церкви за границей добиться не удалось. К середине 30-х гг. церковная православная жизнь русских вне России сосредоточилась в четырех главных территориальных образованиях, организационно оформленных в Северной Америке, Западной Европе, Восточной Европе (имея в виду Балканы и Ближний Восток) и на Дальнем Востоке.

Вторая мировая война вызвала размежевание в среде российской эмиграции, а победа в ней союзнической коалиции коренным образом изменила положение Русской православной церкви за границей. Руководство Карловацкой церкви вынуждено было покинуть Югославию и, в конечном итоге, перебраться в США (в пригород Нью-Йорка Джорданвилл). Дальневосточное крыло в большинстве своем воссоединилось с Матерью-церковью. Подобные процессы произошли и в Западной, а также Восточной Европе. Однако в завершающую стадию процесс воссоединения вступил только на рубеже XX и XXI вв.

Для Русской православной церкви в Северной Америке третий период ее истории является, пожалуй, самым сложным, неоднозначным, включающим как положительные, так и отрицательные аспекты. Что касается первой половины XX в., о чем заявлено в данной теме, то это время для истории русского православия в США и Канаде имеет особое значение. Хронологически речь здесь идет о годах, захватывающих последнюю треть второго периода и первую треть третьего периода истории русской церкви в Америке. Это полустолетие включило в себя важнейшие организационные изменения: РПЦ в Америке прошла путь от составной части Московской патриархии до провозглашения самостоятельности в 1924 г., а затем попыткой воссоединения с Московской патриархией на правах автономии (1946 г.). За эти годы произошли значительные территориальные и количественные изменения. От первоначального размещения лишь на побережье Тихого океана (на Аляске и в Калифорнии) Русская православная церковь продвинулась к Атлантическому побережью, освоила центральные районы США, распространилась на территорию Канады. Количество приходов возросло от нескольких десятков до более чем трех сотен. Наконец, РПЦ в Америке в первой половине XX в. пришлось пережить годы внутреннего раздора, включающего появление «независимых приходов», карпаторусского движения, «живой (т. е. обновленческой) церкви», сторонников Сремских Карловцев и др. Деление на юрисдикции,

пререкания из-за власти болезненно отражались на жизни Русской православной церкви в Америке.

РПЦ было положено много трудов для распространения и, что еще более важно, для поддержания веры и духа православного на Американском континенте. Если в начале, во второй половине XIX в. русская диаспора в Америке была немногочисленная, то XX в. резко изменил ситуацию. Эмигранты из России прибывали в США большими группами. Представители церкви оказывали прибывшим всяческое содействие, включая материальную помощь, помогали устроиться на работу. Устроив более или менее свою жизнь, эмигранты стали собираться под крышей церковного дома, налаживались общественные связи, формировались различные структуры, облегчающие жизнь русских вдали от Родины.

Распространение русского православия в Соединенных Штатах Америки началось с ее тихоокеанского побережья. Именно здесь, в Сан-Франциско, расположен Троицкий собор, который в первой половине XX в. являлся кафедральным храмом правящего митрополита всея Америки и Канады, наравне с кафедрой его в Нью-Йорке. Собор представлял собой здание в стиле испанской колониальной архитектуры, в два этажа, с верхним и нижним храмами. При храме имелась хорошая библиотека, Восточное православное церковное общество, Сестричество, Касса взаимопомощи, Кружок ревнителей церковного пения, Церковно-приходская школа, Юное братство «Ревнителей православия». В Сан-Франциско возникли Русское историческое общество, Русский центр, Студенческое общество, детские сады. В 1930 г. здесь было создано своеобразное убежище для нуждающихся и престарелых женщин — Русский женский дом милосердия. Часть комнат отдавалась наиболее нуждающимся бесплатно, часть — за умеренную плату. Газ, электричество, отопление, вода, телефон предоставлялись бесплатно, за счет кассы дома милосердия [11].

В церковной структуре Русской православной церкви образовывались новые составляющие, например, Западно-Американская епархия с тремя благочиниями в Сакраменто, Сиэтле и Колорадо. В Сиэтле приход стал действовать с 1892 г., а первая русская православная церковь в честь Святого Спиридона Тримифунтского Чудотворца была открыта в 1901 г. Начиная с 1920 г. в Сиэтл стали прибывать волны новой русской эмиграции, которые сплачивались вокруг маленькой церкви. Одно время число прихожан при ней достигало 6 000 чел., но постепенно часть русских разъехалась по стране в поисках постоянной работы. В 1938 г. состоялось освящение и воздвижение крестов и поднятие колокола на новый Свято-Спиридоновский храм. При нем действовали прекрасный хор, Дамское общество, церковно-приходская школа, издавался журнал «Русские поля» [12].

В годы Второй мировой войны прихожане активно занимались благотворительной деятельностью по девизом «На помощь Русскому народу». Проводились денежные сборы, собраны были тонны одежды и обуви, большие запасы медикаментов, сотни ящиков сгущенного молока. Все это направлялось в Россию.

В 90-х гг. XIX в. возник православный приход и в Портланде (штат Орегона). В 1927 г. приход приобрел готовое здание у Евангелической общины немцев, выходцев из России. Храм был переделан внутри и в 1928 г. освящен. В Лос-Анджелесе приход был организован в 1922 г., а храм построен в 1928 г. Приход в Сакраменто открыт в 1927 г. В 1930 г. здесь было освящено здание Свято-Богородицкого Скорбященского собора. В Сан-Диего Русская православная церковь стала действовать с 1940 г. [13].

Движение Русской православной церкви из Сан-Франциско на восток связано с возникновением ее приходов в так называемых срединных штатах. Возникла Чикаго-Миннеаполисская епархия. В Чикаго первый русский православный приход появился в 1892 г. Впоследствии здесь был открыт Свято-Троицкий собор, ставший кафедральным для епископа Чикагского и Миннеаполисского. Миннеаполисский приход включил в себя верующих, присоединившихся к православию в 1892 г., после выхода из унии. В 1897 г. на средства российского Синода здесь было построено специальное здание для Миссионерской школы, которая в 1905 г. была преобразована в Духовную семинарию. В 1909 г. был основан приход в Сейнт-Луисе (штат Миссури), в 1928 г. здесь возведено кирпичное здание церкви. В 1915 г. открыт приход в Канзас Сити (штат Канзас), где на жертвы и вклады прихожан построен храм Пресвятие Троицы. При церкви существовала школа, а в 1942 г. открыт женский Клуб русской молодежи [14].

В так называемых приозерных штатах один из первых приходов Русской православной церкви был открыт в Детройте (штат Мичиган). Этот город привлекал внимание русских эмигрантов своей автомобильной индустрией, где труд рабочих оплачивался в то время выше, чем в других отраслях. Но русскому человеку, воспитанному в христианском духе, недостаточно было лишь материального удовлетворения своих потребностей — он жаждал и духовного утешения. Поэтому уже в 1908 г. группа православных приступила к постройке первой небольшой церкви. А в 1915 г. здесь возник русский Свято-Троицкий приход. В конце 1940-х гг. приход имел в своем составе крупные организации: Общество ревнителей православия, Свято-Троицкое братство, Сестричество, Союз православной молодежи, Хоральный кружок [15].

Одним из старейших приходов Русской православной церкви в Америке является Свято-Феодосиевский приход в г. Кливланде (штат Огайо). Именно здесь в новопостроенном храме в 1919 г. был проведен второй Всеамериканский собор, на котором впервые был избран

глава Северо-Американской церкви (ранее назначался из России). Этот приход стал родоначальником многих новых приходов [16].

Наряду с перечисленными, в течение первой половины XX в. в Соединенных Штатах Америки возникло еще множество приходов РПЦ. Это объяснялось стремлением выходцев из России создать на чужбине свою маленькую Родину для удовлетворения культурных запросов, благотворительных целей, дружеских семейных встреч и многого другого. Церковь создавала родную атмосферу для тех, кто хотел жить и пользоваться своими духовными силами, но ввиду разных причин не мог в полной мере адаптироваться в чуждую ему среду.

Наряду с Североамериканскими штатами русское православие в первой половине XX в. успешно продвигалось и в Канаду. В 90-х гг. XIX – начале XX в. эта страна «широко открыла двери людям, искавшим счастье за морями». Среди них были и православные выходцы из России, которые инстинктивно стали группироваться в крупных центрах, где были единоверцы, способные успокоить тоскующую по Родине душу.

Одним из таких центров был Виннипег. В 1904 г. Канаду посетил архиепископ Тихон, глава русской православной миссии в Америке. Группа местных православных жителей обратилась к владыке с просьбой об организации прихода. Просьба была удовлетворена, и началось изыскание средств на сооружение храма Святые Живоначальные Троицы. Его строительство началось в 1905 г. и завершилось в 1906 г., после чего приход стал быстро расти. С целью открытия семинарии построили специальный приходский дом, однако война, а затем и революции 1917 г. в России не позволили осуществить данный проект [17].

В провинции Британская Колумбия наибольшая русская колония существовала в Ванкувере. Здесь был созданы приход и храм в честь Воскресения Господня. При церкви созданы хор — один из лучших в Канаде, библиотека, приходская школа с преподаванием русского языка и Закона Божия. Возникло Сестричество, которое проводило различные мероприятия в поддержку церкви: чаи, обеды, розыгрыши и т. д. В Торонто (провинция Онтарио) русский православный приход был организован в 1916 г. Первые годы его положение было крайне неустойчивым, однако с 1929 г. приход стал укрепляться. Было куплено здание под церковь, при храме созданы хороший хор, русская школа, Сестричество, которое, в частности, успешно занималось заготовкой разных вещей для продажи на устраиваемых базарах в пользу церкви [18].

Интересна история основанного в 1933 г. епископом Канадским Иоасафом скита Покрова Божей Матери. Он находился в ста милях к югу от г. Эдмонтона (провинция Алберта). Около скита проживали несколько фермеров, выходцев из Сибири и с Дальнего Востока. Они принимали самое горячее участие в его создании и поддержке.

Один из фермеров купил место под церковь и кладбище, дом и пожертвовал деньги на постройку церкви. Другой, кроме денежного пожертвования на храм, подарил для поддержки скита ферму в 140 акров земли. Третьи рубили лес, строили кельи и церковь. В 40-е гг. скит имел храм, колокольню, трапезную с кухней и кельями, хозяйственные постройки. Все строения были крепко сделаны из крупных сосновых бревен, в стиле северной русской старины. На земле при ските велось молочное и лесное хозяйство, которое обеспечивало его существование [19].

Первый русский православный приход в Монреале был организован в 1907 г. Сначала приход не имел собственного церковного здания, среди прихожан не было разделения на русских и украинцев. Позже выходцы из Галиции и Буковины отделились и создали независимый украинский приход. В 1923 г. в Монреаль прибыла большая группа русских эмигрантов из Константинополя, около 300 чел., и православная церковь в далеком от России Монреале стала для них частью русской земли, которую они так недавно вынуждены были покинуть. В середине 1920-х гг. приходом было приобретено здание бывшей англиканской церкви, в котором он в дальнейшем и располагался. Церковь вмещала до 2 000 молящихся, имелся нижний зал, а также отдельно стоящий двухэтажный церковный дом. Этот храм, получивший наименование Петропавловский собор, стал самым большим среди русских православных церквей Канады. В 1934 г. на заседании прихожан было создано Сестричество. Устройство вечеров, базаров, лотерей, которые приносили приходу сотни долларов дохода, прием именитых гостей, украшение храма, шитье облачений — вот главные обязанности Сестричества. Украшением монреальского собора являлся его церковный хор, заслуживший репутацию лучшего хора города. Концерты, устраиваемые в лучших залах, всегда привлекали большую аудиторию и получали благоприятные рецензии в местной прессе [20].

В период депрессии 1930-х гг. около 90 % прихожан находилось на попечении учреждений, ведающих помощью безработным. Регистрация безработных была поручена приходам, здесь им выдавались соответствующие удостоверения. Занимался этим и приход в Монреале. В некоторые дни сюда обращались до 100 чел. Приход организовал выдачу бесплатных обедов; церковный зал оставался открытым целый день, чтобы безработные могли провести здесь время; была организована читальня с выдачей книг, журналов и т. д.; открылся Клуб молодежи [21].

Живой отклик прихожан Монреаля вызвали события Мировой войны и участия в ней советской России. В зале прихода работала русская секция Красного Креста Канады, организованная для сбора средств для советской России; сама секция в большей своей части состояла из прихожан. В храме установлена икона Святого Николая Чудотворца, перед которой настоятель и молящиеся возносили свои

молитвы о России, а во время богослужения всегда производился сбор в ее пользу. Так прихожане проявляли свои чувства по отношению к далекой, но такой близкой и родной Родине [22].

Большое значение в жизни РПЦ в Америке в первой половине XX в. стали играть Всеамериканские церковные соборы. Первый такой собор состоялся еще при архиепископе Тихоне в 1907 г., в Майфильде (Пенсильвания). И связан он был с территориальными преобразованиями церковной организации. Последующие Всеамериканские соборы проходили уже после революционных событий 1917 г. в России. В качестве главных вопросов на решение этих соборов выдвигались: избрание архипастыря РПЦ в Америке; отношения с церковью-Матерью и другими церковными организациями РПЦЗ; важнейшие внутренние проблемы. Так, на 2-м Всеамериканском Соборе, который состоялся в 1919 г. в Кливланде (Огайо), архиепископом Северо-Американским был избран владыка Александр (Немоловский). На 3-м Соборе в Питтсбурге (Пенсильвания) в 1922 г. впервые к управлению РПЦ в Америке был призван митрополит Платон. На 4-м Всеамериканском Соборе в 1924 г. в Детройте (Мичиган), возглавляемом митрополитом Платоном, впервые было постановлено объявить автономию Русской православной церкви в Америке ввиду «опасности для целости метрополии» и «свободы ее самоуправления» [23].

5-й Всеамериканский церковный Собор 1934 г. вновь прошел в Кливланде. Ввиду кончины митрополита Платона собор избрал в ноябре 1934 г. архиепископа Феофила Митрополитом всея Америки и Канады. На Соборе была подтверждена автономия РПЦ в Америке. 6-й Всеамериканский церковный Собор проходил в 1937 г. в Нью-Йорке, в Свято-Покровском кафедральном соборе. Собор возглавлялся митрополитом Феофилом и был посвящен в основном проблемам единения Русской православной церкви в Северной Америке. На Соборе было принято «Временное положение о Русской православной церкви за границею», разработанное под председательством Сербского патриарха Варнавы и подписанное представителями четырех Митрополичьих округов: Восточноевропейского (митрополит Анастасий), Западноевропейского (митрополит Евлогий), Дальневосточного (митрополит Мелетий) и Североамериканского (митрополит Феофил) в 1935 г. в Сремских Карловцах. Собор также принял «Положение об управлении Североамериканским митрополичьим округом». Собор вновь подтвердил автономию по отношению к Матери-церкви [24].

7-й Всеамериканский церковный Собор прошел уже после окончания Второй мировой войны, в 1946 г., и вновь в Кливланде. Итоги войны положительно повлияли на отношения между РПЦ и РПЦЗ. На Соборе было принято решение о воссоединении с Московской патриархией на условиях автономии. На деле, однако, митрополит Феофил и подчиненное ему духовенство не считались с необходимыми распоряжениями Патриархии, в результате кано-

ническое общение было прекращено. Раскол между РПЦ и РПЦЗ не был завершен [25].

Подводя итоги этого непростого полустолетия, можно сделать краткий, но весьма значимый вывод. Первая половина XX в. заняла особое место в истории русского православия в Америке. РПЦ здесь в указанные годы выполняла особую задачу — блюсти лучшие идеалы и моральные устои великого русского народа, оказывать посильную помощь всем тем, кто в ней нуждался, что позволяло выходцам из России, ныне американским гражданам, гордиться своим прошлым и более успешно адаптироваться к условиям своей новой жизни.

Примечания

1. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856–1861 гг. Владивосток, 2002. С. 34; Сафронов Ф.Г. Православное христианство в Якутии. С. 12, 34.
2. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1862–1870 гг. Владивосток, 2004. С. 181.
3. Попов А.В. Канонические и церковно-правовые основы существования русской православной церкви за границей и других российских православных юрисдикций за рубежом // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы: сб. науч. тр. СПб., 2006. С. 314.
4. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1862–1870 гг. С. 180.
5. Там же. С. 193–194.
6. Там же. С. 158–159.
7. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. Московская Патриархия, 1994. С. 70.
8. Юбилейный сборник в память 150-летия Русской Православной Церкви в Северной Америке. Нью-Йорк, 1945. Ч. 2. С. 22.
9. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. С. 70, 71.
10. Там же. С. 208.
11. Юбилейный сборник в память 150-летия Русской Православной Церкви в Северной Америке. С. 105–107, 113–114, 119–121.
12. Там же. С. 124–136.
13. Там же. С. 139–142.
14. Там же. С. 162, 195, 201, 203.
15. Там же. С. 217–220.
16. Там же. С. 228–230.
17. Там же. С. 84–85.
18. Там же. С. 76, 86–87.
19. Там же. С. 76–77.
20. Там же. С. 90–95.
21. Там же. С. 94–95.
22. Там же. С. 101.
23. Там же. С. 27, 230, 240, 273.
24. Там же. С. 26–27, 36.
25. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. С. 221.

Э.Э. Сивцева (Якутск)

Образ «Мирового древа» в русской и якутской культуре

Древо жизни в славянской культуре выступает как вариант мирового дерева, такую обобщенную трактовку этот образ получает в научной литературе. В русском, славянском фольклоре широко распространено представление о трехчастном мировом дереве, моделирующем мир не только по вертикали, как древо с «тремя корыстями» и «трехугодливое древо» в песнях, где в кроне обитает сокол, в стволе — пчелы, у корней — бобры, но и в горизонтальной плоскости. Мировое дерево у многих народов мира является воплощением жизненной силы и плодородия. Мотивы вышивки с центральным образом дерева, заменяемого женским образом или образом «храма», часто именуются мотивами «Древа жизни».

Мотив «древа жизни», которое соотносилось у верующих с крестом, получил развитие в апокрифических сказаниях о крестном дереве, в том числе у балканских народов. Собственно в апокрифах крестное древо является прообразом христианской Троицы [1]. Фольклорный мотив отражает широко распространенное представление о трехчастном мировом дереве, моделирующем мир. Очевиден синтез архаичных славянских и апокрифических христианских представлений о древе жизни, характерными для этого образа можно считать мотивы райского цветущего древа и плодородия. Эти мотивы свойственны не только календарному и свадебному фольклору, но и обрядовой практике [2].

Мировое древо и его аналоги в обрядах являются также воплощением жизненной силы и плодородия, как и все растительные символы вообще, отсюда и богатство фольклорных и обрядовых ассоциаций: дерево (обрядовое деревце, венок) — женщина (невеста, Богородица, «богиня плодородия»).

Б.А. Рыбаков в монографии «Язычество древних славян» связывает изображение рожаниц на севернорусских вышивках с мифами охотничьей поры. Рожаницы — лосихи, рогатые рожаницы, антропоморфные рожаниц-рожениц в сильно стилизованной форме. Только невнимание исследователей к истории образа небесных богинь-лосих позволило рожаницам остаться под псевдонимом «жен-

щины-дерева» [3]. Идеограмма этого орнаментального мотива рожаниц заключается в идее «Пусть все рождается».

В якутской орнаментике также присутствует стилизованное изображение женской фигуры, связанное с традиционным кругом фольклорных представлений. Якуты — потомственные скотоводы, занимавшиеся коневодством и разведением крупного рогатого скота, ощущение неразрывности жизненного благополучия которых было тесно связано с приумножением скота. «Древние якуты видели две первоосновы жизни: корову-кобылицу и женщину-мать. Богиня древнего якута породила скот, богатство создала тогдашняя власть женщины. Богиня скота была названа Айыысыт, мать изображалась богиней, названной Иэйэхсит» [4]. Обе могли превращаться в кобылиц, что нашло отражение в сюжетах многих олонхо. Во время проведения праздника ысыаха якутами повсеместно использовались предметы, украшенные лировидным орнаментом: чепраки, кычымы, кумысная посуда, украшения. То есть тот комплекс предметов, который можно назвать сакральным. Также при проведении обрядов во время ысыаха использовалась береза — чэчир, как символ обновления природы.

Древние якуты верили, что в природе существует «древо жизни», населенное «дойду иччитэ» и «от-мас иччитэ», местными духами, хозяевами лесов и полей, от которых зависели удача и урожай. Якуты выбирали красивое, большое дерево, лиственницу, селились возле него. Когда дерево усыхало, чтобы сохранить на нем живущих там духов, вешали на ветках образы этих мифических существ. Аал лук мас или Аар кудук мас — мифологическое «мировое дерево», связывающее все три мира вселенной, которое по вертикали соединяет три мира. Мировое дерево — это символ культа природы. Таким образом, в результате растительной кодификации мироздания создается вертикальная структура Космоса. Из фольклора — у якутов применялась зоологическая кодификация пространства, с тремя уровнями Мирового дерева соотнесены животные. Верхний мир представлен птицами, Средний мир — животными, занимающими позу свернувшегося в кольцо зверя. Нижний мир — изображение змей, хтонических существ. Атрибуты Среднего мира заключены в замкнутую криволинейную фигуру в форме перевернутого сердечка с рогообразными отростками. Якутские исследователи орнамента определяют этот мотив как «лировидный».

В якутском языческом погребальном обряде вплоть до XVIII в. соблюдался обычай оставлять в яме срубленную молодую березу, которую ставили на крышку саркофага. Таким образом обеспечивалось продолжение жизни рода, его бесконечность.

В отличие от западных христиан на Руси издавна существовали на равных правах две формы нагрудного креста как знака принадлежности к христианской конфессии — четырехконечный и восьмиконечный. Обе формы использовались православными священни-

ками и сохранялись у старообрядцев, православные миряне носили на груди обычно четырехконечный крест. Кроме того, уже в раннем христианстве распространилась форма «процветшего креста». Символику креста как «древа жизни» А.Б. Островский возводит к преданию о том, как святая Елена в IV в., отправившись в Палестину, обнаружила там три креста, на которых были распяты Иисус и разбойники. Когда крест Христов приложили к умершему, произошло чудо воскрешения. Христианские богословы на Руси с XII в. сопоставляли крест Христов с библейским древом жизни.

Русская традиция литья нагрудных крестов начала складываться в XI в. под византийским влиянием. Основные принципы и формы национального православного художественного мышления сложились к концу XVI – XVII вв., мастера литейного дела находили приемы для передачи его основной символики.

Из средокрестия православных крестов обычно исходят лучи. Крест уподобляется солнцу. Количество лучей строго определенное: четыре или двенадцать. Символика чисел как бы продолжает метафорическую цепочку Иерусалим — солнце — христианство. Помещение в углах креста растительных элементов позволяло совместить символику «процветшего креста» и прославления Апостольской церкви.

Эстетический образ креста-украшения создавался как благодаря элементам формы, выражавшим символику «процветшего креста» и креста — солнце, так и благодаря эмалированию, использованию жемчужин, драгоценных и полудрагоценных камней, бусин из различных материалов, помещавшихся обычно на концах или по периметру креста, чаще в припаянные касты. Таким образом, декор не просто подчинялся, но служил выражению религиозного содержания [5].

Традиция ношения нагрудных крестов, характерная для русских православных мирян, широко бытовала в европейской части России в XVII – XVIII вв. и сохранилась в отдельных местностях вплоть до второй половины XIX в. [6]. Позднее литые нагрудные кресты были вытеснены более легкими штампованными тельниками, и последние уже в гораздо меньшей степени служили украшением, дополнением к нарядной одежде (в прошлом — преимущественно к женской одежде).

Якутские нагрудные кресты состоят из трех частей: крест, декоративная пластина, цепь. Кресты четырехконечные, близкие по форме к типу т.н. латинского креста, горизонтальная перекладина несколько короче вертикальной. Завершения лопастей крестов округлые, плавные, декорируются шариками, ответвлениями. В оглавиях встречаются буквы «И. Н. — Ц. И.» (Иисус назарянин — царь иудейский) во всевозможных вариантах — от правильно, грамотно начертанных букв до простых черточек, отдаленно напоминающих буквы.

Очертания креста на Голгофе наносились резцом, оформлялись плоскорельефной резьбой, контуры креста подчеркивались чернением, иногда в более поздних встречается накладка в виде напаян-

ного сверху креста. На кресте нет фигуры распятого Христа. Как известно, анималистические верования якутов, их представления о духах, населяющих окружающий природный мир, препятствовали развитию изображений человека в искусстве. Реалистическое изображение человека в якутском искусстве появилось позднее и связано с приходом русских, при этом оно отличалось схематизмом, известной упрощенностью решения [7].

Такой элемент, как декоративная пластина, встречается только на якутских нагрудных крестах — сурэх. Пластины были ажурными, располагались обязательно над крестом и соединялись подвижным шарниром. Якуты оформляли пластины в виде трапеции или близкой к трапеции, украшенными стилизованными лепестками растений, цветов, вазонов со цветами или в виде трех соединенных между собой солярных символов, с обязательными навершиями — цветами или маленькими крестами. Обязательны были подвески в виде гирек, капелек или шумящих подвесок. На пластинах встречаются надписи личного характера (инициалы владельца, даты) чаще на нижней ее части, иногда с ошибками в начертании букв и цифр. К пластине крест крепится подвижным шарниром, аналогичным русскому кресту-энколпиону. При детальном изучении коллекции крестов отмечено, что декоративная пластина по форме близка к лировидному мотиву.

Лировидные узоры относятся к криволинейным геометрическим орнаментам. Мотив «лиры» является наиболее характерным В якутской орнаментике. Лировидные фигуры состоят из двух зеркально образованных S-образных форм. Якутское название этого узора — «kohyyp ойуу». Существует множество предположений о происхождении, семантике орнаментального мотива.

М.М. Носов в 1948 г. выдвинул свою концепцию о происхождении лировидного орнамента от изображения головы коровы. К такому выводу он пришел, используя так называемый эволюционный метод, при изучении игрушек из детского погребения, найденного в Усть-Алданском районе ЯАССР этнографической экспедицией Якутского республиканского краеведческого музея в 1944 г. [8]. Позднее С.В. Иванов выступил с критикой и указал на следующие ошибки в работе М.М. Носова: в частном случае увидел единственно возможный вариант развития орнамента — «эволюция орнамента признана явлением универсальным» [9]. Внешнее зрительное сходство орнаментальных мотивов с реальными предметами и явлениями в якутской орнаментике не отражает происхождения отдельных узоров. Поэтому предположение М.М. Носова можно считать неверным.

Близкий к якутскому лирообразному мотиву орнамент встречается у киргизов. М.В. Рындин приводит его рисунок и сообщает, что у них этот мотив называется «две собаки грызутся из-за костей» [10]. Середина рисунка понимается как кость, в то время каждая S-образная спираль представляет собой собаку, точнее, собачий хвост.

М.В. Рындин раскрыл содержание мотива по принципу *pas pro toto*, т. е. часть на целое, здесь хвост заменяет целую собаку. У. Иоханзен опровергает это объяснение Рындина, пишет, что по названиям далеко не всегда можно установить первоначальный смысл орнамента, если даже из них и можно получить некоторые ценные указания [11]. Названия старым мотивам могли даваться и в более позднее время, когда первоначальное значение уже было забыто, название давалось только по внешнему сходству с тем или иным предметом, явлением природы. Сама У. Иоханзен считает, что узор «лира» произошел от изображения дикого барана-аргали на пластинке для украшений из первого Пазырыкского кургана [12]. Это предположение интересно тем, что голова аргали являлась символом скотоводства, выполняла роль оберега, защитника от злых духов нижнего мира.

По поводу происхождения лирообразного мотива высказали свое мнение и советские искусствоведы. Так, Н.И. Каплан считает, что в узоре «лира» — «настойчивое сближение с образами растительного мира и полное отсутствие связей с образами животного мира в данном случае налицо» [13]. При этом ссылается на побеги, листья, которыми обрастает узор. Как нам кажется, автор в этом случае заблуждается, так как узор «лира» встречается в основном у скотоводческих народов. А то, что узор «прорастает» листьями, побегами, так в этом сказывается благотворное влияние русского народного искусства в XIX в. В то же время допускаем, с некоторой долей сомнения, что узор «лира» имеет растительное происхождение. Ведь скотоводство и земледелие находятся в тесной связи. Размножение скота прямо зависит от наличия кормовых трав.

К такому же выводу, что Н.И. Каплан, приходит С.В. Иванов в неопубликованной статье «К вопросу о происхождении лировидного мотива в орнаменте якутов. «Рассматривает якутскую „лиру“ вместе с сопутствующими ей мотивами, как элемент ЮЖНОЙ культуры, родственный соответствующим мотивам орнамента народов Южной, Центральной и Средней Азии. В пределах этих народов, — замечает автор, — указанный мотив носит следы происхождения его от растительных орнаментов типа пальметты» [14]. В основу лировидного орнамента легли различные растительные мотивы.

Опровергает вывод С.В. Иванова о растительном происхождении лирообразного узора И.Д. Новгородов. Он считает, что «многие виды орнамента имеют чисто животное происхождение». В доказательство приводит названия узоров, такие как «кымырдагас ойуу», «таналай ойуу», «Кутуйах хаамыта» и т. д. Растительный мотив в якутском орнаменте меньше всего встречается, — как замечает И.Д. Новгородов, — имеет, очевидно, более позднее происхождение и, пожалуй, прививается у якутов под влиянием русского орнамента» [15]. С этим мы соглашаемся. Вывод его таков, «лира» в якутском орнаменте возникла на самобытной почве и в своей основе имеет животное начало».

О привлечении названий узоров в качестве ее основного доказательства к нашей работе говорилось не раз. Но еще раз подчеркнем, что названия представляют собой наименее устойчивый элемент орнамента. На данном этапе названий гораздо больше, чем орнаментальных мотивов, они разнообразны и часто противоречат друг другу.

Орнамент «лира» относится к X типу, южно-сибирскому, по классификации орнаментов, историко-этнографического атласа Сибири. Кроме якутов, распространен у хакасов, тувинцев, бурят, за пределами Сибири — у народов Средней Азии, особенно у киргизов, казахов и горных таджиков. Встречается в вышивке, на изделиях из кожи, дерева и металла [16].

Таким образом, в заключение можно сделать вывод о том, что якутские нагрудные кресты — сурэх являются свидетельством того, как якуты творчески подходили к освоению новой религии, религиозных символов и фетишей, к восприятию православия. В XIX – начале XX в. в Якутии шел процесс, аналогичный тому, который происходил на Руси в период с X по XIV в., — процессу синкретизации религии, процесс освоения нового мифологического пространства.

Примечания

1. Петрухин В.Я. Древо жизни // Живая старина. 1997. № 1. С. 8.

2. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни. М., 1983. С. 151.

3. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1980. С. 527.

4. Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. Якутск, 1962. С. 47.

5. Островский А.Б. Православные кресты // Живая старина. 1998. № 3. С. 9–12.

6. Прозоровский Д.И. Опись предметов, хранящихся в музее Императорского русского археологического общества. СПб., 1869. С. 13.

7. Тишина Т.П. Фольклорные основы якутского орнамента // Язык-Миф-Культура народов Сибири. Якутск, 1988. С. 149.

8. Носов М.М. С. 110–111.

9. Иванов С.В. Народный орнамент, как исторический источник // Советская этнография. 1958. № 2. С. 15.

10. Киргизский народный узор / под ред. И.А. Орбели. Л.; Фрунзе, 1948, табл. XI. С. 24.

11. Иоханзен У. Die Ornamente der Jakuten. Hamburq. 1954 (пер. с нем. Р.И. Родионова). Хранится в научном архиве АН РС (Я). С. 41–42.

12. Иоханзен У. Указ. соч. С. 104.

13. Каплан Н.И. На земле чоронов и сэргэ // Радуга на снегу. М., 1972. С. 91.

14. Научный архив АН РС (Я). Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 175–176.

15. Научный архив АН РС (Я). Ф. 1. Оп. 2. Д. 36. Л. 3.

16. Иванов С.В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 378.

А.Ф. Старцев (Владивосток)

Этногенетические и культурные особенности чжурчжэней и удэгейцев

Происхождение коренных малочисленных народов обусловлено многовековыми миграционными, этногенетическими и этнокультурными процессами, проходившими в низовьях Амура, в Приморье, Маньчжурии и других регионах Азии.

Анализ этнической истории аборигенов Нижнего Амура и Приморья показывает, что из всех тунгусо-маньчжурских народов особо выделяются удэгейцы. Происхождение этого этноса несколько отличается от этногенетического процесса у других тунгусо-маньчжурских этносов [1].

Корни этногенеза удэгейцев уходят в эпоху этнической истории древних тунгусских племен, которые во II в. до н. э. — II в. н. э. мигрировали из Забайкалья в районы Верхнего Приамурья, а оттуда — на юг Маньчжурии и Приморья. От слияния древних тунгусов с местным населением на рубеже нашей эры образовалась группа племен, составившая основу особой группы южных, или дальневосточных, тунгусов, вся история развития которых в дальнейшем практически не имела ничего общего с историей их сибирских соплеменников [2].

Древняя этническая группа, послужившая фундаментом для образования удэгейцев, в основе всегда сохраняла свой тунгусский язык и многие черты своей материальной и духовной культуры. Одновременно население этой группы заимствовало у местных племен внешний вид (мужская и женская прическа из двух кос) и обогатило свой язык их терминологией, которая прослеживается в языке удэгейцев вплоть до нашего времени [3].

В способах формирования общественных отношений, материальной и духовной культуры чжурчжэней и удэгейцев прослеживается очень много идентичных черт. Во многих чжурчжэньских племенах даже в условиях государства все еще существовало обычное право, согласно которому на общем собрании рода производился выбор вождя, жизнь рода функционировала по принципу «один за всех, все за одного», была в силе кровная месть и т. д. Брачные взаимоотношения между родами осуществлялись на основе экзогамии, предусматривающей не только исключение брачных связей в одном

роде, но и формирование института родственников *дзаа*, не всегда состоящих даже в кровном родстве.

Многие термины из языка чжурчжэней по номенклатуре родства, такие, как *да* (корень), *дзаалан* (поколение), *нэхун* (младшая сестра или младший брат), *андахаи* (гость, друг), *ахун* (старший брат), *дэун* (младший брат), *дзалан* (поколение), *дзулэгэсэ* (предки), *мапа* (старик, предок), *садуган* (родня, родственник по браку), *сэнгингэи* (родня родственники), *эйун* (старшая сестра), перешли в язык удэгейцев, нанайцев, орочей, ульчей и других народов Нижнего Амура и Приморья почти в неизменном звучании и с тем же значением, что и у чжурчжэней [4].

Взаимные этнокультурные контакты чжурчжэньских племен прошлых столетий выразились в сохранении знаний об основной терминологии номенклатуры родства, брачных отношениях, материальной и духовной культуры. Эти знания из поколения в поколение передавались потомкам, впоследствии ставшим известными под этнонимами удэгейцев, нанайцев, орочей и других этносов Приамурья и Приморья.

Терминология номенклатуры родства, дошедшая до наших дней в неизменном виде от чжурчжэней и сохранившаяся у удэгейцев и других этносов Приамурья и Приморья, позволяет на примере удэгейцев реконструировать институт брачных отношений, существовавший у средневековых чжурчжэней.

В конце XIX — начале XX в. удэгейцы всех территориальных групп делились на несколько сообществ типа *замула*, между которыми дозволялись брачные взаимоотношения. Отношения замула между локальными группами формировались двояко — путем дробления основного рода на ряд мелких родов и путем брака некоторых нанайцев, орочей, ульчей и других народов с вдовами — удэгейками. Социальная организация института *замула*, по-орочски *доха*, — это своеобразное упорядочение взаимоотношений в новых социально-экономических и политических условиях в период разложения родового общества не только между кровными родственниками, но и членами некоторых других кровнородственных коллективов других народов. Иначе говоря, институт *замула* — это родственники по браку. Основным признаком, отличающим одну группу замула от другой, служил экзогамный запрет внутри той или иной группы родовых объединений. В.Г. Ларькин указывает, что в культуре удэгейцев существовало четыре общности замула: «В первую входили роды Суляйндзига и Кукчинка, во вторую — Суляйндзига, Камдзига, Куинка, Самандига и Сигдэ; в третью — Канчуга, Кукчинка и Геонка; в четвертую — Каза, Пуза, Кимонко и Намунка (орочский род)» [5]. В.А. Туголуков отмечал, что в одно сообщество замула входили не только удэгейцы, но и орочи, нанайцы и другие народы. Например, «удэгеец Амулинка не может брать жен из фамилий

Геонка, Канчуга, Куинка, Кья, Суанка и в нанайском роде Бельды. Ороч Акунка не может взять жену из фамилий Самандига, Сенкиянка, Сиочонко, Хутунка, из удэгейских фамилий Кукчинка, Пудя, Суляйндзига, из нанайских родов Гаир, Самар и др.» [6].

Кроме этого, для удэгейцев из рода Каза и Кимонко считались запретными женщины из орочских родов Сеоченко, Эхэмунка и нанайского рода Джаксор; Камандзига (Камдзига) находились в отношениях замула с орочами Еминка, Ауканка, Дза-лянка, Моуданка, Пунадинка и с нанайскими родами Онинка и Джаксор; удэгейцы из фамилии Пеонка составляли группу замула вместе с орочами Намунка, Тиктамунка, Мулинка, Пэулянка, Тонголинка и нанайцами Киле, Тумали и Ходжер [7]. В советский период истории удэгейцев архаичный институт замула у аборигенов был полностью забыт. Сохраняется только неписаный запрет на браки между однофамильцами и ближайшими родственниками из других фамилий.

В обществе чжурчжэней тоже существовал институт замула. Формировался этот институт, очевидно, так же, как и у удэгейцев. Однако в среде чжурчжэней был и такой случай, когда институт замула был сформирован путем женитьбы на женщине, чтобы предотвратить кровную месть. Об этом свидетельствует такой факт: еще задолго до образования Золотой империи один из прародителей императорского Дома — Ханьпу из рода Ши, спасаясь от преследования со стороны киданьской империи Ляо, в 926 г. увел свои племена на север в бассейны рек Пугань и Бухори и расположился на этой территории, граничащей с территорией рода Ваньянь. Однако ваньяньцы новых переселенцев встретили неприветливо. «Во время переговоров Ханьпу с вождями племени Ваньянь, когда регулировались отношения пришельцев и аборигенов р. Пуганьшуй, его люди убили одного из ваньяньцев. Мирные переговоры прервались, и между племенами начались ожесточенные столкновения. Новые убийства еще более накалили и запутали обстановку. Через некоторое время, однако, племя Ваньянь, ради прекращения вражды, призвало Ханьпу породниться и объединить оба племени. Ханьпу согласился и, во избежание кровной мести при убийствах, предложил на переговорах вождю Ваньянь дать обиженным возмещение имуществом и уничтожить непосредственного убийцу — виновника раздоров. Это условие вождь племени Ваньянь принял, и Ханьпу, по обычаю обменявшись с ним быками, женился на их шестидесятилетней женщине, получив в приданое ее пахотные земли и имущество. Новое объединение приняло название «Ваньянь», поскольку счет родства потомков Ханьпу велся по материнской линии. С этих пор члены дома Ваньянь разделились на две группы: более близкие правящему дому (потомки прародителей Ханьпу, и более дальние (потомки Баохоли и Агуная*)» [8]. Таким об-

* Баохоли и Агунай – это родные братья Ханьпу.

разом, женитьба Ханьпу на женщине из рода Ваньянь в целях предотвращения кровной мести является наглядным примером родственных связей типа замула, имевшего широкое распространение среди удэгейцев и других аборигенов Приморья в XIX столетии.

В чжурчжэньском обществе семьи, так же как и у удэгейцев и других аборигенов Приамурья и Приморья, создавались тоже по традиции обычного права. В каждом роде чжурчжэней строго соблюдался принцип экзогамии, запрещающий браки внутри рода. Однако, по всей вероятности, архаичный институт замула, составлявший основу брачных отношений у чжурчжэней, в начале XII в. начал постепенно исчезать. Чжурчжэньские большие семьи в период Цзинь стали дробиться на малые, поэтому уже в начале XII в. средняя чжурчжэньская семья состояла уже из 6 чел. [9]. Очевидно, с распадом родовой общины и института *замула* с целью сохранения имущества принципы экзогамии, запрещавшие браки внутри рода, стали нарушаться, поэтому в чжурчжэньском обществе стали появляться браки близких родственников. По этой причине уже в 1116 г. специальным государственным указом внутриродовые браки, или браки между лицами, носящими одну и ту же фамилию, были запрещены, а в 1129 г. были введены новые ограничения для вступления в брак лиц, связанных родственными отношениями, например детей от одной матери, но от разных отцов [10].

Формы брака у современных аборигенов Приамурья и Приморья и средневековых чжурчжэней практически были идентичными. Детей часто просватывали еще в малолетнем возрасте. Если родители договаривались об этом, то отец мальчика давал залог денежный или вещевой отцу невесты и дожидался, когда дети подрастут, чтобы их официально поженить. О такой форме брака, очевидно, говорится и в истории Золотой империи: «Я с малолетства считалась супругой князя и не отступала от своих обязанностей», — говорила Улинь-даши своим слугам — жена будущего императора Ши-Цзуна [11].

В чжурчжэньском обществе были и другие формы брака: приобретение жены за калым, путем похищения невесты, брак с вхождением мужчины в дом тестя — примачество и др.

Похищение невесты осуществлялось часто и с согласия отца невесты в том случае, если молодые любили друг друга, а средств на калым у жениха не было. В таком случае отец соглашался на похищение своей дочери, и после свадьбы зять переходил жить в дом тестя. В примаки шли те мужчины, у которых не было средств на калым, а у отца невесты не было сына, который кормил бы его в старости. Зять, который входил в дом тестя, обязывался содержать его до самой смерти.

Передача традиций от поколения к поколению, от чжурчжэней к удэгейцам и другим народам Приамурья и Приморья особенно

ярко прослеживается в традиционном одеянии. Известен факт, что в одежде, обуви, головных уборах и украшениях удэгейцев, нанайцев, орочей, ульчей, ороков и др. наблюдается не только внешнее сходство, но и однокорневая терминология вещей [12]. Как у чжурчжэней, так и у аборигенов Приамурья и Приморья традиционными считаются халат покроя кимоно с левым запахом и разрезами по бокам, кожаная обувь — *улы* — типа удэгейских *унгта*, двухкосая прическа и различные украшения [13].

Одежда у чжурчжэней в зависимости от социального положения была разной. У простого люда она шилась из дешевого сукна, шкур диких и домашних животных. В холодное время года пользовались шубами. Имели теплые штаны, рубашки и меховые чулки. В теплое время года носили легкие халаты из ткани. Шили халаты также из рыбьей и змеиной кожи. На ноги надевали улы — кожаные сапоги с травяными стельками. Родовая аристократия — племенные и родовые вожди и их семьи одевалась значительно лучше. Шубы были из меха соболя, лисиц и других пушных зверей. Халаты шились из шелка с подкладом и без подклада. Любимой одеждой для всех чжурчжэней были традиционные халаты из белого холста. «Чжурчжэньские женщины носили длинный халат-кафтан, у которого, в отличие от такого же типа одежды у мужчин, воротник не пришивался. К ушам подвешивались серьги из золота, серебра и полудрагоценных камней» [14]. Следует сказать, что и у современных аборигенов края — мужчин и женщин нанайцев, ульчей, орочей и др., на халатах воротники отсутствуют, а каждая женщина в обязательном порядке носит серьги из разных металлов. Они до сих пор носят серьги разной конфигурации и размеров из серебряной или медной проволоки, сделанные еще в прошлых веках. Снизу на загнутый конец проволоки нанизывались по две-три разноцветные бусины [15]. Диаметр серебряного кольца достигает от 3 до 8 см. «На это кольцо подвешивали небольшие плоские круглые кольца из нефрита различных цветов» [16]. Серьги свешивались почти до самых плеч. «Серьги всегда так тяжелы, — писал И.А. Лопатин, — что безобразно оттягивают ухо и даже прорывают его. Поэтому почти у каждой даже не старой орочки, мягкая часть уха (мочка) изуродована и прорвана в нескольких местах» [17].

Этническая идентичность в какой-то мере средневековых чжурчжэней и современных аборигенов Приамурья и Приморья прослеживается и по национальным прическам. Прически у мужчин — чжурчжэней были разными, что свидетельствует об этнической пестроте чжурчжэньского народа. Одни мужчины волосы носили распущенными по плечам, у других были однокосые, двухкосые и даже трехкосые прически. Следует заметить, что однокосую прическу имели и китайцы. Однокосая прическа чжурчжэней отличалась от китайской прически тем, что чжурчжэни, а впоследствии и потомки чжурчжэней — маньчжуры подбривали лоб. Они делали так, чтобы

показать свою независимость от китайцев. Однокосая прическа существовала у древних тунгусов Прибайкалья и у аборигенов Нижнего Амура и Приморья вплоть до XX столетия. В отличие от маньчжуров и средневековых чжурчжэней аборигены Нижнего Амура и Приморья — нанайцы, ульчи и другие этносы имели одну косу и, за редким исключением, лоб не подбривали. У орочей и удэгейцев прическа состояла из двух кос, но когда ороч или удэгеец умирал, то ему перед погребением волосы заплетали не в две, а в одну косу. Если не сделать так, считали удэгейцы, то душу покойного человека в загробном мире не признают, она не попадет в свой род и будет вынуждена скитаться без пристанища. От этого она превратится в злого духа Огдзе и будет вредить живым сородичам. Таким образом, они хранили память о своих древних предках — тунгусах, которые впервые из Прибайкалья пришли на территорию Сунгари, Уссури, Амура и других рек более двух тысяч лет тому назад.

В государстве Цзинь по правительственной регламентации все чжурчжэни и подданные не чжурчжэньского происхождения были обязаны в знак покорности носить однокосую прическу и короткий халат с левым запахом. Тех, кто не выполнял это предписание, наказывали вплоть до казни в общественном месте [18]. Возможно, что именно из-за этого предписания племена удигай, «жившие, по сообщению «Цзинь-ши», в лесистом районе... между реками Сунгари и Уссури» [19], не желали жить по законам империи и демонстрировали свою независимость тем, что придерживались норм обычного права, жили по своим древним традициям и не посещали императорский Двор, что в 1187 г. очень беспокоило императора Ши-Цзуна [20].

Большого внимания заслуживают и вопросы духовной культуры. В анимистических воззрениях средневековых чжурчжэней и современных аборигенов Приамурья и Приморья весь мир делится на три части: земной мир, мир Неба и подземный мир. Все эти миры управляются хозяевами и многочисленными добрыми и злыми духами, которым люди поклонялись и просили помощи в разных делах [21]. Все хозяева природы имели свои определенные обязанности, связанные с управлением жизнью в небесном, земном и подземном мирах. Посредником между хозяевами природы и людьми выступал шаман самана со своими помощниками *сэвэхи*.

Шаманство было оригинальной чертой чжурчжэньской, уже чисто религиозной жизни. У чжурчжэней, так же как и у удэгейцев, «были шаманы обоего пола. Они заклинали, гадали о новорожденном, об умершем и его отношениях с живыми, лечили больных, разгадывали сны и имели большое влияние на окружающих их людей» [22].

Шаманские камлания были как развлекательными, так и ритуальными. Во время этих камланий и особенно камланий, свя-

занных с освобождением души человека от злого духа, шаман надевал на себя не только гремящий пояс, состоящий из нескольких конусообразных подвесок [23], но и специальную маску, сделанную из дерева или бересты [24]. «Считалось, что бряцание позвонков гремящего пояса и маска шамана отпугивали от стойбища злых духов. Иногда шаман во время камлания пользовался специальным железным посохом, состоящим из двух скованных частей: верхняя часть посоха оснащена Буддой из латуни; нижняя часть посоха представляет собой булаву, оснащенную съемной железной головкой с острыми шипами. Примечательно, что размеры, а также форма железной головки шаманского посоха и головки средневековой булавы чжурчжэньского воина имеют большую схожесть. Навершие шаманского посоха — Будда символизирует божественную власть шамана над силами природы, низ посоха — булава — это оружие и символ власти шамана над многочисленными духами природы. Таким посохом шаман разгонял злых духов во время камлания. Атрибуты шаманского оснащения — маска, бубен, гремящий пояс шамана и посох — булава являются отражением воинского снаряжения. Металлическая маска средневекового воина когда-то предохраняла его лицо от стрел, булава являлась атрибутом военного предводителя, а звон металлических подвесок, возможно, извещал о благополучном несении караульной службы» [25].

Анализ хозяйственной деятельности и быта народов разных эпох, брачных отношений, анимистических и шаманских воззрений современных тунгусо-маньчжурских этносов и средневековых чжурчжэней свидетельствует об идентичности многих элементов материальной и духовной культуры. Это, в свою очередь, дает нам право предполагать, что удэгейцы от чжурчжэней восприняли не только элементы общественных и семейных отношений, бытовой культуры, но и устное народное творчество в виде разнообразных сказок и ряда исторических легенд, содержание которых с полным основанием ассоциируется с краткой историей Приморского края.

Примечания

1. Старцев А.Ф. Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.). Владивосток: ДВО РАН, 1996. С. 145.

2. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII – XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М.: Наука, 1990. С. 193.

3. Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 260.

4. Певнов А.М. Чтение чжурчжэньских письмен. СПб.: Наука, 2004.

С. 230, 232, 250, 260–261, 268, 283, 293, 298, 309, 318; Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1975. Т. 1. С. 23–24, 42, 183, 245, 531, 618; Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 17, 54, 443; Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев... С. 204–210.

5. Ларькин В.Г. Некоторые данные о родовом составе удэгейцев // КСИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1957. Вып. 27. С. 41.

6. Туголуков В.А. Институт «доха» у удэгейцев и орочей // Советская этнография. 1972. № 3. С. 107.

7. Ларькин В.Г. Орочи: (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М.: Наука, 1964. С. 75.

8. История золотой империи / отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск, 1998. С. 66.

9. Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). М.: Наука, 1983. С. 103.

10. Там же. С. 105.

11. История Золотой империи... С. 136.

12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков... Т. 1. С. 10, 48, 87, 129, 213, 477, 619; Т. 2. С. 233, 241, 269, 275, 369.

13. Воробьев М.В. Указ. соч. С. 27–30.

14. История Золотой империи... С. 57.

15. ПГОМ им. В.К. Арсеньева. № 4001–36, 36 а; 4002–25.

16. Ларькин В.Г. Материальная культура удэгейцев до установления советской власти // Труды ДВФСО АН СССР им. В.Л. Комарова. Сер. ист. Благовещенск, 1963. Т. 5. С. 78.

17. Лопатин И.А. Лето среди орочей и гольдов. Владивосток, 1913. С. 6.

18. Воробьев М.В. Указ. соч. С. 91.

19. История Золотой империи... С. 269.

20. Там же. С. 174.

21. Старцев А.Ф. Боги и хозяева трех миров в мировоззрении удэгейцев (по материалам В.К. Арсеньева) // Съезд сведущих людей Дальнего Востока: науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Хабаров. краевед. музея. Хабаровск, 1994. С. 76–78.

22. Воробьев М.В. Указ. соч. С. 48.

23. МАИЭ ИИАЭ. № 452 (удэгейский пояс); №№ 1218–1221 (ульчский пояс и его составные части).

24. МАИЭ ИИАЭ. № 109 (маска удэгейского шамана).

25. Старцев А.Ф. Этнокультурные параллели в хозяйстве и быте аборигенов Нижнего Амура и народов средневековых государств Приморья (на примере археологических и этнографических материалов XII – XX вв.) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции РАН, Владивосток, 11–25 сент. 2003 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С. 451.

Л.А. Сысоева (Красноярск)

Последнее пристанище камергера

Так уж сложилось географически и исторически, что Красноярск, расположенный в центре пересечения транспортных путей между востоком и западом, неоднократно оказывался то желанным, то невольным пристанищем всех проезжающих путешественников. И никого не оставлял равнодушным: одни им восхищались, другие отзывались о нем с легкой иронией, которая в большей мере касалась горожан, но сам же город, удачно вписанный в природный ландшафт, вызывал неподдельный восторг.

Более 200 лет назад в провинциальном Красноярске произошло событие, которое, в свою очередь, взбудоражило всех его жителей: по дороге в Петербург камергер Его Высочества Николай Петрович Резанов, прибыв больным 26 февраля, 1 марта скончался.

До сих пор существует несколько версий по поводу кончины Николая Петровича.

Официальная запись в метрической книге соборной Воскресенской церкви в графе «умершие» гласит: «Генерал-майор и кавалер Николай Петрович Резанов (40 лет) от развившейся горячки. Исповедан и приобщен. Погребен при соборной церкви. Соборне» [1].

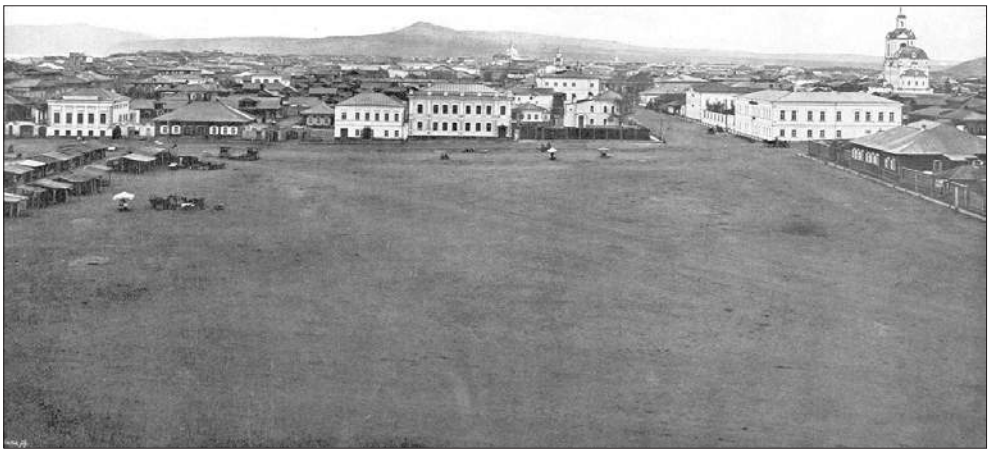
Доктор Лангсдорф в своих воспоминаниях указывает на дом, в котором жил городской советник Келлер, уроженец г. Франкфурта, его земляк. По его версии, со слов его земляка Келлера, это печальное событие выглядело следующим образом: «В середине последнего дня зимы, на дороге, ведущей из Иркутска, возникла большая суматоха. Громкий лай собак, множество зевак, увертывающихся от лошадиных копыт. Отряд из нескольких десятков казаков и двадцати или тридцати лошадей, несущихся галопом с головокружительной скоростью, сопровождающие главного врача Иркутска, который (т. е. врач), бледный, объяснил, что человек без сознания, и которого спустил один из казаков, был оберкамергер Резанов, получивший травму при падении с лошади. Келлер сразу крикнул своим слугам, чтобы разожгли огонь в большой, покрытой белым кафелем печи в гостевой комнате и приготовили большую постель. Камергер выглядел как привидение, когда они подняли его и внесли в дом. Его слуга плакал и ломал себе руки до тех пор, пока красноярский врач торопливо не позвал иркутского врача, чтобы проконсультироваться с ним, приказав всем выйти из

комнаты. Казаки были изнурены, так сильно они торопились. Они сказали Келлеру, что Резанов, по-видимому, внезапно ослабел и без предупреждения упал с лошади; они полагали, что его мимоходом ударило по голове копыто. Через несколько минут, врачи вышли из комнаты Резанова мрачные. „Нет, — сказали они резко, — о всяческих попытках передвигать его не может быть и речи. У человека тяжелое сотрясение мозга и он должен лежать в абсолютном покое“.

В течение нескольких дней Резанов лежал здесь, обычно без сознания, но иногда пробуждаясь ненадолго, невнятно бормоча слова на языке, который, как сказал слуга, был испанским. Доктора каждый день выглядели все мрачнее. Однажды их пациент попытался встать с постели, бессвязно говоря по-русски, что он должен вернуться в Петербург и немедленно. После этого он быстро ослабел.

Однажды утром он тихо открыл глаза. Находившиеся поблизости его люди увидели, что он довольно ясно все осознал, но был слишком слаб, чтобы говорить. Его глаза устремились в окно и пристально посмотрели на красноглинистые берега на другой стороне реки Енисей. Эта красная порода дала название Красноярску („красный город“). Небо было голубое в этот день, и солнце приветливо сияло над небольшими куполами церкви и золотило волны реки. Цвет счастья в России красный. Резанов снова закрыл глаза. Доктор заговорил с ним, но было слишком поздно» [2].

В «Иркутской летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова соответствующие записи гласят: «13 ч(исла) Выехал из Иркутска в Петербург камергер Николай Петрович Резанов, и от чахотки 1 ч(исла) марта скончался в Красноярске...» [3]. «13 февраля выехал из Иркутска в С.-Петербург камергер Н.П. Резанов, чувствовавший боль простудную, обратившуюся в чахотку, 26 февраля прибыл в Красноярск, сильно заболев, и 1 марта скончался» [4].



Старособорная площадь с видом на дом Родюкова, в котором умер Н.П. Резанов

Воскресенский собор с видом на могилу с памятником Н.П. Резанову

В фондах краеведческого музея сохранились воспоминания о городе почти за целое столетие (1800–1898) мещанина г. Красноярска Ивана Федоровича Парфентьева, человека по тому времени весьма образованного и нравственно порядочного (он долгие годы исполнял службу в городском суде и был частным поверенным в делах крупных купцов Сибири). Парфентьеву, с большой вероятностью, были известны многие версии, связанные с кончиной Резанова. Но он записал одну, считая ее наиболее правдивой. «О покойном же Рязанове сохранилось следующее предание, что он помер в доме Родюкова и теперь находящемся на том же месте. Земле не был предан в течение двух недель, потому что живописцы снимали с него портреты для отправки в Петербург, но тело усопшего в продолжение этих двух недель, никакому разложению не предавалось — лежал, как живой; и что в конце (18)20-х годов, богобоязненная старушка просвирня Анна Васильевна Рачковская, жившая в соборном флигеле, неоднократно видела и рассказывала о горевшей на верху памятника свече, что по свидетельству старожилов и доказывало о благочестивой жизни усопшего. На этот памятник от американской компании, я, слыхивал, ассигновано было в начале (18)30-х годов 100 тыс. руб. ассигнациями, в память незабываемых заслуг адмирала, оказанных Отечеству и, что деньги сии поступили в распоряжение председателя губернского правления Ивана Ивановича Галкина; стоит ли этой ценности памятник, я судить не могу, представляя это потомству...» [5].

Еще по одной из сохранившихся версий, Николай Петрович останавливался в доме своих давних знакомых (даже дальних родственников!) Ларионовых. Бывший иркутский купец, Петр Федорович Ларионов к этому времени перебрался в Красноярск и имел свой дом. По записи в «Обывательской книге по г. Красноярску 1807 года» имеется запись: «Петр Федорович сын Ларионов 47 лет, жена его Екатерина Михайловна 36 лет, дочь отставного дворянина Елисеева (Михаила)... в городе имеет дом покупной умершего казачьего атамана жены его вдовы Веры Осиповны дочери Томшиной (?) по Качинской улице в первой куртине под № 20» [6].

Рассматривая описанные версии, следует отметить несколько важных моментов.

Во-первых, каждая из них имеет погрешности. Так, в записи Воскресенского собора допущена ошибка в возрасте умершего «40 лет», Резанову в это время было полных 42 года, так как он родился в 1764 г. Да и дата записи, 14 марта, вызывает ряд вопросов. Умер Николай Петрович «1 марта погребен 13», такова запись на установленном памятнике в 1831 г. Если взять за основу «Воспоминания» И.Ф. Парфентьева, в которых он указывает, что две недели тело не предавалось земле «для снятия портрета» и в ожидании распоряжений высшего начальства, то с небольшими погрешностями (13–14) с датой захоронения можно согласиться.

Более разноречивы версии о месте пребывания больного Резанова и причине его смерти.

В «Летописях» Пежемского, Кротова присутствует диагноз «чахотка», который частично подтверждает официальная запись в метрической книге собора, так как заболевание «горячка», сопровождающееся высокой температурой, могло относиться и «чахотке» — старому названию туберкулеза. Возможно, оно было основным, ибо многие из современников, в том числе и указанные выше авторы «Летописей», отмечали «изможденный не здоровый цвет лица» камергера на обеде, данном им для представителей иркутского общества. Падение с лошади, если оно все-таки было, только ускорило дополнительными травмами его кончину.

Судя по воспоминаниям Келлера, переданным Лангсдорфу, и без того болезненное состояние Резанова было усугублено падением с лошади, что и явилось, по их мнению, «главной» причиной смерти. Эта позиция Лангсдорфа тоже понятна: его многие обвиняли в том, что он оставил больного Резанова без квалифицированной медицинской помощи, отказавшись от совместного возвращения в Петербург из-за желания «...вести научные исследования на Камчатке» [7] и боязни проезда по Сибири в зимнее время.

Относительно воспоминаний Келлера о том, что Резанов из окна видел «...красноглинистые берега на другой стороне реки Енисей», то данное замечание явно относится к реке Кача, левому притоку

Енисея. Именно по его «красному» обрывистому берегу, по одной из версий, был назван город «Красным яром», или Красноярском. Правый берег Енисея гористый, густо покрыт преимущественно хвойным лесом, а потому это замечание не может соответствовать истине. Если принять во внимание (что, вероятно, так и было!) нахождение больного Резанова в доме Родюкова, то больной Николай Петрович мог видеть красный яр крутого берега Качи и колокольню Благовещенского собора или гористый, покрытый лесом правый берег Енисея да купола Воскресенского собора на Старобазарной площади, куда парадным фасадом выходил указанный дом.

Что же касается версии о пребывании в доме семьи Ларионовых, то она звучит пока не убедительно.

Прежде несколько моментов о связи Н.П. Резанова с семейством Ларионовых. Исследования эпистолярного наследства семьи Ларионовых, находящегося в фондах Красноярского архива, свидетельствуют об их довольно тесной связи как с деятельностью Григория Шелихова, Русско-Американской компании, так и с Николаем Петровичем Резановым.

Общеизвестен факт усиления междоусобиц различных промысловых компаний в северо-восточном промысле. Тобольские, енисейские и красноярские купцы, имеющие богатейший опыт освоения и ведения торговых промысловых операций, в этот период оказались не у дел. Можно выделить две основные причины, которые

Красноярск. На переднем плане место захоронения Н.П. Резанова

явились непреодолимым препятствием для них в этом мероприятии. Это — Вторая Камчатская экспедиция Беринга, которая потребовала огромных как финансовых, так и людских резервов для ее реализации, и вторая, наиболее важная — пожары. В 1788 г. — сильнейший (большой!) пожар в Тобольске, тогдашней столице Сибири, кстати, в нем сгорел собранный Берингом по Сибири архив; чуть раньше, в 1773 г. сгорел дотла и без того не очень мощный, в смысле «купечества», Красноярск, осталось 42 жителя; в 1781 г. на две трети сгорает Енисейск. В эти годы набирает силу и становится центром Восточной Сибири г. Иркутск. Вероятно, разорившиеся в результате пожаров енисейские, красноярские купцы едут на жительство в Иркутск, чтобы хоть как-то поправить свои дела, кроме того, многие из них были родственно связаны с представителями купеческих родов Иркутска. (Тема, которая требует дополнительного исследования!) Иркутское купечество совместно с западными компаниями России успешно ведет промысел на северо-востоке.

Среди них известная компания иркутских купцов во главе с Мыльниковым.

Сначала иркутский, а затем красноярский купец Петр Федорович Ларионов с братьями в конце 1780-х гг. был сотрудником компании Н.П. Мыльникова. Но уже в 1795 г. Петр Федорович Ларионов (1760–21.03.1828) — числился в Красноярске в 3-й гильдии купцов с капиталом 2 010 руб.; дела его шли не всегда хорошо, т. к. были напрямую связаны с выгодным вначале американским промыслом, однако Петру Федоровичу то удача сопутствовала, то нет. Да и «порядочность» торговых сделок не могла пройти бесследно, и явно была одной из причин отъезда Ларионова из Иркутска.

Исследования Н.Н. Болховитинова доказывают, что между компаниями Мыльникова и Шелихова существовало некое сотрудничество, которое позднее, в 1797 г., привело к слиянию компаний. Так, 3 мая 1789 г. Тихон Андроников, надворный советник Иркутской казенной палаты, пишет Ларионову следующее: «...Покорно прошу подошедшие ко мне от иркутского мещанина Алексея Ивановича сына Толяна, а ему от тульского оружейника Ивана Федорова сына Левыкина по расписке получать в Охотске от рыльского купца Василия Шелихова оставленных у него для продажи от Левыкина 255 рубах, дабы торговой ценою по рубль пятнадцать копеек за каждую рубаху; буде же те рубахи проданы иля несколько изъятане как в расписке написано, то по выше писанной цене, деньги и доставить ко мне...» [8], и здесь же приписка: «...прошу приложить свое старание и по ознакомлении добыть сведения, за что я с благодарностью моею за все труды ваши заплачу приложением письма и денег охотскому коменданту Василию Шелихову...» [9]. Еще один факт. В письме генерал-губернатору И.А. Пилю от 30 августа 1789 г. Шелихов сообщает о своих «государственных» намерениях при отправ-

Памятник Н.П. Резанову

лении на Камчатку судна «Три Святителя» со всевозможными припасами. Одним из поставщиков этих припасов являлся и наш Петр Федорович, чем вызывает неудовольствие у своего тестя Евсеева. Последний, в письме к дочери, жене Ларионова, сетовал: «...а что же Петр Федорович первое намерение имел до Якутска в ярмарку свездити, ёную осень в дом прибыть... да я на зиму к нам обещался позвать, а ныне уже удалился в далечахшую страну, в Охотск, да не вздумает ли до Камчатки... Да еще, рассуждаю я, что ище его разъезды за чужим товаром не очень-то полезны...» [10].

Сохранился также перечень товаров на восьми листах, вывозимых Ларионовым 5 мая 1789 г. В перечне товаров значатся: шелковые ткани, бязь, атлас, бахрома китайские, серьги, подвески, дюжина ножей, ложек кленовых, штанов «...сукна голландского, камзол такова сукна... шинель сукна шпанского» и т. п.; всего: на сумму 7860 рублей 88 копеек» [11]. Кроме товаров пайщиков Петр Федорович вез свои собственные товары на сумму 326 руб. 37 коп.

Сложные торговые отношения с Китаем не остаются без внимания авторов писем. В них постоянно проходит информация о ценах на товары в Кяхте, о ходе торговли и проблемах, при этом возникающих.

Общеизвестно, что своих необходимых денег для ведения подобных вояжей не было. Шелихов для этой цели приобретал векселя. Несмотря на высокий процент выплаты по векселям, доход от промысловых экспедиций был высок. Векселя ему предоставляли не только купцы, но и чиновники. Учитывая добропорядочность и на-

дежное партнерство Ларионова, ему довольно часто доверяли быть посредником в подобных операциях. «Прошлого 1789 года июля 4 дня, — пишет Петру Федоровичу жена надворного советника Иркутской гражданской палаты Акулина Семеновна Андроникова, — послала я к вам в Охотск через почту при засвидетельствованном письме на разных лиц с реестром людей векселя, письма и контракты, находящихся в морском вояже на судах купцов: тульского Ивана Орехова с товарищи, иркутского Киселёва и рыльского Григория Шелихова; но как вы иркутскому мещанину Сергею Добринскому пишите, что вам нет времени по тем векселям, письмам и контрактам взыскания делать, то и покорнейше вас прошу оные верящее письмо, векселя, письма и контракты отослать в Талея (Тальцы?) к зятю моему штатной команды прапорщику Ивану Норину...» (письмо от 8 мая 1790 г.)

В обмен на векселя в 1790 г. Шелихов продает Мыльниковым и Мичуриным пушнину на 23 500 руб. В 1793 г. Г.И. Шелихов и И.Л. Голиков разделили свой капитал (как известно, не в пользу Голикова) [12]. Свидетелем этого «шельмования» был крупный кредитор Шелихова Мыльников, который, в свою очередь, тоже не всегда поступал по чести. «...Еще вижу я и не мало сожалею, что вам произошло от Мыльникова, — пишет зятю Елисеев. — ...Однако не тужи, бог всемощен мертвых и живых милует и наказует... Права старая пословица «Чужим животом торговать, одно только время препровождать» [13].

Но не только Петр Федорович участвует в деятельности компании Шелихова. Еще два брата Ларионовых, а позднее и их дети, племянники Петра Федоровича, активно работают на промыслах. Братья Емельян Григорьевич и Степан Федорович принимают решение жить постоянно один на Уналашке, другой недалеко от Ситки в Ятукае. Об этом сообщает Елисеев в письмах дочери: «...братец его Степан понемел себе жену Парасковью Васильевну и немного живши оставил странствовати равно заведши их на чужую страну и оставить на долгое время» [14] (от 21 июня 1792 г.) или «...Мы первую весть услышали, что зимующий у Емельяна Григорьевича прикащик Иван, а ныне сентября 8 числа через здешний город (Красноярск. — *Л. С.*) проехал в Москву, об оном сказали поутру; а после обеда оного же дня по почте от Емельяна Григорьевича мы получили письмо...» [15]. Мать Ларионова с горечью сообщает сыну Петру о брате Степане, «...которой сюда не вышел, да, говорят, что едва ли выйдет, потому что завелся там домом и детьми...» [16].

Руководство Емельяном Григорьевичем Уналашкинским отделением было омрачено конфликтом с экипажем судна иркутских купцов Киселевых «Св. Зосима и Савватий» (мореход А. Сапожников) под началом приказчика Кожина Василия. Последние возмущали его своим «...распутством и глупыми приказами» [17].

Ева Иверсен на встрече в Красноярском музее

Так что к моменту появления Николая Петровича Резанова в доме Шелиховых семья Ларионовых была тесно связана с последним общим промыслом на островах и на Аляске. Породнившись с Шелиховым (Резанов женился на его дочери Анне), Николай Петрович наверняка мог быть знаком и с Ларионовыми. А после создания Руссийско-американской компании братья Ларионовы становятся ее акционерами и активно занимаются промыслами, выполняя важные поручения. Более плотно Николай Петрович контактирует с братьями после своего неудачного вояжа в Японию. Согласно документам и другим письменным свидетельствам того времени Емельян Григорьевич Ларионов исполнял должность управляющего конторы на острове Уналашке. После 1806 г. он надеялся на возвращение домой, «...хотел на том судне войти в Охотск, но уговорил его Баранов письменно, а г(осподи)н Резанов, бывши у него советами... за что получив от него медаль на (алой?) ленте... Остался до нынешнего году, в которой пообещал выйти... и с собой вывести Василия племянника. Что же до братца вашего Стефана (Степана?), то писем от него нет; а из писем Барановских приметно, что он остался близь Ситки в Екутате (Якутате) правителем или старшиною...» — сообщает в письме П.Ф. Ларионову в Красноярск 24 июля 1806 г. М. Мясников из Иркутска [18]. Он еще не знает о трагедии в семье Ларионовых. В 1806 г. Ларионовы понесли серьезные утраты. На Уналашке умирает 2 июня Емельян Григорьевич, который «...одержим был болезнью два года, а равно ж и братец ваш, — сообщает

в письме жена Емельяна Григорьевича Елена, — Степан Федорович прекратил жизнь свою за Ситкой в крепости Екутате (Якутате. — *Л. С.*) побит диких народов и с ним побито русий 11 человек. Мы о нем получили известие от Александра Андреевича Баранова...» [19]; сестра Ларионовых, Фёкла добавляет следующее: «...наш братец, Емельян Григорьевич оставил здешний свет прошедшего года июня 2-го числа; Елена Федоровна прожила еще два месяца после его смерти на месте, а потом по приказанию еще Николая Петровича Резанова зашла на их судно и она отправилась и зимовала в Камчатке и вышла благополучно в Охотск...» [20]. Сам же Резанов возвращался на родину на другом судне. В своем письме графу Румянцеву Николай Петрович сообщал, что «...зимовавший здесь бостонский капитан Вульф, „Юнону“ нам продавший, просил отдать ему ето («Ростислав». — *Л. С.*) судно, что он сам им управлять будет с бременцем Подгашем, который в Россию возвращается. Я согласился на то, знав, что Вульф, видев наших офицеров, бежит всякого с ними не удовольствия. Стыдно столь неприятное заключение иностранных, но между тем они правы. Доктор мой (Г.И. Лангсдорф) также пожелал возвратиться в Россию на „Ростиславе“, зимовка их здесь с Вульфом подружила, и я весьма рад был, что в експедиции моей не будет ни одного иностранца свидетелем; но из опыта скажу Вашему Сиятельству, что никогда их посылать не должно; доброе обхождение с ними делает их каприсиозными, я довольно испытал сих ученых попугаев...» [21].

Возвращение домой не было благополучным. К моменту последнего появления Резанова в Красноярске Петр Федорович уже приобрел себе дом и заключил сделку на усадьбу коллежского регистратора Сабурова, что напротив усадьбы Родюкова.

Но он вряд ли принимал у себя Резанова. По крайней мере, из прочитанных 105 писем (эпистолярное наследие составляет свыше 300 писем разных авторов), относящихся к этому периоду, такой факт не упоминается. По тем временам дом был мал для приема гостя подобного рода, а приобретенный вновь тоже не был готов. Скорее всего, больного Резанова поместили в доме Родюкова, который славился своей добротностью, удобством расположения и в нем постоянно квартировали приезжие «высокие» чиновники. Сохранилось описание усадьбы тех лет: «...деревянный против гостиного двора по Воскресенской улице на Старобазарной площади, на 8 саженях; в нем 10 комнат, 5 голландских печей, одна кладовая; на дворе кухня и людская; конюшня, завозня, два подвала и оранжерея..» [22].

Кроме того, позднее, после образования Енисейской губернии, в 1822 г. в ней проживал первый губернатор А.П. Степанов. Возможно, и чиновник Келлер в это время снимал там комнату. (Исследования в этом направлении на основе архивных материалов продолжаются.) Однако есть предположения, что Ларионов неоднократно

мог навещать Резанова. В 1921 г. в фонды Красноярского музея поступили материалы из дома репрессированной семьи Ларионовых. Среди них оказались предметы, связанные с первым кругосветным путешествием русских: портреты Крузенштерна, естествоиспытателя Телезиуса и его жены, чайная пара с дарственной надписью на немецком языке — подарок Крузенштерну от Телезиуса. Японские вещи: портмоне с кисточками для письма и миниатюрная металлическая коробочка, в которой, вероятно, могла быть мазь (общеизвестно, что Резанова лечили японские врачи от радикулита мазями). Подлинность вещей, т. е. производство, датировку, подтвердили представители Японии, побывавшие в музее. В Красноярском государственном архиве, в фонде известного красноярского библиофила Геннадия Васильевича Юдина сохранились эпистолярное наследие семьи Ларионовых и документы по деятельности РАК. Сын Петра Федоровича Ларионова Иван Петрович продолжил свое участие в деятельности компании, был хорошо знаком и дружен с Юдиным. Зная пристрастия земляка, он мог, после ее ликвидации, передать документы Геннадию Васильевичу. Все эти моменты на сегодняшний день не достаточно глубоко изучены и требуют уточнений, чему будет способствовать дальнейшая работа над фондом.

Похоронен Николай Петрович Резанов был на территории Воскресенского собора. Собор был разрушен в 1930-х гг., а территория расчищена под новую застройку в конце 1950-х — начале 1960-х гг. На месте собора построен Большой концертный зал. Официального перезахоронения могилы не было. На месте захоронения установили камень, который долгие годы являлся своего рода памятником камергеру. В связи с 200-летием первого кругосветного путешествия и смерти Николая Петровича на месте могилы восстановлен памятник РАК и поставлен новый. На его открытие приезжали представители из Калифорнии Ева Иверсен и Леонид Находкин. К сожалению, последняя точка в истории последних дней Резанова в Красноярске так и не поставлена.

Примечания

1. ГААК. Ф. 559. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
2. By Hector Chevigny. Lost Empire. The Life and Adventures of Nikolai Rezanov. Portland. Oregon. Sixth Printing, 1979. С. 309–314 (Шевиньи Гектор. Утраченная империя. Жизнь и приключения Николая Резанова).
3. Иркутская летопись. (Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). Иркутск, 1911. С. 205.
4. Там же. С. 206.
5. By Hector Chevigny. Lost Empire. The Life and Adventures of Nikolai Rezanov. Portland. С. 301–302.
6. ГААК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 14. Л. 28 об.–29.

7. By Hector Chevigny. Lost Empire. The Life and Adventures of Nikolai Rezanov. Portland. С. 300–302.
8. ГААК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4427. Л. 1–1 об.
9. Там же. Л. 2.
10. Там же. Д. 4469. Л. 1–1 об.
11. Там же. Оп. 76. Д. 4477. На 8 листах.
12. Там же. Оп. 1. Д. 4427. Л. 2.
13. Там же. Л. 3.
14. Там же. Д. 4469. Л. 2.
15. Там же. Д. 4472. Л. 2 об.
16. Там же. Д. 4477. Л. 1.
17. История Русской Америки 1732–1867 гг. 1–2 т. / под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1997.
18. Там же. Д. 4480. Л. 4 об.
19. Там же. Д. 4478. Л. 2–3 об.
20. Там же. Л. 1–2 об.
21. Россия в Калифорнии: сб. док.: в 2 т. М.: Наука, 2005.
22. ГААК. Ф. 224. Оп. 1. Д. 12. Л. 58 об.–59.

Источники

1. ГААК. Ф. 796 (Г.В. Юдина). Оп. 1. Д. 4418, 4419, 4420, 4421, 4422, 4423, 4424, 4425, 4426, 4430, 4431, 4432, 4433, 4434, 4435, 4436, 4437, 4443, 4444, 4445, 4446, 4462, 4463, 4467, 4468, 4469, 4470, 4471, 4474, 4475, 4476, 4477, 4479, 4495, 4496, 4508, 4509.
2. ГААК. Фонд 559 (Воскресенский собор). Оп. 1 Д. 1.
3. ГААК. Ф. 160. Оп. 2. Д. 5, 7, 10; оп. 3, д. 334, 336, 337.
4. ГААК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 5, 12, 13, 14, 31, 32, 63, 82, 96.
5. «Воспоминания». И.Ф. Парфентьев. Рукопись. КККМ о\ф. 7886–231.
6. «Краткая летопись Енисейска». А.И. Кытманов. Машинопись. КККМ. о\ф.7886\229.

Публикации

1. Историческое обозрение образования Российско-американской компании. Т. 2. П.А. Тихменёв. 1863.
2. История Русской Америки 1732–1867 гг.: в 2 т. / под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Международные отношения, 1997.
3. Командор / сост. Ю.П. Авдюков, Н.С. Ольхова, А.П. Сурник. Красноярск, 1995.
4. Жизнеописание А.А. Баранова, главного правителя российских колоний в Америке. СПб., 1835.
5. Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова. Иркутск, 1911.
6. Россия в Калифорнии: сб. док.: в 2 т. М.: Наука, 2005.
7. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

Д.Б. Тарасенко (Владивосток)

Этнографические наблюдения Н.В. Кирилова на Аляске в 1905 г.

Николай Васильевич Кирилов (1860–1921) — врач, общественный деятель, один из исследователей Сибири и Дальнего Востока. Круг интересов Кирилова включал в себя антропологию, этнографию, краеведение и метеорологию. Работал в Забайкалье (1885–1896), на Сахалине (1896–1899, 1903), в Приморье (1899–1902, 1905–1914), в Николаевске-на-Амуре (1915–1917) и в Благовещенске (1918–1921). Действительный член Общества изучения Амурского края (1898–1915) [4, с. 8], учитель, друг и соратник В.К. Арсеньева.

В основу настоящего доклада легли следующие статьи Н.В. Кирилова 1) «Санитарная обстановка и болезни полярных стран (преимущественно Северо-Востока Азии)» (1906), 2) «Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову» (1912), 3) «К колонизационному совещанию о низовьях Амура» (1916).

Все три вышеупомянутые статьи написаны Н.В. Кириловым по материалам, собранным во время его поездки на Аляску в 1905 г. Кирилов посетил г. Ном, в котором провел около месяца. Объектами интереса Н.В. Кирилова были: образ жизни местного населения, системы образования и медицинского обслуживания, экономика Аляски. Значительное внимание Кирилов уделил американской колонизационной политике на Аляске. Помимо личных наблюдений, при написании статей Кирилов также использовал официальные отчеты («Голубую книгу» и др.), материалы российской и американской прессы и специальную литературу об Аляске.

Все население Аляски Кирилов разбил на две группы: белые (пришлые) и аборигены (коренные жители). К последним он отнес эскимосов и индейцев. До перехода Аляски под юрисдикцию США эскимосы занимались охотой на морских животных, рыболовством и разведением собак для перевозки людей и тяжестей. После присоединения к Соединенным Штатам в 1867 г. стали развиваться и другие отрасли — китобойный промысел, оленеводство и золотодобыча.

По сведениям Кирилова, американское государство предприни-

мает энергичные усилия по разведению оленей на Аляске. С этой целью оленей завозят с Чукотки, из Сибири и даже из Норвегии. Хозяйственное значение оленеводства велико: во-первых, олени — источник мяса, во-вторых, их можно использовать для перевозки грузов и пассажиров. Эта политика преследует цель: «дать туземцам новый источник жизни в разведении домашних оленей, от которых можно иметь достаточный запас мехов, шкур и мяса для собственного потребления и на продажу» [1, с. 301].

В китобойном промысле занято пришлое население. Судоводителями нанимают норвежцев, а матросами — зачастую беглых каторжников. Жизнь китобоев тяжела и полна лишений. Рейс может длиться один-два года, т. к. зимой судно может вмерзнуть в лед и экипаж вынужден зимовать. Часты крушения. Поэтому, сообщает Кирилов, проплавав год, каторжники заявляют о готовности просидеть год в одиночке, чем зарабатывать на жизнь китобойным промыслом [3, л. 13].

Сведений о жизни и быте рабочих золотых приисков у Кирилова нет.

Значительное место в статье отведено впечатлениям об американском городе Номе. Кирилов пишет, что основанный в 1899 г. (сведения Кирилова. — *Д. Т.*) Ном превратился в экономический и культурный центр Аляски. Основой экономического процветания города является золотодобыча. В 1905 г. в Номе проживало до 5 000 жителей; насчитывается до 2 000 домов, вытянувшихся в несколько улиц, общей длиной до 6 — 7 миль [1, с. 328]. По свидетельству Кирилова, «каменных зданий нет, их не вынесла бы почва [город был построен в тундре, объясняет Кирилов. — *Д. Т.*], они дали бы трещину: преобладают деревянные постройки — коттеджи и миниатюрные кабинеты-дачки; сотни три крупных зданий. Выдаются большие здания — 2-х школ, 3-х церквей, 4-х гостиниц, 3-х клубов, госпиталя, суда (суд с присяжными заседателями), магистратуры, торговой палаты, некоторых торговых домов» [1, с. 329]. Большинство зданий — в один или два этажа, однако Кирилов видел и несколько трехэтажных зданий.

«Банков 3, — продолжает Кирилов, — страховых агентов 6, пароходных контор 12, приисковых компаний более 10, бюро приискания работ 2, клуб союза рабочих 1, нотариусов 10, горных инженеров 20, у многих лаборатории. Телефонных абонентов 400; электрического освещения до 2 000 ламп. Водопровод проведен за несколько верст от города. Жизнь кипит и ночью, освещены и работают парикмахерские, салоны (не менее 20, обширные), кухмистерские, кофейные-булочные» [1, с. 329]. Имелись небольшой флот и железнодорожная колея до ближайших приисков [3, л. 14].

В 1905 г. город имел пять пароходных пристаней; за навигацию его посещали более 80 пароходов, привозивших до 15 000 пассажиров. Строилась гавань для китобоев. Было налажено регулярное пароходное сообщение с американскими городами на тихоокеанском побережье, с Японией и Китаем.

Кроме этого в Номе имелись: таможня, беспроволочный телеграф, множество магазинов. В магазинах в продаже было свежее молоко. На высоком уровне было поставлено медицинское обслуживание населения: в Номе была больница («госпиталь на 50 коек»), 5 аптек, 15 врачей. «Промысла вызывают врачей по телефону; обыкновенно не далее 10 миль от резиденции имеется врач» [1, с. 326]. Неимущие получали медицинскую помощь бесплатно — за счет города.

Существовал профсоюз горнорабочих, установивший поденную плату 5 долл. в час [3, л. 16]. Это дополнялось трехразовым питанием за счет хозяина, причем в рационе ежедневно должны были присутствовать мясные блюда. Среди жителей города были распространены общества взаимной помощи. Эти общества, в частности, оплачивали медицинское обслуживание своих членов.

По свидетельству Н.В. Кирилова, «население Нома чрезвычайно пестрое: здесь и негры, и выходцы из всех стран Европы, из всех Штатов Америки, из Аргентины, Мексики, Японии, Китая (из Средней Азии, Закавказья)...» [1, с. 331].

Кирилов сообщает, что в 1905 г. в Номе было до 20 человек русских рабочих. Из них четыре человека перешли с Чукотского полуострова, остальные с Сахалина, из Владивостока и Порт-Артура. «Удивительны превращения, которые свершились с этими людьми. Все они усвоили английскую речь, вообще легко дающуюся при изучении „на слух“; многие посещали вечерние классы для взрослых, научились грамоте, разбирают газеты, пишут по-английски; вообще все хорошо знают свои права в новой стране и быстро научаются уважать чужую личность; взгляд у них смелый, речь твердая, во всей фигуре видно сознание своей силы, уверенность в завтрашнем дне; они здесь лучше кормятся, лучше одеваются, все по американскому обычаю часто бреются; все вошли членами в союз горнорабочих или в другие организации; помогают вновь прибывающим землякам и не чувствуют себя одинокими; никогда не было среди них не было драки, ругани... Правда, некоторые из них еще часто напиваются, не могут примириться с малым числом „праздников“ в Америке и дают себе экстренные отдыхи по усмотрению...

Но многие рабочие тоскуют по родине, хотели бы вернуться домой... если б „легче“ дома жилось, если б не подверглись преследованиям за отлучку и была бы такая же „свобода“ в занятиях и во взаимном обращении, как в Америке» [1, с. 330 — 331].

Кроме русских Кирилов насчитал до 50 евреев — эмигрантов из России. Они владеют 15 магазинами, внешне ассимилировались с американцами, но готовы с капиталами вернуться домой.

Летом Ном посещают кочевые эскимосы, целыми семьями (до 100 палаток) они размещаются по реке Snake. «Многие живут и зимой по окраинам города в мелких домиках с железными печками. Многие из них занимаются рыбной ловлей и носят добычу на базар; другие возят тяжести на собаках или водой. Одна артель инородцев построила себе (из купленного привозного леса) парусную шхуну в 15 тонн вместимости и делает хороший оборот» [1, с. 331].

Уровень преступности Кирилов оценивает как низкий (по одному убийству в 1902 и 1903 гг., нет грабежей и разбоев), объясняя это отсутствием безработицы и поголовным вооружением местных жителей.

В приобщении коренного населения Аляски к современным достижениям цивилизации очень важную роль играет школа. По свидетельству Кирилова, школы на Аляске принадлежали религиозным миссиям и субсидировались правительством. Всего он насчитал 59 школ для инородцев, из них 20 принадлежало православной миссии. Все обучение ведется на английском языке. Для православных алеутов, пишет Кирилов, имеются местные учебники, «созданные по конкурсу Вашингтонского правительства, весьма простые, но дающие с первых страниц понятие о гражданских правах и обязанностях американцев, о богатствах страны и эксплуатации их, в самых доступных для ума детей инородцев выражениях» [2, с. 2]. Для эскимосов, свидетельствует Кирилов, учебников нет. Обучение смешанное — мальчики и девочки учатся вместе.

Школы для детей коренных жителей Аляски устроены с общежитиями для учащихся. «Обучение для них начинается с простой разговорной речи и поставлено прежде всего с воспитательной целью, ради расширения полезных потребностей обстановки, усвоения новых привычек к минимуму комфорта: всех обучают умываться, переменять белье, оправлять постель, употреблять ложки, вилки, салфетки; — девочек учат шить, кроить, убирать посуду, работать на кухне, жарить, варить, изготовлять консервы; мальчиков приучают к мастерству — по дереву, кости, коже; на все имеются альбомы образцов, модели машин кустарных, учебные коллекции изделий. Но этого мало: школы эскимосские обратились в оленеводческие фермы. На них эскимосы обучаются скотоводству, уходу за домашним оленем, не бродячим, а „оседлым“» [2, с. 2].

«Интересно наблюдать, как в течение первого же года пребывания в школе „перерождаются“ дети инородцев: их приучают к опрятности, к платью, к новой обстановке жилья, к новой диете

(сгущенное молоко и пр.); и дети любят школу, рвутся в нее, проникаются уважением к высшей культуре. <...> Многие туземцы в Южной Аляске, благодаря школе, уже ассимилируются с гражданами Штатов, кладут сбережения в банки Сан-Франциско, читают газеты...» [1, с. 325]. При этом дети коренных жителей воспитываются рядом с детьми белых.

При миссиях для эскимосов устроены приезжие дома, в которых их угощают чаем, с ними беседуют. Спаивать эскимосов строжайше запрещено, сообщает Кирилов, такие случаи предаются огласке в прессе и виновным грозит 5 месяцев тюрьмы. Здесь же есть лавки предметов обихода для аборигенов, скупка «произведений туземцев», почтовые отделения. Вся торговля ведется по свободным ценам. При миссиях есть аптеки, а также нуждающимся оказывается медицинская помощь. Ее оказывают те же священники-миссионеры, прошедшие специальные курсы.

Итак, религиозные миссии приобщают коренное население Аляски к западной культуре, соединяя образование, религиозное просвещение и врачевание. Эту методику Кирилов считает главным достижением американской колониальной политики.

Сравнивая российский опыт колонизации той же Аляски с американским, Кирилов приводит факты, свидетельствующие в пользу американской администрации. Следы русского влияния Николай Васильевич сводит к двум моментам:

а) в словарь туземцев вошла масса русских слов;

б) христианизация местных жителей носила поверхностный характер. «Христианство многие приняли, хотя не глубоко, не оставив своих прежних верований» [1, с. 324].

По данным Кирилова, уровень жизни коренных обитателей Аляски значительно повысился после 1867 г. «Американцы вменяют себе в обязанность обеспечить семью эскимоса минимумом, в 5 раз превышающим тот минимум, какой наблюдается на сибирской стороне» [1, с. 302]. Уровень жизни местных кочевых эскимосов показался Кирилову гораздо более высоким, чем по ту сторону Берингова пролива: они пользовались палатками, у них были железные печки, а некоторые из них полностью одевались на американский манер.

Разницу в уровнях жизни коренного населения Сибири и Аляски Кирилов объясняет следующими факторами:

– экономический — золотые прииски;

– политический — американское правительство уделяет больше внимания Аляске, чем российское — Чукотке.

К числу достоинств американской колонизации Аляски Кирилов также относит демократический режим в Соединенных Штатах, высокий уровень гражданского правосознания. В Америке, пишет он, «не верят в возможность воспитания голубиных

свойств в природе человека и многие все строят на принципе „не зевай“. <…> В Америке нет лицемерия, свобода фокусничества, рекламы мошенничества, и от них оберегается каждый… умственным развитием, собственной критикой, так как всеми признано, что „опекуны“ и „бюрократы“ при всяком контроле ухитряются прежде всего „стянуть, что плохо лежит“. Но, благодаря общему высокому уровню гражданского развития, сознания своих личных прав, в Америке удивительно обеспечена как жизнь, так и собственность всякого обывателя, хотя бы иностранца» [1, с. 332]. Население, подчеркивает Кирилов, привыкло уважать законодательство, это — одно из следствий демократического режима. «Американский суд весьма популярен и среди иностранцев, и среди туземцев. Во-первых, он принимает жалобы и на административных лиц, во-вторых, разбирается быстро, в-третьих, лишен формальностей, прост, опирается главным образом на наличных свидетелей, представляемых тяжущимися сторонами; в-четвертых, и в гражданских спорах представляет решающее слово присяжным заседателям, т. е. выборным от общества» [1, с. 336–337].

Демократия и наличие свободной печати также ведут к смягчению эксплуатации аборигенов и к росту их правового самосознания. «…Грамотные из них научаются смело отстаивать свои интересы, находят „вольных адвокатов“; и в среде их растет все более уверенность, что от любой обиды они найдут не только удовлетворение за гробом (по христианской религии), но и защиту здесь» [1, с. 336]. Даже чукчи, продолжает Кирилов, приходят в Ном с жалобами на китобоев, и их жалобы печатаются в газетах.

В своих статьях Н.В. Кирилов, помимо сведений о культуре и быте жителей Аляски, касается проблемы менталитета туземцев, а конкретно — «работоспособности инородцев» [3, л. 18]. Суть проблемы заключается в том, что местное население не пригодно к длительному систематическому труду. «…Для доказательства малой производительности труда и неспособности к ровной культурной работе северных инородцев Америки, приводят еще тот довод, что в южной части Аляски на рыбные промыслы пробовали нанимать туземцев в качестве рабочих, но должны были их отпустить и заменить китайцами…» [3, л. 19].

Кирилов берет под защиту местных жителей, сравнивая их с русскими крестьянами. Коренных жителей Аляски и русских крестьян объединяет импульсивность, отсутствие навыков к регулярному систематическому труду. Это объясняется природно-климатическими условиями: в течение рыбопромышленного сезона местный «инородец» должен позаботиться о годичном запасе пропитания для своей семьи, так как в прочее время года он не умеет ловить рыбу.

Вдобавок местное население не знакомо с кооперацией, с разделением труда. Китайский рабочий же в этом отношении имеет ряд преимуществ: он приучен работать «ровно», изо дня в день, без праздников. «Китаец издавна привык к разделению труда, к выполнению его специальными приемами „машинной“ кооперации...» [3, л. 19]. К тому же китайский рабочий соглашается работать за небольшое оплату, так как он человек пришлый, семьи у него нет, а после окончания сезона он легко сможет найти себе работу в более южных широтах.

Этнографические наблюдения, сделанные Н.В. Кириловым на Аляске в 1905 г., представляют историческую ценность сами по себе, как свидетельство не просто путешественника, а ученого-исследователя. Сделанные Кириловым обобщения, с точки зрения автора, не потеряли актуальности и в настоящее время. Например, идея о преимуществах китайских рабочих, пригодности китайского менталитета для массового промышленного производства, основанного на несложном труде, сегодня, похоже, подтверждается на наших глазах.

Литература

1. Кирилов Н.В. Аляска и ее отношение к Чукотскому полуострову // Известия Императорского Русского географического общества. Т. 48, вып. 1. СПб., 1912. С. 295–341.

2. Кирилов Н.В. К колонизационному совещанию о низовьях Амура // Далекая окраина. 1916. 8 марта. № 2862. С. 2–3.

3. Кирилов Н.В. Санитарная обстановка и болезни полярных стран (преимущественно северо-востока Азии) // РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 296. Л. 3–39.

4. Лищинский Б.Д. «Мой труд нужен здесь...»: Н.В. Кирилов на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. 59 с.

Л.А. Типикина (Тюмень)

От Тюмени до Америки

Торговым же сословием город Тюмень первенствует, и, что важнее всего, духом торгового сословия ушел далеко вперед против всех городов сибирских и очень многих русских...

И. Завалишин

В Тюмени хорошо знают и помнят местных купцов Колокольниковых.

Род Колокольниковых в течение нескольких столетий был участником важнейших событий в истории Сибири и берет свое начало от пеших казаков. В XVII – XVIII вв. его представители входили в состав сибирской «служилой аристократии», участвовали в присоединении Сибири к Российскому государству и ее освоении. Главным делом семьи было литье колоколов, благодаря чему и закрепилась за ними фамилия Колокольниковых. Когда в Москве обсуждался вопрос о строительстве железных заводов на Урале, а это было еще в 1699 г., то взялся «делать образцы» или формы для литья пушек тюменский мастер Елизар — сын Колокольников. В первой четверти XVIII в. они являлись владельцами крупной литейной мастерской, применяли в ней свой семейный труд, но с преобладанием чужого наемного труда. Работа в мастерской велась как на заказ, так и на рынок. В ней отливали на продажу церковные колокола, дорожные колокольчики, медную и оловянную посуду. Высокая квалификация и знакомство с орудийным производством позволили отливать и такие сложные изделия, как пушки. Сколотив капиталы, они отошли от литейного дела.

С конца XVIII в. Колокольниковы прочно вошли в деловую элиту Сибири. Семья тюменского 1-й гильдии купца Ивана Петровича Колокольникова была большой: шесть сыновей и дочь. После смерти его вдова с детьми учредила в 1895 г. фирму под названием «Торговый дом И.П. Колокольникова Наследники» с главной конторой в Тюмени и филиалами в Вятке, Кургане, Перми, Челябинске и Омске. Торговали мукой, чаем собственной выписки из Китая, сахаром. Торговый дом «И.П. Колокольникова Наследники» держал монополию на чай на Ирбитской ярмарке вплоть до 1914 г.

Смутные события начала XX в. разбросали тюменских купцов от Америки до Японии и Китая: сын Степан оказался в Америке, а Виктор — в Маньчжурии. К сожалению, за границей не осталось наследников, т. к. Виктор Иванович был холост и не имел детей, а у Степана Ивановича 4-летний сын умер еще в 1916 г. в Тюмени. В настоящее время по России насчитывается 9 человек — прямых потомков этого славного рода. В Иркутске живут двое прямых потомков: Колокольников Арсений Александрович (1920 г. р.) и Буркова Лидия Николаевна (1925 г. р.). Своими воспоминаниями они очень помогли музею. Достойно пережив нелегкие для купеческих потомков времена, испытав все тяготы утрат, репрессий, несправедливых обвинений, эти люди не озлобились, не затаили обиду на власть, а просто жили вместе со всеми нашими соотечественниками, применяя свои знания, опыт и таланты во благо своей Родины.

Правнучка И.П. Колокольникова в Красноярске — предприниматель, организовала и возглавляет Торговый дом с символическим названием «Воскресенский». Московский филиал фирмы украшает портрет ее деда — Антона Ивановича Колокольникова. Родовой дом купцов Колокольниковых в Тюмени стал в советское время музеем «Штаб-квартира В.К. Блюхера» (в годы Гражданской войны здесь размещалась ставка легендарного комдива), а ныне вместе с их бывшей чайной лавкой вошел в состав филиала тюменского областного краеведческого музея под названием «Музей-усадьба Колокольниковых».

История поиска следов Колокольниковых в США началась еще в 1996 г., когда стало известно о том, что после эмиграции из России Мария Николаевна Колокольникова (жена старшего из братьев — Степана Ивановича) какое-то время работала в одной из библиотек г. Нью-Йорка. На запрос, сделанный сразу в несколько библиотек США, пришел ответ из Нью-Йоркской Публичной библиотеки. Приложение — результат компьютерного поиска библиотечного клерка с полным перечнем дел, хранящихся в архивах Библиотеки Конгресса в Вашингтоне и библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке. Список получен 25 ноября 1996 г.

Согласно сопроводительной записке, всего в архиве 125 единиц хранения (2 коробки и папка). Называют Степана Ивановича не иначе, как бизнесменом и членом «Первой Русской Государственной думы». В одной папке находятся деловые бумаги, финансовые отчеты и три бухгалтерские книги Торгового дома Колокольниковых за 1917 г. Во второй — записная книжка под названием «Американское содружество», замечания и параллели по книге Брайса (Bryce), проект Сибирской привилегированной корпорации, документы и несколько фотографий. Что очень важно — обозначены даты жизни С.И. Колокольникова (1867–1925),

т. к. до этого год смерти нам известен не был. В результате длительной переписки в 2004 г. для новой экспозиции нашего музея из Америки пришла посылка с микрофильмами документов, относящихся, главным образом, к Тюменскому периоду жизни Колокольниковых (то, что С.И. захватил с собой), а также к периоду жизни в Маньчжурии. К глубокому нашему сожалению, нам ничего не известно о жизни и деятельности наших земляков в Америке, об участии и роли их в обществе «Американское содружество». Тем не менее Колумбийский университет оказал нам неоценимую услугу, и хотелось бы еще раз выразить глубокую признательность и огромную благодарность всем сотрудникам американского архива, которые проявили понимание и оказали помощь в работе с копиями интересующих нас документов. К настоящему времени работа по расшифровке записей (много рукописного текста) продолжается.

Распорядитель известного когда-то далеко за пределами бывшей Тобольской губернии Торгового дома «И.П. Колокольникова Наследники», личный почетный гражданин С.И. Колокольников, как и большинство наших земляков, в 1918 г. вынужден был скрываться. Заплатив 2-миллионную контрибуцию, наложенную на самых богатых людей Тюмени, он вместе с женой и братом Виктором Ивановичем навсегда покинул родной город. Напомню, что у Степана Ивановича было пятеро родных братьев, но с Виктором они были просто неразлучны. Какое-то время Степан с женой и Виктором скрывались на территории собственного мукомольного завода в г. Омске. С ними находился вместе опальный друг Степана Ивановича Г.Е. Львов, с которым он близко сошелся еще в 1906 г., будучи членом I Государственной думы от Тобольской губернии. Львов неоднократно бывал в Тюмени, а в 1918 г. даже какое-то время жил у Степана, скрываясь от преследования властей. Дружба с князем оказала огромное влияние на дальнейшую судьбу С.И. Колокольникова, поэтому хочется остановиться на этой легендарной фигуре подробнее.

Во время войны с Германией князь Львов возглавлял земской и городской союз или «Земгор». Георгий Евгеньевич обладал высшим даром — доставать деньги (неважно, у государства или у частных лиц) на организацию новых предприятий. «Земгор» снабжал действующую армию медикаментами и провиантом. Даже союзники России поставляли военные материалы ультимативно — только для использования «Земгором», зная, что средства будут потрачены строго по назначению.

В князе Львове россияне видели спасителя Отечества. Он отличался от остальных политиков благонравностью, скромностью и честностью. Именно его выбрали председатели губернских и земских управ премьер-министром Временного правительства, когда

рухнуло в России самодержавие. По поручению премьера Столыпина, будучи депутатом Государственной думы, князь Львов возглавил экспедицию в Сибирь и на Дальний Восток. Сделанный им тогда экономический анализ привлек внимание не только правительства, но и Ленина. После ухода в отставку с поста премьер-министра Временного правительства, с целью изучения природных запасов этого края и их использования Г.Е. Львов создал акционерное общество в Москве (Московское бюро), филиал которого (Сибирское бюро) находился в Тюмени.

В 1918 г. в Омске, где временно остановились Колокольниковы с князем Львовым, обосновалось Временное Сибирское правительство. Установление диктатуры Колчака друзья не приняли и в сентябре все вместе отправились на Дальний Восток. Здесь неразлучные до сего времени братья Колокольниковы на какое-то время расстались.

Что касается судьбы Виктора Ивановича Колокольникова, то после расставания с братом он еще какое-то время жил во Владивостоке и создал там Беженский комитет. В 1920 г. он получил заграничный отпуск и уехал в Японию, г. Иокогама, где продолжил преподавательскую деятельность, а в 1922 г. приехал в Харбин и первое время занимался коммерцией.

Судьба Степана Ивановича Колокольникова и его жены стала известна из Опросных листов, заполненных ими в Штабе Приамурского военного округа 14 сентября 1918 г., где на вопрос «Куда именно предполагается выехать за границу» супруги Колокольниковы и князь Львов записали: «Япония, Америка». Целью поездки за границу продолжительностью три месяца указано: «по поручению Сибирского правительства для снабжения Сибирской армии». Колокольникова Мария Николаевна цель своей поездки за границу в «Опросном листе» обозначила так: «Личный секретарь князя Львова, знакомство с постановкой... дела в Америке». Следовательно, конечным пунктом была Америка.

В марте 1921 г. в Праге был возрожден «Земгор», объединивший десятки благотворительных организаций в разных странах. Князь Г.Е. Львов и тюменский коммерсант С.И. Колокольников возглавили комитет «Земгора» в Париже. Они открыли для эмигрантов столовые, общежития, больницы, профессиональные курсы. Огромные средства от сборов тратились на школьное дело. На средства, собранные этой организацией, в Париже была открыта русская гимназия, просуществовавшая целых 40 лет.

Здесь снова хочется вернуться к истории Тюмени и вспомнить о том, что Торговый дом «И.П. Колокольникова Наследники» всегда славился своими добрыми делами. Степан Иванович являлся членом попечительского совета Тюменской женской гимназии и членом комитета по доставлению продовольствия бедным жителям г. Тюмени.

За исключительные труды 1 января 1901 г. С.И. Колокольников получил Золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте по представлению министра финансов. Постановлением Тюменской городской думы от 27 сентября 1911 г. было возбуждено ходатайство о присвоении С.И. Колокольникову звания почетного гражданина г. Тюмени за проявленную им, «как распорядителем «ТД И.П. Колокольникова Н-ки», заботливость о просветительских нуждах города... В январе 1912 г. от имени Гор. Думы был поднесен адрес гг. Колокольниковым с выражением сердечной признательности за всю пользу, которую принес Торговый Дом городу открытием и содержанием на свои средства коммерческого и образцового начального училищ, крупными пожертвованиями на постройку и содержание женской гимназии и вообще в деле народного просвещения...».

Но ни в 1911 г., ни позднее личный почетный гражданин С.И. Колокольников (а это звание он получил после успешного окончания Московской практической академии коммерческих наук) так и не был удостоен высокого звания почетного гражданина города. Дело в том, что в формулярном списке Степана Ивановича в графе «Был ли в штрафах, под судом и следствием» записано: «...С.-Петербургской судебной палатой 3 мая 1908 г. ... присужден к тюремному заключению...».

В результате он 3 месяца провел в заключении в Санкт-Петербурге. В архиве Колумбийского университета Нью-Йорка хранится билет № 4, свидетельствующий о том, что С.И. Колокольников, личный почетный гражданин, «осужден СПб. судебной палатой и приговорен к трем месяцам тюремного заключения» (с 5 июня по 5 сентября 1908 г.) по делу о составлении в г. Выборге и распространении воззвания к народу от народных представителей. Это «Выборгское воззвание» призывало население страны не платить податей и не давать правительству рекрутов. Сохранился и арестантский жетон с надписью «Колокольников Степан Иванович», который он носил на шнуре на шее. Этот факт биографии отрицательно сказался на его карьере: дважды Правительствующий сенат отклонял его кандидатуру, выдвигавшуюся на звание почетного гражданина г. Тюмени.

Из материалов Государственной думы России стало известно, что князь Львов был лидером партии кадетов, а купец Колокольников принадлежал к партии социал-демократов. Но этот факт не помешал их дружбе. Примечательно, что даже умерли Г.Е. Львов и С.И. Колокольников в один год — 1925, только Георгий Евгеньевич — в Париже, а Степан Иванович — в Нью-Йорке.

Судя по документам американского архива, супруги Колокольниковы в 1920–1922 гг. оставались еще в Харбине. Об этом свидетельствует так называемая краткая объяснительная записка (на 213

стр. машинописного текста) под названием «К проекту сети элеваторов в Маньчжурии» от 1922 г., авторами которой значатся А.А. Гаврилов, А.Н. Опарин, С. Соснин и Т-во «М.А.Топаз и К°». Фамилии Колокольников здесь нет, но, возможно, он входил в состав означенного выше Товарищества? Иначе зачем бы он хранил эти материалы с собственноручными пометками? Вполне возможно, он сам и составлял эту записку. Здесь уместно будет вспомнить уже имеющийся у него опыт написания такого рода документов, когда еще в Тюмени 24 сентября 1902 г. ему была выражена Высочайшая благодарность за составление докладной записки о проведении рельсового пути Тюмень–Омск.

Другой интересный документ под названием «Финансовые соображения по делу устройства и эксплуатации элеваторов в Маньчжурии», также хранящийся в архиве Колумбийского университета Нью-Йорка в личном фонде С.И. Колокольникова и датируемый 1922 г., подписан группой «предпринимателей по сооружению элеваторов в Маньчжурии». В этом документе (26 стр. машинописного текста) им выделены преимущества элеваторной системы: «**Главный интерес сельского хозяина и торговца Маньчжурии выручить за свой хлеб наивысшую цену:** благодаря элеваторам создастся прочная связь с мировым рынком, с помощью которой все благоприятные конъюнктуры этого рынка смогут быть учтены и легко с наибольшей для Маньчжурии выгодой использованы. Только при наличии элеваторов может быть организована в широком масштабе хлебная торговля; к ней широкой волной удобно сможет подойти более льготный кредит, облегчатся хлебные сделки, так как гораздо легче будет без всяких приемок и сдач покупать и продавать складочные свидетельства на хлеб, известно, где и в каких условиях находящийся, точно со всеми своими качествами в свидетельстве характеризованный, чем тысячи и миллионы мешков с хлебом, могущие принести всякие сюрпризы купившему их. **Выгоды элеваторной системы в достаточной мере учтены во всех экспортирующих хлеб странах и там все сделки происходят через элеваторы**». В конце — те же самые подписи: А.А. Гаврилов, А.Н. Опарин, С. Соснин и Т-во «М.А. Топаз и К°». Отсюда можно сделать вывод, что С.И. Колокольников как предприниматель входил в Товарищество «М.А. Топаз и К°».

Важность и выгодность мукомольного производства С.И. Колокольников понял еще в России, когда в 1909 г. Торговый дом принял решение построить паровую вальцевую мельницу при ст. Чумляк на Сибирской железной дороге. В 1913 г. у них было уже две паровые крупчатые мельницы — в с. Щучьем Оренбургской области и в г. Омске. Возглавлял филиал Торгового дома в Челябинске и хозяином Чумлякской мельницы был Владимир Иванович Колокольников. Насколько они преуспели в этом деле,

можно судить по материалам 1-й Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки, проходившей в г. Омске с 15 июня по 15 августа 1911 г. Здесь, наряду с крупными сибирскими фирмами, московскими мануфактурами, уральскими заводами и приуральскими земствами, принимали участие все крупные машиностроительные заводы России, а также фирмы Царства Польского, Финляндии, Германии, Англии, Америки, Франции, Австрии и Швеции. Было представлено до 3 000 экспонатов. На территории выставки в 27 десятин в торгово-промышленном павильоне мукомольное производство Сибири представлял ТД «И.П. Колокольникова Н-ки». В архиве США хранятся три толстые амбарные книги «Счетов паровой вальцевой крупчатной мельницы» (жалованье, списки рабочих и разных лиц) за май 1919 г., отчеты, а также расписки об их получении в Тюмени, которые они захватили с собой из далекой России в надежде, что могут еще понадобиться...

Как следует из «Записки», мировой рынок начал интересоваться маньчжурской пшеницей после «Великой войны», лишившись своего прежнего главного поставщика — России, ежегодно доставлявшей на европейские рынки от десяти до двадцати млн тонн хлеба. Далее дается сравнение, что маньчжурская пшеница по своим качествам подходит к «обыкновенным» мягким русским сортам, таким как «красная полтавка», «русак» и «гирка». «...Хлеб из Маньчжурской пшеницы получается питательный и вкусный», — подытоживает автор.

Вспомним, что в 1921 г. в Харбине проживал и брат Степана — Виктор Иванович и какое-то время они снова жили вместе. Почему же братья снова расстались? Скорее всего, здесь решающей оказалась деловая связь с князем Львовым, для которого на первом месте был «Земгор», а впереди — Франция и Соединенные Штаты Америки.

Не менее интересно сложилась дальнейшая судьба Виктора Колокольникова. Виктор Иванович знал Маньчжурию не понаслышке. Еще в 1903 г. в возрасте 22 лет он поступил вольноопределяющимся 1-го разряда в пехоту Брянского полка г. Кременчуга и был зачислен в учебную команду, а в июне 1904 г., предварительно сдав экзамены на звание унтер-офицера, вместе с полком был отправлен в Маньчжурию. В американском архиве хранится завещание В.И. Колокольникова на имя брата Степана Ивановича и его супруги Марии Николаевны, составленное им в апреле 1904 г. в Кременчуге перед отправкой на фронт. Во время одной из атак Виктор был тяжело ранен, после госпиталя получил отпуск сроком на полгода, после чего был зачислен ратником ополчения 2-го разряда. За проявленную на войне храбрость В.И. Колокольников получил Георгиевский крест 4-й степени.

Подлечившись и отдохнув, Виктор Иванович продолжил обучение в Москве и закончил Московский сельскохозяйственный институт со званием ученого-агронома, а потом продолжил образование в коммерческо-техническом институте столицы. Он знал в совершенстве английский, немецкий и французский языки.

Не удивительно, что именно он в 1912 г., закончив обучение, стал директором основанного в 1910 г. 8-классного коммерческого училища. Частное коммерческое училище Колокольниковых, построенное по последнему слову науки и техники, вскоре стало образцовым по всей Сибири. Занимая должность директора с 1912 по 1919 г., В.И. Колокольников вел активную общественную деятельность: совмещал должность председателя городской школьной комиссии, члена городской думы, члена городского Союза Комитета помощи военно-увечным, члена Тюменского комитета союза городов; был председателем военно-промышленного комитета, председателем комитета общественной безопасности и, наконец, представителем думы при начальном Беженском 2-м городском училище.

В.И. Колокольников директорствовал при царе, при большевиках, при власти Временного Сибирского правительства и при власти Колчака. Он был беспартийным, но не равнодушным человеком. Не один раз ему грозил арест, но всегда спасало от расправы заступничество преподавателей и учащихся родного училища.

В Харбине В.И. Колокольников некоторое время держал табачную лавочку и отошел от преподавательской деятельности. В 1928 г. он был избран заместителем председателя Беженского комитета, а в 1929 г. — председателем Торгово-промышленного союза при этом комитете. Впоследствии Беженский комитет стал наиболее крупной общественной организацией, координировавшей и направлявшей деятельность многочисленных благотворительных, политических, торгово-промышленных и культурных обществ. Беженцам оказывалась бесплатная медицинская помощь, выдавались денежные средства, одежда и обувь, устраивались благотворительные обеды. Комитет помогал устроиться на работу, предоставлял жилье. Большую роль сыграл Беженский комитет и в деле сохранения русской духовности и культуры.

С 1931 по 1935 г. В.И. Колокольников работал директором 1-го Харбинского русского беженского реального училища, которое сам и создал на свои средства. С 1938 г. он был лектором, а потом уже профессором Северо-Маньчжурского университета по кафедре товароведения, политэкономии, финансового права и статистики. Умер Виктор Иванович 3 апреля 1941 г. в Харбине, там и похоронен.

Следует отдать должное Марии Николаевне Колокольниковой, женщине интеллигентной и высокообразованной, которая

после смерти мужа хранила его архив в течение 35 лет и лишь в 1960 г. сдала его в библиотеку, где работала. К сожалению, нам даже неизвестны годы ее жизни (можно только предположить, что она была моложе своего мужа), но известно место рождения — г. Ишим Тобольской губернии. А это наводит на удивительную мысль (если принять во внимание тот обрывок документа, где фамилия ее родителей начинается на Гол...), что она из известного в России рода Голицыных... Ведь они жили в Ишиме! Тогда становятся понятными запись в Опросном листе «Потомственная Почетная гражданка» и тот факт, что семья Голицыных скрывалась в 1918–1919 гг. именно в Тюмени, и именно в усадьбе Колокольниковых, а потом вместе уже с князем Львовым — в Омске... Л.Н. Буркова (внучка Антона Колокольникова) помнит, что жена Степана Ивановича была из когда-то знатного дворянского рода, тогда уже обедневшего, и что та много помогала своим родственникам.

К сожалению, нет в полученных из США документах никакой информации о самой Марии Николаевне, о том, чем она занималась в Америке, кроме работы. А ведь в Тюмени она вела большую общественную работу, несмотря на то, что работала и в образцовой частной школе, и в Частном коммерческом училище Колокольниковых. Газеты того времени не уставали писать о ее добрых делах.

М.Н. Колокольникова слыла «дамой культурной и образованной». Например, в собственном доме на ул. Царской она открыла «Школу грамоты». Взяла на обучение 10–12 детей из беднейших семейств и не только кормила и раздавала бесплатно учебники, но и дарила подарки по таким большим праздникам, как Рождество Христово и Пасха. ... Пример, достойный подражания», — писала газета «Тобольские губернские ведомости» в 1897 г. Из этой же популярной газеты стало известно, что по инициативе М.Н. Колокольниковой при Обществе трезвости был открыт Дом Трудолюбия. «...Этому многообещающему заведению предстоит не только подобрать с улицы пролетариат, но и приучить его к труду, отвлечь от пьянства и разврата», — сообщила газета.

Есть информация о том, что в Америке Мария Николаевна была знакома с русским композитором Сергеем Рахманиновым, дружна с семьей художника Николая Константиновича Рериха, теплые отношения сложились у нее с З.Г. Росдик — русской пианисткой, которая возглавила Музей Рериха в Нью-Йорке. «Мадам Колокольникову» часто упоминает Зинаида Григорьевна в своих дневниковых записях. Начинаются они с 1922 г., а заканчиваются 1929 г., когда Степана Ивановича уже не было в живых.

4.08.22. ...Сегодня гуляли с Н.К. (Николаем Константиновичем) и мадам Колокольниковой, милой русской дамой, приехавшей сюда... Также Н.К. опять сравнивал природу острова Монхиган с

Россией — и тут такой же лес, и тропочка, и цветы такие же, но сердцу не мило...

5.08.22. Опять гуляли вечером без Е.И. (жена Н.К. Елена Ивановна) с Колокольниковой. ...Много вспоминал Н.К. о Куинджи, своем бывшем учителе. Был он человек строгий, сильного характера...

6.08.22. ...Сегодня Е.И. опять очаровательно рассказала, как она первый раз познакомилась с Н.К., когда он приехал в Бологое, имение ее тетки княгини Путятиной, где она тогда гостила... Потом Е.И. рассказала мне и мадам Колокольниковой о жизни своей тетки... Во время нашей прогулки мадам Колокольникова спросила, каких друзей Е.И. имела среди женщин, да вообще, с какими дамами она сталкивалась...

7.08.22. Долго мы сегодня вечером сидели с Е.И. и мадам Колокольниковой...

9.08.24. ...Днем был Гольдин, пришла Колокольникова, Н.К. пригласил ее преподавать у нас русский язык...

6.07.29. ...Очень много ценнейших идей Н.К. дал для Мастер Института... У него была Колокольн[икова]. Он говорит, что она славная душа... если Лунсбери уйдет, она сможет быть библиотекарем и бухгалтером. А пока пусть учится в галерее, где теперь она служит...

28.07.29. ...Сегодня Н.К. послал «Altai-Himalaya» миссис Рокфеллер с очень хорошим письмом. ...Сегодня его навестила Колокольникова, он говорит, что она духовно выросла и славная душа. Мы с ней обедали...

13.09.29. ...В воскресенье в час дня мы с Н.К. обедаем у Колокольниковой, а затем едем к нему укладываться...

Можно сделать вывод, что М.Н. Колокольникова работала в картинной галерее Н.К. Рериха и входила в Сибирскую группу друзей Музея Рериха, которую возглавлял писатель Г.Д. Гребенщиков. Еще со времени приезда в США его мечтой было объединение в эмиграции «всех сколько-нибудь выдающихся сибиряков». В сентябре 1929 г. он обратился в Нью-Йорк с официальным письмом и предложил организовать Сибирскую группу общества друзей Музея Рериха. Главный посыл этого предложения — подготовка культурного взаимодействия между Америкой и Сибирью.

17 октября в Доме учителя (новом 29-этажном здании Музея) состоялось первое собрание сибиряков и друзей Сибири. Ядро группы, помимо Г.Д. Гребенщикова, составили присутствовавшие там дирижер М.М. Фивейский, поэтесса Л.Я. Нелидова, оперный артист Я.С. Лукин, литературные деятели и журналисты Е.А. Москов, Е.И. Иванова-Фовицкая, М.Н. Колокольникова и др.

Ничто в жизни не бывает случайно. Не случайно встретились

и пересеклись жизненные пути тюменских купцов и столичного князя. Не случайно 13-летняя девочка Марина с матерью и отцом — московским врачом А.В. Голицыным, жила некоторое время в усадьбе Колокольниковых в Тюмени, чтобы через много-много лет, живя во Франции и будучи уже госпожой Мариной Даксергоф, вспомнить эту сибирскую семью, приютившую их, и передать в Тюмень информацию о том, что Мария Николаевна Колокольникова жила в Париже, а позднее переехала с мужем в Америку и работала в Нью-Йорке библиотекарем...

Логично предположить, что фонд семьи Колокольниковых не случайно оказался в Бахметьевском, а не каком-то другом архивном фонде библиотеки Колумбийского университета. Естественно, я заинтересовалась личностью Б.А. Бахметьева. Информации о том, что профессор Петербургского политехнического института по кафедре гидравлики бывал когда-то в далеком сибирском городке Тюмени, не встречалось. Но кое-что удалось узнать о нем из «Записок» Г.Н. Михайловского, который был послом России с 1914 по 1920 г. и воспоминания которого касаются истории Российского внешнеполитического ведомства. Борис Александрович Бахметьев Временным правительством в начале 1917 г. был назначен послом России в Вашингтоне. Поскольку он оказался последним из назначенных законно признанным Всероссийским правительством, то и после революционного переворота в октябре 1917 г. в США не признавали других российских дипломатов, кроме Б.А. Бахметьева. Советскую власть он не признал и остался в США, при этом «присвоил» большую сумму казенных денег и тратил ее по своему усмотрению на «антибольшевистские нужды». Возможно, интересы двух незнакомых ранее русских патриотов пересеклись и поэтому они оказались в одном архивном фонде. Как знать...

Автор благодарит членов Тюменского отделения общества Рериха за предоставленные материалы.

В.Ю. Титов (Иркутск)

Количественно-качественный анализ публикаций по проблеме «история Российской Аляски» в газетной и журнальной прессе с 1985 по 2007 г.

(контент-анализ публикаций)

Определение проблемы. Проблема «история Российской Аляски» — это многоаспектный комплекс различных вопросов, связанных с освоением русскими первопроходцами Северной Америки, эффективных с точки зрения хозяйственного развития окраин и пограничных рубежей в Российской империи в XVIII – XIX вв., с историей продажи американцам Русской Америки. Последнее обстоятельство больше всего возбуждает российское общественное мнение. Уже на протяжении 160 лет в России продажа Аляски является занозой, отравляющей восприятие исторического прошлого на всех уровнях общественного и политического менталитета. Обзор прессы позволяет сделать вывод, что в настоящее время, в особенности в правительственных средствах массовой информации, очень интенсивно обсуждаются те аспекты проблемы «история Русской Аляски», которые касаются перспектив освоения Русского Севера и налаживания кооперативных связей между россиянами и жителями Аляски, 49-го американского штата.

Таким образом, в статье через изучение восприятия в общественном мнении темы «продажа некогда русской территории Аляска» делается попытка систематизировать представления современной российской элиты о возможных социально-политических мероприятиях по упрочнению, а быть может, и экономической интеграции россиян и американцев на территории Североного Ледовитого океана. В рамках данной интерпретации «история Российской Аляски» перестает быть историей о продаже земли и становится одной из составных частей истории территориального развития России. В 1819 г. генерал-губернатор Сибири М.М. Сперанский разделил край на две части — Западную и Восточную. К Восточной Сибири он присоединил Забайкалье, Якутию, Камчатку, Чукотку и **русские территории в Америке**, Аляску и Калифорнию. Именно в контексте такого территориального деления целесообразно рассматривать проблему «история Русской Аляски», которая по су-

обществу является составной частью развития территории Азиатской России.

Краткая историческая и географическая стратификация темы. Под Азиатской Россией следует понимать всю территорию империи в XIX в., находящуюся за Уральским хребтом. Формирование политических концепций по проблеме присоединения окраинных земель к России шло от тех императивов, которые были продиктованы как желанием оградить отдаленные окраины от проникновения туда иностранцев, так и канцелярскими фантазиями придворных кругов.

С XVI и по начало XIX в. главной причиной продвижения русских на восток принято считать торговлю и поиск внешнего рынка. Несколько позже появляется уточнение — торговые интересы русских купцов способствовали возникновению на окраинах сначала острогов, а затем городов и ярмарок, приносивших немалый доход. Таким образом, в Сибири развивалась двоякая сеть обменов: 1) сеть, ориентированная на торговлю со странами Востока; 2) сеть для обмена продуктами внутри колонизируемых районов. Эти немаловажные обстоятельства довольно часто влияли на решение русского правительства о присоединении к России вновь освоенных территорий. Но все-таки подобные процессы нельзя рассматривать в качестве нового национального рынка, для которого на первоначальном этапе необходима централизующая политическая воля. Например, императрица Екатерина II не раз скептически замечала по поводу проектов присоединения новых территорий как о способе списания частных долгов перед государством купцам и сросшейся с ними дворянско-бюрократической верхушке. Аналогичных взглядов придерживались ее венценосные родственники — Александр II и его брат Великий Князь Константин Николаевич.

В итоге русская экспансия на восток, в основном не подкрепленная ничем, кроме торговых интересов местного купечества, приводила к колонизации края через торговые фактории, но не через переселения. Азиатская Россия была больше похожа на безлюдную тайгу, нежели на страну. Такая колониальная политика в равной мере была характерна для многих западноевропейских государств конца XVIII – начала XX в. Особенно выпукло это видно на историческом прошлом Русской Америки и Аляски. Присоединенные ради экономических интересов сибирского купечества, эти территории плохо вписывались в рамки имперской политики. Хоть власть местной администрации в Азиатской России являлась доминирующей силой, которая подчиняла себе все общество, однако «бескрайнюю периферию» невозможно было удержать только силовыми рычагами. В итоге это приводило сначала к утрате экономического контроля над территорией, а затем могло повлечь потерю политического влияния. Осознание подобного сценария развития событий постоянно довлело над внешнеполити-

ческим ведомством страны. В то же самое время имперские амбиции придворных кругов ставили всевозможные препоны на пути к достижению единой политической концепции по поводу дальнейшего территориального развития Азиатской России.

Можно выделить три основных периода, когда границы Азиатской части империи отчетливо меняли свои очертания:

– с 1815 по 1867 г.;

– с середины 1860-х по начало 1880-х гг.;

– с середины 1880-х по 1914 г.

Первый период характеризуется тем, что само понятие «Азиатская Россия» ограничивается географическими границами Евроазиатского материка. Царское правительство с 1815 г. по отношению к заморским владениям начинает проводить политику уступок, т. к. считало их невыгодными для казны (Гавайские острова — 1817 г., Русская Калифорния — 1825 г., Аляска — 1867 г.). Одновременно происходит постоянное продвижение русских к югу от р. Ишима и Иртыша вглубь Средней Азии, а также в Приамурье. Это в немалой степени способствовало укреплению позиций царского правительства в азиатской части страны.

Геополитика времен середины 1860-х – начала 1880-х гг. протекает в русле идей, сложившихся еще в предыдущий период. Россия стремится как можно дальше продвинуться в своих азиатских владениях.

Во время третьего периода правительство, понимая всю опасность экономической и политической потери дальневосточных окраин, пытается укрепить свое положение на побережье Тихого океана. Основным мероприятием на этом этапе, затронувшим интересы Сибири, явилось сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали.

С момента образования Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г. принято считать, что роль Сибири постепенно ограничивается задачами регионального развития, не связанными с внешней политикой страны.

Такая последовательность в создании империи и в трансформации понятия «Азиатская Россия» вполне логически объясняет причину продажи русским правительством Аляски. Тем не менее русское, а затем советское и российское общественное мнение постоянно демонстрировало нежелание адекватно воспринимать причины утраты русскими части Американского континента. Достаточно пролистать работы академика Н.Н. Болховитинова (признанного специалиста темы) и отечественные публикации в прессе, чтобы понять: ностальгия по Аляске не прошла и вряд ли когда-нибудь пройдет.

Разбор хронологических рамок темы. Анализ того, что публиковали об Аляске до 1985 г., в основном укладывается в контекст журнала «Вокруг света». Таким образчиком может служить книга

американских молодоженов Элен и Фрэнк Шрейдер «Ля тортуга. От Аляски до Огненной Земли». Понятно, что большая часть книги посвящена описанию путешествия по Мексике, Центральной и Южной Америке. Такова специфика американского менталитета. Но в их тексте есть ряд любопытных характеристик Аляски. Вот несколько цитат, для простоты восприятия объединенные в два обзаца:

1. «Первое впечатление от Аляски было именно такое, какое мы ожидали: когда мы сошли с самолета неподалеку от Анкориджа, холодный снег с дождем замерзал, едва коснувшись земли». Весной «мы вообще убедились, что на Аляске куда больше интересного, чем можно увидеть». Здесь молодожены с удивлением обнаружили огненные фуксии, пурпурный ирис и Национальный парк (С. 15–17).

2. «Жилье, которое мы два года называли своим домом, было просто казармой, оклеенной безрадостными черными обоями. Кроме нас в этом „смолянном дворце“ жили еще десять супружеских пар. У всех были отдельные комнаты, но общие ванны. ... Питание предоставлялось в виде семейных трапез в столовых строительных рабочих» (С. 15).

Подведем краткие итоги. Аляска, во-первых, это не то, что обычно себе представляет рядовой обыватель: здесь природа разнообразней, чем в романах Дж. Лондона. Во-вторых, это система социальной жизнедеятельности, где капиталистические отношения, по всей видимости, уживаются с элементами общежительности, т. е. социализма. Долгое время на второе обстоятельство не обращали внимания. Но уже в 1980-х гг. стало очевидно, что «Аляска — самый социалистический штат Америки» [1]. За этим лозунгом скрывается местное законодательное право штата принуждать частные фирмы «к перераспределению получаемых базовыми, сырьевыми отраслями, точнее их владельцами, прибылей» [2].

Тематика публикаций, свидетельствующих о прагматичном подходе к опыту Аляски, начинает доминировать в отечественной прессе с середины 1990-х гг. С этого времени социальная и политическая инженерия в интерпретации темы «история Российской Аляски» преобладает над рассказами о подвигах русских первопроходцев.

Между прочим, в 1980–1990-х гг. в советской прессе тема Аляски освещалась только с точки зрения описания мужества русских полярных первопроходцев, сумевших закрепиться на территории, не освоенной до XVIII в. ни одним европейским государством.

В годы перестройки М.С. Горбачева в печати СССР, а затем и других стран стали появляться материалы, в которых обыгрывались различные варианты возможного возвращения Аляски русским. Например, очень часто на экскурсиях в музеях, в желтой прессе, в беседах проскальзывали нотки еле уловимой надежды на то, что вот-вот, в ближайшие годы США вернет «нам» свой 49-й штат и за-

платит арендную плату, поскольку еще в царствование Екатерины II Аляска была отдана Америке на 99 лет в собственность, якобы по условиям пари, которое чуть ли не за карточным столом проиграла императрица. Аналогичные слухи, усилиями прессы превращенные в легенды, наэлектризовали общественное мнение страны еще в царствование императора Александра II. Правительству было удобно перевести стрелки на умершую императрицу, нежели самим объяснять причину необходимости продажи американских владений. Глухое роптание на то, что продали огромную страну, а не амбар со снегом, приходилось выслушивать правительству и в XIX в., и XX в. В середине 1990-х гг. лидер партии ЛДПР В.В. Жириновский в своих предвыборных заявлениях высказывался, например, о необходимости силового захвата Аляски и включении ее в состав России.

Вот как об этом написано в одной из статей журнала «США. Канада. Экономика — политика — культура»: *«О том, что ее уступка, а точнее продажа, остается занозой в памяти россиян по сию пору, свидетельствует тот факт, что на всем протяжении времени, прошедшего со дня подписания Договора о продаже Соединенными Штатами Аляски в 1867 г., царское правительство, а начиная с 1920–х годов — и советское правительство неоднократно прибегали к ссылке на него как на действующий международный правовой документ. Последний раз договор был официально подтвержден соглашением в форме обмена нотами между СССР и США в 1977 г., лишний раз зафиксировав в сознании россиян, что Аляска потеряна для России навсегда»* [3].

Приблизительно в то же время академик Н.Н. Болховитинов в работах, опубликованных в 1990-х гг., дал обширный анализ как мотивов, побуждающих к существованию в общественном мнении подобных слухов, так и причин, по которым Аляску необходимо было продать американцам. Российская империя простиралась от Балтики до Тихого океана, и неведомый берег Нового Света казался многим царедворцам обременительной обузой, которая, возможно, когда-то в будущем превратится во что-то конкретное. Так, русский морской офицер и декабрист Д.И. Завалишин писал: «Калифорния, поддавшаяся России и заселенная русскими, осталась бы навсегда в ее власти. Приобретение ее гаваней и дешевизна... позволяет содержать там наблюдательный флот, который бы доставил России владычество над Тихим океаном и китайской торговлей, упрочил бы владение другими колониями, ограничил бы влияние Соединенных Штатов и Англии» [4].

С другой стороны, эти же соображения подсказывали правящим кругам России, что в случае закрепления русских в Северной Америке конфликт с США и Великобританией по геополитическим причинам неизбежен. «Владычество Северо-Американских Штатов

во всей северной Америке так натурально, — полагал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, — что нам очень и жалеть не должно, что двадцать пять лет тому назад мы не утвердились в Калифорнии, — пришлось бы рано или поздно уступить ее, но уступая мирно, мы бы могли взамен получить другие выгоды от американцев. Впрочем, теперь, с изобретением и развитием железных дорог, более еще, чем прежде, должно убедиться в мысли, что Северо-Американские штаты неминуемо распространятся по всей Северной Америке, и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши» [5].

Для правящих кругов России эпохи Александра II потеря Аляски была неизбежна. Точно такой же лейтмотив зазвучал в научной и правительственной прессе после выхода работ Болховитинова. Однако спустя два-три года и особенно с конца 1990-х гг. мысль о правильности продажи Аляски и ее безвозвратной утрате, сменяется рассуждениями о необходимости интеграции промышленной деятельности предприятий Русского Севера с добывающими компаниями 49-го штата США.

В итоге можно выделить три периода, когда тема «история Российской Аляски» претерпела значительные изменения:

1. До 1985 г. освещение истории Российской Аляски проходило через описание жизни первопроходцев и ученых, исследовавших север Нового Света.

2. С 1985 по середину 1990-х гг. в свет выходило большое количество газетных и журнальных заметок, в которых выражалось сожаление по поводу проданных американских территорий.

Вот, например, как об этом написано в статье «Калифорнийский обком Аляскинской АССР» в журнале «Живая история» за 2005 г.:

«Богатейшие золотые россыпи на Аляске после ухода русских обнаружились не так быстро, как в Калифорнии, — спустя почти четверть века, в 1891 г. Много позже на Аляске были найдены также газовые и нефтяные месторождения, эксплуатирующиеся по сей день.

Западных обывателей долго пугали криками «Русские идут!» На Аляску и в Калифорнию русские пришли, побыли — и ушли. Сами. Никто силком не выгонял.

Ну почему мы всегда уходим, когда не надо и откуда не надо?» [6].

3. С середины 1990-х гг. по настоящее время в прессе освещается тема об Аляске во взаимосвязи с освоением Русского Севера и просторов Северного Ледовитого океана.

Контент-анализ публикаций по теме «история Российской Аляски» и перспективы экономической интеграции. Необходимо иметь

в виду, что 1985 г. — это условная хронологическая граница в отношении изменения тона публикаций. Не стоит этот аспект связывать только с политикой перестройки. Скорее наоборот, гласность в прессе спровоцировала интерес общества к легенде о возврате Аляски России. Тем не менее шаг перехода от тем первопроходцев на Аляске к теме возврата проданных территорий свидетельствует о начале поиска модели развития самостоятельной экономической политики России в северо-ледовитом регионе, что видно из табл. 1.

Таблица 1

Количественно-качественные данные по публикациям, связанным с перспективами развития и экономической интеграции русского тихоокеанского севера и Аляски, за 2000-е гг.

Издание, автор и название статьи	Общий объем анализируемого текста	Объем содержания текста в % и его распределение по смысловым единицам ($К_1$ и $К_2$)	«Удельный вес» смысловых категорий текста	Ключевые слова, словосочетания
// Родина. Март 2001 г. И. Миронов. Без Аляски.	476 строк по 8 слов	171 строка 36 % $К_1 = 39$ $К_2 = 132$	6,78 %	Пример бесстрашия и героизма русских первопроходцев и беспечность русского правительства. Продав Аляску, сделали Америку супердержавой.
Там же. О. Теребов. Аляскинское «сдавало».	240 строк по 8 слов	19 строк 8% $К_1 = 19$ $К_2 = 220$	7,75%	Критика статьи И. Миронова как пример реваншизма. Экономическая слабость России делала невозможным освоение Аляски
//Коммерсантъ. Власть. № 41. 2001. Русская Америка.	164 строки по 4 слова	68 строк 41% $К_1 = 38$ $К_2 = 30$	5,34%	Аляску продали американцам, а Иркутск нет. В 1867 г. русские были растяпами.
//Восточно-Сибирская правда. 18 сентября 2001. Три публикации*	280 строк по 3 слова	28 строк 10% $К_1 = 28$ $К_2 = 188$	7,37%	«Аляскинский опыт» и его использование в организации работы региональной добывающей отрасли.
//США. Канада. Экономика — политика — культура. № 12. 2001.	690 строк по 12 слов	506 строк 73,3%	5,8%	«...что же касается до упрочнения дружественных отношений России и Соединенных Штатов, то можно сказать положи-

* Три публикации включают в себя статью Г. Кузнецова «Опыт Аляски – на Ковыкту», редакторскую заметку «На учебу в Америку» (рассказ о том, что американская некоммерческая компания АЙРЕКС организовала программу-обучение «молодые лидеры»), карикатуру, обыгрывающую перекачку российской нефти на запад и на восток, причем на совершенно невыгодных для России условиях.

Иванян Э.А. Из истории: Россия и США — союзники, партнеры или противники?		$К_1$ = 322 $К_2$ = 414		тельно, что сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор ... пока это им выгодно» (Э. Иванян, 2001).
// Россия и современный мир. № 2. 2002. Королев С.А. Российская граница как края пространства: генезис и типология.	864 строки по 12 слов	224 строки 25% $К_1$ = 38 $К_2$ = 160	7%	Продажа Аляски Америке была почти насильственной. Это позволило на время отодвинуть политическое соперничество между двумя странами.
// Москва. Апрель. 2002. А. Горохов. Российские границы и национальное развитие.	9 564 строки по 6 слов	178 строк 1,86% $К_1$ = 30 $К_2$ = 94	6,7%	Для освоения Аляски у России не было не только нужного геополитического ареала, но также качественно иного восприятия мира.
// ЭКО. Всероссийский экономический журнал. № 6. 2003. Агранат Г.А. Аляска — новая модель развития.	851 строка по 6 слов	333 строк 39,1% $К_1$ = 210 $К_2$ = 333	6 %	«Аляска представляет собой совершенно новую модель освоения северного сырьевого рынка»: здесь решены сложные социально-экономические, финансовые и национальные вопросы (Г. Агранат, 2003).
// Известия. 6 ноября 2003. Баранова Т. Табу отменяется	200 строк по 4 слова = 66	66 строк 33 % $К_1$ = 100 $К_2$ =132	5,8%	Статья посвящена международной конференции «АлСиб-60», о военно-воздушном пути Аляска — Сибирь.
// Народонаселение. № 1. 2004. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты.	1 080 строк по 4 слова	228 строк 21 % $К_1$ = 17 $К_2$ = 228	7,8%	Аляска — это «цивилизованная потеря» (Л. Рыбаковский, 2004).
// Живая история. 21 февраля. 2005. Кротков А. Калифорнийский обком Аляскинской АССР.	614 строк по 6 слов	198 строк 32,2% $К_1$ = 38 $К_2$ = 70	6,16%	РАК сама приняла решение о поэтапной продаже американских владений, поскольку содержание Калифорнии и Аляски обходилось дорого.
// НЛО. 9 апреля 2007. Иерусалимова И. Тотьма — хозяйка Калифорнии и Аляски.	198 строк по 3 слова	16 строк 8 % $К_1$ = 13 $К_2$ = 16	5,75%	«Тотемские купцы-мореходы первыми из россиян Америку открывали, двадцать экспедиций отсюда на Аляску ходило».

Особняком стоит статья по истории деятельности Российско-американской компании (РАК), опубликованная в журнале «Вопросы истории» в № 2 за 2006 г. [7]. Общий объем текста равен 1 682 строкам по 8 слов. Объем содержания текста равен 116 строкам, что эквивалентно 6,9 % общего объема текста. Точно такая же цифра будет характеризовать «удельный вес» смысловых категорий текста. Вся статья посвящена истории деятельности РАК в середине XIX в., поэтому искать там информацию, касающуюся перспектив развития интеграционных связей между современными Россией и США, бессмысленно. Однако 6,9 % «удельного веса» текста могут быть интерпретированы как косвенные аргументы для разговора о перспективах налаживания деловых отношений с Аляски.

Приведем ряд цитат:

«РАК была первой в России крупнейшей монопольной акционерной компанией, оставившей заметный след в истории предпринимательства. <...> В начале XIX в. акции РАК стремились сбыть с рук, хотя бы по номиналу, но впоследствии владение ими стало предметом гордости, а их держатели могли рассчитывать на щедрые дивиденды» (С. 31).

«В 1840–1867 гг. к успехам деятельности РАК можно отнести открытие и освоение территорий по р. Амуру, освоение о. Сахалин, содействие в организации экспедиции графа Е.В. Путятина в Японию... РАК сохраняла нейтралитет в Крымской войне. Компания имела тесные торговые связи со многими странами, в том числе с США, Англией и Китаем» (С. 31).

«В конце 50-х годов XIX в. финансово-хозяйственное РАК не должно было вызывать тревогу как со стороны действительных и потенциальных акционеров, так и со стороны правительства. Компании в целом удалось постепенно ликвидировать долг своим акционерам, регулярно проводить оценку и переоценку движимого и недвижимого имущества, создать резервные фонды в виде запасного и за страхового капитала регулярно пополнять их: все это позволяло говорить об устойчивом положении дел РАК» (С. 32).

«...уступку США Русской Америки удалось провести в тайне от членов ГН РАК, узнавших об этом из телеграфных сообщений, которые сначала достигли Европы и активно там обсуждались, а затем попали на страницы газет» (С. 43).

В выделенных цитатах содержатся мотивы, которые с точки зрения о совершенной сделке раскрывают историю РАК, одновременно подготавливая читателя к мысли о перспективности сотрудничества в настоящее время с американскими предприятиями на Аляске. Конечно, подобная экстраполяция вышеизложенных фактов требует дополнительных доказательств. В связи с чем данная публикация не была включена в общую таблицу по контент-анализу.

Региональная пресса больше внимания уделяет историческому опыту сотрудничества двух стран:

1. В годы Второй мировой войны, когда осуществлялась перегонка самолетов из Аляски в СССР (// Известия. Региональная вставка. 6 ноября 2002 г.).

2. Во время обсуждения перспектив освоения Ковыктинского месторождения (// Восточно-Сибирская правда. 18 сентября 2001 г.).

Данные контент-анализа, указанные в табл. 1, показывают, что при различном показателе полезного объема текста по проблеме «история Российской Америки» **«удельный вес» смысловых категорий или ключевых слов**, свидетельствующих о заинтересованности современной России в сотрудничестве, а также в экономической интеграции с Аляской, **постоянен и неизменен**. Цифра колеблется от 5,34 до 7,8 % и в среднем составляет показатель в 6,52 %. «Удельный вес» ключевых слов по этой же теме в статье «Деятельность Российско-американской компании накануне продажи Аляски США» из журнала «Вопросы истории» равен почти 7 %.

Исходя из этого показателя, можно уверенно говорить, что в современной российской прессе за последние десять лет на почве освещения истории Российской Америки был сформирован интерес россиян к дополнительной теме: сотрудничеству с Аляской.

Схема изложения такого материала, безусловно, варьируется в зависимости от учредителя газеты или журнала. В табл. 2 представлено два варианта освещения в СМИ истории Российской Америки.

Таблица 2

Вариативность изложения материала по проблеме «история Российской Америки»

В **правительственных и научных** органах печати	В **независимых и оппозиционных** органах печати
1. Ставятся задачи, связанные с катастрофическим положением современной России, в таких аспектах, как демография, экономическое развитие приграничных населенных пунктов, международные связи, инфраструктура.	1. Русские продают все по причине своей беспечности. Например, «среди жителей Иркутска долго была популярна идея и самим стать американцами… принять собственную декларацию независимости. Чтобы пресечь проамериканские настроения, император Александр III в 1891 году начал строительство Транссибирской магистрали…» (// Коммерсантъ. Власть. 2001).
2. Необходимость укрепления геополитического статуса страны, сохранение территориальной целостности, обеспечение национальной безопасности, в связи с этим в статьях делается экскурс в историю о так называемой Конвенции 1867 г.	2. Сожаление по поводу утраты Аляски и экстраполяция этого события на сегодняшний день: «Продажа Аляски царским правительством Америки становится козырным тузом на игральном столе политиков». Подобное могло осуществиться в правление царя-реформатора Александра II, человека, для которого армия и флот не были союзниками (И. Миронов, 2001).

3. Изложение истории продажи Российской Америки США. Не более 45–52% всего объема текста ⇩	3. Анализ исторических уроков от «близорукой сделки»: «Продажей Аляски мы посодействовали США превратиться в могущественную мировую державу» (И. Миронов, 2001). ⇩
4. Изучение прошлого опыта по проблеме продажи Аляски за период с 1858 по 1867 г. необходимо для комплексного решения проблемы «открытой экономической зоны» по совместному использованию ресурсов Охотского моря (А. Горохов, 2002); обустройство кооперативных связей между малым бизнесом двух стран и попытка вернуть Аляску в экономику России (Л. Рыбаковский, 2004); Аляска как пример для экономического развития Чукотки (Г. Агранат, 2003).	4. Поэтапное описание уступок русскими своих американских владений, начиная с 1824 по 1867 г. Материал подается в стиле, напоминающем реваншизм, что создает впечатление о русских как о народе несправедливо обиженном и поруганном.

Выводы. Оба варианта располагают читателя к мысли о возможном сотрудничестве с американцами на Аляске. Весь вопрос в том, на каком уровне преподносится СМИ такое сотрудничество: прагматичном или эмоциональном.

В данном контексте эмоции, связанные с таким понятием, как продажа, формируют лишь отрицательное восприятие у российской аудитории. Изучение этого аспекта интересно только с точки зрения клинической психологии. Восприятие Аляски прагматиками связывается со следующими экономическими аспектами:

— Перестройка геополитической политики России, о чем писалось в известной книге И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“».

— Новая стратификация технологических и экономических приоритетов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

— Внедрение через ООН вопроса об «открытой экономической зоне» на территории Северного Ледовитого океана и получения с помощью ООН наиболее благоприятного статуса для экономической деятельности России в Охотском море. Установление над северо-ледовитым пространством особого режима промысловой и экономической деятельности для русских.

— Интеграция капиталов и специалистов в освоение природных ресурсов Аляски.

— Использование социального опыта Аляски в модернизации экономики Сибири и Дальнего Востока.

Если же встать на сторону лжепатриотов и обыграть эмоциональный уровень восприятия проблемы истории Российской Америки, то лучше извлекать из 1867 г. исторические уроки, нежели пребывать в раздражении по поводу территориальной утраты. Исторический урок должен научить Россию более трепетно относиться к учету таких обстоятельств, как особенности географической среды, воздействие геополитических императивов, влияние цивилизацион-

ных различий и контактов, а также положительная демография. При таком политическом подходе к окраинным территориям Азиатской России правительству скорее всего удастся избежать повторения горького опыта продажи Аляски. Важно помнить, что продажа Российской Америки — это урок не столько для власти, отстаивающей свои сиюминутные интересы, сколько проверка на прочность государства, являющегося институтом общества. Неспособность общества к техническому освоению территорий вынуждает власть уступать ее другим государства.

Инструкция для проведения контент-анализа

• Отбор публикаций по изучаемой проблеме осуществлялся путем простого наличия в них высказываний, характеристик, косвенных намеков, на промышленность.

• Значимое содержание статьи определялось простым соотношением количества личностных предложений в сообщении к сумме всех предложений. Если значимое содержание статьи было больше одной седьмой текста, то материал подвергается анализу.

• Единицей регистрации были выбраны слово, связанное с темой исследования, а также пробелы между словами.

Основным рабочим документом являлись таблицы контент-анализа по формуле, предложенной А.Н. Алексеевым и характеризующей оценку «удельного веса» смысловых категорий в общем объеме текста.

Категориями анализа текста были обозначены следующие знаки:

1. Формула расчета объема полезного содержания текста:

r — объем содержания текста;

t — общий объем анализируемого текста, т. е. полезного по исследуемой теме;

$r/t \cdot 100\%$ — объем содержания текста, связанного с историей Российской Америки.

2. Формула оценки «удельного веса» смысловых категорий в общем объеме текста, указывающего на уровень интенсивности представления о возможной экономической интеграции России в Аляску, в тексте исследуемых публикаций

$$Y = \frac{K_1 + K_2}{\sum(2K_1 + K_2)} \cdot 100\,\%,$$

где Y — «удельный вес» данной смысловой единицы;

K_1 — число случаев, когда смысловая единица оказалась главной;

K_2— число случаев, когда смысловая единица оказалась второстепенной;

$\sum$— сумма анализируемых текстов.

Примечания

1. Агранат Г.А. Капитализм и социализм: северный выбор // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 8.

2. Агранат Г.А. Аляска — Новая модель развития // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2003. № 6.

3. Иванян Э.А. Из истории: Россия и США — союзники, партнеры или противники? // США. Канада. Экономика — политика — культура. 2001. № 12. С. 34.

4. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения 1815–1832 гг. М., 1975. С. 298.

5. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. М., 1990. С. 92.

6. Кротков Андрей. Калифорнийский обком Аляскинской АССР // Живая История. 2005. № 6. С. 83.

7. Петров А.Ю. Деятельность Российско-американской компании накануне продажи Аляски США. 1858–1867 гг. // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 31–50.

В.В. Тихонов (Иркутск)

Перспектива сохранения материальных носителей культуры, связанных с русской колонизацией Северо-Запада Америки

Россию и Соединенные Штаты Америки связывает много замечательных событий. Яркими и значительными страницами в истории наших стран являются освоение в конце XVIII – первой половине XIX в. русскими первопроходцами Алеутских островов, полуострова Аляска с созданием на этих территориях первых крупнейших постоянных поселений, основание в начале XIX в. русской колонии в Калифорнии — знаменитой крепости Росс. В XX в. тема героического освоения Аляски и Калифорнии русскими в XVIII – XIX вв. по определенным политическим соображениям, как на бытовом уровне, так и в научных кругах, мало афишировалась и обсуждалась. Но к началу XXI в. интерес к теме Русской Америки возрос, и особенно в России — в связи с происходящими в нашей стране демократическими процессами, направленными на создание открытого общества.

Раскопки Тальцинского стекольного завода. Иркутская область, пос. Тальцы. 2004 г.

С каждым годом к этой теме все чаще

Знаменский монастырь, г. Иркутск

обращаются историки, политики и рядовые граждане обеих стран. Нарастает количество научных и научно-популярных публикаций, связанных с деятельностью Российско-американской компании и в целом с колонизацией северо-западной части Американского континента русскими. Только количество докторских и кандидатских диссертаций по данной тематике в России за последние 30 лет перевалило за сотню.

Наряду с изучением открывающихся для общества архивных источников, проведением археологических раскопок и другой деятельностью по воссозданию забытых страниц нашей общей истории в последние годы определилось еще одно глобальное направление — сохранение связанных непосредственно с колонизацией Северо-Запада Американского континента русскими в XVIII – XIX вв. дошедших до нашего времени материальных носителей культуры.

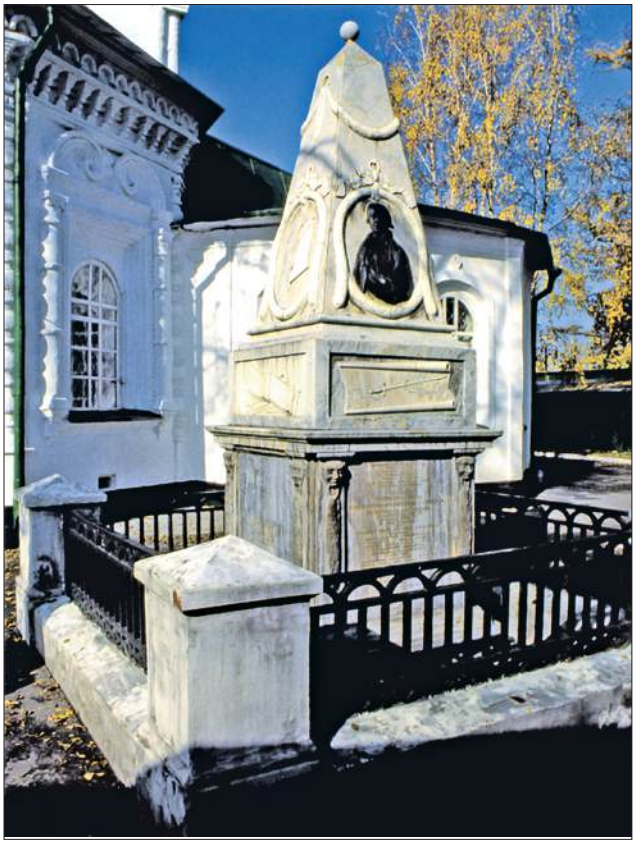
В США сохраняется дом, где жил Иннокентий Вениаминов — апостол Аляски (г. Ситка), дом правителя русских колоний в Америке Александра Баранова (г. Кодьяк), деревянная крепость Росс (г. Сан-Франциско), это теперь музеи. В России также существует дом Иннокентия Вениаминова — на родине Святителя в с. Анга Иркутской области, где создан музей. Сохранилось здание конторы Российско-американской компании в Иркутске. Ведутся раскопки

на местности, где находился Тальцинский стекольный завод (пос. Тальцы Иркутской области), владельцем которого был первый управляющий русскими колониями в Америке — Александр Баранов, определяется возможность последующей музеефикации или частичной реконструкции самого этого завода.

В Иркутске в Знаменском монастыре, который посещали практически все колонисты, следующие в Русскую Америку через наш город, сохранилась могила Г.И. Шелихова с надмогильным памятником, установленным еще его женой Наталией.

На углу улиц Декабрьских Событий (Ланинской) и Желябова (Трапезниковской) сохранилось здание, принадлежавшее И. Кускову. Кусков, по-видимому, жил в нем по возвращении из Русской Америки. В 80-х гг. XX в. иркутский краевед, историк (в настоящее время директор областного историко-мемориального музея декабристов) Е.А. Ячменев получил в дар от жильцов этого дома и передал в фонды областного краеведческого музея два экспоната — ломберный столик и шкатулку, по преданию, принадлежавшие самому И. Кускову.

В Иркутской области и в г. Иркутске непосредственно, несмотря на то что грандиозный пожар 1879 г. уничтожил большую часть центра города и основную часть объектов, имеющих отношение к деятельности Российско-американской компании и к историческим личностям, связанным с колонизацией русскими Северо-Запада Американского континента, тем не менее пока еще есть как выявленные объекты, к примеру, Американские казармы — угол улиц Ленина и Красного Восстания (Амурской и Казарминской) и т. д., так и объекты, причастность которых к Русской Америке лишь предполагается.



Памятник на могиле Г.И. Шелихова в Знаменском монастыре, г. Иркутск

Здание, в котором жил И.А. Кусков, г. Иркутск

Офицерский корпус Американских казарм, г. Иркутск

Здание конторы Российско-американской компании, г. Иркутск

В последние годы у иркутских историков, краеведов, музейщиков и общественности возникла идея, обретающая черты конкретного проекта: создание на базе здания бывшей конторы Российско-американской компании музейного центра с целью музеефикации сохранившихся артефактов, организации экспозиций и выставок, формирования архива из документов оригиналов и копий, в общем, создание в широком смысле музейного центра по русской колонизации Северо-Запада Американского континента, под рабочим названием музейный центр «Русская Америка».

Хотя история данного здания мало изучена и в архивах при дальнейшей работе могут быть обнаружены новые документы, уже сейчас об этом здании есть информация, что оно постройки 1795–1799 гг. Первоначально здание было одноэтажным. Контора Российско-американской компании размещалась в нем с 1800 по 1867 г., когда Русская Америка перешла под юрисдикцию Соединенных Штатов Америки и компания была ликвидирована. Дата перестройки здания из одноэтажного в двухэтажное пока является спорной, возможно, это произошло в период деятельности Российско-американской компании, а возможно, позже, скорее всего, после пожара 1879 г. Второе вероятнее. Косвенным подтверждением этого могут служить пробные архе-

Кресло, начало XIX в. (частная коллекция)

Стол, начало XIX в. (частная коллекция)

ологические раскопки, проведенные в августе 2007 г. российско-американской группой археологов (А.В. Харинский, Д. Мак-Мэхан, Т. Диллиплейн и др.), которые на глубине 1,0–1,2 м от поверхности обнаружили 5–10-сантиметровый слой угля от пожарища. Разноуровневость и разнообъемность оконных проемов здания свидетельствуют о включении в его конструкцию одноэтажного здания. Поэтому, несмотря на гипотезу о том, что двухэтажное здание появилось уже после пожара, тем не менее, учитывая включение элементов старого здания в существующее, есть основания для признания его исторической причастности, хотя и в измененном виде, к теме российской колонизации Американского континента.

В 1867–1920 гг. здание использовалось церковным ведомством Тихвинского православного прихода. В 1920 г. здание у церковного прихода было изъято, первый и второй этажи превратили в коммунальные квартиры, подвал — в склады. Последним собственником здания был Иркутский дрожжевой завод. С 90-х гг. XX в. квартиры жильцами были приватизированы. В настоящее время в доме 15 собственников, каждый из которых занимает отдельную комнату, подвал здания не используется.

Уже сейчас при предварительной проработке вопроса о создании на базе данного здания музейного центра «Русская Америка» можно предложить разместить в нем общественный российско-американский культурный центр, экспозиции выставки, архивный комплекс, библиотеку и кафе-ресторан «Русская Америка».

Бюро, первая половина XIX в. (частная коллекция)

Столик, первая половина XIX в. (фонды ГУК АЭМ «Тальцы»)

Зеркало, начало XIX в. (частная коллекция)

Поставец, конец XVIII – начало XIX в. (частная коллекция)

Экспозиции и выставки возможны по тематикам:

1. Г.И. Шелихов

(фонды музея Г.И. Шелихова, фонды Иркутского областного краеведческого музея).

2. А. Баранов и Тальцинский стекольный завод

(из фондов ГУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»).

3. Иннокентий Вениаминов

(из фондов ГУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» и Иркутского областного краеведческого музея).

4. Иван Кусков

(из фондов Иркутского областного краеведческого музея и Музея истории города Иркутска).

5. Виды Аляски и Алеутских островов

(из фондов Иркутского областного художественного музея).

6. Декабристы и Русская Америка, в том числе мемориальные предметы (экспонаты) декабриста Завалишина

(из фондов Иркутского областного музея декабристов).

7. Архивные материалы по Русской Америке (оригиналы и копии)

(из фондов Государственного архива Иркутской области).

8. Книги времен деятельности Российско-американской компании, в том числе принадлежавшие колонистам, из собрания Иркутской областной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского.

Формирование экспозиций и выставок возможно как за счет мемориальных предметов, так и за счет экспонатов, относящихся к эпохе русской колонизации северо-запада Америки конца XVII – первой половины XVIII в., из музейных фондов и антикварных магазинов.

Архивный комплекс подразумевает создание архивных копий на различных носителях информации с залом свободного доступа для всех желающих.

Библиотечный комплекс обеспечивает сбор книг, брошюр, авторефератов, диссертаций и т. д. по теме «Русская Америка» также со свободным доступом для всех желающих.

Работа общественного российско-американского культурного центра в составе музейного центра «Русская Америка», не только позволит пополнить новый музейный центр новой информацией за счет расширения связей, но и будет способствовать налаживанию тесных связей наших стран в науке, бизнесе, культуре, а также создавать условия для дружеских контактов рядовых граждан, выполняя благородную миссию сохранения нашей общей истории, укрепляя дружбу между нашими народами во имя будущего России и Соединенных Штатов Америки.

Т.С. Федорова (Санкт-Петербург)

Лаврентий Алексеевич Загоскин — на службе Российско-американской компании

(По известным материалам и новым документам из Национального архива США)

Лаврентий Алексеевич Загоскин поступил на службу Российско-американской компании в Санкт-Петербурге 3 декабря 1838 г. и ровно через 7 лет, в декабре 1845 г., возвратился в столицу. Если учесть, что на дорогу до Русской Америки и обратно ушло почти полтора года, то реально на службе компании он состоял всего пять с половиной лет, однако за эти годы он успел сделать такой объем работы, что до сих пор его труды остаются актуальными и востребованными учеными разных областей науки. Пешеходная опись и статьи из Америки, написанные живо и увлекательно и содержащие огромное число самой неожиданной информации, читаются с любопытством, собранные им экспонаты являются гордостью нескольких музеев России.

Л.А. Загоскин родился 21 мая 1808 г. (все даты указаны по старому стилю) в д. Николаевка Пензенской губернии, в родовом поместье в семье отставного секунд-майора А.Н. Загоскина. 1 июня 1822 г. он был зачислен в Морской кадетский корпус кадетом, 25 сентября 1826 г. по окончании корпуса получил чин мичмана и назначение в Астраханский порт. В 1827–1831 гг. командовал небольшими судами, плавал у персидских берегов, в 1832 г. был произведен в лейтенанты и назначен командиром парохода «Аракс». Служба проходила спокойно, но в конце 1834 г. случилась беда: пароход «Аракс» сгорел. Загоскин был разжалован в матросы без лишения прав дворянства, до выслуги. 6 апреля 1835 г. по возвращении чина переведен в Кронштадт, в 1836–1838 гг. на фрегатах «Кастор» и «Александра» плавал в Балтийском море [1], но карьера его была испорчена. 3 декабря 1838 г. он подписал контракт с РАК и уже 30 декабря оставил Петербург и через Сибирь отправился к новому месту службы.

17 марта 1839 г. лейтенант прибыл в Иркутск, где представитель конторы Российско-американской компании показал приготовленную для него квартиру на углу базара. «Четыре светлые, чистые

просторные комнаты вполне удовлетворили меня. Теперь я ошвартовался в них до дальнейшей поездки в Охотск по вскрытии Лены», — писал он в статье «Поездка на тот свет» [2].

В Иркутске Загоскин остановился не только из-за ледостава. Он посетил с. Урик, где на поселении жили декабристы: князь Волконский с женой и сыном, братья А. и Н. Муравьевы, М. Лунин и доктор Ф. Вольф. Гость привез им из Москвы письма родных и друзей. Лаврентий Алексеевич провел там несколько дней, и даже через 30 лет он тепло вспоминал свои беседы с декабристами и особенно с М.Н. Волконской [3].

Когда р. Лена очистилась ото льда, Загоскин продолжил путь через Якутск в Охотск, где его уже ожидал компанейский бриг «Охотск». 9 июля 1839 г. лейтенант принял его под свою команду, в полночь 15 августа поднял паруса, а 6 октября сошел на берег в Ново-Архангельске и поступил в распоряжение главного правителя российско-американских колоний И.А. Купреянова. В 1840 г. Загоскин совершил плавание на остров Атха, Курильские острова и в Охотск, в следующем году командиром корабля «Елена» ходил в Калифорнию к форту Росс. На обратном пути он принял на корабль препаратора Санкт-Петербургской академии наук И.Г. Вознесенского, собиравшего в окрестностях форта экспонаты для академических музеев. Плавание продолжалось месяц, за это время молодые люди подружились, в Ново-Архангельске Вознесенский обучал друга сбору и сохранению образцов флоры и фауны и другим нужным приемам, что ему очень пригодилось впоследствии.

Освоившись немного в Ситхе и познакомясь с целью службы морского офицера в колониях, Загоскин написал в Главное правление РАК Ф.П. Врангелю, который к тому времени стал одним из директоров компании, о своем желании совершить пешеходную экспедицию внутрь Аляски, если это будет полезно компании. Еще до отъезда в колонии он изучил книги Крузенштерна, Лисянского, Головнина, Коцебу о кругосветных путешествиях и Русской Америке. В 1835 г. вышли в свет статьи Ф.П. Врангеля в журнале «Телескоп», наверное, в них Загоскин тоже нашел много интересного о народах, населяющих Аляску. Вероятно, в начале 1842 г. А.К. Этолин, 25 мая 1840 г. занявший пост главного правителя колоний, получил от Врангеля депешу, одобрявшую желание Загоскина, и поддержал стремление молодого офицера совершить такую экспедицию. Единственным подтверждением этому являются слова самого Загоскина: «Адольф Карлович снабдил экспедицию как только возможно... Дай Бог оправдать его выбор и Фердинанда Петровича. Последнего я просил в 1840 году о подобном назначении и крепко подозреваю в этой милости» [4].

В назначении экспедиции Главное правление РАК не принимало никакого участия, Ф.П. Врангель в этой связи тоже больше

не упоминается. Организацию экспедиции и руководство ею полностью взял на себя А.К. Этолин. Забегая вперед, отметим, что в «Отчете Российско-Американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1843 года» сведения «Об экспедиции лейтенанта Загоскина» помещены в раздел «Частныя распоряжения», составлены они по донесениям главного правителя колоний [5]. Загоскин в Пешеходной описи приводит материалы именно из отчетов Главного правления РАК.

Лаврентий Алексеевич пишет: «8 марта 1842 года мне была предложена экспедиция для обозрения части материка Северо-Западной Америки». Предложить экспедицию в колониях мог только Этолин. Адольф Карлович прекрасно знал территорию Русской Америки, ее жителей, состояние промыслов, проблемы и трудности деятельности колоний. К этому времени он служил в колониях уже 20 лет (с двумя годичными перерывами), в том числе около 5 лет помощником главного правителя. Он был так же увлечен изучением Аляски, как и Врангель. Иметь такого опытного и знающего руководителя было для Загоскина большой удачей.

В инструкции Загоскину А.К. Этолин так объяснил причину «предложения» «особенной экспедиции под начальством Вашим»: за последние 10 лет неоднократно из Александровского редута на реке Нушагак и Михайловского в заливе Нортон отправлялись отряды для изучения «внутренности» Аляски, знакомства с туземцами и привлечения их к промыслам. «Начальствовавшие сими отрядами были люди без всякаго образования и достаточных познаний, которые, впрочем, с отличнейшим усердием и самоотвержением переносили всякаго рода недостатки и труды, но, к сожалению, не могли принести желаемую пользу, ибо от наблюдений их ускользнуло много таких предметов, кои непременно обратили бы на себя внимание более просвещеннаго человека, притом были они не в состоянии передать точные сведения о географическом положении пройденных ими мест, столь необходимыя колониальному начальству для того, чтобы верно и безошибочно можно б было заключить, где выгодно основать редут и посты в сей изобилующей водяными сообщениями стране...» [6].

Загоскину предлагалось на бриге «Охотск» под командой российского шкипера Я.Е. Нецветова отправиться в Михайловский редут, а оттуда в Коцебу-Зунд, чтобы выяснить, каким путем и с помощью каких племен пушнина с Аляски попадала на Чукотку, минуя служащих Российско-американской компании. Торговлю эту нужно было непременно «установить в пользу РАК», и самым простым было основать редут около устья р. Букланд, впадавшей в Коцебу-Зунд, но для этого необходимо было обследовать эти места. Окончив исследования, к 20 августа Загоскин должен был возвратиться в Михайловский редут, а с установлением зимнего пути предпринять

путешествие к Нулатовской одиночке на р. Квихпак (Юкон), чтобы обследовать р. Куюкак и «составить полный обзор или сделать верное заключение о коммуникации между Квихпаком и Коцебу-Зунд».

Весной 1843 г. в Ново-Архангельске должны были построить хорошую, легкую байдару, на которой Загоскину предстояло приступить к решению второй важной задачи: отправиться по р. Квихпак «для исследования системы сей реки как можно далее вверх по оной», достигнуть истоков рек Квихпака и Кускоквима и найти наиболее удобный маршрут перевала между бассейнами этих рек. «Если Вам бы удалось около верховья Квихпака перенестись на р. Чагелюк, то это было бы немалым облегчением для Ваших действий», — говорится в инструкции Этолина. В Икогмютской одиночке путешественникам нужно было дождаться зимнего пути и перейти на р. Кускоквим к редуту Колмакова, где можно было отдохнуть и получить предписания о дальнейших действиях [7]. На местах Загоскину предоставлялась полная самостоятельность, необходимо было только соблюдать «всегдашнюю безопасность» и не слишком изнурять людей холодом, голодом и «другими недостатками».

Все пройденные места Этолин рекомендовал лейтенанту «связать астрономическими наблюдениями», особенно точно определять пункты, где р. Квихпак делает повороты, где впадают в нее другие реки и где, по рассказам туземцев, имеются «кратчайшие переносы на реку Чагелюк или Кускоквим». Этолин был уверен, что Загоскин не упустит возможности расспросить туземцев об отдаленных местах и народах, промыслах, «нравах и многолюдстве их», направлении хребтов и гор, равнинах, глубине и протяженности рек и т. д., — «словом сказать, все, что может вести к будущим пользам Российско-американской компании и к пояснениям ученому свету, которому совершенно еще неизвестна сия обширная часть Американскаго материка», — советовал А.К. Этолин молодому исследователю Аляски [8].

Перед каждым плаванием или походом командиру в колониях всегда вручалась инструкция о целях и задачах путешествия и способах выполнения задания. Возможно, инструкция Этолина Загоскину была более подробна, ведь он отправлялся в такую экспедицию впервые и не знал многих местных особенностей. В Пешеходной описи он замечал, что «был новичок в походах такого роду». Образованный, наблюдательный, всем интересующийся, энергичный молодой офицер со страстью взялся за дело, не забывая, однако, следовать советам главного правителя, и результаты, как известно, превзошли все ожидания.

Почти два месяца продолжалась подготовка экспедиции. За это время Загоскин изучил имевшиеся в колониях материалы предыдущих походов в эти края опытных путешественников: А. Глазунова,

Ф. Колмакова, С. Лукина, И.Я. Васильева. 1 мая 1842 г. Этолин вручил начальнику экспедиции инструкцию, в тот же день Загоскин и пять его спутников (четыре охотника-креола и денщик начальника экспедиции) перешли на бриг «Охотск», 4 мая бриг поднял паруса и простился с Ситхой. 10 июля мореплаватели прибыли в Михайловский редут, откуда начиналось сухопутное путешествие. На деле маршрут экспедиции оказался совсем не таким, как намечал главный правитель. Загоскину была предоставлена свобода действий, и он ею воспользовался. Сославшись на позднее таяние льда в Коцебу-Зунд, он туда не пошел. Прежде всего начальник экспедиции решил отправить лодку в Нулато, причем, когда стали грузить ее, вскоре увидели, что не умещались в нее не только запасы экспедиции, но и припасы и товары для поселенцев и для расторжек с туземцами. Пришлось снаряжать еще и байдару. Они ушли 25 июля, после чего Загоскин совершил двухнедельный поход вдоль берега залива Нортон на север до устья р. Уналаклик. Это была разведка пути, которым предстояло пройти зимой.

Возвратившись в Михайловский редут, Загоскин начал готовиться к зимнему походу на Квихпак. Он регулярно писал рапорты А.К. Этолину о своих действиях, и главный правитель в чем-то соглашался с начальником экспедиции, в каких-то случаях по-отечески давал ему советы. Так, например, по поводу перегруженной лодки Этолин писал: «Обременять экспедицию такою тяжестию, вероятно, состоящею в чрезмерном количестве провизии, платья, обуви и тому подобнаго, о чем, как я заметил, вы очень хлопочите, неминуемо должно во многом воспрепятствовать успеху оной, а потому, надеюсь, что, ознакомясь покороче со всеми способами и обстоятельствами, вы впредь не будете возить с собою и доставлять в одиночки лишних тяжестей, а по возможности будете довольствоваться местными способами и чем Бог пошлет, привыкая, так сказать, к холоду и голоду. Так делали все известные путешественники, посетившие полярные страны, как-то: Франклин, Херн, Макензий и другие, да иначе и нельзя достигнуть желаемой цели и успеха и не далеко уйдешь. Этому же правилу держались и прежния наши экспедиции и, благодаря Бога, возвратились живы и здоровы [9].

4 декабря 1842 г. экспедиция Загоскина направилась из Михайловского редута вдоль берега к устью р. Уналаклик. По замерзшему руслу этой реки прошли в глубь материка на р. Квихпак. На перевале температура упала ниже 30°, в термометре замерзала ртуть, не выдерживали собаки, но люди шли вперед. 15 января 1843 г. прибыли в одиночку Нулато, которая надолго стала опорной базой для походов в бассейне р. Квихпак. 2 августа экспедиция покинула Нулато и направилась вниз по течению Квихпака, 23 августа прибыли в Икогмютскую одиночку. Квихпак был осмотрен и описан на протяжении более 700 верст.

Загоскин по-прежнему действовал по собственному усмотрению: он предлагал перенести Михайловский редут на р. Уналаклит, увеличить там число собак и поставить новые строения, награждал служителей, увеличивал туземцам плату за промыслы, вмешиваясь в распоряжения местной администрации — байдарщиков. Этолина это беспокоило больше всего. Он неоднократно просил Загоскина, чтобы тот «как можно менее старался входить в хозяйственные распоряжения байдарщиков, о чем и прежде было мною поставлено вам на вид, в особенности в такие распоряжения, кои могут иметь вредныя последствия для Компании... Отстранение байдарщиков от настоящего их дела может вселить в них недоверчивость к самим себе и разрушить принятый ими порядок... Прошу вас не входить ни в какие хозяйственные распоряжения в тех местах, кои находятся в ведении Кадьякской конторы», — писал Этолин Загоскину 27 апреля 1843 г. В этом же письме главный правитель колоний, зная, что экспедиция должна прибыть в Колмаковский редут, которым управлял С.И. Лукин, заранее уведомил редут о ее приходе, «опасаясь, чтобы вы какими-нибудь излишними требованиями не загоняли совсем этаго скромнаго человека», — сообщил он Загоскину [10].

17 августа 1843 г. главный правитель вновь напоминает: «нужным считаю притом повторить покорнейшую мою просьбу не затруднять байдарщиков излишними требованиями для экспедиции и не входить в хозяйственные их распоряжения, дабы не сбить с толку ко вреду Компании и не разрушить предписанный им порядок в производстве и течении дел» [11].

Новой базой, откуда экспедиция совершала походы, стала Икогмютская одиночка. С 23 ноября по 3 декабря обследовали верхний переход с Квихпака на Кускоквим, чтобы выяснить, не удобнее ли и ближе доставлять товары на верховья Кускоквима из Кенайского залива, чем из Александровского редута. «Не имея достоверных сведений о том крае, я не могу сделать каких-либо начертаний в разрешение сих задач, а потому предоставляю это совершенно вам по тем сведениям, кои вы можете собрать в редуте Колмакова от байдарщика Лукина, — писал Этолин Загоскину 10 августа 1843 г. — Сей усердный, смышленый, но, к сожалению, безграмотный человек имел в 1841 году задание от Кадьякской конторы отправиться вверх по Квихпаку, чтобы выяснить, где выгоднее ставить одиночки. Он познакомился с колчанами, но по безграмотности ничего не мог передать» [12]. Этот человек пользовался огромным уважением у всех племен. По мнению Этолина, достаточно было бы собрать все сведения о крае, известные Лукину.

Из Колмаковского редута Загоскин совершил несколько походов, в том числе обследовал не только верхний переход с Квихпака на Кускоквим, но и нижний. С 19 мая по 5 июня 1844 г. путешес-

твенники выясняли, из каких потоков образуется Кускоквим, через три дня вышли на Квихпак, 10 июня прибыли в Икогмют, 21 июня экспедиция возвратилась в Михайловский редут, а 26 сентября прибыла в Ново-Архангельск. «Мы находились в отсутствии год, 6 месяцев и 16 дней, — записал Загоскин в дневнике, — и прошли в продолжение этого времени пешком, на кожаных лодках около 5 000 верст» [13].

15 мая 1845 г. А.К. Этолин довольно сдержанно доносил в Главное правление РАК о завершении экспедиции Загоскина: «Должен сказать, что хотя г-ну Загоскину не удалось вполне оправдать мои ожидания и он не мог лично распространить свои исследования и поиски на Коцебу-Зунд (главнейшей цели его экспедиции) и прошел весьма малое пространство вне известных уже нам до сего времени пределов Американского материка вверх по р. Квихпак, но не менее того должно признаться, что труд г-на Загоскина был немаловажен... Журнал же г-на Загоскина коротко ознакомит колониальное начальство с той частью занятого и обитаемаго нами Американскаго материка, доныне столь мало известнаго. Записки сии доказывают, как легчайшим способом доставлять в редуты и одиночки товары и разныя другия потребности посредством водяных сообщений по рекам Квихпак и Кускоквим и по протокам, впадающим в оныя, так и вообще промышленность и ход туземной торговли той страны» [14].

Л.А. Загоскин сам подвел итого своей работы:

По географии: описана южная и западная части Нортонова залива, р. Квихпак осмотрена на протяжении 600 миль, два притока этой реки (Юнниак и Иттеге) осмотрены каждый на 100 миль от своих устий, р. Кускоквим осмотрена к верховью на 250 миль, обследованы 4 переноса в этом бассейне, астрономически определены 42 пункта, собраны различные сведения о дальнейшей территории материка в пределах квихпакского и кускоквимского бассейнов.

По зоологии: собрано 38 видов птиц в 72 экземплярах и до 70 видов насекомых; по ботанике: собраны травники местностей Михайловского редута и заселения при Нулато; по геологии: собраны 50 видов главных горных пород южной части Нортонового залива, рек Квихпак и Кускоквим; по этнографии: собрано большое количество материалов для статистики и этнографии племен, обитающих в обследованном районе, представлены их оружие, одежды, домашняя утварь [15].

Сам исследователь писал, что «сделался минералог, энтомолог, конхиолог, зоолог и прочее, всеми возможными, что называется редкостями, уставлена и обвешена моя хата» [16]. К этому следует добавить огромное число записей рассказов П. Колмакова, С. Лукина, байдарщиков и туземцев, множества различных наблюдений и впечатлений. По поручению главного правителя исследователь ос-

тавил Колмаковскому редуту, Нулатовской и Икогмютской одиночкам подробные инструкции.

Главное правление Российско-американской компании в отчете за 1845 г. так отметило завершение сухопутной экспедиции: «В 1844 году лейтенант Загоскин с вверенною ему командою возвратился благополучно в Ново-Архангельск, проведя два года в стране суровой, лишенной всех удобств жизни, в постоянных трудах на пользу наук и Компании» [17]. Зима 1844/45 г. ушла на обработку и систематизацию привезенных материалов и составление карты.

Помимо Пешеходной описи неутомимый наблюдатель оставил нам замечательное описание Ново-Архангельска. Он детально рассказал читателю о самой Ситхе, о том, что он там видел, во всех подробностях нарисовал жизнь в столице Русской Америки, сообщил о местном обществе, вечерах в доме главного правителя с музыкой, танцами, маскарадами и пьесами, которые там ставились. Поведал и о самом доме, где размещались прекрасная библиотека, основанная Н.П. Резановым, и музей. Вместе с автором мы поднимаемся по ступенькам на вершину кекура, где расположен этот дом. «Прямо у ног ваших, — читаем у Загоскина, — разбивается бурун великого океана, катящийся от пределов китайских, далее разбросано несколько скалистых, лесистых островков, тонкая, непроницаемая пасмурность, сливая море с небом, препятствует насладиться великолепной картиной Ситхинского залива [18].

16 мая 1845 г. на компанейском корабле «Наследник Александр» Лаврентий Алексеевич вышел из Ситхи в Охотск. На пути через Сибирь он вновь посетил с. Урик, но там никого из декабристов уже не было: Волконские жили в Иркутске, А. Муравьев и Ф. Вольф переселились в Тобольск, Н. Муравьев умер в 1843 г., М. Лунин, продолжавший отстаивать идеи декабристов, в начале 1841 г. был снова арестован и сослан в Акатуйский рудник, где и погиб в конце 1845 г. при загадочных обстоятельствах. В Иркутске Загоскин несколько раз принимал у себя княгиню М.Н. Волконскую, которая говорила ему, что хочет устроить сына на службу в Российско-американской компании, и просила помочь в этом [19].

В конце 1845 г. путешественник прибыл в Петербург. Статьи о Сибири, напечатанные в Петербурге, когда он совершал поход по Аляске, привезенная коллекция и сама экспедиция сразу привлекли к Загоскину внимание русского общества. В 1846–1848 гг. была опубликована «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг.», достоинства которой высоко оценили периодическая печать и ученый мир. 15 января 1849 г. Русское Географическое общество избрало Лаврентия Алексеевича действительным членом, а 17 апреля того же года ему была вручена Демидовская премия Академии наук.

Еще 28 июля 1844 г. А.К. Этолин просил Главное правление

Российско-американской компании «исходатайствовать ему производство в следующий чин, ибо несчастие, в котором он находился во время линейной его службы, и поныне преградою ему к повышению чина» [20], — писал главный правитель колонии, имея в виду временное разжалование Загоскина в матросы в 1835 г. после пожара на пароходе, которым он командовал. 15 мая 1845 г. в донесении в Главное правление о завершении экспедиции Этолин просил директоров компании за труды, «понесенные г-ном лейтенантом Загоскиным на пользу отечества и Российско-американской компании», назначить ему для поощрения «приличную денежную награду (годовой оклад жалования)» и «исходатайствовать» орден Св. Владимира [21], как его предшественнику И.Я. Васильеву. Живое участие в судьбе путешественника принял Ф.П. Врангель, ставший уже председателем Главного правления РАК.

Просьбы А.К. Этолина не остались без внимания. В 1846 г. исследователь Аляски был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, а 23 марта 1847 г. произведен в капитан-лейтенанты. 14 января 1848 г. Л.А. Загоскин по прошению был уволен от службы и уехал в свое имение.

Примечания

1. Общий морской список. СПб., 1898. Ч. X. С. 156–157.
2. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842, 1843 и 1844 гг. М., 1956. С. 338.
3. Сибирские огни. Новосибирск, 1955. № 5. С. 191.
4. Путешествия и исследования... С. 377.
5. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1843 года. СПб., 1843. С. 44–45.
6. NARS-RRAC. РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 46. Л. 109.
7. Там же. Л. 112–113.
8. Там же. Л. 114.
9. Там же. Д. 47. Л. 123.
10. Там же. Л. 125–127.
11. Там же. Л. 456.
12. Там же. Л. 453 об.–454.
13. Путешествия и исследования... С. 18.
14. NARS-RRAC. РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 50. Л. 60 об.–61.
15. Путешествия и исследования... С. 50.
16. Там же. С. 378.
17. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1845 г. СПб., 1845. С. 40.
18. Путешествия и исследования. С. 373.
19. Сибирские огни. Новосибирск. 1955. № 5. С. 191.
20. NARS-RRAC. РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 48. Л. 579 об.
21. Там же. Д. 50. Л. 62.

В.А. Хороших (Рыльск)

Увековечение памяти Г.И. Шелехова — Колумба Росского

Общественное движение по увековечению памяти Г.И. Шелехова в Курской и Иркутских областях, в 1991–2007 гг. подкрепленное сложившимися связями с краеведами Северной Америки, можно с уверенностью отнести к исторической проблеме взаимоотношения народов в новейшее время.

Историография купеческого рода Шелеховых охватывает более чем 220-летний период и составляет многие сотни источников. Точкой отсчета вне всяких сомнений является труд Григория Ивановича «Российского купца именитого гражданина Григория Шелехова первое странствование с 1783–1787 год из Охотского по Восточному океану к Американским берегам и возвращение его в Россию» (СПб., 1793 г.).

В дореволюционной России и в СССР деятельность Г.И. Шелехова была увековечена в десятках географических названий, различных трудах, книгах, почтовых конвертах, марках и т. д.

Особо следует выделить значение архитектурных и скульптурных памятников рода Шелеховых, сохранившихся в г. Рыльске.

Имя Г.И. Шелехова в Иркутске сохранилось в сознании общественности во многом благодаря величественному памятнику Российскому Колумбу в Знаменском соборе и зданию Иркутской конторы РАК с информационной мраморной доской.

В г. Санкт-Петербурге в лавре Александра Невского сохранилось общее надгробие, установленное на захоронениях дочерей Г.И. Шелехова — А.Г. Резановой и А.Г. Политковской. На улице Мойка, 12 находится здание конторы Российско-американской компании, на гранитной плите выбиты слова: «В этом доме в 1824–1825 годах жил декабрист Кондратий Рылеев». О том, что это здание принадлежало РАК и Рылеев служил здесь на посту правителя дел, не сообщается.

Датой зарождения общественного движения по увековечению памяти Г.И. Шелехова принято считать 28 мая 1991 г., когда в г. Рыльске состоялась учредительная конференция 47 историко-краеведческих обществ из 19 регионов СССР и была создана международная Ассоциация ЮНЕСКО «Русская Америка». В конференции

принимал участие В.В. Поздняк мэр г. Шелехова, который вместе с автором доклада, в то время председателем городского совета г. Рыльска, разработали идею совместного научно-практического эксперимента по созданию историко-духовной среды в городах Рыльск и Шелехов, состоящую из трех этапов:

1. Установление побратимских отношений, научная, краеведческая, исследовательская и агитационно-разъяснительная деятельность о значении трудов Г.И. Шелехова как патриота, просветителя и предпринимателя;

2. Организационно-строительные мероприятия:

2.1. Возведение памятника Г.И. Шелехову в г. Шелехове;

2.2. Создание музея Г.И. Шелехова в г. Шелехове;

2.3. Создание музейно-мемориального комплекса Г.И. Шелехова в г. Рыльске.

3. Создание Федерального музейно-мемориального комплекса в Курской и Иркутской областях на базе городов-побратимов Рыльск–Шелехов.

30 мая 1991 г. при осмотре постамента памятника Г.И. Шелехову, который в заброшенном виде с 1959 г. находился на территории Рыльских коммунальных электрических и тепловых сетей, В.В. Поздняк обратился с просьбой о передаче уникальной музейной реликвии в г. Шелехов. Для реализации идей побратимских связей был подготовлен проект договора, в котором сказано, что рыляне передают постамент памятника Г.И. Шелехова, открытого в 1903 г. и разрушенного бездушием местной власти в 1950-е гг., для воссоздания в Шелехове как символа породненных городов.

Общественность г. Рыльска критически отнеслась к решению городской власти, особенно возмущались сотрудники краеведческого музея. Мало кто верил, что после многих лет забвения первый рыльский памятник Г.И. Шелехову получит счастливое продолжение своей духовной жизни в далекой Сибири.

Самым сложным, на мой взгляд, был первый этап, который включал в себя 1991–1995 гг. и характеризовался процессами осмысления мемориальных функций (напоминаний) историко-культурного и скульптурного наследия Г.И. Шелехова.

В этот период краеведами были выявлены архивные документы, подтверждающие участие купеческого рода Шелеховых в строительстве трех храмов и шести усадебных зданий, причем доказательства по трем из них были выявлены и введены в научный оборот впервые.

Также были систематизированы различные источники и выполнены описания архитектурных и скульптурных памятников, связанных с деятельностью рода Шелеховых и РАК в Санкт-Петербург, Красноярск, Иркутск.

Впервые проанализированы проблемы существования несколь-

ких форм памятников Г.И. Шелехова в Курской области по годам: 1) 1903–1934; 2) 1934–1957; 3) 1957–1959; 4) 1959 — наше время, доказана ошибочность даты установки памятника, высеченной на постаменте 1957 г. (плакаты).

Изучены экспозиции исторических и краеведческих музеев, посвященные Русской Америке в г. Москве, Санкт-Петербург, Владивосток, Курск, Красноярск, Анкоридж (Видео).

Молодым краеведам следует напомнить, что на этом этапе в формирование побратимских отношений внесли вклад шелеховчане: Г. Степкин, Е. Карпов, А. Калачев, Г. Исайченко, Н. Измайлова, Н. Волкова, М. Сапижев, А. Ружников, А. Максимов, А. Глущук, Е. Романова, рыляне: В. Иванов, Н. Толмачев, А. Шавлов, Ф. Вербин, Т. Рыкова, В. Требесова, Ю. Белозерцев, М. Латышев, В. Ипполитов, Н. Форостиной, К. Светлакова, М. Чемодуров, Б. Ворович.

Наши исследования по сооружению памятника Г.И. Шелехова и музея его имени в г. Шелехов подтверждают значимость деятельности этих людей, а также поддержки со стороны известных историков и других деятелей культуры: Н. Болховитинова, Б. Полевого, В. Шахерова, А. Петрова, М. Сергеева, В. Лапенкова, А. Дулова, Е. Шободоева и многих других. Духовная связь шелеховчан с рылянами была закреплена и пятилетним нахождением в сибирском городе части рыльского памятника Г.И. Шелехова 1903 г.

Б.П. Полевой в статье под заголовком «Организаторы праздника призывают нас к большому здоровому патриотизму» предположительно высказал общее мнение словами: «Если бы торжества, посвященные 200-летию со дня смерти Г.И. Шелехова, ограничилось лишь российскими историческими чтениями и митингом с освещением места будущего памятника, даже эти два события надолго бы запечатлелись в памяти горожан».

Нами выявлены все основные распорядительные и финансовые документы по сооружению памятника от договора № 1 от 15.02.95 г., согласно которому заказчик — администрация г. Шелехова в лице В.В. Поздняка — мэра города и Е.А. Ставского — директора ООО «Эплис-КО» договорился о создании памятника Г.И. Шелехову — до распоряжения мэра города № 305 от 28.12.1995 г. «О премировании участников проекта «В связи с открытием памятника Г.И. Шелехову» 3 декабря 1995 г., который принят Госкомиссией с отметкой «Отлично». Назовем их фамилии: Е. Ставский, Л. Сериков, Е. Баранов, Е. Зенин, В. Росляков, А. Калачев, Е. Зеляхетдинова, В. Яковлев, Н. Дергачева, Н. Шеина.

По их воспоминаниям удалось восстановить и описать хронику событий, выявить фамилии каменотесов из Грузии Д. Датуалишвили и Е. Масурашвили. По высказыванию В. Лапенкова — начальника управления культуры Иркутской области, в одном из интервью,

мы можем гордиться, что в период с 1985 по 1995 г. памятник Г.И. Шелехову был единственным памятником русскому деятелю, установленным на территории от Урала до Дальнего Востока.

При личном изучении музейных экспозиций, посвященных Русской Америке в России и на Аляске, выявилось явное преимущество последней. В 1995 г. в музее культуры и искусства города Анкориджа деятельность Русских Колумбов освещена документально и вещественно в трех разделах:

1. 1648–1794 гг. Открытие Аляски Европой, в основном Российская экспедиция Дежнёва 1648 г.

2. 1743–1867 гг. Освоение и исследование Аляски.

3. 1784–1867 гг. Отображение динамики основания русских поселений.

29 сентября 1995 г., всего лишь через три месяца после исторических чтений, было издано постановление мэра г. Шелехов № 1237 «Об открытии музейно-выставочного центра имени Г.И. Шелехова» с 1 октября 1995 г. в здании библиотеки № 1. В течение пяти лет шла реконструкция здания. Небольшой сельский дом настойчивостью строителей и краеведов постепенно приобретал современную форму корабля.

Открытие музея состоялось 12 июля 2000 г. Напомним, что экспонат № 1 музея — постамент памятника Г.И. Шелехова, прибыл в г. Шелехов в трехтонном контейнере в 1991 г. Сотни других экспонатов рыляне передавали через молодых шелеховчан — курсантов Рыльского авиационного технического колледжа Гражданской авиации, участников краеведческой делегации, в том числе подростковой. Около половины материалов и предметов были привезены и переданы автором доклада.

Шелеховчане должны быть благодарны курянам, которые участвовали в создании рыльской экспозиции в музее Г.И. Шелехова: Р. Пилипенко, Н. Чалых, А. Зуев, И. Бобин, В. Саранских, С. Герасименко, А. Шавлов, А. Хомяков, В. Енуков, О. Енукова, Г. Стародубцев и др.

В г. Рыльске с 1997 г. деятельность по созданию музейно-мемориального комплекса переместилась в Рыльский авиаколледж. Это объясняется двумя причинами: во-первых, назначением автора доклада директором авиаколледжа, во-вторых, связью Рыльска через выпускников учебного заведения ГА с «внешним миром». Например, наши выпускники, уроженцы Рыльск — В. Зеленин, С. Дроздов, В. Горбунов, А. Шестков — от 10 до 30 лет отработали в аэропорту с. Лаврентия, расположенном в 90 км от Берингова пролива. Всего лишь 2 км 400 м отделяло российских эскимосов от их соплеменников на Аляске, которая отчетливо просматривалась в хорошую погоду. На радиолокационном экране отчетливо были видны все взлеты и посадки авиации американского побережья.

Гражданские авиаторы также обеспечивали сотрудничество соседей транспортом.

13 апреля 1998 г. решением Рыльской городской думы был создан сквер Памяти защитников Отечества. За счет средств от благотворительных концертов вокальной группы «Семь Я Хороших», пожертвований организаций и горожан здесь были сооружен памятный знак, организованно благоустройство и посадка деревьев.

1 сентября 2002 г. были открыт музей «Истории Рыльского авиаколледжа и наследия Г.И. Шелехова», освещены сквер городов-побратимов и памятный знак «Дружбы городов-побратимов», представляющий собой глыбу байкальского гранита, установленную на треугольном фундаменте.

Решением Рыльской городской думы № 64/4 от 23.07.2003 г. «Об открытии Памятного Знака „Именитым рылянам“ в сквере Памяти защитников Отечества были завершены исследования рыльских краеведов.

На трехгранной стеле в открытой часовне вписаны имена 26 защитников отечества, включая Василия Шелехова — сына Колумба Российского, героя Отечественной войны 1812 г. 19 знаменитых рылян во главе с Г.И. Шелеховым, пять купеческих родов градостроителей, где вторым по значению значится род Шелеховых.

Большой вклад по созданию музейно-мемориального комплекса внесли и вносят до сегодняшнего дня: А. Бессонов, В. Ипполитов, Н. Залунин, О. Салмина, А. Алюшин, А. Захаров и другие рыляне. В течение 20 лет оказывают помощь рыльским краеведам искусствоведы из г. Москвы О. Щеголев; В. Павлов, М. Фролов. Курские ученые и краеведы: В. Третьяков, Н. Постников, В. Енуков, А. Зорин.

В нашем понимании музейно-мемориальный комплекс Г.И. Шелехова — это органы местного самоуправления, организации, учреждения, отдельно или совместно занимающиеся собиранием, хранением и созданием памятников для увековечения жизни и деятельности Г.И. Шелехова.

Рыльский ММК был создан в период с 1998 по 2003 г. и объединяет памятник Г.И. Шелехову, три храма, шесть усадебных строений, три музейных экспозиции, два сквера, родовые захоронения, три памятных знака, архив и является единственным в своем роде в Курской области.

Шелеховский комплекс создан в период с 1995 по 2007 г. и объединяет памятник Г.И. Шелехову и здание конторы Российско-американской компании в Иркутске, памятные знаки, памятник и музей Г.И. Шелехова в г. Шелехов.

Основная задача третьего этапа включает в себя объединение усилий общественности всех городов России, исторически связанные с Русской Америкой, по созданию федерального музейно-мемо-

риального комплекса на базе городов-побратимов Рыльск–Шелехов, а в дальнейшем при поддержке Российской академии наук, органов власти, правительства и народа Северной Америки выйти с этой задачей на международный уровень, как это было задумано на учредительной конференции международной Ассоциации ЮНЕСКО в мае 1991 г. в г. Рыльске.

В Курской области в настоящее время действует разработанная автором доклада комплексная программа по празднованию 260-летия со дня рождения Г.И. Шелехова, которую поддержали в региональном отделении ВПП «Единая Россия» и в правительстве Курской области.

Литература

1. Хороших В.А. Наследие российского купца Шелехова. Курск, 2002. 510 с.

2. Хороших В.А. Купеческий род Шелеховых в российской истории (XVII – начало XXI века): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004. 210 с.

3. Хороших В.А. Справка к совместной программе по празднованию 260-летию со дня рождения Г.И. Шелехова — именитого Рыльского гражданина и Колумба Российского // Песни о Рыльске: Типография Рыльского авиаколледжа, 2006. С. 6–11.

В.П. Шахеров (Иркутск)

Становление Русской Америки как фактор расширения экономического пространства России

В течение нескольких столетий Россия расширяла территориальные пространства империи. Процесс этот носил многовекторный характер, но наибольшие приращения были сделаны за Уралом в юго-восточном направлении. В результате Россия превратилась в евроазиатскую империю, а ее континентальный характер развития постепенно менялся на континентально-океанический, интегрируясь в систему Азиатско-Тихоокеанского региона. Формирование Азиатской России стало важнейшей особенностью имперского развития страны и способствовало выработке новых геополитических и экономических интересов на сибирских окраинах.

Особенностью формирования экономического пространства Сибири было активное проникновение российского и сибирского капитала на рынки сопредельных государств. В течение XVII – XVIII вв. в Сибири была сформирована южная пограничная линия, составляющая несколько тысяч верст, практически не охраняемой, «прозрачной» границы с Китаем, Монголией, казахстанской Степью. Совершенно необозримые перспективы промысловой экспансии представляли Северная Азия и Тихоокеанский север.

Следует отметить, что сибирские предприниматели были отрезаны от российского рынка, да и в самой Сибири вплоть до XIX в. не могли на равных конкурировать с торговцами из Европейской России. В результате у них оставался единственный путь — промысловое освоение новых богатых пушниной территорий и выход на внешние рынки сопредельных государств. Раннее развитие международной торговли в Сибири, ориентированной на азиатский рынок, способствовало быстрой товаризации пушного промысла. Освоение новых сфер хозяйственной деятельности содействовало росту сибирских капиталов, усилению их позиций в городском обществе, развитию социокультурного уровня предпринимателей. Как справедливо замечала Е.А. Авдеева-Полевая об иркутском купечестве конца XVIII в.: «Самый образ тамошних дел и промышленности, требующий смелости, беспрерывно новых соображений и некоторых сведений, способствовал направлению общества к образованности, ибо известно, что промышленность и торговля, не

ограничивающиеся только делами своего города, всего больше способствуют развитию умов и общей образованности» [1].

Основной сферой приложения сибирских капиталов была торговая и промысловая деятельность. Крупнейшее иркутское купечество вкладывало капиталы в развитие кяхтинской торговли, скупало и перепродавало пушнину, отправляло корабли к островам северной части Тихого океана, монополизировало отдельные виды производства и торговли. В русско-китайской торговле участвовало до 40 иркутских предпринимателей, некоторые из них переселились в Кяхту и составили костяк тамошнего купечества. Уже в середине XVIII в. собственные промысловые компании на Тихом океане имели Н. Трапезников, Е. Югов, И. Бечевин. Со второй половины столетия Иркутск превратился в своеобразную базу промыслового освоения островов Тихого океана и Русской Америки. Здесь формируются купеческие компании, заключаются торговые сделки, нанимаются промышленные люди. По справке городской думы в 70–90 гг. XVIII в. на судах различных компаний работало 169 иркутян [2]. В Иркутске почти постоянно проживали устюжские купцы И. Бахов и Н. Шалауров, курский И. Голиков, рыльский Г. Шелихов, якутский П. Лебедев-Ласточкин и другие «колумбы Росские». Не менее успешно промысловой деятельностью занимались иркутяне братья Киселевы, Дудоровские, Л. Шабалин, Н. Мыльников, М. Сибиряков. Всего за 1741–1799 гг. частными компаниями было осуществлено 110 плаваний в северную часть Тихого океана, добыв при этом различной пушнины на 8 млн руб. [3].

Наиболее заметный вклад в создание Русской Америки внес Г.И. Шелихов. Его планы включали расширение зоны морской торговли. В записке, обращенной к правительству, он ходатайствовал о предоставлении его компании значительной ссуды на длительный срок, права набирать для службы на заокеанских территориях военных людей. Очень важным представляется его стремление вывести компанию из-под опеки охотских и камчатских властей и передать ее под непосредственное руководство генерал-губернатора. Кроме того, он просил разрешения в некоторых особо важных случаях обращаться непосредственно в Петербург. И вообще, он считал, что его компания могла лучше обеспечить государственные интересы на заокеанских территориях, а власти, в свою очередь, должны были содействовать компании в ее дальнейших попытках «разведания американской твердой земли». Он ходатайствовал за расширение торговли с Японией, Китаем, Индией, Батавией, Филиппинскими островами для сбыта добываемых в колониях мехов, «а из тех мест привозить в Америку как для поселяющихся тамо русских, также и коренных тамошних обитателей им нужное». В этой связи его внимание вновь привлекают Курильские острова и устье Амура, как будущая база для развития торговых отношений с Японией. Кроме того, устройство русских поселений на Курилах остановило бы посягательства европейцев на эти территории.

В развитии торговых связей с Японией особую заинтересованность проявляли иркутские купцы. Еще с середины XVIII в. в городе было введено преподавание японского языка в местной навигационной школе. В начале 1790-х гг. в группе иркутских купцов и чиновников возник проект установления торговли с Японией. В сентябре 1791 г. появился именной указ «Об установлении торговых отношений с Японией». Поводом послужило желание Екатерины II вернуть на родину группу японских моряков, потерпевших кораблекрушение у российских берегов. Экспедиция отправлялась от имени иркутского генерал-губернатора, видимо, для того, чтобы не уронить престиж императрицы. Несмотря на то, что Япония уклонилась от подписания дипломатических и торговых договоров, российским купцам было позволено приходить в порт Нагасаки и производить торговлю. Полученные результаты вызвали в правительстве противоречивые оценки. Екатерина II ожидала большего и в ряде писем не скрывала своего разочарования его итогами. Тем не менее по ее распоряжению началась подготовка новой экспедиции в Японию. «Торгующее в Иркутске и по Северо-Восточному океану купечество, — доносил императрице Э. Лаксман, — весьма желает... осенью будущего 1796 года... снарядить мореходное купеческое судно и отправить оное из Охотска в Нагасаки. Особливо же из числа оного Степан Киселев, Алексей Полевой и Влас Бибиков» [4].

О торговой активности иркутян на Тихом океане свидетельствует предыстория создания Российско-американской компании. В 1796 г. иркутские предприниматели Мыльниковы в компании с рядом других купцов разработали проект дальнейшего развития торговых отношений с Японией. Любопытно, что замыслы Г.И. Шелихова об объединении разрозненных капиталов были неплохо усвоены иркутянами. Их проект предполагал создание единой торгово-промышленной компании для морской торговли на Южных Курилах и в Японии, так как «разные компании, торгуя одинаковыми товарами, делают одна другой подрыв». Эти планы так и остались на бумаге, но в итоге их обсуждения появилась возможность создания объединенной компании иркутских купцов-промышленников, во главе которой встал Н.П. Мыльников с сыновьями. Так в начале 1796 г. возникла Иркутская коммерческая компания. Кроме Мыльниковых в нее вошли купцы Мичурины, Дудоровские, М.В. Сибиряков, Е. Ларионов, бывший ранее приказчиком Шелихова. Присоединился к ним и московский купец Е. Деларов, возглавлявший до этого американские колонии. Для управления делами в Иркутске учреждалась Главная контора с филиалами в Охотске, на Камчатке и иных местах, где компания собиралась осуществлять свою деятельность. Первыми директорами были избраны Д.Н. Мыльников и С.А. Старцев. Иркутская коммерческая компания стала первой организацией со столь значительным числом участников. Это было уже не семейное предприятие, а компания, в которой проводились выборы ее правления.

Огромный китайский рынок, предъявлявший повышенный спрос на пушнину, был значительным фактором, стимулирующим освоение новых промысловых территорий на северо-востоке Сибири, островах Тихого океана и северо-западном побережье Америки. С середины XVIII в. обширные территории Тихоокеанского и Американского севера были включены в зону воздействия российского капитала, а позднее и политического влияния Российской империи. С 1799 г. все заокеанские владения были переданы под управление Российско-американской компании, объединившей все частные промысловые компании на Тихом океане. Следует признать, что выбранная модель освоения русских колоний в Новом Свете по аналогии с соответствующими колониальными компаниями Англии, Франции, Голландии, действующими от имени и при поддержки своих государств, была в целом удачной. Русско-американская компания активно выходила на мировые океанские рынки, расширяя экономическое пространство Азиатской России на огромный, стратегически и экономически очень важный для России северо-тихоокеанский регион. Однако ресурсов для того, чтобы удержать эти территории и хозяйничать на океанских путях в условиях жесточайшей конкурентной борьбы с более развитыми европейскими державами и США, у компании было явно недостаточно. А переживающее кризис крепостнической системы государство не могло поддержать все ее начинания.

Кяхтинская торговля, несмотря на взаимовыгодный для обеих сторон характер, была ограничена территориально и хронологически. Она имела черты пограничной меновой торговли и была сосредоточена в одном пункте — Кяхте. Представители крупного капитала неоднократно делали попытки расширения торговых связей с китайским государством, искали новые рынки сбыта на собственно китайской территории. Уже с середины XVIII в. появляются различные проекты установления торговых отношений с государствами Юго-Восточной Азии: Китаем, Японией, Кореей, Индией, Филиппинами, а на Американском материке с испанцами и американцами. Следует понимать, что экономическое пространство заметно шире географических и политических рубежей. Используя экономическую эрозию границы с азиатскими государствами и Китаем, российский капитал выходил из пределов собственно сибирских территорий и стремился укрепиться на внешних рынках. Сибирь являлась своеобразным транзитным мостом между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, выступая перед ними как представитель промышленно развитой державы. Вслед за экономикой и политикой за национальные границы выходила и собственно российская культура, что приводило к созданию таких понятий, как «Русская Америка», «Русский Китай», «Русская Монголия». Но и обратное влияние этих территорий на русских, проживающих здесь, и на собственно сибиряков было также велико. Таким образом, формирование Азиатской России содействовало не

только оформлению географических и политических границ Сибири, но и возникновению особой социокультурной и экономической среды, зачастую выходящей за пределы собственно сибирского пространства.

Многолетняя борьба сибирского купечества завершилась заключением в 1860 г. Пекинского договора, установившего свободную и беспошлинную торговлю на всем протяжении китайской границы и позволившего русскому купечеству ездить с караванами в Пекин и другие города Поднебесной. Еще ранее была разрушена монополия крупного капитала на участие в кяхтинской торговле. В 1855 г. к ней были допущены купцы 2-й гильдии, а в 1861 г. — 3-й гильдии и крестьяне. Все эти меры способствовали усилению позиций сибирских предпринимателей, которые стали играть ведущую роль в торговых операциях России и Китая. Не осталась в стороне и местная администрация. Активность русского и сибирского капитала на азиатском рынке заставляла власти определить свою экономическую стратегию. В данном случае расширение экономического пространства соответствовало геополитической стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в какой-то мере компенсировало потерю экономического и политического влияния на Тихом океане после продажи Русской Америки. Так, в 1862 г. кяхтинский градоначальник А.И. Деспот-Зинович представил генерал-губернатору Восточной Сибири записку «О мерах для сближения с Монголией», в которой в качестве главной задачи региональной политики определялось «распространение влияния на Китай и в особенности Монголию, Маньчжурию и Тибет». В ней, в частности, говорилось о создании в Восточной Сибири самостоятельной хозяйственной базы, ориентированной на Китай. В другом документе — «Записке о Китайских делах», определявшей внешнеторговую стратегию региона, приоритетными направлениями считались содействие дальнейшему заселению русского Дальнего Востока, развитие в крае промышленного производства, в том числе угледобычи и лесообработки как экспортных отраслей, удешевление грузоперевозок за счет устройства новых путей сообщения и модернизации транспорта. О необходимости более активного инвестирования капитала в развитие восточных территорий и усиления там государственного присутствия высказывались многие представители крупного сибирского капитала. Только таким образом можно было преодолеть негативные последствия утраты Русской Америки и вытеснения русского капитала с тихоокеанских промыслов. «Кроме вывоза чая из Китая, — писал известный забайкальский предприниматель М.Д. Бутин, — мы стоим совершенно вне движения и торговли, развивающейся вблизи нашей отдаленной восточной границы. На нашу восточную окраину мы почти не обращаем никакого внимания, а между тем один Амурский край мог бы послужить нам прочным базисом для водворения нашего влияния на Восточном океане» [5].

Главная особенность русской колонизации Северо-Запада Америки

заключалась в том, что она в отличие от Сибири, где явно преобладала континентальная направленность, носила морской, океанический характер. В то же время Россия не обладала сильным морским военным и торговым флотом. Как показала Крымская война, противостоять настоящим морским державам, в первую очередь Англии, Россия была не в состоянии. Не случайно уже в это время возникли проекты продажи Русской Америки Соединенным Штатам. Переход от континентальной колонизации Сибири к морской колонизации Америки оказался достаточно сложным и длительным, потребовал чрезвычайных усилий со стороны государства и частных предпринимателей, купцов и промышленников-мореплавателей. Доставка продовольствия и других товаров через всю Сибирь обходилась крайне дорого. Не решила эту проблему и организация кругосветных плаваний.

С точки зрения геополитической Россия только со второй половины XIX в. начала замечать восточные окраины. Поэтому все планы, в том числе и авантюрные, расширить русское влияние и присутствие на Тихом океане не получили поддержки правительства. Не получили поддержки короны и проекты расширения колонии Росс, судьба которой с самого начала оставалась неопределенной. В конечном счете России так и не удалось по-настоящему утвердиться на крайнем Северо-Западе Америки, и власть Российско-американской компании фактически никогда не распространялась на все население континентальной Аляски. В целом русское освоение Северной Америки можно оценить как смелый прорыв в Западное полушарие — шаг в направлении превращения России в мировую державу. Очевидно и то, что возможности России по удержанию и колонизации завоеванных территорий в Азии и Америке были весьма ограничены. Под этим углом зрения отказ России от Аляски в пользу США можно рассматривать в одном ряду с продажей Наполеоном Луизианы тем же США, который предпочел получить за эту территорию деньги, чем в ближайшем будущем потерять ее просто так. Контроль над завоеванным пространством военными методами оказывался невозможным, а иных методов удержания собственных владений Россия в то время просто не имела. Договор о продаже Аляски был одним из соглашений, на основе которых происходило формирование азиатско-тихоокеанской границы России, остающейся в общих чертах неизменной вплоть до настоящего времени.

Примечания

1. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 55–56.
2. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1189. Л. 3–8 об.
3. Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998. С. 21.
4. Русская тихоокеанская эпопея. Хабаровск, 1979. С. 517.
5. Бутин М.Д. Письма из Америки. СПб., 1872. С. 53.

Е.С. Шишигин (Якутск)

Митрополит Иннокентий (Вениаминов) и его место в истории народов Аляски, Восточной Сибири и Дальнего Востока

Вся жизнь святителя Иннокентия (Вениаминова) была связана с Русской православной церковью, ее миссионерской деятельностью.

Из истории христианства мы знаем, что кроме внутренней готовности того или иного человека или же целого народа к восприятию веры Христовой необходимым фактором выступает личное свидетельство того, кто несет им благую весть. По Библии, Господь Иисус Христос заповедовал ученикам своим: «идите, научите все народы, крестя их во время Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я поведал вам» (Мф., 28, 19–20).

Чтобы глубже понять историческую роль Святителя, его место в истории народов Аляски, Якутии, Сибири и Дальнего Востока, необходимо рассмотреть историю христианизации Руси, Русской православной церкви, ее положения в государстве, в его политике.

Говоря о крещении Руси, необходимо подчеркнуть, что христианизация подняла нравственный потенциал русского народа, столь необходимый для выполнения им его исторический миссии внутри многонационального государства и на международной арене. С присоединением Сибири в XVI–XVII вв., Аляски в XVIII в. к Русскому государству появилась настоятельная необходимость христианизации коренного населения, сделать их настоящими подданными обширной империи, обеспечить проникновение русского влияния на север и восток.

Исследователи всегда отмечают личностный фактор, который имел огромное значение в деятельности православных миссионеров. Они были в значительной своей части не только самоотверженными вероповедниками, но и нередко подлинными создателями культуры целых народов. В числе последних можно смело назвать святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и Коломенского.

Население этих регионов — эвенки, эвены, юкагиры, чукчи, коряки, ительмены, эскимосы, алеуты и др. — к моменту прихода русских имело много общего: оно находилось примерно на одинаковом уровне политического, социально-экономического и культурного развития, все еще жило в условиях первобытнообщинного строя. Его занятия составляли рыболовство, охота, оленеводство и собако-

водство. Исключение представляли сравнительно многочисленные, самые северные скотоводы саха-якуты, отличавшиеся более высоким уровнем культуры. Предки саха пришли на Лену с довольно сложной системой религиозного синкретизма (смещения различных культов и религиозных систем). Исследователи допускают возможность влияния на них раннего христианства.

Без сомнения, народ саха в дорусский период играл доминирующую роль в социокультурном развитии Северо-Востока Азии, а якутский язык был языком межнационального общения, по образному выражению известного польского этнолога и писателя В.Л. Серошевского, выполнял функции французского языка для этого обширного региона. Именно эти обстоятельства имел в виду святитель Иннокентий, когда настаивал на выделении Якутской епархии: «Это совершенно необходимо, поверьте. Якутская область есть свой мир, где все особенное...»

Жизнь этого замечательного человека с самого начала была связана с Якутией. Он родился 26 августа (8 сентября по новому стилю) 1797 г. в глухом селе Ангинском на Лене Иркутской губернии, основанном уже в XVII в. служителям Якутского Спасского монастыря. Как вспоминал сам Иннокентий, якуты и эвенки «ему с издетства ближе всех других сибирских племен были известны, по их наречию, жизни, верованию, торговле, ремеслам, по их пище и одежде — так как они расположены в бассейне той же реки Лены, при которой расположена и родина его — село Ангинское».

Детство его было безрадостным — отец Евсевий Попов, пономарь местной церкви, умер, когда мальчику исполнилось пять лет. В 1806 г. девятилетний Иоанн Попов был определен в Иркутскую духовную семинарию, которую блестяще окончил в 1817 г., принял сан дьякона, а в мае 1821 г. был рукоположен во пресвитера в Иркутском Благовещенском храме, где проходили первые годы его служения.

Во время учебы в семинарии юный Иван проявил большие способности в усвоении глубоких основ богословия, риторики, филологии, позволившие ему позднее достичь поистине выдающихся успехов в своей просветительской деятельности. Именно в этот период жизни у будущего Святителя появились такие качества, как доброта, любовь и стремление к знаниям, исключительное трудолюбие. Его успехи в учебе и примерное поведение побудили ректора семинарии в 1814 г. присвоить ему фамилию «Вениаминов», в память скончавшегося в том году иркутского епископа Вениаминова (Багрянского), глубоко почитаемого церковного деятеля.

В мае 1823 г. 26-летний миссионер Иван Вениаминов со своей семьей отправился в необычайно трудный и опасный по своему времени путь — в Русскую Америку (на Аляску), где он продолжил миссию Русской православной церкви, начатую в 1794 г.

На Аляске, где он служил в общей сложности 28 лет, в первое время жил на главном острове Алеутского архипелага Уналашке,

изучил язык местных жителей (сумел быстро освоить шесть наречий), составил азбуку из славянских букв и грамматику алеутско-лисьевского языка, перевел на него богослужебные книги. В июле 1826 г. освятил храм Вознесения Господня, построенный по его проекту и ставший центром христианского просвещения для алеутов Уналашки и окружающих островов (в сентябре 1996 г. состоялось освящение храма после реставрации; в торжествах по этому случаю приняла участие правительственная делегация Республики Саха (Якутия) в составе министра по делам народов РС (Я) В.В. Топоркова, епископа Якутского и Ленского Германа и автора этих строк).

В 1834 г. отец Иван Вениаминов был переведен на остров Ситка в г. Ново-Архангельск — центр русских владений в Северной Америке, служил в соборном храме во имя Архангела Михаила, крестил индейцев-колошей.

За все это время миссионер занимался не только распространением православия. Он организовал училища, в которых обучались грамоте до 600 мальчиков, построил больницу и сиротский дом, боролся с распространенными среди местных жителей заразными болезнями, пьянством и полигамией. В результате фундаментального изучения быта, культуры, языков, обычаев аборигенов, климата, флоры и фауны Вениаминов оставил капитальные научные труды в области этнографии, географии и лингвистики, которые не потеряли своего значения и ныне.

Вениаминов приехал на Аляску приходским священником, миссионером, а уехал оттуда архиепископом, пользующимся авторитетом в христианском мире, истинным уважением и любовью коренных жителей, апостолом Америки. Хорошо зная проблемы миссионерской и приходской деятельности православной церкви в Русской Америке, он усиленно ставил вопрос об учреждении самостоятельной епархии в северной части Американского континента. С этой целью в 1839 г. предпринял поездку в Санкт-Петербург, заручился поддержкой членов Священного синода в положительном решении этого вопроса.

Совершив паломничество в Троице-Сергиеву лавру и к святыням Киева, Вениаминов принял монашество с именем Иннокентий в честь святителя Иннокентия Иркутского, был возведен в сан архимандрита (в ноябре 1839 г. в Иркутске скончалась его супруга Екатерина Ивановна).

В декабре 1840 г. Св. синодом учреждается новая епархия: Камчатско-Курильская и Алеутская с центром в г. Ново-Архангельске, первым епископом которой становится Иннокентий (Вениаминов). Через 10 лет, в апреле 1850 г., он возводится в сан архиепископа. В 1852 г. к его огромной епархии присоединяется обширная Якутская область, состоявшая в 1731–1852 гг. в составе Иркутской епархии.

В сентябре 1853 г. он прибывает в г. Якутск на постоянное жительство, сюда переносит архиепископскую кафедру из Ново-Архан-

гельска (Аляска), а главный храм г. Якутска — Троицкий собор — становится кафедральным, где начиная с 1859 г. проводились богослужения на якутском языке.

До этого Иннокентий дважды проездом и один раз неофициально побывал в г. Якутске. Первый раз в 1823 г. в сане священника, когда со своей семьей следовал на службу в Америку, второй же раз в 1841 г. в сане епископа, когда возвращался из Санкт-Петербурга на Аляску. Тогда он встречен был губернатором, всем духовенством, а в Троицком соборе отслужил молебен. А неофициально, для предварительного ознакомления с положением церковных дел и с устройством Спасского монастыря, Иннокентий прибыл в начале 1852 г. и находился до 29 мая того же года. Перед отъездом освятил построенную на пожертвования якутского купца 2-й гильдии, почетного гражданина города И.Я. Шилова каменную Николаевскую кладбищенскую церковь (ныне, после реставрации — Градоякутский Николаевский храм).

Здесь, как ранее на Аляске, он занялся христианизацией местных жителей, переводом на якутский и тунгусский языки богослужебных книг, открытием церковноприходских школ, новых приходов, строительством церквей и часовен, укреплением материальной базы градоякутских церквей и Спасского монастыря, подготовкой кадров духовенства и т. д. В 1854–1855 гг. дважды обозревал Якутскую область, совершил миссионерские поездки по рекам Амур и Уссури.

Изучение деятельности Иннокентия в Якутии показывает, что он имел четко разработанную программу углубления христианизации якутов и других коренных жителей области. Одной из главных забот архиепископа был перевод и издание основных богослужебных книг на якутский язык.

Энергичная практическая деятельность Иннокентия была направлена на реализацию намеченной программы. Так, с 1855 г. в г. Якутске начал работу комитет во главе с большим знатоком якутского языка протоиереем Димитрием Хитровым, который в начале 1857 г. был командирован в Москву и Санкт-Петербург для издания переводов. Работал он плодотворно, и в 1857–1858 гг. были изданы восемь книг, в том числе «Священное Евангелие на якутском языке», «Краткая грамматика якутского языка, составленная протоиереем Д. Хитровым», «Указание пути в Царствие Небесное на якутском языке Иннокентия (Вениаминова)». Всего же под его непосредственным руководством и участием было напечатано 10 книг в четырнадцати изданиях.

По мнению специалистов (академик П.А. Слепцов), с точки зрения филологической науки и социолингвистики, основным и конечным результатом этой деятельности было то, что православные миссионеры заложили основу якутской современной письменной культуры, письменной литературы, что явилось одним из истоков якутского литературного языка.

Перевод и издание церковной литературы сделали возможным

осуществить давнюю мечту Иннокентия — провести службу на якутском языке. 19 июля 1859 г. в Якутском кафедральном Троицком соборе впервые прозвучала Божественная литургия на якутском языке. Подобная практика распространилась по всей Якутской области.

Преосвященный Иннокентий уехал из Якутска в 1860 г. и переместился в г. Благовещенск, перенося свою деятельность на Дальний Восток, где провел исключительно большую работу по устройству Русской православной церкви. В Якутске викарным епископом оставил Павла (Попова).

В 1862 г. он снова приезжает в Якутск, где жил два месяца, проводя службы в церквах. В 1867 г. викарным епископом Якутским назначил своего друга и соратника Д. Хитрова. И когда все-таки добился открытия самостоятельной Якутской епархии в 1870 г., Хитров был назначен первым епископом Якутским и Вилюйским с именем преосвященного Дионисия, хитротонию которого совершил в Благовещенском кафедральном соборе архиепископ Иннокентий.

5 января 1868 г. был назначен митрополитом Московским и Коломенским, настоятелем Троице-Сергиевой лавры. 25 мая того же года он прибыл в Москву и в течение 10 лет находился на этом высоком посту.

Великий миссионер и церковный деятель умер 31 марта 1879 г., погребен в древнем Свято-Духовском храме Троице-Сергиевой лавры.

В 1977 г. решением Св. синода Русской православной церкви святитель Иннокентий был причислен к лику святых.

Учитывая огромные заслуги Иннокентия (Вениаминова) в углублении культурных связей между русскими и коренными народами Якутии, в изучении и сохранении якутского языка, Правительство Республики Саха (Якутия), Национальный комитет РС (Я) по делам ЮНЕСКО, Министерство культуры, Якутский государственный университет широко отметили 200-летие со дня рождения великого миссионера. Юбилейные мероприятия способствовали возрождению православных традиций и духовности.

Возрождению гуманистических традиций Русской православной церкви способствовала реализация в 1995–1997 гг. кафедрой гуманитарных, социально-экономических дисциплин Мирнинского филиала ЯГУ международной программы «Митрополит Иннокентий (Вениаминов) — просветитель Аляски и Якутии» (автор и генеральный координатор доцент Е.С. Шишигин, международный координатор доктор С.А. Мусалимас — Оксфордский университет):

1. Программа была поддержана во многих странах. Комитеты по проведению празднования 200-летия Иннокентия (Вениаминова) были созданы в Великобритании, Греции, Шотландии, Франции, Калифорнии и на Аляске (США). 1997 г. на Аляске был объявлен Годом отца Иоанна Вениаминова.

2. Проведены научные конференции: в марте 1996 г. в г. Мирном

— «Культура и проблемы возрождения духовности народа» (материалы конференции опубликованы); в сентябре 1996 г. в г. Уналашке (Аляска, США) — «Отец Иоанн Вениаминов и коренные жители Аляски», посвященная освящению после реставрации храма во имя Вознесения Господня, построенного Иннокентием Вениаминовым в 1826 г., в апреле 1997 г. — Вениаминовские чтения в г. Якутске, 14–15 апреля — в Оксфордском университете, в колледже Пембрук, 17–19 апреля — в Эдинбургском университете, в Центре по изучению христианства; 11–13 сентября 1997 г. в г. Якутске прошла Международная конференция «Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов) — просветитель Аляски и Якутии» (материалы конференции будут изданы); 9–10 декабря 1997 г. — симпозиум в университете Аляски (Фэрбенкс, США) «Иоанн Вениаминов и изучение народов Арктики». Во всех зарубежных конференциях принимали активное участие ученые, преподаватели и студенты Якутского государственного университета, его Мирнинского филиала. Были организованы выставки о жизни и деятельности Иннокентия (Вениаминова).

3. Изданы: библиографический указатель «Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов) — просветитель Аляски и Якутии» (Мирнинский филиал ЯГУ совместно с Национальной библиотекой), сборники материалов конференций, научные статьи в журналах «Наука и образование», «Вестник Академии духовности», «Полярная звезда», «Вилюйские зори», «Турук», «Мир Севера». Большим событием, несомненно, стало переиздание Московской благотворительной общиной «Якутский дом» известного труда И. Барсукова «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский», изданного в 1883 г. в Москве в Синодальной типографии. В связи с 200-летием Иннокентия Вениаминова компанией «АЛРОСА» издана книга Ф.Г. Сафронова «Православное христианство в Якутии». Переизданы также научные труды, письмо Святителя, воспоминания о нем.

4. Сняты короткометражные видеофильмы об Иннокентии (Вениаминове) и о проблемах духовного возрождения, сохранения культурно-исторических и архитектурных памятников. Проводились теле- и радиопередачи.

5. В рамках программы были реставрированы культовые памятники; построена часовня на территории Якутского государственного музея (бывшего Якутского Спасского мужского монастыря); установлены мемориальные доски; освящена после реставрации Никольская церковь, ныне Градоякутский Свято-Николаевский кафедральный собор.

6. В реализации программы приняли активное участие, выступили на конференциях и симпозиумах, опубликовали статьи практически все ведущие ученые, известные писатели, художники, журналисты, библиотечные и музейные работники нашей республики, такие как Д.К. Сивцев — Суорун Омоллон, А.Н. Осипов, В.Н. Иванов, Н.Г. Самсонов, А.Г. Новиков, П.А. Слепцов, О.Д. Якимов, С.Н. Горохов, Е.П. Гуляева и др., а также зарубежные церковные деяте-

ли и ученые — доктор С.А. Мусалимас (Оксфордский университет, Великобритания), доктор Л.С. Блэк (университет Аляски, США), Феодосий, митрополит Америки и Канады, глава Греческой православной церкви Великобритании архиепископ Григориус, епископ Каллистос (Оксфорд, Великобритания) и др.

7. Успешная реализация международной программы «Митрополит Иннокентий (Вениаминов) — просветитель Аляски и Якутии» способствовала повышению авторитета Мирнинского филиала Якутского государственного университета в пору его становления, приобщению студентов к научно-исследовательской работе. А итоговое мероприятие программы — Международная конференция «Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов) — просветитель Аляски и Якутии» — получило положительную оценку годичного Общего собрания Академии наук Республики Саха (Якутия) [3].

Большая работа по увековечению памяти Иннокентия (Вениаминова) проводилась по линии Русской православной церкви, под руководством архиепископа Якутского и Ленского Германа. Священный синод Русской православной церкви 10 октября 1996 г. принял программу празднования 200-летия со дня рождения Святителя Иннокентия, предусматривающую совершение праздничных богослужений, крестных ходов, освящение и закладку храмов и часовен, осуществление наименований в честь Святителя улиц и площадей, проведение научно-богословских конференций и семинаров, открытие юбилейных выставок, создание фильмов, издание жития и трудов Вениаминова.

В этом году наша республика отмечает 375-летие вхождения Якутии в состав Российского государства. 1 ноября 2006 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин издал указ № 1217 «О праздновании 375-летия вхождения Якутии в состав Российского государства и основания г. Якутска». 25 декабря 2006 г. издан указ Президента Республики Саха (Якутия) В.А. Штырова № 3106 «Об объявлении 2007 года в Республике Саха (Якутия) Годом 375-летия вхождения Якутии в состав Российского государства и основания города Якутска», утверждены юбилейные мероприятия, в рамках которых отмечается и 210-летие святителя Иннокентия (Вениаминова). По решению Московской патриархии, Якутской епархии с благословения Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II основные мероприятия пройдут в г. Москве с 4 по 9 декабря, 6 декабря планируется проведение Международной церковно-исторической конференции, посвященной Великому просветителю, миссионеру, церковному деятелю Иннокентию (Вениаминову).

Свой доклад хочу завершить словами Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II по случаю 200-летия со дня рождения святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского: «Опыт этого великого апостола-просветителя убедительно свидетельствует, что миссия Церкви имеет успех только тогда, когда в основу ее положены принципы уважения ко всякому народу и его культуре, ко святой человеческой личности».

И.И. Юрганова (Якутск)

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Якутском крае

Специфической чертой функционирования православной церкви Восточной Сибири в целом и в частности в Якутском крае стала ее миссионерская работа по христианизации коренных народов Российской империи, возведенная в ранг государственной задачи и представляющая интерес не только с точки зрения распространения православия среди коренного населения, но и с точки зрения цивилизационного влияния христианства в контексте целостного культурно-исторического развития этого обширного региона.

Государственная политика по обращению в православие народов северо-востока Азии прошла несколько этапов и окончательно оформилась к началу XX в. Принципы миссионерской деятельности православного духовенства складывались на протяжении столетий, и основной их составляющей должны были стать доброжелательность и ненасильственное распространение христианской веры в лице миссионеров, как образцов нравственного поведения.

Значительные территориальные пространства, низкая плотность населения, говорящего на своих языках, отсутствие упорядоченного транспортного сообщения определило особенности христианизации края. Хронологические рамки данного процесса охватывают конец XVII – первую половину XIX в., хотя отдельные прецеденты крещения язычников известны и в конце XIX в. Исследователи истории Якутии отмечали, что «в первое время, когда якуты были обращены в христианство, они совершенно не понимали новой религии и отбывали христианские обряды как государственную повинность», и справедливо подчеркивали, что «в XVII столетии не могло быть речи о широкой систематической организации дела просвещения христианством инородцев, различавшихся между собой племенным происхождением, религиозными верованиями, языком и бытом... Что могли сделать при подобных обстоятельствах люди, пришедшие, может быть, случайно, незнающие ни языка, ни обычаев и т. д.?» [1].

Первоначально функции миссионеров возлагались на приходское духовенство епархий, имевших в своем составе инославное население и язычников. Исследователи отмечают, что в середине XVII

– первой половине XVIII в. в Якутии не было миссионеров в полном значении этого понятия, так как не было миссионерских учреждений и «не были выяснены практикой жизни самые миссионерские приемы и методы», а самой «разумной мерой для успеха миссионерства (было. — *И. Ю.*) строительство православных храмов и монастырей» [2].

Начало миссионерской деятельности в крае, в церковно-административном отношении последовательно входившем в состав Тобольской, Иркутской, Камчатской и Якутской епархий, соотносится с учреждением Якутского Спасского монастыря (1663–1664 гг.), определявшего вектор развития православия на северо-востоке империи. Монахи обители Мелевсипп и Алексий, упоминаются в источниках как «миссионеры, просветившие этот край светом Евангелия»; в 1668 г. «черный поп Макарий (был. — *И. Ю.*) послан из Якутска для святительских дел за море на Индигиргу и на Алазейку и на Ковыму реки» [3]. Обязанностью первых восточносибирских священнослужителей наряду со строительством храмов и совершением христианских треб, было привлечение в лоно государственной религии языческого населения — крестить «безпрепятственно» в случае желания или просьбы. Правительство неоднократно напоминало якутским воеводам о необходимости миссионерско-просветительской деятельности духовенства. В наказе от 10 февраля 1644 г. воеводам В.Н. Пушкину и К.И. Супоневу разъяснялось: «А будет кто изъ ясачных людей похочет самовольно креститься, и тех людей велеть крестить, сыскать объ нихъ допряма, что свою-ли волею они хотятъ креститься, а крестя устраивать их в государеву службу...» [4]. Подобный указ был повторен в 1651 г. воеводе М.С. Лодыженскому и можно сделать вывод о том, что первые священнослужители Якутского острога были не только пастырями, но и миссионерами.

В XVIII в. политика миссионерства на восточных рубежах России претерпела некоторые изменения, связанные с правительственными мероприятиями, предусматривающими переход к массовой христианизации подданных и нашедшими выражение в регламентировании действий православного ведомства и четкой формулировке обязанностей священнослужителей. Указ 1714 г. об уничтожении «кумиров и кумирниц» предписывал «приводить всех иноземцев в христианскую веру», однако достаточно скоро высшие эшелоны власти осознали возможные итоги насильственного присоединения к православию и уже в 1719 г., по приговору Сената, было запрещено крестить иноверцев против их воли, а указом 1720 г. предоставлялась трехлетняя льгота новокрещеным от сборов и податей. В свою очередь Синод в 1725 г. издает постановление о раздаче подарков инородцам, принявшим православную веру. Перечень «одариваний» достаточно широк — серебряные кресты, суконные кафтаны, сапоги, украшения и т.д. Помимо подарков предусматривалась вы-

дача денежных средств — мужчинам не моложе 15 лет — 1 рубль 15 копеек, юношам 10–15 лет — 1 рубль, а мальчикам — 50 копеек, женщинам — 1 рубль, а девочкам моложе 12 лет — 50 копеек. В случае если православие принимали все члены семьи, то «в домы их (давалось. — *И. Ю.*) по иконе с изображением Спасителева образа или Богоматери с предвечным младенцем» [5].

Новая система «одаривания новокрещенных» вводилась по императорскому указу от 20 февраля 1763 г.: денежные и вещевые подарки отменялись (кроме крестиков и икон) и выдавались квитанции на трехлетнюю льготу по государственным повинностям [6]. Если неофит не состоял в ясаке, он имел право передачи своей квитанции некрещеному. После окончания срока действия льгот новокрещеный мог быть причислен к государственным крестьянам или вновь включен в список ясакоплательщиков [7]. Таким образом, используя рычаги государственной власти, Русская православная церковь в середине XVIII в. перешла к политике массовой христианизации народов северо-востока империи, продолжавшейся до введения в действия «Устава об управлении инородцами» (1822 г.).

В Якутском крае во второй половине XVIII в. существовал график поездок приходских священников по территории своих приходов, утвержденный духовными властями [8]. Прихожане, зная о времени прибытия священника, приходили в ближайший храм, и это является одной из основной причин большого количества часовен в Якутии, многие из которых были востребованы только во время приезда духовных лиц.

В 1764 г., на основании указа Сената, в Иркутской епархии были учреждены две должности веропроповедников (с жалованьем по 150 руб. в год), один из которых должен был обслуживать территорию Якутии. В сентябре 1765 г. веропроповедником Якутского края был назначен священник Верхневилюйской церкви Гр. Ноговицын: «трудолюбив, прилежен, немало якутских инородцев обратил в христианство и уже священствует свыше 20 лет. К тому же по-якутски говорит достаточно» [9]. В 1766 г. веропроповедником стал его брат Гавриил, посетивший в 1771 г. р. Алдан и Баягантайскую волость. По постановлению Иркутской губернской канцелярии и распоряжению Якутской воеводской канцелярии в поездках миссионера «для охранения и прочей надобности» сопровождали казаки, что свидетельствует о заинтересованности светской власти в результатах крещения [10]. Г. Ноговицыным «в 1766 г. с сентября месяца по январь 1767 г. окрещено... 17 муж. и 23 жен.; с 1 января 1767 г. по 11 июля того же года — 56 муж. и 33 жен.; с января 1768 г. по 6 июля — 84 муж. и 40 жен.; в том же 1768 г. с 26 июля по 11 декабря — 109 муж. и 80 жен.; в первой половине 1769 г. — 132 муж. и 111 жен.; во второй половине того же года — 64 муж. и 89 жен. Итого за два года 8 месяцев просвещено им якутов обоего пола

838 чел.» [11]. Из приведенной цитаты очевидно, что миссионерские поездки совершались не только летом, но и во время суровой якутской зимы. В ноябре 1777 г. новым веропроповедником и одновременно заказчиком Якутского края был назначен протопоп Дм. Перхуров, проживавший в Якутске и занимавшийся в основном административными вопросами Якутского заказа. Источники донесли имена некоторых священников-миссионеров, крестивших местное население: вилюйского — Дм. Гоголева, удского — И. Конюхова, охотского — Г. Громова.

В 1793–1794 гг. по территории Якутского края проходил путь монахов-миссионеров Валаамского и Коневского монастырей, направлявшихся на служение в Кодиакскую миссию Русской Америки. Члены миссии во время своего путешествия «усердно желающих якутов всюду, всюду крестили; где река пришла, тут и останавливаемся крестить» [12].

Первые сведения о походной церкви в Якутии относятся к концу XVIII – началу XIX в. и связаны с именем уроженца г. Зашиверска протоиерея Гр. Слепцова, которому согласно особому указу Св. синода было разрешено право иметь походную церковную утварь [13]. Служение Слепцова получило неоднозначную оценку в историографии. В 1899 г. в газете «Якутские епархиальные ведомости» в статье «Якутский веропроповедник протоиерей Григорий Слепцов» указывается, что миссионеры и особенно Слепцов занимались прежде всего «обогащением... своих собственных карманов» и разбором жалоб между инородцами. Такой же позиции придерживаются и некоторые современные исследователи [14]. Вероятно, следует согласиться, что моральные качества первых миссионеров Якутии, в частности Григория Слепцова, не всегда соответствовали их высоким задачам, но и невозможно отрицать факт того, что он был одним из первых православных священников, посетивших чукчей, дольше всех остававшихся язычниками на территории северо-востока Азии [15].

Необходимо учитывать, что деятельность священников-миссионеров проходила в чрезвычайно тяжелых условиях так объективного, так и субъективного характера. К первым следует отнести суровый климат, рассредоточенность населения — можно только представить, как одинокая повозка священника продвигается на север, среди глубоких снегов, трескучего холода или в весеннюю распутицу. Путешествия в отдаленные стойбища растягивались порой на несколько месяцев, из которых только 7–10 дней иерей выполнял свои непосредственные обязанности. Служение в отдаленных приходах Иркутской (впоследствии Камчатской и Якутской) епархии сопровождалось трудностями и материального характера. Задержки в получении жалованья и средств на путевые расходы исчислялись годами, и часто миссионеры и их семьи голодали. Государственная

и церковная власти по мере распространения и укрепления православия и учитывая многочисленные трудности служения на окраинах империи, разработали систему льгот и поощрений для якутского духовенства: выдача подвод и подорожных сумм, повышенный оклад жалованья, пайковые выплаты, пенсионное обеспечение и т. д., но тем не менее походное служение всегда оставалось трудным, а иногда и опасным видом миссионерской деятельности.

Указом Синода в 1844 г. в крае были созданы две походные церкви — Николаевская и Благовещенская с резиденцией в г. Якутске. Обязанностью походных причтов было приобщение к православию жителей отдаленных наслегов. Сорок три года из полувекового служения первого епископа Якутского и Вилюйского Дионисия (Хитрова) было посвящено миссионерству [16]. За десять лет служения при походных церквях им были совершены путешествия в 10 тыс. верст. В 1845 г. Николаевская походная церковь, при которой служил священник о. Димитрий, совершила путь к охотским тунгусам, впервые увидевшим чин христианского богослужения. Наряду с миссионерскими обязанностями священники-миссионеры изучали местные обычаи, образ жизни своей паствы, языки. Итогом многолетней лингвистической деятельности Д.В. Хитрова стало составление азбуки и грамматики якутского языка, переводы священных, богослужебных и духовно-нравственных книг на якутский язык.

Заключительным этапом в организации миссионерской деятельности в крае явилось создание миссий с четко разработанной внутренней структурой, когда «государственная заинтересованность в христианизации аборигенного населения российских окраин придала миссионерской деятельности православной церкви новый импульс активности» [17].

В отчете архиерея Камчатской епархии за 1868 г., в состав которой с 1856 г. входил Якутский край, указана Чаунская миссия и отмечено, что «новокрещенные охотно содействуют миссионерским поездкам миссионера-иеромонаха Петра Суворова» [18]. Влияние миссии распространялось на северо-восточную часть Якутской области, в пределах Колымского и части Верхоянского округов. Целью миссии определялась христианизация кочующих чукчей, при миссии действовала построенная в 1848 г. Чаунская церковь. В 1889 г. миссия, как структура уже самостоятельной Якутской епархии, была разделена на три миссионерских стана: Чаунский, Сен-Кёльский и Эломбальский, и состояла из шести духовных лиц [19]. В отчете обер-прокурора Св. синода за 1900 г. отмечено, что в Якутии с появлением православия миссионерские труды возложены на все приходское духовенство, так как почти каждый священник несет службу на обширной территории [20]. К началу XX в. помимо причтов походных церквей и миссий должности походных священников были при Оймяконской и Угулятской церквях.

Миссионеры-священники предпринимали длительные поездки по своему району, так, священник Михаил Петелин с мая по июль 1893 г. совершил путешествие «по берегу Ледовитого океана пешком с проводником из чукчей», священник Шилов более месяца находился в поездке к кочующим тунгусам, проделав свыше тысячи верст пути и проведя 14 ночей под открытым небом в снегу при сильном морозе [21].

С 1843 г. начинается миссионерское служение священника А. Аргентова; с 1850 г. — в Чауно-Чукотской миссионерской церкви Колымского округа [22]. В 1850–1852 гг. о. Андреем были составлены переписные листы на прихожан-чукчей, куда ежегодно заносилось от 200 до 300 имен новокрещеных. В миссионерских отчетах Аргентов указывал, что под влиянием христианства постепенно стали исчезать и некоторые чукотские обычаи, например, самоубийство стариков, многоженство, кровная месть и пр. — «сами чукчи смотрят на эти обычаи как на остаток язычества, достойный порицания» [23].

Длительное служение Аргентова на севере Якутии оказало пользу развивающейся сибирской науке. Еще до организации в Иркутске первого за Уралом научного учреждения, Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (СОИРГО), он по просьбе архиепископа Нила с 1849 г. стал вести наблюдения метеорологических условий Чаунской губы. Длительные занятия по изучению края привели о. Андрея в СОИРГО, в 1854 г. священнослужителю был вручен диплом на звание члена-сотрудника СОИРГО. Серебряной медали Общества был удостоен составленный Аргентовым словарь-разговорник чукотского языка с приложением описания его фонетических особенностей.

Подготовка кадров миссионеров для Восточной Сибири с 1854 г. осуществлялась на миссионерском отделении Казанской духовной академии, выступавшем в качестве координирующего центра православных миссий Сибири, где помимо изучения «инородческих» языков в учебный план были включены дисциплины по этнографии и религиозным верованиям, миссионерская педагогика.

В 1868 г. было создано Православное миссионерское общество, взявшее на себя обязанности организации и контроля миссионерской деятельности РПЦ, результатом которой стало оживление просветительской работы духовного ведомства. Следует заметить, что правительство, проявляя заинтересованность в функционировании Общества как распространителя верноподданнических настроений и грамотности среди населения окраин империи, тем не менее не предоставляло гарантий его материальной поддержки. Вопросы обеспеченности Общества и его региональных филиалов являлись обязанностью православных иерархов и решались во многом за счет членских взносов и добровольных жертвователей.

Организационное оформление Общества связано в том числе с замещением кафедры митрополита Московского и Коломенского Иннокентием (Вениаминовым), известным миссионером Сибири и Русской Америки, более четверти века посвятившим обращению в православие алеутов, креолов и представителей других северных народностей, членом-корреспондентом Российской академии наук [24]. Благодаря его ходатайствам и рекомендациям в 1840 г. была образована Камчатская, а в 1870 г. Якутская епархии. С 1853 по 1860 г. архиепископ Иннокентий проживал в Якутске, куда была перенесена кафедра архиерея Камчатского и где, как и ранее на Аляске, он занимался христианизацией местных жителей, переводом богослужебных книг на якутский язык, составлением учебников и словарей; открытием церковно-приходских школ и новых приходов. Архиепископ неоднократно указывал, что первым необходимым условием и самой важной задачей миссионера «является изучение местных языков и наречий для того, чтобы сделать православие более понятным и доступным для северных народов». В 1858 г. в Якутск из НовоАрхангельска была переведена духовная семинария, готовившая в том числе и миссионерские кадры Якутского края. В 1859 г. в Якутском Троицком соборе при участии архиепископа Иннокентия состоялась литургия на якутском языке.

В 1870 г., под председательством епархиального архиерея, был создан Якутский комитет православного миссионерского общества, обеспечивающий финансовое содержание миссионерского двухклассного училища и станов. В состав Комитета входило 89 членов, из них 26 — пожизненных и 63 — действительных. В этот же период одобрение светских и духовных властей получила школьная программа «для крещенных инородцев Восточной Сибири».

В конце XIX столетия, подводя некоторые итоги христианизации сибирских инородцев, архиепископ Иркутский и Нерчинский Вениамин [25] указывал, что «они вполне верят в превосходство христианства перед своей верою, ходят на молитву в православную церковь, ставят пред иконами свечи, служат молебны» и, считая процесс крещения интеграцией инородцев в русскую цивилизацию, подчеркивал, что «убеждение неверующего или сомневающегося есть исключительно дело церкви», государство же должно оказывать материальную помощь, выделяя средства на учреждение и содержание миссии [26]. Вениамин отмечал уважение, с которым сибирские народы относятся к православной вере, и указывал, что одним из главных условий сохранения этого уважения должна быть правильная постановка миссионерского просвещения в Сибири.

Результаты первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. зафиксировали 98 % исповедовавших православие в Якутской области, что составило самую большую численность

православного населения восточносибирских епархий, в Енисейской епархии — 96 %, в Томской — 89,6 %, Иркутской — 83,6 %, Забайкальской — 81 % и, несомненно, свидетельствовало об успехах миссионерства [27].

В 1910 г. в г. Иркутске состоялся региональный миссионерский съезд, в работе которого приняла участие делегация Якутской епархии во главе с епископом Якутским и Вилюйским Иннокентием (Пустынским) [28]. На съезде духовно-школьная деятельность и проповедничество на языке местного населения были признаны приоритетными направлениями развития миссионерской работы в Восточной Сибири.

Миссионерская деятельность РПЦ в Якутском крае прошла длительный путь развития, в ходе которого изыскивались и вырабатывались наиболее эффективные решения. Включенная в орбиту общегосударственных интересов и представляющая официальную религию государства Русская православная церковь применяла различные методы и способы христианизации населения региона, связанные с накоплением опыта и научных знаний, основными из которых стала просветительская, переводческая и духовно-учебная деятельность. Якутские миссионеры выступали не только в качестве проповедников православного учения, но и как знатоки и переводчики местных языков и наречий, культуры и быта народов, распространители грамотности и европейской культуры. Они наряду с членами академических экспедиций стали одними из первых исследователей географических, этнографических, лингвистических особенностей Якутии, специфики проживания в суровых условиях Севера, их работы использовались впоследствии светской наукой. Уместно утверждение о привнесении и распространении духовными лицами Якутии книжной культуры, в том числе и на якутском языке. Православной церкви принадлежала инициатива учреждения школ для новокрещеных, появившихся ранее, чем светские начальные учебные заведения. Определенную роль в эффективности деятельности миссии сыграл миссионерский Комитет, привлекавший благотворителей к участию в поддержке миссионерского труда.

Заслуги миссионерства в Якутском крае трудно переоценить. Даже во время господства воинствующего атеизма советские историки, оценивающие деятельность Русской православной церкви с позиций марксистско-ленинской идеологии, признавали прогрессивную роль православия в просвещении и культуре Восточной Сибири. Очевидно, что, выполняя государственные задачи по христианизации народов Севера, духовенство несло в наш суровый край свет добра и красоты, и задача современных исследователей состоит во всестороннем и многоаспектном изучении этого процесса.

Примечания

1. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. С. 85; Попов Г.А. Сочинения. Т. 1: История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области: Очерки по истории Якутии / сост. и отв. ред. Л.Н. Жукова, Е.П. Антонов. Якутск, 2005. С. 56.

2. Попов Г.А. Указ. соч. С. 56.

3. Якутские епархиальные ведомости. 1890. 1 мая. № 9. С. 134–140; Попов Г.А. Указ. соч. С. 61.

4. Якутские епархиальные ведомости. 1900. № 3. С. 32–33.

5. Шишигин Е.С. Распространение христианства в Якутии. Якутск, 1991. С. 21.

6. Подушная подать, рекрутчина, ясачная гоньба. Плательщики натурального налога пушниной (ясака) должны были в том числе предоставлять транспорт (оленей, лошадей, собак) для поездок административной власти.

7. Иркутские епархиальные ведомости. 1875. № 4. Прибавления, с. 39–40.

8. Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Т. 1. Д. 142.

9. Попов Г.А. Указ. соч. С. 86–87.

10. Там же. С. 90.

11. Там же.

12. Широков С., священник. Валаамский монастырь и американская православная миссия. История и духовные связи. М., 1996. С. 76.

13. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 270. Л. 264–278.

14. Старостина М.И. Деятельность протоиерея Григория Слепцова в Среднеколымском комиссарстве. Якутск, 2004.

15. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 10-и. Оп. 1. Д. 10. Л. 424–425 (об.); Д. 67. Л. 57; Якутские епархиальные ведомости. 1899. № 11. С. 167–168; Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / под ред. Н.Н. Дикова. Новосибирск, 1974. С. 102–103.

16. Хитров Дмитрий Васильевич (1818–1896), уроженец Рязанской губернии, окончил Данковское уездное духовное училище и Рязанскую духовную семинарию; направлен на миссионерское служение в Иркутскую епархию. С 1844 г. назначен священником походной миссионерской церкви в Якутской области. В 1851 г. возведен в звание миссионера. В 1858 г. назначен и.о. ректора Ново-Архангельской семинарии, в 1859 г. — настоятелем Градо-Якутской Преображенской церкви и уволен от должности миссионера, с 1862 г. — ректор Якутской духовной семинарии. В 1868 г. хиротонисан во епископа Якутского, викария Камчатской епархии. Ученик и сподвижник архиепископа Иннокентия (Вениаминова). С 1870 г. — первый архиерей самостоятельной Якутской епархии. В 1883 г. перемещен на Уфимскую кафедру. Член Императорского Географического общества, лингвист.

17. Харченко Л.Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). СПб., 2004. С. 25–34.

18. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1869. № 13. 29 марта. С. 169.

19. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1888 и 1889 гг. С. 244.

20. Всеподданнейший... за 1900 г. С. 143.

21. Всеподданнейший... за 1892 и 1893 гг. С. 365.

22. Аргентов Андрей Иванович (1816–1896), уроженец Нижегодской губернии, окончил духовную училище и семинарию. В 1841 г. был направлен на служение в Иркутскую епархию, в 1843 г. назначен священником Нижне-Колымской церкви, в 1850 г. — Чаунской миссионерской церкви, в 1858–1875 г. — иерей церквей Иркутской епархии.

23. Романцова Т. Подвиг православного служения // Земля Иркутская. 2000. № 14. С. 48.

24. Попов Иван Евсеевич (1797–1879), уроженец Верхоленского уезда Иркутской губернии, с 1823 г. — миссионер-священник в Русской Америке, затем архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский, с 1868 г. — митрополит Московский и Коломенский. Известный миссионер Сибири, Дальнего Востока и Аляски, член Синода, ученый — лингвист и этнолог, Почетный член Императорского Русского географического общества. В 1977 г. канонизирован и причислен к лику святых.

25. Благонравов Василий Антонович (1825–1892), уроженец Тамбовской губернии, окончил Тамбовское духовное училище и семинарию, Казанскую духовную академию, в 1849 г. принял монашество. С 1850 г. профессор церковной истории Казанской академии, с 1856 г. — архимандрит, в 1858 г. — ректор Томской духовной семинарии, в 1861 г. — ректор Костромской духовной семинарии и настоятель Игрицкого Богородицкого монастыря. С 1862 г. — епископ Иркутский и Нерчинский. Погребен в Иркутске в усыпальнице кафедрального собора.

26. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири в сочинениях Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского. СПб., 1885.

27. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. С. 2–3.

28. Пустынский Александр Дмитриевич (1869–1937), уроженец Вологодской губернии, окончил Вологодскую духовную семинарию, Киевскую духовную академию, обучался в Санкт-Петербургском Императорском археологическом институте. В 1894 г. пострижен в монашество. С 1895 г. — миссионер восточных штатов Америки, в 1903 г. хиротонисан во епископа Аляскинского, первого викария Алеутской и Северо-Американской епархии. С 1907 г. — временно управляющий Алеутской и Северо-Американской епархией. В 1909–1912 гг. — епископ Якутский и Вилюйский. В 1912 г. — епископ Туркестанский и Ташкентский. В 1918 г. возведен в сан архиепископа. В 1933 г. арестован, в 1937 г. расстрелян. Магистр богословия, духовный писатель, полиглот.

А.П. Ярков (Тюмень)

Из регионального опыта разрешения межконфессиональных проблем в XVIII в.

Очевидно, что к началу XVIII в. Сибирь представляла «поле господства» Русской православной церкви. Православная религия длительное время поддерживала духовно-нравственное самочувствие большинства пришлых европейцев, ставших со временем старожильческим населением края. Но дело осложнялось тем, что первыми служилыми людьми и переселенцами из европейской части государства здесь были по преимуществу люди вольные, бродячие, привыкшие относиться свободно к религии и нравственности. Руководство нравственным воспитанием должны были осуществлять православные монахи и священники. Поднять богословский и нравственный уровень местного духовенства и переселенцев, преодолеть религиозную разобщенность населения огромного региона можно было только в рамках строгой централизации церковно-иерархической структуры, что и было сделано в 1620 г. с подчинением всех православных Сибирской епархии. В крае к тому времени уже была пестрая этноконфессиональная ситуация, к тому же с 1603 г. сюда отправляли в ссылку людей, обвиненных «в ересном деле» [1]; в 1635 г. в деле Сибирского приказа о возвращении военнопленных, сосланных «в службу» и «на пашню», упоминаются не только «литовские [2], немецкие люди» (очевидно, что среди них были католики и протестанты), но и «жиды» (т. е. евреи-иудеи); несогласие с реформами патриарха Никона (середина XVII в.) привело к расколу в православии, в результате чего значительная часть верующих сибиряков (старообрядцы, староверы, раскольники) оказались в оппозиции РПЦ. Опасаться РПЦ потерять паству на вновь присоединенных территориях за Уралом были и другие причины.

Правительственные указы выражали заботу о православном просвещении подданных в Сибири, но при этом запрещали массовое крещение, в том числе попадавших сюда «иноземцев» (нередко их именовали и «иноверцами» [3], не отделяя от российских мусульман, иудеев и т. д.). Характерен указ «от великих государей Иоанна и Петра Алексеевичей» и их сестры царевны Софьи: «Буде которые иноземцы похотят креститься в православную христианскую веру

волею своею и их велеть принимать и крестить, а неволею никаких иноземцев крестить не велеть... Сибирь — государство дальнее и стоит меж бусурманских и иных вер многих земель, чтобы тем тобольских татар и бухарцев и иных земель приезжих иноземцев не отогнать и сибирскому государству никакого повреждения не учинить...».

Не были готовы к «диалогу религий» и другие. Так, Ю. Крижанич в труде «Политика» рекомендовал «избавиться в Сибири от немцев», причисляя к ним всех протестантов [4], которые здесь появлялись с XVII в., но особенно активно стали осваивать этот регион в начале XVIII в., представляя собой компактно расселенную группу. В этой связи заметим ошибочность тезиса И.В. Лоткина, что «первые ссыльные лютеранского вероисповедания появились в Сибири еще в середине XVIII в. ... появлению же первой лютеранской колонии в Сибири содействовал указ императора Павла I о заселения Забайкалья уголовными преступниками, изданный в 1799 г.» [5]. Истоки этой ошибки, как представляется, — в многотомном труде о латышах в Сибири, изданном в Риге в 1938–1939 гг. [6].

Дело в том, что в 1702 г. Петр I манифестом объявил свободу вероисповедания иностранцам, которые активно использовались в России, а с 1709 г., заметим, Тобольск стал центром крупнейшей в стране губернии, куда вошли Урал, Сибирь, Дальний Восток. Родилось и любопытное сравнение: «Москва — первопрестольная столица России, Тобольск — славная столица Сибири. В Тобольске все как в Москве: кремль, Спасская башня с часами, свои Бутырки, Арбат и Кокуй» [7]. Роль Кокуя выполнял Панин бугор, где с 1703 г. С.У. Ремезов организовал кирпичное производство [8], где позже и стало работать большинство военнопленных армии Карла XII, сосланных в этот город. Видимо, там и была построена в ноябре 1713 г. первая протестантская кирха.

Конечно, военнопленные размещались не только в Тобольске и не были только сторонниками пиетизма (в том же Тобольске жил уважаемый всеми военнопленными лютеранский пастор Г. Лариус). В Тюмень их должно было быть сослано в 1711 г. — 1 000, Туринск — 200, Тобольск — 3 000, Тару — 500, Березов — 200, Томск — 1 000, Мангазею — 100, Кузнецк — 500, Енисейск — 100, Красноярск — 100. Причем в Енисейск, Красноярск и Мангазею, специально оговаривалось, должны были направлять только офицеров [9]. Позже военнопленные оказались в Туруханске, Нерчинске, Якутске, Селенгинске, Илимске, Киренске, Пелыме, Нарыме, где, очевидно, также существовали небольшие общины верующих [10]. Иногда некоторым, как пастору Кулину, фэнрику Сконину, разрешали переезды из Тюмени в Тобольск «по собственной надобности и для покупки вина для причастия».

В 1721 г. вышел указ Святейшего синода, разрешавший лютеранам (как и католикам) из числа военнопленных жениться на православных, не отказываясь от своей вероопринадлежности, но запрещая православным принимать «чужую» веру, а рожденные в браке дети считались православными. В результате, когда было объявлено о возможности вернуться на Родину, военнопленные оказались перед выбором: вернуться без семьи или остаться здесь, приняв православие. Заметим, что после введения института надзирателей за регулярным и правильным отправлением обрядов новообращенными первыми надзирателями оказались А. Эск (принявший фамилию Андреев) и К. Берх — бывшие военнопленные-лютеране, обращенные в православие. Еще более поразительный случай — бывший священник Скараборгского полка Страндбек «...перекрестился в русскую веру и позже стал фискалом в Тобольске... Он так ретиво служил, что обижал своих бывших соотечественников и был нечист на руку» [11]. Поводом для принятия православия могли быть и иные причины. Так, например, известно, что ротмистр Нирот стал в Сибири иконописцем.

Но для большинства оставшихся, предполагаем, было важно, что они «не ждали лучшего в Швеции». После ратификации Ништадского мира 9 сентября 1721 г., который позволил военнопленным вернуться в Европу, Петр I 16 октября 1721 г. внес дополнения, среди которых был и пункт: «Принявших веру и присягу не отпускать, не высылать», навсегда закрывший им путь на Родину. Через год община пиетистов в Тобольске (куда съезжались для отправки все пленные) прекратила существование, как и частная школа [12].

Оставшихся лютеран из числа бывших пленных, а также ссыльных и состоявших на российской службе «иноземцев», разбросанных по просторам Сибири, обслуживали редкие священники, выстраивавшие на местах непростые отношения с РПЦ. Для Сибирской епархии дело осложнялось тем, что немало администраторов являлось протестантами. Более того, одно время обязанности лютеранского проповедника в пехотных и драгунских полевых полках выполнял, согласно указанию правительства, сам командир Сибирского корпуса генерал-поручик И. фон Шпрингер [13].

РПЦ активно противостояла распространению «иноверия», но не всегда эту политику могла проводить, т. к. государственная власть стремилась привлечь иностранцев к освоению края. Особенно это касалось духовного окормления экспедиционных отрядов, которые набирались «предпочтительно из русских, а не иноземцев» [14], но фактически «за малоимением же руских... выбраны ж желающие из иноземцев» [15]. В экспедициях, как правило, присутствовали православные монахи и священники.

Некоторые из них не чуждались и науки. Отправляясь во Вторую Камчатскую экспедицию, В. Беринг [16] между политический и географических задач имел и «приведения тамошней народ в христианскую веру», для чего надлежало включить 7 иеромонахов в ее состав [17], попутно доставляя на Камчатку священников-миссионеров [18]. Среди сопровождавших экспедицию был и иеромонах А. Мациевич (впоследствии митрополит Тобольский и Сибирский Арсений), участвовавший вместе со всеми в поиске Северного морского пути [19]. Одновременно ревностный протестант Беринг [20] обратился в Адмиралтейств-коллегию за разрешением платить из казны пастору Э. Милиесе: «понеже для себя и обретавшихся в моей команде служителей-иноземцев я нанял пастора» [21]. Любопытно, что лютеранину Милиесу (которого Беринг по дороге в Сибирь сам привел к присяге) вменялось обслуживать всех неправославных участников экспедиции (в т. ч. католиков): «по должности христианской в далности такой бес пастора пробыть невозможно» [22]. Сосуществование на одном пространстве небольшого судна православного и протестантского священников — не только парадокс времени, но и пример решения конкретных проблем «диалога религий», решавшегося на уровне личностей. Возглавлявшие экспедиции протестанты, конечно, стремились снять с себя обвинения в прозелитизме и ущемлении духовных запросов православных подчиненных. Известно, например, что для православных верующих Г. Стеллером приобреталась религиозная литература [23]. По традиции священникам доверяли не только окормлять иноземцев, но и выступать их поверенными в финансовых делах. Так, отправляясь в Камчатскую экспедицию, Стеллер уполномочил пастора Н. Винтера решать вопросы выплаты жалованья его жене [24].

Во времена правления Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II здесь находились сосланные шведы и финны, но ничего не известно об их духовном окормлении. Уникальным фактом является то, что к осужденному к ссылке в Березово бывшему вице-канцлеру А.И. Остерману специально прикрепили лютеранского пастора [25]. Нередко, в отсутствие священников, роль пастора выполняли сами прихожане. Так, сосланный в Пелым бывший генерал-фельдмаршал Б.-Х. Миних после смерти пастора Мартенса в 1749 г. взял на себя эту функцию. Протестантское присутствие в крае было осенено именами и других ссыльных — бывших вельмож: регента Российской империи графа Э.И. Бирона, генерал-фельдмаршала графа Б.-Х. Миниха, рижского губернатора Бисмарка и др. [26]. К тому времени в Тобольске, Тюмени, Омске, Пелыме, Петропавловске, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Барнауле уже служило немало российских немцев: врачей, офицеров. Так, например, на пограничных линиях в XVIII

в. служило от 50 до 100 немцев. В частности, в Ширванском пехотном полку в 1789 г. из 58 офицеров 7 были немцами, а в Нашебургском полку таких было 6 чел. Род их занятий требовал сбора и анализа различной информации, но наряду с военными целями капитан Генезер, военный инженер И. Мальмс, военные врачи Тилле и Беренц изучали природу и народонаселение Алтая и Северного Казахстана [27]. Для духовного окормления военнослужащих были учреждены вакансии разъездных лютеранских пасторов в Барнауле (1751 г.) и Омске (1769 г.), которые подчинялись Оренбургскому приходу [28]. Надо сказать, что сами священники являлись достаточно любознательными людьми, чтобы ограничиться пасторскими функциями: И.Б. Лейбе, И.Г. Лютер занимались сбором и систематизацией материалов по истории, естествознанию края, а назначенный в 1764 г. пастором на Колывано-Воскресенские заводы Э.(К.)Г. Лаксман стал позднее даже академиком Российской академии наук [29].

Совершенно случайно закончили свой жизненный путь в Сибири: естествоиспытатель, учившийся теологии в Виттенбергском университете Стеллер — в 1746 г. в Тюмени; в 1796 г. у почтовой станции Древлянка Тобольской губернии — лютеранский пастор и исследователь края Лаксман. По существовавшей традиции лютеран не могли хоронить на православных или мусульманских кладбищах [30], но общество нашло выход — известные ученые были погребены за оградой православных кладбищ.

В 1767 г. Екатериной II был утвержден доклад военной коллегии об учреждении в Тобольске (и других городах) «по одному полевому пастору лютерского закону». Указ 1768 г. предполагал, что полевые пасторы будут отправлять богослужения в домовых церквях, т. е. фактически у себя на квартире. Специально для аренды им выплачивались деньги. В марте 1768 г. в церкви святого Петра в Петербурге для служения в Тобольске был рукоположен И.Г. Лютер, но вскоре он был переведен в Омск, где лютеран было больше. Здание лютеранской кирхи в Омске построено в 1792 г., что было вызвано большим количеством лютеран, выходцев из прибалтийских немцев среди старших офицеров и чиновников [31], но в ее приходе позже состояли и 25 семейств ссыльнопоселенцев из Ишимского округа (колонии Рыжкова/Рыжково), которое, по одному из источников, было основано в 1799 г. [32]. Трудно определить этнический состав этих поселян: по одному варианту — финны, по другому — эстонцы, по третьему — корлаки-ижорцы, по четвертому — немцы и латыши [33], но несомненно, что их объединила здесь религия — лютеранство.

Деятельность протестантских священников и наставников была связана с пребыванием здесь немногочисленных военных и граж-

данских чиновников, купцов, ремесленников различного вероисповедания, но, что немаловажно, она демонстрирует пример реального «диалога религий».

Примечания

1. См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: коллективная монография. Ч. 1 / под ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2006. С. 9.

2. В Сибири в период ее российского завоевания была группа служилых и казаков «из литвинов/литвы», позднее полностью ассимилированных и крещеных.

3. Т. е. не исповедующие православие. «Ясашными иноверцами» в XVIII в. в Сибири называли всех в ясачном подданстве аборигенов, хотя в XVII в. существовала терминологическая разница в обозначении крещеных и некрещеных «ясачных людей».

4. Эйхельберг Е.А. Немцы в Тюменской области: история и современное положение. Тюмень, 1999. С. 7.

5. Лоткин И.В. Прибалтийская диаспора Сибири: история и современность: учеб. пособие. Омск, 2003. С. 30.

6. Rizkova // Latviesu konversacijas vardnica. Riga, 1938–1939. Sl. 36375.

7. Цит. по: Надточий Ю.С. Тобольский музей-заповедник. Екатеринбург, 1988. С. 154.

8. Филь С. Панин бугор в Тобольске (новый взгляд на этимологию оронима) // Сибирское богатство. 2000. № 1 (2). С. 163.

9. Шебалдина Г.В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. М., 2005. С. 42–43.

10. Государственный архив Тюменской области. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3145. Л. 6.

11. Petrelli T.J. Ufa sviten // Karolinska Forbundets Arsbok. Stockholm, 1914. S. 183.

12. Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 30.

13. Ерофеева И.В. Конфессиональные процессы среди немецкого населения Казахстана во второй пол. XVIII – нач. XX вв. // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1998. С. 59.

14. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: Морские отряды / сост. Наталья Охотина-Линд, Петер Ульф Меллер. М., 2001. С. 189.

15. Там же. С. 196.

16. Там же. С. 65.

17. Там же. С. 78, 87, 522–523.

18. Там же. С. 159.

19. Сулоцкий П.А. К жизнеописанию Тобольского, а после Ростовского митрополита Арсения Мациевича; его промемории в Тобольскую губернскую канцелярию; его мнимая могила в Верхнеудинске // Чтения в Обществе истории и древности российских. М., 1864.

20. Сын церковного попечителя в Хорсенсе.

21. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730–1733. Ч. 1: Морские отряды. С. 245.

22. Там же. С. 246.

23. Г.В. Стеллер. Письма и документы. 1740. М., 1998. С. 237.

24. Там же. С. 83.

25. Елфимов В.И. О предлагаемом проекте памятника А.И. Остерману // Словцовские чтения-2003: материалы докл. и сообщ. XV Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Тюмень, 2003. С. 36.

26. Зуев А.С., Миненко Н.А. Секретные узники сибирских острогов (Очерки политической ссылки второй четверти XVIII в.). Новосибирск, 1992. С. 156.

27. Бургарт М. Из истории немецких поселений в Восточном Казахстане (нач. XX века – 1941 г.). Усть-Каменогорск, 1999. С. 9.

28. Ерофеева И.В. Указ. соч. С. 59.

29. Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. Барнаул, 1997. Т. 2. С. 207.

30. Гашев С., Соромотин А. В сердцах потомков // Тюменская правда. 1988. 17 марта.

31. Лебедева Н.И., Рыженков В.Г. Омск. «Город на границе государства Российского...» Историческая мозаика. СПб., 2001. С. 23.

32. См.: Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928.

33. См.: Лоткин И.В. Указ. соч. С. 30–32.

РЕШЕНИЯ III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «РУССКАЯ АМЕРИКА» г. Иркутск, 8–12 августа 2007 г.

Участники III Международной научной конференции «Русская Америка», заслушав и обсудив внесенные в программу доклады и сообщения, сочли необходимым вынести следующие решения:

1. Признать удачным начало деятельности образовавшейся в 2006 г. Совместной Сибирско-Аляскинской исследовательской группы по изучению Русской Америки (Joint Siberia-Alaska Research Group on Russian America), явившейся инициатором и одним из организаторов проведения в г. Иркутске III Международной научной конференции «Русская Америка».

2. Признать целесообразной выдвинутую на конференции идею создания международной ассоциации специалистов, занимающихся исследованиями по теме «Русская Америка».

3. Продолжить изучение вопроса о возможности создания в Иркутске музея Российско-американской компании и историко-культурного центра «Русская Америка» на базе здания бывшей конторы Российско-американской компании (ул. Сурикова, 24).

4. Поддержать инициативу Совместной Сибирско-Аляскинской исследовательской группы по изучению Русской Америки в сфере организации обменных российско-американских передвижных выставок по теме «Русская Америка».

5. Поддержать инициативу Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» по изучению возможности реконструкции и музеефикации основанного в 1784 г. Э.Г. Лаксманом и А.А. Барановым Тальцинского стекольного завода (по результатам археологических и исторических исследований).

6. Поддержать инициативу потомков Я.И. Линденау, Заларинского районного краеведческого музея и администрации Заларинского района по проработке возможности увековечения памяти исследователя Сибири и Дальнего Востока XVIII в. Якоба Иоганна Линденау созданием ему памятника в г. Иркутске.

7. Подготовить к печати сборник материалов III Международной научной конференции «Русская Америка».

8. Продолжить проведение международных конференций по теме «Русская Америка» поочередно в США и России с периодичностью раз в 3 года. IV Международную научную конференцию «Русская Америка» (2010 г.) провести в г. Ситка (штат Аляска), V Международную научную конференцию «Русская Америка» (2013 г.) провести в г. Якутске (Республика Саха /Якутия/).

RESOLUTIONS OF III INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «RUSSIAN AMERICA» Irkutsk-city, 8–12 August 2007

The participants of III International Scientific Conference «Russian America» after hearing and discussing the reports and the information inscribed in the program considered necessary to pass the following resolutions:

1. To consider successful the beginning of the activity started in 2006 of Joint Siberia-Alaska Research Group on Russian America, being the initiator and one of the organizers of conducting the III International Scientific Conference «Russian America» in Irkutsk.

2. To consider expedient the idea of creation of International Association of specialists engaged in investigations on the subject «Russian America».

3. To continue the investigation of the matter of opportunity of creation of Russian-American Company Museum and Historical and Cultural Center «Russian America» in Irkutsk on the base of building of former Russian-American Company office (Surikov Street, 24).

4. To take up the initiative of Joint Siberia-Alaska Research Group on Russian America in study of Russian America in the sphere of organization of exchange Russian-American mobile exhibitions on the subject «Russian America».

5. To take up the initiative of Architectural and Ethnographic Museum «Talci» for study of opportunity of reconstruction and creation of museum of Glass Factory founded in 1784 by E.G. Laxman and A.A. Baranov (by results of archeological and historical investigations).

6. To take up the initiative of the descendants of J.I. Lindenau, of Museum of local lore of Zalary district and of Zalary district Administration for study the opportunity for perpetuating the memory of the explorer of Siberia and Far East of XVIII century Jacob Iohann Lindenau with putting up his monument in Irkutsk.

7. To prepare for publishing the collected materials of III International Scientific Conference «Russian America».

8. To continue the conducting of International Conferences on the subject «Russian America» in turns in USA and Russia with periodicity once in 3 years. To conduct IV International Conference «Russian America» (2010) in Sitka (state of Alaska), to conduct V International Conference «Russian America» (2013) in Yakutsk (Republic Sakha/Yakutia/).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
АЛКО — Американская паровозостроительная компания
АН РС (Я) — Академия наук Республики Саха (Якутия)
ВСОИРГО — Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГАВО — Государственный архив Вологодской области
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ГАОО — Государственный архив Одесской области
ГАПО — Государственный архив Пермской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГРМ — Государственный Русский музей
ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской академии наук
ДВФСО АН СССР — Дальневосточный филиал Сибирского отделения Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ИЕВ — Иркутские епархиальные ведомости
ИИАЭНДВ ДВО РАН — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
ИРИ РАН — Институт российской истории Российской академии наук
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МАИЭ — Музей археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МГУ — Московский государственный университет
МИД — Министерство иностранных дел
МПС — Министерство путей сообщения
НБ РС (Я) — Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)
ПГОМ — Приморский государственный объединенный архив
РА — Русская Америка
РАЕН — Российская академия естественных наук
РАК — Российско-американская компания
РАН — Российская академия наук
РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	—	Российская государственная библиотека
РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	—	Российский государственный исторический архив
РГИА ДВ	—	Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РПЦ	—	Русская православная церковь
РЭМ	—	Российский Этнографический музей
СО РАН	—	Сибирское отделение Российской академии наук
СПб. ф. ИРИ РАН	—	Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук
ССОД	—	Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами
СОИРГО	—	Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ФРИА	—	Ассоциация интерпретаторов истории Форта Росс
ЦГА РС (Я)	—	Центральный государственный архив Республики Саха (Якутия)
ЦГА ЯАССР	—	Центральный государственный архив Якутской Автономной Советской Социалистической Республики
ЦДНИИО	—	Центр документации новейшей истории Иркутской области
ЭИМ	—	Эстонский исторический музей
ЯАССР	—	Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белгородская Людмила Вениаминовна — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой философии и истории Института цветных металлов и золота Сибирского Федерального университета, г. Красноярск. E-mail: Ludmila@color.krasline.ru

Белоглазова Светлана Борисовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: beloglazov1@yandex.ru

Biddison Dawn — Assistant Curator, Smithsonian Institution, Arctic Studies Center, Alaska Office. Anchorage, Alaska, USA. E-mail: BiddisonDD@ci.anchorage.ak.us

Black Dawn Lea — Managing Member of company «Erdman Rentals», Kodiak, Alaska, USA. E-mail: cajoda@gci.net

Василенко Марина Валерьевна — заместитель директора по научной работе Музея истории города Иркутска, г. Иркутск. E-mail: museum@irk.ru

Вышар Наталия Ивановна — старший научный сотрудник Государственного Исторического музея, г. Москва. E-mail: shkurko@shm.ru

Галлямова Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор, зам. директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ludagal@mail.ru

Гаращенко Алексей Николаевич — историк, генеральный директор ООО НПФ «Земля Иркутская», г. Иркутск. E-mail: ieditor@mail.ru

Глацкова Лариса Анатольевна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Иркутского государственного университета путей сообщения, вице-президент общественной детско-молодежной организации «Краеведческий клуб „Иркутск — Форт Росс“», г. Иркутск. E-mail: laranka@rambler.ru.

Гончарова Светлана Владимировна — кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск. E-mail: s_gonchar@yahoo.com

Горбунов Анатолий Геннадьевич — старший преподаватель факультета профессионального иностранного языка Удмуртского

государственного университета, г. Ижевск. E-mail: votka@udmnet.ru

Гордеева Ольга Георгиевна — ведущий научный сотрудник Государственного Исторического музея, г. Москва. E-mail: shkurko@shm.ru

Dilliplane Timothy (Ty) L. — Instructor, Social Science Department, Massachusetts Maritime Academy. Buzzards Bay, Massachusetts, USA. E-mail: TLDILLIPLANE@aol.com

Емельянова Елена Владимировна — вице-президент общественной детско-молодежной организации «Краеведческий клуб „Иркутск — Форт Росс“», старший преподаватель кафедры психодиагностики и дисциплин специализации Иркутского государственного педагогического университета, г. Иркутск. E-mail: edu@irk.ru

Ермаков Артем Валерьевич — кандидат исторических наук, докторант Московского государственного педагогического университета, г. Москва. E-mail: konservator@rambler.ru

Ермолаев Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного университета, г. Кемерово. E-mail: kafoi@history.kemsu.ru

Ерохин Владимир Иванович — кандидат химических наук, старший научный сотрудник, дважды лауреат Государственной премии в области науки и техники, полковник в отставке, г. Москва. E-mail: fvrls@mail.ru

Ерохин Федор Владимирович — экономист, юрист, генеральный директор ООО «Русская Правовая Служба», г. Москва. E-mail: fvrls@mail.ru

Ерыкалова Юлия Павловна — директор Тотемского межмуниципального музейного объединения, г. Тотьма, Вологодская область. E-mail: ross@vologda.ru

Зорин Александр Васильевич — кандидат исторических наук, главный хранитель фондов Курского государственного областного музея археологии, г. Курск. E-mail: tlingit@mail.ru.

Исаев Андрей Юрьевич — научный сотрудник Лаборатории древних технологий Иркутского государственного технического университета, г. Иркутск. E-mail: archeo@istu.edu

Казарян Павел Левонович — доктор исторических наук, профессор Якутского государственного университета, академик РАЕН. E-mail: kazaryan1955@mail.ru

Калашникова Наталья Моисеевна — доктор культурологии, зав. отделом Российского Этнографического музея, г. Санкт-Петербург. E-mail: ethnonataly@mail.ru

Каргаполова Наталия Александровна — ведущий научный сотрудник Государственного Исторического музея, г. Москва. E-mail: kargapolovan@mail.ru

Клементьев Алексей Михайлович — старший преподаватель

кафедры психологии Иркутского государственного технического университета, г. Иркутск. E-mail: archeo@istu.edu

Колычев Владимир Георгиевич — президент Московского историко-просветительского общества «Русская Америка», г. Москва. E-mail: russianamerica@rambler.ru

Корсун Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела народов Америки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург. E-mail: Sergei.Korsun@kunstkamera.ru

Crowell Aron — Dr., Director, Smithsonian Institution, Arctic Studies Center, Alaska Office. Anchorage, Alaska, USA. E-mail: crowella@si.edu

Крючкова Маргарита Николаевна — старший научный сотрудник Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея, г. Каргополь, Архангельская область.

Крючкова Тамара Александровна — кандидат исторических наук, зам. директора по фондовой работе Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск. E-mail: talci@irk.ru

Кычкин Роман Романович — старший научный сотрудник отдела истории Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского Республики Саха (Якутия), г. Якутск. E-mail: museum1891@mail.ru

Longenbaugh Dee — Historian, Juneau, Alaska, USA. E-mail: deelong@alaska.com

Лынша Ольга Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории Уссурийского государственного педагогического институа, г. Уссурийск, Приморский край. E-mail: linsha@mail.ru

Маджаров Александр Станиславович — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: mas@home.isu.ru

Майничева Анна Юрьевна — доктор исторических наук, зам. заведующего отделом музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск. E-mail: annmaini@gmail.com

McMahan J. David — Alaska State Archaeologist, Office of History and Archaeology, Alaska Department of Natural Resources. Anchorage, Alaska, USA. E-mail: dave.mcmahan@alaska.gov

Мартынов Анатолий Иванович — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, зам. директора по научной работе государственного историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская писаница», г. Кемерово. E-mail: skala@kemnet.ru

Нефедьева Александра Карповна — заслуженный работник культуры РФ, главный специалист Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск. E-mail: talci@irk.ru

Новиков Павел Александрович — кандидат исторических наук,

доцент Иркутского государственного технического университета, г. Иркутск. E-mail: novikov7@zmail.ru

Павлов Александр Анатольевич — зам. директора по научной работе Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары, г. Братск, Иркутская область. E-mail: bgom@list.ru

Parkman Breck — Senior State Archaeologist. Petaluma, California, USA. E-mail: BPARKMAN@parks.ca.gov

Петров Александр Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва. E-mail: Alaska13@yandex.ru

Питерская Елена Сергеевна — Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва. E-mail: elenasp2003@mail.ru

Роббек Зоя Михайловна — директор МУ «Нижнеколымский музей истории и культуры народов Севера», пос. Черский, Нижнеколымский район, Республика Саха (Якутия). E-mail: muzey@cher.sakha.ru

Робонен Елена Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Института цветных металлов и золота Сибирского Федерального университета, г. Красноярск. E-mail: gf@color.krasline.ru; severpolus@newmail.ru

Самсонова Валентина Андреевна — директор Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), заслуженный работник культуры РФ и Республики Саха (Якутия), г. Якутск. E-mail: v_samsonova47@mail.ru; nlib@sakhanet.ru

Сергеев Олег Игоревич — кандидат исторических наук, зав. отделом истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: ihae@eastnet.febras.ru

Сивцева Элеонора Эллеевна — ученый секретарь Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, г. Якутск. E-mail: museum1891@mail.ru

Старцев Анатолий Федорович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: starcev.42@mail.ru

Стерхова Инга Владимировна — ведущий археолог отдела археологии Центра сохранения историко-культурного наследия, г. Иркутск. E-mail: nucleus27@mail.ru

Сысоева Людмила Антоновна — зав. отделом истории Красноярского краевого краеведческого музея, г. Красноярск. E-mail: museum@kkkm.ru

Тарасенко Дмитрий Борисович — старший преподаватель кафедры философии, культурологии и истории Дальневосточного го-

сударственного технического рыбохозяйственного университета, г. Владивосток, E-mail: tarasenko-70@mail.ru

Типикина Любовь Александровна — зав. информационно-издательским сектором Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Словцова, г. Тюмень. E-mail: kmuseum@tmn.ru

Титов Владимир Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного педагогического университета, ведущий методист Иркутского областного историко-мемориального музея декабристов, г. Иркутск. E-mail: t21aigin@rambler.ru

Тихонов Владимир Викторович — кандидат культурологии, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», г. Иркутск. E-mail: talci@irk.ru

Федорова Татьяна Сергеевна — главный специалист Российского государственного архива Военно-морского флота, г. Санкт-Петербург. E-mail: rgavmf@mail.rcom.ru

Харинский Артур Викторович — доктор исторических наук, профессор, декан факультета права, социологии и средств массовой информации Иркутского государственного технического университета, г. Иркутск. E-mail: kharinsky@istu.edu

Хороших Владимир Алексеевич — кандидат исторических наук, директор Рыльского авиационного технического колледжа Гражданской авиации, г. Рыльск, Курская область. E-mail: ratkga@mail.ru

Шахеров Вадим Петрович — кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета, г. Иркутск. E-mail: okn@oknio.ru

Шишигин Егор Спиридонович — кандидат исторических наук, директор Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, г. Якутск. E-mail: museum1891@mail.ru

Юрганова Инна Игоревна — кандидат исторических наук, главный специалист Комитета государственной архивной службы Республики Саха (Якутия), г. Якутск. E-mail: kgas@sakha.ru; inna@sakha.ru

Ярков Александр Павлович — доктор исторических наук, зав. сектором изучения этноконфессиональных отношений Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, профессор кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета, г. Тюмень. E-mail: ayarkov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Belgorodskaya Ludmila Veniaminovna — Candidate of historical sciences, Reader, Chief of Chair of Philosophy and History of Institute of non-ferrous metals and gold of Siberian Federal University, Krasnoyarsk-city. E-mail: Ludmila@color.krasline.ru

Beloglazova Svetlana Borisovna — Candidate of historical sciences, Senior scientific worker of Institute of history, archaeology and ethnography of peoples of Far East of FED RAS, Vladivostok-city. E-mail: beloglazov1@yandex.ru

Biddison Dawn — Assistant Curator, Smithsonian Institution, Arctic Studies Center, Alaska Office. Anchorage, Alaska, USA. E-mail: BiddisonDD@ci.anchorage.ak.us

Black Dawn Lea — Managing Member of Company «Erdman Rentals», Kodiak, Alaska, USA. E-mail: cajoda@gci.net

Crowell Aron — Dr., Director, Smithsonian Institution, Arctic Studies Center, Alaska Office. Anchorage, Alaska, USA. E-mail: crowella@si.edu

Dilliplane Timothy (Ty) L. — Instructor, Social Science Department, Massachusetts Maritime Academy. Buzzards Bay, Massachusetts, USA. E-mail: TLDILLIPLANE@aol.com

Emelianova Elena Vladimirovna — Vice-President of public children-youth organization «Local Lore Club `Irkutsk — Fort Ross`», Senior instructor of Chair of psycho-diagnostics and specialization disciplines of Irkutsk State Pedagogical University, Irkutsk-city, E-mail: edu@irk.ru

Ermakov Artem Valerievich — Candidate of historical sciences, doctor-instructor of Moscow State Pedagogic University, Moscow-city. E-mail: konservator@rambler.ru

Ermolaev Alexey Nicolaevich — Candidate of historical sciences, reader of Kemerovo State University, Kemerovo-city. E-mail: kafoi@history.kemsu.ru

Erokhin Vladimir Ivanovich — Candidate of historical schiences, senior scientific worker, State Prize twice laureate for science and technique, retied colonel, Moscow-city. E-mail: fvrls@mail.ru

Erokhin Fedor Vladimirovich — Economist, lawyer, Director General of PLC «Russian Legal Service», Moscow-city. E-mail: fvrls@mail.ru

Erykalova Yulia Pavlovna — Director of Tot`ma inter-municipal

museum association, Tot`ma-town, Vologda region. E-mail: ross@vologda.ru

Fedorova Tatiana Sergeevna — Chief specialist of Russian State Archives of Navy, Saint-Petersburg-city. E-mail: rgavmf@mail.rcom.ru

Galliamova Ludmila Ivanovna — Doctor of historical sciences, Professor, Deputy Director of scientific work of Institute of history, archaeology and ethnography of Far East peoples of FEB RAS, Vladivostok-city. E-mail: ludagal@mail.ru

Garashchenko Alexey Nikolaevich — historian, Director General of PLC NPF «Land of Irkutsk», Irkutsk-city. E-mail: ieditor@mail.ru

Glatskova Larisa Anatolievna — Senior Instructor of Chair of foreign languages of Irkutsk State University of means of communication, Vice-President of Public children-youth organization «Club of Local Lore `Irkutsk-Fort Ross`». Irkutsk-city. E-mail: laranka@rambler.ru

Goncharova Svetlana Vladimirovna — Candidate of historical sciences, Deputy Director of scientific work of Khabarovsk territory N.I. Grodekov Museum of Local Lore, Khabarovsk-city. E-mail: s_gonchar@yahoo.com

Gorbunov Anatoliy Guennadievich — Senior Instructor of Faculty of professional foreign language of Udmurt State University, Izhevsk-city. E-mail: votka@udmnet.ru

Gordeeva Olga Georgievna — Leading scientific worker of State Museum of History, Moscow. E-mail: shkurko@shm.ru

Isaev Andrey Yurievich — Scientific worker of ancient technology laboratory of Irkutsk State Technical University, Irkutsk-city. E-mail: archeo@istu.edu

Kalashnikova Natalia Moiseevna — Doctor of culture sciences, Chief of department of Russian Ethnographic Museum, Saint-Petersburg-city. E-mail: ethnonataly@mail.ru

Kargapolova Natalia Alexandrovna — Leading scientific worker of State Historical Museum, Moscow-city. E-mail: kargapolovan@mail.ru

Kazarian Pavel Levonovich — Doctor of historical sciences, Professor of Yakutsk State University, Academician of RANS. E-mail: kazaryan1955@mail.ru

Kharinskiy Artur Victorovich — Doctor of historical sciences, professor, dean of faculty of law, sociology and mass media of Irkutsk State Technical University, Irkutsk-city. E-mail: kharinsky@istu.edu

Khoroshikh Vladimir Alexeevich — Candidate of historical sciences, director of Rylsk Flying Technical College of Civil Aviation, Rylsk-town, Kursk region. E-mail: ratkga@mail.ru

Klementiev Alexey Mikhailovich — Senior instructor of Chair of psychology of Irkutsk State Technical University, Irkutsk-city. E-mail: archeo@istu.edu

Kychkin Roman Romanovich — Senior scientific worker of history department of Em. Yaroslavskiy Yakutsk State associated museum of history and culture of North peoples of Republic Sakha (Yakutia), Yakutsk-city. E-mail: museum1891@mail.ru

Kolychev Vladimir Georgievich — President of Moscow historical enlightening society «Russian America», Moscow-city. E-mail: russianamerica@rambler.ru

Korsun Sergey Anatolievich — Candidate of historical sciences, Senior scientific worker of America Peoples Department of Peter-Great Museum of anthropology and ethnography (kunstkamera), Saint-Petersburg-city. E-mail: Sergei.Korsun@kunstkamera.ru

Kriuchkova Margarita Nikolaevna — Senior scientific worker of Kargopol State history, architecture and art museum, Kargopol-town, Arkhangelsk region.

Kriuchkova Tamara Alexandrovna — Candidate of historical sciences, Deputy director of fund work of Architectural and Ethnographic Museum «Talci», Irkutsk-city. E-mail: talci@irk.ru

Longenbaugh Dee — Historian, Juneau, Alaska, USA. E-mail: deelong@alaska.com

Lynsha Olga Borisovna — Candidate of historical sciences, reader, chief of chair of native history of Ussuriysk State Pedagogic Institute, Ussuriysk-city, Seaside territory. E-mail: linsha@mail.ru

Madzharov Alexander Stanislavovich — Doctor of historical sciences, Professor of Irkutsk State University, Irkutsk-city. E-mail: mas@home.isu.ru

Mainicheva Anna Yurievna — Doctor of historical sciences, Deputy Chief of museum science department of Institute of archaeology and ethnography of SB RAS, Novosibirsk-city. E-mail: annmaini@gmail.com

McMahan J. David — Alaska State Archaeologist, Office of History and Archaeology, Alaska Department of Natural Resources. Anchorage, Alaska, USA. E-mail: dave.mcmahan@alaska.gov

Martynov Anatoliy Ivanovich– Doctor of historical sciences, Professor, Academician of RANS, deputy director of scientific work of State Historical, Cultural and Natural Museum-Reservation «Tomsk Painting», Kemerovo-city. E-mail: skala@kemnet.ru

Nefedieva Alexandra Karpovna — Honored culture worker of RF, Chief specialist of Architectural and Ethnographic Museum «Talci», Irkutsk-city. E-mail: talci@irk.ru

Novikov Pavel Alexandrovich — Candidate of historical sciences, reader of Irkutsk State Technical University, Irkutsk-city. E-mail: novikov7@zmail.ru

Pavlov Alexander Anatolievich — Deputy Director of scientific work of Bratsk municipal associated museum of history of Angara development, Bratsk-town, Irkutsk region. E-mail: bgom@list.ru

Parkman Breck — Senior State Archaeologist. Petaluma, California, USA. E-mail: BPARKMAN@parks.ca.gov

Petrov Alexander Yurievich — Doctor of historical sciences, Leading scientific worker of Institute of General History of RAS, Moscow-city. E-mail: Alaska13@yandex.ru

Piterskaya Elena Sergeevna — Institute of ethnology and anthropology of RAS, Moscow-city. E-mail: elenasp2003@mail.ru

Robbek Zoya Mikhailovna — Director of MU «Lower Kolyma museum of history and culture of North peoples», settlement Cherskiy, Lower Kolyma region, Republic Sakha (Yakutia). E-mail: muzey@cher.sakha.ru

Robonen Elena Victorovna — Candidate of historical sciences, reader of Institute of non-ferrous metals and gold of Siberian Federal University, Krasnoyarsk-city. E-mail: gf@color.krasline.ru; severpolus@newmail.ru

Samsonova Valentina Andreevna — Director of national library of Republic Sakha (Yakutia), Honored culture worker of RF and Republic Sakha (Yakutia), Yakutsk-city. E-mail: v_samsonova47@mail.ru; nlib@sakhanet.ru

Sergeev Oleg Igorevich — Candidate of historical sciences, Chief of history department of Far East of Russia of Institute of history, archaeology and ethnography of Far East peoples of FEB RAS, Vladivostok-city. E-mail: ihae@eastnet.febras.ru

Shakherov Vadim Petrovich — Candidate of historical sciences, reader of Irkutsk State University, Irkutsk-city. E-mail: okn@oknio.ru

Shishigin Egor Spiridonovich — Candidate of historical sciences, Director of Em. Yaroslavskiy Yakutsk State associated museum of history and culture of North peoples, Yakutsk-city. E-mail: museum1891@mail.ru

Sivtseva Eleonora Elleevna — Scientific Secretary of Em. Yaroslavskiy Yakutsk State associated museum of history and culture of North peoples, Yakutsk-city. E-mail: museum1891@mail.ru

Startsev Anatoliy Fedorovich — Doctor of historical sciences, Chief scientific worker of department of ethnography, ethnology and anthropology of Institute of history, archaeology and ethnography of Far East peoples of FEB RAS, Vladivostok-city. E-mail: starcev.42@mail.ru

Sterkhova Inga Vladimirovna — Leading archeologist of archaeology department of Center of preserving of historical and cultural heritage, Irkutsk-city. E-mail: nucleus27@mail.ru

Sysoeva Ludmila Antonovna — Chief of history department of Krasnoyarsk territory museum of local lore, Krasnoyarsk-city. E-mail: museum@kkkm.ru

Tarasenko Dmitriy Borisovich — Senior instructor of Chair of philosophy, culture science and history of Far East State Technical University of fishing economy, Vladivostok-city. E-mail: tarasenko-70@mail.ru

Tipikina Lubov Alexandrovna — Chief of information and edition sector of Tiumen regional I.Ya. Slovtsov Museum of Local Lore, Tiumen-city. E-mail: kmuseum@tmn.ru

Titov Vladimir Yurievich — Candidate of historical sciences, reader of Irkutsk State Pedagogic University, leading methodologist of Irkutsk regional historical and memorial museum of Decembrists, Irkutsk-city. E-mail: t21aigin@rambler.ru

Tikhonov Vladimir Victorovich — Candidate of culture sciences, Director of Architectural and Ethnographic Museum «Talci», Irkutsk-city. E-mail: talci@irk.ru

Vasilenko Marina Valerievna — Deputy Director of scientific works of Museum of History of Irkutsk-city, Irkutsk. E-mail: museum@irk.ru

Vyshar Natalia Ivanovna — Senior scientific worker of State Museum of history, Moscow-city. E-mail: shkurko@shm.ru

Yurganova Inna Igorevna — Candidate of historical sciences, Chief specialist of Committee of State archives service of Republic Sakha (Yakutia), Yakutsk-city. E-mail: kgas@sakha.ru; inna@sakha.ru

Yarkov Alexander Pavlovich — Doctor of historical sciences, chief of sector for study of ethnic confessional relations of Institute of humanitarian researches of Tiumen State University, Professor of chair of archeology, history of Ancient World and Middle ages of Tiumen State University, Tiumen-city. E-mail: ayarkov@rambler.ru

Zorin Alexander Vasilievich — Candidate of historical sciences, Chief fund curator of Kursk State Regional Museum of Archaeology, Kursk-city. E-mail: tlingit@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Белгородская Л.В. Освещение истории открытия, освоения и продажи Аляски в англо-американских энциклопедических изданиях XX в. 5

Белоглазова С.Б. Социальные аспекты деятельности Российско-американской компании: проблема сохранения общественного здоровья 16

Блэк Даун Ли. Наталья Шелихова и влияние ее личного присутствия и поздних писем на местное население Аляски, как подтверждено археологией острова Кодьяк и шаманской выставкой в музее «Тальцы» в Иркутске, Россия 25

Василенко М.В. Охотская флотилия как фактор социально-экономического развития Тихоокеанского региона в XVIII в. 34

Галлямова Л.И. Российско-американская компания и освоение Северной Пасифики 44

Гаращенко А.Н. Постройки Иркутска, связанные с Российско-американской компанией 53

Глацкова Л.А. Интегративно-культуроведческий аспект в обучении английскому языку как технология развития личности (на основе деятельности Иркутского городского историко-краеведческого клуба «Иркутск — Форт Росс») 72

Гончарова С.В. Исследования С.Ф. Понятовского и проблемы этногенеза коренных народов Приамурья 79

Горбунов А.Г. Побратимские связи как эффективный инструмент развития российско-американских отношений 89

Горбунов А.Г. Российско-американские отношения: миссия выполнима? 99

Гордеева О.Г., Вышар Н.И. Памятники по истории миссионерства в собрании ГИМ 110

Диллиплэйн Тимоти (Тай) Л. Исследование русского культурного изменения и устойчивости в Русской Америке: первоначальные результаты 115

Диллиплэйн Т., Исаев А.Ю., Клементьев А.М., МакМэхан Дж., Стерхова И.В., Харинский А.В. Исследования у здания конторы Российско-американской компании в Иркутске 133

Емельянова Е.В., Паркмэн Б. Интерактивные методы в музейной педагогике на примере государственного парка-музея Форт Росс (США) 148

Ермаков А.В. Кризис государственного управления в Российской

империи 1825–1833 гг. и судьбы Русской Америки 155
Ермолаев А.Н. Кяхта в истории Русской Америки 161
Ерохин В.И., Ерохин Ф.В. Там, за суровым Тихим океаном . 172
Ерыкалова Ю.П. Русская Америка и Тотьма 177
Зорин А.В. Катлиан, вождь киксади. Непримиримый воин или реальный политик? 185
Казарян П.Л. Роль города Якутска в присоединении Северо-Востока Сибири к Русскому (Российскому) государству (XVII–XVIII вв.) 193
Калашникова Н.М. Сведения о внешности и одежде местного населения в «Записках» К.Т. Хлебникова 207
Каргаполова Н.А. Государственный Исторический музей и его американские выставки. 1999–2006 гг. 213
Колычев В.Г. Российско-Американская научно-исследовательская экспедиция «Русское открытие Америки. По следам великих мореплавателей» (Поиск свидетельств о пропавших у берегов Аляски моряках пакетбота «Св. Павел», 1741 г.) 225
Корсун С.А. Рисунки П.Н. Михайлова по народам Русской Америки 242
Кроуэлл Арон, Биддисон Даун. Участие в познании: совместное изучение и выставка Смитсоновских этнологических собраний Аляски и Восточной Сибири 247
Крючкова М.Н. Александр Андреевич Баранов как личность 256
Крючкова Т.А. Иркутские страницы земной жизни святителя Иннокентия Вениаминова 264
Кычкин Р.Р. Представители Якутского округа на службе в Российско-американской компании. Середина XIX в. 272
Лонгенбау Ди. Александр Баранов против иеромонаха Гидеона 280
Лынша О.Б. Деятельность православных миссионеров по развитию школьного образования среди коренных народов Нижнего Амура во второй половине XIX в. 295
Маджаров А.С. И.Е. Попов-Вениаминов (свт. Иннокентий) и историк А.П. Щапов из Анги. Проблема «фигуры умолчания» в отечественной историографии XIX–XXI вв. 308
Майничева А.Ю. Форт Росс: характерные черты архитектуры русской крепости на Американском континенте 321
МакМэхан Дж. Дэвид. Обзор археологии Русской Америки: прошлое, настоящее и будущее 328
Мартынов А.И. Об общих исторических ценностях Северной Азии и Америки 344
Нефедьева А.К. История дома святителя Иннокентия Вениаминова в с. Анга 350
Новиков П.А. Особенности американской интервенции в Сибири: железнодорожные поставки 362

Павлов А.А. Шаманство у эвенков севера Иркутской области в XX в. (По материалам Братского городского музея) 371
Петров А.Ю. Основные направления новейших отечественных исследований и перспективы в изучении истории Русской Америки 375
Питерская Е.С. Политика Российско-американской компании в отношении креольского населения колоний 390
Роббек З.М. Анюйская ярмарка 399
Робонен Е.В. Восточная Сибирь в системе российско-американских культурных связей в конце XX в. 407
Самсонова В.А. Библиографический указатель «Michail Z. Vinokouroff» 418
Сергеев О.И. Русская православная церковь в Северной Америке в первой половине XX в. 422
Сивцева Э.Э. Образ «Мирового древа» в русской и якутской культуре 432
Старцев А.Ф. Этногенетические и культурные особенности чжурчжэней и удэгейцев 438
Сысоева Л.А. Последнее пристанище камергера 446
Тарасенко Д.Б. Этнографические наблюдения Н.В. Кирилова на Аляске в 1905 г. 458
Типикина Л.А. От Тюмени до Америки 465
Титов В.Ю. Количественно-качественный анализ публикаций по проблеме «история Российской Аляски» в газетной и журнальной прессе с 1985 по 2007 г. (контент-анализ публикаций) 476
Тихонов В.В. Перспектива сохранения материальных носителей культуры, связанных с русской колонизацией Северо-Запада Америки 489
Федорова Т.С. Лаврентий Алексеевич Загоскин — на службе Российско-американской компании (По известным материалам и новым документам из Национального архива США) 498
Хороших В.А. Увековечение памяти Г.И. Шелехова – Колумба Росского 507
Шахеров В.П. Становление Русской Америки как фактор расширения экономического пространства России 513
Шишигин Е.С. Митрополит Иннокентий (Вениаминов) и его место в истории народов Аляски, Восточной Сибири и Дальнего Востока 519
Юрганова И.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Якутском крае 526
Ярков А.П. Из регионального опыта разрешения межконфессиональных проблем в XVIII в. 536
Решения III Международной научной конференции «Русская Америка» 543
Список сокращений 545
Сведения об авторах 547

CONTENT

Belgorodskaya L.V. The Interpretation of the History of Discovery, Developing and Sale of Alaska in English-American Encyclopedic Editions of XX century 5

Beloglazova S.B. The Social Aspects of Activity of Russian-American Company: the Problem of Preserving of Public Health 16

Black Dawn Lea. Nataliia Shelikhova and the Effect of Her Personal Presence and Later Letters on the Native People of Alaska as Substantiated by the Archeology of Kodiak Island and Shamanic Display at the Taltsi Museum in Irkutsk, Russia 25

Vasilenko M.V. The Okhotsk Flotilla as a Factor of Social and Economic Development of Pacific Region in XVIII century 34

Galliamova L.I. The Russian-American Company and Developing of North Pacific 44

Garashchenko A.N. The Buildings of Irkutsk bound up with Russian-American Company 53

Glatskova L.A. The Integrative and Culture Scientific Aspect in English Language Training as a Development Process of the Person (on the Base of Activity of Irkutsk Municipal Club of History and Local Lore «Irkutsk – Fort Ross») 72

Goncharova S.V. The Investigations of S.F. Poniatovsky and the Problems of Ethnic Genesis of Local Peoples of Amur Region 79

Gorbunov A.G. The Adopted Brother Links as the Effective Means of Development of Russian-American Relations 89

Gorbunov A.G. The Russian-American Relations: Is it Feasible Mission? 99

Gordeeva O.G., Vyshar N.I. The Memorials of Missionary Work History in Collections of State Museum of History 110

Dilliplane Timothy (Ty) L. Investigating Russian Cultural Change and Stability in Russian America: Initial Results 115

Dilliplane T., Isaev A.Yu., Klementiev A.M., McMahan D., Sterkhova I.V., Kharinsky A.V. The Investigations near the Building of Russian-American Company Office in Irkutsk 133

Emelianova E.V., Parkman B. Interactive Methods in Museum Pedagogy after the Example of State Part-Museum «Fort Ross» . 148

Ermakov A.V. The Crisis of State Government in Russian Empire 1825–1833 and the Fortunes of Russian America 155

Ermolaev A.N. Kiakhta in History of Russian America 161

Erokhin V.I., Erokhin F.V. There, Outside the Rigorous Pacific 172
Erykalova Yu.P. Russian America and Tot`ma 177
Zorin A.V. Katlian, the Chief of Kiksadies. Uncompromising Fighting Man or Real Political Figure? 185
Kazarian P.L. The Part of Yakutsk in Annexation of North East Siberia to Russian State (XVII – XVIII centuries) 193
Kalashnikova N.M. Knowledge on Appearance and Clothes of Local Peoples in «Itinerary» of K.T. Khlebnikov 207
Kargapolova N.A. The State Museum of History and its American Exhibitions. 1999–2006 213
Kolychev V.G. Russian-American Scientific Research Expedition «Russian Discovery of America. In the Tracks of Great Seafarers» (Search of Evidences about the Sailors of Boat «St. Pavel» Perished near the Seashores of Alaska, 1741) 225
Korsun S.A. The Pictures of P.N. Mikhailov of Russian America Peoples 242
Crowell Aron, Biddison Dawn. Sharing Knowledge: Collaborative Study and Exhibition of the Smithsonian Alaska and Eastern Siberia Ethnology Collections 247
Kriuchkova M.N. Alexander Andreevich Baranov as a Personality 256
Kriuchkova T.A. Irkutsk Pages of Terrestrial Life of Saint Innokentiy Veniaminov 264
Kychkin R.R. The Representatives of Yakutsk Region Being into Service in Russian-American Company. The Middle of XIX century 272
Longenbaugh Dee. Alexandr Baranov versus Hieromonk Gideon 280
Lynsha O.B. The Activity of Orthodox Missionaries for Developing the School Education among the Local Peoples of the Lower Amur in Second Half of XIX century 295
Madzharov A.S. I.E. Popov-Veniaminov (St. Innokenty) and the Historian A.P. Shchapov from Anga. The Problem of «Person in Failure to Mention» in Native Historiography of XIX–XXI centuries 308
Mainicheva A.Yu. Fort Ross: The Architecture Distinctive Features of Russian Fortress in American Continent 322
McMahan J. David. An Overview of the Archaeology of Russian America: the Past, Present, and Future 328
Martynov A.I. On General Historical Values of North Asia and America 344
Nefedieva A.K. The History of Saint Innokentiy Veniaminov`s House in village Anga 350
Novikov P.A. The Peculiarities of American Intervention in Siberia: the Railway Deliveries 362

Pavlov A.A. The Shamanism of Evenks of North Irkutsk Region in XX century (By the Materials of Bratsk Municipal Museum) 371
Petrov A.Yu. The Principal Trends of the Latest Native Researches and the Perspectives of Study of Russian America History 375
Piterskaya E.S. The Policy of Russian American Company with Respect to Creol Peoples of Colonies 390
Robbek Z.M. The Fair in Aniuy Fortress 399
Robonen E.V. East Siberia in the System of Russian-American Cultural Relations in the End of XX century 407
Samsonova V.A. Bibliographic Index «Mikhail Z. Vinokouroff» 418
Sergeev O.I. The Russian Orthodox Church in North America in First Half of XX century 422
Sivtseva E.E. The Image of «World Tree» in Russian and Yakutian Culture 432
Startsev A.F. Ethnogenetic and Cultural Features of Chzhurchzheney and Udegey Peoples 438
Sysoeva L.A. The Last Shelter of Gentleman in Attendance 446
Tarasenko D.B. The Ethnographic Observations of N.V. Kirilov in Alaska, 1905 458
Tipikina L.A. From Tiumen up to America 465
Titov V.Yu. The Quantitative and Qualitative Analysis of Publications on the Problem «History of Russian Alaska» in Newspaper and Journal Press since 1985 till 2007 (Content Analysis of Publications) 476
Tikhonov V.V. The Preserving of Material Culture Bearers bonded with Russian Colonization of North-West America 489
Fedorova T.S. Lavrentiy Alexeevich Zagoskin – into service of Russian-American Company (By Known Materials and New Documents from National Archives of USA) 498
Khoroshikh V.A. The Immortalization of Memory of G.I. Shelekhov — the Russian Columb 507
Shakherov V.P. The Formation of Russian America as a Factor of Economic Area Expansion of Russia 513
Shishigin E.S. The Metropolitan Innokenty (Veniaminov) and his Place in History of Peoples of Alaska, East Siberia and Far East 519
Yurganova I.I. The Missionary Work of Russian Orthodox Church in Yakutsk Territory 526
Yarkov A.P. From Regional Experience of Inter-Confessional Problem Settlement in XVIII century 536
Resolution of III International Scientific Conference «Russian America» 543
List of abbreviations 545
Information about authors 547

Научное издание

РУССКАЯ АМЕРИКА

Материалы III Международной научной конференции «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.)

Материалы конференции публикуются
в авторской редакции с минимальными
редакционными поправками

Ответственный за выпуск: Ю.П. Лыхин

Корректор: Г.Д. Лопатовская
Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подписано в печать 12.12.07. Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 35,25. Уч.-изд. л. 31,3.
Тираж 500 экз. Заказ № 6730.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»,
г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101,
тел. 203–144, 255–970